

Мақс Домнин
Изгнанниқи Менаантра

Книга первая

Менантр умер, те кому повезло, оказались на родине предков. Родриго Амадо один из везунчиков, его спас случай, но новый мир, застрявший в средневековье, встречает потомка нескончаемой вереницей войн и заговоров. К интригам человеческих королей, добавляется борьба между расами населяющими мир предков. В смертельной схватке сошлись эльфы, гномы и люди. Но все это уже неважно, потому что за Родриго идут Братья, разрушители Менантра.

Глава 1

По расквашенной дороге неспешно плелись понурые лошади. Всадники мерно раскачивались в седлах, укрывшись от непогоды под широкими плащами. Отряд вышел из Аргиса четыре дня назад, и всю дорогу над ним висели тучи, изливая на головы путников потоки осенней влаги. Потянуло свежим ветерком, и в нос ударила нестерпимая вонь горелых тряпок, паленой плоти и потревоженного навоза. Родриго Амадо поднял голову, так, чтобы глубокий капюшон не мешал смотреть вперед. Водяная пыль брызнула в лицо рыцаря.

Амадо много лет прослужил коннетаблем при старом короле Амората, но Благословенный Инан умер, и его место занял недостойный потомок, принц Сигизмунд. Нового короля больше интересовала охота, чем вопросы государственного управления, и вьедливый коннетабль впал в немилость.

Дорога впереди слегка изогнулась, поворачивая к границам Сальяда, соседнего Аморату королевства, показались черные остовы сгоревших хат. Не въезжая в деревню, рыцари спустились с лошадей, и привязав животных к кряжистой иве, разбрелись по пепелищу.

Амадо прошелся вдоль улицы вглядываясь в уже поплывшие следы на липкой земле. Чуть больше недели назад, в столицу пришло известие, о нападении на Чистые воды. Тогда коннетабль удивился, кому могла понадобиться захудалая деревенька, да еще расположенная на королевской земле. Немного погодя посыльный доставил приказ от Сигизмунда, в котором король требовал скорейшего разрешения вопроса. Его Величество настояли, на том, чтобы расследование вел сам коннетабль. Родриго пришлось подчиниться воле монарха, и сутки спустя, отряд из двадцати человек потащился к границам королевства.

Внимание коннетабля привлек след подковы. Он вгляделся в расплывшийся полукруг, сомнения отпали, на суровое лицо напозло удивление.

— Анри! — прозвучал сухой голос Амадо, нарушая пугливую тишину мрачного места.

— Ваша Светлость? — на зов подошел высокий, щеголеватого вида рыцарь, с пышными усами пшеничного цвета, и холодным взглядом серых глаз.

— Что скажешь? — коннетабль ткнул хлыстом в отпечаток.

Анри склонился к земле, и задумчиво произнес.

— Это точно не разбойники.

— Угу, и кто же это по-твоему?

— Похоже на след рыцарской лошади... Это след боевого коня — нехотя уточнил Анри.

— Вот и я так думаю — удовлетворенно отозвался коннетабль. — Анри осмотри улицу, надо понять откуда пришли налетчики.

Анри кивнул и осторожно обходя лужи на разбитой дороге, направился к окраине деревни, туда, где начиналась главная улица поселения. Следопыт шел не спеша, внимательно вглядываясь в мешанину из отпечатков, застывших на раскисшей земле. Главная улица прорезала деревню насквозь. По обеим ее сторонам выстроились два десятка домов, которые сейчас превратились в обгоревшие остовы. Чуть поодаль, за деревней, выглядывал дом кузнеца. Мастерская сильно выдавалась в поля, потому пострадала меньше остальных домов. Сохранилась кузня с горном, колодец, дом, едва тронутый огнем.

Похоже его догадки не беспочвенны. Раз Анри видит рыцарей, значит скорее всего так оно и есть. Тем более, что Лакруа считается одним из лучших следопытов, при дворе.

Любимчик Сигизмунда, такой же страстный охотник, как и король, он часто сопровождал монарха в его бесконечных выездах на природу. Амадо догадывался, что в его отряде Анри Лакруа глаза короля, потому не жалел молодого фаворита Сигизмунда.

— Интересно, что здесь делали рыцари? Зачем им жизни грязных селян? — спросил Амадо, скорее у себя, чем у присутствующих.

— Совершенно точно не убогий скарб этих бедолаг — отозвался сухой старик с желтым, вытянутым лицом, на котором неприлично выдавался горбатый нос. Омьен исполнял в отряде должность походного лекаря.

— Да? — проговорил Амадо.

— Все имущество на месте, даже скот в стойлах — пояснил старик. — Похоже на провокацию.

— Провокация и есть. Вот только чья? — протянул коннетабль.

В голове роились догадки, кто-то специально пытается разжечь конфликт между Аморатом и Сальядом. Соседи на протяжении тридцати лет вели борьбу за наследство Симеона Богатого. После смерти старого короля осталось два указа о наследнике в которых оба его сына от разных жен получали корону, тогда еще единого королевства Астурии. В результате разгорелась война между отцом Инана Тугом Широкий, и Колмом Суровым, отцом Войтека. Два года братья сражались за наследство, пока в ситуацию не вмешался Верховный жрец Альфред Скюло. Глава Единой Церкви остановил братоубийственную войну. Пользуясь духовным авторитетом, он сумел усадить противников за стол переговоров. В итоге три месяца споров разрешились годичным перемирием, и первым разделом Астурии на два королевства. Так появились Аморат и Сальяд, в первом на трон сел Туго Широкий, во втором Колм Суровый. Не прошло и года, как сучилась новая война, теперь спор шел за приграничные города Вранки и Черный. Обладание этими территориями давало преимущество каждой из сторон. Черный металлургический центр севера, очень интересовал бедный ископаемым железом Сальяд, в то время как Аморат нуждался в стратегическом плацдарме, который позволял бы постоянно угрожать соседу. Лучше всего на эту роль подходила территория Вранки, которая широким клином вдавалась в земли Сальяда. Второй город интересовал Туго как дополнительный источник пополнения казны. К тому же король Амората посчитал глупым отдавать центр производства оружия врагу.

Во время войны Колм умер от лихорадки, и на престол взошел его сын Войтек. Нового короля отличала неумемная энергия, и он решительно взялся за обустройство Сальяда. В течении пяти лет Войтек создал сильнейшую в регионе конницу, после чего в битве под Вранками разбил войска Амората. В сражении погиб король Туго, и страну возглавил Совет опекунов, при малолетнем короле Инане. Войска Сальяда дошли до столицы королевства, города Аргис, но взять его у Войтека не хватило сил. И снова Верховный жрец посадил противников за стол переговоров. Мирный договор заключенный между Советом опекунов и Войтеком оставлял спорные города за Сальядом. Спустя пятнадцать лет, молодой Инан взял управление королевством в свои руки. И два года спустя молниеносным ударом отбил спорные территории. А еще через год в Аморат пришли войска Войтека. Тогда-то в битве у озера Хана, и состоялось знакомство Инана с Родриго Амадо. К этому моменту война для Амората складывалась неудачно, дело шло к разгрому, а казна трещала по швам. Битва под стенами замка Фарнет, где армия Инана одержала первую победу в до того бесславной войне, остановила неудержимую конницу Сальяда. Затем последовали еще две битвы с тем же результатом. Войтек запросил мира, и по итогам переговоров города отошли Аморату.

Неожиданные победы молодого короля многих удивили, о полководческих талантах Инана слагали легенды, в то же время мало приметный Родриго Амадо занял свое место при короне, получив должность коннетабля.

Чистые воды располагались аккуратно возле Вранок, поэтому разорение деревни недвусмысленно намекало на причастность к нападению рыцарей Войтека.

— Убийцы въехали в деревню сразу с двух сторон. Это ловушка — доложил вернувшийся Анри.

Амадо кивнул головой, соглашаясь со следопытом. Значит ехали резать. Убийцы сразу закрыли единственную улицу с обоих концов, а затем пошли по домам, потому и нет выживших. Это спланированное убийство.

Чистые воды! — задумчиво проговорил Амадо. — Всегда удивлялся почему грязные, провонявшие навозом закутки, называют такими благозвучными именами?

— Наверное даже селяне тянутся к прекрасному — предположил Григорий, телохранитель Амадо.

Коннетабль, удивленно приподняв бровь, покосился на рыцаря.

Григорий Артуа, наследник древнего аристократического рода, которому повезло родиться младшим из десяти детей, в семье, где рождались одни мальчики, с юности служил оруженосцем в чужом доме. Затем продавал свои военные таланты в качестве наемника, пока его не приметил Амадо. Коннетабль сделал Григория своим вассалом, пожаловав ветерану несколько сел за верную службу. Негласно он и Роси Бургет отвечали за охрану коннетабля, что исполняли с особым рвением, потому что именно благодаря Амадо обрели статус и земли.

Послышался шум, кто-то громко закричал. Со стороны кузницы доносился плач вперемешку с неумелой бранью. Вскоре показался Рамон де Ортега, рыцарь тащил за руку девочку лет семи. Она попыталась его пнуть, и оскользнувшись на грязной жиже повалилась на бок. Не смотря на неудачу, девочка не сдавалась, ловко повернувшись она уперлась ногами в раскисшую дорогу стараясь вырвать руку, но сил не хватило и хрупкое тельце вновь опрокинулось в грязь.

— Выжившая? — спросил коннетабль.

— Да, похоже она единственная. Выудил эту фурию в колодце на заднем дворе у кузнеца — рыцарь тяжело дышал, преодолевая упорное сопротивление малявки.

Дотащив ее до товарищей, Ортега оттолкнул от себя худышку. Девочка упала на зад, и пытаясь прикрыться подтянула коленки к подбородку, затравленно глядя на обступивших ее воинов. Они улыбались, и отпускали скабрзные шуточки в адрес бойкой девочки.

Бунтарка поняла, что ей ничто не угрожает, и затихнув, исподлобья разглядывала мужчин. Все они не молодые, усастые и бородатые, казались страшными, но несмотря на суровость их лиц, она видела, что рыцари не опасны.

— Кто ты? Как тебя зовут? — спросил Амадо, разглядывая выжившую.

Девочка продрогла, ее руки и ноги посинели от холода. Ночная рубашка промокла и прилипла к худым плечам. Две русые косички уныло повисли по обе стороны, открытого черноглазого личика, ее носик еще маленький и аккуратно, упрямо уставился на Амадо.

— Марика! — словно огрызаясь представилась скандалистка.

— Что здесь случилось?

— Не знаю! Я ничего не видела! — дробно стуча зубами, выкрикнула Марика.

— Ладно, здесь мы от нее ничего не добьемся. Ортега возьми ее к себе в седло,

поговорим с ней в доме управляющего! — приказал коннетабль, рыцарю средних лет, с пышными черными усами.

Ортега недовольно хмыкнул и покосился на ребенка, но перечить не посмел, лишь пробурчал.

— Ага, сейчас она еще и коня покусает.

***

Глубокой ночью отряд въехал во двор усадьбы управляющего. Коней тут же приняли дворовые, вышколенные обслуживать высоких гостей. Несмотря на поздний час управляющий со всей семьей встречал коннетабля на высоком крыльце огромного дома.

— Любезно прошу Вас Ваше Сиятельство проходить в дом, тут у нас тепло, и стол накрыт. Давно уж ждем вас гости дорогие — елеино поприветствовал Семен Овчина, коннетабля. Управляющий коронными землями уже пятнадцать лет служил королю Сигизмунду верой и правдой. Его дом в Стыри слыл самой красивой усадьбой Амората. За долгие годы управления Овчине удалось многое сберечь и приумножить для короны, и еще больше для себя.

Вокруг суетилась челядь, помогая разоблачаться после трудного похода. Гостям дали возможность привести себя в порядок, и вскоре вся компания сидела за богато обставленным столом.

Тепло и сытный ужин сморили рыцарей в сон. Марика пригелась у камина, на медвежьей шкуре, расстеленной возле огня. Позже девочку перенесли в людскую. Овчина сам ухаживал за знатными гостями, боясь показаться нерадивым хозяином перед коннетаблем, человеком, которого он мог, не сомневаясь назвать вторым после короля.

Вскоре и Амадо почувствовал усталость, ему отвели самую лучшую комнату в доме, где гостя ждала теплая постель с грелкой, и смазливой девицей.

Среди ночи раздался стук в дверь, коннетабля мгновенно выбросило из сна. Прошлепав босыми ногами по ледяному полу, он открыл дверь. На пороге стоял управляющий, руки Овчины тряслись, а бледное лицо говорило, что случилось что-то страшное.

— Что? — теряя последние остатки сна спросил Амадо.

— Господин коннетабль, сегодня в ночь, в Гвоздовке... Тоже, что и в Чистых Водах! — севшим от волнения голосом, просипел управляющий.

— Который час? — строго спросил Амадо, натягивая рубаху.

— Четвертый! Сейчас, сейчас Ваше Сиятельство я позову Клару, она Вам поможет... — суетился управляющий.

— Да не нужно мне Клары, я и сам справлюсь! Пока еще в силах! — раздраженно оборвал его Амадо.

— Кто принес известие? Живые есть? — поинтересовался между делом коннетабль.

— Да. Оттуда приехал староста, и его сын. Они все видели, едва успели ноги унести.

— Старосту ко мне! Моих буди, пусть собираются в дорогу. Скажи им, через час выезжаем!

Несколько минут спустя в дверь снова постучали. Амадо сидел на высоком табурете, с резными ножками. В глубокой задумчивости коннетабль крутил в руках светящийся предмет, что-то внимательно разглядывая в его недрах. Голубое свечение окрасило лицо Родриго в мертвенно-бледные тона, отчего весь его облик сделался жутковатым.

— Заходи! — прокричал он в ответ на стук. Сухо щелкнула крышка, скрывая голубой свет.

Из-за двери появился мужичок, лет пятидесяти, седой, и какой-то жалкий. С трудом верилось, что он староста села.

— Ты староста?

— Да господин рыцарь! — испуганно пролепетал мужичок.

— Как тебя зовут?

— Филипп Копарь, староста села Гвоздовка...

— Знаю, что староста! Лучше скажи, как вам удалось спастись?

— Мы с сыном бежали, тем только и спаслись.

— Так, давай ни части, и выкладывай все по порядку! — оборвал невнятное блеяние насмерть перепуганного мужика, коннетабль.

— Ну значит. Мы ночью проснулись, собаки рвали. Так вот я выглянул, а на другом конце села топот коней, крики, а потом изба вспыхнула. Ну я вот, значит, и говорю Митьке, что надо спасаться.

— То есть село, вы бросили и бежали! Дальше!

— Помилуй, господин рыцарь, а что мы могли сделать? Ведь на село напали не бандиты какие, рыцари это были, как ни наесть рыцари! — испуганно возопил староста.

— Наше-то, деревенское, ополчение они вмиг распотрошили, а простому люду, что остается, супротив такой силы. В железе ведь они. Да и мечом обучены махать. Не, мы им не соперники.

— Ладно, ладно, хватит жаловаться. Ты мне скажи сколько их было, и как выглядели?

— Так мы значит сели на коней у дальнего конца улицы, и поскакали к вам. Однако нас встретили рыцари в черных доспехах, они будто нас ждали. Сыну проткнули ногу, а мне ударили по спине, благо на мне был дедовский панцирь, только это и спасло.

— Сколько было нападавших? Какие гербы? Откуда пришли? — напирал Амадо.

— Сколько не скажу, на нас трое напали, еще четверо по селу бедокурили. Остальных я не видел, потому не скажу точно сколько. А пришли они со стороны Серебряных копей, что возле Черного града.

— Так, вот и второй город, из спорных территорий. Похоже действительно провокация — подумал про себя коннетабль.

— Ну а гербы ты какие запомнил?

— Гербы? Так у того, что ранил моего сынку, был цветок, а с него капля, что ли, как сердце и все это на пергаменте, таком с завитушками, какие изображают в старинных книгах, вместо заглавных букв. Я такие у нашего жреца видел...

— Понятно, а что ж ты свою супругу бросил, врагам на поругание? — укоризненно поинтересовался Амадо.

— Так нет жинки у меня, а сынку мой без мамки растет — староста смущенно замолчал, и тихо добавил. — При родах померла.

— Хорошо, ступай. Управляющему передай, пусть ко мне зайдет.

Скрипнула дверь, мужичок бесшумно вышел. Минуту спустя снова постучали, Амадо громогласно пригласил посетителя.

Управляющий стоял в дверях смиренно ожидая приказаний высокого гостя. Его лицо выражало готовность выпрыгнуть из окна если тому вздумается приказать подобное непотребство.

— Любезнейший позови сюда Марику, девчонку, что вчера подобрали в Чистых Водах — сухо попросил Амадо.

Овчина исчез за дверями, и вскоре вновь показался на пороге подталкивая неловкую девочку в комнату коннетабля.

Вчерашняя бунтарка теперь уже отмытая, выпавшаяся и в опрятном сарафане, смущенно переминалась с ноги на ногу, не зная, как себя вести. От нахальства не осталось и следа. Ребенка пугало всеобщее почтение к этому строгому господину.

— Итак Марика, тебя так зовут?

— Да — испуганно пролепетала девочка.

— Я коннетабль короля, зовут меня Родриго Амадо. Сейчас я буду тебя спрашивать, а ты мне должна все рассказать, как запомнила. Главное не придумывай и не ври. Поняла? — девочка едва заметно кивнула.

— Когда пришли рыцари?

— Я не помню, спала уже.

— А не помнишь откуда они появились?

— Нет дяденька, я их увидела, когда они уже хаты жгли.

— А можешь сказать сколько их было?

— Много, столько сколько у меня пальцев на руках — ответила девочка, морща курносый носик.

— Десять значит! — А гербы, то есть картинки на латах или щитах ты видела?

— Темно было, да и в соломе я сидела, в стайке, а потом в колодце. Правда я слышала, как они все время звали Яна... — голос девочки оборвался, губки затряслись, глаза покраснели и наполнились слезами. — А потом искали наших, а потом..., потом... мама кричала.

— Не плачь. Мы их накажем, но для этого нужно, чтобы ты вспомнила все, что видела и слышала — успокоил ребенка Амадо.

— Да дяденька, я поняла. У главного на лошади были нарисованы розы с росой — вдруг вспомнила девочка.

— Ты же сказала, что ничего не видела? — удивился Амадо.

— Я только один раз выглянула. Когда стало тихо. А он огромный такой, на лошадке мимо промчался — девочка смущенно засопела.

— Ты не ошибаешься, может это был какой другой цветок.

— Да, нет дяденька, я точно помню, роза. У нас такие растут в саду у старосты, то есть росли у старосты — поправилась девочка. — Только с этой капала роса.

— Это все?

— Да дяденька!

— Ну ладно, беги.

В очередной раз проскрипела входная дверь, оставив коннетабля наедине с нехорошими мыслями. Итак, судя по всему, действует один отряд. Роза с каплей крови, это герб Яна Лешича, возможно действует двойник, чтобы ввести в заблуждение. Сама акция скорее всего провокация, направленная на разжигание войны, между Войтеком и Сигизмундом. Вот только кто ее разжигает, сам король Сальяда или его вассалы? Хотя возможно, что это наши интриганы втягивают Амورات в войну с соседом, попутно создавая неразрешимую проблему ненавистному коннетаблю. В таком случае задумка вполне логична. Его, Амадо, дискредитировать, показав полную неспособность второго человека в королевстве разрешить сложившуюся ситуацию. А короля втянуть в длительную войну, что даст возможность давить на него, играя на противоречиях придворных групп.

Дверь отворилась без стука, вошел Омьен. Старик устало опустился на скамью у входа, напротив Амадо.

— Что скажешь старина? — спросил лекаря коннетабль.

— Сейчас был в леднике у Овчины. Осмотрел трупы из Чистых вод. Скажу, что резали селян мастера. Били наверняка. Убийцы ловко управляют с мечами. Пара ударов скажу тебе даже меня поразили, с такой точностью и умением их нанесли. Мне кажется, что тот, кто это сделал оттачивал на людях свое мастерство, как на чучелах.

— Одним словом кто-то из опытных воинов? — заключил Амадо.

— Из очень опытных. Не мальчики, это точно.

Вошел управляющий, Амадо едва взглянув на него проговорил.

— Девочку накормить, привести в порядок, выдать ей достаточное количество одежды. Завтра отправишь дитя в мое имение, сопровождать ее будет Ортега. А сейчас позови его ко мне!

Недовольный Ортега, стоял перед сюзереном, ему не хотелось возиться с девчонкой, да еще такой нахальной, в то время как его товарищи будут искать врага.

— Ты меня понял Рамон? — переспросил Родриго. — Девчонку не трогать! Узнаю не посмотрю на твои заслуги! — пригрозил Амадо.

— Да, да, да — морщась и отворачиваясь пробубнил Ортега, он рассчитывал на веселье по дороге в имение, а тут у него украли последнюю радость, что приводило рыцаря в полное отчаяние.

***

День выдался солнечный, небольшой морозец сковал лужи и грязь. Лошади шли споро и к вечеру отряд въехал в Гвоздовку. Зачуханная деревенька в полтора десятка дворов оправдывала свое название, отовсюду выглядывала нищета. Огонь слабо поработал над хатами, и Амадо получил возможность увидеть весь рисунок происшествия. Как и в Чистых водах выжить никому не удалось, та же четкая координация действий. У коннетабля закралось сомнение, что староста сумел бежать благодаря везению. Все походило на то, что его выпустили намеренно. Такое допущение логично ложилось на версию Амадо о провокации. Кто-то специально путает следствие, значит враг может быть и на своей стороне.

Вскоре вернулся Анри.

— Грязища тут, еле вернулся, только коня зря измучил! — бурчал следопыт.

— Ну что нашел? Не томи — прервал его изливания Амадо.

— След обрывается за деревней!

— Как обрывается — удивился Амадо. — Не птицы же они? Надо внимательнее осмотреть, ты что-то пропустил, вон какой замечательный отпечаток.

— Поверь моему опыту, след обрывается! Отряд рыцарей, я пропустить не мог! — возмутился Анри. — Они исчезли вон за тем холмом, словно и не было их.

Упрямый коннетабль не поленился и самолично убедился, в правдивости слов Анри.

— Ну, что нашел? — язвительно поинтересовался следопыт, забавляясь растерянным видом коннетабля.

— Ничего не понимаю! Как это может быть? — недоумевал Амадо.

— Ну если только они по воздуху умеют летать! — зло усмехнулся Роси Бургет, пожилой рыцарь, ветеран, прошедший не одну военную компанию вместе с Амадо.

— Но то, против человеческой природы! — глубокомысленно завершил Роси.

Вся схема ломалась. Теперь приходилось принимать во внимание, что группа убийц перемещается каким-то неведомым способом.

— Григорий проверь другой конец села — приказал коннетабль.

— Но ведь следы ведут от этого края села в том направлении, что там искать — начал Анри, и тут же осекся.

Тяжелый взгляд Амадо буквально пригвоздил, молодого рыцаря. Немного погодя Григорий вернулся, и сообщил, что следов не обнаружил. С той стороны отряд также появился из ниоткуда, вошел в село, а после резни снова исчез.

— Это уже пахнет магией. Иначе объяснить невозможно, то, что делают налетчики. Волшебство какое-то — бормотал про себя коннетабль.

Утром отряд покинул Гвоздовку, оставив Омьена завершить необходимые формальности, связанные со следствием. В помощь лекарю Амадо отрядил несколько рыцарей, а сам вернулся в Чистые Воды, и уже на месте убедился, что тут отряд и вошел, и вышел из деревни безо всякой магии. Стало быть, ходят как все, а след, возможно у них умелый следопыт, что может мастерски скрывать путь. К тому же прошло больше пяти дней, или, они что-то упустили из виду.

***

Ночь прошла у костра. С неба сыпал колючий снег, а мороз все сильнее щипал за щеки. Утром вышло солнце, его жаркие лучи скоро растопили давешний снег, обнажив следы. Раз в Гвоздовке противник сумел скрыться, то придется идти за Лешичем из Чистых вод, так рассуждал Амадо, собирая отряд в дорогу. Десятерых он отправил в имение Овчины, с приказом охранять управляющего.

Оставшиеся отправились по следу, но вскоре Анри потерял противника, и отряд остановился в Калинице.

В богатом селе, знаменитом своим кружевным плетением, имелся достойный трактир, что мог приютить сановных путников. Заведение встретило чужаков немым неодобрением, и трусливым перешептыванием за спиной рыцарей.

Амадо хотел продолжить путь, но зарядил нудный дождь. Небесная влага быстро размывла остатки следа, и коннетабль принял решение переждать непогоду в трактире. К тому же выпала прекрасная возможность, дать отдых лошадям. Последний переход совершенно вымотал скакунов.

К ночи дождь усилился, и постепенно перерос в бурю. Гром и мощные порывы ветра сотрясали трактир как охотничий шалаш. Глубоко за полночь, в двери настойчиво постучали. Трактирщик впустил незнакомцев. В едва освещенный зал вошли десять человек, на дощатый пол с черных плащей с хлопаньем потекла вода.

— Что за лошади в стойлах? — спросил мощного сложения рыцарь. Его вислые усы уныло прилипли, по обеим сторонам жесткого рта. Рыцарь шагнул к трактирщику, и в тусклом свете лампадки показались черненные, латные перчатки.

— Это нынешние посетители! Богатые господа! Они сейчас почевают в соседней комнате! — дрожа всем телом ответил трактирщик.

Он говорил намеренно громко, стараясь предупредить спящих об опасности.

— Ты чего орешь — выпалил вислоусый, и жестко взял трактирщика за горло.

Григорий и Роси встали по обе стороны двери с мечами на изготовку. Амадо бесшумно извлек клинок, одеть доспехи не осталось времени. Шум мог привлечь внимание врага и исчез бы эффект неожиданности. Брюс Туль, барон, приданный отряду для усиления, самим

королем, поднял клевец, чтобы поприветствовать ночных посетителей, Анри взял на изготовку лук.

Дверь с тихим скрипом отворилась, в комнату вошел трактирщик. Его грубо толкнули в спину, и старик полетел под ноги Амадо. Следом ввалились сразу несколько рыцарей, двое тут же пали, пронзенные мечами. Амадо успел ткнуть в лицо первого вошедшего, Григорий идущего следом. Убитые рухнули под ноги соратникам, в дверях образовалась давка. Молот Брюса с хрустом вошел в череп замешкавшегося рыцаря, который пытался перешагнуть через тело поверженного товарища. Помещение наполнили мат, угрозы, и звон мечей. Редкие искры, срываясь с доспехов, всполохами разрывали темноту. Трактирщик спрятался под скамью. Бой переместился в зал. Откуда-то из сумрака на Амадо шагнул высокий рыцарь. Широкие плечи воина говорили о недюжинной силе. Полторный меч, ловким финтом, обошел клинок Амадо, лезвие нацелилось в сердце коннетабля. Григорий ударил шестопером сверху, отводя острие в сторону. Меч скользнул по боку Амадо, оставляя резанную рану. Прижимая руку к окровавленному боку, коннетабль отбил выпад появившегося сбоку наемника, судя по доспеху из Нагльштадта.

Григорий закрыл Амадо своим телом. Высокий набросился на телохранителя. У коннетабля высвободилось время чтобы осмотреться. Глаза зацепились за плачущую розу, белевшую в перекрестье полторного меча, который едва не проткнули сердце коннетабля.

Несмотря на численный перевес противника, воинская удача постепенно склонялась на сторону отряда Амадо. Сказывалась привычка коннетабля тщательно подходить к подбору вассалов. Отряд в основном состоял из опытных воинов, прекрасно владеющих всеми видами вооружения, к тому же постоянные сборы, приучили рыцарей действовать слажено, чего не хватало противнику.

Высокий остался один на один с двумя ветеранами Амадо, его владение мечом поражало. Он успел ранить Григория, и вывести из строя Анри, бросившегося на помощь другу.

Пал последний из соратников высокого, и здоровяк в один прыжок оказался на улице. Слегка звякнув кольчугой, он вскочил на коня, и умчался прочь, быстро исчезая в непроглядной тьме.

Роси кинулся следом, схватив чужую лошадь. Впрочем, немного погодя вернулся пешком, лошадь его скинула и умчалась. Рыцарь чертыхался, и сильно хромал.

Привели в чувство Анри, Брюс помог перевязать Амадо, и Григория. Оставшиеся в живых четверо рыцарей противника, тоже получили помощь. Краткий допрос пленных ничего не дал, они либо молчали, либо ничего не знали.

Барон Тарстон, молодой рыцарь, раненный в живот, просил передать отцу его последние слова. Амадо приказал записать предсмертное послание, и при первой возможности направить с нарочным к отцу юноши.

Коннетабль не мог ничего сделать в обход королевского суда. Преступники происходили из старинных аристократических домов Амората, а он безродный выскочка, волей случая оказавшийся в друзьях у старого короля. Последнее обстоятельство сильно ограничивало возможности Родриго.

Несмотря на полное незнание обстановки, пленные сообщили и важные сведения. Отряд возглавлял Ян Лешич, судя по тому, что рыцарь не скрывал родовой герб он и не собирался утаивать своего участия в рейде. Лешич вел отряд по селам, разрабатывал план нападения и руководил уничтожением простолюдинов.

Как рассказал один из наемников, Нуклий Шекфорт, потомственный рыцарь из Нагльштадта, страны весьма далекой и от Сальяда, и от Амората, его соотечественники нанимались рекрутерами из Сальяда. Как им говорили на войну с северными налетчиками. Позже особо отличившихся пригласил к себе в шатер человек с огромным носом. Он предложил им поучаствовать в рейде, в тылу врага. Уплатив, за участие и молчание хорошую сумму золотом. Нуклий поделился, своими мыслями с Амадо.

— Думаю, что это мог быть и не Сальяд, слишком уж секретно все готовилось. Поищите среди своих. Возможно, кто-то на вашей стороне желает войны с соседом.

Амадо в очередной раз пришел к мысли, что речь идет о предательстве, но кто мог желать войны с Сальядом. Сенешаль де Коньи, для усиления влияния на короля, или маршал Сане, у обоих имелись причины развязать войну.

С другой стороны, торговая группа Шмилеров и Гугенлеров, их банк давал крупные займы Сигизмунду. Эта маленькая услуга короне сделала семьи банкиров серьезными политическими игроками.

Возможен заговор группировки, тайно поддерживающей Войтека в его притязаниях на спорные территории. Ее участники страстно желали объединения королевств. Возглавлял заговорщиков племянник Инана, граф Жубер Шотали. Происки этих авантюристов давно попали в поле зрения секретной службы коннетабля. И старый король регулярно получал информацию о действиях коллаборационистов. Однако скудный ум Сигизмунда не позволял столь же свободно, предоставлять эту информацию. Приходилось действовать на свой страх и риск, в обход королевской воли.

Амадо знал нрав Сигизмунда, и, если бы вскрылись происки Жубера, предателей кроме плахи ничего не ждало. Допустить казнь родственника короля Амадо не мог, потому что за этим с неизбежностью следовала междоусобная война. Отец Жубера, граф Альфонс Шотали, приходившийся сводным братом Инану, не простил бы племяннику смерть своего отпрыска. Он и так закрыл глаза на нарушение прав наследования престола, позволив занять трон Амората Сигизмунду. Хотя по праву старшинства корона принадлежала ему, что побудило его пойти на уступки, для большинства так и осталось загадкой. Для большинства, но не для коннетабля.

Амадо из достоверных источников знал, что Альфонс вел переговоры с Сальядом об объединении королевств и передаче престола Амората Войтеку. Престарелому королю Сальяда, не имевшему детей мужского пола.

Слабые позиции Альфонса в армии и в придворных кругах королевства, должна была возместить глупость Сигизмунда, развязавшего бессмысленную войну с соседом за города, в которых Аморат особо не нуждался.

Оставалось лишь следить, чтобы дурак не оставил наследников, с чем справлялся Леон Шомберг, личный лекарь Его Величества, подкармливая короля препаратами, ведущими к бесплодию. Регулярная смена жен, а король на данный момент состоял в браке седьмой раз, вызывала озлобление аристократических родов, чьи дочери пострадали от любвеобильного монарха. В раздражении и досаде король продолжал менять жен и любовниц, не замечая, что причина его бездетности в заботах лекаря. Все бы так и продолжалось, если бы Амадо не раскрыл всей подноготной этой истории, и не доложил Сигизмунду о причинах его несчастья. Монарх обеспокоился и провел свое расследование, о результатах которого никого не известил. Спустя пару дней лекаря нашли в собственной кровати, удушенного его же поясом. О безвременной кончине Шомберга поговорили несколько дней, и лекаря

забыли, не сделав даже попытки установить, что привело успешного врачавателя к суициду. Да, и, что тут расследовать, умер и умер, а то, что руки раздроблены, так при самоубийствах и не такое бывает.

Неделю спустя, Амадо получил приказ не появляться при дворе до особого распоряжения монарха. Особого распоряжения коннетабль ждал почти четыре года.

Неудачная война, вот чего желал Альфонс. Сигизмунда поражение лишало боеспособной армии, где Шотали никогда не имел прочных позиций, в то время как сенешаль и маршал, стремясь сохранить свое положение, вынуждено пойдут на переговоры с родственником короля. И наконец его слабые позиции сразу усиливались при соединении земель. Он приближается к королю Войтеку, а недовольные аристократы, и его личные враги становятся врагами короны, избавиться от которых не составит труда. В число врагов безусловно войдет и он, коннетабль Амората.

Не последнюю роль играла и перспектива объединения двух враждующих домов династическим браком. У старого Войтека, подросла единственная дочь Анна. Как доносили послы, девушка очень неглупая и крайне решительная, а в семействе Шотали созрел молодой принц Гунберт, юноша, очарованный романтикой войны.

С утра пленных отправили в столицу. Конвой возглавил Григорий, его ранение не позволило дальше продолжать погоню.

А отряд последовал за Яном Лешичем, повинуюсь четкому отпечатку следа. Анри шел как гончая, что почуяла раненного зверя. Неожиданно следопыт свернул с дороги, и повел группу редким леском, выведя вскоре к замшелым развалинам замка.

— Анри что мы тут делаем? — строго спросил Амадо.

Следопыт поежился под его пронизывающим взглядом.

— След повернул с дороги. Он едва виден, но точно могу сказать, ведет сюда...

— Прекрати лгать! Я видел, куда ведет след, и в лес он точно не поворачивал! Как давно ты нас предал? — напирая конем на лошадь Анри, спросил коннетабль, его рука легла на эфес.

— Предал? Я никого не предавал! Не моя вина, что вы меня считаете своим! — с улыбкой ответил Анри.

Тяжелый топот донесся со стороны леса. На пустырь вылетела лошадь в черной попоне. Конь нес рыцаря, в руках, которого раскачивалось, нацеленное на Бургета копьё. Древко с треском переломилось, пробив насквозь Роси, тело ветерана с шумом вылетела из седла, застыв в нелепой позе на земле.

Анри налетел на Амадо, но клинок коннетабля оказался быстрее и острое жало пронзило шею следопыта. Покачиваясь в седле, Анри отъехал в сторону и завалившись на бок сполз с коня.

Звон мечей заставил Амадо вернуться в реальность. Брюс схлестнулся с черным рыцарем, в котором без сомнения угадывалась стать Яна Лешича. Длинный клинок Лешича переломился, и он перешел на боевой топор.

Воздух завибрировал, в лицо Амадо подул слабый ветерок. Один за другим, из зыбкого марева вырастали черненные латники. Черные плащи и попоны вороных коней, делали вид воинов поистине зловещим.

Брюс попытался зарыться щитом от ударов, налетевших на него конных, но топор Лешича рассек его череп пополам, развалив с головой и шлем.

Пришпорив коня, Амадо помчался прочь, спасаясь бегством. Его преследователи

исчезли далеко позади. Не останавливаясь, коннетабль домчался до крепости Кунда. Собрал в цитадели отряд из гарнизонной стражи, он вернулся на место боя. Обыскав развалины, Родриго убедился в полном отсутствии каких-либо следов таинственных всадников. Тело Анри тоже исчезло, сообщники забрали следопыта с собой.

Позже, размышляя над произошедшим, Амадо пришел к выводу что увиденное им очень смахивает на эльфийские шутки. Редкие, мифические, всего несколько раз появлявшиеся в древних легендах. В преданиях говорилось о первых эльфах, что владели магией, и могли мгновенно перемещаться с места на место. Тут же говорилось о некоем ларце Эльманара, изобретении одноименного эльфийского кудесника, якобы создавшего волшебный ящик для короля Камаэльдана Мудрого. Если это ларец Эльманара, то откуда он у аристократов Сальяда?

Тело Роси коннетабль распорядился отправить в имение вассала, к семье.

Вскоре прибыл гонец с посланием от короля. Сигизмунд требовал скорейшего решения проблемы, напоминая, что королевство сейчас не готово к войне. В соответствии с распоряжениями монарха, Амадо пришлось ждать пока придут посланные им граф Будейрос и барон де Сано, с отрядами вассалов. Более того, ему предлагалось передать управление войсками маркизу Шорде Гюло, фавориту Сигизмунда. Гюло славился своими похождениями и поединками с первыми рыцарями двора. Оставалось надеяться только на его разумность, хотя до Амадо ни раз доходили слухи о неумных амбициях фаворита. По опыту коннетабль знал, что верить дворцовым слухам нельзя, но также приходилось учитывать простую истину, что на пустом месте они не рождаются. Чертыхаясь, Амадо потребовал, чтобы гарнизонные караулы усилили, а обветшалую стену крепости привели в надлежащий вид.

И не ошибся, несколькими днями позже, под покровом ночи, к нему в комнату пробрались двое в черных плащах. Нападавшие погибли, не причинив вреда коннетаблю, но Амадо принял предупреждение к сведению, и более не спал без меча под рукой.

Раз убийцы, значит и правда свои. В королевскую канцелярию пошло донесение, о группе Жубера Шотали. Пришло время рубить головы.

***

Гюло оказался молодым человеком небанального ума. С первых же минут знакомства фаворит продемонстрировал хорошее знание военного дела. Это обстоятельство немного успокоило коннетабля, как ни странно, они быстро нашли общий язык. Молодого карьериста устраивало уважительное отношение опытного Амадо, а коннетабля умение Гюло прислушиваться к дельным советам.

Через неделю пришло известие о нападении на Рошвицу, а еще два дня спустя на Кленовку. Отряд в двадцать рыцарей, во главе с Гюло, шел по следу неуловимых убийц. Местность оставалась почти безлюдной, из деревень, расположенных по границе, не тронули только Цветущую Вилу и Старые Копи. Посоветовавшись с Гюло, коннетабль пришел к мнению, что скорее всего, налетчики придут в Старые Копи. Во-первых, она дальше расположена, во-вторых, деревня имела стратегическое значение, здесь располагались значительные залежи железа.

Когда-то давно Амадо пришлось бывать в этих местах, что позволило сократить путь почти вдвое. Здесь с гор спускалась речка Мутная, ее оранжевые от железных окислов воды, отрезали деревню от остального королевства. И лишь местные знали о не приметном бросе, скрытом мутными бурунами стремительного потока. К нему-то Амадо и повел отряд.

Деревенька расположилась на уютном горном плато Тенафарской гряды. К полудню третьего дня они добрались до горного серпантина, что пологими уступами поднимался к плато. Полчаса подъема, и дорога неожиданно раздалась в стороны, отряд на полном ходу влетел в село. Мертвая тишина сковала тесные улочки поселения, усиливая ощущение холода от мороза, что громко щелкал в трещинах обугленных бревен.

Все, как и прежде, в других селах. Чадающие остатки хат, поваленные заборы и трупы селян, разбросанные в беспорядке по улицам.

Старые Копи, славились своим богатством. Поселок насчитывал больше ста домов, не считая кузниц, и столярных мастерских, двух мельниц, а также мастерской тележника. В центре стояла известная в округе таверна горняков, «Зеленый Тролль», единственное уцелевшее здание в деревне.

Проезжая мимо таверны, Амадо отметил, что сельское ополчение оказало достойный отпор налетчикам. Прямо у входа, лежал рыцарь в характерном черном плаще.

Пролитая кровь еще парила, смешиваясь со снегом, не дававшим ей загустеть. Случай привел отряд Гюло на место, где едва завершился бой.

Добравшись до центральной площади, рыцари резко осадил лошадей. Все свободное пространство занимали останки павших. У большинства погибших не хватало частей тела, кто-то невероятно сильный покалечил и защитников деревни и их противников, разорвав на части последних.

Амадо осмотрелся, взгляд коннетабля застыл на вывернутых внутренностях, которые свисали с краев пробитой насквозь кирасы. Рядом лежал воин, в кольчуге, разорванной на спине. Позвоночник, вырванный из спины одним мощным движением, лежал шейными позвонками у пяток. Безвольное тело убитого, распласталось на земле, а череп, раздавленный чьей-то могучей стопой, рассыпался безобразным пятном по плотно утопанному снегу.

Раскроенные черепа, оторванные руки, и ноги, раскиданные по площади, вызывали приступы тошноты даже у бывалых воинов. То, тут, то там площадь пересекали вереницы следов, теряясь в бурых лужах они переходили длинными, кровавыми цепочками на белоснежный покров земли.

Амадо склонился, внимательно вглядываясь в след. С виду стопа человека, не более, но глубина, на которую нога уходила в землю, говорила об огромном весе ее обладателя. Он пошел за одной из цепочек, и через пять шагов замер. Тут шел человек, и сразу, без перехода, след продолжил отпечаток огромной лапы с когтями, а еще немного погодя тварь и вовсе исчезла.

— Что здесь могло произойти? — просипел Гюло, настороженно обводя взглядом побоище.

— Не знаю, но задерживаться тут не стоит. Надо найти главаря черных! Ищите среди погибших! У него герб белая, плачущая роза! — скомандовал пришедший в себя коннетабль.

Рыцари спешили, и разошлись по деревне. Амадо пошел по домам, с северной стороны поселения, заглядывая в выбитые двери.

Впереди показался отдельно стоящий, слегка покосившийся домик, под худой, соломенной крышей. Полумрак внутри не сразу позволил рассмотреть тело девушки. Она лежала в луже крови, но в отличие от остальных, хозяйка дома ушла из жизни по своей воле.

Правая рука, сведенная судорогой, сжимала кинжал необычной формы. Такие использовали жрецы в глубокой древности, для человеческих жертвоприношений. Амадо

видел несколько лет назад такой же в святилище общины последователей Утнаты. Местной покровительницы смерти. Тогда инквизиторы разгромили целое поселение жрецов идолопоклонников, оборвав тем самым череду исчезновений жителей городка Вуали.

— Ведьма! — губы Амадо скривила брезгливая гримаса.

Он обвел глазами внутреннее убранство домика, сама обстановка говорила за то, что здесь жила колдунья. В очаге полном золы стояла чаша размером с большую шляпу, ее мелкое дно заполняла кровь самоубиенной ведьмы. По трем сторонам очага, на полу, постепенно угасая светились символы. За знаками чадили три ладанки, встроенные в черепа со срезанными сводами. Судя по размеру, черепа принадлежали детям. Нагое тело ведьмы посинело от холода и потери крови. Левая рука девушки, вытянутая вперед, лежала в чаше обмакнув пальцы в кровь.

В нос ударил неприятный запах паленной шкуры, вонь буквально пропитала воздух комнаты. Носком сапога коннетабль качнул чашу, багряный холодец сдвинулся на противоположный край обнажив пергамент. Кровь совершенно не замарала его, скорее наоборот манускрипт выглядел совершенно новым. Вместо текста его страницы заполняли знаки и рисунки с пояснениями на каком-то очень древнем языке. Амадо вынул его из чаши, стряхнул остатки кровавой жижи, и сунул за пояс. Подумав немного, подобрал и кинжал, с трудом разжав сведенную смертельной судорогой руку ведьмы.

На пороге Амадо еще раз заглянул в сумрак ведьминоного жилища, слух уловил какой-то шум. Звук шел со стороны центральной площади, откуда раздавались крики, и звон металла. Коннетабль выругался и поспешил на помощь соратникам.

На площади кипел бой. Амадо вышел с прилегающей улицы в тот момент, когда очередной рыцарь отлетел на стену дома, рядом с которой он остановился. Воин удивленно смотрел на кровь, рвущуюся размеренными толчками наружу. Его рука осталась в лапах чудовища, которое с огромной скоростью перемещалось между рыцарями. Их мечи неуклюже проваливались в пустоту, когда они пытались попасть по шустрому врагу. Со стороны происходящее напоминало странную игру, в которой все стремятся поймать одного.

Играючи образина с серой, местами подпаленной шерстью, ударила рыцаря по голове оторванной рукой, воина мотнуло в сторону. Рядом стоявший рыцарь, получил удар когтистой лапой в живот. Гамбезон порвало словно бумагу. Крича от боли, воин упал на колени. Возвращаясь, образина пробежала мимо него и мощным подзатыльником сорвала голову с плеч. Оторванная голова как ядро полетела в рыцаря, бежавшего к монстру, с копьем наперевес. Удар импровизированного снаряда подбросил копейщика в воздух и опрокинул на спину, голова же разлетелась на части, забрызгав округу серым студнем.

Не останавливаясь, чудовище подбежало к лежащему и ломая выставленное навстречу копьё с силой наступило огромной лапой на грудь поверженного противника. Грудная клетка с сухим хрустом проломилась.

Амадо оскользнулся на древке копья, что лежало у него под ногами. Как во сне он поднял оружие и швырнул в чудовище. Образина, как раз застыла у очередной жертвы, любуясь вырванным сердцем. Тварь явно наслаждалась трепетом еще живой плоти, и угасающим взглядом человека, что с ужасом наблюдал биение своего сердца в лапе чудовища.

Копье прошло сквозь тело, и качнув монстра вперед уперлось в землю, не давая ему упасть. С трудом развернувшись в сторону Амадо, тварь оскалилась, и издала рык настолько жуткий, что волосы коннетабля встали дыбом.

Протаскивая копьё сквозь тело, урод методично избавлялся от помехи. Не дожидаясь пока чудовище освободиться, Гюло с размаху опустил молот на голову образины, раскурочив череп твари. То-что служило головой чудищу распалось на части, тело монстра обмякло, и затихло.

Гюло приблизился к образине, желая убедиться, что тварь мертва. Стремительный удар, отбросил его на стену дома, не успев ничего понять фаворит потерял сознание. Тварь вырвала копьё из тела, и кинулась к поверженному врагу, Амадо успел перехватить монстра. Его клинок с хрустом ударил по ребрам чудовища. Тварь походя отмахнулась от назойливого рыцаря. Жилистая лапа легко коснулась гамбезона коннетабля, Амадо подкинуло в воздух, где-то внизу завертелась деревенская площадь. Сильнейший удар едва не вышиб дух из тела человека.

Сквозь одурь, Амадо видел, как образина меняет облик. Остатки головы вползли в тело, которое раздалось в ширь. Вскоре, на месте чудовища, стоял гигантский вепрь, его налитые кровью глаза уставились прямо на коннетабля. Послышался гулкой топот, задрожала земля, Амадо едва успел перекатиться, чем и спас себе жизнь. Туша, пронеслась мимо, разметав с диким грохотом стену дома, что стоял у нее на пути. Из дома донесся сухой треск, и здание обвалилось на огромную свинью. Оглушающий визг подсказал, что зверь еще жив, а через секунду из завала выскочила грязная туша. Разбрасывая обломки стены по площади, вепрь метнул бревно в сторону Амадо. Вибрируя от натуги, бревно зацепило человека и потащило за собой, пока не врезалось в соседнее здание, прижав Амадо к стене.

Тут же, прислонившись к дому, сидел Матео Дажар, оруженосец Гюло. Парень страшно мучился, жмурясь при каждом вздохе. Внутренности, перемолотые мощным ударом, свисали кровавой бахромой по краям раны. Вепрь несся на них с каждым шагом набирая ускорение, неожиданно он упал, что-то с силой ударило зверя в бок. Амадо не мог посмотреть, что случилось, но испуганное ржание лошади подсказало ответ. Один из рыцарей атаковал огромную свинью, пытаясь свалить зверюгу таранным ударом.

Переломленное копьё, обломком торчало из бока вепря. Взревев от ярости, зверь вскочил на ноги, и мотнув головой отшвырнул конного вместе с лошадьёю. Затем в два прыжка, вепрь оказался подле всадника, и нависая сверху, растерзал и коня, и седока похожими на ножи клыками.

Амадо пытался освободиться, но не хватало сил. Бревно прочно приперло его к стене. Дрожащей рукой Матео освободил конец бревна, убрав жердь, распертую между землей и карем крыши, за которую она зацепилась. Слабая улыбка скользнула по бледным губам мужчины, а рука бессильно упала в кроваво-снежную жижу.

Толкнув бревно Амадо освободился, и шатаясь пошел к центру площади, попутно подобрав чей-то щит и копьё. Глазами он искал кабана, но зверь исчез. Неподалеку, над бесформенной кучей истерзанной плоти, в клубах пара, что-то шелохнулось. Горящие глаза уставились на него, мгновение спустя от кучи отделилось оно.

У Амадо по спине пробежал холодок. В его сторону, тяжело ступая, неспешно шел старик. Худой, жилистый, как человек долго мучимый голодом. Серые патлы свисали почти до пояса, сквозь волосы, на Амадо смотрели жуткие глаза, они впились в человека. Похожая на плеть рука, волочила большой кузнечный молот. Соскребая снег, железная болванка оставляла глубокую борозду, которую тут же заполняли кровавые ручейки.

Прикрывшись щитом, Амадо закружил подле деда. Оказавшись чуть сбоку, он легко ткнул копьём. Медлительный с виду доходяга сделал едва заметное движение убирая тело в

сторону, одновременно в воздух легко взвился огромный молот. Старик ударил в щит Амадо, выгнув его в обратную сторону. Отбитая рука отказала, выронив щит коннетабль попытался прикрыться древком, но дед остановил полет молота, и мгновенно ушел за спину человеку. Стараясь не упустить из виду врага, Амадо развернулся, и упал опрокинутый тычком в грудь.

Дед тем временем неспешно обходил его, ожидая пока человек встанет на ноги. Амадо неуверенно поднялся, отошел к телу одного из павших рыцарей, и не спуская глаз со старика, подобрал полуторный меч. Как только оружие оказалось в руках человека, мрачный дед завертел молотом над головой и в два шага сблизился с Амадо. Стальная чушка ударила рядом с правой ногой Родриго. Коннетабль с трудом увернулся от тяжелого удара. Секунда и молот снова взорвал землю, пролетев всего двумя пальцами выше головы человека. Всплески мерзлой земли, взрываемой молотом чудовища, покрыли доспех коннетабля толстым слоем грязи. Родриго вертелся ужом, спасаясь от сотрясающих землю ударов.

На секунду старик замешкался и Амадо успел зацепить мечом сухую руку деда. Раскрученный молот вырвался из нее, и с глухим звуком утонул в стене дома. Секундного замешательства хватило, чтобы меч вошел в тело старика, пробив его на вылет. Целой рукой дед схватил Родриго, сминая металл гамбезона в гармошку, и рванул к себе. Меч, пройдя тело до упора прорезал бок старика. Клинок вышел наружу, оголив черное нутро монстра. Меч вильнул и полоснул горло чудовища, рука разжалась, отпуская коннетабля.

Не теряя времени, человек пошел в атаку, но дед качнул телом в сторону и чуть не ударил его по голове. Порез на шее и рана в боку быстро срастались, соединяя серую безжизненную плоть. Без видимых усилий старик подпрыгнул высоко в небо, и упал сверху на Амадо, опрокинув рыцаря на спину. Ребра сухо хрустнули, а в глазах поплыли цветные круги.

Монстр не спешил убивать жертву, наслаждаясь властью над беспомощным врагом. Нависая над поверженным человеком, он сорвал шлем с головы Амадо, и впился горящим взглядом в глаза коннетабля. Мерзкая улыбка постепенно сошла с лица старика, он застыл не в силах отвести взгляд от бездонной черноты человеческих глаз.

— Отпусти! — скрипуче, прохрипел дед. — Я тебе не враг! Если убьешь меня, ничего не выиграешь!

Амадо не отвечал, продолжая неотрывно смотреть в глаза монстра. Постепенно они начали тускнеть, теряя внутренний свет.

— Не надо! Не делай этого! Тебе нужен не я! Твоя судьба связана с нами! Мы тебе не враги! Остановись!!! — вскричал безумным голосом дед.

Амадо закрыл глаза. Старик отскочил от него, и повалившись на четвереньки тяжело задышал.

— Я не забуду твой поступок — трескуче проговорил старик. — Сегодня ты меня пощадил, кто знает, может, и я когда-нибудь спасу твою жизнь.

— Кто ты? — придушенно спросил Амадо, с любопытством разглядывая старика.

— Мы древние. Мы первые дети этого мира. Мы слишком давно обитаем в его недрах. Так давно, что вы успели о нас позабыть — не без пафоса ответил старик.

— Если вы нам не враги, тогда зачем напал на деревню?

— Я не нападал. Наоборот, она под моей защитой... была. Я защищаю эту деревню, с тех пор как она появилась...

— Ага, защищаешь. А горло ведьма перерезала себе от радости, что наконец узрела лара-хранителя очага? — с сомнением произнес Амадо.

— Мы тебе не враги, но не другим! — улыбнулся дед, и поднял на Амадо горящие угли глаз.

— Каждый дар имеет цену. Она знала, что нужно отдать, чтобы я пришел. Это ее выбор.

— Жестокий выбор...

— Что поделаться мир жесток.

— Если это все, то позволь мне уйти — улыбаясь попросил монстр.

Амадо кивнул головой, отпуская чудовище.

В воздухе повис запах паленной шерсти, старик исчез.

Весть о гибели отряда столица приняла с нескрываемой тревогой. Сигизмунд организовал расследование происшествия. Пока агенты Ока короля искали свидетельства преступлений семейства Шотали, Альфонс успел бежать в Сальяд, а вот Жубер оказался в башне на цепи. Каждодневные допросы, превратили цветущего, молодого человека в инвалида. Наконец случилось то, чего так боялся Амадо, Жубера казнили. В тот же день Войтек, объявил Аморату войну. Заступничество Гюло спасло голову Амадо, но коннетабль получил приказ покинуть столицу, и оставаться в имении. Его не беспокоили, за исключением случая, когда прибыл посланник короля, чтобы сообщить Амадо, что он более не является коннетаблем его величества. Выбор Сигизмунда удивил Родриго, а вместе с тем приоткрыл темные углы закулисной борьбы, что долгие годы оставались для него лишь невнятным намеком. Новым коннетаблем монарх назначил Домиана Варго, правую руку Верховного жреца Скюло. В голове крутилась запоздалая мысль, похоже не там он искал врагов, надо было внимательней приглядывать за «святым престолом».

Прошло три месяца, наконец с приказом от Его Величества прибыл королевский фельдгегерь. Амадо вызвали в ставку Сигизмунда, в приграничный город Вранки, что вовсе не означало королевского прощения. Амадо звал его сеньор, в минуту, когда требовалась мобилизация всех сил королевства.

С рассветом из ворот замка выехала кавалькада рыцарей. Впереди богато украшенные вассалы Амадо. Широкий Григорий, седой и сумрачный, за ним следовал вечно недовольный, Рамон де Ортега с черными висячими усами, позади выстроились воины победнее и оруженосцы, всего порядка тридцати пяти человек. Отряд неспешно проследовал через владения Амадо, затем воины пересекли границу, соседнего имения. Вскоре к их отряду примкнули еще с десятков рыцарей барона Гуго Тортвайна, представителя древнего аристократического рода, но обедневшего и потерявшего быллой лоск.

Тортвайн слыл любителем жизни. Страстный охотник, бабник и гуляка, Гуго никогда не упускал возможности принять участие в какой-нибудь аванюре. Сейчас его тощая спина, нелепо подсакивала на стройном жеребце, слишком хорошем для бедного аристократа. Басовитый голос Гуго рокотал над дорогой. Доверительно наклонившись в сторону Амадо он рассказывал, как пару недель назад выиграл в карты великолепного карасского жеребца. Попутно, престарелый аристократ вспомнил подробности последней охоты, местных селянок и их прелести, рассказ подробный и богато пересыпанный сальностями и похабщиной раздражал Родриго. Постоянный гогот и необузданное веселье так не шли к цели их путешествия, что Амадо хотелось стащить пьяницу с лошади и набить ему морду.

Вранка небольшой средневековый городок, случаем принявший ставку монарха, переживал наплыв рыцарства со всей страны. Местные не знали где укрыться от наглых домогательств «галантных» аристократов, и вороватых солдат короля. Довольны были только торгаши, для них вместе с войной пришел золотой век. Гости смели все, что залежалось за десять лет. Раздражающее веселье преследовало Амадо и здесь, ему мерещилось что-то злое в несерьезном, шутовском настрое ставки короля. Казалось вся эта масса людей пришла сюда не воевать, а совершить выход в свет или выезд на охоту.

К королю Амадо не допустили, более того рекомендовали оставаться с вассалами вне города. В ожидании дальнейший распоряжений пришлось разбить лагерь под стенами

Вранки. В хлопотах пролетел день. Сидя на походном сундуке, Амадо смотрел на солнце. Яркий диск клонился к горизонту. Розовая полоса одновременно успокаивала и беспокоила, пробуждая в душе необъяснимое томление. Неподалеку брэнчала разбитая в хлам домбра, и неприлично пьяный мужской голос тянул заунывный мотив солдатской песни. Амадо почему-то нравилось безобразное пение воина, оно вызывало в памяти далекие, забытые времена.

***

Холодное утро поздней осени одарило продрогших бойцов первыми лучами солнца. Мягко касаясь щеки они приятно согревали кожу. Даад посмотрел вдоль длинного ряда, тут почти все, кого он знал с детства. Время от времени взгляд сам возвращался, и застревал на той стороне Унгарской равнины. Там, в трехстах метрах, копошилось темное, противное самой жизни месиво, плохо различимое издали. В голове пустота, мысли остановились. Сейчас все равно что случится через минуту, чем закончится бой.

От черной копошащейся массы, отделяется группа всадников. Существа едут верхом на созданиях, что заменяют им лошадей. Собакообразные твари, ожившие скелеты, многорукие великаны и мертвые воины, иссохшие, но ставшие еще смертоноснее. От обилия форм и видов рябит в глазах.

— Братья!!! — пронеслось по рядам людей.

Вперед выехал худой урод, его голову охватывает обруч из кроваво-красного металла, который горит словно объятый пламенем. Вверх взметнулась сухая длань и черная масса затихла. В гробовой тишине гулко звучат шаги твари, поверх которой восседает тощий.

— Наргал — кто-то шепчет позади.

— Король едет! — пронеслось над рядами.

Наргал подъезжает совсем близко, на расстояние выстрела из лука. Дааду хорошо видны переплетенные сухожилия и кости страшного существа, которые играя в лучах солнца отливают цветом воронового крыла. Черные ямы, заменившие королю глаза, постепенно разгораются, будто внутри Наргала развели кузнечный горн. Послышался трескучий звук, Наргал открывает и закрывает рот, видны всполохи огня, что прорываются сквозь тесные ряды черных зубов. Люди с напряжением слушают, тщетно стараясь осознать смысл сказанного. Из-за спины Наргала, выехал всадник на изумрудно зеленом создании, с длинной изящной шеей, подходящей больше лебедю, чем скакуну. Тело незнакомца глубокого оливкового цвета, почти не защищенное одеждой, неестественно длинное, точно насмешка над человеческими пропорциями. Под гладкой кожей, покрытой змеиным узором, играют сухие мышцы. Большие голубые глаза совершенно не подходят к цвету кожи, маленький рот ехидно улыбается, низкий голос оглашает округу.

— Король Наргал вызывает любого, кто осмелится встать против него с оружием в руках!!! — вызов громоподобно проносится над рядами людей, эхо от раскатистого голоса затихло, над полем повисла тишина.

Взгляд Даада остановился на латнике в золотом доспехе. Всадник умело сидит в седле, сила исходит от каждого его движения. Сила, не вырванная у природы усилиями многолетних тренировок, а данная матерью и отцом. Он смотрит вперед, ни один мускул не дрогнул на суровом лице воина, несмотря на всеобщее внимание.

Наконец по рядам пронеслось.

— Ракорд, где Ракорд!!! — всадник продолжает молчать.

Мощная рука поднялась к открытому забралу, но лишь для того, чтобы отогнать

назойливую муху, что пробудилась в ласковых лучах солнца.

Никто не заметил, когда вперед вышел невысокий воин в шлеме с голубым плюмажем. Копье с длинным узким жалом, хищно наклонилось к королю Братьев, небольшой меч забряцал о латный сапог, раскачиваясь на поясе.

— Тек! Не смей! — окрикнул, молодого, могучий воин.

Это отец Тека, Оха Себас пытается остановить сына. Не слушая отца Тек упирает копье в землю принимая вызов.

Наргал разгоняет «коня», и выходит на линию удара. Стук копыт «лошади» все ближе, глаза короля разгораются красным, словно раздуваемые угли костра. Молодой, выставив копье и прикрыв тело щитом ждет, вот еще мгновение и удар сносит щит, разбив его на части. С замирающим сердцем воины следят за поединком. Пыль осела, мелькнула приземистая фигура Тека, копье быстро наносит несколько уколов в тело Брата, но жало соскальзывает. Наргал неторопливо разворачивает скакуна, оставляя за собой темный след тлена.

Дерзкий крик молодого воина поглотил вой чудовищной «лошади», меч короля загорелся по краю темным пламенем. Наргал вновь разогнался, и едва не задел верткого юношу. Пока Наргал разворачивал «коня», юноша упер копье пятой в землю и выставил жало вперед. Каждая мышца человека напряжена как перетянутая струна. Меч Наргала пылая темным огнем опустился к земле, король разогнал скакуна. Быстрый взмах клинка не достал Тека, пронесся с шумом обжигающее пламя над головой воина. Копье встретило мощь разогнанной «лошади» и с сухим треском переломилось. Быстрые ноги подкосились, тварь захрапела, и вздрагивая всем телом повалилась на бок. Всадник соскочил чуть раньше, оставляя скакуна биться в пыли. Обломок копья торчит из груди «лошади», черная жижа стекает по мышцам бугристой груди. Тек пошел на короля, вытаскивая меч из ножен. Наргал пружинистым шагом ринулся навстречу молодому задире. Зло ругаясь, Тек провоцирует врага, что на голову возвышается над ним. Клинок Наргала завертелся в неистовом вихре огня и стали. Пламя опалило лицо юноши, клинок Тека перехватил удар Наргала. Удерживая меч над головой, юноша изо всех сил пытается сдержать натиск жуткого врага. Нависая над противником, король неистово давит огненным мечом стремясь преодолеть защиту наглеца. От соприкосновения с мечом короля, клинок Тека раскалился, мгновение спустя металл поплыл. Полотно клинка прогнулось, а затем порвалось. Огненный клинок полоснул по шлему, и кирасе, король повернулся спиной к противнику и отошел. Голова и тело человека распались на двое точно распустившийся цветок. Ноги воина подкосились, и Тек упал на колени. Зависнув на мгновение, тело героя повалилось на бок. По рядам пронесся гул гнева, в общем шуме потонул одинокий возглас — Тек!

Старый Оха, расталкивая ряды, шел к месту боя, в его руках зловеще поблескивал полоторный меч. Едва взглянув на тело сына, Оха прокричал.

— Эй ты! Выродок!!! Вернись, бой еще не окончен!!! — от ярости голос воина дрожал.

Наргал повернулся, и мгновение спустя уже быстро приближался к Оха, земля завибрировала под ногами короля. Мощный Оха со свистом взмахнул клинком, заставив врага отшатнуться, затем парировал ответный удал, и ловко обведя палящий меч короля, рубанул его по предплечью, а затем по бедру, перерубая перекрученную жгутами мышцу ногу. Не останавливая движение, Оха вскинул клинок снизу-вверх, выставив вперед согнутую в колене ногу. Меч хлестко рубанул тело Наргала от паха до горла. Король повалился назад, погасший меч упал рядом, чадя тонкими струйками дыма.

Войско Братьев пришло в движение, вперед рванули собакообразные твари. Оха не успел ничего сделать, лавина прыгучих зверей опрокинула рыцаря.

Тонко запели стрелы, глухо ударяя о тела. Смертоносный снаряды падали с неба поражая врагов, в ответ дико засвистели вражеские. Черное войско достигло людей, армии столкнулись. Даад ощущал, как его клинок мягко входит в плоть, скребет по костям, цепляется за доспехи врага.

Впереди показалась высокая фигура поверженного Наргала. Страшный меч короля вновь пылал, сея вокруг хозяина смерть и ужас. Пробиваясь вперед, Даад споткнулся о что-то и едва не упал, опершись рукой о землю, он увидел растерзанное тело Оха.

— Вот и последний — почему-то мелькнуло в голове.

Старый Себас сначала потерял Юлиану и Джеду — жену и дочь. Братья увели их из захваченного Арата, потом сына, а теперь и сам пал. Волна гнева захлестнула Амадо.

— Тварь. Трусливая и подлая тварь — тихо проговорил он.

Наргал на мгновение застыл, и всмотрелся в гущу боя, точно ища чего-то. Даад мог поклясться, что король не мог слышать его, но Наргал продолжал искать, пока горящие глаза не остановились на нем. Огненные ямы вспыхнули и король быстро зашагал к рыцарю, выкашивая всех, кто случайно преградил ему путь.

Волнение тихо прокралось в живот, ладонь нащупала рукоять булавы. Меч с шумом вошел в ножны, Даад приготовился к бою.

Минуту спустя из гущи сражения вынырнул Наргал. Сухое тело короля висело более чем на две головы над невысоким, коренастым человеком. Жгуты переплетенных сухожилий и костей, перекачиваясь при каждом движении Брата, демонстрируя необычайную мощь.

Глаза короля с любопытством изучали дерзкого человечешку. Золотистый доспех, признак опытного рубака, обещал нелегкий бой, в руках воина он заметил булаву необычного болотного цвета. Наргал почувствовал всем своим существом, что перед ним оружие крайне опасное для его рода.

Даад легко нажал на рукоять, и шипастый шар выбросило вперед, одноручная булава превратилась в древковое оружие. Пружина на ногах, Наргал попытался обойти врага. Булава ту же изменилась, передний шип вытянулся, превращая все оружие в своеобразное копьё, жало которого ограничивали выступающие шипы.

Несколько легких уколов, едва не задевших короля, заставили Наргала отступить. Сбоку влез Курода, но огненный меч снес воина, с шипением прорезав тело рыцаря. Даад сделал выпад, король успел отбить верткое жало. От соприкосновения с металлом булавы, клинок Наргала брызнул горящими каплями, поджигая раскаленным металлом землю. Удивленно глядя на меч, с глубокой зазубриной на полотне клинка, Наргал немного отступил, а спустя мгновение легко взвившись вверх, обрушился на Даада. Человек парировал удар, и отводя меч древком копьё, шагнул в сторону, таким образом оказавшись сбоку, и тут же нанес удар между ребер, глубоко погрузив жало в плоть противника. Копьё изменило форму, жало вытянулось в клинок одноручного меча, вырывая сталь из тела Наргала. Нутро неживого несколько секунд горело, пока затягивалось переплетением сухожилий и костей, прочностью не уступавших металлу. Меч Даада, тяжело опустился на шею скорченного противника. Наргал отшатнулся, опустив меч к земле. Голова короля склонилась набок, повиснув на лоскуте не до конца рассеченной плоти. Несмотря на рану, Наргал не остановился, быстрые движения неживого сбивали с толку. Пылающий меч скоблил землю, спекая ее в твердую корку в остающихся от ударов бороздах. Наконец Брат подпрыгнул и

скрылся среди сражающихся, чтобы мгновение спустя вновь оказаться подле Даада. Удары посыпались один за другим, клинок врага брызгая металлом, все чаще сбивал защиту человека. Полотно горящего меча несколько раз скользнуло по доспеху, оставляя на его гладкой поверхности глубокие зарубки с оплавленными краями. Теряя силы Даад отчаянно рубанул сбоку, Наргал парировал. Клинки сцепились, началась борьба. Острие меча Даада, постепенно клонилось к земле, прижатое сверху огненным клинком, еще секунда и Наргал преодолеет защиту человека. Меч вздрогнул, и лезвие рванулось вперед, клинок Даада превратился в копье, и пробив грудь короля на вылет, обрел форму булавы. Человек рванул на себя древко, вырывая острыми шипами куски плоти Наргала.

Края огромной раны начали медленно стягиваться. Огненный клинок уперся острием в землю, король, опершись на эфес слегка раскачивался, пытаясь сохранить равновесие. Даад обошел Наргала, и встав сбоку, перехватил булаву обеими руками. Резко вскинув шипастый набалдашник, человек опустил его на голову короля. От удара обруч короны вмяло в сплюснутую голову, из раскроенного черепа, вспыхивая искрами, нехотя потекла лава. Наргал выронил меч, его руки неуверенно шарили по груди.

Булава превратилась в меч, прицелившись Даад резко рубанул короля по шее. В последний миг их взгляды встретились. В глазах Наргала исчезло былое превосходство, он все еще искал амулет на шее, не видя, что тот лежит совсем рядом, у него под ногами. Отрубленная голова упала на землю, теряя по пути смятую корону. Даад размахнулся и нанес последний удар булавой. Голова короля развалилась на части, пламя плеснуло во все стороны и тут же подернулось патиной.

От усталости тряслись руки. Человек наклонился за мечом короля, сбоку ударил свет. Свечение шло от амулета необычной формы, знак тихо вибрировал. Даад протянул руку, прикосновение холодного металла, пронзило тело. Мир завертелся. Рядом еще шумели отзвуки боя, становясь с каждым мгновением все тише. Скованное тело пронзил ледяной холод, чернота поглотила все существо рыцаря, до сознания стал доходить мерный, пьянящий мотив незнакомых песнопений, дурманящий запах курений, и восторженно-удивленные лица окружающих его людей.

Голос Григория, почему-то тревожный, настойчиво повторял.

— Господин! Враг перешел в наступление! Мы под ударом! Срочно надо уходить!!! — тело безжалостно трясли мощные руки телохранителя.

— Что случилось? — все еще не стряхнув до конца сон, спросил Амадо.

— Враг наступает! У нас совсем мало времени, чтобы бежать! — серьезно проговорил Григорий.

— Как бежать? А король? — не понял Амадо.

— Господин нас предали. У короля нет войска. Сенешаль, перешел на сторону Войтека, маршал отказался выступать, за короля только гвардейцы. Они сейчас ведут бой в городе, но вот-вот будут разбиты. Надо уходить...

— Когда все началось? Почему меня не разбудили? — вскричал Амадо.

— Никто не знал, пока из города не прибыл фельдъегерь Его Величества, с требованием привести помощь. Он рассказал, что врага впустили в город глубокой ночью. Стража предала. Это заговор!

— Так, ладно, тогда вели строиться остальным.

— Все уже в полной готовности. Только Вас пытаюсь добудиться. Ну и сон у Вас Ваше сиятельство.

— Теперь можно без формальностей, я уже не коннетабль...

Ворота распахнулись, из города донеслись звуки битвы, несколько рыцарей прикрывая всадника в роскошном доспехе, мчались к лагерю Амадо.

— Король! — узнал Родриго.

Следом показались преследователи, среди них выделялся огромный рыцарь в синем плаще, с изображением плачущей розы на щите.

— Ян Лешич! — воскликнул Амадо, не столько удивленно, сколько впадая в гнев.

Вскочив на коня, он кинулся наперез всаднику с розой. Бездоспешный Родриго быстро нагнал врага. На полном ходу его копьё пронзило рыцаря, другого, не Яна. Воин случайно выскочил вперед. Лешич увидел Амадо и попытался пробиться к нему, но в давке не смог справиться с лошадьё. Григорий, ухватив поводья коня Родриго тащил его в сторону от свалки. Рука Амадо, выбитая из плеча копейным ударом, безвольно повисла сбоку, о продолжении боя не могло быть и речи.

Чертыхаясь и гневно сверкая глазами, бывший коннетабль пытался урезонить Григория, но телохранитель, проявляя полное равнодушие к угрозам, уводил буйного суверена подальше от сражения.

Двор Амората испуганно обсуждал известия о пленении короля. Несколько дней спустя провозгласили нового монарха Гумберта Шотали, внука Альфонса Шотали. Следом появились новости, о договоре между королевствами, что скреплял династический брак. Гумберт брал в жены дочь Войтека, Анну Лушич. Несомненно, достойную кандидатуру, но за дочерью короля Сальяда следовал слишком длинный список фаворитов, окончивших жизнь на плахе.

После поражения под Вранкой, Амадо провел в добровольном заточении три месяца. Он постепенно собирал информацию, крайне скудную, поскольку бывшие союзники отказывались от общения с опальным, но и то, что удалось узнать вызывало тревогу.

К лету прибыл Шорде Гюло, бывший фаворит Сигизмунда. Теперь он находился под арестом в своем владении, откуда благополучно бежал. Фаворит поведал Родриго что готовится его арест, и со дня на день из столицы должен выехать отряд.

— Удивительно, но эту почетную миссию возложили на нашего магистра-инквизитора — полушутливо удивлялся Гюло.

— Этому-то, что от меня надо? Где я перешел дорогу церкви? Не понимаю — задумчиво пробубнил Амадо.

Его взгляд блуждал по кронам разноцветных кленов, что росли на берегу реки Терновки. Ветви деревьев уныло склонились к воде. Изящно изогнутая петля реки, охватывала имение с трех сторон. Оставшуюся сторону прикрывал меловой утес, неизвестно как оказавшийся посреди равнины. На его верху располагалась старинная башня, в минуты опасности все еще служившая своему хозяину оплотом. Небольшой каменный мост соединял земли Амадо с внешним миром.

— Да не важно, что ты сделал. Важно, что он человек Домиана Варко, нового коннетабля. Варко необходимо выдворить тебя как можно дальше, а если получится, то и на тот свет. Ты слишком много знаешь о Черных рыцарях, а это в последнее время стало опасно. Как ты знаешь, Альфонс Шотали, будучи епископом Олерда, тесно сошелся с Его Святейшеством. И извращенный ум Великого евнуха придумал как подвинуть нашего не шибко умного монарха. Да-да при всем моем отношении к королю, приходится признавать очевидное — ответил фаворит, на удивленно поднятые брови Амадо.

— Как на грех, эти планы совпали с интересами сильных мира сего. В падении Сигизмунда были заинтересованы, как Альфонс, так и его никчемный сынок. Судя по всему, именно они и организовали весь этот рейд по спорным территориям. С другой стороны, питая родственные чувства к Агнесе, любимой сестре, Войтек решил поддержать аферу свояка, для чего и отрядил два десятка рыцарей. Тех, что народная молва прозвала Черными. О сговоре похоже знали все, начиная от сенешаля де Коньи, и заканчивая начальником личной гвардии Сезаром Карраско. Конечно, не обошлось и без инквизиции. Поэтому Стефан Нофль сейчас готовит экспедицию в твои владения.

— Когда наш глупый король, поддавшись эмоциям, объявил войну своему дядьке, он и не подозревал, что армии у него нет. Более того, его активно подталкивал к военным действиям маршал Сане. Кстати, он первый покинул Вранки, перед тем приказав открыть ворота вражеской армии. Сигизмунд до последнего не подозревал, что враг уже в городе.

— Сенешаль, тот и вовсе, проигнорировал приказ короля прибыть в войска, сославшись

на болезнь. Так Сигизмунд, объявив войну, остался с врагом один на один. Лишь гвардейцы не предали, за что и поплатились жизнями. Да, что теперь уж об этом мало кто из них уцелел. Под Вранками никого не жалели. Убивали всякого, кто встал на сторону короля, не разбирая ни заслуг, ни происхождение.

— Как вам удалось выжить, в такой мясорубке? — с сомнением в голосе спросил Амадо.

— Несмотря на уверения нашей Единой церкви, что пороки ведут в подземное царство мук, для меня спасением послужили именно они. Накануне, я посетил владение, одного весьма горячего юноши, где и пробыл до утра следующего дня. Меня кстати, там и схватили, в одной ночной рубашке.

Оба заулыбались. Амадо в очередной раз позабавился умению Гюло посмеяться над собой.

Утром в комнату ворвался Григорий. Бешено вращая глазами, он сообщил, что во владения пожаловал отряд инквизитора. Наскоро собрав все необходимое, бывший коннетабль и фаворит свергнутого короля выехали в сторону Железной Долины. Пройдя вдоль реки, под прикрытием поникших кленов, беглецы покинули владения Амадо, избежав столкновения с инквизицией.

Путь предстоял не близкий, чтобы попасть в Долину требовалось пересечь половину королевства, перейти границы Сальяда, а затем полностью пройти северное королевство по краю Тенафарской гряды. Амадо ехал в Долину, поскольку знал, Железные короли никогда никого не выдают. Его спутник стремился туда же, так как его путь лежал к эльфам, в Эманторан. Там его дождался близкий друг, много лет прослуживший в эльфийском дипломатическом совете. Он предложил Гюло место при одном из старейших семейств эльфийского королевства, Великом доме Безбаэль.

В пути Амадо сдружился с умным и проницательным фаворитом. Он не переставал удивляться умением этого человека увидеть среди множества мелочей важное, и свести все к наиболее верному решению. Для себя это качество он объяснил большим опытом придворной борьбы.

Путешествие прошло без происшествий, лишь однажды их попыталась задержать стража в городке Ракави. Выручило умение держаться, неприступность важных господ внушила стражам трепет, и их пропустили без досмотра.

В Железной долине путники остановились в столице королевства, Феррочи, но пробыли в городе совсем не долго. Гюло уговорил Амадо отправиться вместе с ним к эльфам. Перед отъездом Родриго решил прогуляться по строгим улицам столицы Железной Долины. Забитая голосащими торгашами Биржевая площадь вызвала у Амадо отторжение, он свернул на уютную улочку и буквально уперся взглядом в вывеску «Лавка диковин и редкостей Крапора Семипалого». Внизу красовалась вывеска, написанная шрифтом помельче: «Желаешь найти, то, что никогда не видел, узнать тайны чужих стран, понять смысл жизни, тебе сюда!». Столь смелое заявление заинтриговало Родриго, и он сам не заметил, как прошел в низенькие двери. Изнутри лавка оказалась куда просторней, чем могло показаться снаружи. Когда глаза привыкли к полумраку, Амадо различил полки с аккуратно разложенным хламом, среди которого, впрочем, попадались действительно редкие вещи.

Амадо осмотрел стеллажи, уставленные инвентарем для алхимии и астрологии. Хрустальные шары таинственно поблескивали выпуклыми боками в тусклом свете лавки. Со стен на посетителя скалились жуткие личины шаманов юга, рядом лежало богато

инкрустированное и искусно прорезанное яйцо страуса. В воздухе повисла пыль, от сотен свитков, раскиданных по помещению в полном беспорядке. Беспечность владельца лавки удивляла. Многие вещи стоили немалых денег, но Амадо не заметил охраны, не говоря уже о том, что он более четверти часа свободно бродил по помещению, так и не обнаружив хозяина.

— Чем могу быть полезен? — прозвучал хриплый голос снизу.

Амадо испуганно повернулся на источник звука. Среди столов, заложенных всяким добром, подбоченился карлик-горбун. Огромный нос шумно втянул воздух, точно принюхиваясь к посетителю. Крышка люка, откуда он, судя по всему, только что вынырнул, возвышалась над огромной головой, создавая ощущение, что если она случайно упадет, то навсегда погребет под собой тщедушного владельца лавки.

Карлик улыбался, разглядывая удивленное лицо посетителя.

— Вы что-то ищете или просто заглянули из любопытства? — доброжелательно прохрипел Крапор.

— Я уж подумал, что владелец ушел, а лавку забыл запереть — попытался пошутить Амадо.

— Да, че ее запирать-то — отмахнулся Крапор. — Тут напротив живет командир городской стражи. Не думаю, что кто-то наосмелится лезть ко мне, при таком-то соседстве — карлик криво усмехнулся. — Так вам показать что-нибудь?

— Сложно сказать. Снаружи так много всего обещано, даже не знаю с чего начать...

— Это замануха, чтобы привлечь покупателя. Кто-то из мудрых сказал: — «Не все истина, что буквами означено!» — процитировал гном неизвестного мудреца.

— Ну тогда меня интересуют старинные манускрипты — сдался наконец Амадо.

— Какой период? — быстро ухватился за намечавшегося покупателя, ушлый карлик.

— Эпоха Рубинового неба...

— Э, да таких вещей в природе нет. Уж я вам как специалист могу сказать. Можете не сомневаться. Время Великих эльфов мало отмечено в письменных источниках...

— Меня интересуют не эльфы, а люди из города Ур...

— Да ну, что вы голубчик, какие люди во времена Великих. Тогда только гномы да эльфы жили, до появления людей еще тысячи лет. Кто вам такую глупость сказал? А про город Ур я вообще никогда не слышал. Уж можете мне поверить, сидя в этой лавке я много чего почитал — повисло неловкое молчание.

— Может что-то из реального? — с некоторым разочарованием продолжил словоохотливый продавец.

— Ну из реального, так из реального — улыбаясь, согласился Амадо. — Тогда меня интересует что-нибудь, где говорится о «Ночной Звезде».

Карлик озадаченно потер нас, взглянул на человека, и задумчиво протянул.

— Ну ладно. Уел, так уел! — протянул торговец. — А есть что-то сопутствующее названию, может описание, того, что носит имя «Ночная Звезда»?

— Это булава, густо усеянная шипами. Оружие, исполненное из редкого болотного цвета металла, необычайной прочности. По слухам, наделенное волшебной силой. Думаю, сведения о таком оружии должны остаться где-то в источниках.

— Знаете есть схожее описание, но только по металлу, и это не булава, а клинок Сарназара Налида, он правил в королевстве Хазрабоад. Сейчас там пустыня Кумаран. Так вот, мил человек, в «Книге странствий Сарназара» говорится о волшебном клинке,

выкованном богами. «Меч, сей откованный богом, верно служил Сарназару, храбрейшему из воинов. Жало его тоньше женского волоса, клинок прочнее скалы, цвета стареющей травы...». Дальше там идет речь о злоключениях раджпута, и о том, что клинок похоронили вместе с его владельцем. Так что, если вас интересуют подобные истории, советую... — карлик порылся в гряде свитков, но не найдя нужного перебрался к следующей куче. Спустя полчаса он торжественно поднял найденный манускрипт и прохрипел.

— Ага, вот и она. «Книга странствий», но она написана на древнем языке сапо...

— Ничего страшного, я найду переводчика. Сколько? — прервал Крапора Амадо, желая остановить накручивание цены на находку, но не тут-то было.

Торгаш почувал интерес покупателя, и в его глазах книга резко подорожала.

— Ну и ладненько. Тогда, учитывая, что это писано в монастыре Кларандо, почитай, что семьсот лет назад. Честно скажу большой раритет. Сегодня сложно найти, да что сложно, невозможно найти список более подробный, и почти без ошибок...

— Цена! — потеряв терпение спросил Амадо.

— Ну так я к тому и веду... — хитро улыбаясь, продолжил торгош.

— Крапор, не трать мое время, я его куплю! «Назови цену!» — твердо сказал Родриго.

Глаза человека жестко уставились на хозяина лавки.

Карлик посмотрел в них, и спрятав желтоватые радужки покрасневших от пыли глаз, принялся, что-то шептать себе под нос. Создавалось ощущение, что в его голове происходят сложнейшие расчеты.

— Сто золотых!

Торгаш объявил цену с таким видом, словно отдает за бесценок жемчужину своего собрания редкостей, и то лишь из глубочайшего расположения к покупателю.

Амадо покачал головой, и ехидно улыбаясь достал кошель. Взвесив мешочек на руке, покупатель удовлетворенно кивнул и швырнул его на стол. Затем вытащил из-за пояса еще десять монет и ссыпал золотые к кошелю.

— Ну вот и славно! — почти пропел Крапор, потирая руки.

В этот момент Амадо заметил, что у него и правда семь пальцев на правой ладони.

***

Язык манускрипта оказался хорошо знаком Родриго, им пользовались в проклятом городе Нгеве, еще до падения королевства. Переписчик подошел к тексту с любовью. Настолько полной копии, ему никогда раньше не приходилось видеть, тут карлик не соврал.

Утром Гюло с удивлением узнал, что его приятель решил отправиться в империю Ришам. Расспросы ни к чему не привели, Амадо хмуро отмалчивался. Молодой царедворец уже привык к природной скрытности бывшего коннетабля, поэтому несколько не удивился, лишь пожалел, что придется расставаться. Гюло привык к их неспешным беседам, где больше говорил он, а Амадо внимательно слушал, изредка вставляя странные фразы, сильно смахивающие на воспоминание о чем-то давно утраченном.

Несмотря на привычку расставаться, Родриго тоже жалел, что их совместная дорога подошла к концу. Теперь предстоял путь в одиночестве, путь к призракам прошлого.

***

Ришам встретил Амадо запахом специй, шумом базара, и нещадно палящим солнцем. Не задерживаясь в порту, он отправился в глубь империи намереваясь за месяц достичь края пустыни Кумаран. Желая слиться с местными, Амадо решил наняться охранником в караван. Превратившись в обычного наемника с востока, ничем не отличимого среди тысяч

наемников со всего света, что зарабатывали на охране купеческих караванов, или на грабежах караванов конкурентов нанимателя, он вышел из Венама вместе с караваном купца Мусир Нуха. Мусир торговал специями с народами Севера, обменивая экзотический товар на солнечный камень, и пушнину. Возвращаясь из дальних походов, купец продавал в собственной лавке экзотические для Ришама меха, и дорогуший солнечный камень, получая приличный навар. Его лавка в Венаме уже девяносто лет располагалась на центральной площади портового города. И не считая последних пятнадцати лет, приносила хороший доход семье Нусира. Все пошло наперекосяк с тех пор, как империя лишилась своего правителя Золиды Седьмого, который погиб в Священном походе. После гибели императора страну наводнили эльфийские наместники, называвшие себя айларами. С приходом остроухих торговля с каждым годом стала приносить все меньше прибыли, налоги, введенные эльфийской администрацией, задушили купечество. Нуха пытался бросить свое дело, но эльфы запретили переход в другое состояние. Айлары руками местных раджпутов в первый же год провели перепись населения Ришама. По итогам обложив жителей империи подушной податью, жестко увязанной с родом занятия. Поэтому самовольно переходить из одного сословия в другое запрещалось.

Углубляясь все дальше в земли южной империи, Амадо встречал только упадок и разрушение, постигшие некогда процветающее государство. Внешнее управление эльфов, направленное на выкачку ресурсов, и безжалостную эксплуатацию населения, привело к постоянным вспышкам голода, а голод вызывал сезонные эпидемии, косившие местных целыми городами. Увиденное вызывало гнев, но такова судьба побежденных.

Пустыня Кумаран отличалась каменистым дном и особенно нестерпимым жаром. Некоторые места, приходилось обходить как можно дальше, так как от высоких температур, там не хватало воздуха. Многодневный переход скрашивали редкие оазисы, дававшие передышку от зноя. Оснащенные специальными шатрами для путешественников, оазисы становились островками жизни, которую поддерживали местные племена кочевников, давно сообразившие, что выгоднее предоставить купцу кров, чем с риском для жизни пытаться его ограбить. Помимо крова и ночлега местные предлагали еду и воду. Особой статьей дохода считался чай, напиток, который пришел в пустыню из Гуппарана. Существовала гильдия купцов, специализировавшаяся на торговле чайным листом с кочевниками Кумарана. Чайные шатры стали местом долгих бесед о положении в империи, жизни и истории Ришама. Стараясь не проявлять излишнего любопытства Амадо выяснял недопонятые моменты из книги Сарназара. Кумаранский фольклор кишел историями о великодушном раджпуте, защитнике бедных и слабых.

Оазис Факут, принял под свою спасительную тень караван Мусира. Судя по «Книге скитаний» до Зайнаба, столицы королевства Хазрабоад, оставался день пути. Сидя в чайном шатре, Амадо поделился с Мусиром своими планами. Купец расстроился и долго уговаривал отказаться от опасной затеи.

— Отчего ты такой глупый, а? Человек с севера — возмущился купец, картинно всплеснув пухлыми руками. — Говорят же тебе, нельзя. Там нет людей уже тысячу лет, а то и больше. Одни шайтаны, да шакалы, гложут кости глупцов, что посмели нарушить покой Жестокого Сарназара.

— Почему жестокого, в «Книге странствий» о нем пишут, как о герое и защитнике своего народа? — удивился Амадо.

— В книге? Наивный северный человек, в книгах много чего пишут. Не грех и соврать,

когда сочиняешь. Кто проверит спустя столько лет? Мы то помним нашу историю не по книгам разным, а по рассказам стариков. И мне они рассказывали совсем иное, чем, то, что написано в твоей глупой книге.

— И что же тебе рассказывали старики? — с нетерпением спросил Амадо.

— А то, что злодей твой Сарназар. Свихнулся он со своим мечом. Возомнил, что он орудие бога. Он и погиб совсем не так как описано в твоей книге. Злодея заманили в ловушку и убили, а тело сожгли на костре в тот же день. Так боялись, что восстанет из мертвых, что не решились раджпуга предать земле.

— Это все я понимаю, но почему такой страх спустя тысячи лет? Ведь от него даже праха не осталось? — недоумевал Родоиго.

— Да в том-то и дело, что его дух не упокоен. Надо было в землю, а они его на костер. Так он и мается. Выйти из склепа не может, а вот случайных дураков, прочитавших книгу, прибирает к рукам.

Спор, как и всегда в таких случаях закончился ничем, оба остались при своем. Как только стемнело и нестерпимый жар сменил пробирающий до костей холод. Амадо вышел в пустыню. Верблюд шел резво и уже через час, на фоне синего неба, усыпанного сверкающими звездами, показался черный силуэт древней столицы.

Еще полчаса тряски, и человек уже объезжал неровные зубцы хорошо сохранившейся стены. Вблизи Зайнаб оказался огромным городом, величественным и прекрасным, несмотря на века запустения. Звенящая тишина давила на уши, ничто не могло побеспокоить тысячелетний покой покинутого города. Лишь от перепада температур, иногда перестукивали камни, вызывая неожиданным треском мурашки по спине.

Верблюд прошел в широко распахнутые ворота. Глазницы выбитых окон полуразрушенных домов, уставились на незваного гостя. На небо выкатила огромная, красная луна, ее свет залил мертвые улицы, окрасив стены в кровавые тона. Впереди чернел дворец, его медные кровли тускло горели в лунном свете. Из глубины, от живота, поднялась тревога и вцепилась в мозг мертвой хваткой. Амадо привязал верблюда и медленно пошел вперед. Шаги чеканно отдавались в каменной пустоте, разбегаясь по домам и проулкам.

Четверть часа спустя Амадо оказался перед громадой дворца последнего раджпуга, не останавливаясь он поднялся по ступеням парадной лестницы. Пустые залы эхом отзывались на каждое движение человека. Дворец разграбили еще в глубокой древности, остались лишь фрески, да мозаика на полу и стенах. Судя по количеству костяков, которые устилали пол приемной залы дворца Сарназара, мародеры частенько наведывались в покинутый город. Многие тут и остались, подбадривая нового искателя легкой наживы, недоброжелательными оскалами выбеленных временем черепов.

Амадо прошел дворец, стараясь нигде не задерживаться, и вышел на ровную площадку позади огромного зала приемов. Когда-то тут располагался великолепный сад, от которого остались лишь немногочисленные остовы деревьев, с жуткими, искореженными ветвями и вывернутыми наружу корнями. Внутренний голос предостерег его входить внутрь, и Амадо обошел сад по узкой, мощенной черным базальтом, дорожке. Она вилась далеко вниз, скатываясь с холма, подобно небольшой горной речушке, и терялась в каменных навалах позади города. При ближайшем рассмотрении навалы оказались остатками, некогда величественных усыпальниц, династии Налидов. Последним ее представителем считался Сарназар.

Искать проход внутрь не пришлось, кто-то до него тщательно разрыл спуск в

подземелье, заботливо отбросив все лишнее в сторону. Сделав шаг вниз по круто выющимся ступеням, Амадо застыл. В ноздри ударил тяжелый смрад разложения. Инстинктивно рука потянулась к эфесу. Приготовив клинок и закрыв грудь небольшим, круглым щитом, Амадо шагнул вниз. Вскоре обнаружился и источник запаха. Молодой воин из банды пустынных налетчиков, что нападали на караваны и быстро разграбив, исчезали в многочисленных оазисах пустыни, примостился прямо на ступенях. Запрокинутая голова, с широко разинутым ртом, смотрела пустыми глазницами в потолок. В этот раз ему не повезло, кто-то пригвоздил тело грабителя саблей к стене, воткнув кривой клинок между плит, слагающих ее. Приглядевшись Амадо отметил, что умер воин от удара копьем в пах, кишки мертвеца выпали на ступени, залив зловонной жижей узкий проход. Преодолевая брезгливость, Родриго двинулся вниз, старательно обходя мерзкую жижу. Дальше начались коридоры, петляя по ним путник переходил из одной залы в другую. Кое где попадались саркофаги, украшенные специфической вязью, и растительным орнаментом, но ничего похожего на описание саркофага самого Сарназара, Амадо так и не нашел.

Снова потянуло смертью. Путник пошел на запах, и вскоре оказался в помещении много большем предыдущих. В центре стоял блестящий саркофаг, выполненный из отполированного до зеркального блеска базальта. Камень буквально пробуждал желание коснуться его гладкой поверхности. Сверху, сквозь световую шахту, падал луч лунного света, отражаясь от саркофага он освещал призрачным светом внутреннее убранство мавзолея, что придавало окружению еще больше таинственности. Надписей на камне не было, как, впрочем, и украшений.

Надписи и не требовались, настенные росписи более чем красноречиво, говорили о том, кто здесь похоронен. Сплошь батальные сцены, в центре которых, возвышалась гротескно огромная фигура воина в черной чалме, с дорогой брошью, исполненной в виде анаграммы. Такую же анаграмму Амадо видел в манускрипте, в той его части, где говорилось о родовых символах Налидов.

Несмотря на луч света, падающий с потолка, остальное помещение терялось в полумраке. Зажженный факел, едва добивал до ближайшей стены. Игра пламени создавала причудливые блики на ее поверхности, отчего казалось, что картины ожили. Пройдя вдоль стены, он наткнулся на светильник. Масло в нем оказалось свежее. От испуга дыхание Амадо сбилось, прошло все-таки без малого тысячу лет, и наличие масла могло означать только одно, кто-то ухаживает за некрополем, и этот кто-то, прячась в тени наблюдает за ним. Ярко вспыхнуло пламя светильника, по промасленной нити огонь побежал от светильника к светильнику, на мгновение яркий свет ослепил.

Сверкание смальты, выложенной в причудливую мозаику на полу, не дало сразу разглядеть трупы поделщиков мертвеца, раскинувшего внутренности при входе. Они лежали в беспорядке, искромсанные, и изрубленные не менее зверски, чем их коллега наверху.

Тихое шуршание нарушило покой гробницы, в изголовье саркофага, на стене, медленно отползла идеально пригнанная панель, раскрывая черный зев прохода в смежное помещение. Амадо завороченно смотрел как из черного прямоугольника появилась тонкая нога, обутая в дорогой башмак, и обтянутая кольчужными штанами. Следом из темноты выплыла рука с вертикально поднятым копьем. В гробницу один за другим всплыли четыре воина. Серебряная кольчуга покрывала их с головы до ног, лица также терялись за кольчужной защитой. Казалось, они плыли над землей, так легко давалось им движение.

Воины направились к Родриго, окружая путешественника. От первого удара он

увернулся, второй отвел круглым щитом. Ответив резким выпадом, Амадо заставил стоявшего перед ним стража откатиться назад. Этого хватило, чтобы вырваться из окружения.

Быстро вращаясь, путник уходил в сторону от колющих ударов двух копейщиков, и размахистой сечи скимитара и ятагана мечников. Несколько озадаченные скоростью противника, стражи, выстроились в одну линию и стали сходить к Амадо. Не имея никакой защиты кроме стеганного халата и щита, Родриго искал спасения в скорости. Он атаковал с такой яростью, что воины отступили, обескураженные его напором. Закрывая голову щитом, и припав на колени, Амадо подрубил ноги одного из воинов, крутанув боковое сальто, он оказался чуть сбоку от второго стража. Молниеносный удар прямого меча, проткнул кольчугу на голове защитника некрополя, его тело застыло, и мгновение спустя рухнуло на мозаичный пол, звякнув кольчугой о камень. Из раны с легким шелестом вытекал песок.

Копейщики тем временем ловко загоняли Амадо в угол. Пользуясь огромным саркофагом как скалой, путешественник петлял, стараясь уйти подальше от молниеносных уколов копейных жал. Наконец ему удалось разделить врагов, просчитав удар он ловко подсел под копьё, и страж промахнулся. Удар соскользнул со щита, а меч человека глубоко вошел в живот копейщика, вздыбив на спине стража кольчужный покров. Рукоять застряла в разорванной кольчуге, и копейщик крепко схватил Амадо за руку, удерживая на месте. Второй копейщик нанес быстрый удар, но промахнулся, скользнув жалом копья по боку Родриго. По инерции копьё вошло в тело стража, что держал руку Амадо. От удара он потерял равновесие, падая навзничь, раненный копейщик утянул за собой всю троицу. Путник успел выхватить кинжал, и глубоко вогнал стальной стержень в шею копейщика, что только, что ранил соратника. Песок засыпал халат и пробравшись за ткань, неприятно коснулся кожи. Амадо оказался зажат между телами, а тем временем с пола поднялся мечник. Рассыпая остатки песка из раны в голове, он медленно шел к ним. Почти теряя самообладание, Родриго скинул с себя тело копейщика, едва успев выставить щит. Скимитар соскользнул с гладкой поверхности, в то время как кинжал Амадо вошел под ребра нападавшего. Поднимаясь с колен, он надавил на противника щитом, и толкая его перед собой прижал к стене, беспрестанно нанося удары кинжалом в живот. Враг сполз вниз по стене, с громким звоном обронив скимитар. Тяжело дыша Амадо уставился на рисунок, прямо перед собой, только сейчас он обратил внимание, что меч в руке Сарназара зеленый. Необычная для той эпохи форма, настолько специфическая, что ничего подобного тогда не могло существовать, сомнений не оставила, это то оружие, что описывал эпос Налида.

Используя копьё как рычаг, Родриго скинул крышку саркофага. Внутри, вместо тела, на шелковой подушке лежал меч, плотно спелёнатый промасленной тканью. Выдохнув волнение Амадо взял его в руки, и освободив от пут, извлек клинок из ножен. Едва заметные зеленые искры пробежали по острейшему краю меча, точно приветствуя владельца.

У самого выхода он споткнулся о тело одного из воинов, кольчужная маска сползла, по спине Амадо пробежала дрожь. Гладкая, восковая кожа, совершенно лишенная черт, матово отливала в неясном свете масляных лампад.

***

В ушах шумел ветер, верблюды набрали скорость и петляя по безлюдным улицам, увозил всадника прочь от проклятого склепа. С рассветом показались верхушки пальм, на краю оазиса его встретил обеспокоенный Мусир. Сбиваясь от волнения на причитания, купец

рассказал, что менее получаса назад оазис покинули воины. Воины не простые, все из известных семейств. Руководил ими эльф, они искали дорогу до Зайнаба.

— Особенно эльф прицепился. Все спрашивал не знаем ли мы, кто направился в те края? Я, конечно, соврал! Ты хоть и глупый, но смелый и честный! — улыбаясь закончил купец.

Его глаза упали на клинок, и толстое тело неуклюже отшатнулось от Родриго.

— Ты все-таки смог!

— Да — спокойно ответил Амадо, хлопнув рукой по ножнам.

— Послушай мой совет парень, избавься от него, пока не навлек на себя беду. Слишком много плохого совершил этот меч — тряся вторым подбородком, уговаривал Мусир.

— Не меч решает кого убить, а человек. На этом клинке не больше греха, чем на любой из этих палм — обводя оазис рукой, ответил Амадо.

— Как знаешь, как знаешь. И все-таки избавься от него, много бед принесет тебе это оружие — разочарованно протянул Мусир.

Прибежал слуга и сообщил что несколько всадников возвращаются.

— Наверное, нашли мой след — высказал вслух догадку Амадо.

На долгое расставание времени не осталось, они обнялись с Мусиром. На прощание, купец вновь попросил его избавиться от злосчастного клинка. Поджарый жеребец, подарок Мусира, лихо рванул от оазиса, унося Амадо в пекло Кумарана. Роняя скупую слезу, купец махнул рукой в след странному человеку с Востока.

В тени редких деревьев оазиса Гийяс нашли приют несколько караванщиков. Они расположились на дальнем конце пальмовой рощи. Одни везли драгоценности, другие дорогие ткани, с противоположного конца оазиса ветерок приносил пряный запах специй. Попался и один торговец оружием, что сразу вцепился маленькими глазками в клинок Амадо, и не смущаясь разглядывал легендарное оружие.

Родриго пришлось свернуть к оазису, у него закончилась вода. Беглец остановился у коновязи и наблюдал как его лошадь жадно всасывает свежую влагу из глиняного лотка.

Спустя полчаса появились преследователи, бежать Амадо не мог, его конь выбился из сил. Восемь человек неспешно въехали в спасительную тень, заставив подвигнуться торговца живым товаром. Укрытые с головой девушки тихо расселись на новом месте, сбившись словно стайка ярких птичек, в небольшой кружок. Их охранял огромный детина, судя по грозному виду, он имел распоряжение убить любого, кто посмеет подойти к девушкам.

Пока воины поили лошадей, эльф прошел в центральный шатер, где заказал пиалу с ароматным чаем, и присев к компании купцов принялся выпрашивать. Подтянутый, прямой, сама осанка его говорила о породе и высоком происхождении. Темно серые глаза холодно скользили по отдыхающим, пытаясь определить кто есть, кто. Стараясь не подавать признаков заинтересованности, эльф продолжал вкрадчивым голосом вызнавать, кто перед ним прибыл в приветливую тень Гийаса. Амадо сидел на подушках поодаль, широкий халат скрывал болотный клинок. Эльф остановил на нем взгляд, но не заметив ничего не обычного продолжил неспешную беседу со словоохотливыми купцами. Заплатив, Амадо вышел из шатра, краем уха уловив часть разговора.

— Да что вы господин, какие редкости? Мое оружие произведение искусства, но оно для простых воинов. У меня есть один клинок, который вас поразит своим великолепием, лучший из того, что ковали кузнецы Дисмашана. Легкий как пух, острие тонкое как волос прекрасной девы, прочный как скала... — пел в торгашеском забытии купец.

— Верю, верю, но есть ли у тебя, что-то достойное короля, редкое, с историей — вкрадчиво прервал купца эльф.

— Господин, тебе врать не стану. Нет у меня такого товара, но, если, хочешь действительно редкое. То тебе надо к нему — палец купца указал на выходившего из шатра человека. Приземистая фигура застыла на мгновение, а затем исчезла за пологом.

— У него тоже караван с оружием?

— Нет мой господин, у него меч Сарназара. Проклятый клинок, что много веков пролежал в могиле. Этот человек глупец! Меч погубит его! И тебе не советую его приобретать, этот меч проклятье, а не подарок, но он достоин короля! — предупредил эльфа купец.

Эльф подскочил на месте и не дослушав купца, кинулся следом за Амадо.

— Покажи клинок! — прозвучал приказ.

Родриго уже оседлал лошадь и готовился покинуть оазис. Голос эльфа, точно хлыст, разрезал сонный покой оазиса. В нем не осталось и следа той мягкости и вкрадчивости с какой прежде остроухий вел беседу с купцами.

Амадо поднял на него тяжелый взгляд, эльф отшатнулся и вытащил длинный меч, человек тоже достал клинок.

— Верни меч, глупец! — приказал эльф, обдавая человека холодом серых глаз.

— Кто ты? — спросил Амадо.

— Я айлар Лакадики Самудр, среди дикарей она известна как империя Ришам — ядовитая улыбка скользнула по тонким губам эльфа. — И я приказываю тебе отдать меч, что у тебя в руках!

— Всегда поражался откуда в эльфах такая спесь. Это оружие принадлежит мне, я его хозяин — твердо ответил Амадо, внутренне собираясь перед неизбежным поединком.

— Что же ты сам выбрал свою судьбу, мало того, что ты вор, ты еще и смутьян... — не окончив фразу, эльф сделал выпад. Родриго легко парировал, но айлар ловким финтом ранил его в руку. Несмотря на рану Амадо сумел ответить, и следующим ударом проткнул плечо остроухого. Эльф схватился за порез, сквозь плотно сжатые пальцы обильно сочилась кровь, клинок выпал из ослабевшей кисти. Оторвав взгляд от крови, он увидел, как Амадо мчится во весь опор в сторону пустыни. Человек вырвался из оазиса несмотря на то, что его пытались перехватить несколько воинов Ришама. Гнев окрасил лицо эльфа багрянцем, он растерянно подбежал к лошади. Попытался сесть в седло, но рука безбожно кровила, мимо пролетели ришамские всадники. Не дожидаясь приказа, они вереницей выезжали из оазиса стремясь нагнать беглеца.

Загнанная лошадь сначала сбавила ход, а затем встала. Вскоре послышался шум погони. Небо резко потемнело, лошади захрапели, вспыхнули яркими пятнами зажженные факелы, всадники разбрелись по пустыне. Амадо укрылся среди остатков скал, что высились неподалеку. Изъеденные ветром столбы, образовав сложный лабиринт, беспорядочно громоздились прямо посреди пустыни. Вскоре погоня потеряла след, и вернулась к скалам, не вовремя заржала лошадь. Ришамцы пошли на звук, застрекотали неведомо откуда взявшиеся насекомые. Сбоку что-то прошуршало, ночная пустыня ожила. Сидя в укрытие Амадо различал едва слышный ришамский говор. Опытные воины все время держались рядом, чтобы заставить их разойтись, Родриго бросил несколько камней в разные стороны. Хлесткий стук, многократно отражаясь от скал заметался в тесноте каменного лабиринта. Резко похолодало, от перепада температур скалы пришли в движение. Находясь в шатком равновесии, состоящие из двух частей колонны издавали зловещий стук. Суеверие взяло верх, и испуганные воины бежали из лабиринта.

Ближе к утру к погоне присоединился еще один всадник. Перевязанная рука подсказала Амадо что это раненный им эльф. Ришамцы расположившись у костра равнодушно встретили прибытие своего командира. Эльф выслушал доклад старшего, и медленно покрываясь краской взорвался.

В гневе он вспомнил всех богов человеческих, не забыв попутно их оскорбить. После минутной вспышки, эльф успокоился, его голос приобрел стальные нотки. Страшные угрозы посыпались с языка остроухого, и они произвели впечатление на воинов. Четверть часа спустя ришамцы снова вошли в лабиринт.

Эльф пошел первым, немного поколебавшись за ним потянулись остальные. Минуту спустя Амадо услышал булькающие звуки, а чуть позже знакомое шипение. Слегка приподняв голову над камнем, что укрывал его, он увидел, как тело остроухого в агонии чертит ногой по земле. Черные с проседью волосы воина ришамца блеснули на солнце. Он вытирал кривой нож, о край эльфийской туники. Затем схватив за волосы белокурую голову айлара, показал ее остальным, под злые шутки воины установили ее на камень. Амадо снова спрятался в свое убежище, прошло немного времени, и земля задрожала, всадники быстро

удалялись.

***

Четвертый день Амадо брел по раскаленной пустыне. Мозг приказывал спешить, а ноги шли все медленнее. Злость на ришамцев давно прошла. Осталась только тоска и чувство обреченности. Преследователи увели с собой его скакуна, а с ним и весь запас воды. Не разбирая направления, он вышел на абсолютно плоскую равнину. От нехватки воздуха легкие разрывало, в глазах плыли разноцветные круги, а тело потеряло последние остатки сил. Ноги подогнулись сами собой, а земля быстро приблизилась к лицу, густая, липкая чернота стремительно окутала сознание.

***

Вокруг люди в странных одеждах они восторженно смотрят на него. Кланяясь, к нему подошел пухлый старик. Оскалив щербатый рот, опущенный густой бородой, он прокричал срывающимся голосом.

— Приветствую тебя Наргал дарующий бессмертие! Я Мампсис! Я служил тебе всю свою жизнь! Прими же жертву мою! — с этими словами он срезал себе мизинец, и кинул на золотое блюдо, которое держала обнаженная девушка.

Грациозно покачивая бедрами, она приблизилась к Дааду и поднесла дар старика. С отвращением глядя на кусок умирающей плоти, он подыграл старику.

— Приветствую тебя Мампсис, король людей!

— Прошу тебя о великий, даруй нам бессмертие, и мы будем верны тебе до скончания веков! — унижено, склоняясь произнес Мампсис.

— Что проку вам в бессмертии. Бессмертие и благо и бремя. Может, ты что-то другое желаешь?

— Но мы нуждаемся в бессмертных воинах, что сумеют спасти Нгеве!

— Нет у меня власти над смертью! Прими свою суть — продолжал выкручиваться Даад.

Повисла неловкая тишина. Король растерянно посмотрел на воплощенного бога, затем его свинячьи глазки сузились. Подозрение, смешанное с сомнением, засветились во взгляде Мампсиса.

— Тогда великий помоги нам с орками! Они пришли из-за гор! Несметные полчища! Дикари, людоеды грозят разрушить мое королевство! — с надеждой произнес Мампсис.

— Помогу, но сейчас верни меня назад! — потребовал Даад.

Старик странно посмотрел на него, подошел ближе и ласково глядя на Даада произнес.

— Мы поможем тебе! Сейчас принесут жертву! — он хлопнул в ладоши и в помещение ввели вереницу девушек чью наготу едва прикрывали повязки на бедрах. Глядя пустым взглядом перед собой, они прошли к алтарю и опустились на колени. Тощий мужичок в резной маске, изображающей какого-то монстра, блестя кинжалом в руке, заломил голову одной из девушек, лезвие коснулось белоснежной кожи.

— Стой, стой, стой!!! Не надо!!! Этого не требуется, скажи мне как работает твой проход?! — воскликнул Даад.

— Но без этого мы не сможем тебя вернуть. Да и зачем тебе назад? Оставайся! Мы тебя примем как своего бога, не будет тебе отказа ни в чем! — елеинно прокудахтал Мампсис.

Напряжение сковало тело, пот катил градом по спине, Даад начал понимать, что эти люди совершенно не знают, что делают, они суеверно приносят жертвы в надежде на чудо.

— Я останусь — успокоил старика Даад, испуганно глядя на ряды девушек, приготовленных на заклятие. Старик опять внимательно взгляделся в него, но отбросил едва

возникшее сомнение.

Запах утопанной травы ударил в нос, смешиваясь с вонью от крови и испражнений. Он навевал воспоминания о скотобойне, вокруг все вертелось, звенело, охало, кряхтело и стонало. Даад наступил на голову огромного орка и раздавил череп, «Ночная звезда» совершила полукруг сокрушив очередного врага. Волколак схватил железной хваткой руку Даада, в то время как орк неистово наносил удары мечом по его шлему. Булава превратилась в клинок, точный удар в шею огромного волка опрокинул и животное, и седока. Хрип умирающего зверя смешался с отчаянной руганью орка, прижатого тушей «скакуна». Даад встал над ним, орк иступлено бил клинком в кирасу, стремясь пробить броню человека. Удары постоянно соскальзывали, оставляя лишь легкие царапины, которые тут же затягивались. Великие воины пали, бросив вызов новому человеческому богу. Видя неуязвимость рыцаря в золотистой броне, орки начали отступать, люди поднажали, и армия зеленокожих людоедов побежала. Теряя сотни жизней, орки отступили в лесную чащу, где и осели на долгие годы.

Перед глазами закрутился калейдоскоп картин, сменяя одна другую, они рассказывали давно забытые истории.

***

Нестерпимый жар разварил тело, Амадо не мог пошевелиться, раскаленный песок мелькал где-то внизу.

— Как странно! Почему он перемещается — беглец попытался поднять голову и не смог, что-то ее удерживало.

Перед лицом появилась рука с бурдюком, губы инстинктивно впились в горлышко. Теплая влага смягчила сухость в горле, Амадо хотел отхлебнуть еще глоток воды, но бурдюк исчез где-то за границами его зрения. Снова навалила чернота, все поплыло и человек впал в забытие.

***

Ребенок, маленькая девочка, сидит у него на коленях, Даад объясняет, как устроен его мир. Девочка сыпет вопросами, черные глаза внимательно и серьезно смотрят на его шевелящиеся губы. Подходит женщина лет тридцати, схватив за руку ребенка, она уводит девочку прочь. Ребенок протестует, но в итоге вынужден подчиниться непреклонной воле женщины. Прекрасный сад благоухает, кружа голову. Рядом присел Мампсис. Наливает рубиновый напиток из серебрянного кувшина с ажурным горлышком в медный кубок, затейливо отделанный золотом, протягивает его Дааду, он отказывается. Ему совсем не хочется пить.

— Кто ты? — спрашивает король. — Я не вижу бога. Я вижу человека. Зачем ты к нам пришел?

— Я из другого мира — уклончиво отвечает Даад.

— Да, но зачем ты пришел? Ведь я, мой отец, и мой дед молимся Наргалу. А пришел ты. Зачем? Подари мне и моему народу бессмертие, и мы станем твоими рабами! — наклонившись к самому лицу Даада, выдохнул король.

— Не в моей власти даровать тебе, то, что мне не принадлежит.

— Тогда почему ты еще здесь? — разочарованно спросил Мампсис.

— Я жду.

— Ждешь? Чего?

В ответ молчание, король посидел еще немного и поплелся в свои покои. Та страсть с

какой он жаждал бессмертия пугала Даада. Настало время уйти, но как выбраться из этого мира? Алтарь Мампсиса упорно молчал. Дааду пришлось искать иной путь, что оказалось очень непростой задачей. Уходить совсем не хотелось. Эти дикие, но в то же время почему-то симпатичные ему люди, приняли его как своего бога. Их король милый и простой старик, в котором Даад видел любящего мужа и отца, по сути своей безобидный и добрый, если бы не его жажда бессмертия. Мампсис любил свою немолодую жену Алайну, и непоседу дочурку. Наверное, поэтому его так пугала смерть, что уже склонилась над его сединами.

***

Резкий удар о землю, вырвал Амадо из забытья. С трудом разлепив глаза, он уставился на резной лист пальмы, которым играл едва заметный ветерок.

— Где он? Что это за место?

Словно отвечая на его вопрос, в поле зрения вошел один из воинов эльфа. Он наклонился над Амадо и влил ему в рот воду. Подождал пока пленник проглотит ее, и вновь наполнил его рот живительной влагой. После чего шлепнул беглеца по плечу, и только теперь Родриго почувствовал, что он связан. Приподняв голову, он увидел вожака ришамцев, на поясе у него висел болотный клинок. Ришамец что-то бурно обсуждал с караванщиком. Наконец они договорились, вожак сделал знак рукой, и Амадо резко подняли на ноги. Караванщик подошел к нему и внимательно осмотрел. Приказал развязать. Путы ослабли, и затекшее тело повело, но упасть ему не дали. Крепко удерживая за плечи, беглеца вновь поставили на ноги. Купец недовольно скривился, и что-то сказал вожаку, затем, вытащил кошель и отсчитав пятнадцать серебряных монет, дал команду своим стражам. Вскоре Амадо оказался в кандалах, топая в строю таких же, как и он сам, рабов.

***

Сложно понять, что его более отвращало, в рабском состоянии. Толи то, что его воспринимали как вещь, толи то, что он оказался на удивление низкой цены. С ним особо не церемонились. Спина ныла от постоянного общения с плетью, еды не давали, воды давали мало, и плохого качества. Он стоил дешево и на него не тратились. Неделя пути показалась годом, а невольничий рынок райским уголком. Здесь от палящего солнца прикрывал навес, их покормили и дали вволю напиться.

Девушек раскупали охотно, с жаром торгуясь, иногда переходя на личности. Хорошо шли темнокожие, затем пошли белые, под конец выставили элиту, образованных рабов. К удивлению Амадо они разошлись без особого ажиотажа. Он все ждал, когда очередь дойдет до него, надеясь, что ему повезет и его купит какой-нибудь образованный богач. Однако торги закончились и всех оставшихся погнали в помещение с зарешеченными окнами и железными дверями.

Рядом лежал истощенный мужичок, он посмотрел потухшим взглядом на Амадо и неожиданно улыбнулся почти беззубым ртом.

— Что солдатик пропали мы с тобой? — толи спросил, толи заверил мужичок.

— В каком смысле пропали? — непонимающе переспросил Амадо.

— Так мы теперь с тобой будем на галерах отрабатывать потраченные на нас деньги — с грустью сказал мужик. — Мало кто выдерживает больше месяца. Мы бросовый товар, нас не жалко. Знаешь почему река Умага, зовется Могильной?

Родриго отрицательно покачал головой.

— Каждый год здесь гибнут тысячи таких как ты и я. Баржи с рудой всегда сильно перегружены, поэтому регулярно тонут. Спасают команду, а не рабов что ничего не стоят.

Наши кандалы нас тянут на дно, где большинство и находит свой конец. Но эта смерть намного легче, той, что тебя ждет в случае везения. Тогда ты умрешь от истощения. Сначала придет тупость, затем откажут ноги, а потом и руки, тогда тебя, еще живого, выбросят за борт, прямо на обед острозубым танакайбам. А они здесь вырастают размером с лодку, слишком много хорошего корма.

Амадо удивленно смотрел на мужика, а тот подмигну ему и добавил — Так-то!

Мужик ошибался, люди выдерживали и год и два, и двадцать в чем в впоследствии Родриго убедился лично. Первые месяцы безумно болели руки и спина, часто приходилось хватать плети. Кормили неплохо, но всегда хотелось больше. Иногда снимали кандалы и позволяли привести себя в порядок. Самые жуткие дни начинались с прибытием новой партии руды, где приходилось в кратчайшие сроки разгружать и загружать большие объемы породы.

Амадо не только выжил, но и вырос в цене, его перекупил торговец, владевший флотом кораблей, бороздивших Эльфийское море. Перевозили все, от бочек с маслом, до рабынь. Чаще всего несколько видов грузов сразу, самый сложным грузом оставались руды.

Мужичок как предсказал, протянул ровно месяц, его тело выкинули в море. Голубая вода южного моря окрасилась красным, клубящимся облаком. Акулы получили свою долю в людоедской истории, где не они были главными людоедами.

Каждый день похож на другой. Двадцать пять скамеек, по несколько человек в ряд, постоянный ритм барабанов, и свист кнута надсмотрщика. Руки вскоре налились силой, спина стала как железные дуги, и появились мысли о побеге, но бежать получилось нескоро. Команды гребцов различались по происхождению. Одни набирали из гномов, другие из людей. Их старались не соединять в силу разности роста, длинны рук и способности переносить нагрузки. Гомы намного превосходили среднего человека, кроме того, они попадались редко, и стоили очень дорого, чтобы относиться к ним с тем же пренебрежением, что проявляли к людям. Людей же всегда было в избытке, и стоили они не дорого, большую часть гребцов составляли бывшие военные, попавшие в плен.

Четыре года пролетели как в тумане, работа, отдых и снова работа. Постоянный надзор и наказание за любое неповиновение. Особенно отличались стремлением к свободе урсумы. Их перепродавали торговые колонии, основанные сотни лет назад, на восточном побережье Эльфийского моря, в прямой близости от Великой степи. Сосед Амадо, Федор Живило бежал три раза. В первый его наказали двадцатью ударами бамбуковой палкой по пяткам. Для чего привязали к доске и отсчитали положенные удары, но Федор не утомился и бежал второй раз. Беглец прыгнул в море недалеко от берега, однако метко пущенная стрела, пронзила ему руку. Урсума извлекли из воды едва живого, руку вылечили, все-таки за него уплачены деньги, а затем в присутствии остальных рабов срезали оба уха. Спустя месяц, неутомный урсумец бежал вновь, и почти ушел, если бы его не выдала добропорядочная жительница портового городка. На этот раз он лишился носа. Глядя на злоключения безумного соседа, Амадо понял, что надо ждать пока представится удобный случай, и бежать наверняка, не рискуя выступающими частями тела.

***

На исходе четвертого года судьба занесла их корабль в гавань Миата, с одноименным городом столицей. В далеком прошлом Миат слыл великой империей, но шли века и от былого величия города остались только предания. Гавань располагалась в Лосмийском море, на берегу, которого процветал город-республика Арси. Молодое государство с большими

амбициями. Работоторговля здесь только набирала свои обороты, а основой привилегий, как и во всех полисах, служило гражданство.

Раннее утро еще сохраняло прохладу ночи, когда бей Шараф Хузаг отобрал самых сильных рабов, им предстояло выйти в город вместе с господином. Тех, кто пытался бежать, никогда не брали на берег. Амадо ни разу не показал даже намека на попытку к бегству. Он принимал выдвигаемые условия и старался не подвергать себя излишним телесным испытаниям, ему с лихвой хватало гребли. Его сосед, урсумец Федор, постоянно подтрунивал над ним.

— Откуда ты такой? Совершенно не способен за себя постоять! Как ты дожил до сего дня?

Работая вместе, гребцы научились понимать друг друга без слов. Годы рабства спаяли их невидимой цепью общего унижения.

После небольшого пространства галеры, узкие улицы портового города казались огромными. Переполненные людьми, они кишели торговцами, моряками со всех концов света, портовые шлюхи зазывали прохожих в таверны, и грязные притоны. Тяжелогруженные телеги везли товар с кораблей и обратно. Грузчики, сгибаясь под спудом тяжестей погружали и разгружали суда. Амадо более двух лет не был на суше, сегодня он чувствовал, что время пришло, время чтобы скинуть ярмо. Беспечность с какой охрана относилась к рабам, давала надежду на удачу. Стражи, также соскучившиеся по берегу, больше глазели по сторонам, чем следили за рабами.

С Амадо на берег сошли еще шестеро, осоловев от смены обстановки, они восторженно крутили головами. Гребцы давно не видели обычную жизнь, потому впитывали окружающую суету каждой порой. Шесть охранников бея окружили господина, двое замыкали шествие, следя за рабами. Пестрые ряды базара, казалось, тянулись бесконечно, они шли вдоль лотков нагружая корзины. Ряды, где продавались ткани, золото, оружие и разного рода вещи пригодные в быту, бей обошел стороной, так они оказались на рынке рабов.

Оставив гребцов снаружи под надзором двух стражей, Шараф прошел в специальный павильон, где обнаженные рабыни показывали себя будущим владельцам. Вереница девушек разной внешности, от белоснежных северянок, до чернокожих рамалиаток, поочередно выходили на помост и покачивая бедрами вертелись вокруг своей оси побуждая покупателя тратить деньги. Среди красавиц особенно выделялись рабыни урсумки. Стройные, белокурые, с приятными женственными формами, среди них иногда попадались редкой красоты экземпляры, что всегда вызывало шум и долгий торг.

Сегодня выставлялась темноволосая, сероглазая дева. Гибкая как ива, она потупилась и пыталась прикрывать свои прелести, за что хозяин бил ее по рукам стеклом. Девушка смешно ойкала, не столько от боли, сколько из опасения, и покрываясь румянцем ненадолго отводила руки, открывая взору красоту нагого тела. Оставалось непонятным, смущение или гнев вызывали румянец на юном лице.

Завороженный ее красотой Шараф включился в торг. По мере повышения ставок, рос азарт бея. Цена урсумки дошла до размера небольшого состояния, полторы тысячи. Гвалт обезумевших от страсти мужчин, перебивал только громогласный голос ведущего торгов.

Ожидание затянулось, утро набрало южный зной. Амадо попытался поставить мешок риса на пол, чтобы спина отдохнула. Кнут обжег его руки. Стражник глазами показал, чтобы он вновь поднял мешок. У Родриго потемнело в глазах, скрывая гнев, он опустил взор к

земле. Озноб начал бить тело, терпение кончилось. Длинный вдох, затем медленный выдох, пришло спокойствие, дрожь перешла в натянутость мышц. Секунду спустя все замелькало и смешалось в водовороте событий.

Злополучный мешок оказался на голове стражника, а его ятаган в руках Амадо. Торгаши почувствовали брызги горячей влаги на своей коже. Шипя, алые струи вырывались фонтаном из рассеченного горла стражника. Клинок с удивительной быстротой и мощью сокрушил остальных стражей. Амадо в бешеном танце рубил опостылевших надзирателей, где-то в глубине он поражался силе своих рук. Одним ударом он отбрасывал врагов, и выгибал щиты в обратную сторону, оставляя глубокие зарубки на металле. В какой-то момент он успел перерубить цепь что сковывала его товарищей. Стражу атаковали еще шестеро. Обреченных не смущало отсутствие оружия и перспектив на победу. Рабы больше не могли жить по-старому, пусть даже и ценой своей жизни, они пытались вырвать свободу. Размахивая саблём Шараф, ринулся к мятежникам, выкрикивая на ходу.

— Изрублю!!! Как смеете, собаки!!! Всех изрублю!!!.. — договорить он не успел, ятаган Амадо расколол череп господина.

Бей присел точно куль с рисом, выпучив пустые глаза, и продолжая, шевелить посиневшими губами. Амадо рубил все до чего мог дотянуться. Стража, занятая его товарищами, не могла остановить гребца. Бунтарь налетел на покупателей. Визг рабынь, вопли раненных и убитых отцов города. Их воины пытались пробиться к Родриго, но, трупы, и стоящие насмерть рабы загородили проход. Вскоре товарищи Амадо пали, и стража пошла по рядам покупателей в поисках живых. Многие уже не дышали.

Сквозь прорезь в пологе шатра, пробился жаркий луч солнца. Светящееся пятно легло на бледное лицо стража, который лежал в луже собственной рвоты, удерживая кишки в рассеченном животе. Амадо исчез, пропала и красавица-урсумка, вместе с деньгами, что покупатели выложили за ее наготу. Около перевернутого треножника, склонившись над серебряным блюдом, стонал ведущий торгов. Он держался за голову, с которой стекала темная струйка крови, и раскачиваясь из стороны в сторону причитал.

— Ловите ее... Ловите, мошенницу... Ух гадина. Голова... Вот гадина!

***

Убийство отцов города обратило внимание прокуратора Нея Таркала. В провинцию направили войска для проведения расследования. Не в первый раз этот рассадник порока заставил прокуратора высылать войска Арси в Миат. Город закрыли к вечеру, беглецов спасло личное знакомство с королем воров Вописком Монатом.

Вописк сумел подмять под себя магистрат Миата. Взятки, проституция, набор особенных услуг все это делало его незаменимым. К тому же король воров умел хранить чужие тайны, что ценится во все времена. Поиск сильно осложняло то обстоятельство, что бывшая столица империи, с потерей статуса, рассталась и с большей частью своих жителей. Десять кварталов стояли заброшенными, постепенно разрушаясь, и заселяясь всяким сбродом. Небольшая часть древнего города осталась под властью магистра, в остальных же кварталах царила улица. Искать беглецов в трущобах, в которые превратились некогда величественные улицы Миата, не имело смысла.

Отребе, что охраняло покой Вописка поначалу отказалось вести разговор с Амадо, даже пригрозило поколотить если он не уймется, но окровавленный ятаган заставил их прислушаться если не к словам, то к гласу разума.

Увидеть Вописка так и не удалось. Беглецов принял Фрол Невинные Глазки, правая

рука короля воров. Свое прозвище Фрол получил за умение использовать до безобразия безобидную внешность для обмана доверчивых граждан. О его аферах ходили легенды. Так вся республика почти год обсуждала, случай, когда Фрол, выдавал себя за стряпчего купца Амалея Эвмейского, крупного торговца шелком. Мошенник сумел продать целый караван шелка прокуратору Нею Таркалу. Сенатор Ней человек весьма неглупый купился на посулы простоватого торгового юриста, предлагавшего приобрести товар от имени богатейшего купца империи. Хитрец сумел убедить Амалея в том, что состоит на службе у Таркала, а прокуратору предоставил товарные накладные, украденные в доме купца. Конечно, ничего бы не вышло, если бы Фролу не помогла дочь прокуратора Бельда. У нее как раз случился роман с управляющим отцовского имения в Эмеях. Пылкая молодка решила бежать с любовью всей жизни, а как известно самостоятельная жизнь требует денег. Немного поразмыслив, любящая дочь пришла к мнению, что суровый отец должен поделиться со своей наследницей. Именно тогда появился Фрол. Быстро смекнув, какой куш на кону, Невинные Глазки пообещал поспособствовать богу любви, соединив два любящих сердца. Естественно, получив деньги мошенник забыл и о богах, и о патронессе, и о великой силе любви. Амадо прекрасно понимал, что доверять такому человеку нельзя, но выбирать не приходилось.

Гуттаперчевый человек с открытым взглядом больших, голубых глаз, ясно смотревших на бежавшего раба, внимательно выслушал Родриго. По окончании рассказа беспокойного гостя, Невинные Глазки задумался. Тонкие, гибкие пальцы стучали по гладкой поверхности стола, мастерски выточенного из красного дерева. Примета былой роскоши столицы мертвой империи. Легкое движение головы пригласило Амадо в кресло, напротив. Беглец присел, положив на колени клинок, и напряженно вглядываясь в непроницаемое лицо собеседника.

— И так ты просишь, вывести тебя из города...

— Меня и Славну — Амадо кивнул в сторону красавицы.

Славна прислонилась к косяку входной двери и затаив дыхание вслушивалась в разговор мужчин. Испуганные глаза девушки, затравленно рыскали по лицам охраны Вописка. Нахальные рожи мерзко лыбились, и беззастенчиво щупали глазами, полуобнаженные формы беглянки.

— Я понял! — повысил голос Невинные Глазки, и в невинных очах мошенника блеснул стальной холод.

Негромкий голос Фрола зазвучал холодно, и неожиданно жестко.

— Ты меня перебиваешь в моем доме, наплевав на правила приличия. Наверное, ты забыл, что тебя ищут? Там наверху ты не более чем раб. Раб, убивший господ. Как думаешь сколько сейчас стоит твоя жизнь?

— Думаю немного — не принимая тона Фрола ответил Амадо.

— Правильно! Ты пришел сюда как друг Вописка, и я готов принять его друга, но за тобой идут солдаты прокуратора, и мне нужно как-то уладить то, что ты натворил наверху. Ты же понимаешь, я не могу отказать Таркалу. Я должен отдать ему хоть что-то. Иначе у него не останется выбора. Прокуратор будет вынужден прийти ко мне. И он придет, а я этого очень не хочу! Да и Вописк вряд ли обрадуется визиту легионеров. Поэтому девушка должна остаться, она необходимая жертва.

Славна шарахнулась к выходу, но из-за дверей выступили стражники. Не то отребье, что стояло при входе, а опытные бойцы, способные дать отпор любому противнику. Амадо не

шелохнулся, черные глаза беглеца уперлись в лицо Фрола. Мошенник, слегка бледнея, опустил взгляд.

— Девушка идет со мной, а что касается Вописка, напомни ему, что он мне должен! — процедил Амадо.

— Вописк тебе возможно и обязан, но не я! Что мне с того, что я стану разгребать мусор за тобой? — ломаясь, ответил мошенник.

Он уже не скрывал испуг, большой опыт общения с людьми предупреждал его от конфликта с этим человеком. Да и рассказы о беглеце, что сейчас сидел напротив, ходили очень нехорошие.

— Славна подойди! — подозвал красавицу Амадо. — Ты получишь это золото! — на стол упали монеты и драгоценные камни, растекаясь по гладко отполированной поверхности.

Глаза мошенника алчно блеснули, тонкие губы тронула холодная улыбка.

— Этого должно хватить! — с нажимом проговорил Амадо, в воздухе повисло напряжение, охрана вошла в комнату, с тихим шелестом обнажая оружие.

— Ты мне угрожаешь? — раздраженно отозвался Фрол, он вновь попытался пересилить жуткий взгляд Амадо, но встретив черные глаза, тут же отказался от этой затеи.

— Я тебе пытаюсь подарить жизнь, но ты никак меня не хочешь услышать! — в голосе Родриго появился гнев. — У тебя сейчас выбор между тем, что я тебе подарю ни за, что, целое состояние, или вырежу всех в этой комнате и все равно получу свое, но пролив немало крови! Не ошибись, с выбором!

Кровь отлила от розового лица мошенника, Фрол испуганно глянул на охрану, и вымученно улыбнулся. Тонкие руки нервно застучали кончиками пальцев по столешнице. Глаза мошенника пробежали по лицу Амадо, спустились на руки, и остановились на клинке ятагана, все еще хранившем следы кровопролития. Фрол поднял руку, останавливая изготовившуюся к бою охрану. Уж очень жуткие истории ходили о человеке, что сидел, напротив.

— Сегодня днем в Остопор выйдет галера. Корабль уже осмотрен, там безопасно. Забирай свою девку и иди... Пока я не передумал — тихо добавил мошенник.

— Приятно видеть, что твой ум выше твоей жадности. Ты сделал правильный выбор — также тихо проговорил Амадо, подхватывая Славну под локоть и волоча растерянную девушку прочь из западни Фрола Невинные Глазки.

Спустя много дней утлую лодчонку прибило к берегу. Приморский город, обнесенный белоснежной стеной, показался маленьким, после величественного запустения Миата. Амадо неплохо знал язык Урсума, но Славна пользовалась каким-то местным диалектом, поэтому смысл сказанного девушкой ускользал от него. Из их многословных разговоров Родриго понял, что красавица рвалась домой, упрашивая отвезти ее в родной Кит. Большой торговый город на границе с Великой Степью. В пути выяснилось, что Славна дочь воеводы. Девушка попала в полон к оркам, зеленые продали ее в Остопоре, а работоторговцы доставили в Миат, где хотели продать в гарем. Удивительная привязанность Славны к тому, что она называла Родиной поражала Амадо, столько времени, прожившего в мире, где нет ничего более ценного чем принадлежность к той или иной расе. Если ты эльф, то все остальные пыль, если орк, то рабы, либо еда, если гном, то для тебя нет ничего кроме денег и семьи, если человек главное власть и деньги. Общась со Славной, он впервые встретил что-то, что не имело материального определения, то, что девушка называла Родина. Любопытство заставило Амадо согласиться сопроводить Славну Матвеевну до ее родного города.

Много лет он не бывал в этих местах. Раньше здесь проживали лишь дикие орки, да не уступавшие им в дикости люди. Теперь же Великая Степь кипела, шла непримиримая борьба человека и орка. Несмотря на опасность со стороны степняков, люди не забывали воевать и между собой, хоть и без особого энтузиазма, поскольку орк всегда рядом.

Остопор построили переселенцы Лигаса. Здесь в удобной бухте они основали колонию, долгое время тесно связанную с метрополией. Четыре столетия понадобилось, чтобы небольшой городок-порт вырос в торговый центр на берегу далекого Урсумского моря, так местные называли эту часть Эльфийского моря. Несколько поколений переселенцев доказывали свое право владеть этим небольшим клочком суши, пока где-то войной, где-то деньгами не выторговали у местных право торговли. Поселение оказалось выгодно обеим сторонам. Богатые земли Урсума предлагали своим южным соседям меха, мед, хлеб, рабов. Лигас предметы роскоши, так ценившиеся жителями северной страны специи, оливковое масло, ткани, особенно шелк, и оружие. Мир и торговля принесли процветание княжествам Урсума, объединив их в единое государство. Речной торговый путь спаял некогда разрозненные племена в единое королевство, процветавшее более ста лет, пока Великие Степи не выплеснули женщин воительниц. Амазонки шли, сметая все на своем пути, их воле подчинились и Урсум, и Остопор. Дань, что наложили амазонки на королевства, оказалась, много легче издержек, что несла с собой война со степными воительницами. К тому же девы оттеснили племена орков в глубь степи. Победить амазонок пока никто не сумел. Их быстрые и выносливые лошади не раз доказывали свое превосходство в открытом поле, лишь изредка амазонки оказывались прижаты к берегу моря и тогда гибли, не сдаваясь в плен, еще больше пугая мужчин воинов необузданной яростью. Редкие поражения в отдельных боях, оборачивались для победителей кошмаром, когда приходили полчища воительниц, жаждущих мести.

Время от времени находились горячие головы, побуждающие армии местных королей скинуть ярмо амазонок, но воительницы быстро пресекали всякую возможность вести торговлю, требуя огромные контрибуции. И королевствам приходилось платить все до последнего золотого, чтобы сохранить процветание.

Весенняя степь благоухала травами, мелкие цветы рассыпались разноцветным ковром по бескрайним просторам. Далеко впереди белой лентой вилась мощенная дорога. Желая срезать путь Амадо повернул в степь. Высокие травы тормозили бег лошади, и Родриго уже начал досадовать на свою глупость, когда послышался дробный топот всадников, судя по звуку несколько сотен конных приближалось к ним. Вскоре на горизонте показались верховые, заметив их, всадники вытянулись в длинную цепь. Амадо остановил коня и терпеливо ждал, пока конники приблизятся. Немного не доезжая всадники окружили путников. Теперь четко виднелись ярко красные, островерхие шапки, кожные куртки и штаны. В руках степняки держали изготовленные к стрельбе луки. Не останавливаясь, наездники постепенно сжимали кольцо, все ближе подъезжая к путникам.

От группы отделился конный, и неторопливо приблизился, оставаясь на безопасном расстоянии верховой крикнул.

— Кто вы такие? Почему нарушили границы царства Ментеселаи? — зазвенел высокий женский голос.

Амазонки сообразил Амадо. Теперь всадники подъехали достаточно близко, чтобы мужчина мог разглядеть тонкие и грациозные тела наездниц. У многих за спиной развевались косы, да и лица, богато раскрашенные затейливым узором, слишком нежны для того, чтобы быть мужскими.

— Мы сбились с пути. Я еду с супругой в Кит — не моргнув глазом солгал Амадо. — Прошу простить меня и мою спутницу — проговорил он, доставая из кармана кошель с золотыми, и протягивая наезднице. — Мы не знали, что это владения многоуважаемой Ментеселаи!

Вновь солгал Амадо. Все от побережья Урсумского моря, до непроходимой тайги Дремучей знали, кто правит в Южных степях.

Девушка внимательно осмотрела путников, постепенно сближаясь с ними. В протянутую руку упал тяжелый кошель золота. Серьезно глядя в лицо Славны, наездница спросила.

— Ты правда его жена?

— Да — испуганно ответила красавица, широко распахнув огромные глаза. На длинных ресницах повисла набежавшая слеза.

— Не плачь! Тебя мы отпустим, а вот с ним, что делать, я еще не решила — она резко развернулась в сторону Амадо, и дерзко глядя в глаза спросила.

— Ты не Урсум! Откуда ты?! — говоря дева отъехала в сторону, сухие руки натянули тетиву.

— Я из королевства Аморат... — начал Амадо.

— Ты лжешь, я видела людей с запада, ты другой! Говори правду! — стрела свистнула возле уха мужчины, ловкие руки тут же приладили следующую на тетиву. — Вторая пробьет твой лоб!

Изумленный взгляд Славны застыл на руках амазонки.

— Прости красавица, я не знаю, кто мои родители! Астурия стала моим домом. Я служил старому Инану, но король умер, и я впал в немилость. Кит остался единственным местом, где я могу найти новый дом! — его басня не произвела впечатления на суровую воительницу.

Девичий стан, обтянутый замшевой курткой и такими же штанами, выделялся на фоне голубого неба еще более подчеркивая тонкую талию. На секунду забывшись, Амадо

залюбовался ее красотой. Заметив его интерес, амазонка удивленно вскинула бровь. Тетива ослабла, мелодично забренчала богато украшенная золотом и серебром куртка. Необычная шапочка на голове, смешно топорщилась. Блестящие темные глаза смущенно поискали поддержки у подруг.

— Да отпусти ты их! Видно же, что они потеряли дорогу! — прокричала наездница с тугой, каштановой косой, упавшей толстой змеей на плечо. Строгая амазонка досадливо нахмурила брови, затем пришпорила лошадь, отъехала к говорившей. Поравнявшись, они несколько минут о чем-то оживленно спорили, затем первая воительница вернулась к Амадо.

— Ладно езжайте. Чтобы выйти на нужную дорогу держитесь реки, она к северу отсюда. Там день пути вдоль берега, до брода, переберетесь и все время на восток. Два дня, и будете на месте — строго проговорила амазонка, несмело взглянув на необычного мужчину.

Предательский румянец пробивался сквозь загар. С раздражением хлестнув лошадь, она громко издала клич, воительницы ответили. Топот лошадей сотряс равнину, грациозно покачиваясь в седлах девы уходили вглубь степи.

***

Резной Кит удивил Амадо, он много путешествовал, но нигде не видел подобного мастерства в резьбе по дереву. Перед ним раскинулся огромный город на холмистом берегу полноводной реки, с резными теремами внутри. Филигранная резьба украшала все до чего могли дотянуться руки урсумца. Ажурные кружева украшавшие срубы, делали все пространство города подобным вспененной волне, облегчая мощные строения. Окруженный высокой стеной город, охраняло десять башен, также срубленных из дерева. Кит приятно удивил благоустройством, его широкие улицы выстланы деревянными мостовые. Позже выяснилось, что в городе имеется и водопровод. В центре стоял белокаменный детинец, вскарабкавшийся на самый верх крутого холма. Замок окружала еще одна стена, из камня.

Воевода Матвей Бобр, уже давно простился с дочерью. Седой воин, сложением сравнимый с медведем, уронил скупую слезу, когда Славна появилась на пороге. Матвей Вилантьевич внимательно выслушал рассказ дочери о злоключениях, выпавших на ее долю. Вскоре рассказ дошел до встречи с амазонками, воевода заметил, что они скорее всего повстречали дочь Ментеселаи Липиту.

— Что сильно донимают вас девицы? — спросил Амадо.

— Девицы? — с улыбкой переспросил Матвей. — Я знаю, сложно что-то сказать в оправдание. Степью правят бабы, а мужики в страхе прячутся за стенами городов. Но так говорят только те, кто никогда не видел девиц в бою. Бесстрашные сучки! — с чувством произнес воевода. — Молодые, дерзкие, все как одна метко стреляют из луков, да еще недурственно махают мечом. Чеканом тоже пользоваться умеют, такие вот девицы.

— Я вовсе не смеялся... — попытался оправдаться Амадо.

— Верю — сухо ответил старый воин.

— Неужто так хороши в бою? — не утерпел Амадо.

— А чего им не быть хорошими воинами? Их почитай с семи лет натаскивают! Эти бабы живут на лошади начиная с малолетства, и заканчивая смертью, как правило не своей. Наездницы каких мало, а когда разденутся, так срам какой, у нас мужики менее мускулисты, чем эти девицы! — воевода осклабился, и незаметно для дочери подмигнул ему. — Хорошо сейчас у нас договор, а так сладу с ними нет. Замучили наших купцов, да и мужики от них страдают. Похотливые шлюшки, крадут их для утех.

— Что же в том худого? — улыбнулся Амадо.

— А то, что сначала натешатся, а потом в рабство продают! Особенно весной беда. У них то своих мужиков нет, так они как припрет, наших парней тащат. Аркан накинут и уволокли в степь. Пока там соберемся в погоню, их уж и след простыл.

— Да, чудно тут у вас все устроено. Бабы мужиков насилуют, и никто не может дать им отпор — протянул Амадо.

— Как есть — раздраженно ответил воевода.

— Неужели никто не возвращался?

— Ну почему, возвращаются. Некоторых, молодых, да смазливых жалеют, отпускают. Да вот только они после этих степных кобылиц на наших девок и смотреть не желают. Что они там с ними делают? Поперек у них, что ли?

— Папа! — покраснела Славна.

— Да я что, дочка. Не ну правда! Ладно пойду, час уже поздний, да и вам пора! — сказал воевода, вставая из-за стола.

Дорогого гостя проводили на мужскую половину дома, где ему отвели комнату. Утомленный долгой дорогой Родриго уснул, едва голова коснулась подушки. Тишину ночи нарушил легкий шелест. Нежное прикосновение к телу разбудило Амадо, он отпрянул, но к нему нетерпеливо прильнуло горячее тело. Дыхание сбилось, в ушах зашумело, до сознания долетал прерывистый шепот.

— Ну что же ты, глупый? Это я. Не узнал? — Славна целовала Родриго, обдавая его жарким дыханием.

Кровь внутри забурлила, но Амадо сдержал порыв, толкавший в объятия красавицы. Мужчина попытался отстранить девушку, но та еще крепче прижалась, прильнув к его губам. Отстранившись на секунду, она заглянула ему в глаза, затем притянула его лицо к обнаженной груди. Сознание помутилось, Родриго перестал быть собой, остался мужчина, и тело молодой женщины.

Ранним утром Амадо отбыл из города, он не стал дожидаться пробуждения Славны. Во дворе беглец столкнулся с хозяином, горячо поблагодарив за гостеприимство, Родриго попросил передать Славне оберег.

— Матвей Вилантьевич, передай Славне это в память обо мне. Не знаю увидимся мы еще, но, если что-то случится пусть она повернет здесь — в руках он держал безделушку в виде полумесяца, лучи которого охватывали крупную жемчужину, оправленную в серебро. Коснувшись пальцем жемчужины, Амадо повернул ее вокруг своей оси. Оберег, что висел на его груди засветился. Ловкие пальцы вернули жемчужину в прежнее положение и оберег на груди Родриго потух.

— Это ворожба? Откуда это у тебя? — с сомнением спросил Матвей Вилантьевич.

— Нет... — Амадо себя оборвал, и продолжил. — Это оберег. Где бы я ни находился, если она сделает, так, как я показал, я приду на помощь.

С недоверием воевода принял подарок странного чужеземца.

— Хорошо, я тебе верю. Все-таки ты вернул Славну в отчий дом. Я тоже хочу отблагодарить тебя, прими в дар от меня коня, вместо твоего доходяги — воевода приказал подать боевого скакуна. — Тебе я могу доверять, ты достойный...

— Я просто человек, такой же как любой другой. Не стоит меня превозносить, а за коня благодарю! Истинно, царский подарок!

Они обнялись. Четверть часа спустя, Амадо скакал во весь опор в сторону Остопора.

***

Снова благоухание степи, и жаркое солнце в зените. Погруженный в свои мысли Амадо трусил по мощенной дороге. До слуха донесся звон оружия, крики и свист стрел, остановив скакуна, Родриго по клубам пыли определил направление боя. Впереди раздался высокий звук женского голоса за ним еще несколько, заскулили собаки. Пришпорив коня, он поехал на звук, ему навстречу неслась лава всадников, лошадь встала на дыбы. Амадо свалился на землю, и вжался в траву, закрывая голову руками. Всадники пронеслись над ним, чудом не растоптав. Потом он услышал дикий визг над головой, что-то невероятно тяжелое упало на него, намертво придавив к земле.

В нос ударила невыносимая вонь, легкие наполнил удушающий запах псины. Проклиная свое любопытство, Амадо с трудом выбрался из-под туши огромного волка. Рядом лежал орк, столь же впечатляющих размеров, со стрелой в глазу. Дико крича, амазонки мчались по кругу, пуская стрелу за стрелой. Снаряды с устрашающим свистом впивались в тела врагов. Полсотни орков попали в засаду, и теперь платили страшную цену за свое желание легкой добычи. Стрела пролетела мимо лица Амадо зацепив пером щеку, гортанный хрип позади заставил его обернуться. Гигантский орк, выкатив глаза, уронил деревянную палицу. Мощные руки ломали стрелу, прошившую горло. Страшно глядя на Родриго, он шагнул в его сторону, еще одна стрела впиалась в низкий лоб орка, точно между глаз. Всплеснув руками, огромное тело опрокинулось назад. Волколаки, сбрасывая седоков, с визгом разбежались, но стрелы безжалостно настигали зверье, обрывая истошные вопли свирепых хищников.

Все закончилось в несколько минут. Девушки добивали раненных, к Амадо подъехала недавняя знакомая, и глядя из-под лобья спросила.

— Снова ты? И опять во владениях Ментеселаи? — Амадо взглянул на нее без страха и настолько открыто, что она вновь потерялась. Спутницы воительницы захихикали. Девушка глянула на них, и смешки тут же стихли.

— Я услышал звуки боя и поспешил вам на помощь... — попытался разрядить обстановку Амадо.

Девушка криво усмехнулась.

— Ну и как, помог?!

— Вижу, сами управились — продолжая улыбаться ответил Амадо.

— Это все, что ты мне ответишь? — строго спросила девушка.

— Да.

— Ты опять нарушил границу наших владений, поэтому на этот раз поедешь со мной — сверкнув белоснежной улыбкой проговорила амазонка.

Он хотел что-то возразить, но видя непреклонность воительницы, неуклюже полез в седло. Сильный ушиб ноги сковал движения мужчины, из-за спины доносились довольные смешки воинственных девиц.

Они шли почти неделю, нога сильно болела и опухла, его начало знобить. Суровые с виду девицы оказались более чем говорливы. Амадо ничего не понимал, потому что говорили они на незнакомом языке. Иногда пленнику давали сушенное мясо и наполняли бурдюк водой. По вечерам, когда на небо высыпали звезды, он сидел у костра, глядя как огненными мухами, в бархатную тьму, поднимаются искры. Амадо смотрел и не видел. Огонь останавливал все мысли, затягивая взгляд туманом воспоминаний. Девы устраивались на ночь, бодрствовала лишь охрана. Воспоминания поглотили сознание Родриго, потому он не сразу заметил, что к костру подседа его спасительница, или пленительница, он уже сам

запутался.

— Не грусти чужеземец. Сегодня мир, надо радоваться. Весна раскрасила степь. Кобылы жеребятся, все сыты и счастливы, зима позади. Прими покой, что дарит нам судьба — слова девушки вырвали его из задумчивости.

— Что? Нет, я просто устал. Мне непривычно днями сидеть в седле, да и нога болит...

— Покажи — попросила амазонка.

Он удивленно посмотрел на нее и неуверенно стянул штаны. Почерневшая гематома, расположилась на ушибленном месте, грозя серьезными последствиями. Девушка покачала головой и ничего не говоря достала нож. Он положил руку поверх ее ладони, едва прикоснувшись к загорелой коже. Она посмотрела на него, глаза встретились. Преодолевая себя, он отвел взгляд, она, смешавшись отвернулась, но тут же опомнившись шлепнула его по руке, заставляя подчиниться. Нож зарделся в пламени костра. Смелый надрез выпустил застоявшуюся кровь. Родриго еще не успел прийти в себя от боли, как вновь раскаленный металл клинка припал к краям раны. Трясаясь всем телом Амадо застыл на месте, он не кричал, всепоглощающая одурь заперла дыхание в груди. Первый вал боли сошел, уступая менее острой, но постоянной. Жгучее напряжение охватило ногу. Вернулось дыхание, Амадо выдавил.

— Спасибо!

Не отвечая, амазонка смазывала рану едкой мазью, извлекая ее из кожаного мешочка. Боль начала таять, руки амазонки ловко перевязывали ногу пленника.

— Теперь спи, два дня и нога будет в порядке. Мог бы и раньше сказать, а то из-за пустяшной раны едва без ноги не остался — укоризненно глядя на него произнесла дева.

— Как тебя зовут? — пробираясь сквозь одурь спросил Амадо.

— Липита! — глухо прозвучал голос амазонки.

Веки налились тяжестью, сон сковал пленного против его воли.

***

— Хорошее оружие — похвалила Липита ятаган Амадо, она уже несколько дней приглядывалась к его клинку.

— Это правда. Он и впрямь хорош. Я его отнял у моего врага — ответил Амадо.

— Ты его убил? — просто спросила девушка.

— Да. Мой враг, слишком долго испытывал мое терпение...

— То есть ты его добыл в бою?

— Да — не понимая вопроса ответил Амадо.

— Тогда в нем дух твоего врага — улыбнулась Липита.

— Нет. Не знаю. Не думаю — смущенно ответил Амадо.

— Не понимаю, ты держишь в руках меч поверженного тобой врага. Это достойно настоящего воина, откуда сомнения? — удивилась Липита.

— К сожалению, за горами, люди не всегда владеют тем, что заслужили. Честь и достоинство там передаются по наследству — с горечью ответил Родриго.

— Твой противник не был великим воином?

— Нет. Он был торгашом. Очень богатым, жестоким мерзавцем, у которого слова о чести и доблести вызывали презрительную усмешку. Это меч его телохранителя...

— Сколько их было?

— Пятеро, и еще десять, таких же как мой враг ...

— Ты всех убил без лошади и лука?

— Да.

— Не верю — она повернулась всем телом к Амадо. — Ты не мог усидеть в седле, и я спасла тебе жизнь, а теперь ты мне рассказываешь, что один без лошади и лука убил пятнадцать воинов. Не верю! Такого не может быть! — заключила девушка, и пришпорив коня отъехала в сторону.

Липита обиделась на чужака, что так нелепо посмеялся над ней. Одиночество продолжалось совсем недолго, впереди показались городские стены. Девушки остановились в степи и приводили себя в порядок, позже переключились на скакунов. Амазонки чесали гривы и хвосты своих любимцев, вплетая цветные ленты в жесткий конский волос. В город въезжала пышная процессия, блистая красотой молодости. Мягкая замша местами соблазнительно облегалась тонкие станы девушек. Золото и серебро, обильно покрывавшее одежду, перестукивалось отражая солнечные лучи, а смешные шапочки пестрели яркими красками, как головки полевых цветов.

Центральную улицу запрудили женщины и девушки. Кругом сновали быстроглазые девчушки, точно расплескавшаяся ртуть. Со всех сторон в наездниц летели полевые цветы.

Статный жеребец, в богато украшенной сбруе, ехал навстречу процессии. В седле покачивалась немолодая, но еще красивая женщина. Ее окружали молодые воительницы, чуть менее нарядные, чем их патронесса. Темные волосы женщины, красиво пересекали ручьи седых прядей, серые глаза жестко смотрели прямо, не замечая восторга окружающих. По толпе прошло.

— Ментеселая!

Королева встречала дочь, возвратившуюся из дальнего похода, когда их лошади поравнялись, жесткие черты неожиданно разгладились, и теплая улыбка озарила лицо царицы.

Липита протянула тугой мешок. Ментеселая приняла трофей, и неторопливо развязала тесьму, стянувшую горловину мешка. Минуту спустя царица перевернула его, на землю посыпались отрезанные уши. Сотни ушей орков. Снова рука Липиты протянула мешок, из которого царица амазонок извлекла голову Арсина, правителя орков. Ловко приладив трофей на короткое копьё, Ментеселая подняла голову Арсина высоко над собой. Вдох восхищения, перешел в неистовый клич степных воительниц. Ментеселая повернула лошадь и возглавив процессию направилась во дворец, толпа последовала за царицей. Громкое пение, противоестественно мелодичное, понеслось по улице. Центральная площадь встретила ликующих женщин праздничными столами и веселой музыкой. Не стесняясь, девушки танцевали, совершая непристойные движения, оголяясь и демонстрируя свою красоту и удаль. Откровенные танцы, вскоре перешли в заметный интерес друг к другу.

Амадо остался за стенами, тоскливо наблюдая праздник жизни, что прошел мимо него. Разгоряченные вином и танцем девушки уединялись в скрытых от посторонних глаз помещениях. Удрученный своим положением Амадо лег спать, в отведенной ему юрте, что прилепились к краю глубокого рва.

Легкое прикосновение оборвало неглубокий сон Родриго, над ним возвышалась Липита. Тонкий палец девушки прижимался к губам, требуя тишины, другой рукой она позвала его за собой. Костер уже прогорел, и мужчина продрог, деревянное тело плохо слушалось. На негнущихся ногах Амадо последовал за девушкой. Неподалеку их ждали оседланные лошади. Липита легко взлетела в седло, и озорно блеснув белками глаз, шлепнула скакуна. Воительница умчалась в степь не дожидаясь Амадо. Ночное небо горело звездами, вышла

луна и залила призрачным светом бескрайний простор. Родриго всего этого не видел, впереди маячила гибкая спина Липиты. Девушка гнала лошадь во весь опор, Амадо преследовал ее, стараясь не потерять из виду. То и дело оглядываясь, девушка смеялась, ее расширенные глаза таинственно блестели в свете луны. Неожиданно они выскочили на берег широкой реки. Низкий кустарник опушил излучину неспешного потока. Она направила лошадь к укрытому от посторонних глаз пляжу, врезаясь вместе со скакуном в воду, густо укутанную туманом.

Бросив лошадь Амадо побежал за амазонкой, скидывая на ходу одежду. Теплая, точно парное молоко, вода, приятно обхватила разгоряченное тело. Где-то впереди слышался звонкий смех Липиты. Мимо проплыла лошадь амазонки. Снизу, из глубины, его ноги крепко обхватили и резко потянули под воду. Нырнув Родриго, попытался схватить руки стиснувшие лодыжки его ног, но Липита ловко увернулась и растворилась в непроглядной тьме ночной реки. Он попытался настигнуть амазонку, руки громко плеснули по воде в очередной раз упустив добычу. Задорный смех девушки раздался неподалеку. Амадо поплыл на звук, стараясь как можно меньше шуметь. Снова крепкие руки потащили его на дно, но теперь они поднялись по ногам и спине, превратившись в объятия. Нежные губы прильнули к губам Амадо. Вода вытолкнула тела любовников наверх, голова оказалась на поверхности, он чувствовал в ее дыхании алкоголь. Податливое тело все сильнее разжигало страсть, длинные ноги обвили его талию. Ночь и речной туман скрыли тайну родившейся любви.

***

Рассвет тускло пробивался сквозь туман, медленные воды величественной реки лизали песчаный край пляжа. Рядом, укрывшись попоной, спала Липита. Амадо задумчиво смотрел на красивое лицо женщины, подарившей ему ночь. Тонкое, совсем еще свежее, оно напомнило ему те дни, когда он встретил Руг.

Едва слышное движение заставило его повернуть голову, кто-то приближался. Пар клубами закручивался вокруг мощной фигуры. Амадо кинулся к лошади, вытягивая притороченный к седлу ятаган. Из тумана, оглушительно рыча вывалился огромный орк. Копье со свистом воткнулось в песок, немного позади. Липита проснулась и опрометью кинулась к своей лошади. Из тумана вылетел еще один орк и встретил девушку точным ударом в голову, мощный кулак опрокинул воительницу, лишив сознания. Лошадь амазонки сорвалась с места и с громким ржанием умчалась в сторону степи.

Амадо пытался пробиться к Липите, но несколько орков окружили его, и тыкая копьями заставили отступить. В яростном бессилии Родриго перерубил древки и накиннулся на врагов. Хлесткие удары опрокинули нападавших, двое упали на песок, застыв в неестественной позе. Он поикал глазами Липиту, но клубы тумана заволокли след похитителей. Быстро разогнав оставшихся, Амадо подбежал к месту, где в последний раз видел девушку. Липита исчезла. Он попытался нагнать похитителей по следам на песке, но они вскоре потеряли четкость, а немного погода оборвались.

Из тумана на него налетел орк, от неожиданности он застыл на месте, ятаган рассек его грудь, глубоко погрузившись в плоть. Тихо охнув зеленый, повалился на спину, рядом упало копьё орка.

Туман рассеялся, водные буруны, заблестели в первых лучах солнца. Испуганная лошадь, всхрапывая, переминалась на ногах. Неподалеку лежала попона, под которой спала Липита. Чуть в стороне два тела. В мешанине следов, четко выделялось черное пятно орочьей крови. От пятна, тонкой, черной полоской, шел след к реке, достигнув воды он

резко поворачивала в прибрежные кусты.

Амадо подошел к кустам, и спокойно произнес.

— Выходи! — последовало молчание.

— Выходи!!! — уже грозно прозвучал приказ.

Послышалось шуршание, прижимая руку к бедру, из кустов вылез орк. Раненный казался тоньше тех, что лежали в песке. С бедра капала черная кровь, медленно просачиваясь между пальцами. Орк поднял лицо, сомнения отпали, перед ним молодая девушка. Мощную, атлетически сложенную охотницу, по-своему даже красивую, сотрясала мелкая дрожь, в глазах застыл первобытный ужас. Она едва не плакала. Сияясь сохранить остатки достоинства, девушка взглянула в лицо Амадо, и крикнула.

— Оставь меня!!!

Выразительные, серые глаза вытаращились на человека, пытаясь скрыть за яростью, страх.

— Ты знаешь, что мне надо! — вперив в нее ужасный взгляд проговорил Родриго.

— Я не предаю своих! Лучше смерть!

— Не стоит так торопить ту, что рано или поздно за тобой придет — зловеще усмехнулся Амадо. — У меня нет желания убивать...

— Тогда отпусти меня!

— Отпущу, когда ты скажешь мне, куда везут амазонку...

— Ты ей не нужен. Она женщина-воин, ее интересуется только ребенок от тебя...

— Это ничего не меняет. Она так же молода, как и ты, и заслуживает долгой жизни. Так же, как и ты.

— Нет! Не заслуживает! Ей нет прощения, она убила нашего вождя...

— Ну, ну! Вы тоже не нежные кролики. Вас убивают не просто так. Сколько вы продали людей в рабство, сколько убили и изнасиловали, за пытали на смерть, и ограбили? Тебе не повезло я на ее стороне.

С этими словами он подошел к девушке и взяв за руку потащил к мертвецам. Орчиха пыталась вырваться, но силы покинули ее тело.

— Видишь, они мертвы! Ты можешь остаться в живых, и родить еще много таких как они, а можешь закончить также!

Ятаган навис над ее головой, девушка зарыдала в голос. Встав на колени, она плакала, закрыв лицо руками. Сомнения начали точить волю Амадо, он уже не верил, что сможет исполнить свои угрозы. Сохраняя грозный вид, мужчина присел подле девушки и отведя руки от заплаканного лица заглянул в серые глаза.

— Тебе не обязательно умирать. Помоги мне спасти жизнь такой же молодой девушки, как и ты! — мягкий, вкрадчивый голос парализовал волю девушки, ей казалось, что она никого ближе и роднее не знала. В душе росло убеждение, что человек желает ей добра, и только он способен подарить тепло и покой, в котором она сейчас так нуждалась.

— Ее везут к камню Весны, что на реке Сунге — тихо проговорила девушка, замороженно глядя на человека. — Только прошу не убивай моих близких — шепотом взмолилась она.

— Обещаю — также тихо ответил Амадо.

***

Путь оказался неблизкий. Тяжело нагруженная лошадь быстро выбилась из сил, Амадо пришлось захватить с собой оркесу. Перевязанная нога девушки постоянно кровоточила,

отчего ее силы быстро таяли. Солнце клонилось к закату, когда вдалеке послышался гвалт ездовых волков, девушка уже несколько часов как потеряла сознание. Амадо решил что она умерла, и привязав к седлу пустил вперед.

Несколько минут спустя раздался неприятный лай, переходящий в угрожающий рык, волколаки окружили перепуганную лошадь, грозя разорвать животное вместе с наездником. На шум собрались орки, они отогнали волколаков. Орчиху спустили с лошади и унесли в отдельно стоящую юрту. Всего этого Амадо уже не видел, он тихо шел вдоль ряда юрт. Удушливый запах псины, обрывал дыхание. Тем временем непроглядная тьма опустилась на степь. Юрту, где держали Липиту, Амадо заприметил сразу. Вокруг толклось слишком много орков, они что-то возбужденно обсуждали. Появление лошади отвлекло внимание охраны, подарив шанс Родриго. Кожа разошлась в стороны, пропуская человека внутрь шатра. Красноватое отблески почти погасшего очага, зловеще освещали нутро степного жилища.

Липита сидела подле центрального столба, ее руки, привязанные высоко над головой, удерживали безвольное тело. Распушенные волосы закрывали лицо, ровное дыхание говорило о глубоком обмороке. Стараясь двигаться бесшумно Амадо подобрался к пленнице. Кровоподтеки и гематомы покрывали все тело девушки, он отбросил волосы, сбитая скула чернела засохшей коркой крови. Он попытался привести ее в сознание, Липита открыла глаза, но тут же снова погрузилась в забытие. Обрезав путы Родриго поволок амазонку к разрезу в стене шатра, снаружи возобновился гортанный говор орков. Мимо прошел охранник, Амадо выскользнул из шатра, и потащил девушку к краю стойбища. У последней юрты он налетел на волколака. Зверь угрожающе зарычал, сверкая зелеными глазами из темноты. Амадо уставился в глаза волка, животное попятилось, все громче рыча, затем взвизгнув отпрянуло в сторону, и поджав хвост помчалось к стае.

Несколько часов пути показались днями. Руки безжалостно терзала тяжесть беспмятного тела амазонки. Спина обливалась потом, взошедшее солнце нещадно палило, окончательно превращая дорогу в пытку. Выбившись из сил Амадо сидел на валуне, бессмысленно глядя на тело Липиты, девушка так и не пришла в себя. Земля под ногами затряслась, затем долетел звук, тяжелый топот сотен лошадей. Родриго слабо улыбнулся, глядя как облако пыли расплзается над горизонтом.

Ментеселая узнала о пропаже дочери, когда в Наполь примчалась лошадь Липиты. В тот же день, семьсот амазонок двинулись по следу орков. Ментеселая подозревала Амадо в краже дочери, поэтому встреча с суровыми воительницами не принесла желаемого избавления от тягот плена. Его заковали в цепи, и пешком доставили в Наполь, где с пристрастием допрашивали несколько дней. Тогда Родриго увидел всю изощренность милых девушек, гордость мужчины изрядно пострадала, спину саднило от многочисленных ран, неглубоких, но очень болезненных. В азарте девчонки едва не лишили его мужского достоинства, ситуацию спасло появление Ментеселай. Царица выпроводила всех прочь со двора пыточной.

— А ты везучий — начала воительница. — Липита пришла в себя, и рассказала нам, что произошло — Амадо молча слушал царицу, мрачно глядя в ее бесстрашные, дерзкие глаза. — Тебя следовало убить. Спать с мужчиной во время великого праздника, недопустимо, но ты спас мою дочь. Меня мучит вопрос как с тобой поступить — она прошла мимо Амадо, затем остановилась напротив и заглянула ему в глаза. Мгновение и воительница отшатнулась, лицо царицы исказило отвращение.

— Я прикажу вернуть твоего коня и оружие... Завтра ты должен уехать! Навсегда! Никогда более не появляйся в моем королевстве, нарушишь мою волю отсеку голову.

Ментеселая резко развернулась на каблуках и быстрым шагом покинула пыточную, во дворе появились мучительницы Амадо. Обмениваясь шутками, амазонки расковали мужчину и повели в баню.

Лошадь беспокойно прядала ушами ожидая пока ее оседлают. Легко ступая Липита прошла через двор. Амазонка остановилась в шаге от Родриго. Тонкая рука потянулась к плечу мужчины, он не слышал, как девушка подошла и вздрогнул всем телом от робкого прикосновения.

— Спасибо тебе чужеземец, ты подарил мне лучшую ночь в моей жизни.

Непривычно кокетливая улыбка озарила лицо девушки. Амадо качнул головой, невольно залюбовавшись воительницей. Ссадины и синяки еще не сошли с ее лица, но он их не замечал. Родриго видел только влажные, черные глаза.

— Прости моих подруг, они не знали, что случилось...

— Все нормально. Я жив, значит все хорошо — прервал он быстрый лепет взволнованной женщины.

Криво улыбаясь, он обнял девушку и поцеловал. К ним приблизились амазонки, их руки крепко сжимали дуги коротких луков. Строгие глаза девушек не обещали ничего хорошего. Липита ответила ему, встретив настойчивые губы, легкий стон оборвал поцелуй.

— Тело еще болит — смущенно произнесла девушка, не разжимая объятий.

— Я тебе дала возможность уйти, но не позволяла соблазнять мою дочь — укоризненно прозвучал голос Ментеселай.

Царица стояла над ними, опершись руками о перила балкона, служившего переходом между зданиями.

— Прости меня владетельница Великой Степи... — начал Амадо.

— Не нужно. Не оправдывайся. Я дам вам попроситься, и даже отблагодарю тебя, но помни мое обещание. Я слов на ветер не бросаю — грозно произнесла Ментеселая.

Девушки опустили луки, и отступили назад, Липита вновь впиалась в губы Родриго.

— Прощай мой мужчина — произнесла она, оторвавшись от него. — Оставь твой клинок, он будет служить мне памятью о тебе — смущаясь попросила амазонка.

Амадо отстегнул ятаган и протянул клинок на вытянутых руках, девушка, неуверенно хихикнув приняла подарок. С тонкого пальца легко соскользнул золотой перстень с профилем бегущего коня, Липита положила кольцо ему в руку.

— Кольцо тебя защитит, по крайней мере в этих землях — шепнула она, показывая глазами на мать.

Он слегка кивнул головой, и глядя в сторону произнес.

— Я вернусь, я обязательно вернусь...

— Тише, не нужно. Здесь тебя ждет только смерть. Не возвращайся в степи, помни слова моей матери. Она не шутила — Липита надрывно вздохнула, и бросив его руку пошла в дом. Она почти бежала, чтобы не оглянуться.

— Вижу тебя лишили оружия? Вот возьми этот меч! Воин без оружия смешон — крив улыбаясь произнесла Ментеселая.

Царица подъехала к нему верхом на лошади. Молодая амазонка протянула Амадо длинный меч, в прекрасно выделанных ножнах.

— Я обещала тебя отблагодарить — продолжила царица, рабы вынесли вперед большой

сундук. Очень тяжелый, судя по тому, как под его тяжестью согнулись носильщики. Скрипнув, откинулась крышка, перед Родриго засверкали самоцветы, изысканные украшения из золота и серебра.

— Выбирай что тебе нравится — проворковала Ментеселая. — Ну же, смелее — ободрила гостя царица, видя нерешительность Амадо.

Он склонился над сундуком и осмотрев содержимое выбрал необычную сферу серебристого цвета.

— Вот это!

— Это? Это же просто шар из железа, ему цена сорок медяков. Посмотри внимательней, там есть куда более ценные вещи.

— Благодарю тебя моя царица, но я сделал свой выбор — нерешительно проговорил Амадо.

— Жаль, но ты в своем праве! Так и быть бери! Только не говори, что царица Наполя скупа — с улыбкой ответила Ментеселая.

Вокруг волновалось бескрайнее море травы, высоко в небе заливался жаворонок. Амадо наслаждался свободой, все сложилось более чем удачно. Он остался жив, да еще нашел в сокровищнице царицы степей настоящий клад. Уплощенная сфера, серебристого металла, оказалась комплектом военного снабжения. Подобрав нужную комбинацию Родриго, открыл ее, посреди поля вырос круглый сундук. Порывшись внутри, он нашел медкомплект, зеленый плащ из особой ткани, можно сказать вечный. С виду обычный, но устаревшего фасона, лет на тысячу. Такие сегодня можно увидеть в некоторых старинных книгах. Непромокаемый плащ сохранял тепло даже в самую лютую стужу, и мог служить прекрасным укрытием в пути, в общем удивительное наследие древних. Порывшись еще немного, он выудил плоскую, почти прозрачную пластинку, почувствовав прикосновение она разложилась перед человеком в широкую полусферу. Объемная карта, одно огорчало, что теперь она показывала материки, что давно ушли под воду. Правда некоторые ее знания представлялись уникальными. Например, давно забытые пути гномов, утерянные древние города как глубоко под землей, так и на поверхности. В дальнем углу нашелся приличный запас сублимированных продуктов. Тут же почему-то лежал компас. Осмотрев старинный прибор, Амадо убедился, что он прекрасно работает и сегодня, показывая кроме направления еще и влажность воздуха, а также атмосферное давление, полезная вещь.

Круглый сундук вновь свернулся, покрутив колесико в центре, он добился того, что плоская сфера выпустила по бокам два отростка. Родриго приложил сферу к животу, отростки плотно обхватили его талию, и соединились на спине, превратившись в серебристый пояс, надежно укрытый зеленым плащом устаревшего покроя.

Впереди замаячили белые стены Остопора, когда позади послышался топот нескольких лошадей. Амадо обернулся, там откуда он приехал клубилась степь, кто-то шел по его следу. Не дожидаясь пока его нагонят, Родриго пришпорил коня и погнал к городу. Засвистели стрелы, одна из них ударила в тело, пробив мышцу спины, и скользнув по ребрам она вышла спереди. Покачнувшись, Родриго прибавил ходу. Лошадь вылетела на белую ленту старинной дороги, только сейчас он заметил воинов, что охраняли десяток тяжело груженных телег, медленно бредущих по направлению к Остопору.

Появление раненного путника произвело переполох, воины кинулись к нему наперерез, едва не убив. Еще несколько стрел впились в голову и круп лошади, Амадо кубарем покатился под копыта урсумских коней. Стрела звякнула рядом о камень мощной дороги,

левая рука отказала, жгучая боль разлилась по предплечью. Преследовали развернули коней и скоро растворились в степи.

Обломив жало стрелы, опытный вояка Кувер, одним точным ударом вышиб ее из раны. Древко легко выскользнуло, упав оперением вниз. Мучительную боль, прервало жужжание длинного четырехгранника. Урсумцы изумленно смотрели как сквозные раны, затягиваются не оставляя шрамов. Легкое прикосновение предмета к руке, и вместе соприкосновения выступила маленькая капля крови. Амадо ввел антибиотик, теперь его жизни ничто не угрожало. От потери крови немного кружилась голова, но в остальном он чувствовал себя превосходно. Отверстие в плаще затянулось, сразу после того, как Родриго потер пальцами края дырки. Урсумские наемники суеверно шептали заклинания, сжимая в руках обереги.

Он поднял обломок стрелы. Сомнений не осталось, это стрелы амазонок Ментеселаи. Царица степей оказалась куда коварнее орков.

Приближаясь к Остопору, караван наткнулся на разъезд воительниц, они явно кого-то искали. Амадо попытался спрятаться среди наемников, но глазастые амазонки заметили его, и с особым пристрастием обыскали. Одна из девушек заметила кольцо на его пальце, то самое, подаренное Липитой, и указывая на него что-то зло проговорила главной воительнице. После минутного совещания, амазонки пропустили караван дальше. Родриго тоже отпустили, но старшая пообещала ему, что к вечеру вернется за ним.

Корабль отплыл от тонущего в вечерних сумерках пирса. Амадо самостоятельно добрался до Остопора оставив караван далеко позади. Не задерживаясь в городе, он сел на первый отплывающий корабль. Только бегство могло спасти ему жизнь, и он бежал от Лукавой Ментеселаи.

Приятные улочки строгого Феррочи окружили Амадо привычной суетой. Крапор Семипалый встретил путешественника как старого друга.

— Знаете, а вы ведь оказались правы! Недавно мне попался прелюбопытнейший документ, эпохи ранних эльфов. Редкая вещь. В нем говорилось о древнем городе, городе первых людей. С удивлением узнал, что его построили задолго до возвышения эльфов — хитро глядя на Амадо проговорил Крапор.

— Да, городов было много. Люди знали науки и меньше ценили деньги и власть чем их потомки — добавил Родриго.

— Вы совершенно правы, но признаюсь я принял эти сведения за легенду. Откуда у вас эти знания?

— В свое время я имел доступ в королевский архив Амората, там встречаются манускрипты, в которых говорится о древних народах, в том числе и об Уре.

— Печально, я полагал, что мы сможем поменяться источниками, взаимно обогатив наши знания — прищурившись предложил Крапор.

— Если у вас есть информация об Уре, я готов ее купить — улыбнулся в ответ Амадо.

— Ну как пожелаете. А жаль. Хорошая могла бы получиться сделка. К моему прискорбию, об Уре ничего не сказано, а вот о других городах кое-что есть — начал торговаться Крапор.

— Сколько? — отрезал Амадо.

— Сто!

Золото упало на столешницу, чтобы тут же исчезнуть в сундуке купца.

— Так вот, как я и говорил, есть упоминания о Таисе, и Орте. Города древние. Насколько я понимаю Таис спрятался в пустыне Палеомия, юго-западнее Кетурна. Вулкан и по сей день стоит там, а вот город придется поискать, про Орту совсем мало информации. Известно, что жители покинули город в незапамятные времена, но он долго оставался целым, однако никто не смел туда переселяться. Почему в свитке не указано. Изделия из Орты разошлись по коллекциям собирателей древних артефактов. Часто их принимают за эльфийские, что-то из раннего периода, но эти вещи сделаны без присущей эльфам изысканности, слишком просто. Кстати, по слухам, у короля эльфов Дарелиана, одна из самых крупных коллекций — Крапор лукаво посмотрел на посетителя.

Преодолевая раздражение Амадо спросил.

— Ну а второй где? — торгаш молча смотрел на человека.

— Нет, больше не дам! — жестко произнес Родриго.

Карлик понял, что перегнул палку, и если продолжит в том же духе, то рискует потерять щедрого клиента.

— Конечно, конечно — поспешно пробормотал Семипалый, пряча глаза. — Второй похоже располагался там, где сейчас, находятся Рапанские джунгли, он же Зеленый омут.

— Где бесследно пропадают люди?

— Да. Поэтому и Зеленый омут, кто вошел, тот пропал. Хотя пропадают далеко не все. Поговаривают, что знаменитый Гуппаранский шелк, кажу, родом именно оттуда.

— Его же производят эльфы? — удивился Амадо.

— Они ткут, а сырье идет через княжества Паранов. Хотя, может, это только досужая

болтовня — повел перекошенными плечами карлик.

— Да это плохие новости, ну, а точные выписки из свитка я могу получить?

— Да, да конечно — услужливо засуетился торгош, ища на столе бумаги.

— Ага вот и они — он протянул листы бумаги.

Родриго взял их в руки и внимательно прочел, стилистика того времени, торгош не обманул. Недоверие постепенно ушло, Амадо расположился в глубоком кресле, предварительно высадив оттуда старого кота, а Крапор уселся подле камина в кресле качалке. До глубокой ночи ценители редких древностей с азартом обсуждали вопросы забытой истории.

В гостиницу Амадо вернулся далеко за полночь, около двери его ждал гонец с письмом от Гюло. Ушлый царедворец, каким-то, ведомым только ему способом, выяснил, что он появился в Железной долине.

В письме содержалось приглашение от Старого Дома Безбаэль. Родриго приглашали в Эманторан, чтобы обсудить одно щекотливое дело, которое обещало принести немалый доход в случае удачного исхода. Суть дела не раскрывалась, что категорически не нравилось Амадо. Эльфам он никогда не доверял, помня поговорку, сколько с эльфом дел не води всегда останешься с носом. Этот народ умел вести дела так, что всегда оставался в выигрыше, а вот для остальных подобные сделки становились в лучшем случае головной болью, а в худшем могли стоить жизни. Однако Амадо сейчас не приходилось выбирать, его кошелек сильно похудел, срочно требовалось прибыльное дельце. Да и поручительство Гюло склоняло его к тому, чтобы принять столь вовремя пришедшее предложение.

***

Окружающий лес выглядел древним, но без той мрачности, что присуща непролазным чащобам людских окраин. Здесь росли деревья, которые Амадо нигде ранее не приходилось видеть. В высоких кронах гомонил птичий хор, и благоухали непривычно яркие цветы. В Эманторане они цвели без перерывов на смену сезонов. Последний уголок старого мира, который любил свои чада, давая все необходимое для жизни. Животные, похожие на косуль, то и дело перебегали ухоженную дорогу, мощенную красным гранитом. Не тронутая природа, причудливо соединилась с ухоженностью давно обжитого края.

Эльфийская столица удивила путника не меньше, чем природа эльфийского края. Строгий стиль городских улиц гармонировал с вычурной отделкой фасадов. Обилие камня смягчало большое количество парков, походивших на уголки дикой природы, неведомо как оказавшиеся внутри многолюдного города. На пути Амадо встречались усадьбы эльфов. Одни величественные как дворцы, где правили старейшие айлары, другие победнее, представлявшие дома молодых эльфийских родов, но все строения отличало эльфийское чувство меры, и тактичное отношение к природе. Почти в каждом доме имелся внутренний дворик, больше похожий на садик с прудом, или каскадом, где постоянно пели птицы и переливчато журчала вода, навевая покой.

Вокруг усадьбы окружали бесконечные сады, устроенные совсем иначе, чем это принято у людей. Попадая в такой сад, человек не сразу понимал, что он на возделанной территории, скорее он подумал бы, что попал в ухоженный лес. Многим деревьям в таких садах исполнилась не одна сотня лет. И если бы не многочисленные рабы, сновавшие среди деревьев, то граница между диким и ухоженным лесом совсем оказалась бы неразличима.

Некоторые хозяйства, глядя на людей, разводили лозы с фиолетовыми ягодами, из которых делалось легкое эльфийское вино. Оно стало одним из немногих товаров, что эльфы

экспортировали в королевские дома людей и гномов. Баснословная цена напитка сделала его предметом роскоши, совершенно недоступным простолюдинам. В культуре эльфов отсутствовала традиция охоты, что всегда удивляло Амадо. Эльфы не выносили мяса, поэтому их леса полнились различной живностью. Родриго не раз наталкивался на животных, что паслись возле дороги, а завидев проезжающего мимо седока, тянули в его сторону шеи вместо того, чтобы скрыться в лесу.

В эльфийском обществе уже тысячу лет шла борьба между Старыми Домами, представленными эльфами предками, появившимися еще в момент зарождения эльфийского этноса, и Молодыми, теми, что появились много позже, но в силу своих способностей и склонностей сумели добиться особого положения в эльфийской аристократии. Эта борьба шла по линии традиций эльфов, тех, что гарантировали ведущее положение Старых Домов. В новых условиях традиция больше не обеспечивала доминирование Старых Домов, поскольку непрерывные войны предъявляли свои требования к качествам элиты. Постоянные походы вынуждали уделять все больше внимания армии, и способностям полководцев.

Среди стариков считалось недостойным заниматься военным ремеслом, исключение составляли чемпионы эльфов. В тоже время молодые дома в изобилии выставляли полководцев и толковых руководителей. Проигрывая в кадрах, Старые дома имели и свои козыри, они владели магией, той, что наделила их природа при зарождении эльфийского народа. Связь с природой, ее понимание, позволяли договариваться как с миром животным, так и с миром стихий. В свою очередь молодые утратили способности предков, все больше склоняясь к силе науки. Стремление к знанию выразилось в постройке большого количества личных лабораторий. Молодые шли своей дорогой, предпочитая прочно стоять на земле, именно они начали использовать рабов в ремесленных мастерских, постепенно превратив их в производство мануфактурного типа.

Из-за поворота послышался мерный стук копыт. Громко, щелкая, звук резко отскакивал от гранитной поверхности древней дороги. В ожидании появления всадников Амадо остановился у высокого дерева неизвестной породы. Минуту спустя верховые окружили путника. Рыцарь в богато украшенном доспехе осадил скакуна и подъехал к человеку вплотную, напирая конем.

— Кто такой? Что здесь делаешь? — раздраженно спросил эльф.

Родриго отметил, что эльф из молодых. Одежда и черты всадника, еще мягкие как у девушки, выдавали юный возраст агрессора. Несмотря на то, что ему скорее всего уже исполнилась под сотню, по меркам эльфов он оставался еще слишком молодым. Не удостоив рыцаря ответом Амадо достал письмо-приглашение. Эльф раздраженно выхватил бумагу, и бегло пробежав строки возмутился.

— Нет, ну вы посмотрите, эти Безбаэли совсем обнаглели! Тащат в Эманторан кого не попадя! — обратился он к спутникам.

— Я могу продолжить путь? — спросил Амадо.

Эльфы уставились на человека, так, как если бы с ними заговорила обезьяна.

— Человек ты находишься в Эманторане. Здесь никто кроме эльфов не имеет права свободного перемещения. И эта писулька ничего не меняет! — с сарказмом в голосе ответил агрессор, судя по поведению главный среди всадников.

— То есть Вы хотите сказать, что приглашение Азараэля ничего не значит?

Эльф с вызовом посмотрел в глаза человека.

— Азараэль не правитель Эманторана, и не имеет права тащить в эти земли всякий

сброд, в том числе и из Амората. Сейчас я тебя отпускаю, езжай, но помни Азараэль получит то, что ему надо, а затем избавится от тебя. И тогда тобой займусь я!

— Твое имя эльф! — резко спросил Амадо, в ответ напирая лошадью на оппонента.

Зашипели клинки, вынимаемые из ножен, эльфы плотнее окружили иноземца. Надменно глядя на человека, молодой слегка наклонился в сторону Амадо.

— Ибаури. Еще меня зовут Молодой Сокол. Я из дома Лаконта. Знаешь почему сокол? Потому, что я преследую жертву пока она не выбьется из сил, а настигнув всегда убиваю — прошипел Ибаури, глядя в глаза Амадо.

Не останавливая коня Родриго, прошел тараном, заставляя эльфов расступиться. Всадники, неуверенно переглядываясь, пропустили человека. Наглость сработала, Амадо еще некоторое время ждал погони, предполагая, что эльфы опомнятся и попытаются с ним расправиться. Но до конца пути, наглеца сопровождал только гомон ярких птиц, и цокающая поступь скакуна.

***

Представив Амадо главе дома Безбаэль, Гюло тактично покинул помещение. Оставшись наедине, человек и эльф долго молчали. Азараэль изучал специалиста, которого ему рекомендовал шустрый Гюло, а Родриго ждал начала беседы. Воспользовавшись приглашением хозяина, человек опустился в широкое кресло, где удобно расположился, закинув ногу на ногу. Темные глаза Азараэля застыли на лице Амадо, в то время как человек изучал удивительный набор реторт и всевозможных приспособлений для алхимии, установленных в дальнем углу на зеркально отполированной поверхности стола, искусно сделанного из цельного куска слюды.

Глава дома Безбаэль относился к представителям Старых домов, однако не был чужд и новых веяний. Безбаэли первые из стариков выдвинули своего полководца. Молодой Эйлах, считался одним из самых даровитых военачальников Новой эпохи. Десять лет назад Эйлах Амранит спас столицу, когда армии людей, объединенные в Священный поход, едва не уничтожили город. Амбициозный полководец принес славу дому Безбаэль, его появление в последний момент позволило снять осаду с Амрунта, и тем самым спасти тысячи жизней аристократов Эманторана. Победа принесла Эйлаху и политические очки, сделав полководца самым популярным политиком эльфийского собрания. В то же время победа Эйлаха, столкнула его с представителем Молодых домов, полководцем Эйлайном. Эйлайн относился к побочной ветви Старого дома Кладае, семье Алаклай. В свое время эта семья вышла из тени старшего дома и примкнула к фракции Молодых домов. С тех пор, сила и влияние дома Алаклай неуклонно росли. Появление талантливого полководца в его рядах, позволило молодому дому войти в совет айларов.

Ходили легенды, что Эйлайн бессмертен, но то легенды, в действительности не нашлось никого, кто смог бы победит его в честном бою. Поговаривали, что он пришел с далекого запада, хотя никто точно не знал откуда родом этот эльф. Жизнь Эйлайна до Эманторана затерялась во мраке веков. Со временем образ воина оброс многочисленными легендами и домыслами. Юный оппонент многоопытного полководца не мог похвастаться столь богатым фольклором в биографии, зато брал молодостью, красотой и обаянием.

— Итак! — произнес наконец Азараэль. — Вы все-таки решили ответить на мое приглашение!

— Да — коротко произнес Амадо.

— Как вам Эманторан? — эльф положил сухую кисть на колени, Азараэль сидел на

высоком табурете, напротив гостя.

— Удивил, едва не попал под раздачу. По дороге столкнулся с Ибаури из Лаконта! — вежливо поддержал беседу Амадо.

— Ах, да. Этот ретивый юноша, что грезит о новом мире, без магии и старых традиций. Он больше человек, чем эльф! Не по крови, конечно. Родословная у него, лучше еще поискать, а вот склад ума человеческий. В силу своей молодости он еще не видит, что становится все больше похожим на тех, кого так презирает и ненавидит.

— Я его не осуждаю. Возможно, он боится потерять прекрасный мир Эманторана?

— Возможно — задумчиво ответил старый эльф. — Ну, а само королевство?

— Удивительное спокойствие. Ваша земля не похожа на остальной мир. Мне ранее не приходилось бывать в Эманторане, и теперь, когда ваше приглашение позволило мне заглянуть в легендарное королевство эльфов, могу сказать, что эльфам есть что охранять. Эманторан кусочек старого мира, сохранившийся с тех времен, когда мир еще любил своих детей, а дети чтили его блага.

— Спасибо за добрые слова! Поверьте, я ценю такое понимание эльфийской души, но как вы догадываетесь темой нашей беседы будут не столь приятные вещи, как красоты вечного Эманторана. У меня есть для вас одно щекотливое дело, но, прежде чем мы начнем, вы должны дать мне слово, что все сказанное здесь останется между нами.

— Признаюсь, я боюсь предположить, что вам от меня надо. Думаю, мы друг друга неправильно поняли. Я не занимаюсь наемными убийствами...

— Ну что вы! Я никогда бы вам не предложил ничего подобного! Однако, у вас богатая фантазия! — эльф бегло улыбнулся одними губами, и пронзительно взглянул в глаза человека. — Тем не менее, моя работа сугубо по вашему профилю. Вы господин Амадо, насколько мне известно, в свое время служили Инану королю Амората, личным советником?

— Да, это не секрет. Мы были друзьями, и я много лет служил ему верой и правдой. Пытался тоже сделать для его сына, но как вам наверняка известно, все кончилось плачевно. Король в монастыре, а на троне новая династия...

— Как? Вы не знаете? А ведь Сигизмунд, вот уж два года, как покончил с собой. Говорят, в следствии душевного расстройства, кинулся на нож, но положила руку на сердце верится в это с трудом. Особенно зная о железном здоровье бывшего монарха, да и характер у него был не из слабых — удивился Азараэль.

Амадо неприятно скребануло по душе, но он не подал вида.

— Спасибо за информацию. Я, честно говоря, не знал — почти равнодушно ответил человек.

— Да, что вы? Полно. Эта новость облетела весь мир. Странно что она прошла мимо вас — еще больше удивился Азараэль. — Ну да ладно, я вот к чему веду нашу беседу. Дом Безбаэль интересуют ваши знания в стратегии. Все мы с удивлением наблюдали победу Амората в битве у озера Хана. Учитывая перевес в коннице, Сальяд должен был разметать войска Инана, а вы устояли, да еще контрударом опрокинули старого Войтека. Многие посчитали, что победа принадлежит молодому королю, но мы то знаем, кто настоящий автор этого чуда. Поэтому мы решили воспользоваться вашими талантами. Это все, что я пока могу вам сказать! Вы согласны нам помочь? — эльф внимательно уставился на человека.

Амадо погрузился в раздумья, Азараэль не торопил, понимая, что просит много, и возможно оплачивает смерть человека.

— Что с оплатой? — неожиданно спросил Родриго.

Он впервые поднял тяжелый взгляд на эльфа, лицо Азараэля побледнело, словно его окатили холодной водой, а голова инстинктивно подалась назад.

— Мы дадим вам денег столько, сколько попросите?

Ответ насторожил человека, такая щедрость возможна только в двух случаях. Или работа очень опасна, или его услуги не собираются оплачивать, предпочитая после избавиться как от ненужной вещи.

— Я прошу позволить мне осмотреть знаменитую сокровищницу Паленалья, и взять из нее любой предмет, стоимостью в десять тысяч золотых! — потупив глаза попросил Амадо.

— Это будет очень сложно. Все-таки Паленаль это замок короля. А королевская сокровищница нам не принадлежит, однако если правильно подать ваши успехи Его Величеству — раздумывал вслух Азараэль. — То почему бы и нет! Давайте договоримся так. Если я смогу устроить вам посещение Паленалья, то свою награду вы выберете там, но если я не смогу убедить его величество в ваших заслугах, то вам заплатят двадцать тысяч золотом! — эльф терпеливо ждал ответа. Ничем не выражая удивления, что вызвала необычная просьба человека.

Амадо украдкой улыбнулся, и кивнул головой.

— Я согласен!

***

Дубовые панели кабинета сдвинулись в сторону, и из-за стен вышли несколько эльфов. Все они, судя по одежде, принадлежали к совету дома Безбаэль. Амадо оказался первым человеком, допущенным на настоящий Совет Старого Дома.

Эльфы чинно расселись по своим местам, в полукруг, с любопытством разглядывая человека. Помимо мужчин в совет входило три женщины, как и все эльфы, красивые и молодые, они выглядели лет на двадцать с небольшим, хотя девушкам перевалило за тысячу.

Азараэль представил присутствующих, руководил советом его сын Наэль, белокурый эльф с печальными и мудрыми глазами.

— Как вы знаете, господин Амадо, сегодня Эманторан ведет войну с Крефеями — начал глава дома Безбаэль. — Союзы уже пали. Понапли несколько недель назад, а Орта еще в начале компании. Остались горные районы, где расположились Алкмеи. Государство профессиональных воинов, пожалуй, самое боеспособное в регионе. Их военачальник Лефтерсис оказывает упорное сопротивление, его армия задержала нас в проходах Перы, в горах Рамода, на десять дней. Надо сказать, что участок здесь очень узкий, с одной стороны гора, с другой обрыв в море. А лесистая часть, что располагается за проходами, местные ее зовут Нерион, представляет собой естественную крепость. Лес Нерион располагается на плато с крутыми, скалистыми берегами, резко обрывающимися в море. Из-за чего высадить морской десант не представляется возможным, по тем же причинам мы не можем использовать конницу. Должен признать, мы столкнулись с незнакомой тактикой, поэтому нам понадобился специалист из вашего рода. Тот, кто имеет опыт в подобных войнах, тот кто привык принимать не стандартные решения — повисло длительное молчание.

Родриго рассматривал карту на столе Азараэля, где двигались отряды эльфов и людей, отображая происходящее на архипелаге.

— А почему вы не осадите Алкмеи, ведь если туда нельзя войти, то и выйти также вряд ли получится — задумчиво проговорил Амадо.

— К сожалению, мы не можем себе позволить такой роскоши. Один из алкмейских стратегов отправился собирать союзные силы по всему региону, и вскоре подойдут корабли

с подмогой от материковых городов.

— Тогда разбейте их в море, у эльфов ведь прекрасный флот...

— Был. Его сожгли после взятия крепости Орта. Наш флот уничтожен, а новый только строится — грустно пояснил Наэль.

— Не понимаю, я видел в Виэльде под сотню кораблей, как мне кажется это не плохой флот для морской блокады — удивился Амадо.

— Ах, да я забыл, что вы плохо знакомы с нашей военной системой — снисходительно улыбнулся Наэль. — Дело в том, что флот эльфов не является монолитной военной единицей, он состоит из совместных флотов крупнейших домов. Есть флот Старых домов, который мы потеряли при Орте, также существует флот Молодых домов, им, мы в силу определенных политических противоречий воспользоваться не можем. Таким образом вам следует исходить из того, что у нас нет флота, и мы не можем предупредить подход союзников Алкмей. Более того мы не можем сейчас перекинуть дополнительные войска для усиления нашей армии. В итоге расстановка сил складывается так, что Эйлах рискует оказаться в кольце врагов. К тому же в Алкмях находится более десяти тысяч отлично подготовленных воинов.

— Ясно. Я должен отправиться на Крефеи, чтобы своими глазами увидеть все происходящее и оценить шансы на победу — заключил Амадо.

— Вы нас не поняли, нам нужна победа любой ценой. И здесь не имеют значения ни жизни воинов, ни жизнь самого Эйлаха — спокойно проговорил Азараэль.

— Где и когда можно ждать высадку союзников Алкмей? — сухо спросил человек.

— Наши разведчики предполагают, что их войска высадятся, в районе Отоса. Это бухта, расположенная недалеко от горного кряжа Рамода. Скорее всего они вынуждены будут подниматься по узким горным тропам, и попадут в тоже положение, что и мы. Однако у них будут местные проводники, что знают горы как свои пять пальцев, и поддержка местных. Скорее всего Алкмейцы выступят у нас в тылу, когда наши войска завязнут в битве с союзниками, и тогда может случиться катастрофа. Да и припасы не вечны, уже приходят известия о крайней скудности питания наших воинов. Болезни, и постоянная нехватка воды также не повышают дух армии.

— А знаменитые машины...

— Их сожгли при Орходеях, как мы думаем отряд диверсантов из Алкмей — поморщившись ответил Наэль.

— Пока мы собираем продовольствие с покоренного населения, но в любой момент можно ожидать восстания и тогда мы получим еще одного противника. А вместе с тем потеряем источник снабжения. В общем время не ждет, нам срочно нужна победа — устало пояснил глава Безбаэля.

— Вы великолепно осведомлены о делах, происходящих за сотни километров! Я удивлен! — восхитился Амадо.

— Да у нас хорошая система связи. Мы можем получать информацию, практически без задержек — снисходительно пояснил эльф.

— Я готов. Могу сегодня же отправиться на Крефеи. Со своей стороны, обещаю, что сделаю все возможное для разрешения сложившегося кризиса.

— Тогда через час вы сядете на торговое судно Гуппаранов, оно доставит вас до архипелага. И помните, что вы путешествуете инкогнито. Никто не должен знать, кто вы, а самое главное куда, и зачем едете.

Белые скалы первых островов большого архипелага, показались на горизонте. Над кораблем кружили жирные чайки, с диким криком разбрасывая гуано на все, что движется. Бирюзовое море разбегалось пенными бурунами под носом корабля. Вдоль бортов посудыны то и дело появлялись антрацитовые спины афалин, блестящие на жарком солнце. Вскоре показались и сами Крефеи, в воздухе ощущался запах пожарищ, смешанный со смрадом мертвечины. Орта чернела на голубом небосводе как сгнивший зуб гигантского дракона. Когда-то крепость возвышалась на высоком белоснежном утесе, окруженном со всех сторон морем. До эльфов Орта считалась не приступной. Крепость, многие сотни лет не могли взять, ни с моря, ни с суши. Эльфы не стали тратить время на осаду или штурм, они просто сожгли цитадель, обстреляв Орту с кораблей огненными снарядами. Эманторан владел секретом изготовления особой, горючей смеси, которая не гасла даже в воде. Пламя, объяввшее неприступную твердыню, видели на самых отдаленных островах архипелага. От высоких температур плавился камень, его потоки длинными, темными языками стекали по белоснежному утесу, застывая в морской глубине. Город даже не грабили, оставив раскаленный утес остывать. Спустя несколько месяцев, жители окрестностей Орты пробрались в уже остывший город, их рассказы потрясли весь архипелаг. Среди зданий, рассыпавшихся в прах, лежали сплавившиеся меж собой доспехи, мечи и копья, четырех тысяч воинов. От высоких температур они потеряли ясность очертаний, потому знакомые формы угадывались с трудом. А то, что когда-то было людьми, превратилось в седой пепел. Огонь уничтожил все не оставив ничего ценного, лишь сокровищница басилевса дала трещину, из которой широкой рекой протекла золотая жила. Мародеры попытались разрабатывать драгоценную находку, но что-то неведомое крало в ночи незадачливых грабителей. В священном ужасе расхитители бежали прочь, а мост в Орту разрушили, потому что в ближайших селениях, также начали пропадать люди. Мост разрушили, и исчезновения прекратились. Среди местных поползли легенды о мертвых жителях Орты, якобы охранявших сокровища от грабителей.

Легенда вызвала улыбку у Амадо, но от места действительно веяло чем-то жутким, замогильным. Глядя на Орту, он понимал почему местные ее боятся. Единственное в чем они ошибались, так это в причинах происходящего. У руин появился новый владелец, сказать точно, кто это или что, Амадо не мог, но о причинах его появления догадывался.

Пару часов спустя показались столичные полисы. Прекрасные образцы классической архитектуры, с южным колоритом. Эти города почти не пострадали, поскольку не подвергались осаде. Армия союза Орты потерпела поражение в поле, а города предпочли сдаться на милость победителей, чтобы избежать участи неприступной крепости.

Маленькая бухта Отоса, совершенно не годилась для высадки большого числа людей. Кроме того, наверх вела лишь узкая горная тропа, из чего Амадо заключил, что союзники не станут высаживать здесь свои силы, если только они не полные идиоты. Вскрывшееся положение вещей, показало, что сведения эльфов отнюдь не полные, а в чем-то откровенно ошибочные. Незнание обстановки на месте, привело совет Безбаэля к неверным решениям.

До лагеря Эйлаха Амадо ехал на муле с торговым караваном княжества Гуппарана. Южане рассчитывали на хороший куш в армии победителей. Острая нужда в самом необходимом, и золото награбленное в богатых городах Крефей, сулили баснословные

прибыли.

Армия произвела еще более удручающее впечатление, чем уровень информированности эльфийского совета. Болезни и раны вывели из строя более двух тысяч воинов, каждый день, кто-то умирал. Моральное состояние войска падало с каждой неудачной атакой на горный проход. Последняя атака, с которой прошла неделя, привела к паническому бегству опытных воинов Эманторана. Позор усугублял, тот факт, что разбить упертых алкмеян они не могли уже третью неделю. Войска отказывались выступать на верную смерть, дело шло к грандиозному разгрому. Эйлах, встретил Амадо равнодушно-враждебно, эльф находился в состоянии глубокой депрессии. С первых минут знакомства он дал понять, что не позволит чужаку перехватить управление войском.

Вечером в шатре Эйлаха состоялся военный совет, эльфийские полководцы, опытные воины, скептически улыбаясь слушали рекомендации человека. В какой-то момент дело едва не дошло до рукопашной, эльфы окружили чужака, руки легли на эфесы. В этот момент изображение карты, мерцавшее на гладкой поверхности походного стола, сменилось лицом Азараэля. Глава дома Безбаэль тактично откашлялся, привлекая внимание.

— Господа, прошу внимания! — прозвучало в наступившей тишине. — Представленный вам господин Амадо, специалист, которого рекомендует Высший совет дома. Надеюсь, ни у кого нет сомнений в компетенции его членов? — грозно прозвучал вопрос из стола.

Неловкое молчание заполнило пространство шатра главнокомандующего.

— Я жду ответа! — настаивал Азараэль.

— Нет!!! — дружно отозвались смущенные военачальники.

— Тогда прошу впредь не оспаривать решения господина Амадо. А чтобы наиболее эффективно использовать знания приданного вашей армии специалиста, Совет передает Родриго Амадо неограниченные полномочия. До особых распоряжений вы обязаны беспрекословно исполнять принятые им решения. Со всем возможным рвением! Надеюсь, это понятно?! — произнес Азараэль в оглушающей тишине.

Эльфы переглядывались, и растерянно смотрели на Эйлаха. Полководец опустил глаза, красивое лицо покрылось пунцовыми пятнами.

— Не слышу? — снова прозвучало из стола.

— Да!!! — дружно прогудели эльфы, отводя в сторону глаза, и двигая желваками на скулах. Они уже ненавидели человека, что спокойно стоял в тени, неподалеку от стола, и равнодушно взирал на происходящее.

— Вот и хорошо! В ближайшее время, мы ждем отчет о ваших успехах. Кстати, войска союзников высадились неподалеку от Орты, и идут к Алкмеям, очищая города от наших гарнизонов. Местное ополчение уже достигло значительных размеров. Против тебя Эйлах, по сути, идет две армии. Через три дня они зайдут вам в тыл. О продовольствие можете забыть, теперь у вас есть только то, что осталось в запасе, и три дня форы. Используйте ваше преимущество с умом — изображение исчезло, на столе вновь замигала карта, быстро обновляя информацию.

Амадо вышел из тени, подошел к столу и склонился над картой, внимательно вглядываясь в рельеф местности. Вдоль изрезанной береговой линии ползли стайки кораблей, с каждым мгновением становясь все ближе к расположению армии. Эльфы пожирали человека глазами, Эйлах молча сел в кресло неподалеку и погрузился в равнодушное ожидание.

Немного помолчав Амадо спросил, сколько человек в войске, в ответ прозвучало

издевательское. — Ни одного. Он поднял глаза, и встретился взглядом с шутником. Эльф побледнел и потупился. Родриго обвел присутствующих взглядом, встречая глаза эльфов, Амадо стирал с их лиц дерзкий вызов.

— Двенадцать тысяч всего. Пять тысяч лучников, три тысячи тяжелых мечников, три копейщиков, и тысяча тяжелой конницы — доложил один из командиров.

— Сколько раненных и больных? — продолжал Амадо снова погружившись в изучение карты.

— Две тысячи — ответил тот же командир.

— Как зовут?

— Баларн! — отчеканил эльф.

— Хорошо Баларн. Сейчас вы распространите приказ по войскам. В течении часа организовать бани, помыть личный состав. Затем провести смотр, все вооружение и экипировку, что пришла в негодность к завтрашнему утру привести в надлежащее состояние. Тех, что не в строю перевести в укрепленный лагерь. У проходов организовать усиленные посты, подготовить позиции на склонах горы, по исполнению направить на позиции лучников.

— Но это невозможно сделать за сутки, минимум два дня...

— У меня есть только три дня, а у вас есть сутки. Не успеете, значит погибнете — спокойно произнес Амадо, уничтожая взглядом несчастного эльфа. — Чем раньше начнете исполнять, тем быстрее подготовите войска к решающей битве — закончил советник.

Высокий, черноволосый эльф со шрамом через все лицо, спросил.

— А разве не лучше отойти на равнину, там наша конница, сможет разметать врага...

— Нет! — отрезал Амадо.

Эльфы переглянулись, Эйлах на секунду вышел из своего раздумья и трагически поморщившись снова поник головой.

Эльфы начали расходиться, Амадо остановил Баларна на пороге.

— Да передайте также, чтобы выдали двойную норму продовольствия, сегодня и завтра. После смотра всем войскам отдыхать.

— Будет сделано! — прозвучало в ответ.

За порогом Баларн покачал головой, и покрутил у виска многозначительно глядя на своих коллег.

Высокий эльф, атлетического сложения, остановил командиров, и тихо, но с жаром, что-то заговорил.

— Фисмаэль мы согласны, но этот приказ...! — донеслось от группы.

Баларн отвернулся и решительно зашагал к своим войскам. Воины обступили командира, он, что-то объяснял на эльфийском, его внимательно слушали, качая головами в знак согласия.

***

Амадо отошел от стола и сел напротив Эйлаха, помолчал минуту, затем произнес.

— Я вас понимаю. Вы молоды, приказ Азараэля удар по вашей гордости и самолюбию, но ...

— Понимаешь? Нет ты не понимаешь! Ты смертен, и твой позор умрет вместе с тобой, а мне мой придется вечно нести. Мне всегда будут тыкать, что я подчинился человеку!!! — зло прокричал эльф. — Ты нас ведешь к гибели, лишая запаса продовольствия, и не давая отступить на равнину. Ты сознательно лишаешь нас стратегической инициативы?! Только на

равнине у нас есть шанс! Только там мы сможем в полной мере воспользоваться преимуществами нашей тяжелой конницы. Ты ведешь к гибели меня и мои войска! Ты предатель!!! — эльф вскочил, вытаскивая на ходу кинжал, и кинулся на сидящего человека.

Сильный удар опрокинул Элаха. Эльф ударился головой о ножку столика, кинжал звякнув отлетел к выходу и воткнулся в помост. Потирая затылок Эйлах сел на полу, Амадо не спеша подошел и протянул ему руку. Помог подняться. Затем глядя в глаза произнес.

— Это моя работа. Поверь мальчик, мне также выгодна твоя победа, как и твоему Дому. В случае виктории я получу, то, что при иных обстоятельствах никогда бы не увидел. Так, что прекращай истерику, и давай решать, как будем бить врага. Тебе нужны мои опыт и знания, а мне твой авторитет в войсках, чтобы они пошли на смерть не задумываясь. Соберись и помоги мне подарить тебе еще одну блестящую победу! — Амадо улыбнулся, и эльф с удивлением отметил, что совершенно доверяет этому человеку.

Неожиданно, мучивший его последние недели страх ушел. Страх, что сделал его нерешительным трусом.

— Что ты предлагаешь? — спросил Эйлах.

Амадо жестом пригласил его к столу. Советник и полководец склонились над картой. Изложив тактический ход, Амадо посмотрел на эльфа, Эйлах не мог поверить, что человек столько знает о тактике врага, перед ним стоял настоящий специалист.

***

Ночью Амадо разбудил шум, за стенами шатра что-то происходило. Вытащив меч, советник сделал шаг к выходу, но не успел подойти к пологу. В шатер ввалились несколько эльфов, во главе с командиром. Амадо узнал шутника с военного совета.

— Что происходит? — спросил Родриго.

Не говоря ни слова, воины ринулись к нему, человека спасла природная осторожность. Шутник быстро и толково взмахнул саблей, но Амадо не принял вызова. Разрезав полотно шатра, он выбежал в суету лагерного бунта. Вокруг шла бойня, одни эльфы убивали других. Среди шатров промелькнул Эйлах. Неистово прищпорив коня, командующий врезался в толпу воинов, и принялся рубить мятежников. Опомнившись, воины стащили полководца с лошади, но тут же в дело вмешались солдаты Баларна и удача повернулась в сторону Эйлаха.

До утра шли зачистки лагеря. Сторонников мятежа хватали и повязав по рукам и ногам, помещали на центральной площади военного лагеря, под охрану. Утром начались допросы, тех, кто отказывался говорить умерщвляли на месте, жестокость принесла свои плоды. Мятежники заговорили, все как один показали на Фисмаэля, командира бронированных мечников. В ночь восстания он выступил с кличем: «Эльфы правители мира!!! Позор может смыть, только кровь человека!!! Смерть предателю Азараэлю!!!», после чего началась резня противников мятежа. Сам Фисмаэль признавался, что поддался эмоциям, но поклялся, что никогда не помышлял о восстании против Эйлаха. Принимая все сказанное к сведению, Эйлах сохранил жизнь мятежникам, но отправил бунтарей на штурм неприступного прохода, положив наступление наказанием за мятеж.

Во избежание нового бунта, Амадо вернул полномочия Эйлаху. Командиров, принявших сторону Фисмаэля, разжаловали и приговорили вместе с их воинами идти в первых рядах на защитников перевала. С главным мятежником Эйлах расправился поистине зверски. Фисмаэля на глазах всего войска, четвертовали, а останки сбросили в море, лишив семью возможности похоронить своего воителя. Также бывшего полководца лишили всех званий и права родства, а его супруга, и дети потеряли покровительство дома Безбаэль.

***

Два дня спустя войска эльфов пошли на прорыв ущелья. В то же время сильный отряд во главе с Амадо, прошел под землей, в тыл защитникам Перы. О древнем проходе под горой не знали ни эльфы, ни местные. Все вопросы о том откуда человеку известны тайны горы Рамода, Амадо оставил без ответа.

С равнины продолжали подходить отступающие части эльфийского войска. Здоровые войны пополняли охрану лагеря, а больные попадали в руки врачей.

Организованные позиции на окружающих скалах, позволяли лучникам с одной стороны поддерживать огнем штурмующих проход, с другой контролировать, проходы с равнины. Такое расположение давало возможность вовремя перекрыть подступы к лагерю, вместившему больных и раненных.

Жители архипелага издревле использовали особое построение, названное фалангой. Воины Крефей с молодых лет обучались действию в сомкнутом строю копейщиков. Алкмейцы выделялись особым мастерством в военном деле, в честном бою фаланга алкмеян считалась непобедимой. Амадо приходилось уже сталкиваться с этой тактикой, он знал ее сильный и слабые стороны. Именно поэтому советник приказал не спускаться на равнину, понимая, что в поле фаланга окажется непреодолимой. В предрассветных сумерках пошли первые волны эльфийской пехоты на перевал, их наступление контролировали эльфийские лучники, на случай если мятежники попытаются напасть на свои части. Вопреки ожиданиям бунтари мужественно шли на приступ, погибая от молниеносных ударов копий фалангистов.

Победоносный клич в тылу врага, на той стороне перевала Перы, послужил сигналом для начала массированного наступления. Армия эльфов ударила в спину защитникам прохода, увязшим в бою с отрядом Амадо. Десять минут спустя фаланга рассыпалась. Алкмейцы дрались как львы, но в окружении у них не осталось шансов. На предложение сдаться южане ответили презрительным отказом, после чего эльфийские лучники расстреляли остатки отряда. К полудню перевал заняли эльфы. Эйлах вывел войска на плато. Леса так беспокоившие Азараэля, давно свели под пашню, и теперь перед ними простиралась равнина, поделенная на поля. Пение беззаботных птиц, и звенящий зной окутали эльфов. Земля содрогнулась, на горизонте, что-то блеснуло, а затем скрылось в клубах пыли.

Эйлах помчался на левый фланг, к коннице, он распределил ее поровну на обоих флангах, но сам решил пойти в атаку со старыми товарищами по левому краю. В центре стояли копейщики ими командовал Баларн, тяжелые мечники шли по обоим сторонам копейного строя, а в первых рядах встали эльфийские лучники, считавшиеся лучшими стрелками в мире.

У алкмейцев не было конницы, имелись пращники и совсем никчемные лучники, зато основу их войска составляли лучшие в мире фалангисты, с большими круглыми щитами, и железной дисциплиной. Выстроенные в шесть рядов в глубину, они по фронту перекрывали почти всю равнину. Большие щиты находили один на другой, закрывая половину тела стоящего рядом товарища, и создавая непреодолимую, для врага, стену щитов. Лишь с боку фаланга оставалась уязвима, но там стояли лучшие воины, седые ветераны.

Прозвучал сигнал к бою, пехота эльфов двинулась на десятитысячную фалангу алкмейцев. Сердце Эйлаха бешено колотилось в груди, сегодня решалась его судьба, либо он победит, либо погибнет в этом диком краю.

Он доверился Амадо и теперь оставалось только надеяться, что человек знает свое дело.

Родриго находился на правом крыле, во главе конницы, и ждал завязки сражения. Тяжело столкнувшись, сошлись войска. Эльфы начали отступать, фаланга мелено двинулась вперед, давя все на своем пути. Копья алкмейцев разили безостановочно, каждый фалангист наносил удар несколько в сторону, целя копьём в бок противника, стоявшего против его соседа по строю, в тоже время прикрывая щитом себя и соратника.

Копейщики эльфов пытались пробить щиты алкмейцев, но жала их копий соскальзывали с гладкой поверхности, не причиняя вреда противнику. Некоторые хватали копья, или край щита, стараясь оттянуть их в сторону, чтобы открыть алкмейцев под удар, но тактика не работала. Смелчаки гибли от коротких клинков, воинов второго ряда. В отчаянии некоторые пытались подлезть под щиты, но и это не помогло, эльфы неизменно получал сталь, из задних рядов фаланги.

Эльфийские луки быстро выкосили слабую поддержку алкмейской фаланги, и конница ринулась вперед, стремясь зайти в тыл врагу. Эйлаху это сделать не удалось, его встретили ветераны Лефтерсиса, что стояли на правом фланге, и пришлось срочно отступать, для того чтобы заново перестроить конницу. В то же время Амадо сумел обойти фалангу, и ударил в тыл. Фалангисты перестраивались, разрушив монолитность рядов, и тут же заработали луки эльфов, появились первые жертвы среди алкмейцев.

Промчавшись вдоль фаланги, отряд Амадо ударил в центр построения и разорвал строй. Фаланга снова начала перестраиваться, стрелы и безумный натиск пеших эльфов, окончательно рассыпал построение, началась личная битва каждого воина. Послышалось натужное пение свирелей, и фаланга снова собралась в единую стену, Амадо не верил глазам.

— Это невозможно! — выдохнул советник.

Перед эльфами вновь вырос строй, теряя воинов, эльфы отступили, а затем побежали. Эйлах нанес удар во фланг, и сумел опрокинул фалангу, при этом под ним убили лошадь, гибель нависла над командующим. Амадо вовремя подоспел, и смог отбить полководца, алкмейцы медленно отступали, неистово играли музыканты алкмеян, собирая разрушенный строй.

Конница эльфов откатила. Собрав всадников в единый кулак, Амадо повел их на правый край. Фаланга быстро растягивалась, не давая возможности обойти ее, в очередной раз удивив Родриго. С такой выучкой ему еще не приходилось сталкиваться. Позади показался город, и фаланга получила прикрытие в виде стены, что окружала Алкмей. Отсутствие рва и малая высота стен говорили о том, что местные привыкли к тому, что у них нет врагов. Сверху на конницу эльфов посыпались снаряды, выпущенные из пращей, Амадо пришлось срочно отступить.

Разгромить алкмейцев в открытом бою не удалось, южане считали победу своей, эльфы оставили это сражение за собой. Вернувшись в лагерь Амадо увидел, что Эйлах собрал войска, и готовится идти на штурм. Тяжелый разговор с полководцем, помог убедить разгоряченного Эйлаха не спешить. Воинам требовался отдых, Родриго не верил, что они смогут взять город. Тем не менее следовало торопиться, остался один день, до подхода союзников Алкмей.

***

Утром к невысоким алкмейским стенам, подъехал Амадо с делегацией из командиров эльфийской армии, советник запросил переговоры. Немного погодя над воротами появилась делегация из двенадцати воинов. Насмешливо глядя на эльфов, что смотрели на них с низу

вверх, алкмейне пропустили вперед воина атлетического сложения.

— Что вам надо, остроухие?!!! Зачем пришли?!!! Если за землей, то не сомневайтесь, вы ее получите, но только после смерти!!! — прокричал кучерявый атлет, сверкая яркими, голубыми глазами.

— Мы предлагаем вам сдаться и принять патронат эльфийского королевства!!! — прокричал в ответ Амадо.

Секундное замешательство сменил взрыв хохота.

— И зачем нам это?!!! — серьезно спросил кудрявый, задрав густую бороду к небу.

— Затем, что мы разбили ваших союзников, и помощь к вам не придет! Мы можем сидеть под вашими стенами, до тех пор, пока к нам не подойдет подкрепление, а с ним и огнеметные машины! — надавил на последний факт Амадо.

— Ты лжешь!!! — с сомнением выкрикнул кудрявый бородач.

— Все нет! — обиженно произнес Родриго и приказал продемонстрировать несколько знамен союзников алкмейцев.

На стене завязалась оживленная беседа, воины спорили, стоит ли верить словам человека, продавшегося эльфам. Наконец бородач приказал всем замолчать, и явно приняв решение, обратился к Амадо.

— Я хочу обсудить условия!!! Но в город войдешь только ты!!! Прежде чем принять мои условия, запомни, если нас не устроят твои предложения ты не выйдешь отсюда живым!!! Что скажешь?!!!

Родриго слез с лошади, и подобрав знамена прошел в отрывшиеся ворота.

***

Советник сидел напротив кудрявого бородача, умные глаза Лефтерсиса смотрели на Амадо, жестко, но без ненависти. Белый хитон с голубой каймой, сочетавшейся с синими глазами владельца, не мог скрыть мощное сложение василевса Алкмей. Одиннадцать стратегов, что сидели на каменных скамьях вокруг Вечной жаровни, многие уже седые, также впечатляли физически развитыми телами, хотя подобного Лефтерсису среди них не нашлось. Позади полукругом расположились двадцать четыре старика, они скромно молчали, но по обращению ухаживавших за ними юношей, чувствовалась, что старцы обладают большой властью.

— Итак чужеземец, что ты нам принес? — начал бородач.

— Знамена ваших союзников! — проговорил Амадо, выкладывая хитро выделанные узорчатые наконечники ритуальных копий.

Воины внимательно осмотрели все представленные знамена, после чего согласились, что они подлинные. В воздухе повисло уныние, явственно ощущаемое, несмотря на внешнее спокойствие участников переговоров.

— Теперь, когда вы убедились в правдивости моих слов, я постараюсь донести до вас все выгоды почетной сдачи — улыбнулся Амадо.

— Да он издевается над нами!!! — взорвался воин с сильно загнутым, крючковатым носом. Сжимая кулаки, алкмеец вскочил со своего места.

— Антион сядь! — рявкнул кудрявый. Воин удивленно посмотрел на царя, но проглотил обиду и сел на место.

— Меня зовут Лефтерсис, я архистратиг Алкмей. В моих руках армия нашего города, я обязан его защитить, потому признать поражение, для меня равнозначно самоубийству. Ты понимаешь меня, чужеземец?

— Да! — серьезно глядя на Лефтерсиса ответил Амадо.

— Тогда объясни, зачем мне сдавать город. Вы все равно его не сможете взять, а если все-таки решитесь на штурм, тогда мы вас разобьем, а выживших продадим в рабство. Что может убедить архонтов согласиться на признание первенства эльфов?

— Скажу коротко, здравый смысл!

— Не понимаю, о чем ты говоришь? — удивился Лефтерсис.

— Дело в том, что эльфам нужны не Крефеи, архипелаг их интересуют лишь как плацдарм для удара по другому противнику, куда более могущественному, чем ваш маленький мирок. Поэтому эльфы с удовольствием заключают сделку, особенно в сложившихся обстоятельствах. Эйлах, командующий армией эльфов, предлагает вам почетную сдачу города, с сохранением армии, и политической самостоятельностью, за исключением права вступать в союзы. Взамен они требуют, чтобы твои сыновья стали аманатами, а также тысячу ваших воинов для службы в армии эльфов. При убыли оных, они должны будут немедленно пополняться до указанной тысячи. И последнее, в городе должно быть открыто посольство эльфов, где Эманторан будет представлен айларами с особыми полномочиями. В первую очередь они должны иметь право присутствовать на заседаниях ваших архонтов и стратегов. Все принятые решения должны доводиться до эльфов, в случае нарушения указанных пунктов, Эманторан оставляет за собой право вновь начать войну против Алкмей.

— Ты не считаешь это предложение оскорблением?! — с трудом перекричал поднявшийся гвалт Лефтерсис.

— Нет! Через несколько недель здесь будет новый флот эльфов, а с ним придут подкрепления, а самое главное метательные машины, с особым составом для сжигания всего, что может гореть. Поверь я видел, что они сделали с Ортой, и не хочу, чтобы с твоим народом повторился тот ужас, что случился с вашим соседом.

— С чего бы тебе беспокоиться о нас? Ты ведь служишь остроухим, а они никогда не жалеют людей. Мы для них в лучшем случае полезные вещи, но никак не равня — с недоверием спросил Лефтерсис.

— Потому, что я человек, и я из вашего рода. Да я на службе у эльфов, но именно я уговорил их пойти на переговоры, да еще на таких легких условиях. Легких, конечно, если помнить судьбу Орты — воины потупились, и задумчиво смотрели на угли Вечной жаровни.

Все знали о жуткой судьбе их соседей, и никто не хотел повторения такого у себя дома. Позади поднялся старик и шаткой походкой вошел в круг, он протянул листок пергамента Лефтерсису, и также неспешно ушел обратно. Архистратиг прочел пергамент, после чего посмотрел на своих воинов и тяжело вздохнув, проговорил.

— Тебе удалось убедить старейшин, но я все еще в сомнении!

— Твое сомнение от незнания! Даже если вы сможете победить эту армию, эльфы столь могущественны, что могут поставить еще двадцать таких же. Кроме того, у них есть и более опытные полководцы, чем тот же Эйлах. Поверь, условия мира, более чем почетные. Эльфы стирают народы и государства, именно потому, что вы люди для них не более чем мимолетные создания, как ночные мотыльки. Одни, другие, третьи для них не имеет значения, вы смертны.

Лефтерсис смотрел на человека, сидящего перед ним, и почему-то верил в искренность его слов, как и большинство присутствующих он чувствовал, что Амадо абсолютно прав.

— Ты меня убедил, но у нас есть свои условия! — ответил наконец василевс.

— Слушаю — оживился Амадо.

— Первое мы никого не впустим в город! Второе служить к вам пойдут лишь те, кто пожелает, вы не имеете права выбирать воинов! Третье я отдам одного сына, второй останется со мной. И последнее эльфы не должны навязывать моему народу никаких налогов, и податей, мы вам платим тысячей воинов и все!

— Что же это разумно. Я передам твои требования Эйлаху.

Ворота открылись, невысокий человек устало вышел из города. Не оглядываясь Амадо направился в сторону делегации эльфов. Эйлах вздохнул с облегчением, его армия находилась в критическом положении, на следующее утро ожидали подхода союзников Алкмей. Мир требовался как воздух, продовольствие заканчивалось, со дня на день в войсках мог наступить голод. Этому человеку удалось-таки, повернуть удивительную по своей наглости аферу.

Всю ночь эльфийские разведчики пробирались во вражеские лагеря и крали знамена. Многие погибли, но некоторым удалось выполнить безумное задание. Человек блефовал, и его обман удался, осталось только заключить мир, и его нужно заключать как можно скорее.

Союзники подошли утром, и обомлели. Перед ними закрыли перевал те, к кому они так спешили на выручку. Не вдаваясь в причины случившихся перемен алкмейцы поблагодарили союзников, и отправили гостей восвояси. Вожди племен довольные богатой добычей, полученной без особых потерь, для вида возмутились вероломством Алкмеян, и убыли в родные края, попутно грабя все, до чего смогли дотянуться.

Новость о победе над Алкмеями привела в восторг Совет Безбаэля. Слава молодого командующего гремела теперь по всему цивилизованному миру. Эйлах первым сумел усмирить Алкмеян, да еще обошелся малыми потерями. Участники, конечно, знали, что это ложь, но старались не спорить с официальной версией. Раз Эманторан считает, что победа, значит победа.

Амадо и Эйлах вернулись в Эманторан. Долгое путешествие сблизило советника и командующего. Благодарность Эйлаха переросла в уважение к опытному наставнику. В пути эльф много рассказывал про свою юность, о матери и сестре, о том, что его с нетерпением ждут дома. В ответ Амадо рассказал немного о своей дружбе с королем Инаном, и обычаях Амората.

Прощаясь на пирсе Эйлах пригласил Амадо в имение матери, человек с удовольствием согласился. Ему представилась редкая возможность посмотреть на жизнь эльфов, без фантазий и выдумок досужих болтунов, но поездку пришлось отложить. Совет Безбаэля ждал его в «Старом саду», владения Азараэля. Глава дома сумел правильно подать просьбу смертного королю Дарелиану. И правитель Эманторана в благодарность за оказанную услугу, разрешил несчастному прикоснуться к величию эльфийского народа.

Крепость Паленаль могла посоперничать в размерах с городом, а в великолепии с дворцами самых могущественных владык мира. Сухонький, невысокого роста Дарелиан, сверлил темными, жгучими глазами гостя. Глядя на короля, не верилось, что он правитель самой могущественной империи, что расположились на материке Еланда. На правах хозяина, Дарелиан сопровождал Амадо показывая свою коллекцию. Паленаль мало походил на привычную сокровищницу, скорее он напоминал собрание бесчисленного количества древностей, ценность которых зачастую измерялась их возрастом, и содержанием. Бесконечный лабиринт комнат и залов, длинных полок и стеллажей, блестящие витрины и стены, увешанные старинным оружием и изысканными гобеленами, проходили бесконечной вереницей перед взором потрясенного человека. Собрание делилось по эпохам, это обстоятельство значительно облегчило поиски желаемой награды. Под неторопливый, усыпляющий монотонностью рассказ короля они прошли в зал, собрания эпохи Рубинового неба. Тихий голос шелестел где-то сбоку, Амадо прошел мимо драгоценностей, и старинного оружия, мимо удивительных доспехов первых айларов, дальше шло полутемное помещение с длинными полками. Их ряды уходили далеко вперед, теряясь в сумерках огромного зала, отчего казалось, что комната бесконечна. Заметив интерес человека к манускриптам, король поинтересовался.

— Откуда в человеке такой интерес к письменам древних эпох? — Амадо смутился, и растерянно остановился. — Для человека это крайне необычно. Ты прошел мимо драгоценностей и золота, не заметил оружие и доспехи, но не можешь пройти мимо осколков древнего знания — пояснил свой вопрос Дарелиан, надеясь расположить

смущенного человека к откровенности.

— Ваше Величество, меня всегда интересовало прошлое. Следуя своей страсти, я прочел немало манускриптов. Мое положение открыло для меня двери монастырских архивов, и везде, где мне приходилось сталкиваться с древним знанием, я слышал о великой коллекции Дарелиана Мудрого, Великого короля Эмонторана.

— Ну не стоит так официально — улыбнулся Дарелиан. — Так, что тебя интересует? Все, что ты видишь прочитано мною не раз, я готов поделиться с тобой знанием.

— Ваше Величество я слышал, что в вашей сокровищнице, есть пергаменты, писанные рукой древних людей!

— Да это правда! — удивился король. — Интерес к истории твоего рода понятен, но так необычен для людей. Твой народ живет будущим, никогда не оглядываясь назад.

— Ваша правда, люди потеряли интерес к прошлому, но мне кажется, что причиной тому послужило скудное знание. Род человеческий не хочет вспоминать свои ошибки, падения и подъемы, боясь испытать разочарование и стыд за предков. Я же лишен этого порока, для меня важна любая правда, какой бы горькой она ни была.

— Интересная мысль, и что же ты планируешь найти в тенях прошлого? — король пытливо заглянул в глаза Амадо.

— В сказаниях о Чумном городе Нгева, мне попалось упоминание о затерянном королевстве Ур. Меня заинтересовала история древней империи, и зная Вашу осведомленность, я хотел бы просить у Вас сведения о загадочном городе, если, конечно, он когда-то существовал, а не родился в воображении древних сказителей — секунду Дарелиан, вглядываясь в человека, сомнение пробежало по сухому лицу.

— Как интересно. Я даже не подозревал, что людям известно это название. Слишком давно оно вышло из употребления. Это легенда о золотом веке человека. А где ты нашел сказание, если не секрет?

— В скриптории монастыря св. Каринты, мне его предоставил архивариус Амвросий Малука — соврал Амадо.

Король задумался, точно, что-то припоминал, затем весело хлопнул Амадо по плечу.

— Знаю, чем тебя порадовать — он прошел вдоль длинного ряда стеллажей. Недолго порылся в свитках, перешел на соседнюю полку, и поискав еще немного, выудил на свет сильно попорченный плесенью пергамент.

— Вот, она. Легенда, которую ты ищешь. Я велю сегодня же сделать копию. А ты хитрый человек, выбрал достойную награду, но при этом поставил меня в неловкое положение. Я не могу отпустить тебя с пустыми руками, и раз уж тебя не интересует мое золото и драгоценности, я подарю тебе оружие достойное настоящего воина.

Король хитро улыбнулся и широко шагая, вдоль бесконечных полок вернулся в зал с оружием.

Амадо с трудом поспевал за королем, Дарелиан резко остановился, и человек, едва не налетел на него. От удивления рот Родриго открылся сам собой. Перед ним висел меч Сарназара, тот самый, что, он добыл в гробнице проклятого раджи, пять лет тому назад.

— Воину следует платить оружием. Самым лучшим оружием, чтобы рыцарь мог служить своему патрону с еще большей самоотверженностью! — патетично проговорил король, снимая клинок со стены.

— В моей сокровищнице всегда можно найти то, что способно поразить любой ум, даже самый ученый! — улыбнулся Дарелиан, наблюдая смятение, которое произвел в душе

человека его подарок. Сухие руки протянули клинок, предлагая Амадо принять королевский дар.

***

До владений Оматинель, Амадо сопровождал отряд эльфийских рыцарей. Король позаботился о защите ценного гостя. По дороге к кортежу присоединился Эйлах, узнав о приезде Родриго он выехал на встречу долгожданному гостю. Оматинель принадлежал матушке Эйлаха, Эйлель Аманитеэль, первой красавице Эманторана, за которой когда-то ухаживал сам король. Вместе с Эйлель в имении проживала вторая красавица королевства, ее дочь Лафна, сестра Эйлаха. Второй красавицей Лафна слыла лишь потому, что ее мать заняла это звание первой, красотой же девушка ничем не уступала матери.

Рассказы Эйлаха не могли передать всего великолепия, с которым Амадо столкнулся в родовом гнезде Аманитеэлей. Имение роскошью не уступало Паленалю, напоминая скорее дворец, чем дом провинциального вельможи. Архитектура здания носила следы многих перестроек, впрочем, не выбивавшихся из первоначального стиля. Окруженный кованым забором, дворец стоял в парке, не менее древнем, чем само строение.

Эйлель, встретила сына теплыми словами и материнскими объятиями. Юная Лафна выбежала на встречу брату, и бросившись на шею счастливо рассмеялась.

— Эйлах, что за спутник с тобой? Ты нас представишь? — заметив Амадо попросила Эйлель.

Гость стоял в начале лестницы, облокотившись на колонну, державшую свод крыши над парадным входом во дворец.

— Это мой друг, Родриго Амадо. Благодаря ему мне удалось вернуться к вам с победой! — весело ответил Эйлах. — Родриго познакомься это моя сестра Лафна — он указал на юную эльфийку.

Девушка с интересом посмотрела на сумрачного человека, их взгляды встретились и лицо юной красавицы залила краска смущения. Лафна потупилась и ответила на приветствие Амадо, изящным полоном прекрасной головки, ладно посаженной на высокой шее.

— А это моя матушка, первая красавица Эманторана, Эйлель Аманитеэль — широко улыбаясь представил хозяйку имения Эйлах.

Эйлель поклонилась в ответ на приветствие человека.

— Наконец-то мне представилась возможность, увидеть человека, что так поразил моего сына. Мне приятно принимать вас в моем имении. Чувствуйте себя как дома! — проговорила она с интересом разглядывая лицо Амадо.

Пригласив жестом следовать за ней, Эйлель повела гостей во дворец. Юная Лафна жалась к матери, украдкой поглядывая на гостя.

Внутри путников ожидала баня, и накрытый стол, за которым прозвучали бесчисленные рассказы о войне, истории из жизни гостя, и много интересных подробностей человеческого быта, такого чуждого для эльфов.

— Вы ведь не кудерий? — спросила Эйлель, внимательно глядя на гостя.

— Вы правы, моя родина много южнее Восточных королевств, но мой дом давно разрушен. Поэтому Астурия стала для меня пристанищем, что заменило мне утраченную отчизну — ответил Амадо.

— О, как интересно, а вы не могли бы рассказать нам о вашем доме — обворожительно улыбнулась хозяйка.

— Отчего же? Расскажу. Я родился в одном из княжеств Пуаравы, в семье раджи. Моя семья имеет длинную историю, но богатства всегда обходили наш дом. Еще до моего рождения на земли моего отца пришел Золида Завоеватель, дед последнего императора Ришама. И мое королевство исчезло, вместе с союзом Пуарава. Меня вырастил дядька, брат моей матери. И когда я вступил в возраст совершеннолетия, мне пришлось искать место, поскольку родовое наследство конфисковали. Моя семья слишком активно сопротивлялись вторжению Золиды.

— В скитаниях я провел пять лет, пока дороги не завели меня в Арси. Тогда эта, еще молодая республика, только начинала возвышаться. Арси стремился стать империей не меньше легендарного Миата, потому постоянно вел войны с соседями. Расширяя территории, Арси столкнулся с Ришамом. Перспектива отомстить за родителей, соблазняла мой юный ум, и я поступил на службу местному стратегу.

— Постойте, но ведь Арси создали республику лет пятьдесят назад, а вам на вид не более сорока пяти — удивилась Эйлель.

— У меня в роду все долгожители — улыбнулся Амадо. — С тех пор я видел много войн — продолжил гость. — Пока случай не свел меня с королем Инаном. Так судьба подарила мне честь служить самому достойному монарху, среди людей.

— Печальная судьба — тихо проговорила Лафна, тут же краснея от всеобщего внимания.

— Отнюдь. Судьба более чем обычная для человека, решившего связать свою жизнь с военным ремеслом — удивленно ответил Амадо, пытливо заглядывая в смущенные глаза девушки.

— Наверное вы правы, но вы лишились дома, близких, вам пришлось увидеть слишком много смертей — начала оправдываться юная эльфийка.

— Спасибо вам за ваши слова. Наверное, я уже забыл, что такое семья, любовь, тепло близкого человека, поэтому неправильно понял вас — гость улыбнулся, подбадривая Лафну.

— Ничего страшного. Я вас понимаю, моей семье тоже пришлось пережить утрату... — ответила девушка.

— Интересно, а что вас привело в Эманторан? — с неподдельным интересом спросила Эйлель, стараясь сменить неудобную тему.

— Матушка, ну, что же вы? Это уже похоже на допрос — рассмеялся Эйлах, спасая положение.

Полководец не хотел обсуждать вопросы политики за торжественным столом.

— Ах, где же мои манеры — приторно улыбнулась Эйлель, и многозначительно глянула на сына. — Простите мне мое любопытство, дорогой Родриго. Видите ли, у нас в имении так мало событий, что, встретив, что-то новое, моя женская суть начинает брать верх над правилами приличия.

— Да нет, ну что вы, ваш интерес вполне закономерен, но ответить не смогу, поскольку солгать вам выше моих сил, а раскрыть правду не имею права. Меня связывает данное мною слово — хозяйка имении ободряюще посмотрела на гостя, давая понять, что все в порядке.

— Как вам показался Паленаль? Как мне известно вас пригласил сам король? Если, конечно, это не секрет — добавила женщина, взглянув на сына.

Эйлах закатил глаза, и тяжело вздохнул. С видом, что он все понимает, женщины есть женщины.

— Удивительная коллекция. Не знаю приходилось ли вам когда-то там бывать, но меня

дворец Дарелиана поразил.

— Матушка одно время служила при дворе личным советником короля — вмешалась Лафна.

Мать строго взглянула на дочь, их взгляды пересеклись, и девушка прикусила пухлую губку, покрываясь румянцем, так интенсивно, что Амадо застыл, наблюдая интересную метаморфозу.

— Да я служила при дворе, много лет назад. Мой муж Валеандль тогда входил в Высший военный совет. Паленаль воистину прекрасное творение эльфийского зодчества, меня он поразил ничуть не меньше вашего — мечтательно проговорила Эйлель, отгоняя усилием воли неожиданно набежавшие воспоминания.

— Сказать по совести, никогда не предполагал, что король Дарелиан такой книголюб, его знание литературы поражает — поделился Амадо.

— Что же мы. Может Родриго желает отдохнуть? — забеспокоился Эйлах.

— Прошу простить меня, но я бы с удовольствием воспользовался этим предложением — подхватил Амадо.

Гостя отвели в отдельные апартаменты, состоящие из двух смежных комнат. Одна из которых служила спальней, а другая, судя по обстановке, кабинетом. Напряжение, вызванное расспросами хозяйки дома, испарилось. В коридорах дворца суетилась Эйлель, отдавая приказы расторопным рабам, и излучая безграничное радушие к гостю.

Наконец Амадо остался один, скинув сапоги он лег на кровать, поверх шелкового покрывала, украшенного узором из ярких птиц. Вскоре в дверь постучали, Амадо отозвался, в комнату вошел Эйлах. Эльф поинтересовался как устроился гость, всем ли доволен, после чего извинился за неловкие моменты.

— Матушка до сих пор не знает, как погиб мой отец. Поэтому мы стараемся не касаться этой темы. Лафна чистое дитя, часто не задумываясь говорит обо всем, что у нее на уме. Она только родилась, когда погиб отец, и совсем его не знала, поэтому для нее это лишь история нашей семьи. В то время как для матушки это боль. Сколько раз я пытался выяснить, что тогда случилось в Королевском саду. Кстати, Лафна была с ним в тот день, они шли в храм Эндю, покровителя всех эльфов.

По обычаю, мы должны показать нового сородича нашему покровителю, чтобы он взял его под свою защиту. Глупо, конечно, но традиция есть традиция. Как видишь, и нам эльфам, они также не чужды.

Отца нашли изрубленным в клочья, перебили всех рабов, что были с ним в тот день. Спаслась только Лафна, нянька сунула ее в куст сарги. Матушка после той истории навсегда покинула дворец, и ведет жизнь затворницы. Она первая красавица, ведет себя как отверженная. Сколько я не спрашивал, не вынюхивал у рабов, никто мне так и не смог ничего разъяснить, а матушка отказывается вообще говорить об этом — Эйлах горько вздохнул, и помолчав добавил.

— Знаешь, иногда у меня возникает ощущение, что она чего-то боится, даже сегодня, спустя почти шестнадцать лет.

Слушая историю эльфа, Амадо поймал себя на мысли, что ничто человеческое остроухим не чуждо. Он покивал головой, не зная, что сказать. Эйлах улыбнулся и хлопнув человека по плечу, извинился за назойливость, пожелал спокойной ночи, и вышел вон.

Амадо расслабился, и грузно рухнул на мягкую кровать. Дерево натужно заскрипело, принимая на себя неприлично тяжелое тело человека. Он так и уснул, в одежде, поверх

шелкового покрывала. Утром его разбудил громкий шепот рабов, присланных ему в помощь.

В окно било яркое солнце, гомон вечно поющих птиц, немного раздражал. Судя по положению светила, уже перевалило за десять часов. Рабыня помогла Амадо привести себя в порядок, и провела к ротонде в глубине сада. Одинокий столик из белоснежного мрамора, покрывали кружева скатерти, поверх которой, стоял серебряный поднос с едой.

Амадо едва успел пригубить знаменитое эльфийское вино, когда до его слуха долетели звуки удивительного пения. Звонкий голос поющей девушки, переливался в жарком воздухе, напоенном ароматами цветов. Кристально чистый звук, то взлетал к небесам, то опускался к пушистой траве. Казалось, что даже птицы невольно умолкли, желая насладиться переливами прекрасного голоса. Грустный мотив старинной баллады привел Родриго к небольшому каскаду. Водяная пыль перекинула радугу, над беспокойной водой, придавая и без того непривычному пейзажу нотку волшебства.

Крупный галечник обрамлял край небольшого пруда, рядом лежал огромный ствол древнего дерева, с облезшей местами корой. На одной из веток сидела обладательница чудесного голоса. Ветка далеко выдавалась в водоем, отчего казалось, что певица парит над водой, под многоцветием радужного ареола.

Под ногой предательски хрустнула ветка, песня оборвалась. Девушка испуганно вскрикнула, подняв огромные, небесно-голубые глаза на человека.

— Не бойтесь... Я случайно услышал ваше пение... и, вот, не удержался... — неловко начал Амадо, отчего-то смущаясь.

— Я... я и не боюсь — нерешительно ответила девушка.

Сейчас Родриго узнал ее, чарующий голос принадлежал дочери хозяйки поместья, юной Лафне.

— О чем твоя песня? — спросил он.

— Песня? Она о неразделенной любви — ответила Лафна.

Ловко поднявшись на ноги, она грациозно закачалась, сохраняя равновесие на шаткой опоре. Солнце светило девушке в спину, пробиваясь сквозь красную тунику, отчего глазам Амадо открывался тонкий силуэт певицы. Гибкая фигурка качнулась, девушка засемила по ветке широко раскинув руки, озорная улыбка скользнула по лицу Лафны.

— Осторожно не упади — прокомментировал Амадо, ее эквилибристику.

— Я здесь часто пою, и еще ни разу не упала! — ответила она, продолжая пробираться к основанию ветки.

Быстрый взгляд скользнул по Амадо. Мужчина любовался грацией второй красавицы Эманторана, совсем позабыв правила приличия. Наконец она спустилась и вплотную подошла к человеку, их тела находились так близко, что легкий ветерок вскинув локон девушки шаловливо коснулся им щеки Родриго. Мужчина уловил едва заметный аромат эльфийских цветов, к которому примешивался запах молодости. Реальность ушла, он видел только ее огромные глаза, они смотрели прямо в его душу. Амадо невольно повлекло к юной красавице, тело качнулось в сторону девушки. Лишь невероятное усилие воли заставило мужчину откачнуться от влекущих губ. Лафна отшатнулась, и на мгновение застыла, изумленно глядя на него. Потом густо покраснев, девушка побежала по узкой тропинке, Родриго видел, как между деревьями мелькает красная туника.

Вечер вновь собрал достойное семейство за общим столом. Эйлах весело рассказывал последние придворные новости. Он с утра встречался со своим старым другом Даланалем Уленгалем, и получил подробнейший отчет о событиях последнего времени. Мать семейства

скромно улыбалась, слушая рассказ сына, иногда останавливая внимательный взгляд на Амадо. Лафна весь вечер тихо молчала, глядя прямо перед собой, точно боясь встретить взгляд пылкого гостя. Закончил вечер концерт, оркестр из рабов, и несколько рабынь, обученных пению, развлекали гостей.

Вечер перешел в темную южную ночь, и все потихоньку разошлись по своим комнатам. Сон легким мороком коснулся Амадо, сковав тело, отчего он не сразу услышал стук в дверь. Стук повторился, более настойчиво. С трудом скинув оцепенение сна, Родриго открыл дверь. К удивлению мужчины, на пороге стояла хозяйка дома. Извинившись, Эйлель попросила разрешения войти к нему в комнату, не зная, что думать Амадо отошел в сторону пропуская женщину.

Смело пройдя в спальню, Эйлель села на край расстеленной постели, еще хранившей тепло гостя. Только сейчас Амадо заметил, что на эльфийке надета лишь прозрачная рубашка, служившая скорее для того, чтобы обнажить самые интересные места ее стройного тела. Он удивленно смотрел на хозяйку имения, подыскивая слова, что подошли бы для необходимого отказа.

— Еще раз извините меня господин Амадо — проговорила эльфийка, натягивая на себя неуместное смущение. — Я пришла к вам в столь поздний час, потому что... Потому, что Лафна мне рассказала, о том, что произошло сегодня в парке... — повисло неловкое молчание.

Родриго ждал, что будет дальше.

— Я вас могу понять, Лафна прекрасна, но девочка еще очень молода. Ей в этом году исполнится шестнадцать... Она совсем не знает мужчин, поэтому не искушена в том, что у вас, людей, называется романом.

— Простите я не совсем понимаю — пролепетал Амадо, затравлено глядя на эльфийку.

В голову почему-то пришла мысль, что у Эйлель совсем другие глаза, чем у ее дочери. Зеленные с желтыми искрами внутри. Глаза умной, опытной женщины, в которых читалась мольба, и страх.

— Вы понимаете, о чем я! Не стоит притворяться, но опять же повторяюсь, я могу принять ваш интерес к моей дочери. Она прекрасна, и в свое время займет достойное место при дворе, забрав мой титул первой красавицы. Я ее люблю и не могу заставить, что-то делать против воли, поэтому я пришла к вам. В надежде, что вы способны понять чувства матери, что обеспокоена судьбой своей дочери. Поймите, если она свяжет свою судьбу с вами, или, что еще хуже заведет с вами мимолетный роман. Эльфийское общество отвергнет девочку, она станет изгоем, а если плодом вашей любви станет дитя, то я могу потерять ее. У нас такие вещи не прощаются.

— Уверяю вас, любезная Эйлель, у меня и в мыслях не было соблазнять вашу дочь. В парке, случилось что-то странное... обычно я так себя не веду...

— Вот и я о том же. Лафна девочка необычная, в ее сердце бьется кровь древних домов, и эта кровь может убить ее. Пожалейте мою дочь, я уже потеряла ее отца. Мой муж пожертвовал собой ради ее спасения, так сохраните честь девочки... И жизнь — добавила Эйлель немного помолчав.

— Я обещаю вам, что ни при каких обстоятельствах не позволю себе, даже намеком... — слова Амадо прервало быстрое движение Эйлель. Женщина обхватила его шею и повалила мужчину на кровать впиваясь губами в его рот. Руки почувствовали упругое тело зрелой женщины, нежное и податливое, хорошо знающее, что нужно мужчине. Родриго

даже не пытался сопротивляться, отдавшись умело распаленной страсти.

***

Утро вырвало его из сна невыносимо громкой трелью птиц. Мужчина встал с разбитой головой, от бессонной ночи тело с трудом повиновалось, медленно реагируя на команды полусонного мозга. Рабыни смущенно хихикали у него за спиной, ловко меняя белье на кровати. Амадо отказался от помощи, быстро умылся и вышел в парк. По пути он встретил Эйлаха, увидев его эльф обрадовался, и пригласил прокатиться верхом по парку.

Несмотря на то, что Родриго пребывал уже неделю в Эманторане, природа этого края не переставала подкидывать удивительные вещи. Совсем рядом почти касаясь их лошадей, пробегали необычные олени, животные доверчиво тянулись к нему. Птицы одна краше другой, точно живые цветы, порхали с ветки на ветку, иногда их трели удивительным образом сочетались в стройный хор.

— Куда мы едем? — спросил Амадо оглядывая незнакомые места.

— Я тебя познакомлю с моим хорошим другом. Он сегодня должен прибыть к нам в имение. Мы едем встречать его — радостно улыбнулся Эйлах.

— И кто это? Если не секрет? — напряженно спросил Амадо.

— Да какой секрет! Ты о нем наверняка наслышан, это Кеннар из дома Алар. Последний из Великих героев древности! — едва сдерживая восторг проговорил Эйлах.

— Да, я слышал о нем — ответил Амадо вспоминая легенды о Доблестном Кеннаре.

Эльфу приписывали столько историй, что уже не представлялось возможным отличить, где истина, а где вымысел. Но, что точно не вызывало сомнений, так это, то, что Кеннар последний из живущих ныне великих героев древности. Дальше ехали молча, парк поредел, показалась широкая лента Келамановой дороги. Они подоспели вовремя, вдалеке показалась кавалькада длинноногих лошадей в богатой сбруе. Высекая искры из дороги, мощной красным гранитом, лошади неспешно подъехали к повороту в парк Оманитель. К ним приближался самый влиятельный эльф Эманторана, ну может только король, имел больше власти.

Поравнявшись с Эйлахом, кавалькада окружила встречающих, из построения выехал рослый воин с великолепной кудрявой шевелюрой, иссиня-черного цвета. Мужественное лицо эльфа, старил взгляд черных, цепких глаз. Сквозь видимую молодость проглядывал огромный жизненный опыт.

— Встречаешь меня? Герой Крефей — прозвучал тяжелый бас Кеннара, не удостоившего человека даже взглядом.

— Да дорогой друг, я не мог оставаться в имении. Как только получил известие о твоём визите, тут же выехал навстречу...

— Ну, что ты, это мне в пору тебя встречать. Ты наша надежда, новый полководец, равный Омиэлю Миролюбивому. Прости, что сразу не смог тебя навестить...

— Да ничего, у меня... — смущенно отвечал Эйлах.

— Как твоя матушка? — перебил молодого эльфа Кеннар, попутно давая сигнал двигаться.

Кавалькада тронулась, Амадо отстал от эльфов, но сопровождение Кеннара его не выпустило, принуждая двигаться вместе со всеми.

— Такая большая? Надо же как время бежит. Я ее помню, когда Лафна была размером с зайца, а уже невеста — вскинув брови гудел Кеннар.

Сейчас он казался совсем простым, доступным.

Центральный вход Оманителя пестрел рабами. Нарядно одетые, они стояли вдоль пути следования господ. Наверху парадной лестницы важного гостя встречала сама хозяйка. Радостно обнявшись, они наперебой сыпали комплиментами. Эйлель восторгалась славой и умом важного гостя, а Кеннар не мелочился в оценках красоты хозяйки. В какой-то момент из эльфа полез самец, не замечая этого на шею старого знакомого кинулась Лафна. Кеннар часто передавал девушке подарки из столицы. Хотя сам редко навещал имение, в последний раз он посетил Оманитель одиннадцать лет назад.

После встречи старых знакомых, подошла очередь представить воинов, сопровождавших Кеннара. Двадцать рыцарей старейшего дома Эманторана, все как на подбор красавцы, словно их вывели путем селекции. Не теряясь, молодые окружили прекрасную Лафну, наперебой делая изысканные комплименты. Девушка на удивление стойко принимала ухаживания придворных повес.

Чувствуя свою ненужность Амадо удалился в отведенные ему покои. Вечером его позвали к общему столу, хозяйка послала за ним служанку-эльфийку.

Загадочный свет эльфийских фонариков, заливал помещение. Уже порядком стемнело, и в полумраке гостиной, плохо различались фигуры находившихся в ней гостей. Только лица, точно вырванные из темноты, бестелесно плавали над белоснежным полотном праздничного стола. Родриго тихо подошел к указанному ему служанкой месту, и извинившись сел за стол.

— Прошу вас господа обратите внимание на моего гостя! Это господин Амадо, человек, которому я многим обязана. Его военный гений помог одержать победу над неприступными Алкмеями! Можно сказать, он мне вернул моего героя! — Эйлель горделиво посмотрела на сына, а затем обвела окружающих взглядом. Глаза женщины загадочно блестели, отражая неясный свет фонариков.

Эйлах улыбнулся, ища одобрения у Кеннара. Лафна потеряла интерес к галантным ухаживаниям эльфийской молодежи, девушка внимательно разглядывала лицо Амадо.

— Значит человек? — жестко спросил Кеннар.

— Это достойный человек — быстро проговорил Эйлах.

— Я верю тебе мой друг, иначе не может и быть. В твоём доме не может находиться недостойный — успокоил его Кеннар.

— Откуда у вас такие познания в тактике, господин Амадо? — обратился он к человеку, впервые заметив его.

— У меня большой опыт. Я прошел много войн, в том числе и с Алкмеями. Они постоянно участвуют в войнах соседей, за плату предоставляя свои контингенты — сухо ответил Родриго, разбираясь с порцией рагу из эльфийских овощей.

— Понятно. Наемник. Чем планируете заняться дальше? — не отставал Кеннар.

— Пока не знаю. Все зависит от того, что предложат.

— То есть вы готовы продавать свои услуги любому, кто имеет достаточно средств оплатить их?

— Война мой хлеб. Конечно, это выглядит аморально, но поверьте война ничем не хуже любой другой работы. Дело только в цене, война стоит дорого. Победа стоит еще дороже.

— Я ни в коем случае тебя не осуждаю, человек. Ваша природа требует крови, и денег, это врожденный порок твоего рода. Жажда власти, сребролюбие и страсть к насилию, такова суть людей — усмехнулся Кеннар.

— Не думаю, что имеет смысл приписывать врожденные пороки, тому или иному

народу. Насколько мне известно ни один род Фанариона не может похвастаться врожденной чистотой — раздраженно ответил Амадо, впервые взглянув в острые глаза эльфа.

Злорадство блеснуло в глазах знатного гостя, секунду они смотрели друг на друга, сцепившись в невидимой дуэли. Кеннар побледнел и опустил взгляд в тарелку. Самодовольное выражение сползло с лица эльфийского героя.

— Что ж ты прав, человек. Мне не стоило так открыто осуждать твой род — после этих слов Кеннар забыл о существовании Родриго, переключившись на хозяйку имения.

Тихий стук вновь разбудил Амадо, он открывал дверь с заметным нетерпением, предвкушая незабываемую ночь. В спальню вошла Эйлель, страсть женщины еще более распаленная чем прежде, разжигала особый свет в глазах эльфийки.

— Ты смелый. Мало кто может так ответить Кеннару. Мой храбрый мальчик — шептала она ему в ухо.

Амадо почти не слышал ее слов, наслаждаясь бархатным прикосновением кожи эльфийки.

Неделю спустя гости собрались в обратный путь. За это время Лафна удостоилась двух сонетов, одной песни, четырех предложений руки. Девушка расцвела, купаясь в потоке обожания пылких поклонников. Настойчивость кавалеров беспокоила хозяйку имения. Эйлель облегченно вздохнула, когда Кеннар собрался в обратный путь. Его нагловатый племянник все настойчивее ухаживал за дочерью Эйлель, и лишь строгая выволочка знаменитого дяди несколько урезонила придворного повесу.

Стараясь не пересекаться с новыми гостями Эйлаха, Амадо часто ходил по громадному парку Оманитель. Этим утром он ушел особенно далеко и возвращаясь оказался с обратной стороны дворца. Тут гость обнаружил широкий внутренний двор, уставленный воинским снаряжением. Выезд для лошадей, чучела для стрельбы из лука и отработки техники фехтования мечом. Все говорило о серьезном отношении к подготовке будущего поколения эльфийских воинов. На одной из площадок фехтовали двое мальчиков. Тренер внимательно следил за поединком, поминутно выправляя технику неопытных бойцов.

Приблизившись к ним, Амадо с удивлением заметил, что бой ведут человеческие дети. Родриго поклонился поджарому эльфу. Наставник детей нехотя ответил человеку.

— Кто они? — поинтересовался Амадо.

— Аманаты. Дети царей Алкмеи — сухо ответил эльф.

— Дети Лефтерсиса? Алкмейский царь давал одного сына — недоверчиво проговорил Амадо.

— Нет, один Лефтесиса, а второй Клеомена, нового царя Алкмей — недоброжелательно глядя на человека ответил тренер.

— А что с Лефтерсисом?

— Не знаю. Это не мое дело. Мое дело воспитывать воинов, а не думать о судьбе чужих царей — раздраженно огрызнулся эльф.

Во дворце Амадо наткнулся на Эйлаха, тот принялся извиняться за поведение его соплеменников, на что Родриго спокойно ответил.

— Ты не должен извиняться за то, чего не делал. Лучше расскажи, что случилось с царем Алкмей?

— С Лефтерсисом? Ты не слышал? Его свергли. Хотели казнить, но архонты приняли решение лишить Лефтерсиса власти, сохранив ему жизнь — удивленно ответил Эйлах.

— Но почему?

— Как почему? Ты же их обманул! Обманул Лефтерсиса! Совет, когда узнал, что их надули, едва не казнил царя, вовремя вмешались архонты. Старейшины припомнили совету, что ты обманул не только Лефтерсиса, но и остальных стратегов. Теперь в Алкмеях новый монарх, его сын уже в нашем имении. Да, что ты так беспокоишься за этих дикарей, пусть

они там решают, что хотят, пока нам не мешают.

— Тогда почему сын Лефтерсиса все еще аманат?

— Любой, кто попал в Эманторан остается здесь! Ты не знал? — смущенно улыбнулся Эйлах. — Сыну Лефтерсиса ничего не угрожает. Мы воспитаем его как подобает отпрыску великого дома. Мальчик будет служить Эманторану, на своем уровне, конечно, но ребенок никогда не вернется к отцу. Это невозможно.

— То есть...? — Амадо замолк на полуслове, до конца осознав, что Эйлах ему только, что сказал.

— Да мой друг, таков закон эльфийского королевства. Мне жаль.

Амадо молчал, обдумывая услышанное, Эйлах улыбнулся.

— Почему тебя это так расстраивает? Судьба подарила тебе шанс. Ты можешь жить в лучшем королевстве мира. В Эманторане нет болезней, голода, войн, тут живут самые высокие умы современности, тут живет сама память времен, все, что для тебя так ценно — с жаром говорил эльф.

— Свобода ценней всего, что ты перечислил. Ты мой друг, всегда имел власть, потому не можешь понять, что такое зависимость — с горечью в голосе произнес Амадо.

— Мой дом, твой дом. Прими свое положение не как рабство, а как предложение моей личной дружбы — эльф протянул руку, открыто глядя на человека.

Немного поколебавшись Амадо протянул руку в ответ.

— Я принимаю твою дружбу, и готов принять покровительство твоего дома, но я остаюсь равным среди равных — сдержанно проговорил человек.

— Договорились. Ты мой гость, и впредь с тобой должны обращаться как с членом семьи Аманитеэль — ответил Эйлах, и с силой пожал руку Амадо.

***

Вечерний стол непривычно пустой, после стольких дней веселья, подарил Родриго долгожданный покой. Таинственный полумрак окружал троих, Эйлель, Лафну и человека. Эйлах отправился провожать гостей, рассчитывая вернуться до темноты. Но к столу он не поспел, и обязанность развлекать женщин легла на Амадо. Помолодевшая Эйлель немного перепила, и откровенно приставала к гостю, страшно смущая дочь. Наконец глубокая ночь развела их по комнатам, Эйлах так и не вернулся.

Горячее тело эльфийки прильнуло к Амадо. Большие глаза женщины неотрывно смотрели на него.

— Кто ты? — неожиданно спросила она, легко проведя ладонью по его груди.

— Человек — улыбнулся Родриго, не понимая, о чем его спрашивают.

— Нет. Ты не человек — тихо промурлыкала женщина в самое ухо Амадо, он удивленно распахнул глаза.

— О чем ты?

— Я знаю все расы Фанариона, ты не похож ни на одну из известных мне. Лица как у тебя, я видела только в зеркалах памяти — улыбнулась Эйлель.

Глаза женщины расширились еще больше, и требовательно смотрели на человека.

— Зеркала памяти? Что это?

— В них мы можем увидеть нашу историю. Странно, что ты о них не слышал. Много лет назад я служила в Паленале. Тогда мы были очень дружны с Дарелианом, он и открыл для меня удивительный мир древности. В одном из зеркал мне попала история о древних людях народа менантров, ты удивительно похож на них. Скучная информация не позволила

мне узнать, что-то большее о утраченной культуре. Сегодня остались только осколки памяти о великом прошлом твоего рода, да и те в архиве Паленая. Расскажи мне о своем народе — попросила Эйлель нежно заглядывая мужчине в глаза.

— Ты заблуждаешься. Да, я солгал, когда говорил о своем происхождении. На самом деле я не знал родителей. Я подкидыш, вырос в доме кузнеца, а после гибели Пуарава стал воином...

— Ну зачем ты лжешь? — с обидой в голосе простонала эльфийка, прижимаясь еще сильнее к Амадо. — Твои глаза, слишком умно смотрят, чтобы принадлежать сыну кузнеца. В них удивительная сила, думаешь я не видела, как ты подавил Кеннара? Легендарного героя, что выходил один на один с лучшими воинами прошлого. Тогда ты меня поразил — она поцеловала Родриго. — Откройся, я не выдам твою тайну.

— Я не хочу подвергать тебя опасности...

— Опасности? Меня? Ха, ха, ха, что может угрожать семье приближенного к королю дома в Эманторане? — искренне рассмеялась Эйлель откинувшись на подушки, бесстыдно обнажая красоту зрелого тела.

— Ты набиваешь себе цену? Создаешь интригу, налет таинственности. А ты хитрый, умеешь интриговать женщин — она перевернулась на бок и положила голову на руку, рассматривая лицо мужчины. Блаженная улыбка придавала глуповатый вид прелестному лицу Эйлель.

— Есть вещи, древнее и выше власти эльфов, то, что не подчиняется вашей воле. Как бы это оскорбительно не звучало для твоего уха, но это так — серьезно проговорил Амадо.

Темные глаза мужчины, глубокие и страшные погасили кураж Эйлель, веселость мгновенно испарилась.

— О чем ты говоришь? — напряженно глядя на него, проговорила хозяйка имения.

Во дворе послышалось цоканье подков, негромкий говор множества мужчин, лязг металла, и специфический скрип оружия, вынимаемого из ножен.

— Эйлах вернулся — обрадованно пролепетала Эйлель, и подхватив пеньюар быстро засемила к дверям.

— Эйлель, стой! Тут, что-то не так — Эйлель удивленно повернулась к Амадо.

В этот миг раздался душераздирающий крик. Хозяйка выглянула в окно, по двору пробежала голая рабыня, стрела с глухим стуком вонзилась в ее спину, бросив тело несчастной вперед.

— Что происходит? — задыхаясь от волнения воскликнула женщина.

Эйлель застыла на месте глядя пустыми глазами на вход, Амадо вынимая меч легко оттолкнул женщину от двери, и подхватив щит, открыл створу. В кабинете никого не оказалось, крики и шум боя, уже наполнили дворец. О дверь, что выходила в общий коридор, что-то сильно ударило, в кабинет просочилась кровь. Алым пятном тягучая жидкость медленно растеклась по ковру.

Резко распахнув дверь, Амадо шагнул в коридор, убийцы обернулись на шум. Под ногами лежало тело вчерашнего тренера, он не успел толком вооружиться. Скрюченная рука сжимала короткий кинжал. Родриго переступил тело, позади раздался сдавленный голос.

— Нас предали... кха, кха — закашлялся говоривший. Эльф-тренер тянул к Амадо руку.

— Алраер убийцы, спаси их ... Лафна ... она с мальчиками ... — выдохнул тренер, застыв в нелепой позе.

— Лафна! Доченька! — воскликнула Эйлель пытаясь выйти в коридор.

Амадо втолкнул ее обратно в комнату, закрывая свое тело щитом, от клинка, нацеленного в живот. Подоспели еще двое, нападая сразу со всех сторон убийцы, заставили Родриго стать спиной в дверной проем. Лица врагов скрывали черные повязки, но острые кончики ушей, четко указывали на расовую принадлежность ночных гостей. Эйлель с ужасом наблюдала как любовник убивает ее соплеменников, зверски вспарывая животы, и отрубая конечности. Вонь внутренностей, и невыносимый запах железа, повисли в воздухе. Женщину вывернуло под ноги Амадо.

Прикрываясь щитом, мужчина вывел Эйлель из спальни и потащил по коридору.

— Где аманаты?

— В другой половине дворца — с трудом переводя дыхание ответила эльфийка.

Впереди из комнаты вывалились еще двое убийц, эти в отличие от первых, облачились в доспех, точно шли на войну, а не устраивали резню в доме отставной светской львицы. Клинок влетел острием в забрало, опрокинув воина, второй прижатый щитом, отчаянно нащупывал на поясе кинжал. Жестяной скрип, смешался с криком второго убийцы, клинок Амадо вошел снизу, под кирасу. Шлем с грохотом упал на пол, изо рта эльфа потекла густая, кровавая жижа. Испуганно вытаращенные глаза, бессмысленно смотрели на человека.

— Зверь — выплюнул он последний глоток воздуха, и закатив глаза повалился на подельника.

Эйлель била крупная дрожь, она с трудом справлялась с приступами рвоты. Пустой желудок только мучал женщину, не давая желанного облегчения. Стальная рука Амадо сжимала ее холодную ладонь. Мужчина тащил безвольное тело перепуганной женщины за собой, отпуская хватку лишь для того, чтобы вновь расчистить путь.

Выбитая дверь в комнату мальчиков вызвала приступ истерики у Эйлель, но окрик Амадо вернул женщину в реальность. Из комнаты выглянул воин, и заметив человека и хозяйку дворца, сказал кому-то в детской.

— Эй, да тут у нас, сама хозяйка дома! Первая красавица и ее трахарь!

— Шлюха она и есть шлюха — раздался комментарий из-за двери.

В проеме появился молодой воин, в доспехе редкой красоты, говорившем о статусе его владельца.

Амадо отодвинул Эйлель за спину, и крадущейся походкой начал обходить убийц, из комнаты вышли еще двое.

— Как мило, четверо на одного — прокомментировал происходящее Родриго.

— У вас это называется охота. Сейчас мы загоняем зверя — хихикнув ответил воин в дорогом доспехе.

— Люди звери, я уже где-то это слышал. Если мы звери, то что движет вами? Пришли в мирный дом, устроили резню!

— Мы очищаем наш род от шлюх и выроdkов... — прозвучало в ответ.

— Сам ты выродок! — прокричала Эйлель кинувшись на убийц.

Амадо едва успел загородить ей путь. Убийца стукнулся в щит человека, и повалился на подельников создавая давку. Владелец дорогого доспеха, успел ранить Родриго в ногу, распоров его бедро клинком. Мощные удары щита, опрокидывали молодых эльфов. Клинок молниеносно искал щели и слабые места в доспехах. Мечи остроухих не могли поспеть за опытным противником, лишь слегка касаясь тела человека, остро отточенные лезвия оставляли кровавые дорожки. Ответные выпады повергли молодежь в ужас, один из нападавших побежал по коридору спасаясь бегством. Владелец доспеха отчаянно

отбивался, слабей с каждым парированием, пока точный укол Амадо не пробил его тело под подмышкой. Прижатый к стене эльф медленно сполз на пол, в растущую лужу крови.

Эйлель прошагала по липкой жиже, даже не замечая ее. Войдя в комнату, хозяйка вскрикнула. Родриго вбежал следом, в глаза бросилось растерзанное тело ребенка. Мальчик лежал на полу, между двух детских кроватей. У дальней стены полулежала Лафна, разорванная туника едва прикрывала ее незащитное тело. Вид изнасилованной дочери вызвал приступ отчаяния у обезумевшей матери.

Склонившись над телом девушки Амадо попытался привести ее в чувства. Лафна открыла глаза, удивленно огляделась вокруг. Руки стыдливо попытались прикрыть наготу. Мать сняла бархатный халат и накинула на Лафну. Губы девушки задрожали, рыдания рвали ее грудь. Эйлель обняла дочь, и сильно прижала к себе.

Родриго осмотрел комнату, убитого ребенка жестоко мучили перед смертью. Второй мальчик пропал.

— Куда делся второй малец? — спросил он в растерянности.

Прежде чем Амадо успел договорить, кто-то сильно ударился ему в ноги, едва не повалив. Воин удивленно опустил глаза. Мелкий пацан уперся плечом в его колено, а руками уцепил ногу за пятку, и резким рывком попытался опрокинуть Родриго, но у ребенка не хватало веса, чтобы провести прием.

Ухватив мальчишку за шкурку, Амадо с силой дернул мальчика вверх, и поставил на ноги.

— Прекратить! — резанула слух жесткая команда, мальчик застыл точно его ударили. — Эйлель хватит причитать! Бери вещи и детей! Я вас выведу в конюшни! Оттуда надо будет добраться до Азараэля, особенно берегите мальчика, если он погибнет будет большая война! — говорил Амадо, чеканя каждое слово.

Эйлель как завороченная кивала в ответ, с трудом подавляя бившие ее рыдания.

Спустя несколько минут беглецы осторожно выглянули в коридор. Эйлель склонилась к трупу рыцаря в богатом доспехе, скрипнула защелка забрала, женщина ахнула. В отрывшемся окошке показалось лицо племянника Кеннара, нагловатого повесы, так очарованного красотой Лафны. Амадо мельком глянул на мертвеца.

— Высшая раса ... — он оборвал себя, и сплюнув повел женщин к конюшне.

Убийцы перебрались на верхние этажи особняка, поэтому путь оказался свободен. Конюшня пестрела трупами рабов, несколько воинов-эльфов лежали возле оседланных скакунов. Пользуясь удачно сложившимися обстоятельствами, Родриго подсадил девушку и мальчика на лошадь, и придержал за узду коня Эйлель, пока эльфийка запрыгивала в седло. Не стесняясь дочери, Эйлель склонилась к Амадо и поцеловала в губы.

— Спасибо тебе. Ты спас самое ценное в моей жизни, я никогда этого не забуду — женщина выпрямилась, ее глаза светились неподдельным восхищением.

Лошади тронулись, взгляд Амадо упал на тела воинов, только сейчас он осознал, что все они погибли от точных выстрелов лучника. Взгляд качнулся в сторону женщин, он видел, как в предрассветных сумерках промелькнула черная линия, с глухим стуком опрокинувшая Эйлель. Женщина тихо вскрикнула и упала на белый камень мостивший двор.

— Мама!!! Мамочка!!! — вскрикнула Лафна поворачивая лошадь назад.

— Вперед!!! Вперед!!! Уезжай!!! — закричал Амадо кидаясь на лошадь девушки.

Испуганное животное шарахнулось, как раз в тот момент, когда стрела, звякнув высекала искры из камня под копытами скакуна. Против воли седока лошадь понесла детей в парк, чернота густой тени, скрыла беглецов из виду.

Что-то с силой ударило в спину. Неловко выставив руки, Амадо упал вперед. Острая боль мешала подняться, попытка перевернуться, только усилила мучения. Родриго боролся с навалившейся одурью. Несмотря на стрелу, что торчала из его спины, воин пытался подняться. Лучник с ним играл, ожидая пока человек встанет на ноги. С трудом удерживая скованное тело, Амадо поднялся на ватные ноги, голова закружилась, а дыхание сбилось, он сделал первый шаг. Непомерно тяжелый щит упал на землю, меч болтаясь в повисшей руке, скреб острием по земле. Сам не зная зачем Родриго шел к выходу из имения. Распахнутые настежь, кованые ворота, точно приглашали покинуть место бойни.

Возле самого въезда, Амадо остановился перевести дух. В путанном сознании появился образ Эйлаха.

— Эйлах на твой дом напали... Я пытался спасти... Эйлель погибла... — растягивая слова проговорил Амадо.

Человек не мог понять почему рот эльфа открыт в странной ухмылке, а глаза безжизненно смотрят мимо, куда-то вдаль. На мгновение сознание очистилось, Родриго с удивлением посмотрел на воткнутое в землю копьё, холодный озноб прошил сознание, он разговаривал с отрубленной головой полководца. Нанизанная на копьё она находилась прямо против его глаз, движение впереди отвлекло внимание.

Преодолевая туман, заволакивающий сознание, Амадо перевел взгляд на высокого эльфа в доспехах, но без шлема. Убийца неторопливо приближался к нему, в его руках матово отливало лезвие длинной, слегка изогнутой сабли. Эльф остановился перед ним, и заглянул в лицо человека, на мгновение глаза Амадо очистились и их взгляды пересеклись. Убийца отшатнулся, резко вскинув саблю. Рука человека разжалась, выпавший меч звякнул о камень, свет потух, воин рухнул под ноги убийцы.

Глава 10

Покачивание галеры гипнотизировало Родриго. В ушах стоял ритм барабана, задававший темп всей группе на веслах. Стертые в кровь руки ужасно болели, скованная от усталости спина плохо гнулась, а в голову почему-то лезли воспоминания о событиях последних недель.

Перед глазами стоял светлый зал, благородные лица эльфов, совершенно лишенные мужской растительности, и мудрые глаза, внимательно изучающие его лицо. Король Дарелиан несколько осунувшийся, с последней их встречи, расположился в высоком кресле. Тонкие руки лежат на подлокотниках, инкрустированных слоновой костью, монарх старается не замечать человека.

Королевский суд собрался чтобы решить судьбу иноземца. Амадо обвиняют в организации убийства семьи Эйлель Аманитеэль, супруги близкого друга короля. Короткое обсуждение, приговор, пытки в тюрьме, довольно мягкие при вменяемых ему обвинениях.

Потом разговор с Кеннаром, эльф, трясясь от ярости клялся превратить смерть Родриго в длительное путешествие от смерти духовной к смерти телесной. Герой не мог простить человеку гибель племянника. Как утверждал Кеннар, убитого во сне, в тот момент, когда несчастный и не подозревал о грозящей ему опасности.

Тяжелый путь на королевские галеры, куда его сослали пожизненно, остался в памяти туманным пятном. Все события смешались и слились в одну непрерывную линию, вытягивающую из человека остатки жизни.

Спину обожгла острая боль, тело выгнуло дугой, затем еще несколько ударов вырвали сознание Родриго из мира грез. Руки принялись с удвоенной силой вращать весло, рядом сидел мужичок, не поспевавший за Амадо, его также взбодрил кнут надсмотрщика.

Неделю Родриго находился на галере, еды почти не давали, воду приносили один раз в день, силы подошли к концу. От постоянных побоев и титанической усталости он уже с трудом отличал реальность от галлюцинаций. Поначалу сильно болело клеймо на плече, выжженное эльфами, после приговора. Теперь он его почти не замечал, потому что остальное тело болело не меньше. Постоянное желание сна и отдыха, заполнили разум человека. Мужичок с ужасом посмотрел на рваные лоскуты кожи, свисавшие со спины Амадо, и с удвоенной энергией принялся за работу. Родриго все время оставался в кандалах, от соприкосновения с металлом, руки и ноги сильно кровоточили, перед глазами мелькали белые мухи, а в ушах стучала кровь. С каждым днем он все отчетливее понимал, что живым с корабля ему не выбраться. Особое пристрастие надсмотрщика, и охраны не оставляли шанса на побег.

***

Дарелиан сидел на троне, опершись щекой на руку, король не сводил горящего взгляда с Эйлайна. Суд над убийцами эльфийского дома продолжался, постоянно вскрывались новые обстоятельства. Эльфийская общественность взволнованно наблюдала за процессом, известие об уничтожении одного из самых влиятельных домов Эманторана, вызывало всеобщее чувство незащищенности. После такой зверской расправы никто не мог чувствовать себя в абсолютной безопасности. Общественность требовала найти и наказать виновных. Тщательное расследование, виновным назначило один из сильнейших домов нового поколения Алаклай, а главным исполнителем героя этого дома Эйлайна. Дом

Алаклай, формально находился под патронатом великого дома Кладае, потому глава старшего дома Майда Эльфай, так же получил приглашение выступить в суде. Расследование установило, что Майда не принимал участия в организации нападения, но статус патрона требовал от него взять на себя ответственность за действия младшего дома. Майда и его герой Вируттай выступили в высшем собрании, перед айларами, главами ведущих эльфийских домов. Собранию предстояло решить обвинить или оправдать дом Кладае.

Переполненное помещение суда окружала королевская стража. Воины перекрыли все входы и выходы из огромного зала. Установленные посередине ряды, выточенные из белоснежного мрамора, занимали айлары. Высшие аристократы сбились в несколько групп, которые различали покрой и цвета одежд. Против мраморных рядов, возвышался трон Эманторана, огромное кресло из серебристой древесины, богато отделанной слоновой костью. Маленькая фигурка Дарелиана, гротескно смотрелась на троне величайшей империи Еланда. Взмахнув тонкой рукой, король привлек внимание гудящей толпы, нетерпеливый жест призывал всех продолжить собрание.

Жесткое противостояние Афаэля Аманго, королевского обвинителя, больше похожего на женщину, чем на воина, и главы дома Кладае, сильно затянуло слушание. Абсурдность обвинений Афаэля, становилась все более очевидной, поскольку каждый в Эманторане знал, о многолетнем конфликте между Кладае и Алаклай. Бывшие родственники давно разошлись, став по разные стороны, и теперь люто ненавидели друг друга. Слишком много взаимных обид накопилось за десятилетия конфликта, чтобы предполагать возможность заговора между заклятыми врагами.

— Да кто может подтвердить выводы этого мужеложца, с ликом блудливой бабы, и совершенно пустой головой! — ядовито цедил Майда. — Я скорее поверю, что Безбаэли перебили сами себя, чем в то, что кто-то в здравом уме может предположить сговор между Кладае и этим мерзким приبلудой с темным прошлым!!! — эльф ткнул пальцем в сторону Эйлайна, принявшего выпад своего патрона с бесстрастным выражением лица.

Впрочем, Эйлайн сохранял это выражение на протяжении всего суда. Время от времени он внимательно оглядывал зал и присутствующих, при этом глаза эльфа холодно блестели. Воин терпеливо ждал, ждал развязки спектакля, носившего название суд.

Взбешенный грязным обвинением королевский обвинитель, пригрозил вывести Майда из зала и провести разбирательство без его участия.

— Как ты безродный выскочка смеешь мне угрожать?!!! — встал на дыбы обезумевший от гнева Майда. — Моему дому десять тысяч лет. Он стоял у истоков истории эльфов. И ты смеешь меня судить?!!!

— Не я! Вас судит, собрание айларов! Суд равных, под председательством короля!

— Судя по выводам этого собрания, оно не в состоянии отличать разумные доводы, от поклепа зарвавшегося карьериста, раз признает выдвинутые вами обвинения! — Майда зло сплюнул, в сторону айларов.

— То есть вы сомневаетесь в способности нашего монарха принимать правильные решения? — с угрозой, спросил Афаэль. Прекрасное лицо эльфа исказила гримаса деланного гнева.

— Нет... — поспешно ответил Майда. — Я сомневаюсь в ваших способностях! И не надо искажать мои слова! Дом Кладае всегда верно служил Эманторану и проявлял преданность короне!

— Тогда согласитесь с решением комиссии, поскольку сам король принимал

деятельное участие в расследовании преступления! Вы слишком заигрались в свои войны! Пора заканчивать с глупым противостоянием! — жестко напирал обвинитель.

Майда, ища поддержки, растерянно посмотрел на короля. Дарелиан не отрывая взгляда от Эйлайна произнес.

— Мне тяжело это говорить, но у меня нет сомнений в справедливости выводов королевского обвинителя. Мы несколько раз проверили все показания и данные собранные на месте преступления. В нашем расследовании приняли участие все главы ведущих домов Эманторана, и я не могу сомневаться в справедливости их вердикта.

Король поднялся и обвел присутствующих взглядом, его тихий голос шелестел, превращая обвинение в вереницу бесцветных слов.

— Как я уже сказал, для меня крайне тяжело выносить приговор, своим подданным и близким друзьям, с которыми мы совершили много великих дел. Однако в связи с сложившейся ситуацией, мне придется применить самое суровое наказание к семьям, нарушившим традиции нашего королевства. Поэтому я утверждаю общее решение суда. Главы семей Кладае, и Алаклай, должны понести заслуженное наказание. Это же касается глав, связанных с ними домов Фиравель, Элькаэль и Кейфис. Наказание должно послужить предупреждением, для горячих голов из старых и молодых домов. Пора заканчивать это губительное противостояние. Эльф никогда не должен убивать эльфа!!! — закончил в глубокой тишине король.

Первый шок прошел и Майда задыхаясь закричал — Дарелиан!!! Да ты ли это!!! Я ведь спас жизнь твоей дочери!!! А теперь ты хочешь меня казнить?!!! Помнишь ли ты добро, что принес мой дом твоему?!!! Как можешь ты верить наглым наветам на мою семью?!!!

Крупные слезы покатались по лицу Майда. Король отвернулся и сделал знак рукой. Стража хватала приговоренных айларов прямо в собрании, и тихо выводила из зала. Майда попытался выхватить меч, но тут же получил удар латной перчаткой в голову. Грузно осев на гранитный пол, он попытался защищаться, но силы покинули эльфа.

Эйлайн выхватил саблю, не дожидаясь пока его окружат, стража кинулась к герою. Четкие, выверенные движения, оборвали жизнь двух смельчаков, что слишком близко подошли к легендарному воину. Разлетевшаяся веером кровь, запятнала нарядную одежду айларов. Королевские стражи атаковали главу дома Алаклай. Копья и мечи, проходили мимо быстро вращавшегося и уходившего от уколов и ударов эльфа. Дарелиан незаметно выбежал из зала суда, напряженное лицо монарха выражало плохо скрываемый страх. Как только король покинул помещение, вбежали лучники. Острые глаза Эйлайна все видели, герой тенью метнулся к Майда. Глава Кладае почти потерял сознание, его обмякшее тело распласталось по полу. Рванув одной рукой тело Майда, второй Эйлайн вытягивал из-за ворота необычный оберег. Рука сжала витой знак, секунда и оба осужденных растворились в воздухе. Стрелы с неприятным скрежетом отскочили от пола, в том месте, где только что стояли бежавшие преступники.

***

Ночной воздух затрепетал, надсмотрщик обеспокоенно покрутил носом. На море стоял абсолютный штиль, но колебания над палубой все усиливались. Пред изумленным взором надсмотрщика на палубе появились эльфы. Один высокий с длинной, слегка изогнутой саблей, второй с окровавленной головой. Под ногами высокого эльфа скрипнули доски, не заостря внимания на надсмотрщика, высокий прошел к каютам охраны. Сабля сверкнула в лунном свете, голова надсмотрщика покатила по палубе. Из каюты высыпали воины,

секунду они стояли, открыв рот, а затем бросились на незваных гостей. Страшный свист сабли, обрывал жизни бессмертных эльфов. Придушенные хрипы наполнили корабль, рабы-галерщики, не веря в свою удачу наблюдали за неравным боем. Несколько минут спустя все стихло. Высокий прошел между тел, осторожно переступая пятна крови, добил несколько раненных, и не спеша направился к скованным общей цепью рабам.

Темная жижа распалась, острый луч света, больно резанул глаза. Перед взором все плыло и двоилось. С трудом преодолевая земное притяжение Амадо оторвал голову от палубы, но секунду спустя его снова с силой притянуло к доскам. У каюты охраны, он увидел высокого эльфа, того самого, что преградил ему путь у ворот во владениях Эйлель. Сам не зная кого, Родриго попытался предупредить об опасности, но изо рта вырвались лишь тихие хрипы, последние силы покинули человека, и липкая тьма безжалостно поглотила его сознание.

***

Вечерний бриз нежно касался щеки человека, он уже несколько часов сидел на высоком утесе. Задумчивый взгляд блуждал по голубым водам Эльфийского моря, изредка останавливаясь то на бухте, глубоко врезавшейся в линию острова, отчего она оставалась незаметной с моря, то на пустынных берегах, покрытых черным, вулканическим песком, то на изрезанных ветром, почти вертикальных стенах противоположного края вулканической кальдеры, уснувшей много тысяч лет назад. Остров Ортан многие века слыл пристанищем для любителей морского разбоя. На самом высоком пике вулканического кратера эльфы выстроили форпост, для защиты морских торговых путей от пиратов.

Легкий ветерок качал на воде несколько кораблей. Спрятавшиеся в секретной бухте, боевые галеры ждали распоряжения выйти в море.

Три года назад на Ортан прибыла одинокая галера. Гарнизон крепости, даже не выслал отряд навстречу незваным гостям, полагая, что к берегу прибило потерпевший крушение торговый корабль. Когда же гарнизон собрал отряд мародеров, оказалось, что корабль пуст, на обратном пути их атаковал небольшой отряд выживших. Переодевшись в обмундирование гарнизонных эльфов, пришельцы проникли внутрь крепости и сумели захватить укрепленный пункт. С тех пор Ортан превратился в центр местного пиратства. На месте гарнизона выросла мощная крепость, названная Глаз Ирридана. Несколько потрепанных бурей галер сменила сотня боевых, и больше двух сот торговых кораблей. Пиратский флот надежно перекрыл морские торговые пути Эльфийского моря. Особую страсть Ортанские пираты питали к эльфийским караванам. Грабеж приносил огромные доходы, позволяя строить современные корабли и нанимать на них лучшие команды.

Эльфы быстро смекнули, что кто-то пытается ударить по их торговой монополии в Эльфийском море, и выслали большой флот на поиски пиратов. Несколько небольших сражений убедили Эманторан в превосходстве эльфийского флота. И тогда противники сошлись у Тафантовых столбов, двух островов, высоко вздымавшихся из морской пучины, подобно вратам гигантов. Сбоку от врат проходил большой риф, отсекавший Эльфийское море от вод безбрежного моря, прозванного из-за обитавших там монстров Садок Ирридана. Много кораблей исчезло в жутких водах безбрежного океана, и мало кто рисковал выходить за пределы обжитых просторов Эльфийского моря.

Флот Эманторана загнал корабли пиратов между скал Тафантовых врат, рассчитывая покончить с ними одним ударом. Ортанцы отступая ушли в Ирриданово море, эльфы, предчувствуя быструю победу вошли в теснину меж скал, тогда-то из безбрежных вод по ним

ударил большой флот Ортана, а со стороны Эльфийского моря из воды поднялась гигантская цепь, заперев эльфов в узком проходе. Тесно прижатые корабли горели как спички, суда уходили на дно увлекая за собой тысячи эльфов. Сражение у Тафантовых столбов осталось в легендах приморских народов южного региона Эльфийского моря, как великолепная победа человека над эльфом. Многие поколения людей вспоминали разгром владыки морей, Великого флота Эманторана, от рук простых пиратов, вгоняя в краску заносчивых эльфов.

Месяц спустя новая флотилия остроухих пришла к Ортану, но неожиданно налетевший шквал раскидал корабли по морю, многие из которых получили серьезные повреждения. Часть флота выкинуло на подводные скалы, окружавшие остров. Сложный фарватер сделал задачу эльфов фактически невыполнимой, они вновь потерпели поражение, и отступили.

Больше двух лет прошло с битвы у Тафантовых столбов, до Амадо стали доходить слухи, что Дарелиан построил новый флот и объявил награду за головы предателей. Предателями объявили семьи Кладае и Алаклай в полном составе, включая и их сателлитов, переселившихся на Ортан. Во многом знания эльфийских капитанов обеспечили победы пиратского флота на море. Впервые заносчивые жители Эманторана сожительствовали с людьми, смешивая культуры и делясь знанием со смертными. Официальный Эманторан не мог оставить случившееся без внимания, перебежчики нарушили древний закон и подлежали уничтожению.

— Ни один эльф не должен ни при каких условиях смешивать свою кровь с иной расой. Никто из высших не имеет права передавать знания своей расы инородцам, эльфам запрещено просвещать дикарей — объяснял Эйлайн, Амадо.

Недавно от Дарелиана прибыли послы, эльфы предложили мир, положив фиксированную оплату за право пользоваться торговыми путями Эльфийского моря. В ответ пираты обязались осуществлять защиту торговых караванов Эманторана.

Длительные переговоры закончились договором. Между королем Ортана Майда, и послом Наймелом. Майда уперся и не желал вести переговоры ни с кем кроме Дарелиана, и лишь настойчивость Амадо и Эйлайна заставили упряма принять щедрое предложение.

Эманторан признавал новое королевство, и нарушая все традиции прощал перебежчиков, даруя им монаршее помилование. К тому же договор давал постоянный источник дохода, открывавший новые возможности.

Полтора года золото широкой рекой шло в маленькое королевство. На острове вырос новый город, названный Кладае, в честь великой семьи, основавшей его. Новое королевство быстро превратилось в центр притяжения различных перебежчиков, а особое покровительство искусствам и наукам привело в Кладае множество великих умов, что не могло оставить равнодушным Эманторан.

Дарелиан попытался вернуть Майда под свою руку, для чего предложил сочетать его дочь Аннаю с сыном верного Вонтая. Лучшей партии нельзя и придумать. Самый сильный дом Эманторана предложил известного чемпиона Лукаэля, к заслугам которого помимо красоты, можно было отнести его статус наследника дома. Да и возможности дома Рейтай много превосходили то, что мог себе позволить дом Кладае. Но спесивый Майда уперся, наотрез отказываясь выдать дочь за Лукаэля. Упертый монарх отверг разумные доводы Эйлайна, о том, что выгоды этого брака можно повернуть в обе стороны. Оскорбленные сваты, покинули остров неделю назад. Впереди замаячила новая война. Официально Эманторан не станет нарушать договор, но дом Рейтай не связан договором, и его сил вполне хватит, чтобы начать полномасштабную войну. Также опыт подсказывал, что Вонтай

в одиночестве не останется, его сателлиты, и негласная помощь самого короля дадут в руки оскорбленного айлара настоящую армию.

Амадо попытался договориться с Майда о начале переговоров с Вонтаем, но разговор не сложился. В сердцах Родриго отказался отвечать за безопасность Ортана, пригрозив снять с себя обязанности флотоводца. Майда с усмешкой согласился принять его отставку, и дал Амадо сутки на сборы. Король приказал человеку покинуть остров, в противном случае грозясь запереть его в Черном пальце, тюремной башне Кладае.

Беседа с Эйлайном прошла с тем же результатом. Эльф давно уступил первенство Майда, вернув семью Алаклай под крыло старшего дома, и теперь почти не имел политического веса.

Последний вечер Амадо решил провести на скале, что облюбовал еще в первые дни пребывания на острове. Позади послышались шаги, Родриго даже не обернулся, не желая разрушать приятное ощущение покоя.

— Уезжаешь? — немного потоптавшись позади, спросил подошедший.

— Завтра, до полудня — сухо ответил Амадо, он узнал голос Эйлайна.

— Жаль, скоро нам понадобятся твои знания, и опыт...

— Майда не желает меня видеть. Да и брать на себя ответственность за разгром нашего флота, у меня нет ни малейшего желания.

— Откуда такая уверенность в поражении?

— Эйлайн, нам не будет всегда везти, когда-нибудь удача отвернется от жителей Ортана, и нас ждет поражение.

— Ты прав, но я не могу покинуть свой дом, поэтому остаюсь. Я слишком хорошо знаю, что ждет жителей Кладае, если они проиграют эту схватку.

— Мне тоже жаль Ортан и его эльфов, но с таким правителем мы никогда не сможем обеспечить острову мир — раздражаясь ответил Родриго.

— Да, Майда не приспособлен к руководству. Он не может править ни великим домом, ни королевством, но другого лидера у нас нет — Амадо пожал плечами, продолжая смотреть в черное море, над которым выплыла желтая луна. Проложив серебристую дорожку по воде, она печально взирала на растерянного человека.

— У меня к тебе будет просьба — помолчав продолжил эльф, Родриго молча слушал.

— Мне сказали, что ты отправляешься на Крефеи?

— Да, так и есть. Хочу увидеть Лафну — ответил Амадо.

— Говорят она стала совсем взрослая — задумчиво протянул Эйлайн. — Думаю, ты обязательно встретишься с Лефтерсисом?

— Так и есть. Говори прямо, что ты хочешь? — не выдержал Амадо.

— Попроси у Алкмейцев помощи, для нашего острова — растягивая слова проговорил эльф.

— Ты в своем уме? Лефтерсис мне не верит, да и совет вряд ли захочет с эльфами воевать.

— Ты спас его сына...

— Не я. Лафна.

— Хорошо, тогда предложи денег. Оплата весьма солидная, десять тысяч золотых.

— Ты предлагаешь свое состояние? — удивился Родриго.

— Да. На твое имя открыт счет в торговом доме Тольвара Еника, в городе Миат.

— Почему торговый дом? Не доверяю я торгашам — Амадо недовольно поморщился.

— Пришлось идти окольными путями. У эльфов везде свои люди, поэтому банк для нас закрыт.

— Деньги могут сделать свое дело. Вопрос в сроках. Алкмейцы могут опоздать — не сдавался Родриго.

— Могут, но лучше пусть опоздают, чем их не будет вовсе. Пойми, для нас это единственный шанс. Потерпим поражение, умрем — тихо проговорил Эйлайн.

— Я сделаю все, что смогу — Амадо повернулся к эльфу.

В лунном свете четко выделялась бархатная туника Эйлайна, черная с вышитыми по ткани золотыми львами, в вытянутых руках эльф держал длинный сверток.

— Это тебе — Эйлайн неловко протянул сверток.

Осторожно развернув подарок, Амадо застыл, в его руках заблестел клинок болотного цвета.

— Откуда он у тебя?

— Я его подобрал, тогда, в имении Аманитеэлей. Вот, сохранил как трофей. Ну, а теперь возвращаю удивительное оружие его владельцу.

***

Миат потребовал, чтобы известный пират покинул гавань. Амадо не забыли убийства отцов города, но задержать его корабль не посмели. Быстроходная галера повернула в направлении архипелага Крефеи. Неделю спустя, показались крутые берега Нерриона, где в кольце гор скрылись Алкмеи.

В самом городе Амадо встретили холодно. Пирата разоружили и потребовали, чтобы он вошел в город один. Уже во дворце Родриго узнал, что Лефтерсис, вновь взял власть в свои руки, орхонты благоволили удачливому полководцу.

Кудрявый бородач угрюмо смотрел на гостя, в глазах читалось недоверие. Василевс обдумывал, слова лукавого чужеземца.

Официальная часть приема закончилась, совет разошелся, оставив Лефтерсиса наедине с Амадо.

— Знаешь чужеземец, я не испытываю к тебе ненависти. Ты меня, конечно, обманул, но, с другой стороны, ты спас нас от гибели — спокойно проговорил стратег, серьезно глядя на гостя.

Воля собеседников боролась, и не находя выхода разошлась в стороны, отводя слишком затянувшийся взгляд.

— Меня тогда обвинили в трусости, но я побывал у эльфов и понял, что ты не лгал. Архонты меня тоже поддержали, но, видишь ли, воины не столь мудры, их удел отвага и самопожертвование. Они не могут видеть грядущее, для них мир устроен просто, черное-белое, потому василевс я, а они полководцы.

Лефтерсис жестом пригласил Амадо проследовать к портику, что возвышался над морем, окаймляя вереницей колон край утеса. Родриго вглядывался в искрящуюся рябь моря, внимательно слушая бородача, который высился над ним подобно горе.

— За сына тебя благодарю! Обязательно награжу, но позже, а сейчас тебя ждет сюрприз!

Стратег хитро улыбнулся, и указал пальцем на дальний край портика, там стояла девушка в белом хитоне. В изгибах стройного тела, угадывалось, что-то знакомое. Амадо пригляделся, к нему неуверенной походкой шла Лафна. Девушка сильно выросла, и превратилась в настоящую женщину. Лишь глаза остались прежними, огромные, синие

озера, в черных зарослях длинных ресниц.

Обгоняя Лафну к Родриго, подбежал мальчик, сын Лефтерсиса. Смущаясь, он поприветствовал гостя. Ломающийся голос произнес.

— Здравствуйте господин Амадо, вы меня, наверное, не помните... — мальчик совсем по-мужски, протянул руку.

— Почему же? Помню, ты тот отчаянный боец, что меня едва не повалил на землю — улыбнулся Родриго.

Мальчик смущенно заулыбался, продолжая держать руку перед собой. Амадо похлопал его по плечу, и тихо сказал.

— Меня не за, что благодарить. Благодарю Лафну. Ее смелость и ум спасли ваши жизни — мальчик кивнул, и открыто посмотрел в глаза чужеземца.

— Маттейос, позови свою мать. Я хочу представить ей того, кто, жертвуя собой вернул ее сына — пробасил Лефтерсис.

Маттейос убежал в ближайшую дверь.

Подошла Лафна, по щекам девушки текли слезы.

— Спасибо вам — срывающимся голосом проговорила она.

— Прости меня. Я не сумел спасти Эйтель и твоего брата — горестно ответил Амадо притягивая к себе девушку, объятия мужчины несколько успокоили разбушевавшиеся эмоции.

— Как тебе удалось спастись? Ведь имение Азараэля тоже уничтожили — спросил Родриго, глядя в печальные глаза Лафны.

— Случайность. Мне по дороге попались воины, сумевшие вырваться из горящего дворца Безбаэлей, они-то и отвели нас в порт, где посадили на корабль.

— Они тебя отправили одну? В море? — изумился Амадо.

— У них не оставалось выбора, нас нагнали в порту. Пока я садилась на корабль, воины Безбаэля сражались в портовых доках. Не знаю сумел ли, кто выжить. Я хотела бы их вознаградить за отвагу — негромко рассказывала девушка, поминутно поглядывая на Родриго.

— Очевидцы говорят страшная резня была — вмешался Лефтерсис — Вряд ли кто-то выжил. Сначала до меня дошли известия о гибели дома Безбаэль. Рассказывали жуткие истории о кровавой бойне, тогда я потерял надежду на возвращение Маттейоса. Сложнее всего было скрывать слухи от Софии, это моя жена, именно с ней я тебя и хочу познакомиться. София женщина, что подарила мне мое величие. Она опора моей династии.

— Я едва не потерял рассудок, когда прибежал слуга и сказал, что в порту меня ждет Маттейос. Поначалу даже боялся радоваться, чтобы не спугнуть удачу, а когда увидел его... — голос бородача слегка дрогнул, он отвернулся и уставился на море.

— Нам повезло, мы попали на корабль, который охраняли воины, служившие под началом Лефтерсиса — подхватила рассказ Лафна. — Они нас защищали и берегли, как самый ценный клад. А потом я попала в дом алкмейского стратега, наводившего на эльфов ужас. Тут меня приняли как родную. Люди не бросили меня в самую трудную минуту — девушка замолчала, смахивая вновь набежавшую слезу.

Появление Софии прервало поток воспоминаний, она горячо поприветствовала Амадо, и искренне поблагодарила за спасение сына. Темные глаза женщины заблестели от нахлынувших эмоций. Немного смущаясь, она пригласила гостя в покои царя. В доме Лефтерсиса, Родриго ожидало знакомство со старшим сыном царя алкмей, и незатейливый

стол.

Бархатная ночь накрыла портик густой тенью. Амадо стоя на краю утеса любовался лунной дорожкой, позолотившей узкой полосой морскую гладь. Кто-то легко коснулся плеча, человек испуганно повернулся. Белоснежная улыбка сверкнула из темноты. Лафна нежно погладила руку Амадо. Туго завернутая в темный хитон, девушка почти сливалась с густой тенью одной из колонн.

— Что ты тут... — влажная рука Лафны легла на его губы, и девушка потянула мужчину внутрь дворца.

Несколько минут спустя они оказались в небольшой комнате. В воздухе витал аромат благовоний, большая каменная чаша, высеченная прямо в скале, парила горячей водой. Рядом стоял кувшин и расстеленная кровать.

Расстегнув фибулу, девушка одним движением скинула тугой покров, и не стесняясь изумленного взгляда Родриго, спустилась в чашу с водой, где, откинувшись на спину вызывающе глядя на мужчину.

— Иди же глупый, не бойся — проговорила она, слегка поманив рукой.

Удивленный смелостью девушки, Амадо подошел к чаше, его руки неловко стягивали одежду.

— Ты такая смелая — улыбаясь ответил Родриго.

— Я стала женщиной — проговорила Лафна, отвечая обворожительной улыбкой.

— Я не хуже мамы...

— Лафна? С чего ты решила, что у нас...? — попытался оправдаться Амадо.

— Я сама видела вас! Мое окно выходило прямо на твою спальню. Если бы ты знал, как я ревновала. Сколько слез выплакала, но я любила мать, а потому ненавидела тебя, вернее свою любовь к тебе. Сегодня мне самой смешно, когда я пыталась мстить тебе, отвечая на ухаживания Тараэля.

— Кого?

— Племянника Кеннара — она встала на ноги, и прильнула к Родриго, который уже успел спуститься в чашу.

Амадо поцеловал пухлые губы эльфийки, пробуя их на вкус. Руки скользнули по телу девушки, у Лафны перехватило дыхание.

Утро влажное от предрассветного тумана скрыло любовников, тихо разошедшихся по своим покоям. Родриго только сомкнул глаза, как в комнату ввалился Лефтерсис, не церемонясь он сел на скамью против его ложа.

— Тебе надо бежать — сказал он, серьезно глядя на гостя.

— Что случилось? — удивился Амадо.

— Сегодня утром прибыли таррикуты, у них разрешение на твой арест. Я должен тебя выдать, как только ты появишься в Алкмеях, иначе война. А мне война сейчас не нужна — Лефтерсис подмигнул, Амадо.

— Война сейчас и впрямь не нужна. Я сегодня же тебя покину — отозвался Родриго. — О деньгах не беспокойся, через неделю у тебя будет все до золотого...

— Я тебе верю, но нужно золото, чтобы решение совета склонилось к войне — предупредил Лефтерсис.

Гость качнул головой, и продолжая натягивать штаны проговорил.

— Золото будет, Эйлайн доставит вам металл в течении недели.

Скорое бегство не позволило Амадо попрощаться с Лафной. Девушка еще спала, когда

галера знаменитого пирата вышла из маленькой бухты Отоса, увозя с собой обещание, данное царем Алкмей.

Запах свежей штукатурки, непривычно свербел в ноздрях. Недостроенный королевский дворец заполнили придворные, все молча ожидали развязки. На двойном троне восседали Майда и королева Санаэль. Монарх сверлил взглядом человека, посмевшего нарушить его волю. Санаэль, супруга Майда, напротив доброжелательно улыбалась, заставляя двор сдерживать подданническую неприязнь к изгою. Аристократы знали кто в действительности правит Ортаном.

— Я же тебя предупредил! — зло процедил Майда.

— Предупредили Ваше Величество, но возникли новые обстоятельства, и они заставили меня пренебречь собственной безопасностью — дружелюбно ответил Амадо.

— Хорошо, и что же это за обстоятельства, которые заставили тебя послушаться моего приказа? — голос Майда слегка дрогнул.

Стало ясно, что несмотря всю браваду, Майда прекрасно понимает, насколько серьезная опасность грозит его королевству.

— Вчера я встретил лодку Сколадских рыбаков, они рассказали, о том, что видели огромный флот с эльфийскими знаменами, в дне пути от острова. Надо готовиться к встрече врага. Вонтай идет.

— Тоже мне новость, мы следим за их передвижением уже четвертые сутки! — повисло молчание, затем Майда снова заговорил. — Я дам тебе еще один шанс, убирайся сейчас же с острова, и, если вернешься снова, можешь мне поверить я сделаю что обещал!

— Ваше Величество позвольте поговорить с Вами наедине — раздался голос Эйлайна.

От толпы придворных отделился высокий эльф, он грациозно поклонился королю Ортана. Майда замаялся и нерешительно взглянул на супругу. Санаэль сделала знак глазами, давая согласие. Король взмахнул рукой, прогоняя придворных. Амадо вместе со всеми вышел в сад, огляделся. Разряженная толпа провинциального двора беззаботно гомонила, точно к ним пришла не война, а долгожданный праздник. Легкое прикосновение, заставило Родриго обернуться. Принцесса Аннаэль отдернула руку и мягко улыбнулась.

— Приятно видеть, того, кто сейчас так нужен Ортану — искренне улыбаясь проговорила девушка.

— Благодарю Вас, но уверяю, Вы переоцениваете мою значимость...

— Полно скромничать, господин Амадо. Ваш ум не раз спасал мое семейство от разгрома. Они — принцесса указала на придворных, занятых пересудом досужих сплетен. — Не понимают, что происходит. Где та черта, что отделяет их от гибели. Надеяться на удачу, и благоволение мудрого Эндо, при нынешних обстоятельствах глупо.

— Не судите их строго, им действительно не раз везло. Удача вещь опасная, приучает к легкомысленности.

— Вы правы, но ваша правота не облегчает нашего положения — грустно заключила Аннаэль. — Оставайтесь, господин Амадо. Я остановлю упрямство моего отца — заговорила девушка, слегка касаясь его руки. — Вы нужны Ортану. Вы нужны моей семье. Поверьте, матушка знает, кому мы обязаны королевством. Она ваш покровитель, и защита — Родриго смущенно слушал испуганный шепот Аннаэль, в глазах девушки отчетливо читался страх.

Из дворца вышел слуга, приняв патетическую позу он продекламировал.

— Господин Амадо! Король Майда приглашает вас!

Волнуясь, Родриго вошел в зал. Абсолютно равнодушное лицо Эйлэйна, говорило о важности момента. Эльф уставился в узкое окно, делая вид, что его нет в помещении. Смущенный Майда сидел в кресле. В глаза бросалось, что монарху, эта встреча стоила больших усилий.

— Сейчас не время вспоминать обиды — начал король. — Я принял решение вернуть тебе флот. Думаю, что это будет правильно в сложившейся ситуации.

Сидевшая до того момента, с опущенными глазами, супруга Майда, быстро взглянула на человека и ободряюще улыбнулась.

Эйлайн резко повернулся к королю.

— Ваше величество, Амадо сумел заручиться поддержкой Алкмей. Однако мне придется отбыть в Миат, поскольку всякая война нуждается в деньгах, а они лежат в сундуках Тольвара Еника.

— Конечно, мой друг. Вы можете сегодня же отбыть, но к началу войны вам следует вернуться и исполнить свой долг — поспешно ответил Майда.

— Да мой король! — поклонился Эйлайн.

Позже Родриго узнал, что перед приемом у короля, Эйлайн успел встретиться с Санаэль. Доводы эльфа убедили королеву в необходимости возвращения заносчивого человека. Вместе они надавили на Майда, и король принял решение вернуть флот Амадо. Обещанная помощь Алкмей, особенно благотворно подействовала на решение мнительного монарха. В случае победы он даже обещал возместить Эйлайну потраченное золото.

Весь день остров гудел как растревоженный улей, шла подготовка к встрече с врагом. Вечером наступило затишье, королевство погрузилось в напряженное ожидание.

Амадо выстроил флот в узком проливе, так что большая часть его кораблей оказалась вне досягаемости для метательных машин противника. Вместе с падающим в море кроваво-красным диском солнца, на горизонте появился флот Эманторана. С каждой минутой море все больше заполнялось косыми парусами, пока на воде совсем не осталось свободного места. Наблюдатели насчитали больше четырехсот кораблей, тех, что можно назвать боевыми, и двести пятьдесят грузовых.

Никогда Эльфийское море еще не видело, столько кораблей, собранных в одном месте. Все пространство до горизонта заполняли триеры Эманторна, они быстро приближались к берегу, окружая остров со всех сторон.

Завязавшееся морское сражение, в горловине секретной гавани, принесло локальный успех Амадо. Потопленные корабли противника перегородили вход в бухту, и с одной стороны не дали врагу овладеть ею, и высадить десант на берег, а с другой заперли флот Ортана внутри.

Эльфам пришлось высаживаться на берег, там, где их ждали защитники Кладае. Первыми причалили корабли ришамских наемников, эльфы, не считаясь с потерями погнали живую массу вперед. Сотни воинов сгорели и утонули в огненно-водяной мясорубке. К утру жаркий бой истощил припасы для метательных машин защитников острова. Тогда эльфы подвели к берегу свои корабли, с которых высыпали алкмейцы, те, что по договору служили Эманторану. Копейщики выстроились в колонны, и погнали впереди строя наемников Ришама, за ними пошли эльфийские войска.

На стены Кладае обрушился каменный дождь, эльфийские орудия во множестве, спущенные на берег, методично разрушали мощную кладку городских стен. Стрелы, горящие масло и смола, а также огромные камни наносили серьезные потери Эманторану, но гибли в

основном наемники. Воины Ришама, легион Арси, сборные войска, присланные с Крефей, и их союзники, все стремились избавиться от постоянной угрозы пиратских набегов.

Амадо высадил войска на берег бухты и повел их в город, скрытой в скалах тропой. У него еще оставалась надежда на Алкмеи. Эйлайн обещал прийти через трое суток, требовалось продержаться еще два дня. Положение города оказалось хуже, чем полагал Родриго. Внешние стены почти обрушились, одна из башен осела, погребя воинов под грудой битого камня. Враг готовился к решающему штурму. Амадо встретился с Майда, тот сухо приказал ему остаться и задержать противника, когда стена окончательно рухнет. На возражение Родриго, он лишь пожал плечами и сказал.

— Впрочем, поступай как знаешь. Исход уже предрешен.

Общая обстановка уныния, и ожидание грядущей резни повисли в воздухе. Испуганные эльфийки жались к цитадели, куда их не пускала стража, охранявшая подступы к крепости. Амадо потребовал у Майда дать ему право командования. Майда махнул рукой и приказал командирам исполнять приказы флотоводца. Недовольные эльфы хмуро смотрели на нового командующего, но ослушаться вспыльчивого монарха не посмели.

Внешний периметр стен остался без защитников и в четверть часа рухнул. Вместе с огромным облаком пыли, опустившаяся ночь, погрузила город в кромешную тьму. Испуганный плач детей, и всхлипывания женщин долетали от крепостных ворот, до внутренней стены, волнуя защитников, расположившихся на последнем рубеже защиты. Двое суток они не выстоят. Амадо понимал, что город обречен, но мозг продолжал искать выход. В первую очередь требовалось вывезти с острова жителей королевства, но как это сделать, остров окружен вражеской флотилией. Флот Ортана заперт в бухте, в открытом море множество кораблей противника. Оставался только один путь, использовать флот союзников для спасения жителей, но требовалось передать весточку, чтобы скоординировать действия. Родриго пошел сразу к королеве Санаэль. Просьба флотоводца нашла понимание мудрой женщины, и впервые человек получил право использовать эльфийский визиоскоп.

В темной комнате, над светящимся столом висели фигуры Эйлайна и Лефтерсиса. В гробовой тишине, глубоко и твердо звучал голос Амадо. Он подробно объяснял, что нужно делать союзному флоту, когда корабли подойдут к острову. Эйлайн опустив голову внимательно слушал, Лефтерсис недовольно сверкал глазами, ему не нравился план Амадо. То, что предлагал Родриго неизбежно вело к большим жертвам. Лефтерсис и так подставил свое королевство под удар, а теперь от него требуют жертвовать жизнями превосходно обученных воинов, прошедших десятки битв. Из слов Амадо стало ясно, что остров находится на грани поражения.

— Амадо обещай мне, если город падет, ты дашь мне об этом знать! — потребовал Лефтерсис. — Я не хочу понапрасну жертвовать своими воинами и кораблями. Дай мне слово!

Повисло молчание.

— Обещай мне Амадо! — повторил свое требование Лефтерсис.

— Обещаю, но город не падет! Мы выстоим, до вашего прихода! Обещаю! — Родриго намерено произнес громко последние фразы, чтобы до всех присутствующих дошли его слова.

Эльфы переглянулись и посмотрели на нового командующего совсем иначе. Во взгляде читалась надежда на его знания и удачу. Жители города поверили, что спасение возможно.

Под вторым рядом стен копошилась темная масса. То и дело с клацающим звуком прислонялась лестница, и по ней быстро поднимались разномастные воины союзников Эманторана. В ответ со стен сыпались камни и стрелы, огромные рогатины с натугой отпихивали лестницы, соединенные в секции, те падали вниз убивая и калеча штурмующих. Волна атакующих схлынула, в провал внешней стены вкатили машины, эльфы выставили их в два ряда. Со стороны моря подошли корабли эльфийского флота, запыхали факелы, огромные шары, наполненные негаснущим огнем, легли в ложа катапульта.

— Все назад!!! В замок!!! — приказал Амадо.

Не дожидаясь приказа, эльфы и сами уже устремились к цитадели. Стража попыталась было остановить толпу, но живая масса прорвала заслон и широким потоком вливалась во внутренний двор замка.

Женщины и дети шли первыми, воины, подросли как раз к началу обстрела. Огненные шары взмыли в ночное небо, и оставляя за собой горящий след, быстро гаснущий в бархатной темноте южной ночи, взорвались на крепостной стене и перед ней, расплескав по округе огонь. Послышались дикие вопли раненных союзников Эманторана, оставшихся под стенами. Удушающая вонь паленной плоти разлилась над городом. Со стороны моря показались новые шары огня, описав дугу они упали на цитадель стекая широкими, горящими ручьями с крыши, и выжигая воинов, что не успели пройти внутрь. Один из шаров упал во внутренний двор прямо посреди толпы беглецов, началась давка, убившая много больше, чем огонь.

Амадо как мог регулировал эвакуацию жителей города в крепостные подземелья. Новый залп, и огонь разлился по двору, затрещал у входа, железные двери крепости захлопнулись, ненадолго отсекая стихию.

Жители Кладае спускались к тайным причалам, вырезанным глубоко в недрах горы. Скрытые причалы выходили в пещеры, имевшие сообщение с большой водой. Крепость занялась, с треском обвалилась кровля, захлопнулись двери в подземные помещения, воины быстро закрывали вентиляционные шахты, выходившие в замок. По ним шел удушливый дым, грозивший отравить беглецов.

Впервые Амадо почувствовал бессилие. К нему пробился Майда, эльф схватил человека за грудки и бешено тряся, что-то кричал в лицо. Флотоводец не сразу понял смысл его слов. Лишь спустя минуту, до сознания Родриго дошло, что король обвиняет его в провале обороны города, и гибели супруги. Санаэль не успела выбраться из своих покоев. Подошла дочь короля, прекрасная Анна. Мягко обняв отца за плечи, девушка повлекла его прочь. Майда замолчал и растерянно глядя на заплаканное лицо дочери пошел за ней. Пройдя несколько шагов, король снова повернулся к Амадо желая что-то сказать, но губы предательски задрожали и слезы полились по лицу воина, не раз смотревшего в глаза смерти. Майда уткнулся в грудь дочери, плечи эльфа сотрясали рыдания. Анна плакала вместе с отцом, глядя седую голову монарха.

Получив передышку, жители города смогли осознать случившееся с ними. Многие плакали, эльфов поразило, что с ними обошлись столь жестоко. Впервые в истории их народа, эльфы сжигали заживо своих соплеменников. В огненном смерче многие потеряли близких. Воины сидели, понуриив головы, они не смогли защитить Кладае, чувство вины жгло их сердца.

Город пылал двое суток, флот Эманторана отошел подальше, боясь случайных искр, что в изобилии носились над водой. Сгущаясь при падении сторевших зданий Кладае, они

яростно проносились над морем, чтобы устремиться ввысь, к безмятежному небу.

К исходу третьего дня, под покровом ночи подошли корабли Алкмей. Союзников встретили местные проводники. К причалу подошел первый корабль, на берег спустился Эйлайн, за ним показался огромный Лефтерсис. Причал быстро заполняли воины алкмейцы, опустевшие корабли принимали жителей города. Впервые эльфы смотрели на людей как на равных. Сначала очень сдержано, затем все более сердечно женщины эльфийки благодарили алкмейцев.

— Сколько кораблей? — спросил Амадо.

— Сто двенадцать — ответил Эйлайн.

— А остальные?

— Вторая половина флота сейчас отвлекает основные силы эльфов — недовольно ответил Лефтерсис.

— Я сделал как ты просил. Город пал, а ты меня обманул. Я пришел защищать выжженную пустыню. Твое слово для меня теперь значит не более морского ветра. Мои воины сейчас гибнут ради эльфов, которые унизили их город. Так что помоги мне убедить моих полководцев, что я не зря послал их на смерть.

— Ты не зря это сделал! — убежденно проговорил Амадо.

***

Утренний туман, смешанный с дымом догорающего города, окутал равнину перед Кладае. Лагерь Эманторана спал, дозорные дремали на своих постах. Тишину прорезал резкий звук трубы, равнина содрогнулась от топота сотен ног, шагавших в унисон. Ничего не понимая со сна, эльфы заметались по лагерю, кто-то успел вооружиться и выбегая из лагеря налетал на стену щитов и острия копий, что жадно впивались в тела нападавших. Фаланга надвигалась непреодолимой стеной, создавая перед собой панику. Не в силах организовать войска, полководцы Эманторана побежали, бросив наемников. Лишившись управления, союзники тоже побежали. Возле кораблей организовалась давка, тысячи людей давили друг друга, сбрасывая с мостков в море. Копья алкмейцев достигли края толпы и молниеносным челноком прошивали впавших в панику ришамцев. Бой превратился в избиение людей, не способных сопротивляться.

Эльфы в своей массе сумели достичь кораблей раньше союзников, поэтому приняли решение выходить в море, бросив оставшихся на берегу. Они боялись, что алкмейцы прорвутся на галеры. Корабли спешно отошли в море. Неожиданно, из-за утеса на них вылетели корабли Ортана, с оглушающим треском легкие пиратские корабли таранили медными клювами бока тяжелых эльфийских трирем. Корабли Амадо проходили в метре от лакового бока корабля противника, убирая свои весла, чтобы бортом сломать весла противника. Оставшиеся в полной беспомощности корабли эльфов, брали на abordаж. Лишенные возможности маневра они становились легкой добычей. Изумленные наглостью пиратов, эльфы попытались спастись бегством, пользуясь как прикрытием утренним туманом. Флот Амадо преследовал врага и на полном ходу вылетел на армаду Эманторана и его союзников. Флотоводец успел нагнать отступающих, и вступить в бой, уничтожая, на глазах у основных сил, цвет эльфийской аристократии.

Используя сигнальные флаги, Родриго развернул флотилию, теперь пришло время бежать. Машины, установленные на эльфийских кораблях, дали залп, огромные гарпуны зацепили несколько кораблей. Тяжелые камни, упали рядом с флагманом. Амадо видел, как они образовали несколько воронок, обдав палубу мириадами брызг. Противник ринулся за

ними, по ходу движения спасая из воды уцелевших. Пелена дыма от пожаров заволокла пиратский флот, спасая от меткого обстрела опытного противника.

Избиение на берегу, уже закончилось. Гоплиты, опершись на щиты наблюдали за битвой, что развернулась в море прямо перед ними. Из-под скального навеса, появились первые корабли с жителями города, они быстро вырвались на открытую воду и расправив паруса, уходили в море. Видя бегство защитников Ортана, часть кораблей Эманторана развернулась, и бросилась преследовать беглецов.

Флотоводец дома Рейтай, Илфир Прейкор, повел корабли преследования. Ветер сменился и алкмеяне скрылись в черной пелене. Эльфы вошли в дымовую завесу, характерный треск, оповестил Илфира о начале сражения. Корабль алкмеян врезался в эльфийский флагман, на его борт быстро перекидывались сходни. Побежали первые копейщики, флот эльфов атаковали неизвестно откуда взявшиеся суда крефейских задир.

Быстрые и юркие корабли Амадо, лавировали, спасаясь от мощных выстрелов. Один снаряд нагнал флагман Родриго, пробив его борт. Судно покачнулось и сбавило ход, следом второй снаряд снес весла по левой стороне, корабль пиратов встал. Эльфийские боевые суда окружили его, завязалась рукопашная. Пираты совершили контрудар. Умело лавируя небольшими судами, между кораблей противника, они создали суматоху, приведшую чуть позже к панике. Против Амадо вышел высокий эльф, сложением он мало чем уступал Лефтерсису. Позже флотоводец узнал, что это командующий флотом Эманторана, личный друг Дарелиана, Келаэль Нелораен прозванный Одноглазым, из-за увечья, полученного в бою.

В несколько ударов Келаэль раскидал защитников капитана пиратов, и оказался один на один с Амадо. Щит человека, разлетелся от одного удара широкого меча. Второй удар едва не стоил Родриго жизни. Широкой дугой пронесся клинок эльфа над головой споткнувшегося человека. Подрубленные снасти хлестнули Келаэля по лицу, оставив кровавый рубец. Подоспели телохранители эльфийского флотоводца, они закрыли командира щитами. Короткие копья с глухим звоном ударили в щиты. С соседнего корабля, Амадо прикрывали пельтасты, нанятые Лефтерсисом для усиления флота. В ответ с эльфийских кораблей посыпались стрелы, выкашивая людей точными попаданиями. Спасаясь Родриго, побежал, чудом избегая ранения в мешанине из стрел и копий. Не останавливаясь ни на секунду, флотоводец с разбега нырнул в воду. Тяжелое снаряжение потянуло на дно, пришлось избавляться от кольчуги, шлема, а потом и от сапог.

Внизу, под водой, шла своя битва. Раненные и мертвые всплывали на поверхность. Между истекающими кровью людьми рыскали, почуявшие добычу акулы. Десятки рыб, от огромных, до метра длинной, быстро проносились мимо воинов, барахтающихся в воде. Подхватив ногу или руку, а если хватало размера челюстей, то и тело несчастных, акулы утаскивали еще живых на дно, терзая на ходу их плоть. Кровавые облака, повисали на несколько минут в морской толще, оторванные части тел, потерянные хищниками, плавно опускались в черноту морской глубины. Здоровые пытались бороться, выставляя меч или копье. Некоторые, попав в челюсти, иступленно наносил удары кинжалом, но помогало это слабо. Защищаясь от одной рыбины, люди не замечали других, заходивших со спины, или выныривающих их глубины, чтобы бешеным ударом выкинуть жертву из воды, на долю секунды подарив надежду. Затем бритвенно острые зубы смыкались на телах растерянных жертв, вновь попавших в воду.

Мимо проплыла акула, вильнув хвостом рыба подхватила кем-то оброненную руку, и

быстро ушла на глубину. Исчерпав запас кислорода Амадо всплыл. Над водой горели суда, звенела сталь клинков. Со свистом о воду шлепали стрелы, шуршали копья пронзая море, кричали люди, от боли, гнева и страха. Рядом упал алкмеец, его голову пробила эльфийская стрела, она вошла в глаз и сбив шлем вышла из затылка. Вынырнувшая снизу акула подхватила мертвое тело и в несколько взмахов хвоста исчезла в пучине. Спасаясь от стрел, Родриго вновь нырнул. Огромное тело прошло рядом, оттолкнув его в сторону. Сбоку раненный пират попытался всплыть, но акула перехватила его за ноги и потащила горизонтально. Ноги оторвались, клубя кровью, пузыри воздуха вырвались изо рта, рычащего от ужаса и боли человека.

Голова Амадо снова оказалась над водой, он уцепился за край паруса. Минуту спустя ему удалось взобраться на эльфийский корабль. Флотоводцу повезло, судно уже заняли пираты.

Илфир великолепно владел мечом, атаковавшие его корабль люди погибали десятками. Лучники эльфов расположившиеся по бортам судна вынужденно вступили в рукопашную с гоплитами алкмей. Выстроив стену из щитов, алкмейцы попытались пробиться к Илфиру, но их встретил град стрел, с соседних судов, которые пришли на помощь флагману. Осыпая копейщиков тучами стрел, эльфы вынудили алкмейцев отступить. Илфир собственноручно рубил раненных, телохранители надежно прикрывали рейтайского флотоводца от стрел алкмеян. Техника владения мечом, и многовековой навык делали воинов Эманторана страшными противниками. В схватке один на один, мало кто мог выстоять против эльфа. В войнах с бессмертными, людям оставалось опираться лишь на тактику и жесткую дисциплину. Условия абордажной схватки лишили алкмеян этих преимуществ, потому людям приходилось туго. Смертельным смерчем Илфир прошел по кораблю людей. Под мечом пал седой воин с копьем, наивно полагавшийся на свой щит.

К ногам Илфира упал его телохранитель, рот воина рассекала рана, а в горле клокотала кровь. Рядом о палубу стукнула отсеченная рука, сбоку раздался сдавленный крик. Упали еще двое телохранителей, один потерял руку, второй рухнул с подрубленной ногой.

Флотоводец узнал манеру Эйлайна, несмотря на то что лицо эльфа скрывал шлем. Холодный пот прошиб Илфира. Подавшись назад, он приказал окружить предателя. Четверо охранников стремительно зашли Эйлайну за спину, в то время как Илфир принял прямой бой.

Длинная сабля в несколько ударов сокрушила охрану, попутно отбивая удары Илфира. Эйлайн крутился как волчок, снося защиту телохранителей и тут же поражая воинов точными ударами.

Мрачно глядя на флотоводца, Эйлайн подошел к Илфиру вплотную. Завязалась жестокая сеча, Илфир в мастерстве мало чем уступал Эйлайну, но раны, полученные в поединке, нисколько не ослабляли последнего. Наконец удачным финтом Эйлайну удалось обмануть противника, и длинное лезвие скользнуло по горлу Илфира вырывая фонтан кровавых брызг. Меч флотоводца звякнул о палубу, руки эльфа схватились за рассеченное горло, но кровь предательски рвалась наружу. Ухватившись за хвост, служивший украшением шлема Илфира, Эйлайн взмахнул саблей, голова отделилась от тела. Обезглавленный флотоводец медленно осел на доски палубы.

Подхватив копье, Эйлайн насадил голову на жало, и высоко подняв над собой перепрыгнул на флагманский корабль дома Рейнтай. Подавляя любое сопротивление на своем пути, он установил копье на носу судна. Стрелы точно ударили в грудь Эйлайна,

пробивая тело насквозь. Эльф продолжал отбиваться от наседавших сородичей, унося все новые жизни, и получая все новых врагов с каждым убитым воином. Смерть Илфира и потеря флагманского корабля, вынудили эльфийскую флотилию отступить. Перегруппировавшись эманторанцы попытались вновь атаковать потрепанный флот алкмейцев. Туча стрел упала на корабли людей, Эйлайн пошатнулся и опустился на колени, затем повалился на спину. Голову эльфа пробила стрела, кто-то из лучников попал прямо в глаз. Сотни раненных, и убитых ползали по палубам гибнущей флотилии алкмеян.

Эльфы готовили второй залп, но усилившийся боковой ветер, неожиданно перерос в шквал, разгром врага пришлось отложить. Эманторан повернул флот в открытое море, доверив разгром людей, разыгравшейся стихии.

Непредсказуемое море спасло флот людей, многие корабли пиратов успели спрятаться в пещерах Ортана. В то время как флот Келаэля теряя корабли отступал на открытую воду. Стихия в очередной раз разбила эльфов о камни непокорного острова.

Вода почти доставала ноги Амадо, он сидел на плоском валуне, обтирая меч. Ленивые волны лизали край черного пляжа, рядом на длинном острове корабельной мачты пристроился Лефтерсис.

— Флот Эманторана отошел в море — произнес царь. — Но похоже на то, что они скоро вернуться. Разведчики сообщили, что эльфы перестраиваются. Они готовят новую атаку — произнес василевс, сумрачно глядя на Амадо.

— Пора уходить — задумчиво отозвался Родриго, и взгляделся в лазурные валы набегающего моря.

Лефтерсис покачал головой, и тяжело поднявшись, ушел.

Вечером того же дня горизонт усеяли паруса алкмейких кораблей. Островитяне уходили домой непобежденные, но еще и не победители. Богатая добыча, из разграбленного лагеря эльфов, сделала алкмеян неповоротливыми и медленными. Поэтому, когда на горизонте показались паруса Эманторана, Лефтерсис приказал сбрасывать имущество за борт. Обозленные стратеги заставили воинов отправить всю их добычу в воду, сохранив при этом свою часть неприкосновенной. Облегченные корабли быстро оторвались от преследователей, едва не став легкой добычей флота Эманторана. Люди вырвали себе шанс на спасение, пожертвовав золотом ради жизни.

Война захлестнула Крефеи, эльфы ненасытные в своей мести, выжигали целые города, медленно приближаясь к Алкмеям. Союзники Эманторана не уступали в жестокости ко вчерашним соседям. Насилие, грабеж, убийства опустошили север Крефейского архипелага.

Карательную экспедицию возглавил Фирафир, представитель старого дома Кулам. За ним закрепилась слава непреклонного и жестокого полководца. В его распоряжении находилось пятнадцать тысяч элитных всадников Эманторана. Прошедшие сотни сражений, они считались лучшей конницей Еланды, им уступала даже тяжелая конница Железной долины.

Мрачный эльф в черной броне, с непривычно темными, для эльфа, глазами, залил регион кровью. Пытки и издевательства превратили его в персонажа жутких легенд. О эльфийском упыре вспоминали еще не одно поколение. Ходили слухи, что он полукровка, но тех, кто осмеливался бросить подобные обвинения Фирафиру как правило ожидала неминуемая смерть, от руки могучего воина.

Потеря жены привела Майда к временному помешательству, король часами сидел в одиночестве, время от времени разговаривая с умершей супругой. Руководство домом взяла на себя Аннаэль, принцесса предложила помощь и союз алкмеям в благодарность за спасение. Лефтерсис принял ее предложение, не испытывая особого восторга от нового союза, однако время показало, что он принял самое верное решение в своей жизни. Союз с эльфами принес новые технологии, знания в медицине, сельском хозяйстве и науках. Союз позволил увидеть новые перспективы царю маленького королевства.

Влияние эльфийского знания подарило Алкмеям возможность создать самую сильную армию своей эпохи. Этот союз вписал имя династии Лефтерсиса в анналы мировой истории, но то случилось много позже, сейчас василевс сомневался и боялся мести эльфов.

Совет в каюте Лефтерсиса выглядел необычно. Впервые, помимо стратегов Алкмей, на нем присутствовали чужак, женщина эльфийка, и четверо воинов эльфов. Жаркие споры о будущем компании на архипелаге закончились ничем. Все сходились во мнении, что в открытом противостоянии войска Алкмей ждет поражение, потому надо искать способы перевести военную компанию в стадию переговоров о мире. Оставалось решить, как вынудить эльфов пойти на переговоры.

Амадо словно в полудреме слушал предложения членов совета. Среди которых попадались интересные и дельные, но отсутствовало представление о стратегии, что могла бы заставить эльфов пойти на мир. В голове отставного коннетабля зрел план, но он не спешил делиться своими соображениями с членами совета, поскольку боялся предательства. Уже после совета Родриго попросил аудиенции у василевса. Лефтерсис удивленный настойчивостью лукавого чужака, поколебавшись согласился.

— Зачем ты просил меня о встрече? — первое, что спросил василевс, недоверчиво глядя на Амадо.

— У меня есть план, способный заставить эльфов пойти на мир — невозмутимо ответил Родриго.

— Ты сегодня на совете все время отмалчивался. Так чем теперь ты намерен меня удивить? — язвительно поинтересовался василевс.

— Понимаю твое сомнение Лефтерсис, но у нас есть шанс. Высказать свои соображения

в присутствии совета я побоялся. Предательство, оно, знаешь ли, может скрываться даже под личиной старого и верного товарища, поэтому о своем плане я расскажу лишь тебе. Надеюсь, он останется, между нами, пока не придет время его исполнить.

— Предательство? Я уже начинаю сомневаться, что ты на нашей стороне. Твой обман стоил мне флота и шести сотен воинов, опытных ветеранов! Как думаешь, где я их беру?

— Я...

— Нет, ты выслушаешь то, что я тебе говорю! Воинов мне рожают смелые алкмеянки. Это их дети, мужья, отцы, и поверь, их нисколько не радует гибель близких людей на чужбине! Да еще за жизни ненавистных эльфов! Я потерял шесть сотен, где, по-твоему, я смогу восполнить потери?! Ты понимаешь, что должны пройти годы, прежде чем вырастет воин! Годы сражений, а не работы в лодке, поле или мастерской ремесленника! Ты меня обманул! И поверь, я никогда этого не забуду! Ты предал меня, союзник!

— В чем-то ты прав...

— В чем-то?! — вскричал Лефтерсис.

— Вот именно. Мне жаль, что ты потерял воинов и флот, но ты приобрел могучего союзника.

— Да?! И какого же?! — зло процедил царь.

— Знания эльфов — спокойно ответил Амадо. — Такой подарок судьба дает не каждому...

— То, что я вступил с ними в союз, может стоить мне королевства. Мой совет только и ждет случая, чтобы меня свергнуть. И теперь меня не пощадят, уж можешь не сомневаться.

— Так может стоит уравновесить силы? Может стоит опереться на более надежного союзника? — Лефтерсис удивленно уставился на Родриго.

— Подумай сам, многие ли из твоих стратегов способны править? У тебя сейчас есть шанс создать свою династию. Не упusti его!

Лефтерсис внимательно слушал, и в знак согласия слегка мотнул головой. Амадо удовлетворенный пониманием василевса продолжил.

— Флот эльфов сейчас вернется в Эманторан, для усиления и снабжения войск всем необходимым, затем они направятся к Крефеям. Тут мы ничем не сможем помешать неприятелю.

— Тогда в чем твой план? — недовольно спросил василевс.

— Эльфы мстительны, и зачастую неосмотрительны, этим мы и воспользуемся! — загадочно улыбаясь ответил Амадо.

***

Лошади пали еще месяц назад, колодцы оказались засыпаны, а те, что остались нетронуты давали недостаточно воды. Воины тяжело страдали от жажды, а голубое небо над головой безжалостно палило, иссушая и без того обезвоженных эльфов. Продвигаясь в глубь архипелага, Фирафир, встречал лишь покинутые селения и пустые города. Несколько раз его войска пересекали поля сражений, где грудями лежали обобранные воины их коалиции. Все говорило о том, что до их прихода здесь прошла жестокая битва. Алкмейцы зачистили территорию от союзников эльфов, и уничтожили все источники продовольствия, обрекая его армию на голод и жажду.

Сразу после высадки сгорел их флот. Алкмейские негодяи ночью подплыли к кораблям и запалили эльфийскую смесь, которая не гасла ни в воде, ни под землей, пока полностью не выгорала. Корабли сгорели прежде, чем команды, что-либо успели сделать. Диверсия

лишила армию запасов продовольствия, и средства передвижения по морю, вынудив Фирафира вести войско через засушливые долины Крефей.

Неделю спустя, в войска пришла дизентерия. Отсутствие в достаточном количестве воды и постоянный голод привели к эпидемии. Позже пришла холера, войска начали быстро таять. Вскоре побежали дезертиры, явление не знакомое армии эльфов, но привычное для их союзников.

Отправленные за помощью суда так и не вернулись. Судя по тому, что помощи нет и спустя месяц, они не прибыли в пункт назначения. Полководец не знал, что Эльфийское море контролирует пиратская шайка Амадо. Все попытки Эманторана прислать помощь и продовольствие пресекались их набегами. Пираты настолько обнаглели, что уже несколько раз грабили прибрежные города эльфов, не говоря о многочисленных усадьбах. Вскоре Эманторану стало не до помощи экспедиции Фирафира. Эльфы гонялись за неуловимыми пиратами алкмей, имевшими привычку молниеносно атаковать некрупные порты, и усадьбы, а затем столь же молниеносно исчезать в море.

— Нам начинать переговоры — произнес белокурый герой Аммаэль, сидя на перевернутом сундуке, без крышки. В душном шатре главнокомандующего, уже несколько часов шел военный совет. Положение армии привело совет к решению отправить послов для ведения переговоров о мире. Только мрачный Фирафир упорствовал, не желая смотреть правде в глаза. Прямая связь с Дарелианом после того, как сгорели корабли оказалась невозможна, визиоскоп остался на флагманском корабле.

— Ясно, что первый шаг придется делать нам — отозвался хитрый Тараэль.

— Ничего не ясно! Пока я не дам добро, о переговорах не может быть и речи! — мрачно отозвался полководец.

Находясь в безвыходной ситуации Фирафир начал поголовный террор. Пытаясь добыть снабжение для войска, он грабил и врагов, и союзников. Вскоре Крефей поднялись в едином порыве против захватчиков. Люди воевали с экспедицией, часто совершая самоубийственные вылазки. Которые как правило заканчивались смертью нападавших, но диверсанты успевали убить несколько эльфов. Следом шла месть остроухих, жуткие пытки и издевательства, земля зачищалась до последнего жителя.

Алкмеи находились всего в трех днях пути, но армия таяла с каждым днем все быстрее. Фирафир благодарил небеса за то, что эльфы слишком пеклись о чести, что спасало от полного развала войска. Союзники давно разбежались, кто-то примкнул к врагу, кто-то грабил на дорогах. Фирафиру приходилось воевать и с первыми, и со вторыми.

— Сколько можно?! Подумай о воинах! — возмущенный окрик, вырвал главнокомандующего из тяжелых раздумий.

Аммаэль вскочил с сундука, глаза героя сверкали, вскинутые кверху, тонкие брови, усиливали ярость, исказившую красивое лицо эльфа.

— Фирафир мы дальше не пойдём! — твердо произнес Красноокий Глумаэль. Жесткая рука командира уперлась в колено, взгляд из-под лобья тяжело упал на полководца.

— Ты предлагаешь отступить? — осипшим голосом спросил Фирафир.

Темные глаза эльфа налились ненавистью.

— Ты предлагаешь, чтобы мы, эльфы, отступили и позволили этим тараканам похвастаться победой над Эмантораном?! Ты считаешь, что смерть сотни, другой эльфийских воинов, повод отступить, и позволить позору пасть на наши дома?! — полководец медленно поднимался со своего места, широкая ладонь легла на эфес клинка.

— Мы уже и так хлебнули позор полной чашей — ехидно подтрунивал худой Тараэль. Его большой кадык задвигался в беззвучном смехе.

— О чем ты?! — в изумлении остановился Фирафир.

Глаза полководца застыли на лице насмешника.

— Разве не позор, видеть, как великие герои Эманторана умирают, точно малые дети, от кровавого поноса?! — с издевкой и вызовом в голосе продолжил Тараэль, картинно обводя присутствующих взглядом. — Я вас спрашиваю! Кто хочет, чтобы этот позор длился и дальше, чтобы этот позор привел нас к поражению и окончательно обесчестил наши имена?!

Скрип клинка в ножнах, взорвал обстановку. Командиры вскочили со своих мест. Клинок Фирафира не успел коснуться насмешливого Тараэля, продолжавшего злорадно улыбаться в лицо взбешенному полководцу. Десяток клинков уткнулись со всех сторон в мощный торс Фирафира, грозя пронзить его при любом неосторожном движении. Минутное молчание, сменилось тихим голосом Нералена, старый герой вложил меч в ножны, и спокойно произнес.

— Фирафир мы готовы тебе подчиняться, но только в том случае, если ты перестанешь гробить нас как союзное отребье. Я знаю, что ты чувствуешь, но пришло время остановиться. Пора заключать мир.

— Трусы!!! Никчемные трусы!!! — полководец попытался двинуться, по его тунике, расплылось красное пятно, оно быстро расширялось, затем еще одно.

— У тебя выбор небогатый, либо мир, либо смерть! — жестко прозвучал голос Аммаэля, клинок которого, вонзился еще глубже в тело Фирафира.

Растерянное лицо полководца побледнело, глаза остановились. Эльф не мог поверить, что его принуждают к миру с врагом, его же соратники.

— Ладно! Будь, по-вашему, но эта война проиграна из-за вашей трусости! — меч с клацаньем вошел обратно в ножны.

Предстоял еще один знойный день, сегодня войска получили больше времени на отдых, чем обычно. Фирафир стоя на крутом берегу, смотрел в синеву бескрайнего моря. Полководец и сам чувствовал надвигавшуюся катастрофу, все складывалось против него, Фирафир не знал, как выйти из ловушки, созданной чьим-то извращенным умом. Ох если бы он мог узнать, кто так подло расставил силки на пути его армии, он бы с ним расквитался.

Взгляд зацепился за что-то светлое возникшее на горизонте, в лагере начался переполох. К полководцу подбежал связной и доложил, что на горизонте флот Эманторана. Волнение захлестнуло Фирафира, надежды всколыхнулись с новой силой. Теперь он спасен, теперь он сможет показательно наказать этих жалких выродков, что возомнили себя равными величию вечных эльфов. Радость оказалась недолгой.

***

Перед глазами все поплыло, Фирафир с трудом сдержался, чтобы не ударить королевского посланца. Полководец не верил, что ему придется возвращаться в Эманторан. И это после всех лишений, что претерпело его войско. Они не накажут врага, просто снимутся и уйдут.

Нет что-то с королем не так. Не может быть, чтобы Эманторан снес такое оскорбление, и принял волю смертных. Посланец доложил, что король Дарелиан заключил мир с Алкмеями, на условиях вассалитета. Люди принимают покровительство эльфов, но сохраняют за собой право свободной торговли, внешнеполитические связи разрешены

только по согласованию с эльфами, теперь они не смогут заключать союзы и оборонительные договоры без участия Эманторана. Также сохранялась дань воинами, и вводилось обязательное присутствие эльфийской дипмиссии в стране.

Со своей стороны, эльфы обязались отменить карательную экспедицию, и ограничить деятельность таррикутов на территории Алкмей. Также Алкмей получали преимущественное право сбора налогов, на Крефейском архипелаге.

Счастливые участники экспедиции спешно грузились на корабли, лишь Фирафир, немного придя в себя, мрачный расхаживал по берегу. Последний военный совет состоялся утром, на упреки Фирафира, командиры сдержанно, но твердо напомнили: «Таково решение короля! Если не желаете попасть в башню, вам следует подчиниться ему!». После такого предупреждения полководец поостыл, тут дело могло коснуться не только его чести, но и чести дома, а этого допустить нельзя ни при каких обстоятельствах. Поэтому скрепя сердцем он смирился с поражением.

Отплывая с проклятого архипелага, Фирафир заметил на берегу своего врага, голубоглазого атлета, с кучерявой бородой. Василевс опираясь на копьё, внимательно следил за тем, как уходят в море корабли эльфов. На секунду глаза несостоявшихся противников встретились. Лефтерсис равнодушно смотрел на грозного эльфа.

Кровь хлынула в голову полководца, мощные руки схватили лук. Тетива натянулась, на Фирафира навалились несколько воинов, стрела со звоном чиркнула по краю борта, и всхлипнув ушла в воду. Руки Фирафира выкрутили назад, полководец поднял голову и увидел, как Лефтерсис злорадно улыбнулся, глядя на сцену, разыгравшуюся на корабле. В лице царя Алкмей читалось холодное презрение, задыхаясь от злобы, Фирафир бросил слова клятвы.

— Обещаю, что не успокоюсь, пока не изведу весь твой род!!! Посмотрим, как ты будешь улыбаться, когда я на твоих глазах зарежу твою жену и выродков!!! А когда покончу с ними, то твою отрубленную голову надену на острие твоего же копья! — уже почти спокойно проговорил Фирафир.

Слова эльфа долетели до слуха царя Алкмей. Холодок прошел по спине силача, Лефтерсис почувствовал, что это не просто слова гнева. Сегодня он получил кровного врага, и теперь ему придется бороться еще и за свою семью.

Широкий коридор терялся далеко впереди, гулкая тьма пугала, тая опасность в непроглядной пустоте.

— Все хорошо! По крайней мере я жив! — уговаривал себя кряжистый гном.

— Сейчас дойду до развилки Хидана, где она тут. Гном уставился на потертую медную коробочку, из которой на бородатое лицо падал голубоватый свет. На стенах причудливыми тенями заплясали блики, вызывая животный страх и чувство абсолютной незащищенности.

— Ага, а вот и он — радость озарила суровое лицо купца.

Мельком взглянув на циферблат брегета, гном прикинул, что ему осталось не более часа пути.

Крамвуд Довард, происходил из совсем еще молодого купеческого рода, поэтому ему часто приходилось подниматься на поверхность. Гном неплохо ориентировался в порядках, царивших среди людей, а постоянная дорога приучила купца к чувству опасности и неопределенности.

В этот раз ничто не предвещало неприятности. Как обычно Крамвуд возвращался с поверхности. Ворота Гулара Гневного удалось пройти на удивление спокойно, пропуск торгового дома Ричано оказал волшебное воздействие на коменданта. Радость от удачной сделки, совсем затмила разум купца, чувство дома, что он покинул четыре года назад, лишило Крамвуда осторожности. В итоге повернув на Танорт, они попали в засаду, в том месте, что всегда считалось спокойным. Отряд гоблинов заманил их в ловушку. Опытный глаз купца сразу заметил, что разбойники необычные. Снаряжение гоблинов, их доспехи и изображение черной руки Хозяйки на броне, все говорило о том, что это боевой отряд, вышедший из самых глубин Тенафарских равнин. По слухам, равнины располагались в гигантской пустоте, образовавшейся в незапамятные времена под грядой одноименных гор. О том месте ходили легенды, как о царстве чудес, что наполняли жуткие твари, но точно сказать, что правда, а что выдумка никто не мог. Все, кто уходил в глубины горы, пропадали, вернуться никому не удалось.

Судя по всему, караван Крамвуда налетел на отряд разведчиков, решивших пополнить свои запасы. Ограбив незадачливых путешественников, зеленые растворились в бесчисленных коридорах Даноста, многие из которых давно стояли заброшенными.

Доходы купца не позволяли нанять серьезную охрану, его семья совсем недавно вошла в торговый дом Ричано, потому дело Крамвуда только начинало развиваться. Протекция дома позволила ему перейти с обычного ассортимента на товары приносящие баснословные прибыли, товары королевского списка. Еще прадед Крамвуда, Сердус Каменные кулаки, прозванный так за удивительную силу, начал торговать с Аморатом. В те времена леса вокруг Тенафарских гор кишели орками. Зеленые бежали из Северных лесов, когда начала наступать белая смерть. Их орды, привыкшие к мясу крупных животных, быстро истощили ресурсы предгорья Тенафара. Гонимые голодом они спустились в королевство гномов, где с удивлением обнаружили крепости и города подземных старожил. Гномы же не стали поважась вновь прибывших гостей и в несколько сражений объяснили захватчикам, что их место снаружи. После тяжелейшего поражения орки откочевали дальше на запад, где попали под удар эльфов.

Человеческие королевства тогда сильно пострадали от нашествия орков, и с

удовольствием заключали торговые и военные соглашения с гномами. Этим и воспользовался низкородный предок Крамвуда, уважаемый каменотес превратился в контрабандиста. Отец Крамвуда, Снурик Хитрый, обладая особым, торгашеским чутьем сколотил небольшой капиталец, и умудрился выбить в Торговой палате купеческую печать, чем легализовал семейную торговую контору. Его стараниями, Доварды заключили несколько выгодных контрактов с крупными винодельнями южного Амората на поставки вина в подземное королевство. Тогда-то и началась история возвышения купеческого рода, но не все Дорварды выбились наверх. Несколько семей остались простыми каменотесами, что ложилось темным пятном на честь Крамвуда.

Купец присел около валуна, отколовшегося от некогда гладко отесанной стены коридора. Ноги гудели от долгой ходьбы. Бесконечная дорога в темноте и постоянный страх вконец измотали гнома, и он сам не заметил, как провалился в глубокий сон.

Резкий удар по лицу опрокинул Крамвуда на пол. Удивленные глаза гнома уставились на огромного гоблина, склонившегося над ним. За толстыми ногами зеленого смутно маячили еще несколько фигур. На полу лежала медная коробочка, ее крышка распахнулась и неясный синеватый свет залил все пространство вокруг.

Гоблин что-то спросил, из безобразного рта посыпались неприятные, гортанные звуки. Крамвуд не знал языка гоблинов, и продолжал молчать испугано, хлопая глазами. Из темноты послышался тонкий голос, звонкий, точно перелив маленького колокольчика.

— Готлаг спрашивает, что ты здесь делаешь? — пропел голосок.

Купец продолжал молчать.

— Ответь ему, гном. Готлаг не любит спрашивать дважды — вкрадчиво пригрозил голосок.

Сглотнув комок, подступивший к горлу, Крамвуд просипел.

— Я пилигрим! Иду посетить камни памяти в Зале Гарма Великого.

Лицо гнома расплылось в глупой улыбке, излучая миролюбие и смирение. Готлаг осмотрел Крамвуда, попутно снимая с купца дорогой кафтан и совсем новые сапоги. Кафтан тут же натянул на себя, а сапоги связал в пару и передал гоблину поменьше, тот ловко зацепив копьём закинул их за спину.

Гоблин опять что-то произнес, а тонкий голосок тут же перевел.

— Чужаков видел?

— Чужаков? Не, не видел — смущенно ответил купец.

— Он спрашивает о тех, кто пришел из глубины, о древних — прозвенел голосок.

У Крамвуда пробежал холодок по спине, в памяти всплыли слухи, появившиеся в последнее время. Некоторые пилигримы, возвращаясь из странствий по священным местам, рассказывали, что из глубин начался исход всего живого. Как будто какая-то неведомая сила гнала обитателей нижних ярусов подземелий наверх. Он не сильно верил этим врунам, праздно шатающимся и живущим подаянием. Принимая их рассказы за очередную страшилку, придуманную для того, чтобы получить лишний медяк за свои байки от легковверных зевак. Немного помолчав, гном отрицательно покачал головой.

Готлаг досадливо поморщился, и без того безобразное лицо гоблина превратилось в жуткую харю. Затем сплюнул в сторону и что-то гортанно скомандовал отряду. Гоблины подхватились и рысцой последовали за вожаком. Привыкшие к полутьме глаза гнома заметили едва различимый силуэт молодой девушки небольшого роста. Тонкие ноги с маленькими ступнями легко касались пола, почти не вызывая шума. Нос гнома уловил

сладковатый аромат, чего-то очень знакомого. Она обернулась к нему, сверкнула улыбка, тонкая ручка махнула, прощаясь с купцом. Как замороженный, Крамвуд глядел вслед странному видению так не вязавшемуся с грубостью заброшенного подземелья. Догнав гоблинов, силуэт слегка вспыхнул белым и на мгновение из темноты появился прекрасный стан молодой нимфы, прикрытый тончайшей тканью.

Крамвуд остался один, наконец у него появилась возможность спокойно осмыслить все произошедшее. Его спасла ложь. Пилигримов редко кто трогал. Как правило, нищие странники кроме веры ничего ценного не имели.

Подобрав медную коробку гном, сверился с маршрутом и двинулся в сторону заветного поворота на главный тракт.

Проход Брошенных костей пользовался дурной славой. При иных обстоятельствах купец никогда не выбрал бы этот путь. Участок дороги, по которой пришлось идти, забросили двести лет назад, что за это время успело здесь поселиться никто не ведал. Но больше гнома пугал не проход, а заброшенный город на перекрестке Хидана, Риен. Когда-то Риен служил перевалочным пунктом, где многочисленные купцы, торговавшие с поверхностью, останавливались на отдых после долгой дороги. Удобное расположение Риена позволяло сбывать товар, не углубляясь в царство гномов. Так продолжалось две тысячи лет, пока однажды очередной караван не обнаружил, что все семь тысяч жителей города разом исчезли. В одну ночь горожане как будто испарились. Позже на место отправили гарнизон, но спустя неделю исчезли и воины. Лишь жуткие следы борьбы, пестрели кровавыми пятнами на центральной площади у Поющего Камня. Реликвия первых лет основания Риена, огромный монолит удивительной горной породы, издающий мелодичное гудение. Гномы восприняли обретение удивительного минерала как благословение Хозяйки, и в благодарность установили в центре городской площади, напротив ратуши. С тех пор уникальный камень притягивал многочисленных паломников, со всего Тенафара. Постепенно превратившись в культовое место поклонения Тарму, отцу всех гномов, что создал расу подземных жителей в незапамятные времена из камня священной горы Патар.

В последующие века купцы много раз пытались возродить заброшенное поселение, но регулярное исчезновение караванов заставило бросить эту затею. В итоге весь участок Купеческой дороги, вместе с городом и могучими воротами перекрестка Хидана, оказался заброшен. Уже три сотни лет гномы обходили зловещее место стороной.

Коридор начал сужаться, показалась неприступная стена крепости Хидана, она перекрывала тройную развилку путей. Толстенные, каменные створы глухих ворот, распахнутые настежь, разделили стену ровно посередине. Глубоко врезавшиеся в камень полукруглые борозды, по ходу движения створ, говорили о том, что когда-то проходом часто пользовались. Крамвуд поднял голову, и посветил наверх, такие же борозды прочертили и гладкий свод тоннеля.

Вековой слой пыли покрывал все горизонтальные поверхности. Стойка для подачи документов, некогда украшенная мозаикой, теперь превратилась в ржаво-серую поперечину. Крамвуд неторопливо шагал к воротам. Под ногами предательски громко скрипело крошево осыпавшегося камня. Купец почти пробежал двор крепости, стараясь не смотреть в распахнутые пасти выбитых дверей казарм крепостного гарнизона. Больше всего гном боялся, что ворота напротив окажутся заперты, но легкий ветерок, коснувшийся вспотевшего лба, успокоил купца. На полном ходу Крамвуд выскочил в глухую тишину заброшенной развилки. Впереди замаячили колонновидные башни крепостной стены Риена, подобно

стволам гигантского дерева они упирались в свод, уставив насмешливые глазницы черных бойниц на не званного путника. Сглотнув подкативший к горлу комок, Крамвуд направился к городским воротам. Усталость помогла преодолеть животный страх, кричавший в мозгу, что надо бежать из этого проклятого места.

Ворота города оказались разбиты, огромные куски рваного камня разметало по коридорам дорог, что сходились у врат Риена. Следы осады неприступного города напомнили Крамвуду истории, рассказанные его отцом в далеком детстве. В одной из них говорилось о странной войне Йегана Сварливого, отца нынешнего короля Даноста.

Как ему рассказывал отец, триста лет назад, больше тысячи семей вновь заселили жуткий город. Все новые жители Риена входили в партию Традиции камня. Поселение возглавил Инкопат Счастливым, авантюрист, которому посчастливилось на короткий срок возглавить старейшую партию Даноста. Когда в столице удача отвернулась от Инкопата, он увел своих сторонников в Риен, обещая силой тарма изгнать ужас, обитающий в стенах заброшенного города. Первый год казалось, что проклятье, висевшее над Риеном и впрямь отступило, никто из переселенцев не замечал ничего странного. Вновь караваны устремились к удобному перевалочному пункту, и городская казна быстро наполнилась золотом.

Слухи о богатстве Риена вскоре дошли до Танорта, столицы Даноста. Король Йеган потребовал, чтобы переселенцы внесли в столичную казну положенный по закону налог. На что Инкопат ответил жестким отказом. Тогда король Йеган, привел под стены непокорного города армию. Несколько недель войска Даноста пытались прорваться сквозь запертые ворота Риена, но жители оказали достойный прием врагу.

Наконец пришел день, когда разбитые створы ворот разлетелись на куски, в тот день защитники не оказали сопротивления. Армия Йегана вошла в Риен, но никого из переселенцев не обнаружила. Забрав казну, король приказал войскам покинуть опустевший город, с тех пор Риен так и стоит заброшенный.

Вспоминая страшные истории, слышанные в детстве, Крамвуд прошел помещения, прилегающие к защитным сооружениям городских врат, и оказался на широкой площади, от которой веером расходились улицы, плотно уставленные домами. Вытесанные прямо в горной породе, дома стояли настолько плотно друг к другу, что представляли собой еще ряд стен, деливших город на несколько секторов. Справа когда-то располагался квартал ремесленников, слева горняков, центральная улица, самая помпезная и широкая, убегала к центру Риена.

Крамвуд спустился по пологому склону к центральной улице, и неторопливо зашагал вдоль богато отделанных домов. Чем ближе он подходил к центру, тем разнообразнее и дороже выглядели фасады строений. В конце, помпезная улица расширялась, выходя широкой рекой на городскую площадь.

Прямо перед Крамвудом высилась ратуша, с правого бока к ней прильнул особняк местного управляющего. Гном вошел в приветливо открытые двери ратуши и побродив по пустым комнатам набрел на широкий балкон, с площадки которого открывался вид на весь город.

Кругом, куда бы не смотрели глаза путника, царило запустение. Тишина, редкая по своей полноте, напоила покоем древний город. Лишь далекое журчание горного потока, что огибал Риен по краю, иногда доносилось издали. Кристально чистая вода билась в русле, проложенном трудолюбивыми гномами, давая живительную влагу городу. Фасады

некоторых зданий уже начали рушиться, но большая часть еще сохраняла красоту некогда богатого торгового центра. Задние ряды домов причудливо прилепились к стенам огромной подземной полости. Отовсюду выглядывала древность, она виделась в устаревшей архитектуре, в геометрии городского пространства, в манере украшать жилища, в утвари, что наполняла улицы и площади Риена.

— Сегодня гномы так не строят — пришло в голову купца.

Окружающий пейзаж навевал такое чувство безмятежности, что не верилось в жуткие истории, которые окружали это место. Огромные кристаллы светящегося хрустала, вмонтированные в потолок рукотворной пещеры, пусть уже тускло, но все еще продолжали освещать мертвые улицы, придавая пейзажу особый потусторонний облик, кое-где смягчавшийся светом, что падал сквозь световые и вентиляционные шахты.

Усталость взяла верх, и Крамвуд потерял способность восхищаться, страх ушел на задний план. В Даност его караван вошел еще утром прошлого дня, и с тех пор гном почти не отдыхал. В ближайшем доме он нашел очаг и место для ночлега. Тяжелая резная кровать из красной яшмы, холодная и неприветливая без постельного белья, тем не менее навевала на путника чувство дома и уюта.

В комнате стоял затхлый воздух. Крамвуд лег спать, но холод и сырость выгнали гнома из кровати. Протопав к очагу, купец повернул кран, из ажурного сопла пошел бесцветный газ. Поднеся специальное кресало гном, запалил горелку, отрегулировал напор и вскоре по комнатам разлилось приятное тепло. Неподалеку нашелся старый котелок, через десять минут в нем забурлила кипящая вода. Гном заварил чай из цветов пахучего лишайника, затем громко швыряя губами отпил из кружки. Напиток обжег горло, но оно того стоило, Крамвуд наконец-то согрелся.

Потягивая чай, купец внимательно изучал карту, прикидывая сколько времени понадобится, чтобы добраться до Танорта. По всем расчетам выходило дня три, столица оказалась много дальше, чем он предполагал. В кровать он так и не вернулся, предпочитая спать прямо у очага, на теплом полу. Ночью купец несколько раз просыпался, ему мерещилось, что кто-то бродит по улицам, и тихо выводит протяжную мелодию. Грустную, незнакомую, чужую.

Разбудил Крамвуда грохот, выпучив глаза он вскочил и тяжело дыша уставился на медный котелок, лежащий у противоположной стены комнаты. После первого испуга до него дошло, что это он сбил котелок на пол, зацепив его рукой во сне. Посмеиваясь над собой, купец вышел в город, его встретили неизменная тишина и покой.

Переходя из дома в дом Крамвуд заметил, что вещи внутри остались не тронуты.

— История этого места бережет его покой лучше, чем самая надежная охрана — подумал гном.

Пробродив несколько часов, он не увидел ничего страшного, лишь выйдя на торговую площадь, что спряталась за домом управляющего, гном остановился как вкопанный. На гладко отполированном камне резко выделялись глубокие борозды, оставленные чем-то очень тяжелым и прочным. Тут и там лежали останки стражников, их панцири, рассеченные во многих местах, покрылись ржавчиной. Неподалеку, к стене ближайшего дома, привалился скелет гнома с раскрытым пополам черепом. Неизвестный клинок прошел прямо сквозь шлем и расколол его на две части вместе с головой. Половины стального купола лежали тут же, у ног погибшего.

Крамвуд обвел площадь взглядом, вокруг него лежали тела стражников, и воинов,

перемешанные с костяками лихих искателей приключений, и просто любопытных путников, пришедших за богатством древнего города. Все свободное пространство усеяли останки несчастных, что за сотни лет поглотил Риен.

Центр площади обозначался обветшалым монолитом, испускавшим странное, зеленоватое свечение. Такой породы гном никогда не видел, хотя в молодости немало поработал с камнем, его отец состоял в гильдии Каменных дел мастеров и Крамвуд получил профессию каменотеса. Любопытство толкало гнома на глупость, ему страшно захотелось взять образец породы, и поскольку молотка при нем не оказалось, пришлось воспользоваться оружием незадачливых предшественников. К этой цели гном приспособил клевец, одного из павших воинов, богатый доспех которого говорил о его высоком происхождении. Крамвуд оглядел тела и поразился. Если собрать оружие погибших, то можно сколотить неплохое состояние. Вперемешку лежали и качественные образцы современных кузнецов, и уникальные клинки эпохи великого Ватана, короля Тагастата, некогда единого царства гномов. Один комплект брони особенно поразил купца, в доспехе угадывалась работа гномов, но металл оказался совершенно неизвестным, как и форма кирасы и шлема. Воин, вернее его остатки, опирался на огромную секиру, он так и умер стоя.

— Странно — подумал Крамвуд. — Доспех абсолютно целый, что убило бедолагу?

Обходя тело вокруг, купец споткнулся о мешочек, ткань, пришедшая в ветхость от времени, лопнула, и по гладко отполированному полу веером разлетелись драгоценные камни, от одного вида которых у купца пересохло во рту. Не помня себя, он кинулся собирать рассыпавшееся богатство. Неловким движением гном зацепил доспех и железо с грохотом упало на камень. Облако пепла взмыло к потолку, секира с резким звоном воткнулась в пол возле головы, стоящего на коленях Крамвуда. Испуганно моргая глазами, гном подполз к доспеху и тут до него дошло. Воин истлел в доспехе, какая-то сила превратила тело в прах. Быстро собрав оставшиеся драгоценные камни, купец направился к монументу.

Едва Крамвуд перешагнул кольцо с надписью, что окружала монолит по полу, воздух завибрировал. Волны звука, исходящие от монолита, сопровождались вспышками зеленого света, пульсирующего в такт звуку. Глыба начала исчезать за ней проявился пейзаж, от которого веяло чем-то иным, неизвестным. Крамвуд кинулся к выходу из города с грохотом опрокидывая останки своих предшественников.

На одном дыхании купец преодолел суточное расстояние, и уже к полудню вышел к проходу.

Проход Брошенных костей считался легендарным местом, здесь состоялось первое сражение гномов с орками. Потери с обеих сторон оказались столь огромны, что пришлось оставить погибших на месте, без погребения. Спустя десять лет решили захоронить останки, но погребальные команды стали пропадать, поэтому приняли решение оставить все как есть, а в столице, по погибшим учредили ежегодную поминальную тризну.

Дорога до того широкая как река начала сужаться, две отвесные скалы стесняя ее простор, нависали над путником, создавая причудливый свод. В нос ударил запах ржавчины и тлена. Горы костей, оружие и доспехи, все это в каком-то адском вихре перемешанное и разбросанное по небольшому ущелью заставили Крамвуда остановиться с открытым от удивления ртом. Таким предстал Костяной проход перед гномом. Кости в несколько слоев лежали друг на друге, перемешивая останки гномов и орков. Регулярность рядов создавала ощущение как будто-то, противников скосили огромной косой.

Осторожно ступая, чтобы не создавать лишнего шума, купец добрался до другой стороны прохода. Неожиданно резкий звук, заставил гнома обернуться. По направлению к Крамвуду, не разбирая дороги неслись те самые гоблины, что обобрали его вчера.

Крамвуд узнал Готлага, одна рука гоблина висела как плеть, во второй он сжимал окровавленный меч. Поравнявшись с гномом, гoblin что-то крикнул, и не останавливаясь побежал дальше. Черда охотников пронеслась мимо, замыкавшая бегство дева, крикнула — Беги!!!

Не понимая, что происходит, купец развернулся и что есть мочи побежал следом за гоблинами, позади раздался хруст костей. Что-то огромное быстро приближалось к нему со спины. И без того перепуганный Крамвуд, припустил еще прытче, но неожиданно под ногами вывернулась берцовая кость, гном споткнулся и упал. Тут же вскочив на ноги, купец обнаружил, что подвернул стопу и теперь не может бежать. Тем временем хруст неумолимо приближался.

Чья-то рука настойчиво потянула Крамвуда в ближайший технический коридор. Он сильно прижался к стене, мимо пронеслось огромное тело, оно выдавило воздух в узкий коридор и опрокинуло гнома на пол.

Раздался оглушающий рык, сотрясший стены. Со стороны тракта донеслись звуки завязавшегося боя. Чудовище нагнало гоблинов, и теперь им приходилось туго.

Крамвуд с удивлением заметил, что его спаситель, необычная девушка гоблинов. Вытянув тонкую шею, она испуганно всматривалась в черноту прохода. Вскоре звуки битвы смолкли, послышался хруст костей пожираемых гоблинов. Один вскрикнул, но тут же умолк. Хищник засопел, втягивая воздух, жадно дегустируя его содержимое обонятельными рецепторами. Сопение становилось все ближе, сначала в воздухе повис запах металла и сладковато-удушливый шлейф тлена, затем появилась огромная голова с рядами тупых клыков, на которой горели глаза синевато-белым фосфоресцирующим светом. Огромные ноздри с шумом выдыхали воздух создавая воздушную волну, которая влажно обдавала, притаившихся в конце коридора беглецов.

Когда-то купец читал, что глубоко в недрах горы обитают анги, гигантские хищники. В той же книге утверждалось, что они боятся солнца и никогда не поднимаются наверх. Зверь, сопевший на той стороне коридора, полностью подходил под описание анга.

Огромная морда заполнила проход служебного коридора. Сопение резко оборвалось, раздался тяжелый удар, сотрясший стены по бокам. Крамвуд и девушка упали, негромкий вскрик тонкого голоса, вызвал еще больший напор хищника. Анг стремился втолкнуть свою неимоверно большую голову в слишком узкий коридор. Поняв, что добыча забила слишком глубоко, хищник принялся методично ударять наростами, которыми поросла голова зверя о боковые стенки коридора. Под ударами гиганта камель рассыпался в щебень, передними лапами монстр выгребал каменную крошку из коридора. С каждым ударом голова продвигалась вперед, становясь все ближе к своим жертвам. Почувяв запах свежей плоти, монстр утробно заурчал, его глаза на голове вспыхнули белым пламенем, и тут гном увидел, что это не глаза, а два огромных, светящихся пятна на безглазой морде. Сопение анга стало нетерпеливым, в нем появилось что-то плотоядное.

Забившись поглубже в тупик, купец напряженно искал путь к спасению. В голове всплыло, что у него есть флакон с отдушкой на случай нападения самы, хищника похожего на кошку. Но оставалось неясным подействует ли она на анга, да и количества отдушки хватало только на одного.

Голова зверя находилась уже в метре от них, Крамвуд достал пузырек и не задумываясь вылил его содержимое на девушку. Та удивленно вскрикнула и внимательно посмотрела на гнома. Время на объяснения не осталось, и Крамвуд толкнув девчонку в дальний угол, нанес удар кулаком прямо в морду анга. Пасть чудовища раскрылась, обнажив светящиеся ряды зубов, раздался оглушающий рев.

Сверху метнулась тень, она ловко скользнула в пасть хищника. Молниеносный удар короткого копья, снизу, в небо анга, оборвал рев. Голова взметнулась вверх, дождем посыпался щебень, анг попытался развернуться в узком коридоре, но гигантская туша намертво застряла. Зверь сам себя загнал в ловушку. Несколько раз жалобно всхлипнув, он тяжело упал, подняв клубы пыли.

Пыль осела, сверху, на голове анга сидел Готлаг. Глаза гоблина с уважением смотрели на перепуганного гнома. Длинное тело, по кошачьи легко спрыгнуло с туши, гоблин хлопнул гнома по плечу и что-то весело произнес.

— Много раз видел, как бьют морду, но, чтобы ангу, да еще безнаказанно в первый раз вижу — перевела девушка.

Гоблин подхватил ее и усадив на плечи ловко вскарабкался наверх, она доверительно прижалась к огромному телу охотника.

Позже сидя у костра Готлаг рассказал, как спрятался от хищника, для чего использовал экскременты калиоса, отвратительной вонючей животины, которой брезгуют даже такие безмозглые твари как анги. Подземным охотникам иногда приходится сталкиваться с такими чудовищами, и они знают, как с ними бороться. Оказалось, что анга нужно бить в пасть, там у зверя самое нежное место, и близко расположен мозг. Шкура же хищника не пробиваема, не зная этого многие молодые охотники гибнут, надеясь на прочность своего оружия.

Ярко горел костер, сложенный из останков воинов, павших много веков назад. После потрясений последних часов, никого такое кощунство по отношению к костям предков не смущало. От туши анга пришлось уйти, она привлекала хищников, меньших по размеру, но не менее опасных.

Гоблин потерял много крови и выглядел очень больным. Мощная фигура охотника осунулась, удлиненная голова втянулась в плечи, а тело начал бить озноб. Раненная рука безвольно свисала сбоку. Девушка осмотрела рану и прижав руку тихо запела, по лицу Готлага расплылась улыбка абсолютного блаженства, немного погодя гоблин уснул.

— Ты пленница гоблинов? Кто ты? Из какого народа? — спросил Крамвуд, почесывая в бороде.

Девушка звонко рассмеялась.

— Нет я не пленница. Я Мая.

Немного помолчав, девушка добавила.

— Я гоблин.

Не может быть! — пророкотал купец. — Я видел гоблинов и женщин, и мужчин, они совсем другие. Вот он гоблин, а ты нет! — купец указал пальцем на Готлага.

Мая подошла к костру и присела напротив Крамвуда.

— Обычно гоблины такие как Готлаг, но иногда среди нас рождаются особенные дети, подземные народы зовут нас шугул. Таких как я не много. И с каждым поколением нас все меньше, гоблины очень ценят Май.

— А что в вас такого ценного? Особенно для таких как они? Они же дикари — удивился

Крамвуд.

— Мы владеем секретом врачевания — недовольно морща носик, ответила Мая. — И мы не дикари — обижено добавила она.

— И что вы здесь делаете? — игнорируя обиду Майи, спросил Крамвуд.

— Мы бежим — тихо ответила девушка.

— Меня ведут в Огненный лес, а мой народ бежит.

— Почему?

— Наш дом наполнили жуткие звери, они поднимаются с самых глубин. И даже лучшие охотники не могут с ними справиться. Кто-то гонит тьму из-под земли. Страшно подумать, что может напугать таких монстров — взволнованно проговорила Мая.

— Странно, мы об этом ничего не знаем. Хотя я четыре года путешествую, за такой срок всякое могло случиться — с сомнением проговорил Крамвуд.

— Вы, живущие наверху, плохо знаете, что происходит в диких краях Штаары — ответила Мая.

— Возможно гномы что-то проглядели — задумчиво проворчал Крамвуд.

Купец вспомнил бесконечные споры сторонников открытой торговли, представленных «Торговой лигой» и поборников старины, склонных к самоизоляции, взявших название «Традиция камня». Представители обеих партий спорили так жарко, что иногда их споры перерастали в маленькие войны, которые приходилось усмирять при помощи армии. При этом и первые, и вторые плевать хотели на весь мир, как подземный, так и наземный. Все споры сводились к банальной дележке власти и денег.

Крамвуд как представитель молодого купеческого рода пока не имел права вмешиваться в политику, ему приходилось опираться на старые, знатные торговые дома. Молодого купца использовали кто как хотел, его товар плохо охранялся, ему доставались самые опасные направления торговли, наконец он мог торговать лишь тем, на что получал патент от своего торгового дома. Из-за жесткой регламентации доходы купца оставались нестабильными, в таких условиях шансов вырасти хотя бы до уровня представителя торгового дома, не оставалось совершенно никаких. На фоне сложностей с купеческим ремеслом, проблемы каких-то далеких подземелий, гному казались незначительными и преувеличенными.

Крамвуд всегда посмеивался над представителями партии «Традиция Камня», когда они на заседании Королевского Совета начинали произносить пламенные речи о необходимости увеличения затрат на армию. По мнению купца, армия гномов и так всегда справлялась с желающими порваться в закромах Танорта. И вот подишь ты какая-то напасть из-под земли, оттуда откуда гномы не могли и предполагать. Для подземного народа недра земли всегда являлись родным домом, и ничего кроме даров от своей родины трудолюбивые гномы не ожидали.

Усталость и гипнотизирующее пламя костра скоро сморили купца в глубокий сон.

Из сна Крамвуда выбросило резкое чувство опасности, кто-то тянул его за рукав рубахи. Гном вскочил на ноги, но Мая удержала руку купца. Приложив палец к губам, девушка кивнула головой в сторону дороги. Она потянула гнома вниз, пытаясь притянуть к земле. Крамвуд послушно опустил голову и прикинул ухом к камню. Ритмичная вибрация походного шага, отразилась от пола, так могла двигаться только тяжелая пехота гномов. Сердце купца сильно забилося в предчувствии близкого спасения. Гном попытался было подняться, но Мая продолжала настойчиво тянуть его к земле, губы девушки почти касались уха купца, слышался умоляющий шепот.

— Не надо. Не зови их, они убьют меня и Готлага.

Гоблин лежал тут же, беспомощно раскинув руки в стороны. Тело охотника горело в лихорадке. В голове купца мелькнула мысль: «Мое спасение станет концом для этих странных, но вовсе не плохих существ». Вечная война между двумя народами не оставляла сомнения в исходе встречи. С одной стороны, Крамвуд плевать хотел на гоблинов, но с другой, приключения, пережитые с ними, родили в его душе сердечную привязанность, особенно к удивительной девушке. Преодолевая желание попасть к своим, купец подавил крик, едва не сорвавшийся с губ, и еще плотнее прижался к полу.

Отряд гномов прошел мимо, оставив после себя стойкий запах немытого много дней тела. Странно подумал Крамвуд откуда в такой глуши солдаты гномов.

— Спасибо тебе. Я никогда этого не забуду — шептала Мая.

Купец лишь махнул рукой, он досадовал на себя за проявленную слабость. Сейчас Крамвуд упустил единственный шанс на спасение.

***

Мая приводила в чувства Готлага, ее особенный дар придал гоблину сил и уже через несколько минут поднял на ноги.

Сверившись с картой, группа двинулась в направлении заброшенного тракта. По нему Крамвуд планировал добраться до главной дороги. Путь предстоял не близкий, а места, окружавшие путников, таили множество опасностей, поэтому приходилось идти как можно быстрее.

Стук каблуков, подбитых металлом сапог, гулким эхом отдавался в окружающей кромешной тьме. Крамвуду удалось вернуть себе отобранные сапоги и теперь он бежал много бодрее. Слабый свет, исходивший от карты купца, не спасал, его хватало ровно на два метра вперед. За его пределами царил темнота, скрывая свои тайны от уставших путников. Они прошли треть пути, с каждым метром продвигаясь все медленней. Гоблин останавливался все чаще, ему требовался отдых. Да и гном, не смотря на привычку к длительным переходам, также ощущал гнетущую усталость. Сама местность как-то непривычно давила, словно сгущаясь вокруг путников.

Настороженно взглядываясь в темноту впереди, Крамвуд достал огниво, и недлинный кусок оглобли, подобранный им по пути. Ловкие руки гнома быстро соорудили факел.

Широкий круг света выхватил из темноты почти весь древний тракт, кое-где по обочинам валялись остовы разбитых телег, тут и там чернели пятна костровищ, оставленные их предшественниками. Приглядевшись, Крамвуд увидел едва заметное движение в темноте, вот на мгновение из мрака что-то блеснуло. Глаза подумал гном, и в этот момент в него впилась тонкая стрела. Потом еще и еще, рядом стрелы утыкали Готлага, он тяжело повалился на землю издав при этом странный булькающий звук. Гном краем глаза заметил, как маленькая фигурка пристроилась к огромному телу гоблина и лихо орудуя миниатюрным ножом отрезала ему голову. Через секунду булькающие звуки прекратились, маленькое существо громко издав победоносный клич с трудом подняло огромную, в сравнении с ним, голову гоблина, и стоя на теле поверженного противника, что-то громко крикнуло. Ноги гнома подкосились, тело сковала слабость. Стрелы проникли совсем не глубоко, и поэтому не могли его убить, но руки и ноги отказывались слушаться.

— Яд! — промелькнула мысль в затухающем сознании.

Очнулся Крамвуд от свербящего голову звука. Оглядевшись, он обнаружил, что висит вниз головой в странного вида коконе, надежно спеленавшем тело гнома до самой шеи.

Внизу темнел пол пещеры, на котором лежали чьи-то кости, в центре горел огромный костер, от которого исходил дразнящий запах печенного мяса. Вокруг гигантского очага прыгали несуразные, мелкие существа.

Сверху падали столбы света, наряду с костром они рассеивали крошечную тьму пещеры. Неподалеку бегала ватага мелких существ, они значительно уступали размерами тем, что танцевали возле очага. В руках у них белели берцовые кости. Существа играли в неизвестную гному игру черепом гоблина. Ловко ударяя по круглому своду черепной коробки, они гоняли ее между кучками костей, которые местные собрали в подобие небольших пирамидок. Маленькие существа тонко повизгивали от восторга. Судя по всему, их визг и вырвал гнома из забытья. Скосив глаза, купец обнаружил еще пять существ, они стояли неподалеку, опершись на дубинки грозного вида. Их тела отличались от остальных более развитой мускулатурой.

— Охрана — пронеслось в голове.

Заметив, что пленник пришел в чувства, охранник уставился на него огромными, немигающими глазами. Выражение глаз ничего хорошего не предвещало.

Крамвуд окончательно пришел в себя, поискал глазами девушку. Май нигде не было. Взгляд зацепился за пламя костра в центре пещеры. Там собравшись в круг, танцевали человечки. Они подпрыгивали, и крутились в воздухе, а их женщины делали непристойные движения бедрами, в такт ритму, что выбивали барабаны. В центре всего таинства стояла фигурка в маске, окруженной ореолом из костей. До гнома вдруг дошло, что вкусный запах жаренного мяса исходил от останков Готлага, приготовленных тут же, на широкой, каменной плите. Гоблина испекли целиком и обложив люминесцентным мхом, подали в качестве главного блюда. Голова Готлага возвышалась на шесте, о который опирался человек в маске. Рядом с ним голова гоблина, казалась угрожающе огромной.

Крамвуд попытался найти следы Май, но ничего похожего на останки девушки так и не заметил.

Неожиданно барабаны смолкли, и по сигналу вождя в маске вся толпа ринулась к телу гоблина. Хрипя и стеля, они рвали его плоть руками и тут же с отвратительным хрюканьем и рычанием пожирали. Маленькие не отставали от старших, те в свою очередь их топтали, и тут же, еще живых, рвали на части, жадно пожирая свежую плоть.

С началом всеобщей вакханалии охрана ринулась к камню за своей долей добычи. В этот момент Крамвуд почувствовал легкое покачивание, затем путы ослабли и тело гнома камнем упало вниз. От удара купец ухнул, достаточно громко, чтобы его могли услышать, но всеобщее безумие страшного пира полностью поглотило внимание маленьких существ. Оглянувшись, гном увидел тонкий силуэт Май, в руках девушки сверкал маленький золоченный ножик, эльфийской работы.

— Пошли — тянула за рукав девушка, приходившего в себя гнома.

Крамвуд уже поднялся на ноги, когда заметил, что на них пристально смотрит одно из маленьких существ. В руках оно держало большую берцовую кость, и несмело постукивало ею по голени своей ноги. Через мгновение существо издало тонкий пронзительный крик и неожиданно в пещере наступила тишина. Сверкнуло лезвие ножа, и существо выронило кость, занесенную над головой для удара. Жалобно попискивая, малец упал на спину. Сородичи умирающего бросились на пленников. В сторону гнома и Май полетели осколки костей и острые камни. Часть существ кинулась к костру подбирая на ходу луки. Некоторые уже рвали убитого Маей детеныша.

Девушка настойчиво тащила ошалевшего гнома к выходу из пещеры. Немного поплутав по коридорчикам и переходам, они вышли на главный тракт и бегом кинулись в направлении обжитых дорог. Свою карту гном в карманах куртки не обнаружил, приходилось ориентироваться по надписям на стенах. Они шли уже около часа. Ноги начали подкашиваться, сказывались последствия отравления. Погоня давно отстала, но страх, почему-то только усилился.

Сверившись с надписями, купец повернул в очередной коридор, и, они уперлись в тупик. Грязно ругаясь Крамвуд начал искать где же вкралась ошибка. В несколько минут гном вспомнил все повороты и спуски, по его прикидкам выходило, что они двигались верно.

Позади раздался знакомый писк, мелкие шли по их следу.

— Это ловушка. Уродцы перевесили таблички, чтобы завести их в тупик. Вот хитрые засранцы!!! — выругался про себя гном.

— Хрен вам, а не наши шкуры!!! — яростно прорычал Крамвуд.

Шум приближался. Повизгивание становилось все более нетерпеливым. Купец мучительно припоминал, что ему приходилось читать в старых книгах о эпохе Вадуана Огненная Борода, именно тогда гномы забросили эту часть железной выработки. Крамвуд ощупал стены тупика. Наконец один из камней щелкнул и легко подался под пальцами. Каменная панель отъехала в сторону. В глаза ударил яркий фосфоресцирующий свет. На стенах и потолке небольшой комнаты, переливаясь голубым, синим и зеленым во множестве росли лишайники. Их свечения с лихвой хватало, чтобы развеять мрак внутри помещения. Крамвуд забежал в комнату, и втащил за собой Мая. Тяжелая панель двери с трудом поддалась вперед, из темноты коридора засверкали огромные глаза мелких, со свистом полетели первые стрелы. Спрятавшись за дверь, Крамвуд навалился на нее, сухой щелчок известил о том, что створа встала на место, наглухо запечатав помещение.

Они оказались в подсобке горняков. Ряды казенных кроватей и огромный стол в центре зала, который окружали разбросанные в беспорядке стулья. Возле очага лежали остатки кухонной утвари. Выточенный из цельного куска камня сундук с припасами, расположился в углу, недалеко от двери. Тяжелый замок надежно сохранял его содержимое. С виду комната казалась необитаемой, но при этом блестела чистотой, странный лаковый налет делал ее идеально ухоженной.

Очаг еще грел, рядом журчала проточная вода, подведенная мастеровитыми гномами к помещению.

Вскоре натужно зафыркал, старый, пузатый чайник, оповещающая о том, что его надо снять с плиты. Пока гном возился с замком старого сундука, Мая достала из своего небогатого скарба несколько полосок вяленного мяса, и небольшой кусок сыра. Так и не открыв замок, гном с досадой пнул попавший под ноги стул. Подобрал две глиняные кружки, и наполнив кипятком поставил их на каменную столешницу. Девушка тоже присела к столу. Ели молча, сказывалась усталость прошедшего дня.

— Сейчас такой посуды и не найдешь — пробормотал Крамвуд. — Я такой чайник видел у своей прабабки, а она умерла шестьдесят лет, как тому назад — ткнул он толстым пальцем в чайник, блестящий крутыми боками в свете призрачной иллюминации.

— Давненько здесь не было гномов, когда-то тут добывали железо. Шахты иссякли и превратились в коридоры и технические каналы. Эта комната по идее секрет, для дальних экспедиций Каменных голов.

— Это звероватые гномы, одетые в железо, что рыщут по подземным дорогам в поисках кого бы убить — язвительно спросила Мая.

— Они не убийцы глупая женщина. Они герои, которые берегут покой Танорта, великой столицы гномов — назидательно оборвал Маю купец.

— И убивают другие народы — не удержалась Мая. — Или ты считаешь, что подземелья населяют только гномы? Поверь, кроме вас, еще много кто считает Тенафар своим домом. Гоблины, как и гномы, живут изначально в подземном мире.

Удивленно глядя на возмущенную девушку, гном попытался что-то ответить, но Мая его опередила.

— Знаешь почему мы оказались в этих пустошах, где за каждым углом скрывается угроза. Потому, что твои Каменные головы пришли и уничтожили наше селение — срывающимся голосом бросила обвинение Мая.

— Мы никогда не воевали с вами, а вы пришли и всех убили, даже детей — девушка заплакала.

Гном пожалел, что начал этот разговор, он знал, что в словах Майи есть правда. Воюя с гоблинами, гномы потеряли чувство жалости и принялись уничтожать все, что попадалось им на пути и хоть чем-то напоминало врага.

С другой стороны, и гоблины не были душками, они также вырезали целые городки простых ремесленников, постоянно грабили караваны, и уводили вглубь гор женщин.

Крамвуд махнул рукой и отошел к очагу, ему больше не хотелось спорить, он очень устал. Мысли о том, что они в ловушке не давали купцу покоя. Усталость и тяжелые раздумья сморили гнома, он так и уснул, сидя у очага.

Тишину ночи нарушил тихий щелчок. С протяжным скрипом отворилась крышка сундука. Поднимаясь все выше, она зависла в кратком равновесии, пока сила тяжести не опрокинула ее на стену. В полной тишине стук прозвучал особенно громко. Резкий звук вырвал Крамвуда из сна. Девушка, спавшая в противоположном углу комнаты, на самой дальней кровати, продолжала тихо посапывать.

— Вот это сон — изумился про себя гном.

Поднявшись со своего места, купец осторожно, словно кошка, пятился назад, не отрывая глаз от сундука. Руки Крамвуда шарили в поисках чего-нибудь, что могло послужить оружием. Неожиданно он зацепил стопку тарелок, и посуда со звоном рассыпалась по полу. Мая вскочила на кровати, и бессмысленно глядя сонными глазами, покрутила головой, пытаясь понять что происходит.

В сундуке раздался тихий шум похожий толи на свист, толи на шипение. Показались узловатые пальцы, они впились в край сундука. Черные с острыми ногтями, похожими на когти, они перебирали край каменного ящика. Спустя мгновение, тень похожая на истлевший саван, молниеносно вскарабкалась на стену, и застыла, источая удушливый запах разложения, от которого, кружилось в голове и спирало дыхание. Неестественно выгнув подобие шеи, и повернув к гному морду, тень уставилась на него провалами глазниц. Секунду висела напряженная тишина, они молча разглядывали друг друга. Затем снова послышалось тихое шипение. Тень метнулась к гному, словно планируя в воздухе она раскинула саван, руки и ноги твари причудливо изогнувшись распластались по бокам. Опустившись прямо перед Крамвудом тень принялась, удушливая вонь буквально валила с ног. В углу пошевелилась Мая, тень кинулась к девушке, она с ужасом и отвращением отпрянула в сторону. Злобно шипя, тварь налетела на нее обхватив саваном, как коконом.

Испуганный крик Май погас внутри чудовища. Крамвуд швырнул в тень стул, злобно шипя тварь метнулась к гному роняя Маю на пол. Гном успел хватить чудовище кулаком по морде, но образина, ловко извернувшись и грозно шипя обняла его. От воня Крамвуда повело. Истерично толкая тень изнутри, гном пытался прорваться наружу, тварь все сильнее сжимала объятия тонкого, но очень сильного тела. Крамвуд уже начал терять сознание, когда неожиданно почувствовал свежий воздух. Железная хватка ослабла, гном повалился на спину. Его взгляд уперся в гладкую поверхность потолка, который образовала гигантская линза горного хрусталя. Сверху, на той стороне линзы, в темноте, перемещались сотни горящих точек, то угасая, то вспыхивая.

— Стой, здесь не может быть светляков — медленно ворочал мыслями гном.

— Это... Это... Это же глаза! Глаза тех уродов, что чуть не сожрали нас — с удивлением отметил про себя Крамвуд. — Но они не на потолке, где же они? Они... они по ту сторону... Похоже сверху еще одно помещение, и мелкие используют его наподобие амфитеатра, где в качестве актеров жертвы, а примой выступает тень.

Резко поднявшись, гном покачнулся и упал на колени. С трудом преодолевая дурноту, он встал на ноги. В дальнем конце комнаты, вытянув перед собой руки стояла Мая. От девушки исходил белый свет, а тень как замороженная висела перед ней, безвольно опустив конечности. На спине твари красовались два прожженных пятна, как будто кто-то приложил раскаленные ладони к ее тонкому савану. Своя отверстия пробивал белый свет.

Выбив ногой дверь в чулан, гном искал что-нибудь, что могло помочь уничтожить тварь, но ленивый мозг медленно возвращался к действительности. Блеснуло стекло, откинув холстину, он обнаружил на полке банки с каменным маслом. Черный маслянистый цвет приятно отливало в тусклом свете комнаты.

— Где фитили? — с трудом собирая мысли проговорил гном.

— Ага вот вы где, мои родимые — с этими словами он выскочил из подсобики и запалив от очага фитиль, сунул шнур в склянку с тягучей жидкостью. Масло ярко вспыхнуло, Крамвуд швырнул банку в тень, но промазал. Горящее пятно разлилось по стене. На потолке послышалась возня и вопли восторга, толпа мелких безумствовала в приступе пиромании.

Грозное шипение тени, известило о том, что она увидела фейерверк, однако сдвинуться с места тварь не могла. Поджигая второй фитиль, Крамвуд видел, как Мая упала на пол. Тень метнулась к гному, разворачиваясь купец швырнул банку с нефтью, и она влетела в саван, потянув за собой чудовище. Тень привычно свернулась вокруг фляги, раздался оглушающий взрыв, две огненные струи рванули сквозь прорехи в саване.

Зрители наверху взорвались дикими воплями, мелочь улюлюкала, визжала и пищала на все лады.

Быстро сворачиваясь и разворачиваясь тень стремилась сбить пламя. Шипение перешло в пронзительный свист. Тварь металась по помещению ища спасения, затем кинулась к сундуку, и скрылась в его недрах. Крышка резко упала на место, раздался тихий щелчок.

Толпа сверху неистовствовала, мелкие стучали и топали с той стороны потолка, кто-то от эмоций тут-же испражнился. Писк, гам, грохот все сливалось в единый поток восторга.

Еще некоторое время слышался пронзительный свист, затем все стихло.

И вдруг оглушительный взрыв. Крышку сундука выбило, тяжелая плита подскочила к потолку и разбившись в мелкие осколки, осыпалась на пол дождем щебня. Хрустальную линзу прочертила сеть тонких трещин. Помещение заволочло едким дымом.

Крамвуд бросился к Мае, и подняв на руки помчался к выходу. Дверь отошла в сторону

и дым поволокло в коридоры, где смертоносный газ устремился вверх, уходя к вентиляционным шахтам. Пытаясь привести в чувства девушку, купец проглядел, когда к ним подобралась мелкая стереца. Короткий свист и маленькая стрела воткнулась в шею, гном упал и уже на краю сознания уловил вибрацию от тяжелой поступи бойцов Каменной головы.

Огонь весело плясал на поленьях, смолистый запах сосны густо разлился по каменным коридорам. Свет костра выхватывал сидящих вокруг гномов. Пак Свинопас, кряжистый гном, со злыми поросячьими глазками, вполголоса вел рассказ.

— Значит вхожу я в эту шахту, а оттуда на меня прет гарта. Глазищи красные, из пасти слюна брызжет, ну я значит не растерялся, щит в пол и копье вперед. Слышу, подошла...

Рассказчик оглядел сидящих вокруг костра, и немного выждав продолжил.

— Так я значит, слышу она затихла с той стороны. Думаю, что могло случиться? Неужели какая-то новая хитрость? Потом думаю ну нет слишком тупая эта скотина. Глянул в просвет, значит, а гарты нет.

Слушатели удивленно загудели.

— И куда она делась? — нетерпеливо спросил молодой гном с крупным носом, и витой бородой.

— Не встревай Орза — окрикнул молодого, седой гном с суровым лицом и кустистыми бровями.

Из всех сидящих у костра он выделялся богатством брони и оружия, а его щит украшал герб древнего рода Кеондов.

Молодой быстро глянул на седого, и испуганно опустил глаза.

— Гарта видать учуяла пещерного кабана, не успел я удивиться как услышал визг. Ну я и кинулся в соседний проход, а там гарта уцепила молодого кабанчика за ляжку и пытается когтями добраться до брюха свиньи. Ну думаю все хана кабану, но не тут-то было! Этот стервец хватил свободной ногой зверюгу по морде, и тут же вцепился ей в нос! Представляешь в нос гарту ха-ха-ха!!!

Гномы одобрительно загудели, Орзо сверкая крепкими зубами хохотал громче остальных, молодым залиvistым смехом. Звук общего веселья гулким эхом разнесся по туннелям. Седой строго взглянул на Орзо, покачал головой и отвернулся. Смех тут же оборвался.

— Так я нашел своего Хрюню — грустно закончил Пак.

Седой поднялся, обошел лагерь, и вернулся к костру.

— Вас слышно за версту, здесь мы еще находимся в королевских землях, но дальше нас ждут заброшенные копи. Поэтому тот, кто вздумает ржать как конь, пойдет в авангарде. В разведке всегда нехватка людей — седой зловеще улыбнулся.

Сидящих около костра передернуло, все знали жуткие истории о том, как бесследно пропадали разведчики. Они пользовались особым почетом, но уж очень мало жили.

Над костром повисло молчание, виновники выволочки напряженно переглянулись.

— Сегодня в ночь дежурят Орзо и Пак, первый Северный коридор, второй Западный — сурово проговорил седой.

— Но так нельзя, Кеонд — вступился за весельчаков черноволосый гном, с правильными чертами лица.

— Кто сказал, что я должен спрашивать молокососа, что мне делать? Мне плевать кем ты был до похода! Еще раз оспоришь мой приказ, останешься в коридорах один, и без оружия. А сейчас выдвигайся на перекресток, утром с докладом ко мне. Все ясно?!

Не говоря ни слова темноволосый поднялся и вышел из круга света. Броня тихо

позвякивала при ходьбе, на секунду блеснула сталь секиры. Гулко застучали кованные сапоги. Камень коридора далеко разносил каждый шорох, вскоре шаги стихли и над лагерем повисла гнетущая тишина. Гномы начали раскладываться для ночлега, выставленная охрана тихо переговаривалась.

К седому подошел коренастый гном, его латы носили следы многочисленных схваток, а рыжие волосы, схваченные в хвост, уже начали редеть на лбу. Лицо воина пересекал жуткий шрам, картину дополняла рассеченная губа, и рыжая, косматая борода.

— Торн прав Кеонд. Нельзя ставить две ночи к ряду одних и тех же. Это опасно — тихо сказал он седому.

— Сейчас мы находимся в жилой части королевства. Завтра выйдем в заброшенную. Ты сам знаешь, что там нас ждет. Так пусть молодые приучаются к дисциплине пока мы можем себе позволить ошибки — раздраженно ответил Кеонд.

— Конечно ты прав, дисциплина важна, но уставшие бойцы тоже беда...

— Сам видишь Ордо кого к нам присылают, что я могу сделать с зелеными юнцами, когда мне нужны опытные воины. Такое ощущение, что мы не элитный отряд, а гвардия короля — седой улыбнулся, вспомнив напыщенных гвардейцев усачей, в их сверкающих драгоценными камнями доспехах.

— Да нынче не помнят заслуг Каменных голов. Доспехи говно, оружие говно, даже припасы часто присылают протухшие. Куда мы катимся? Как королевство защищать? — сокрушенно покачал головой Ордо.

— Вот и я о том же. Дожили. Ладно малолетних присылают. Теперь начали еще и уголовников. Этот королевский сынок, обвиняется в покушении на жизнь короля, и его, вместо того чтобы казнить ссылают в мой отряд. Ну как тебе это? Мы элита армии, или каторжная команда?

— Кеонд не суди по тому, что говорят. Ты же знаешь, как это бывает. Мы с тобой ничего не понимаем, что там твориться, в столице, и кому этот молодец перешел дорогу. А наш король, как известно знатный интриган, и бессовестный торгаш. Ради выгоды не пожалеет и своего сына, тем более что у него их пять — рыжий с досадой сплюнул в сторону.

— Так то, оно так. Меня, пожалуй, больше раздражает его всезнайство, и этот петушиный наряд. Как можно идти в бой в такой броне? Это само по себе преступление?

— Да уж — старики заулыбались.

Привычная суровость на их лицах немного разгладилась. Воины еще немного постояли, глядя на пляшущее пламя костра, и разошлись. Ордо присел к костру, опытный воин не мог заснуть, зная, что дозор может проглядеть опасность, Кеонд спрятался в своей палатке.

Лежа на походной циновке Кеонд, также не мог уснуть. Последние годы бессонница стала его постоянной спутницей. Мысли о судьбе королевства, не давали покоя старику. Даност пришел в упадок, чутье старого воина подсказывало, что война близко, а армия превратилась в сборище мелких торгашей. Гоблины прут из сердца горы, орки постепенно теснят гномов Парны, их королевство почти пало, а от них прямая дорога до королевства Фоварг. Все чаще стали доходить слухи что орки заключили договор с гоблинами Мертвых городов, а это надо прямо сказать, может стоить королевству, залежей золота и серебра.

Совет старейшин давно просит короля предоставить помощь гномам Седых гор. Тем не менее Даин, посчитал, что экономически это нецелесообразно, вернее сказать, так посчитали выжиги из Торговой палаты. Этот сравнительно новый орган власти, сначала

служил лишь для внешних торговых связей, однако деньги принесли его членам политическое влияние, а позже и власть. В итоге Торговая палата, объединившая все значимые торговые дома гномов, негласно взяла на себя функции управления королевством. Сам факт передачи управленческих функций этому органу говорил об узурпации власти олигархией. И это обстоятельство возмущало, и пугало, куда больше полчищ гоблинов и орков. Старый воин понимал, что торгаши могут погубить королевство, продав его по сходной цене.

Звук рога вырвал Кеонда из забытья, прозвучал сигнал к бою. Секира привычно легла в мозолистые руки, старый воин кинулся к выходу из палатки. В свете костра мелькали какие-то тени. Некрупные силуэты пригибались к каменному полу галереи, время от времени они стреляли из луков по гномам, и тут же прятались в тень. Тактика знакомая, так нападают гоблины охотники. Кеонд кинулся обратно в палатку и схватив щит вернулся наружу. Не успел гном переступить порог, несколько стрел ударили в его щит. Впереди вырос плечистый гоблин, не думая Кеонд взмахнул топором и рассек нападавшего от шеи до пояса. Из рассеченных артерий с шипением вырвалась кровь, тело начало оседать на пол. Кеонд услышал шум шагов у себя за спиной. Четверо гоблинов вынырнули из-за палатки, они не успели заметить гнома и буквально налетели на его секиру. Взмах топора со свистом рассек воздух перед гномом, одного гоблина опрокинуло на палатку. Еще двое со стоном осели на пол, один схватился за рассеченную грудь, и истекая кровью издал истошный вопль. Другой пытался вернуть на место выпавшие кишки. Что-то глухо бормоча, он встал на четвереньки, и немного постояв упал на бок. Четвертый, умело перехватив копьё кинулся на гнома. В отличие от других собратьев этот гоблин двигался очень быстро и ловко, уходя от страшных взмахов тяжелого топора. Гном в свою очередь с необычайной для его возраста скоростью, избегал копья зеленокожего. Гоблин ткнул копьем в грудь Кеонда, тот быстро прикрылся щитом, и чуть развернув корпус, умело отвел удар в сторону. Потеряв равновесие, гоблин провалился вперед, и его копьё высекая искры заскользил по камню пола. Ударом кованного сапога, гном переломил древко и почти одновременно нанес удар сверху. Секира по топорище вошла в спину гоблина. Глухо застонав зеленый, распластался на полу, Кеонд рванул топор, кровь брызнула из раны. Сверкнул кривой кинжал, лезвие скользнуло по щиту. Зло шипя, на гнома прыгнул охотник гоблинов, в пылу сражения Кеонд проглядел его. Со свистом секира рассекла воздух, непропорциональная голова гоблина глухо ударившись о пол откатилась в костер, где, источая смрад старого сала и паленной плоти зашипела на углях.

Через пол часа бой закончился, несколько охотников успели скрыться во тьме заброшенных галерей. Как сообщил гоблин, которого взял в плен молодой гном со смешным именем Пити, группа разведчиков двигалась впереди большого отряда, примерно в пяти часах пути. После допроса Ордо привычным движением скрутил пленному шею. Кеонд приказал собираться в путь. Командир торопился успеть к перекрестку Хидана, где планировал организовать засаду.

***

Засада у перекрестка Хидана удалась. Вопреки принятой у подземных охотников тактике, неожиданное, быстрое нападение, за которым следует стремительное отступление, гоблины стояли насмерть. У Кеонда возникло подозрение, что зеленые кого-то защищают. Несмотря на приказ командира, никого не выпускать, гномы все-таки прозевали маленький отряд во главе с огромным гоблином. Отряд сбежал, пользуясь неразберихой сражения.

Кеонд устроил разнос молодым воинам. В самый разгар выволочки, командир услышал вопли, идущие из заброшенного коридора. Кеонд пошел на звук, воины потянулись за командиром. Из бокового тоннеля навстречу отряду, не спешно вышел черноволосый гном, тот самый, что получил отповедь Кеонда накануне. С видимым усилием Торн волочил кого-то за собой, из-за спины воина неслись грязные ругательства на гортанном наречии гоблинов.

— Торн, кого ты там тащишь? — раздражено спросил Кеонд. — Да заткни ты его уже, а то на его вопли сейчас сбегутся все твари, обитающие поблизости!

— Не могу, это ценный трофей — весело улыбаясь проговорил молодой.

Наконец они вышли на свет и Кеонд смог разглядеть пленника.

— Шаман? — удивленно протянул командир. — Странно, ведь он мог спокойно уйти пока шла битва.

— Кого вы привели? — сурово спросил Кеонд, у пленного.

Несмотря на неминуемую гибель, зеленый держался дерзко.

— Вы не знаете, что вас ждет глупые коротышки — прокрипел морщинистым ртом, шаман. — За нами идет армия, воинов в ней так много, гном, как волос в твоей бороде. И ведет их Великий Кшидаг. Великий вождь разрушит ваши города, а улицы зальет кровью ваших жен и детей.

От удара в челюсть шаман повалился навзничь. Кеонд наклонился над оглушенным им гоблином и процедил сквозь зубы.

— Может так оно и будет, но пока, что ты пленник. Спасибо за предупреждение, теперь мы знаем, что опасность куда серьезнее чем нам казалось. И поверь мы постараемся подготовить Кшидагу добрую встречу.

— Ха-ха-ха — рассмеялся гoblin. — Кшидаг идет не один глупый гном. За ним идут древние, и вам не по силам их остановить.

— Древние, молодые для нас это не имеет значения. Твоему Кшидагу не повезло, он встретиться с отрядом Каменная Голова. Думаю, тебе не надо рассказывать кто мы такие? — спокойно произнес Кеонд, пристально глядя в глаза шамана.

Шаман испуганно за озираясь, казалось, он вдруг осознал всю серьезность положения. Перед его глазами пронеслись картины разрушенных поселений и пещер, забитых телами мертвых гоблинов. Вспомнились жуткие истории, слышанные еще в глубоком детстве от бабки Имы, в которых наряду с настоящими монстрами всегда присутствовал гном-садист, и неизменно из отряда Каменная голова. Гoblin сник, замкнулся, зеленная кожа шамана посерела.

— Кого вы вели, и куда шли? — повторил вопрос Кеонд, ледяным тоном от которого в жилах стыла кровь.

Шаман неожиданно загудел, и на низкой ноте резко оборвал, после чего упал замертво.

— Черт, не успели! Уснул гад. Ну ничего ты от меня не уйдешь — зло процедил Кеонд.

— Собери отряд в десять человек и срочно выдвигайся к Танорту. Сделай все возможное, но доставь Внутреннему Совету этого шамана. Похоже он знает намного больше, чем нам говорит. Пусть специалисты Бента развяжут ему язык — приказал Кеонд, Ордо.

— Кеонд, что за спешка, чем тебя напугал зеленый? — возмутился Ордо.

— Шамана я не боюсь, а вот то, о чем он говорит меня беспокоит — задумчиво произнес Кеонд.

— Неужели дожив до седины ты веришь в детские сказки? — удивился Ордо. — Ведь это

и ребенку ясно, шаман под грибами. Он тебе еще и не таких баек порасскажет. Не глупи Кеонд оставь меня в отряде, отправь кого-нибудь из молодых — Ордо дружелюбно улыбнулся, настолько насколько позволяла его безобразная рожа.

Командир задумался, однако спустя мгновение повернулся к Ордо и наклонившись к старому другу, тихо проговорил.

— Нет, чутье мне подсказывает, это не просто бред. Все серьезнее, поэтому надо идти тебе. Только на тебя я могу положиться. И надо его доставить, — он указал на пленного гоблина, — как можно быстрее.

— Но ты остаешься один. В твоём отряде совершенно нет опытных воинов, одни молокососы. Кто возьмет командование если с тобой...?

— Поверь Ордо, сейчас не важно, что будет с отрядом, или со мной. Намного важнее понять, что правда в болтовне гоблина, а что бред, поэтому не пытайся меня переубедить. У тебя на сборы полчаса.

Ордо покачал головой глядя на удаляющуюся спину командира, почему-то ему казалось, что он видит старика в последний раз.

Перед выходом Ордо подошел попрощаться. Кеонда он застал в глубокой задумчивости. — Что с тобой старина? — спросил ветеран, присев напротив командира.

Кеонд отвел мутный взгляд от огня, проморгался и протянул Ордо пергамент, густо исписанный рунами.

— Отдай это моей Оли, когда будешь в столице.

Еще немного помолчав, он крепко хлопнул товарища по плечу, и бодро пробасил.

— Ну ладно пора выдвигаться, как только станет ясно, что за противник к нам идет, пришлю воина с донесением.

— Все сделаю, как просишь — ответил Ордо. — Как только доставлю пленного, сразу к вам, обратно! Где вас искать?

Кеонд нахмурился, и тихо сказал.

— Не надо, не ходи за мной. Постарайся убедить короля, что опасность очень серьезна. К нам идет враг в таком количестве, что придется напрячь все силы, чтобы отстоять свой дом. Если зеленные прорвутся останови их в ущелье Хонса Ювана. Там очень узкий проход, а в обход путь не близкий, обойти вас не смогут. В такой тесноте их Кшидаг не сможет использовать все войска сразу или зайти к вам в тыл, там количество воинов потеряет свое значение. Ладно, пора, да бережет тебя камень.

Ордо махнул головой в знак согласия.

— И тебя мой друг.

***

На следующий день отряд гномов вошел в Риен. Кеонд старался обходить заброшенные поселения, но закончилась свежая вода, поэтому отряду пришлось войти в сумрак мертвого города. Миновав раскрытые настежь ворота, с присущим только гномам грохотом, отряд вышел на центральную площадь. Ратуша тут же превратилась в казарму, разведчики разбрелись по городу. Кеонд расположился в зале Городского Совета, окна которого выходили на торговую площадь позади здания. Он выглянул наружу, и секунду спустя уже сбегал вниз, к воинам.

Отряд вышел на площадь в боевом построении, гномы настороженно вслушивались в гнетущую тишину, нависшую над могильником. Останки павших воинов, купцов, нечаянно забредших в город, и вездесущих горняков сильно изуродованные, и перемешанные какой-то

неведомой силой, устилали площадь. В центре, возле тихо гудящего монолита, их скопилось особенно много. От обилия цветов и форм рябило в глазах. Здесь лежали воины разных эпох, доспехи и оружие позволяли увидеть всю историю развития кузнечного дела гномов.

Разбившись на небольшие группы, воины обследовали близлежащие строения, и не обнаружив угрозы, бодро взялись за расчистку площади. Затрещали погребальные костры, поглощая останки павших. Вещи покойных раздали бойцам, тут нашлось несколько доспехов из редких металлов, и пара образцов уникальных клинков.

— Надо же из Изумрудных холмов — удивлялся Торн, разглядывая меч. Он повернул лезвие, и дорожка света прочертила металл, с золотым отливом. — Арихалк! Но откуда он здесь? Это же оружие королей. Если только — гном внимательно всмотрелся в руны, идущие вдоль ребра жесткости. — Да это же, Гунвор Тархед, сын короля Изумрудных Холмов.

Орзо удивленно смотрел на золотую сталь, такой ему еще не приходилось видеть. — А кто он, этот Гунвор Тархед? — спросил молодой гном.

— О это известный авантюрист. Странно что ты этого не знаешь...

— Я сын кузнеца, нас не учат читать — смущенно пробормотал воин.

Торн понимающе покачал головой.

— Ну да, забыл, что дымный квартал, никогда не славился образованием. Тогда слушай. Гунвор известен в первую очередь как искатель приключений, неутомимый борец с орками и гоблинами. Все свои подвиги он совершал мечом из редкой стали, не раз удивительный клинок спасал ему жизнь. Затем герой пропал, точнее сто тридцать четыре года назад. Говорили, он ушел в глубинные земли, и вот как оказывается все повернулось. По легендам, дошедшим до нас, известно, что последний поход он организовал в Валдагард, Гунвор искал золотой город, построенный богами в сердце горы. Затем он исчез, и до сих пор считалось, что на всегда.

— Жаль, мы даже не знаем, как он погиб — отозвался Орзо.

Молодежь радовалась неожиданно свалившемуся трофею, а старики приуныли. Опыт подсказывал, что такое богатство не может лежать без присмотра. Мысль о том, что эти сокровища, кто-то охраняет, пугала. А охранять было что.

Множество драгоценных камней и золота, где кучками, где в россыпь усеяли площадь. Невдалеке толпились телеги торговых караванов, проездом застрявшие в городе. Наряду с обычным товаром в телегах обнаружили дорогие ткани, редкие масла, в одной оказались даже эльфийские зеркала, товар, ценившийся у гномов дороже золота. Найденные богатства сложили в городской сокровищнице, выставив у ее дверей надежную охрану. Вернулись разведчики, все как один докладывали, что в городе спокойно. Но старый Кеонд опасался неожиданного нападения гоблинов, поэтому выставил удвоенные караулы. Несколько отрядов пошли по городским улочкам, патрулируя мертвый город.

Ночь прошла в полузабытьи, с трудом спустив ноги с кровати Кеонд поплелся к умывальнику. Мучимый бессонницей, командир потерял легкость движения, тело стремилось к земле, точно налитое свинцом. В открытое окно долетал гомон толпы, быстро одевшись командир вышел на парадное крыльцо. Возле обелиска собралось много воинов, гудящий звук монолита, стал очень низким, затем резко оборвался. Гномы, стоявшие близко к светящемуся камню, повалились на землю. На мгновение тишина оглушила, и Кеонд понял, что его головная боль, это вовсе не последствия бессонницы, а усталость от монотонного низкого звука, исходившего от вибрирующего камня. Рядом взревел боевой рог, кто-то опомнился, и призывал к оружию. Сигнал вернул Кеонда к действительности, он

принялся раздавать команды. В несколько минут оставшиеся на ногах воины выстроились в каре. Гулко чеканя шаг квадрат двинулся к обелиску, площадь вздрагивала под мерным шагом облаченных в железо воинов. Ряды дошли до потерявших сознание, их начали оттаскивать за построение. Минуты тянулись бесконечно медленно. Выставив щиты, и ошестинившись копьями в сторону обелиска, гномы ждали появления врага.

Камень растворился, в том месте, где находился монолит теперь дрожало марево, размывая строгие очертания каменного храма, выросшего по другую сторону. Джунгли почти поглотили строение, сильно подточив некогда плотно пригнанные блоки, слагавшие стены. Мощенная дорога, прямая как стрела, упиралась в парадный вход храма, надежно запертый огромными воротами из черного металла. Путь, в который, охраняли две статуи исполинского размера, с длинными носами, свисающими почти до пояса, и острыми бивнями, ошестинившимися в сторону каре. Один держал булаву с шаром на конце, второй причудливый веер, на длинном шесте. Головы великанов венчали тиары, а тела покрывала искусно вырезанная в камне броня.

— Слоны!!! — кто-то крикнул из первого ряда.

От храма отделилось, что-то, что, грациозно раскачиваясь, и легко касаясь земли, двигалось к гномам. В движении и очертаниях видения угадывалось женское начало. Женщина плавно приблизилась к мареву, разделяющему два мира. Сквозь мерцание преграды гномы разглядели ее лицо, на воинов смотрела уродливая личина демона.

Движения женщины четко выверенные и в то же время мягкие и плавные, рождали ощущение какого-то странного танца. Она остановилась на грани марева, затем скользнула на площадь мертвого города, и застыв, вгляделась в стройные ряды гномов. Мгновение спустя также не торопясь развернулась в пол оборота, и равномерно раскачиваясь начала танцевать на месте. Гномы опустили щиты и завороченно глазели на дивную танцовщицу. Руки незнакомки начали плавно двигаться по бокам, постепенно выбрасывая цепи. Звеня, они падали на пол, сворачиваясь кольцами подле ее ног, точно змеи готовые атаковать в любой момент. Танец сломался, его плавность сменили скупые, едва заметные движения. Цепи описали дуги и взвившись в воздух загорелись багровым огнем. Воздух наполнил запах раскаленного металла, петли закрутились, постепенно становясь все шире. Танцовщица двинулась в сторону гномов, вырастая над подземниками, как высокое, гибкое дерево. Завораживающее действие приближалось все ближе, стал ощущаться запах серы, лик девы обезобразила плотоядная ухмылка. Губы что-то зашептали, а глазницы, в которых не было ничего кроме тьмы вдруг, озарились пламенем.

Прозвучал окрик командира, и воины встрепенулись. Шеренги подобрались, щиты с клацающим звуком схлопнулись в единую стену. Гипноз зрелища исчез, теперь пришло чувство ужаса, многие молодые гномы попятнулись, забыв о чести.

— Сомкнуть щиты, плотнее сбить правый и левый фланги!!! — проорал седой полководец.

Плавный танец вновь сломался, и танцовщица буквально влетела в ряды гномов. Гигантские цепи крушили броню, и щиты, раскидывая перепуганных воинов, и нещадно обжигая попавших под их тяжесть. Пламя стекало и разлеталось каплями расплавленного металла с цепей.

Минутная паника, уступила место слаженному действию воинов. Гномы окружили деву и начали сжимать стену щитов. Пробившийся к танцовщице Кеонд, вовремя поднятым щитом, едва успел закрыться от куска раскаленной цепи, летевшего ему в грудь. Увидев, что

ее окружили дева, принялась вращаться вокруг своей оси, раскинув руки с цепями. Со страшным свистом, горящие цепи, сокрушали гномов. Воины побежали, ища спасения от беспощадного металла.

— Строй!!! — скомандовал Кеонд.

Воины подчинились, и старательно прикрываясь щитами, вновь выстроили каре. Страшные удары неустанно сыпались на плиты городской площади, высекая снопы искр, и разбивая камень в щебень. Капли раскаленного металла разлетались на сотни метров вокруг. Кеонд нырнул за линию поражения цепей, и оказался в плотную к чудовищу. Отбросив щит, он двумя руками обхватил топор, и резко нанес удар, способный рассечь пополам кабана. Женщина качнулась, уходя в сторону, и одновременно обрушивая цепи на Кеонда. Топор глухо звякнул об пол, командир осел на колени. Тварь наклонилась, заглядывая в его глаза, в голове командира пронеслось: «А шаман не лгал!». Все завертелось, и Кеонд рухнул замертво.

Тело командующего только коснулось камней площади, когда раздался оглушающий визг. Тварь конвульсивно задергалась, тонкие руки беспорядочно заколотили цепями, от их ударов задрожали стены окружающих домов. Чудовище медленно опускалось к земле, одна рука танцовщицы уперлась в пол, другая ловко схватила гнома и поднесла к жуткой личине. Гном даже не пытался вырваться, он застыл, вытаращив от ужаса глаза на отвратительную харю, которая теперь находилась от него на расстоянии вытянутой руки. Горящий взгляд впился в наглеца, зазвенел голос многократно отражаясь от стен. В помещение потемнело и раздался грохот, ударная волна разметала гномов. Огромное тело рухнуло на плиты площади, к своду пещеры взметнулся столб пыли.

Отряхиваясь, воины поднялись с земли. Преодолевая страх, гномы окружили гигантское тело. Чудовище лежало неподвижно, в вытянутой руке брыкался молодой воин, пытавшийся освободиться от мертвой хватки сведенной судорогой длани.

— Хельм? Как ты ее? Чем? — изумился Вильм Жила.

После гибели Кеонда он принял на себя управление отрядом, как старший по званию.

— Повезло — раздраженно ответил убийца девы, он все еще пытался освободиться от железной хватки огромной руки.

— Чем ты ее хряпнул? — не скрывая восхищения спросил Вильм.

— Это меч — парень указал на клинок болотного цвета, все еще торчащий из бока поверженной твари. Жила подошел, и с усилием вынул клинок, из тела жуткой девы.

— Удивительно — протянул он, осматривая меч. — Я ни разу не встречал такой металл, да и работа... Такое ощущение, что его не ковали, а... Да точно, тебе говорю, его отлили.

— Может эльфы? — предположил Ари Адоксон.

Расталкивая собравшихся зевак, он подошел к Жиле.

— Откуда он у тебя парень?

— Нашел. Тут лежал воин, ну, когда мы собирали костяки. Этот был у человека, судя по скелету — смущенно ответил Хельм.

— Какой необычный металл, это точно не эльфы. Эта вещь не из нашего мира — заключил Ари.

Мнение опытного воина, служившего когда-то в королевских кузнях, привело в волнение гномов. Воины теснили друг друга, стараясь подобраться поближе к удивительной находке.

Жила вернул клинок Хельму, и обошел тело монстра. Пнул деву ногой и сплюнул. Тут

же лежал Кеонд. Судороги уже затихли, и выражение покоя легло на бледное лицо погибшего.

Подошел Ари, присел возле командующего, потрогал шею, а затем приказал отнести тело в дом. Кеонда подняли на носилки. Отряд снял шлемы, и поприветствовал командующего высоко поднятой рукой, сжатой в кулак.

Вечером Хельм рассказал, что случайно оказался позади девы, да так удачно, что когда чудовище отпрянуло от топора командующего, то налетело на его выставленный меч. Случай спас гномов, даровав победу над страшным врагом.

Всю ночь умирали раненные, от их криков сон бежал прочь. Утром захоронили скончавшихся, устроив склеп в одном из домов. Успели выбить даже памятную табличку, с именами погибших и описанием подвига, совершенного отрядом.

— Молодой тебя зовет Жила — тронув Хельма за плечо, проговорил Браг Рыжая Борода, пожилой воин, с седой копной волос, и медно-рыжей, витой бородой в три конца.

Жила встретил Хельма на крыльце дома, днем ранее служившего резиденцией Кеонду. Гном сидел на ступенях, заметив Хельма он махнул рукой указывая подле себя.

— Садись! Да, сядь же! — нетерпеливо проворчал Жила, видя нерешительность молодого воина.

— Сегодня ты и еще двое пойдете в храм — он указал на огромное каменное строение, на той стороне прохода. — Надо разведать обстановку. Вдруг там еще одна такая же — он кивнул в сторону тела жуткой девы.

Хельм тяжело посмотрел на него, встал со ступеней, и не говоря ни слова, пошел в лагерь. Жила, глядя ему во след чертыхнулся, он знал, что посылает бойцов на верную смерть.

***

Нехотя и явно колеблясь, гномы выдвинулись в сторону призрачной стены. Немного постояв возле прохода, стараясь увидеть или услышать хоть малейшие признаки движения на той стороне, отряд перешел зыбкую грань. Лишь сухой треск от разрядов электричества, да запах озона сопровождали воинов, пока гномы переходили на ту сторону барьера.

Ощущение покалывания и холода, окружавшее разведчиков, пока они проходили через марево, исчезло, едва они вышли в неизведанный мир. Тишина сменилась гомоном птиц, так непривычно резавшим ухо подземных жителей. Какофония звуков буквально оглушала.

— Теперь тихо — по чему-то шепотом скомандовал Хельм.

В голове зашумело от накатившего жара. Тропическая влажность, делала свое дело, отяжелевшие воины, медленно продвигались вперед. Вместе с тем явно поубавилась тяжесть доспехов. Гномы стали легче, и, если бы не жара двигаться было бы много легче чем в их родном мире.

Немного пообвыкнув, воины выпрямились в полный рост и быстро зашагали к огромным воротам из черного железа. Во всем теле ощущалась такая сила, что казалось прыгни они вверх, то могли бы достать до макушек самых высоких деревьев, плотно обступивших дорогу к храму.

Шаги гулко отдавались, и рассыпались по округе. Изваяния слонов с человеческими руками, восседали в позе лотоса по обе стороны от гигантских ворот. Величественные стражи бесстрастно взирали на маленьких гномов, что стояли внизу в священной робости взирая на удивительное мастерство зодчих, когда-то выстроивших храм. Под напором гномов огромные ворота с трудом поддались. Железный скрип разнесся по округе, переполошив птиц. Ворота не открывались много лет, да и вокруг храма, царило запустение. Само строение поросло лианами и деревьями.

Удар кресала, всплеск искр, и наконец неровное, осторожное пламя заиграло на конце факела. Жидкий круг света вырвал из темноты три коренастые фигуры, в блестящих латах.

— Что это?! — выдохнул Фротар Инель. Молодой темноволосый гном, с бородой,

заплетенной в две косы. Его глаза заблестели от увиденного великолепия.

Внутреннее помещение храма терялось за пределами круга света, освещался лишь небольшой участок около входа, но и этого оказалось достаточно чтобы у гномов перехватило дыхание. Ряды точеных колон поражали мастерством исполнения, на стенах виднелись фрагменты гигантских фресок. Изображения животных, очень схожих с земными, удивляли человеческими пропорциями. Большинство изображенных, носили причудливые одежды, батальные сцены перемежались пасторальными, все говорило о высокой культуре обитателей неизведанного мира.

Продвигаясь далее отряд обнаружил, еще несколько рядов резных колон, а также огромный алтарь. Выполненный столь же искусно, как и колонны.

На высоком, изукрашенном искусной резьбой постаменте покоилась статуя той самой незнакомки, что они накануне уничтожили. Статую изваял поистине великий скульптор. Настолько точно передавались, динамика ее движения и черты присущие чудовищу, вплоть до мельчайших деталей. Все за исключением лица. Вместо безобразной личины на гномов смотрело красивое лицо молодой женщины. Хельм буквально застыл на месте пригвожденный внимательным взглядом, насмешливо улыбающихся глаз. Вроде камень, но на секунду, гном совершенно четко увидел улыбку на лице статуи. По губам пробежала усмешка и тут же исчезла, глаза моргнули, и уже бездонные черные ямы уставились на Хельма. Не в силах что-либо сказать, гном упал на колени, и остался стоять на них задрвав голову, точно боясь потерять глаза статуи.

— Я же тебя предупредила, маленький гном! Зачем ты пришел ко мне? — Хельм с трудом разжал губы и со стоном, едва слышно произнес.

— Прости дева! Нас заставили! Отпусти! Я не хотел тебя убивать ... — повисла тишина, и вот гном снова залепетал.

— Отпусти нас — чуть не плача просил мужчина.

— Ну что же ты так испугался? Не торопись. Ты только пришел и сразу же убегаешь. Вы для меня самые дорогие гости, я не могу вас отпустить. Ты меня обидел, а обиды я не забываю — кокетливо наклонив головку ответила статуя. — К тому же я так голодна, а вы так редко заходите — дева расхохоталась. От высокого смеха завибрировали колонны и на манер музыкальных струн заиграли в ответ искрящуюся мелодию.

Пораженный Хельм оглянулся, и вдруг осознал, что его тянет за рукав Фротар Инель.

— Хельм, здесь что-то не так, надо бежать ... — Фротар договорить не успел. Гном взлетел над землей, его тело с хрустом выкрутило как половую тряпку, из многочисленных ран брызнула кровь. Воин не успел даже вскрикнуть, как его поглотил темный туман, начавший приобретать черты девы. Второй спутник Хельма кинулся в раскрытые ворота. Створы с грохотом захлопнулись, ноги беглеца отлетели внутрь помещения, голова и тело остались снаружи. Дева еще наполовину бесплотная двинулась к Хельму. С грохотом упали на пол жутко исковерканные доспехи Фротара. Хельм заметил внутри изломанные кости погибшего гнома. С диким воплем он кинулся на деву, ее глаза с удивлением уставились на проткнувший тело меч. Покачнувшись, призрачная дама оступилась и начала таять.

— Надо же второй раз! — с удивлением выдохнула женщина, окончательно превращаясь в туман.

— Ну погоди мерзкий гном, ты узнаешь месть Алит! — прошипело едва различимое лицо прекрасной женщины, обезображенное неукротимой злостью.

Хельм отступил, споткнулся на ровном месте и упал на задницу. Меч со звоном

покатился по гладко отполированному полу. Гнома бил озноб, он перестал ощущать ранее мучавший его зной. Чертыхаясь Хельм поднялся и шатающейся походкой направился к выходу, и только тут заметил, что зала освещена ярким светом, который изливался из изящных светильников, расположенных по стенам и на своде здания. Воин толкнул гигантские ворота, но створы не шелохнулись. Силы покинули гнома, он сел на пол и прислонился к воротам спиной. Усталость взяла верх, и Хельма сморил сон.

Проснулся гном от того, что кто-то нежно, но настойчиво тряс его за плечо. Открыв глаза, он с удивлением увидел милую зверушку похожую на лису, но только с белой шерстью и человеческим телом, которое покрывал мех. Улыбаясь, лиса кивнула головой, приглашая следовать за собой.

— Кто ты? — спросил Хельм, с интересом разглядывали зверушку. Каким-то внутренним чутьем он совершенно четко понимал, что перед ним зверь именно женского пола.

Лиса тем временем грациозно махнула пушистым хвостом, и настойчиво потянула гнома в противоположный конец храма. Подчинившись ее воле гном, пошел через бесконечный зал, с изумлением осматривая окрестности. Статуя исчезла, на постаменте вместо девы теперь лежала роза, выкованная из железа. По ее поверхности еще бегали искры, точно она только что вышла из-под молотка мастера. Пыль, садившаяся на поверхность кованного цветка, тут же испаривалась искрами, поднимаясь высоко к потолку.

Хитро улыбаясь лиса, привела гнома к небольшой нише и легко нажав на один из многочисленных завитков густой растительности, покрывавшей узором свод ниши, открыла потайную дверь. Пройдя внутрь, они оказались в крошечной тьме. Пришлось идти на ощупь, Хельм споткнулся о какую-то стойку, с нее что-то упало и со звоном покатилося по полу. Гном рухнул вперед, матерясь воин пытался подняться, руки нащупали, что-то продолговатое и холодное. Лиса тронула его хрупкой рукой-лапкой, и ухватив за ладонь потянула дальше в темноту. Хельм машинально сунул предмет в поясной карман, и последовал за спасительницей. Полчаса они спускались и поднимались, пока наконец не остановились. Зверек отпустил руку Хельма и исчез. Гном терпеливо ждал, теряясь в догадках. С тихим шелестом в сторону отошла еще одна потайная дверь. В глаза ударил яркий свет, но не солнечный. Свет трех лун заливал джунгли, придавая пейзажу загадочный вид.

Деловито покачивая бедрами лиса, провела Хельма к известной ему дороге, и указала в сторону огромной арки. Затем поднялась на цыпочки и лизнула розовым язычком гнома в губы, при этом лукаво взглянув в глаза воина. На секунду ему показалось, что он уже видел этот взгляд, но лисичка отвернулась, и взмахнув белоснежным хвостом скрылась в придорожных зарослях.

***

Более часа Хельм пытался найти скрытую кнопку или потайную дверь. Убедившись, что таковых нет он сел напротив арки и принялся разглядывать барельефы, украшавшие поверхность строения. Вырезанные в камне узоры изображали какое-то празднество, гибкие тела танцующих дев, и процессию радующихся полузверей, полулюдей. Особенно необычно смотрелись флейтисты. Несколько козлоподобных существ, подсакивая и кружась в такт музыке играли на маленьких флейтах. Рядом выплясывали длинноногие лани, и крутобедрые буйволицы, подняв в руках тамбурины с вплетенными в них цветными лентами.

Ночной лес ожил, вокруг, что-то сопело, топало и протяжно завывало. Кто-то с треском

пробирался через джунгли. Чужой мир жил своей жизнью, не обращая внимания на незваного гостя. Утренний туман выполз из придорожных зарослей, и стал подбираться к почти погасшему костеру. Гном спал глубоким сном, сидя на доспехах и опершись обеими руками на меч.

Дом, вот его комната, там в кресле сидит отец. Голова опущена, волосы ниспадают на лицо так, что Хельм его не видит.

— Я погибаю — не глядя на сына произнес Крамвуд.

— Отец я не знаю, как вернуться! — простонал в ответ Хельм, чувство беспомощности овладело всем его существом.

Отец медленно протянул руку, и разжал кулак. На его ладони лежала звезда, от нее исходил мягкий свет. Ласковое тепло наполнило Хельма, пришло успокоение и уверенность. Грустный, тягучий мотив заиграл в голове воина, он словно звал за собой. Гном растворился в звучании мелодии. Музыка начала меняться, это вовсе не мелодия, это голос, женский голос, он волновал и вел за собой. Повинуясь зову Хельм плыл над землей, в голове прозвучали слова.

— Музыка твой ключ! — от звука голоса Хельма выкинуло из сна.

Ошалело глядя вокруг гном, не мог понять, где он. Лишь спустя некоторое время в голове всплыли события предыдущих дней, вперемешку с фрагментами чудесного сна, посетившего Хельма этой ночью.

— Как все это странно. Будто наяву — думал гном. — Что значит музыка твой ключ? — бормотал он, обшаривая карманы в поисках своей трубки.

Вместо трубки попались кресало, и оселок, затем он нащупал продолговатый предмет.

— А это здесь откуда? — удивился Хельм вытаскивая находку.

В его руке лежал вытянутый цилиндр, с несколькими дырочками, расположенными вдоль тела. Он покрутил его, не веря глазам.

— Да это же дудка! — пробормотал Хельм.

Гном вспомнил, что подобрал ее, в темноте подземелий храма, через которые шел с лисой.

— Музыка! Ага, вот и ключ!!! — сообразил Хельм, суровое лицо озарила радостная улыбка.

В свое время гном увлекался игрой на свирели, поэтому подобрать мелодию труда не составило. Подойдя к арке Хельм сыграл протяжный мотив, но ничего не произошло. Разочарование и отчаяние охватили гнома, он сел у костра и глядя в небо разразился бранью достойной его рода. Так мог ругаться только гном. Сквозь отчаяние до слуха Хельма долетело знакомое гудение, давящее и напряженное. Пролет арки подернулся маревом. Радостный вопль огласил округу. Схватив броню и меч, Хельм рванул в образовавшийся проход.

Так брэнча металлом, с безумным взглядом, и придурковатой улыбкой на губах он ввалился в мертвый город, насмерть перепугав гномов, стоявших в боевом порядке у обелиска. Радостное волнение вмиг охватило лагерь, все ждали возвращения отряда.

***

Позже Хельм узнал, что после их ухода, прошла неделя и отряд собирался уже уходить. Последняя ночь привела в замешательство весь лагерь, монолит, закрывший проход после, того, как отряд пересек грань, снова загудел. Гномы ожидали врага, и испытали большое облегчение, когда увидели Хельма.

С тяжелым сердцем отряд покидал город. Гонцы, отправленные в столицу, несли весть о гибели Кеонда, и открытии врат в новый мир.

Жила хотел отправить и Хельма вместе с гонцами, но гном на отрез отказался покидать отряд. Вскоре воины Каменной головы вышли к Брошенным костям. Проходя ряды костяков, обычно буйные гномы притихли.

— Здесь надо идти тихо и осторожно — предупредил Жила.

Он указал на борозду, оставленную словно огромным плугом. Гигантское существо пропороло навалы костей, проложив широкую дорогу.

— В прошлый раз этого не было — отметил Жила. — Так что чем тише, тем лучше.

— А кто мог оставить такой след? — поинтересовался Торн.

— Я не знаю. От того и боюсь — придушенно отозвался Жила.

Полчаса спустя гномы вышли на тракт. С передних рядов донеслись изумленные голоса, тут же сменившиеся звуками битвы. Хельм только успел подойти, как бой уже закончился. Он обошел товарищей и остановился как вкопанный. Путь преграждала гора мяса, туша неизвестного животного, уже сильно изъеденная падальщиками.

— Кто это? — спросил Хельм.

— Анг — сухо ответил Ари Адоксон.

— Как же вы его уложили?

— Ты что дурак? Как его убьешь? Если бы мы вышли на него, мало бы нам не показалось — одернул его Ари.

— Мы убили саму — он указал на животное внешне схожее с пантерой, но белого окраса.

Отряд расположился на ночь в одном из технически коридоров. Утром обнаружили пропажу часового. Следопыты вышли на поиски, и тоже пропали. Посовещавшись, Жила приказал выдвигаться по следам разведчиков.

— Бросать своих, последнее дело — пояснил он.

Вскоре обнаружили следы борьбы и волочения. Послышался свист, рядом с Хельмом, упал Орзо, чуть дальше повалился еще один воин. Хельм заметил маленькую стрелу, неглубоко воткнувшуюся в шею Орзо, чуть выше брони. Воины падали один за одним. Залязгали шлемы, ударили щиты, гномы построились в каре и медленно двинулись к противнику. Стрелы стучали как дождь, ударяя о металл, но броня защищала надежно. Позади остались несколько воинов, чтобы помочь раненым, остальные двинулись в глубь.

Громко, лязгая доспехами, гномы вбежали в большую пещеру. Усыпанная костями, с гигантским кострищем по середине, где еще тлели угли, пещера казалась вымершей. Дикари куда-то исчезли, точно растворились. В той части гигантской каверны, что покрывал мрак, раздавался тихий свист. Будто кто-то с трудом тянет воздух через узкое горло полого сосуда.

— Здесь так тихо — произнес Торн, оглядываясь на вход.

— Воняет — прогнусил Жила.

— Воняет? — не понял его Хельм.

Рука Жилы легла на губы гнома, а прищуренные глаза настороженно рыскали по сумраку пещеры.

— Троллем воняет — тихо выдохнул командир.

Гномы рассыпались в стороны, из глубины на них ринулась громада. Толстенные стопы в миг разметали костровище, окатив гномов золой и вспыхнувшими углями. Грохнула каменная дубина, Торна снесло. Хельм услышал, как в дальнем конце пещеры, о стену

стукнуло тело. Оглушающий вопль разорвал гнетущую тишину. Мимо пролетел еще один гном, Хельм двинулся на звук.

Вихрями крутилась зола, провожая движения его рук, и закрывая обзор. Впереди ухнула дубина, послышалась грязная матерщина гнусавого Жилы. Огромная нога шагнула едва, не задев Хельма. Меч завибрировал в руках, с неохотой врезаясь в массивное бедро врага. Над головой просвистела ладонь тролля, Хельм рубанул наотмашь, но промахнулся.

— Отступаем!!! — прохрипел справа голос Жилы.

Тяжелые сапоги застучали по камню, удаляясь в сторону выхода. Хельм побежал следом, стараясь двигаться на звук удаляющихся шагов. Кто-то схватил его руку, от испуга Хельм занес клинок для удара, но вовремя спохватился. Перед ним лежал Торн, хрипло вдыхая воздух, он неуверенно поднялся на колено правой ноги.

— Помоги — наконец выдавил принц.

— Держи — Хельм протянул руку, и рывком поднял Торна на ноги.

Сбоку вновь грохнула дубина, осколки камня звонко щелкнули о доспех беглецов. Опираясь на плечо Хельма, Торн вырвался из смертельной ловушки в технические коридоры. Позади бесновался ослепленный яростью тролль. Круша все на своем пути, он метался по пустой пещере.

— Спасибо тебе. Я никогда не забуду твоей смелости — с расстановкой произнес принц.

Хельм кивнул, опуская Торна на пол, чтобы тот передохнул.

Полчаса спустя они вышли к своим. Гномы отделались легким испугом, потеряв всего троих.

— Заманили нас в ловушку — прогнусил Жила. Зло сплевывая через широкую щель между передними зубами. — Пока мы там бодались с троллем, мелкие утащили двоих наших, а охрану перебили. Уходим отсюда, а то троллина нас вынюхает.

Отряд понуро двинулся следом за командиром. Хельм оглянулся назад, туда, где все еще бушевал тролль, и невольно поведя плечами последовал за соратниками.

***

Стремясь выйти к Житнице Даноста, отряд ускоренным ходом дошел до Жилы Панва Стурве, старой золотой выработки.

— Слышите — в полголоса произнес Торн.

Гномы прислушались. Из глубин бесконечных галерей доносился глухой рокот, как будто обрушился свод одной из пещер. Разведка вышла вперед, повисло напряженное ожидание. С каждой минутой все отчетливей слышались топот, голоса, и тяжелая поступь выючных животных. Вскоре вернулась разведка.

— Впереди целая армия — докладывал Торн. — Их полчища. Мы опоздали к проходам, с ними много огров и конных кампи.

— Кампи?! — испугался Орзо, припоминая здоровенных тварей, с мощными рогами, что служили гоблинам верховыми животными и выючным скотом.

— Опоздали — задумался Жила.

— Торн и Орзо отправляйтесь в гарнизон Базальтового кряжа, предупредите их о нашествии. Мы постараемся удержать врага в Брошенных костях! Нам нужна помощь, требуйте всех, кого смогут прислать. — Ну что ребята повторим подвиг наших предков — ободряюще прокричал Жила.

В ответ, о щиты зазвенела сталь мечей.

***

Старый, заброшенный коридор оказался сухим. Под его низкими сводами гулко разносились тяжелые шаги гномов. Отряд разведчиков шел по следу детей. Цепочки маленьких стоп, вели в заброшенную часть Королевского тракта. Утли поднял руку требуя внимания, отряд остановился, напряженно вслушиваясь и всматриваясь в темноту. Впереди отчетливо слышался шум, множество писклявых голосов кричали в унисон. Гномы двинулись на звук, четверть часа спустя они вышли в коридор, на медной табличке красовалась надпись «Грумов ход».

Вопли доносились из бокового коридора, судя по всему, некогда служившего для технических нужд. Гномы построились в ряд по трое, и сдвинув щиты вошли в коридор. Тяжелая поступь разведчиков осталась незамеченной, мелкие создания возбужденно сверкая огромными глазами, суетились спереди. Глухая стена тупика распахнулась, и флуоресцентный свет развеял тьму глухого коридора, выхватив сотни мелких созданий. В проходе показался широкоплечий силуэт гнома, он вывалился из помещения прямо на мелких. Послышались глухие звуки тетивы маленьких луков, стрелы впились в гнома, его движения замедлились, и секунду спустя он рухнул прямо в толпу мелочи.

Разведчики ударили с тыла, опрокинув врага. Страшная сцена истребления маленьких обитателей подземелья прошла мимо сознания Крамвуда, к тому моменту гном потерял сознание.

Отряд вышел на следующий день, проведя ночь в коридоре. Когда к Крамвуду вернулось сознание, он поведал историю своих приключений. Гномы недоверчиво поглядывали на Маю, они так и не смогли обнаружить девушку. Лишь настойчивые уговоры Крамвуда заставили ее выйти из укрытия к костру гномов.

Спустя несколько часов отряд разведчиков ушел вперед, оставив купца и его спутницу ожидать их возвращения, но время шло, а никто не вернулся. Крамвуд решил, что пришло время действовать самим, и повел Маю в коридоры.

Очередной поворот, Крамвуд осторожно выглянул, и тут же спрятался за угол. Дыхание купца сбилось, гном не верил в то, что только, что увидел.

— Что там? — испуганно спросила Мая.

— Твои — едва справляясь с волнением, проговорил Крамуд.

Она посмотрела на гнома с нежностью и жалостью.

— Не бойся тебя не тронут, ты спас шугул, за это тебе простят все.

Она, не таясь вышла к лагерю гоблинов. Охрана почтительно склонилась, и повинувшись указаниям девы провела их к костру вождя. Вуда Мудрый обладал мощным сложением его непомерно длинные руки, перевитые тугими жгутами мускулов, сжимали копьё. Он поднялся навстречу Мае, в каждом движении читалась мощь и ловкость опытного охотника. На седой макушке торчал волос, жесткий как щетина кабана. Узкие щели, хитро прищуренных глаз, внимательно глядели на гнома.

Вуда задумчиво выслушал рассказ Май, и качая головой в согласии со словами девушки, приказал позвать шамана Арема Гадателя. К костру приковылял кривоногий, кособокий гoblin. Еще более уродливый чем его собратья. Шаман долго что-то разглядывал в лице гнома, потом повернулся к костру и начал шептать заклинания приходя все более в безумное состояние. Тело шамана сильно затрясло, затем Арем застыл, пустые глаза недвижно уставились в пламя костра. Огонь ярко вспыхнул, и шаман упал на руки вовремя подоспевших учеников, таких же древних гоблинов.

Гадатель что-то быстро затараторил. Слова шамана слушали внимательно. Лицо Вуда менялось, глаза удивленно скосились на гнома. Шаман впал в забытие, повисла зловещая тишина. Вуда стряхнул оцепенение, в которое его привели предсказания Арема. Задумчиво глядя в пламя, он приказал отвести гнома и его спутницу к костру Тапари, под охрану лучших охотников рода.

— Что все это значит? — шепотом спросил Крамвуд.

— Ничего, для тебя по крайней мере — ответила девушка улыбаясь. — Радуйся нас будут оберегать лучше вождя — добавила она.

***

Проход Брошенных костей как будто самой природой создавался для обороны. Узкий проход легко перекрывался сотней. Двести человек отряда хватило с лихвой, однако на них двигалась орда в несколько тысяч воинов с мощными таранами, конницей и ограми.

Звуки идущей армии становились все явственней. Выстроенные в два ряда воины Каменной головы готовились принять смерть, никто не ждал чуда. В специальную сумку сложили письма. Последние послания принимающих смерть, предназначенные близким, ради которых они приносили свою жертву. Гонец пошел к ближайшей почтовой станции, этот счастливец не представлял, как ему повезло. У гномов существовал негласный закон, любой, кто найдет такую сумку обязался доставить ее в почтовую службу, дабы семьи погибших знали, где и как закончили свой путь их близкие.

Вышли первые разведчики врага, от неожиданности они не успели ничего предпринять, меткие стрелы гномов не позволили уйти ни одному гоблину. Вскоре появились передовые отряды, увидев малочисленного врага гоблины бросились в бой. И очень скоро пожалели об этом. Копья и щиты работали как отточенный механизм, раненные и убитые гоблины падали перед несокрушимой стеной гномьих щитов. Стрелы и копья отскакивали от прочных доспехов, оторопь и страх сковали охотников подземелья. Их волны накатывали на ряды воинов Каменной головы, как на скалу, разбиваясь о ее несокрушимость.

Подожли основные силы, в проходе появился Вуда Мудрый. Гоблин приказал отступить, и выслал переговорщиков. Со стороны гномов вышел Вильм Жила, от гоблинов их вождь.

— Сдавайтесь, и я обещаю тебе и твоим людям жизнь — предложил Вуда, глядя прямо в глаза гнома.

Жила выдержал взгляд, и ответил. — Чтобы я, воин Каменной головы, сдался какому-то гоблину — с этими словами он сплюнул под ноги Вуда.

Ряды гномов взорвались ликованием, поддерживая своего командира, они ударили копьями о край щитов.

Вуда, явно оскорбленный, сдержался. Жила видел с каким трудом это далось вождю гоблинов, и не скрываясь злорадствовал.

— Я тебе предлагаю, пропустить нас. Мы не можем вернуться. Позади идут армии куда больше моей, и их ведут древние. С таким врагом не справиться ни мне, ни тебе. Умерь свою спесь, гном! Дай нам уйти из-под земли. Подумай, прежде чем отказать мне второй раз! — гоблин возвышался как утес над низкорослым задирой.

Жила глядя снизу, бросил с вызовом.

— Еще не было такого, чтобы Каменная голова отступила перед вонючими гоблинами!!! Мой тебе совет возвращайся в грязную нору, откуда ты выполз со своим табуном! — с этими словами Жила, повернулся к вождю спиной, воины вновь поприветствовали командира

криком одобрения.

В проход вошли огры, их огромные тела неповоротливые и медленные, приближались. Стрелы гномов впивались в огромные туши, понуждая врага ускориться. За рядами огров, раздался грохот, задрожал пол от вибрации, с неприятным клацаньем, заплясали кости. Между рядами подземных гигантов, промчались кампы, давля останки древнего сражения, толстыми как столбы ногами. Наездники ловко направили их на стену гномов, следом показалась толпа гоблинов.

Стрелы почти не причиняли вреда кампам, и животные достигли рядов гномьей шеренги, с разгона налетев на копья. Толстокожие твари ломали древки и умирая прорывали огромными тушами непреступную стену щитов. Идущие следом огры разметали первый ряд гномов. Появились погибшие. Задний ряд попытался прикрыть воинов первой шеренги, но накатила волна гоблинов. Она обрушилась на разрушенные порядки гномов, погребая легендарный отряд под дождем из стрел и копий. Бой закончился быстро, растоптанные, и задохнувшиеся в собственных доспехах гномы устлали узкий проход.

Хельм с копьём в боку, пытался поднять свой меч, но сил не хватало, рука предательски разжималась под весом клинка. На него налетел огромный гоблин, ударил с размаха дубиной по голове, шлем выдержал, но перед глазами поплыло. Теряя сознание, он увидел, как раненный Вильм Жила пытается отбиться от нескольких гоблинов. Зеленые навалились на воина, и выкрутив ему руки потащили командира в толпу сородичей. Искажённое, жутким оскалом лицо Вильма проплыло мимо Хельма, прежде чем черная бездна поглотила гнома без остатка.

— Свет, откуда здесь свет? — удивился он. — Кто я? Что за место, а место ли — это вообще — спокойно размышлял он, ощущая, как неведомая сила разрывает спокойствие непроглядной тьмы.

— Что не так? А, это та звезда в низу, как же ее сияние знакомо, но где я ее мог видеть? — вихрем вертелись в голове вопросы.

Само его существо неодолимо стремилось к звездочке, горящей где-то на краю бытия. Чувство все ускоряющегося полета, доходящего до оглушающего гудения в ушах, полностью завладело им. Он падал, звезда под ним все росла и росла, пока не заслонила собой весь горизонт. Коснувшись света, он осознал, что ужасно замерз. Всепроникающее чувство холода сковывало, покалывая тысячами иголок.

Холод сменился новым незнакомым ощущением. Волна тепла оттаяла его, словно с него сдернули саван. Дышать стало легко и свободно, раньше ему никогда не приходилось так вольно дышать. Чувства, да у него оказывается есть чувства, захлестнули его. Слезы душили и рвали изнутри, он не мог заплакаться. Позже пришло чувство покоя, и он растворился в нежном тепле сияния. Звуки музыки. Откуда? Они звали, влекли за собой. Он пошел на звук, в белое ничто, тут не было направлений, лишь музыка указывала путь. Время шло, хотя он не был уверен, что время здесь есть. Шаг за шагом он приближался к звуку. Мелькнула мысль.

— Это же девушка поет!

Чарующие звуки, бредили в душе особые струны. Голос рождал чувство нежности, особого доверия и искренности. Песня становилась все громче, неожиданно глаза больно резанул нестерпимый свет, и он вспомнил все, он вспомнил себя.

Крича от боли и ужаса Хельм попытался вскочить, но что-то нежно его удержало, не позволив поднять даже голову. От этого прикосновения гному стало хорошо, тело налилось теплом и негой. Хельм снова услышал звуки песни, боль отступила, сон поглотил его.

***

Сумрачно глядя перед собой, Вуда выслушал донесения охотников. Разведчики сообщили, что королю Даину Скупому пришли на помощь Изумрудные холмы. Известие нешуточно обеспокоило вождя, несмотря на то что король Рибигуд Жестокий много воинов прислать не мог, поскольку вел войну с Карамантом, воины Иргамы считались одними из лучших и могли создать решительный перевес в сторону гномов.

Мучительные раздумья, поглотили Вуду, он не знал, как поступить. Перед ним встало две возможности, либо пройти к столице гномов и осадив город, столкнуться с Даином и войсками Рибигуда. Либо скорым маршем проскочить Королевский тракт, и свернуть в Железный лес, коридоры которого ведут на поверхность.

Что опаснее, Вуда не знал. Прямая война с гномами, или жуткий закоулок тенафарских подземелий, о котором ходили леденящие кровь слухи. Железный лес вовсе не имел деревьев, так гномы называли старую выработку железной руды, истощившую свои запасы много столетий назад. Ее очертания на карте очень напоминали раскидистое дерево, где вместо ствола выступал центральный тракт, а ветвями служили сотни ответвлений шахты. Центральный тракт звался Северным, и вел к Северным же воротам, за которыми начинались земли вечного снега. Ворота заперли намного раньше, чем перестали добывать железо. Нестерпимый холод встал непреодолимой преградой на пути торговли, что сотни

лет укрепляла отношения Даноста с гномами Седых гор.

Короткий путь от Северных врат, до Слез Утавити, ворот королевства Парна, превратился в рулетку. Никто не мог поручиться за безопасность купеческих караванов. Врагом гномов здесь стал холод, непроходимые снега и ледяные торосы. Пурга и мороз унесли тысячи жизней.

Вуда страшился этих смертоносных земель, но выбора не оставалось, снизу шел враг опаснее любого ненастья. Вождя пугали не потери, пугало полное уничтожение, что грозило роду Рапана.

Второй план во многом устраивал Вуду, но существовала вероятность столкнуться с гномами Изумрудных холмов, на Королевском тракте, и завязнув в битве с ними, попасть в окружение. Если из Даноста подойдут гномы Даина Скупого, их удар как раз придется в тыл его войску. Такой расклад не устраивал вождя, так-как мог привести к полному разгрому, чего Вуда никак не мог допустить. Зная жестокий нрав гномов, он ничего не ожидал кроме дикой расправы над выжившими.

Шаман третий день пытался добиться ответа богов, но пока ничего внятного предложить не мог, что еще больше повергало Вуда в уныние.

Послышалось шарканье, к вождю приближался старейшина Аши Белоглазый. Старец остановился в пяти шагах от вождя и глубоко поклонившись бросил.

— Вуда что приуныл?

— Как же Аши не унывать, когда, как не кидай кости все выпадают скрещенные. Любое решение погубит мой род.

— Постой губить свой род Вуда! Совет старейших посидел и вспомнил, что есть старый выход на поверхность. Семь поколений назад гномы его забросили. Мы могли бы уйти этим путем, он опасен, но это все лучше, чем воевать с коротышками.

— Не новость это для меня старик! Я знаю о Северных вратах. Я уже думал об этом пути, но они могут нас обойти, и устроить засаду. К тому же ты сам знаешь куда ведут старые врата.

— Ледяная пустыня? Вуда все меняется. Ты, верно слышал о Тарзе Широкоплечем?

— Я вождь. Я должен знать своих лучших охотников — оскорбился Вуда.

— Я так и думал мой повелитель — заискивающе произнес Аши. — Так вот, Тарзе прошел по этому пути, и вышел за врата. Охотнику удалось вернуться из ледяной пустыни, и его рассказы удивительны. Тарзе видел там несметные стада оленей, зверей, что похожи на шерстяные горы, быков и северных единорогов. К тому же он принес много шкурок песца, зайца и северных лис. Мой повелитель, если Тарзе не лжет, то ледяная пустыня отступила, и за вратами нас ждет изобилие, которого мы многие годы лишены в пустошах Мртана. К тому же охотник хорошо помнит дорогу и может провести наш род, потаенными тропами.

— Хм, интересно... Однако, как быть с гномами? Эти скряги от нас не отстанут.

— О тут все просто — торжествуя улыбаясь проговорил старик, с удовольствием почесав за ухом. — К гномам следует послать переговорщиков, но не просто переговорщиков, а тех, кому они доверяют.

— И... — нетерпеливо спросил вождь.

— Пошли Маю и гномов, что сдружились с ней, а, чтобы показать им нашу добрую волю отпусти с ними командира.

— Нет не может быть и речи. Я ему предложил жизнь, он плюнул мне в лицо. Если я отпущу этого пустослова, меня перестанут уважать.

— Знаю, знаю великий, но кто посмеет бросить тебе вызов? А если и посмеют, в твоих силах я не сомневаюсь. А вот если отпустишь болтуна, то гномы посчитают, что ты боишься их и потеряют бдительность. Вонючие коротышки будут вести переговоры, а мы, тем временем, выведем наш род.

— Мысль не плохая, но надо подумать — довольная улыбка напозла на лицо Вуда. — Передай старейшинам мою благодарность. Я подумаю над вашими словами.

Вождь закрыл глаза, давая понять старику, что разговор окончен. В самом деле, думал про себя Вуда, что, если послать переговорщиков. Ведь гномы сейчас не могут выйти против его войска, они будут ждать подхода подкреплений от Рибигуда, поэтому несомненно согласятся на переговоры. Только бы охотник не оказался лжецом, но, если в словах старого болтуна есть хоть часть правды, это уже неплохо. Лицо вождя растянулось в мечтательной улыбке. Воинственного гоблина радовала сама возможность провести гномов. Вуда воображал их вытянувшиеся от удивления лица, когда бородатые вонючки ворвутся в лагерь, где уже много дней, шумит лишь вода подземной реки.

***

Столица Даноста обсуждала несколько дней возвращение пленников. Патриархальный Танорт с ревнивым раздражением принял необычную девушку. Гномы решили, что гоблины к ним подослали эльфийку. Удивительное влияние, исходившее от гостыи, пугало не чувствительных ко всему необычному гномов. Еще больше подозрений возбудило известие, о том, что эльфийка переговорщик гоблинов. Пошли пересуды, что общего может быть у гоблинов и эльфов? Адепты Традиции Камня распространили слух, что эльфы снова взялись за старое и теперь изводят гномов руками гоблинов. Затем слухи превратились в полный абсурд. На рынке заговорили, что дева, эльфийская принцесса, которая попала в плен, а теперь гоблины используют ее как пропуск на верх. Предлагая вернуть эльфийку отцу, через гномов Даноста. Звучали и иные предположения одно чудеснее другого.

Король принял посланников сидя на троне в окружении советников Торговой палаты. Стража расступилась, Даину Скупому показалось, что в помещение проник легкий ветерок, он приятно ласкал и успокаивал. Зал полный придворных, до того мерно гудевший, затих. Все взгляды остановились на деве. Легко касаясь плит пола, Мая шла к Даину. Гвардейцы, бывалые воины словно под гипнозом смотрели как тоненькая девушка приближается к королю. Не встречая сопротивления, она подошла совсем близко, и коснулась руки Даина. Лицо пожилого монарха изменилось, привычная суровость сменилась выражением умиления. Даин не отрываясь смотрел в глаза девы. Первым пришел в себя Фарл Бёрди, выхватив меч он кинулся к Мае, продолжавшей держать руку короля. Занесенный для удара клинок не достиг цели. Мощнейший толчок опрокинул опытного воина, а острие меча уперлось в грудь Фарло.

— Не смей ... — не успел договорить Хельм.

Его повалили и выкрутив руки, больно ткнули лицом в пол.

— Прекратить!!! — прервал суету начавшейся битвы мощный бас Даина.

Застыв в смешных позах, придворные смотрели на короля. Сверкая глазами Даин силился что-то сказать. Король с детства заикался. Наконец гримаса мучения сошла с его лица, и монарх произнес.

— Пусть каждый услышит!!! Я Даин, король Даноста, повелеваю, что бы этих людей приняли как дорогих гостей, и, если узнаю, что с их головы упал хоть один волос... — король снова скривился в непреодолимой борьбе со словом. — Прикажу отправить на

рудники — закончил он, наконец справившись с трудным слогом.

Придворные хорошо знали характер старого короля, поэтому никто не сомневался, что это не просто слова.

***

От счастья Ханна не знала куда себя деть, любимые ею мужчины вернулись живыми. Скромный дом Крамвуда стоял на радиальной улице в Торговом квартале. Дорварды входили в крупный Торговый дом Ричано, но глава семьи до недавнего времени являлся лишь мелким купцом. Торговля, которую вел род Крамвуда позволяла сводить концы с концами, но в тоже время несла больше опасностей, чем прибыль. За место в торговом доме Снурику Хитрому, отцу Крамвуда, приходилось торговать скобяными изделиями, пока природная изворотливость предка не принесла семье контракт на поставки вина из Астурии. Человеческие вина вывели семейство на новый уровень, они пришились по вкусу аристократии Даноста, и Доварды получили право нанимать охрану. Охрана полагалась лишь старым торговым фамилиям. Постепенно появились деньги, новый статус купца королевского списка дал привилегии и Крамвуду, и его семье. Сыновья могли теперь выбирать род занятий, поэтому старший Хельм, стал военным, а младший Валли художником каменотесом.

Остальные сословия вынуждено оставались в своих родовых профессиях. Кроме того, налоги купец вносил лишь торговому дому, и они значительно уступали королевским сборам. И наконец новый статус давал возможность жить в Торговом квартале, что считался самым престижным, чистым и ухоженным в Танорте. В свою очередь Крамвуд представлял дом Ричано в Торговой палате, и обязался голосовать в интересах своего дома. Молодые фамилии составляли военную силу дома, поскольку в случае необходимости призывались для защиты старых семей и с оружием в руках отстаивали общий интерес.

***

Зазвенела посуда, Ханна, швырнула тарелку об пол.

— Ты что седой кабель? Удумал опозорить наш дом? — запальчиво кричала женщина, прицельно кидая следующую тарелку в голову Крамвуда.

Привычно уворачиваясь от тяжелого снаряда, гном спокойным голосом повторял.

— Мая останется у нас, ей некуда идти.

— Только через мой труп!!! — кричала в ответ Ханна.

— Не стоит так драматизировать — увещевал ее Крамвуд, прикрываясь подносом от очередной тарелки.

— Драматизировать? Ты хочешь лишить своих детей будущего? — со слезой в голосе запричитала грузная супруга.

— Между прочим, тебе следует ее поблагодарить. Только благодаря ей твой сын вернулся домой! — упрекнул супругу гном.

— Да, что ты мелешь, старый осел! Выйди на улицу, послушай, что гильдейцы говорят...

— И что болтают эти бездельники? — Крамвуд нахмурился.

— Говорят, что Мая твоя околдовала короля, а про нас говорят, что мы предатели и шпионы ... со мной все соседи перестали здороваться ... — речь перешла в всхлипывания и тяжело осев на табурет женщина горько заплакала.

Купец нерешительно подошел к жене и обняв принялся успокаивать.

— Ханна я чувствую, что нельзя обижать эту девочку. Не знаю почему, но она мне

кажется подарком судьбы. А досужие болтуны, так и что же, гномы всегда брюзжат. Для них каменщики с соседнего городка, это уже чужаки. Пока король с нами, мы под надежной защитой. Вон и Гисемер Фодль на днях поблагодарил меня за помощь Дому, король теперь опирается на Дом Ричано. Да и у нас дела пошли в гору. Мне дали право нанимать охрану за счет дома, а ты хочешь выгнать это благословенное дитя.

Супруга постепенно успокаивалась, она любила своего мужа и знала, что тот костями ляжет защищая семью.

***

Две недели спустя пришла подмога с Изумрудных холмов. Кабаки и харчевни наполнились пьяными солдатами. Веселые песни бередили ночную тишину столицы. Король долго и мучительно о чем-то совещался со своими командирами. Спустя месяц после начала переговоров, войска построились в колонны и походным маршем выдвинулись к перекрестку Хидана. Матери, жены и дети провожали своих мужчин на бой, судьбоносный для всего королевства. Суровые воины исчезли за воротами города. Танорт застыл в напряженном ожидании.

Еще не успели высохнуть слезы в глазах матерей и жен, как в столицу примчался гонец, он сообщил новость, поразившую всех.

— Победа!!! Гоблинов нет!!! Зеленые ушли!!!

Спустя сутки король объявил о победе и назначил большой пир, оставалось дожидаться возвращения войска.

***

Самая легкая победа в истории гномов завершилась грандиозным празднеством. Третий день Танорт не спал, кабаки не закрывались ни на минуту. Пьяные лежали по проулкам. Все свободные площади превратились в место для танцев. Разухабистые гномы, полностью отдались веселью. Кружка эля в руках Май, описала круг, девушка увернулась от настойчивого приставания соседа Довардов, и подошла к Хельму. Тонкая рука протянула напиток гному. Глаза девушки лучились при взгляде на молодого Доварда. В животе у Хельма похолодело, с ногами тоже, что-то приключилось, они стали неловкими и слабыми. Гном нерешительно протянул руки и принял кружку. Попытался поблагодарить, но язык словно чужой отказывался повиноваться. Он отпил эля, хмельной напиток придал мужчине дерзости. Он попытался притянуть к себе девушку, но Мая ловко вывернулась и со смехом потащила его в круг танцующих. Танец закружил влюбленных. Глядя в глаза Май, Хельм словно во сне следовал за легкой поступью девушки. Грубые руки гнома трепетно коснулись тонкого стана, все внимание мужчины поглотила податливая нежность женского тела, они остались вдвоем.

Чудесное упоение оборвал жесткий рывок. Перед глазами Хельма возникла пьяная рожа соседа Отто, он что-то кричал, что Хельм разобрать не мог. Лишь со второго раза до него дошел смысл слов. Обращаясь к толпе, сосед призывал расправиться с эльфийской колдуньей. Резкий голос и рубящие жесты демонстрировали всю серьезность его намерений. Хельм поискал глазами Маю. Совсем рядом, Пит Кред и Орм Риольд крепко держали девушку за руки. Отто указал на площадь города, и гномы поволокли девушку к глотке Тарма, старинному колодцу, куда в варварские времена сбрасывали осужденных на смерть преступников. Похолодев от ужаса Хельм кинулся на обидчиков, но его быстро скрутили. Толпа гудела, праздничное, хмельное веселье превратилось в жестокий азарт. Гномы хотели жертву вместо улизнувших гоблинов, и этой жертвой назначили непохожую на них чудачку.

Маю протащили через толпу, женщины стремились ударить чужестранку, безобразно понося ее и требуя убить эльфийку.

Площадь наполнилась зеваками. Новость о расправе над чужой, моментально облетела город, и толпа повалила поглазеть на предстоящее развлечение. Оглушенный Хельм висел на руках тащивших его кузнецов, при виде гнома толпа начала скандировать.

— Смерть предателю!!! — распаяясь с каждой минутой все больше от осознания своей силы и возможности решать чужие судьбы.

Дюжего вида гномы, протащили кого-то мимо девушки, и остановились у колодца. Она не могла разобрать, кто это, но острое чувство, что сейчас случится страшное охватило душу Маи. Перед ее взглядом встало лицо Хельма, Мая поняла, что он сейчас умрет.

Многочисленные свидетели рассказывали одно и то же. Объяснить увиденного не мог никто, поэтому случившемуся дали имя Тармово чудо.

Кузнецов, подтащивших было уже Хельма к краю бездны, остановила вспышка света. Сначала глаза ничего не видели, но спустя мгновение зрение вернулось, и пораженные зеваки увидели, как Пит и Орм осели точно кули с овсом. Освободившаяся дева неторопливо прошла сквозь ошеломленную толпу. Кузнецы в придурковатом умилении упали перед девой на колени, и протягивая в ее сторону руки старались ухватить за подол. Девушка мягко отстранила их, и склонилась над телом избитого Хельма. Высокий голос взлетел над площадью, толпа ахнула и замерла не в силах противостоять чарующей мелодии. Тоскливая песня выворачивала душу, заставляя очерстевшие нутро подземников метаться в поисках оправдания. Сначала заплакала одна женщина, через минуту ей вторила другая и вскоре рыдала вся площадь. Женщины жались к своим мужчинам, кто-то просил прощения, кто-то успокаивал, обнимая своих близких. Никто не видел, как дева ушла, вместе с ней исчез и Хельм.

***

На следующий день пришли известия о том, что Отто, Пит и Орм арестованы, их поместили в темницу и со дня на день отправят на рудники. В дом Довардов потянулась вереница матерей и отцов арестованных, с просьбой замолвить перед королем слово за неразумных сыновей. Скрепя сердцем Крамвуд позвал Маю и предложил спросить у нее сможет ли девушка простить своих палачей. Ни говоря ни слова Мая отправилась во дворец, где упростила короля помиловать молодцов, потерявших голову от избытка эля. По возвращении девушки из дворца, Крамвуд позвал ее к себе в кабинет, где, запершись о чем-то долго разговаривал. Любопытство разъедало Ханну, но подслушивать женщина не решилась.

Дверь кабинета открылась, Крамвуд вышел в гостиную и громогласно созвал домочадцев. После чего сообщил опешившей от неожиданности Ханне, что в следующем месяце поженит Хельма и Маю. Ханна попыталась протестовать, но Крамвуд жестко, что вообще-то для него было не свойственно, указал, что он глава семьи, и только он будет решать достойна Мая войти в их дом или нет.

***

Гномья свадьба мероприятие веселое, и надо заметить не дешевое. Как правило гуляния длятся несколько дней. Приглашают всех, кто хочет прийти, за накрытым перед домом столом собирается большая семья. Празднуют не только близкие, но и дальние родственники, друзья и товарищи по работе, соседи и соседи соседей, обязательно на таком мероприятии должен присутствовать уважаемый гном.

Музыка, танцы, эль и вино веселят гостей. Девушки вьются около невесты, призывая семейное счастье, юноши затевают веселые свары и соревнования. Незамужние участвуют в играх, зрелые отцы и умудренные опытом старики сидят за столами. Иногда особо буйные, вспомнив молодость срываются с места и вместе с молодежью зажигательно отплясывают.

Но не такой была свадьба Хельма и Май. Празднество прошло в узком кругу семьи, лишь к вечеру пришел гонец от Гисемера Фодля. Хозяин торгового дома приглашал молодых к себе, по случаю их бракосочетания Фодль устроил пир, где собрались представители старых и молодых домов Ричано. Торжественную обстановку официального мероприятия, усилила ничем не примечательная речь Фодля, но его слова выжали скупую, отеческую, слезу из глаз Крамвуда. Ханна, плакала не скрываясь.

Особым моментом, покоровившем всех гостей стало королевское поздравление молодоженов, зачитанное глашатаем. Подарок Даина вызвал вздох восхищения. Скупой король преподнес невесте изумрудное кольцо, изготовленное лучшими королевскими мастерами-ювелирами. Огромные камни удивительно шли к глазам невесты, придавая особое свечение лицу девушки.

За три недели Мая пришла в себя, превратившись из изможденной женщины средних лет, в молодую, полную энергии девушку. События у ямы Тарма сильно истощили ее. Крамвуд не на шутку забеспокоился о здоровье снохи, но все обошлось.

Празднество в столь уважаемом доме носило более официальный характер, что смущало Довардов не привыкших к такому вниманию. Крамвуд сидевший по правую руку от Гисемера, удостоился чести произнести тост, славивший хозяина дома и желавший счастья молодым. В разгар празднования Гисемер наклонился к купцу и тихо произнес.

— Крамвуд, зайди завтра вечером ко мне. У меня к тебе предложение.

Хитро улыбаясь Гисемер приободрил удивленного купца, дружеским хлопком по плечу.

***

Очередной караван покинул двор нового дома Крамвуда, многое изменилось за прошедший год. Нужда осталась позади, Доварды вошли в избранные семьи дома Ричано, и смогли позволить себе дорогой особняк на центральной улице Торгового квартала. Вместе с благосостоянием пришло и постоянное чувство опасности. При главных воротах особняка неотлучно дежурил отряд воинов, прошедших не одну баталию. Женщины не выходили на улицу без сопровождения, они вообще старались без нужды не покидать новый дом, больше похожий на крепость.

Хельм принял участие в походе на Глубинные чертоги, где гномы Даноста разгромили толпы Кшидага, после чего оставил службу. Жизнь его вошла в спокойное русло. Он помогал отцу с торговлей, чаще бывал дома, что радовало мать и молодую супругу.

Первой обратила внимание на перемены, произошедшие со снохой, Ханна. Весь год она питала надежду развести сына с чужачкой, но все надежды на счастливый исход ее мероприятия рухнули. Девушка ждала ребенка, потомка рода Довардов, отказаться от которого семья не могла, поскольку отказ лег бы позором на весь род. Ханну пугали разговоры в городе, Маю тихо ненавидели и боялись. Мать семейства чувствовала, что добром это кончиться не может, и ждала со все нарастающим страхом развязки.

Караван вышел из города за светло, сын сопровождал Крамвуда до Гуларовых врат после чего планировал возвратиться обратно. Хельм вел торговлю в городской лавке отца. Ближе к полудню в Танорте начали собираться группы вооруженных гномов, все они носили ремни с изображением бога камня Тарма на пряжках. В полдень город загудел, огромная толпа

запрудила улицы. Как речные потоки она вылилась на дворцовую площадь, опасно подступая к королевской резиденции.

Момент восставшие выбрали удачно, значительная часть гвардейцев находилась за много дней пути от столицы. Даин направил верные части на помощь Рибигуду, в ответ на его поддержку в войне с Вудой Мудрым.

Стража, испуганная гневом толпы, частично разбежалась, частично перешла на сторону восставших. Чувствовалось чье-то влияние на действия толпы. Чья-то рука незримо вела восставших.

Спустя час в дверь Довардов забарабанили. Перепуганная Ханна впустила во двор гонца от Фодля. Глава дома Ричано призывал семью Довардов на помощь. Гонец сбивчиво рассказал, что имение Фодлей атаковали, когда он убежал дом еще держался, но напавших очень много и долго им не продержаться. Отрядив несколько человек охраны, Ханна отправила помощь Гисемеру. В доме осталось трое, двоих она послала к младшему сыну узнать, как у него дела, а заодно, если потребуется, защитить его семью. Вечер принес еще большее волнение, возле дома Довардов начали собираться горожане, они заполнили все пространство перед их воротами. Раздался удар в дверь и с улицы донеслись требования открыть двери. Ханна вышла на балкон и прокричала в ответ.

— Кто, и по какому праву требует впустить его в дом семьи Довардов? — сдерживая страх в голосе, спросила мать семейства, с достоинством выпрямив спину.

Вперед выступил пожилой воин, судя по латам и эмблемам на них, он принадлежал к одному из самых знатных Торговых домов, дому Салли.

— Женщина, я Римор Гофедер представляю Совет торговой палаты, и от его имени требую открыть двери и впустить представителя новой власти.

— Насколько я знаю представитель власти в Даносте, король Даин — не без сарказма ответила Ханна.

— Нет больше короля, и впредь никогда не будет — крикнул Гофедер, горделиво выставив ногу.

— Мы представляем дом Ричано ... — начала было женщина.

— Дом Ричано вне закона! Да и скорее всего теперь уже и вне жизни! — с улыбкой ответил представитель новой власти. — Открывайте или мы сломаем дверь! К вратам бодро подбежали бунтари, с трудом удерживая в руках каменную колонну. По знаку молодцы ритмично принялись выбивать дверь.

Охранник кинулся к дверному проему, но не успел, выбитая дверь опрокинула его на спину. В холл вбежали разъяренные мятежники. Один из них мимоходом пригвоздил пытающегося выбраться из-под двери охранника.

— Ищите девку! — скомандовал чей-то голос.

В помещении показались воины из отряда Каменная голова.

Разбившись по несколько человек, они пошли по этажам, убивая все на своем пути. Ханна слышала, как они зарезали повара и его сына. Вот мимо пробежала служанка, ее нагнали, повалили. Девушка кричала и пыталась отбиться, что только раззадорило нападавших. Со смехом и похабными шуточками они принялись пытать несчастную. От криков и запаха крови Ханну начало мутить, и она потеряла сознание.

Сколько времени она провела без сознания, оставалось только догадываться. Ханна прислушалась, тишина, такая странная словно ничего и не произошло. Послышались тяжелые шаги воина в латах, он шел прямо к ее убежищу, в стенной нише. Гобелен отошел в

сторону, Ханна, прощаясь с жизнью зажмурилась, дыхание остановилось.

— Мама — прозвучало откуда-то из далека.

Женщина не сразу поняла значение этого слова. Распахнув глаза, она с недоверием смотрела на мужчину в латах, не веря глазам дотронулась до лица.

— Хельм это ты? Откуда ты здесь? — женщина заплакала. Тело Ханны была мелкая дрожь.

Сын обнял мать, пытаясь успокоить родную женщину, он гладил ее седые волосы.

— До меня дошел слух о мятеже в городе. Гонцы разносят по всему королевству весть о смене правления. И я тут же примчался к вам.

— Но так быстро...

— Бараны, я несся во весь опор, но опоздал.

— Сынок им нужна Мая. Я не знаю... Что с ней?

— С ней все в порядке. Пришлось правда повозиться с кучкой убийц, но сейчас все в порядке. Нам надо собираться и уходить отсюда, пока они не вернулись — он потянул пухлую руку Ханны, вытягивая мать из убежища. Женщина последовала за сыном. Проходя коридор, она застряла на изуродованном теле служанки. Девушка лежала навзничь с широко открытыми глазами, изумленно распахнутые они безжизненно смотрели в потолок.

— Может к королю обратиться, он нас защитит...

— Мам нет больше короля. Он мертв. Убиты все четверо его сыновей, а оставшийся где-то в глубинах горы, воюет с гоблинами, и не знает, что случилось с его семьей. Дом Ричано тоже уничтожен.

Они быстро спустились в холл, у выбитых дверей Ханна увидела десяток охранников, тех, что она послала на помощь Фодлю.

— Госпожа! — обратился к ней старший, умудренный сединами воин. — Мы опоздали. Когда мы подошли к особняку там уже пылало пламя, живым никого не нашли. Голова Гисемера на пике около врат королевского дворца. Я принял решение возвращаться...

— Спасибо. Опоздай вы на десять минут... — горло Хельма перехватила спазма, он указал на тела мятежников, лежащие около выхода.

— Эти, схватили Маю.

Ханна поискала глазами девушку. Мая тихая и незаметная, стояла в окружении воинов. Хрупкая девушка, почти полностью скрывалась за широкими спинами охраны. Впервые в душе Ханны шелохнулась жалость к невестке, женщина вдруг ощутила, насколько той тяжело. Чужая, среди народа, что боится и ненавидит ее, что не в первый раз пытается убить, и при этом она сохраняет доброе, и чуткое отношение к тем, кто ее так презирает. Как Мая сносила ее придирки, с каким пониманием и сочувствием она выслушивала ее упреки. Раньше Ханну это злило, теперь чувство женской солидарности возмущало все ее существо. В голове Ханны не укладывалось как Мая могла сохранить в своем сердце место для любви к гномам. Она привыкла видеть гоблинов врагами, варварами, жаждущими крови, и ненавидящими все непохожее на себя.

— Что ж, наверное, и среди них тоже встречаются исключения — успокоила свою совесть Ханна.

Хельм осторожно положил руку на уже наметившийся животик Маи. Глаза мужчины, обеспокоенно и нежно смотрели на жену. Мать поняла, что потеря этой девушки будет означать конец всему ради чего живет ее сын. Вспомнились слова мужа о большой удаче, пришедшей с девушкой в их дом, Ханна горько усмехнулась.

— Что с Вилли? — спросила она командира охраны.

— С ним все в порядке госпожа. Его нет в городе, он работает в Тренгане, украшает храм Ками. Королевский заказ. Там и его семья — добавил он, видя, что ответ не удовлетворил Ханну.

Город бурлил еще несколько дней, пока, не объявили амнистию для восставших. Новой властью назначили Совет Торговой палаты. Постепенно жизнь входила в свое русло. Простолюдины, как и прежде беднели, старые дома по-прежнему богатели, не было только короля.

Изумрудные холмы поражали роскошью. Королевство Иргам сочетало в себе налет старины, и новейших достижений фортификации. Всюду высились величественные статуи героев и правителей, здания Батры, столицы Иргамы, выстроенные по единому плану, и лишённые каких-либо оборонительных сооружений, напоминали небольшие виллы. Коронный зал дворца Рибигуда, приводил посетителей в трепет четкостью линий и богатством отделки. Предки Рибигуда постарались увековечить свое величие в камне. Разительное отличие Иргамы от Даноста сквозило во всем. После вольного, даже разнузданного Танорта, Батра казалась образцом порядка, все стороны городской жизни регламентировались и контролировались. Жесткое подчинение правилам, соблюдение традиций, и проглядывающий отовсюду милитаризм поначалу смущали Довардов.

Не смотря на сложности, возникшие с новым правительством Даноста, беглец быстро встроился в новую жизнь. Пригодились прежние коммерческие связи Крамвуда, в качестве торгового посредника он объездил весь Восток. В Иргаме купец оказался подле Рибигуда, который приблизил к себе изгнанника. Королевские торговые поручения дали в руки Крамвуда новые связи, он наладил контакты со всеми известными торговыми домами смежных с Иргамом королевств. Лично познакомился с большинством монархов, и сумел завоевать репутацию торговца, для которого не существует сложных партнеров. При его посредничестве, Рибигуд получил контракт с Эмантораном на поставку звездных камней. Этот редкий минерал, обладающий печальным свечением, встречался только в месторождениях мифрила. Изумрудные холмы считались главным поставщиком удивительного металла, точнее Иргам поставлял на рынок редкие по качеству и цене товары, изготовленные из мифрила, стоимость которого, превышала цену золота в двести раз. Великий дом Алар заключил с Иргамом контракт на эксклюзивную поставку камней, в ответ, гномы получили исключительное право вывозить из Эманторана кажу, ткань схожую с шелком. Секрет изготовления, которой хранился в строжайшей тайне.

Хельм постоянно сопровождал отца в его путешествиях, поэтому молодого гнома знали, как торгового представителя короля Рибигуда.

Богатый дом и особое положение супруга не могли вернуть покой в сердце Ханны. Женщина постоянно боялась, что в дом могут проникнуть убийцы Торгового совета. Да и страх за сына и мужа никогда не оставлял ее, все-таки они там на поверхности. Неизвестной и страшной, где нет уютной тесноты каменного нутра горы. Единственной радостью для женщины оставался ее внук, маленький непоседа Товард. Мальчишка рос хулиганом и задирой, но бабка души не чаяла во внуке. Постепенно она привыкла даже к странностям невестки, теперь Мая не казалась ей совсем уж чужой, тем более что она родила такого внука. Уже сейчас Ханна видела, что ребенок родился необычный. Сердце бабки чувствовало, что Товарда ждет великое будущее.

***

— Зачем нас призывает король? — в очередной раз спрашивал Хельм, недовольно хмурившегося отца.

— Не знаю! — сухо отвечал Крамвуд.

Ответ отца не успокоил Хельма. Он чувствовал, что тот прекрасно знает, зачем их пригласил Рибигуд, но дальнейшие расспросы ничего кроме вспышки гнева не дали бы.

Этикет остался позади, и король пригласил в Малый совет отца и сына Довардов, событие из ряда вон выходящее.

— Чужаки в Малом Совете. Когда, такое было? — шептались аристократы Иргамы.

— Что вы знаете о том, что творится в Даносте? — спросил Рибигуд хмурым кустистым брови, делавшим грозным и без того суровое лицо монарха.

— Разные новости приходят из Даноста — уклончиво ответил Крамвуд. — Говорят там теперь процветание — гном улыбнулся. — Торговый совет заключил союз с королевствами Востока и готовит армию. Вроде бы для войны с гоблинами глубинных пустошей, вот только гоблинов там уже давно нет — ехидно закончил купец.

— И куда же они делись? — Рибигуд умело изобразил неведение.

— Ушли к Северным Воротам — почтительно ответил Крамвуд.

— Пусть останутся казначей и командующий армией, остальные могут идти! — повелительно проговорил Рибигуд.

Члены Малого совета с явным неодобрением поднялись из-за стола и покинули зал.

— Сейчас ты заработал еще больше врагов — улыбнулся купцу король. — Такова цена доверия.

— А теперь поговорим о Даносте, и о том, что там происходит — начал монарх. — Моя разведка донесла, что Совет Торговой палаты нашего горячо любимого соседа, готовит вторжение в Иргам. Главное наступление пойдет через Старые копи. Смешно, кто мог посоветовать торгошам избрать этот путь? Он явно наш союзник — мечтательно улыбаясь проговорил Рибигуд. — Надо будет после одарить его нашей милостью. Ну да ладно. Так вот, судя по всему, торгошари решили воспользоваться сложившейся обстановкой. Мир с людьми, уход гоблинов, смещение династии и народный подъем. Говорил я Даину, что любовь к деньгам его погубит ... — Рибигуд поморщился, немного помолчал и продолжил.

— Но вот в чем вся заковыка, старый скряга успел спрятать казну, и новому правительству не на что содержать королевство. А, да забыл, теперь уже империю — с издевкой подчеркнул монарх. — Сейчас восторги улягутся, и денежный вопрос потребует решения. У торгошарей один выход, война. Жертвой они выбрали нас. Все бы ничего, но Ули Норва заключил секретный договор с Карамантом. Войска Кейста отрежут нас от внешних поступлений, а Даност осадит изнутри, зажав с двух сторон они будут дожимать нас пока не сдадимся. Мое королевство населено отважными гномами, но у нас нет столь развитой системы продовольственного снабжения как у Даноста. Вы, — он указал на купца, — можете сами себя прокормить, у нас, к сожалению, другие условия и мы зависим от внешнего подвоза. Торговую войну Даност, конечно, выиграл. Несмотря на все ваши старания, лишь некоторые фактории согласились иметь с нами дело, остальные везут контрабанду. Только высокие цены на мифрил, да звездные камни, помогают нам держаться на плаву, но этого дохода мало для такого королевства как Иргам. Поэтому у нас нет другого выбора как принять вызов соседа, но начать войну надо на его территории.

— Ваше Величество, вы несколько сгущаете краски — неосторожно вмешался Крамвуд.

— Сгущаю?! Тогда покажи мне, где взять денег, и я тебя озолочу — нетерпеливо прервал его Рибигуд.

— Простите мне мою дерзость — смущенно ответил Крамвуд. — Если вы позволите...

— Я уже тебе позволил! Говори быстрее! Не трать мое время! — взорвался Рибигуд.

— Мы могли бы монопольно продавать кажу. Этот материал уникален. Он очень ценится как предмет роскоши. Настолько, что и королю не зазорно иметь в своем

гардеробе. Ткани у нас в избытке. Королевские потребности не выбирают даже сотой части запасов, что нам поставляют эльфы. Поэтому мы могли бы создать специализированные представительства Иргамы, торгующие этим уникальным товаром. При введении на товар королевской монополии, казна получит огромный доход... — по мере рассуждений Крамвуд все больше расходился, совсем позабыв кто перед ним. Сейчас он превратился в торговца, который окучивает несговорчивого клиента.

— Ха, ха, ха — рассмеялся король. — Да ты и впрямь хорош! — проговорил Рибигуд довольно глядя на Доварда старшего. — Я не ошибся, сделав ставку на тебя! Ты хочешь прибылей?

— Нет Ваше Величество, я лишь пытаюсь принести пользу... — начал оправдываться Крамвуд.

— Да ладно, это нормально. Купец, который не хочет прибыли, не купец. Ты получишь свою долю, от предприятия! Я поручаю тебе организовать торговлю кажу. Зайди завтра к Салли, он тебе выдаст королевскую грамоту! Тебе будет дозволено создать свой торговый дом, но за неудачу ответишь головой — Рибигуд грозно сверкнул глазами, давая понять, что это вовсе не фигура речи.

— Благодарю Вас... — начал Крамвуд кланяясь королю.

— Не надо пустых политесов. Давай к делу, а то мы сильно отвлеклись — поморщившись оборвал его монарх.

— Вы спрашиваете себя, а для чего он нас пригласил! — загадочно глядя на Довардов проговорил Рибигуд. — А все просто! Мне надо чтобы твой сын нашел наследника короны Даноста.

— Что?! — изумленно выдохнул Крамвуд.

— Да он жив, как это не странно. До меня дошли слухи, что его видели в Долине огненных озер, но это только слухи. Тебе воин предстоит собрать отряд, и двинуться на поиски Торна. Пора вернуть трон истинному наследнику, да неплохо бы и самозванцев призвать к ответу.

Отец и сын, открыв рот смотрели на Рибигуда, экспедиция ничего хорошего не сулила. Кроме смерти в таких местах искать было нечего.

— Ваше Величество, позвольте мне возглавить эту экспедицию — запальчиво попросил Крамвуд.

— К сожалению, мой дорогой Довард, я не могу воспользоваться твоим предложением. Твой сын бывал в тех краях, когда служил в Каменной голове. Он воин, который притворяется купцом, а ты купец, что пытается выдать себя за воина. У тебя неделя на сборы! — подытожил Рибигуд, указывая Довардам на выход.

***

Тяжелые тучи повисли над каменным гребнем Патара. Древняя цепь седых гор, выросшая над равниной задолго до рождения Палеомии, отделяла пустыню от плодородных земель Амората. Бесчисленные разломы, проеденные временем и ветром, превратили горы в непроходимый лабиринт. Серые скалы угрожающе нависали над усыпанными щебнем промоинами, что дикие козы превратили в тропы. Рваные кручи скупно пропускали свет в тесные коридоры, отчего лабиринт даже ясным днем пребывал в полумраке. Одинокий путник в зеленом плаще уверенно шагал сквозь хитросплетения узких проходов, безошибочно выискивая нужные повороты, в сложной системе извилистых разломов, и тупиков.

Зарядил густой, тяжелый дождь, погрузивший ущелье в белесое марево. Путник сошел с дороги, и спрятался под козырек, промытый за тысячи лет бурным потоком дождевых вод, в подножии скалы. Серая пелена быстро поглотила небольшое ущелье. Сквозь занавес падающих капель вспыхнул свет походной печурки. Человек, вытянув ноги, и привалившись спиной к скале, утомленно потягивал горячий отвар, черты его лица скрывал густой пар, валивший от кружки. Несмотря на усталость, пронзительно темные глаза, впились в окружающий ландшафт точно что-то искали. Человек зябко повел плечами, проведя рукой по голове стряхнул влагу с волос. Капли дождя побежали по щекам и затерялись в бородке эспаньолке, которая задиристо топорщилась, придавая всему облику путника молодцеватость и задиристость. Тьма окончательно поглотила ущелье, и странник, завернувшись в плащ, погрузился в чуткий сон.

Первые лучи восходящего солнца коснулись влажного камня, а человек уже стоял на дороге, шаря взглядом по поверхности окружающих скал. Через минуту он застыл, вглядываясь в притулившуюся на самом верху надпись. Пыль, еще вчера лежавшую на камнях толстым слоем, смыло потоками влаги ночного дождя. Сама природа обнажила едва заметное послание. От времени надпись почти истерлась, поэтому никто не смог бы ее прочесть, но странник удовлетворенно улыбнулся. Четверть часа спустя, человек вновь шагал по путанным дорогам сумрачного Патара.

Лабиринт закончился широкой площадью, что упиралась противоположной стороной в фасад древнего города, вырезанного прямо в скале. Окруженная с трех сторон твердью Патара, площадь казалась огромным колодцем, выходом из которого служила сеть проходов лабиринта, откуда вышел путник. Чем ближе человек подходил к городу, тем сильнее сгущался мрак. Впереди замаячили неясные очертания полуразрушенной колоннады, что вела к главным воротам, ее дальний край тонул во тьме, непроглядной даже днем.

Скальный город сильно пострадал от времени и землетрясений, но все еще сохранял черты былого величия. Огромный провал главного входа, зиял черной пастью, как предвестник ужасов, что таились за его вратами.

Занялся факел, сначала слабо и неуверенно, потом все более смело. В его всполохах, древние стены словно зашевелились. Все в городе ожило и заколебалось в такт движениям пламени. Свет выхватывал из мрака прекрасные точенные колоннады, резные панели украшавшие стены домов, кое где выглядывала сохранившаяся роспись и мозаика. Свет глушил толстый слой пыли, который лежал на всем, как бы намекая случайному путнику, что здесь давно нет жизни, и если он осмелится переступить ворота, то и его жизнь станет добычей проклятого города.

Сбросив плащ, и лишней скарб, путешественник извлек меч. Пламя заиграло на клинке болотного цвета. Еще мгновение человек собирался с духом, затем решительно шагнул вперед, во мрак.

Под ногами нестерпимо громко скрипели остатки каменных ворот, некогда ограждавших город от непрощенных гостей. Как не старался путник двигаться тихо, его тело производило слишком много шума. Факел трепетал и, казалось, стремился осветить все потаенные уголки мрачного места, но вместо этого порождал еще больше тьмы, вызывая к жизни многочисленные тени.

Шум, гулко расходившийся по галереям и улицам, проникал в уснувшие, много веков назад, дома. Пройдя ворота, человек попал на широкую площадь полукругом, подступающую к фасаду королевского дворца. Остальные строения подчинялись стилю главного здания

города, что некогда создавало особую атмосферу уюта и размеренности бытия. Теперь же на всем лежал отпечаток запустения и непередаваемой тоски.

Улицы плыли перед глазами, человек переходил от дома к дому, пытаясь высветить неровным пламенем факела, надписи на столбах-указателях. Дворец остался позади. Путник намеренно обошел его темную громаду, стараясь чтобы даже свет не скользнул в провалы его окон в пол, и бархатно-черное чрево парадного зала.

Замелькали медные крыши на домах похожих на замки, здесь размещались литейные заводы. Путник ускорил шаг, он достиг цели своего путешествия.

Вдоль стен, рядами, стояли погасшие печи. По середине разместились прокатные станы, литейные формы, паровые молоты, и различные станки на водяной тяге. Человек неторопливо переходил из зала в зал, пока не достиг небольшой комнатки мастера. Он подошел к столу, стоявшему у дальней стены комнаты, и внимательно обследовал все ящики, подолгу вчитываясь в рабочие книги. Поднимая со стола листы, человек заставлял их светиться голубоватым. Не найдя того, что искал, путник подошел к коренастому сейфу, который пристроился в углу комнаты. Старый замок отказался открываться, пришлось повозиться. Полчаса спустя, нещадно скрипя от натуги, тяжелая дверь железного ящика отошла в сторону. Внутри стопками лежали документы, чертежи и отчеты. Прошло много времени, прежде чем человеку попалась нужная папка. Еще несколько минут он изучал ее содержимое, затем бросил на стол. Пыль закружилась, медленно оседая на потревоженную столешницу. Человек тяжело опустился на табурет мастера, взгляд путника остановился на ладонях. Так он сидел не подвижно, до тех пор, пока руки не перестали дрожать. Наконец собравшись с силами, человек вернул документы в сейф и заперев его направился к выходу. Свет в заводских помещениях погас, и дома с медными крышами вновь погрузились в бесконечный сон.

В городе время оставалось величиной неизмеримой, постоянная тьма сделала это место вневременным. Путник взглянул на часы, механизм четко отсчитывал минуты и часы, судя по ним пошел второй час ночи. Человек остановился на перекрестке, и никак не мог решить, что ему делать дальше. Наконец собравшись с духом, он направился в сторону дворца. Преодолев широкие ступени лестницы, выходящей на Королевскую аллею, путник вручил факел одной из статуй, что стояли рядами вдоль дороги. Манипуляции с поясом, вызвали к жизни, сначала едва заметный, затем все более яркий свет. Зеленый луч смело рассек густой мрак, клубившийся вокруг.

Осторожно ступая человек преодолел парадную лестницу. Над его головой выросла громада королевского дворца. Стараясь не дышать, чтобы не производить лишнего шума, путник шагнул в его чрево. Парадный вход остался позади, вокруг засверкали гладкие поверхности убранства приемного зала. Тяжелые, каменные скамьи, опрокинутые, точно их подхватило стремительным потоком воды, перекрыли часть помещения. Мощные колонны продолжали стоически нести гнет каменного свода, на котором горели звезды-самоцветы, что отражали чуждый этому месту свет. Их сияние раскрасило таинственным свечением разгром приемного зала.

— Хорошая работа — подумал человек разглядывая синий бархат нарисованного неба.

Зеленый свет мягко разливался вокруг путешественника, освещая значительную часть помещения. Приемный зал сменила анфилада комнат, упирившаяся в лестницу, ведущую на верхние этажи. Сбоку зиял проход, спускавшийся в глубины дворца.

После небольших колебаний путник выбрал боковую лестницу, и стал спускаться в

нутро королевского дома.

Тишина, глухая и липкая словно битум, окутала человека. Свет фонаря стал глуше, комнаты и коридоры подземелья, поглощали не только свет, но и звуки. Кухня, хозяйственные помещения, вход в прачечную. Из нее шло два выхода один круто уходил наверх, куда подавалось стиранное белье на просушку, а второй уходил в казармы стражи, откуда сеть коридоров приводила к тюрьме. Под ногой хрустнула белая кость, резкий щелчок отскочил от стен ближайших комнат. В темном углу, что-то шевельнулось, засопело вытягивая воздух, загорелись два желтых пятна. Человек пошел на шум, с тихим шелестом вытаскивая клинок. В углу послышалось ворчание, мгновение спустя пятна метнулись к выходу. Существо двигалось очень быстро, сильно прогибаясь в спине, и напоминая повадками кота.

Пробежав помещение стражи, путник едва не снес решетку открытой камеры. Грохот эхом разнесся по каземату. Не обращая внимания на шум, он подошел к одной из камер и быстро отворив дверь, проскользнул внутрь, запирая за собой обитую железом створу. Из-за закрытой двери, послышалось шевеление, фырканье и быстрый топот ног. Руки путника, чутко касаясь камней в стенах камеры, искали секретный замок в кладке. Тихий щелчок, известил об удаче. Зашелестела стена, отворяя проход в короткий коридор, упирающийся в винтовую лестницу, резко уходившую куда-то наверх.

Человек взбежал по лестнице, и уперся в дверцу, размером в половину обычной. Руки путника зашарили по карманам, в поисках заветного ключа. Наконец он выудил квадратный предмет, с выпуклой резьбой. Резьба идеально легла в узор над дверцей, повернув его по часовой стрелке, он запустил механизм. Звук сдвигаемых шестерней засовов, казался путнику невыносимо громким, но дверь отворилась бесшумно и легко отошла в сторону, словно ее только вчера закрыли.

Роскошная спальня одного из правителей города, убранная в шелка, пахла на него затхлым воздухом, пропитанным пылью и миазмами. Тяжелые шторы закрывали окна. Дымка паланкина определяла положение громадного ложа, стоявшего по центру комнаты. Напротив, расположился колченогий, резной столик, перламутр и золотые узоры сдержано блеснули из темноты.

Несмотря на почти тысячу лет, прошедших с момента гибели города, многое сохранилось в том же состоянии, что и при жизни владельцев. Особый климат в сухих и темных помещениях подземного города, консервировал и плоть, и время. Перед мертвящим дыханием этого места, ничто не могло устоять, все обращалось в смерть.

Из комнаты вело несколько плотно закрытых дверей. Судя по слою пыли на ручках очень давно.

Немного повременив человек отворил ту, что находилась ближе к нему. Тишину прорезал протяжный скрип сухого дерева. Напряженно, вслушиваясь в окружающую его тишину, путник застыл на месте. Его взгляд остановился на портрете, висевшем на стене. Картина изображала старика, с грозным взглядом, пробиравшим до глубины души даже с полотна картины. Поежившись как от прохладного ветерка, человек заглянул в помещение, большая мраморная ванна занимала почти все пространство широкого помещения.

За другой дверью оказался кабинет, с дубовой резной мебелью, стены, которого украшали деревянные панели с геометрическим узором. Все свободное пространство кабинета занимали книги, написанные на ныне забытом языке.

Вернувшись в спальню, он направился к третьей двери, в темноте нога за что-то

зацепилась. Сильно рассадив колена, человек пинком отправил спинку от поломанного стула в стену. Удар оглушил его, на несколько секунд повисла гробовая тишина. Путник присел на край ложа и случайно сдернул ткань паланкина, кольца зазвенели на медных ободах, державших паланкин над кроватью.

Тихий шорох за спиной заставил человека оглянуться. Сильные руки притянули его к сухой, твердой как дерево груди. Путник рванул, что было сил, но объятия сжались еще крепче, грозя раздавить ребра человека. В ухо зажурчал нежный голос, слова казались знакомыми, само их звучание возбуждало в теле желание. Сверху упали волосы их оказалось так много, что они могли бы с легкостью послужить пологом для ложа. В нос ударило зловоние, быстро превратившееся в изысканный аромат, круживший голову. Мысли начали путаться. Из темноты на путника уставились два зеленых глаза, они становились все ближе. К нему склонялась кошачья морда, не милой домашней кошки, а дикого безжалостного хищника. Образ поплыл, и морда начала меняться, приобретая черты красивой женщины. Такой красоты человеку никогда ранее не приходилось видеть.

— Все ложь!!! Обман!!! — крикнул путник, делая последнюю попытку вырваться из стальных объятий.

Женщина застыла, прекрасное лицо исказил гнев, острые когти пантеры впились в тело человека. Одним движением она оторвала его от кровати, и швырнула о стену. Удар смягчил толстый гобелен, украшавший помещение. Полотно сорвалось с петель и упало на человека сокрыв его под собой.

Ворча, что-то тяжелое ступало по комнате, неторопливо приближаясь к путнику. От жуткого ворчания кровь стыла в жилах, но он продолжал лежать неподвижно, ожидая, что будет дальше. Со свистом слетел гобелен, человек кувырком откатился вбок, и ловко вскочил на ноги. Нечто, огромного роста, с вполне узнаваемыми человеческими пропорциями, стояло перед ним. Вислая грудь, достававшая почти до пояса, выдавали женское начало существа. Темные волосы, свисали тяжелыми прядями до самого пола, скрывая лицо обитателя спальни. Горящие зеленым глаза, пробивались даже через плотный полог волос. Жилистые ноги и руки говорили о необычайной силе. С виду совершенно неповоротливая, дама нанесла молниеносный удар рукой, разбивая в щебень стену за спиной путника.

Увернувшись, человек в два прыжка оказался у закрытой двери. Он дернул ее на себя, с оглушительным треском дверь поддалась, за ней оказался приемный зал. Вдоль стен стояли обтянутые кожей диваны, посередине длинной комнаты валялось несколько перевернутых столиков. Человек занес ногу чтобы войти, из темноты на него уставился рой желтых светляков, они стояли неподвижно, разглядывая гостя, затем быстро стали приближаться.

Он хлопнул дверью и подставил злополучную спинку стула под ручку. С той стороны что-то тяжело ударилось, дверь застонала. Тем временем высокая дама неторопливо приблизилась, на позвонках ее шеи, обтянутых сухой, словно кора дерева кожей, блеснул необычный медальон. Путник узнал древний знак, изображенный на медальоне, резким движением он сорвал его с шеи сушеной дамы.

Высокий звук разнесся по дворцу, его сила оглушила человека. Обхватив голову руками, он кинулся к последней двери, но та запахнулась ему на встречу. Темные силуэты вбежали в спальню и размахивая мечами кинулись на человека. Завязался бой, отбивая атаки врагов, путник двигался к комнате откуда появились воины.

Еще несколько шагов, и человек оказался в караульной. Ударив дверью ретивого стража,

что пытался прорваться следом, он щелкнул мощным засовом, оставляя снаружи шум и сутолоку спальней. Застучали топоры, быстро разрушая преграду. Что-то треснуло в спальне, послышался топот множества ног, дверь караульной затрещала под усилившимся напором.

— Так караульная. Где-то здесь проход в сокровищницу — вспоминал человек. — Интересно, что там поселилось? — думал путник, лихорадочно прощупывая стену в поисках заветной двери.

Взгляд зацепился за изображение дракона на старом гобелене, он не вписывался в интерьер караульной. Путник откинул край полотна, матово заиграла сталь потаенной двери. Неподалеку, возле широкого стола, путник сорвал связку ключей. Трясущейся рукой, он судорожно пытался подобрать подходящий к замку ключ.

В караульную с грохотом влетела раздробленная дверь. Великанша выбила ее ударом, огромной, сухопарой длани. Черные тени вкатились в комнату и застыли, нетерпеливо повизгивая и постанывая. Распихивая толпу, вошел невысокий, коренастый монстр, от остальных его отличал вытянутый нос, с наростами, расположенными по кругу на манер звезды. Поводя из стороны в сторону чувствительными ответвлениями, существо, лишенное глаз, уверенно двинулось к гобелену с драконами. Принюхиваясь и вода отростками по стали двери, монстр что-то искал. Наконец удовлетворенно хрюкнув, указал длинным, когтистым пальцем на вход в сокровищницу.

В тот же миг вся свора рванула с места и наперла на дверь, но створа даже не шелохнулась.

***

Факел вырвал из тьмы, выпуклые бока золотых чаш. Доверху наполненные монетой и драгоценными камнями, они определяли узкий проход среди завалов золота и серебра. Большое помещение, все забитое разной утварью, драгоценностями, сундуками, стоящими вдоль стен, казалось тесным. Особо лежали диковинки со всего мира, устаревшие доспехи, мечта любого коллекционера, дорогое оружие и множество шитых золотом и серебром нарядов, обильно утыканных редкими самоцветами. Несколько механических игрушек, и реликвии древности. Все это в жутком смещении пестрело вокруг человека, найти в этих завалах, что-либо не представлялось возможным.

Первая растерянность ушла, и путник осторожно двинулся по узким проходам. Вскоре попала лампа, он возжег огонь, тонкая искра побежала по залу воспламеняя остальные светильники. На стенах заиграли бликами драгоценные камни, заискрилось золото, не обращая внимание на окружающее великолепие, человек продолжал искать.

— Где же она? — недоумевал он. — Неужели ошибся! Тогда мне конец.

Словно в подтверждение его слов в дверь мощно ударили, затем еще несколько раз, удары становились все сильнее. Времени оставалось совсем мало, вот-вот ворвутся тени. Взгляд человека упал на ряды изысканных доспехов.

— Сколько их тут? Два десятка, три?

Он быстро побежал вдоль рядов доспехов, что выстроились у дальней стены, словно воины застывшие на страже вечности. Брони, в основном оказались глубокой архаикой, из мира тысячелетней давности.

— Не может быть. Он должен быть здесь — задыхаясь бормотал человек.

Дверь выгнулась внутрь помещения, звуки снаружи проникли в сокровищницу. Путник метался по помещению, как загнанный зверь. В отчаянии он пнул щит, инкрустированный золотой проволокой. Его ребро торчало из кучи золотых монет, возвышавшихся от пола на

уровне пояса. Щит со звоном отлетел в противоположный золотой бархан, ударил в бок окованного сундука. Монеты подобно песку поползли вниз, засыпая ноги человека. Из осыпи показалась рука, металлическая перчатка будто приглашала человека к рукопожатию. Золото продолжало ползти, освобождая шлем и плечи золотистого доспеха.

Мгновение путник стоял, не веря своим глазам. Металл холодно поблескивал в неясном свете лампад. Человек протянул дрожащую руку, все еще не веря, что он нашел его. Нежно провел ладонью по гладкому своду шлема. Зашелестело золото, разлетаясь по комнате, путник торопливо раскапывал доспех.

За дверью все стихло, стальные створы устояли под нечеловеческим напором безобразных тварей.

***

Гладкая поверхность полного доспеха, необычного желтого цвета, притягивала глаз идеальными обводами, совершенно не похожими на все, что встречалось сегодня.

Напор на двери возобновился. Мерный стук говорил о появлении тарана, осталось совсем мало времени. Вдохнув побольше воздуха человек протянул руку и уперся ладонью в шлем. Металл словно вздрогнул, по поверхности пошла едва видимая рябь. Путник ждал, раздался шипящий звук. Разойдясь ровно посередине кирасы, металл словно мягкий воск раскрывался все шире, пока не достиг шлема. Секундная задержка, и шлем тоже раскрылся от ворота, до верхнего свода.

Дверь стонала под ударами тарана, отлетели клепки, металлические шайбы как бешенные прыгали по помещению, отскакивая от стен.

Путник вошел внутрь раскрытого доспеха, засов, с жутки лязгом, отлетел в сторону, двери распахнулись. Помещение наполнилось мечущимися тенями, они искали живого. Доспех бесшумно сомкнулся, сокрыв внутри человека, латная рука потянулась за мечом. Клинок с мягким шуршанием вышел из ножен, по краю лезвия пошли зеленные искры.

— Вот и хорошо — выдыхая проговорил путник. — Теперь меч, покажет себя в полной мере — зеленные искры погасли, по полотну клинка расползлась седая патина.

Раскидывая ногами золотой бархан, человек двинулся в сторону теней. Уставив желтые глаза на доспех, идущий на них, чудовища в нерешительности застыли на месте. Минутное замешательство прервал вопль дамы, в котором явно читалось требование покончить наконец с живым.

Первый смельчак, что попал под клинок, с жутким воем отлетел на стену, его располозованное тело забило в конвульсиях. Далее все слилось в кровавой круговерти. Тени напали сразу со всех сторон, человек парируя и отвечая разил врага, оставаясь при этом неуязвимым. Медленно, но верно он сокращал число жителей забытого города. В бессильной ярости дама что-то прокричала в коридор. Маленькие монстры, похожие на мышей, смешно подпрыгивая, разбежались по дворцу.

Дама исчезла в спальней. Тени усилили напор, однако жуткие потери заставили выживших бежать. Оскользываясь на жиже, вытекавшей вместо крови из поверженных, человек огляделся. Сокровищницу завалили тела безобразных существ, некоторые в агонии продолжали бить лапами, снабженными крючковатыми когтями. Помятый в нескольких местах доспех, завибрировал, и следы ударов исчезли.

Отталкивая мертвые тела, путник прошел в караульную, заглянул в спальню, но в кромешной тьме ничего не увидел, и вернулся в сокровищницу за факелом. На обратном пути свет факела упал на морду существа, расчлененного им от шеи до паха. Глаза почему-то

застрали на твари, по спине пробежал холодок, он взгляделся и отшатнулся.

В морде убитого им существа, явственно угадывались черты человека, черты женщины у которой он когда-то останавливался.

— Что с ней случилось? Что могло ее так изуродовать? Неужели все они, жители забытого города? Как может быть, чтобы все горожане превратились в это? — роем пронеслось в голове человека.

Путник шел прямо через анфиладу комнат и залов, более не таясь. Показался главный зал. Давящая тишина повисла в пыльных чертогах дворца. Лишь изредка кое-где сверкали желтые пятна, сопровождавшие тяжелый шаг путника. Он прошел главный зал, впереди маячило светлое пятно центрального входа. Остановившись на пороге человек кинул последний взгляд в мертвые покои дворца короля Мампсиса. Жемчужина Нгеве превратилась в склеп, где доживали свой век жуткие твари, когда-то имевшие человеческий облик.

По полу пошла вибрация, человек скорее почувствовал, чем услышал ее. Мерный ритм шага сотрясал своды огромного здания. Света факела не хватало, чтобы осветить, то, что приближалось из глубины дворца. Звук шагов звучал все ближе, по-хозяйски, не торопясь оно шло к нарушителю покоя.

Вибрация прекратилась, шаги стихли, лишь желтые пятна, подобно звездам зажглись в глубине бездонного зала. С каждым мгновением, огней становилось все больше.

— Сколько-же их! — изумился человек глядя во тьму.

— Ты все-таки вернулся!!! Долго же пришлось тебя ждать!!! — прогремел раскатистый голос.

— Мампсис? — удивился человек.

— Не ожидал меня вновь услышать? — смеясь прогремел гигант из темноты.

— Нет, не ожидал — спокойно ответил человек. — Я пришел за тем, что принадлежит мне! — чувствовалось, что эти двое знакомы давно и им есть, что предъявить друг-другу.

— За своим? Что ты называешь своим, лжец? — прогрехотал в ответ голос из тьмы.

— Зачем задавать вопросы, когда ты и сам знаешь на них ответ!

— Я лишь хочу, чтобы ты вернул мое сокровище! Ты же знаешь, за что я забрал у тебя Пасис? — попытался увещевать человека Мампсис.

— До сих пор не могу понять, что тогда на тебя нашло? — ответил человек.

— Ну если ты помнишь, мы тебя приняли как бога, а ты чем нам отплатил? — продолжил правитель мертвого города.

— Ну, наверное, победой над полчищами орков, если мне не изменяет память!

— Ты нам лгал! Обещал дар бессмертия, а потом бежал, выставив меня дураком! Ты нанес непоправимый ущерб моей чести!!! Ты должен был умереть за это, но жив до сих пор. И за такую милость ты опять отплатил черной неблагодарностью! Верни, то, что украл!!!

— Я не твой подданный, поэтому ты не мог меня казнить. Я никогда не обещал бессмертия, ни тебе, ни кому-либо другому. И я вернул свое, то, что ты подло украл у меня, много веков назад! — жестко ответил человек.

— Ты отказал мне в бессмертии, гнусный лжец, и выкрал ключ! И после всего этого ты говоришь, что не вор?! — вскричал громовой голос.

— Этот знак мне достался в честном бою — человек поднял в вытянутой руке медальон, который снял с шеи деревянной леди. — Я заплатил слишком высокую цену за обладание им! Это ты предал меня. Презрев мои заслуги, забыв о том, что я спас твое королевство!!!

Твоя страсть, алчное желание стать равным богам, желание обрести бессмертие, затмили твой разум Мампсис. Ты предал меня, продал в рабство, а сейчас смеешь совестить!!! Я никогда не обещал тебе бессмертия, нет у меня такого дара! Не мог я его дать!!! Ты перепутал меня с Наргалом, это он тебе обещал бессмертие, так с него и спрашивай! Хотя, как я вижу, ты все-таки получил его дар.

— Ладно, что уж теперь спорить. Столько лет прошло, а вот мою казну ты не имел права разорять! — примирительно проговорил голос из тьмы. — Ключ можешь оставить себе, все равно Алайна не нашла как его использовать. Доспех верни! И можешь уходить!

— Зачем он тебе Мампсис? Ты же никогда не сможешь им воспользоваться. Он мой и всегда будет служить только мне.

— Да он мне и не нужен, но это твоя плата за предательство и ложь. Скажи спасибо, что я тебя отпускаю. Отсюда мало, кто уходит. По крайней мере, таким же как пришел — Мампсис недобро хихикнул.

— Король ты так и остался глуп. Посмотри во что ты превратил свой народ, свое царство. Ты же сам стал чудовищем и подданных превратил в существ, что сутью своей противны жизни!

— Чудовища, ... Чудовища ... заладил! Да что ты знаешь, о нас? — задумчиво произнес король. — Я дал бессмертие людям! Да, за это пришлось заплатить цену, но мы поднялись над смертными, мы стали равны богам!!! Заметь я сдержал свое слово, все мои подданные получили дар бессмертия! — не без гордости произнес Мампсис.

— Ты обрек своих подданных на мучения. Вы не живете, вы существуете во мраке, как дикие звери, в которых вас превратил темный дар Братьев. Мне страшно представить во что ты превратился, твою дочь я уже видел ...

— Ха-ха-ха!!! — рассмеялся Мампсис. — Это моя супруга! Алайна стара, и медлительна, она можно сказать милашка, а доченьку ты еще не видел, и поверь тебе стоит поблагодарить богов за это!

Из темноты выдвинулась плоская голова, покрытая толстыми костяными пластинами, абсолютно черные глаза, размером с блюдце, пристально смотрели на человека.

— Так что? Ты отдашь, то, что украл, или нам забрать Пасис силой?! Вместе с твоей жалкой жизнью! Выбирай, но быстрее, Нафи не столь терпелива как я!!!

Из темноты показалось чудовищных размеров тело, покрытое пластинами костяной брони, король напоминал огромную черепаху. Двумя правыми руками, он сдерживал за шею, рычащую и рвущуюся в сторону путника образину.

— Ну как тебе моя малышка?! — со смехом в голосе спросил король.

— Это малютка Нафи?! — с сомнением и дрожью в голосе спросил Амадо.

— Ну теперь уже не малютка!!! — с видимым усилием удерживая образину, похвалился король.

— Ты совсем рехнулся!!! Ты даже не видишь, что сделал со своими близкими, чертов безумец!!! — человек взялся за эфес, по лезвию побежали зеленные искры, и патина быстро напозла на клинок.

— Что ж ты сделал выбор!!! — пророкотал Мампсис.

Мощные руки разомкнулись, и шея образины освободилась. Осознав свободу, Нафи кинулась к человеку, раскидывая ключья пены из широко раскрытой пасти. Амадо едва успел отскочить в сторону. Жилистая лапа, просвистела рядом с головой, вспоров загнутыми как крючья когтями пустоту. Поднявшись на задних лапах, образина передней ударила в доспех.

В воздухе повис металлический гул, удар невероятной силы отшвырнул человека в сторону. Тварь высоко подпрыгнула и мягко опустилась перед Родриго. Воин кувыркнулся и встал на ноги. Меч прочертил дугу и едва коснувшись блестящей шкуры, скользнул по гибкому, словно отлитому из жидкой стали, телу. Длинный, узкий хвост кнутом щелкнул по шлему, путник ткнул в обнажившееся на секунду брюхо, но Нафи резко ушла в сторону, и впиалась острыми как лезвия ножей зубами в руку, наносившую удар. Что-то дробно застучало по спине, с неприятным скрипом соскальзывая с гладкой стали доспеха. Две косы, идущие длинными хвостами от головного воротника зверюги, изогнувшись наносили быстрые удары в спину человека. Амадо успел заметить, на конце одной из кос острый шип длинной в палец.

— Да зверюга прирожденный убийца, клыки, когти, сила и скорость, да еще и яд! — с некоторым восхищением подумал человек.

Нафи отскочила в сторону, и приготовилась к прыжку. Видя приготовления зверюги, человек присел. Стальная пружина тела разжалась, и огромная тень пролетела, в миллиметрах над головой воина. Развернувшись на сто восемьдесят градусов, он нанес колющий удар в раскрытую пасть чудовища, которое перепрыгнув человека рассчитывало напасть на латника со спины. Сила прыжка и вес тела монстра сложились с силой удара клинка. Рука вместе с мечом утонула во внутренностях чудовища. Зверюга хрипло застонала, и увлекая за собой воина, проволокла его по инерции несколько метров. Стараясь как можно быстрее освободиться от железных челюстей хищника, человек, разжал стальную хватку природного капкана. Приподняв мертвое тело, он освободил ноги из-под поверженной Нафи.

Подняться человек не успел, черной массой на воина обрушились «жители» города. Ломая когти и зубы, они пытались рвать металл доспеха. Тяжесть сотен тел придавила Амадо к земле, он попытался встать и тут же снова валился наземь.

На периферии сознания звучали громовые проклятия Мампсиса, затряслась земля. Совершая огромные скачки, совершенно не вязавшиеся с внешним видом короля-черепахи, Мампсис приближался к человеку, грозя раздавить его, словно пустой орех. Жители города в страхе разбежались в стороны.

Почувствовав свободу, путник поднялся на колени, в ту же секунду чудовищный удар отшвырнул его. Тело человека пролетело через весь двор. Изувеченный доспех тащил путника к заветной кромке, где смыкалась тьма города и свет взошедшего солнца. Грохот шагов быстро нарастал, из последних сил Амадо выкатился за линию сумрака в сияние лучей солнца. Светило веселыми бликами заиграло на гладких поверхностях металла. Огромная рука схватила тело воина и сжала, доспех покорежило, затрещали ребра, в нос шибанул запах паленной плоти. Дикий вопль короля-черепахи, последнее, что осталось в памяти человека.

Перед глазами маячило, что-то голубое, сознание с трудом возвращало человека в реальность. Склонилось лицо, странный овал которого запустил поток мыслей.

— Нет это не человек! Да, это точно не человек! Чье это лицо? Где я? — вопросы вились в голове, словно рой назойливых мух, мешая сосредоточиться.

— Проснулся?! ... — разобрал он, в чужом, гортанном наречии.

— Чей, это язык? Такой знакомый — ответ пришел сам.

Сознание услужливо вернуло давно забытые картины. Сражения с орками около Нгеве, города славного короля Мамписиса. Короля, слывшего защитником и надеждой людей Элусы, земли бронзовых людей.

К первому орку присоединилось еще двое. Дорогие халаты, говорили о их знатном происхождении, а стать выдавала опытных воинов. Вперед вышел молодой орк.

— Человек ты говоришь на всеобщем?

— Можно и на вашем — задыхаясь ответил путник.

Удивленно вскинув брови, молодой, повернулся к оркам в дорогих халатах. Один из них с особенно безобразно рассеченным лицом, махнул головой разрешая продолжать разговор.

— Хорошо, так будет проще — успокоившись продолжил молодой.

— Кто ты? Откуда знаешь язык моего народа?

— Я Родриго Амадо, служил у короля Инана, теперь изгнан со своего владения. После смерти Славного короля много путешествую, по большей части с караванами купцов. У них и выучил ваш язык — ответил человек.

Внимательно вглядываясь в человека, молодой орк спросил.

— А у Черной скалы, что искал?

— Отбился от каравана, во время песчаной бури — соврал Амадо.

— И как давно? — с улыбкой спросил орк.

— Три дня назад — без запинки ответил человек. Родриго знал, что бури в этой местности явление частое, и надеялся, что ложь останется незамеченной.

— А почему вы спрашиваете? — наивно поинтересовался человек, глядя в умные глаза орка.

По взгляду молодого Амадо понял, что его словам не поверили, и ведут разговор лишь для того, чтобы понять кто он.

— Зачем пошел в Чумной город? — не обращая внимания на вранье человека продолжал допрос молодой.

— Разве? А я думал, что это оазис, так радовался ...

Тяжелый удар опрокинул голову Амадо обратно на лежанку. Голубой свод шатра поплыл перед глазами.

— Человек мы тоже умеем шутить, но ты нарушил священный запрет, и тем навлек на нас гнев богов. Из-за тебя зло снова проснулось и пришло в селения, оно унесло много жизней. И эти жизни на твоей совести! Ты смеешь врать, и тебя пока прощают, ибо ты не ведаешь, что перед тобой стоит великий Лагуш Урхан! Владетель земель от Черных Скал, дс Эльфийского моря, страж Чумного города. Спрашиваю в последний раз, кто ты и зачем пошел в город мертвецов?! И на этот раз не лги! Пощады больше не будет!

Повисло молчание. Амадо задумался, о чем можно рассказать, а что стоит скрыть. Как

любой профессиональный лгун он решил ложь приправить правдой.

— Прошу простить меня, о милостивый и справедливый Лагуш правитель Тальхура! Прости мне мою наглость и глупость... — учтиво проговорил Амадо.

Седой орк посмотрел с презрением и равнодушием на мелкого человека, обезображенный орк со свистом вытащил саблю. Лагуш остановил его жестом.

— Продолжай — тихо приказал он человеку.

— Я действительно искатель приключений. Одно сиятельное лицо Амората, наняло меня добыть, некий артефакт в руинах Нгеве. В моей суме вы найдете карту, и описание предмета. Я лишь хотел заработать свои десять процентов — нерешительно начал Амадо.

— Как зовут твоего нанимателя? — заинтересованно спросил Лагуш.

— Альфред Скюло — Амадо не оставалось ничего иного как врать, человек спасал свою жизнь. Он понял, что попал к племенам Ватигов, стерегущих зараженный город. Многие века они следили за Нгеве. Ватиги защищали окружающие земли от заразы, которая поразила нгеванцев. За эту службу местные племена платили им десятую долю от имущества каждого жителя земель, лежащих по эту сторону Патара.

Особое удовольствие доставляла возможность подставить под удар первосвященника, зарвавшегося кастрата. По неписанным установлениям, Ватиги обязаны найти и покарать нарушителя, невзирая на его положение. Хотя вряд ли это облегчит участь исполнителя. Он преступил запрет и его казнят, как и прочих, оставив в пустыне по шею закопанным в раскаленные пески.

Вновь повисла тишина, Лугаш, сделал знак и повернулся чтобы уйти.

— О милостивый Лугаш, я знаю, что нарушил священный запрет, и знаю, что неминуемо буду наказан. Перед смертью прошу. Позволь мне, о всемилостивейший, преподнести тебе в дар мой доспех, доспех моего предка. Пусть он послужит искуплению моего проступка.

— Зачем мне твой хлам? — раздраженно кинул седой.

— О всемилостивейший Лагуш, сей доспех очень дорог. Цена, что ты выручишь за броню, позволит наполнить твою казну на год. Так я хочу возместить тебе гибель соплеменников — униженно проговорил Амадо.

Глаза орка презрительно сощурились, он внимательно посмотрел на Родриго, затем кивнул, и вышел. Оставалось ждать.

***

В шатер вбежал запыхавшийся молодой орк.

— Где пленный? — закричал он, немного давая петуха.

— Так повели его, уже минут пять, как — вяло реагируя на напор молодого ответил пожилой орк стражник.

— Куда они его везут? — срывающимся голосом завопил молодой.

— Ты это не, пищи, Питлох. Я тебе не сосунок, чтобы орать. Заруби себе на носу! Болтун! На тухлую поляну, в зыбуны, повезли твоего га. Поторопись. Уж, наверное, только голова и торчит.

Питлох сорвался с места и вскочив на коня кинулся в сторону, торчащих из песков черных скал.

— Неужели опоздает? — с внутренним волнением думал Амадо.

Вонь сероводорода становилась все более невыносимой. Мешок на голове не позволял увидеть, куда его привезли, но запах, говорил сам за себя. Зыбуны, любимое развлечение

орков, они умудрялись делать ставки на то сколько несчастные протянут на поверхности. Тело больно ударилось о землю, затем его куда-то поволокли, сильные руки подхватили за ноги и плечи, начали раскачивать.

— Да постойте, я еще не успел сделать ставку! Чего гонишь Кудлак, боишься, что твою перебью? — гортанно прокаркали откуда-то сбоку.

— С чего ты взял, Рога? Ты хочешь меня разозлить? — послышалось шипение вынимаемого из ножен клинка.

Вокруг тут же загудела толпа орков, начались ставки на то, кто кого одолеет. Если бы не опасность ситуации, в которой оказался Амадо, его даже развеселило бы сложившееся положение вещей. Послышался звон стали, и хриплое дыхание бузотеров.

— Стойййй, стойййй — кто-то кричал, приближаясь на лошади.

— Питлох? Что этому проныре тут надо? — разочарованно проворчал Кудлак.

— И подрасться нормально не дадут! — в сердцах бросил Рога.

— Где человек? Куда вы его дели? — орал Питлох, выпучив глаза на нагло глядевших орков.

— Да вон он, чего орешь недомерок! — злобно огрызнулся Кудлак, тыкая толстым как сарделька пальцем в тело с мешком на голове.

Сердце Амадо остановилось, сейчас решалось жить ему или умереть. Не говоря больше ни слова Питлох перехватил человека в поясе, закинул на лошадь, вскочил в седло и умчался в сторону оазиса. Орки сокрушенно качали головами, глядя как их развлечение увозят обратно в пустыню.

***

Прохлада королевского шатра, погрузила человека почти в блаженное состояние. Молодая девушка орк принесла поднос с кубком воды, и не смея поднять глаз на Родриго, протянула его на вытянутых руках. Разминая затекшие кисти, человек оглядывал роскошные апартаменты короля орков. Он поклонился девушке принимая воду, та вскинула темные глаза в которых светилось нескрываемое любопытство, не выдержав взгляда человека она снова потупилась. Лагуш махнул рукой, и девушка выскользнула из шатра.

— Итак человек, ты мне солгал второй раз. Хотя, понимаю почему — не глядя на Амадо, орк перелистывал древнюю книгу, лежащую перед ним на невысоком столике.

Человек молчал ожидая, что будет дальше.

— С твоей стороны было, очень умно подарить мне доспех. Хитрый ход... Думаешь верный расчет? Хотел удивить меня, и отложить смерть?

Родриго молча слушал Лагуша, пытаюсь почувствовать настроение орка.

— Ну что молчишь? Убеди меня, что я не зря отложил твой конец — орк прямо взглянул, на пленника, его жесткие глаза уперлись в глаза человека.

— Что ты хочешь знать? — улыбнулся Амадо.

— Все. И желательно правду. Во-первых, как ты прошел в Нгеве? У нас там везде патрули, да и местные тебя вряд ли пропустили бы. Они слишком хорошо знают, чем грозит нарушение запрета.

— Я прошел через лабиринт.

— Лабиринт? — удивился Лагуш. — Хорошо, а зачем? Лабиринт ведь место гиблое, неужели ради сокровищ? — хитро прищурился орк.

— Нет, есть куда более ценные вещи чем золото и серебро. Мне нужна была броня, мне ее заказал...

— Не смей мне врать!!! — взорвался орк, грозно сверкая глазами.

В шатер вошел орк-воин с обезображенным лицом, в его руке блестела сабля. Лагуш махнул рукой показывая, что все в порядке.

— Кто ты?

— Родриго Амадо — орк впился в глаза человека.

Амадо спокойно выдержал взгляд серых глаз короля.

— Пасис мое наследство, я наследник того, кто владел этим доспехом.

Король орк резко встал с пуфика, прошелся кругом по шатру, остановился, взгляделся в лицо пленника, затем вернулся на свое место. Мучительный процесс сведения известных ему данных закончился. Прозвучали два хлопка. Полог шатра откинулся, впустив яркий луч палящего солнца, вошел молодой орк.

— Питлох, вели принести доспех — приказал Лагуш не сводя глаз с человека.

Лицо Амадо не выражало, ни малейшего беспокойства. Внесли доспех, Лагуш прошелся вокруг железной фигуры, остановился напротив, приложил руку к своду шлема, но ничего не произошло.

— Видишь, он не лжет! Твои слова легко проверить. Я даю тебе последний шанс. Кто ты и зачем пришел в город? Прежде чем ты ответишь, хорошо подумай. Больше шанса не будет! — лицо Лагуша не оставляло сомнений в серьезности угрозы.

Шатер постепенно наполнили воины. Орки топтались около входа, недобро глядя на человека.

— Мне больше нечего сказать, я пришел за своим — человек поднял глаза, и впервые взглянул в глаза орка не таясь. Король не смог выдержать жгучий взгляд черных глаз.

— Докажи — удивительно спокойно проговорил орк.

Родриго подошел к Пасису, и коснулся шлема, доспех завибрировал и раскрылся.

Произошедшие следом события сменялись, как узоры в калейдоскопе. Человек мгновенно запрыгнул в раскрытый доспех, он еще закрывался, а к Амадо подскочил обезображенный орк. Кривая сабля высекла искры из кирасы, сомкнувшись за доли секунды до удара. Ответный удар стального кулака, отшвырнул орка, в стену шатра, пробив ткань он вывалился на улицу. В один прыжок Родриго оказался в просвете разорванной стены шатра. Безобразный орк, уже поднимался с земли. Вокруг собрались удивленные зеваки, из шатра выбежали воины. Не останавливаясь человек рванул в пустыню. Сбивая с ног мощных орков, он добежал до края оазиса. Кто-то попытался выставить копьё, но пленник успел отвести его в сторону, отшвырнув древком нескольких соратников смельчака. Высоко подпрыгнув Амадо вырвался на свободу, и побежал в направлении Нгева.

Позади послышался храп лошадей, орки нагоняли беглеца. Засвистели арканы, веревочные петли туго перехватили тело человека. Проскочив на полном ходу вперед, всадники поволокли его за собой. Амадо пытался разорвать путы, но веревки оказались прочными. Вскоре лошади сбавили ход и остановились. Несколько орков слезли со скакунов, и направились к нему. Остальные, используя силу животных, натянули арканы, удерживая человека на месте. В броню что-то сильно ударило, и со звоном отскочило.

— Стелы — сообразил Родриго.

Мимо пролетело короткое копьё. Мысли металась в голове как бешенные, требовалось срочно что-то придумать. Осторожно обходя человека, орки готовились атаковать. По тому как они двигались Амадо видел, что это опытные воины, они знали, что делают. Схватив обеими руками один из арканов, он дернул, что было мочи. Орк вылетел из седла, ойкнув

упал на землю и прокатился несколько метров в сторону человека.

— А я уже и забыл, как это, быть сильным. Спасибо тебе Пасис — подумал с благодарностью Амадо.

Орки, изумленно глядя на вылетевшего из седла товарища, остановились. Следом слетел второй, затем еще один, воины кинулись к человеку. Один из всадников пришпорил коня и повалив Родриго на песок, потащил пленника за собой. Лошадь остановилась, и орк тут же вылетел из седла. Поднимаясь на ноги Амадо заметил, что со стороны оазиса к ним приближаются еще конные. Он перепрыгнул, через лежавшего на земле орка, и сходу влетел в седло. Конь рванул с места, аркан вырвался из рук орка, и концом хлестнул по лицу, оставив багровый рубец. Вместе с конем Родриго получил и оружие, притороченный к седлу длинный меч. Справившись с животным, человек вновь направился к Чумному городу. Погоня звучала уже совсем близко, воины охранявшие подходы к городу кинулись на перерез, пытаясь остановить седока. Впереди показался величественный полукруг главной площади и вход в мрачный город. Амадо остановил коня на месте соприкосновения тьмы и света, оглянулся, орки отстали и в нерешительности гарцевали на лошадях метрах в ста от него.

Кто-то крикнул.

— Чокнутый, вернись!!! Там нет ничего кроме смерти!!!

Человек вгляделся во тьму, с той стороны за ним неотрывно следили тысячи желтых глаз. Колыхание черной массы тел напоминало волны прилива, бьющие в непреступные скалы.

Под недоброжелательные взгляды орков, с одной стороны и алчущие с другой, Амадо развел костер и уселся подле огня, спиной к преследователям.

К полудню прискакал Питлох, орк привез предложение от Лагуша. Король обещал ему жизнь, правда при условии, что Родриго станет почетным пленником. Человек внимательно выслушал орка, и немного подумав произнес.

— Ты молод орк, и предан своему господину... И, наверное, искренне веришь, что он сдержит слово, но мой опыт подсказывает, что король не пощадит меня. Передай Лагушу, мне жаль что я навлек на вас беду — он указал на шевелящуюся массу в сумраке.

— Скоро наступит ночь, и это придет в ваши селения к детям, женам и родителям. Они возьмут все, до чего смогут дотянуться. Я не могу стать пленником, но могу предложить помощь Лагушу. Верните мне мой меч, и я спасу ваши оазисы.

— Зеленый? — смущенно спросил Питлох.

— Да. Он мне нужен до сумерек, потом будет поздно.

— Хорошо я передам королю твои слова.

Орк сел на коня, и уже повернул его в сторону лагеря орков, расположившихся в ста метрах от Амадо.

— Почему до сумерек? — спросил Питлох, придерживав лошадь.

— Сегодня из города выйдет Мамписис со своими подданными, вы его зовете Тартис...

— Это легенды. Чумной король, это миф — с усмешкой проговорил Питлох.

— Что ж, если мне не удастся его остановить, миф обретет плоть. Поверь, лучше, чтобы этого не случилось. Верните мне мой меч.

Питлох пришпорил коня и умчался, поднимая клубы песчаной пыли.

***

Амадо успел задремать, потому не сразу услышал, что к нему приближается делегация.

Впереди на тонконогой лошади ехал сам Лагуш, его сопровождало восемь всадников. Вытащив меч человек, напряженно ожидал пока кавалькада подъедет ближе.

— Опустим меч Родриго, я с миром — успокоил человека король орков. — Я приехал узнать, что ты можешь мне предложить — примирительно начал Лагуш.

— Деловой подход? Это мне нравится — улыбнулся Амадо. — Я хочу выманить Тарсиса. Покончив с ним, мы остановим обитателей Нгева.

— Почему ты думаешь, что тебе удастся его выманить? — с сомнением спросил Лагуш.

— Он придет за этим — Амадо ударил ладонью по груди. — Он считает его своим, и обязательно попытается вернуть «украденное» ... К тому же я убил его дочь.

— Кого? — переспросил Лагуш.

— Тварь, что когда-то была его дочерью..., напоминает химеру, но намного больше и опаснее.

— Нахмет?! Мертва? Что ж, коли это правда, то это хорошие новости — растерянно произнес Лагуш.

— Я благодарю тебя за то, что ты избавил мой народ от Нахмет, но меч не верну — негромко проговорил король. — Думаешь я не узнал легендарный клинок, сумасшедшего Сарназара. Клинок, что получил имя Безумный губитель! Думаю, его не просто так называли этим именем. Поговаривают, что меч сводит своего обладателя с ума. Запомни человек зло, злом не уничтожить. Тьма может породить лишь тьму.

— Лагуш неужели ты веришь в сказки?! — усмехнулся Амадо. — Это всего лишь клинок, бездушный кусок металла. Рука, что владеет им определяет, кого убьет меч. К тому же без Пасиса это всего лишь обычный меч, да особо прочный, но обычный. Отдай его мне, и я опрокину сотни врагов! Я одолею Тарсиса! А с этим... — человек поднял полуторный меч. — Я вряд ли смогу выстоять, против Чумного короля. Повелитель ты ведь знаешь, что, покончив со мной он придет в твои оазисы. Так помоги и мне, и себе.

Орк задумался, повернул скакуна, и знаком приказал Питлоху отдать меч, стеганул лошадь по боку плетью и поскакал в лагерь. Кавалькада последовала за королем. Питлох нехотя отвязал притороченный у седла сверток и передал человеку.

— Поблагодари короля — сказал Амадо, протянув орку записку.

— Передай это своему владыке, только обязательно передай — строго глядя в глаза молодому орку произнес человек.

Ткань упала на песок, свернувшись подобно змее, матово заблестел клинок непривычного болотного оттенка. Металл доспеха коснулся рукояти меча, побежали искры, и патина расплзлась по клинку, как инеем покрывая его поверхность. Изумленный Питлох не шелохнулся, боясь спугнуть явленное ему чудо. Он продолжал стоять напротив Амадо и затаив дыхание глядел на удивительный меч.

— Теперь повоюем — довольно пробормотал человек.

Молодой орк скинул охватившее его оцепенение, неловко кивнул Родриго, и прыгнув в седло умчался к своим.

***

Сумерки быстро опускались на землю, скорая южная ночь, вступала в свои права. В городе слышалось движение, через минуту переросшее в топот тысяч ног. Зловещее перешептывание разлилось над площадью. Чумное воинство готовилось к набегу, наступило его время. Неожиданно все стихло, слышались неторопливые шаги. Король Мампис шел собственной персоной, сотрясая землю тяжелой поступью. Король Нгева пришел наказать

сметных за гибель дочери.

Одиноким рыцарь казался крошечным против черной массы, переливающейся через линию света и тьмы. Большой меч, отнятый у орков, он воткнул перед собой в землю, второй, короткий, держал в опущенной руке. Тени неслись мимо, обтекая человека по сторонам подобно потоку огибающему скалу. Длинный меч описал дугу, легко, точно не имея веса, широкое лезвие врезалось в толпу бегущих обитателей Нгева. Тела убитых отлетели на бегущих, опрокидывая их. Началась давка, визг смешался с рычанием, тени остановились, нерешительно обступая Амадо. Впереди выросла громада короля Мампсиса, тени испуганно отступали в стороны, освобождая дорогу повелителю.

Увидев врага Мампсис ускорил шаг, оглушительно топая, он обрушил всю мощь огромного тела на человека. Камень плеснул осколками во все стороны, ранив неосторожно приблизившихся подданных чумного короля. На месте удара осталась воронка, ударной волной Родриго отшвырнуло в толпу. Обезумевшие от страха тени откатили от рыцаря, уступая Мампсису свободное место. Секира, на длинной рукояти, со звоном впиалась в землю возле человека. Амадо еще не успел подняться, потому перекатился в сторону Мампсиса. Оказавшись в мертвой зоне, он поднялся и нанес точный удар клинком болотного цвета в закрытый массивными костяными пластинами живот короля. Клинок соскользнул, оставляя глубокую борозду в пластинах. Сокрушительный удар рукоятью секиры вновь опрокинул Амадо, сверху опустилось лезвие огромного топора. На кирасе Пасиса, остался глубокий рубец, но секира не пробил доспех. Родриго ударил древко секиры сбоку, легко переломив посередине. Бешенные удары мощной дубины, что осталась в руках Мампсиса, не давали человеку подняться с земли, швыряя рыцаря точно тряпичную куклу.

Вышла большая луна, ее мертвенно-желтый свет залил площадь. Амадо мог точно указать, то место, где его настигла секира, по четко видимому силуэту, оставшемуся в камне. Трафаретом впечатанный в камень, отпечаток чернел на белесой плоскости. Измочаленная дубина отлетела в сторону. Король попытался ударить человека громадной лапой, оснащенной четырьмя толстенными пальцами. На конце каждого красовался широкий как лопата коготь, твердостью сравнимый с гранитом, но промахнулся.

Используя возникшую передышку Амадо поднялся на ноги и кинулся в толпу. Рыцарь прорубал себе путь к выходу с площади, раскидывая попадавшиеся на пути тени.

Над горизонтом вспыхнуло зарево. Сотни костров, разоженных по границе города, отрезали путь теням. Оглушающий крик тысячи глоток, слившийся в единый клич, разорвал ночь. В море теней, врезалась лавина конных орков. Яростная атака опрокинула войско Мампсиса, тени побежали, топчя своих же. Размахивая пылающими факелами, орки сеяли панику среди нгеванцев.

Чумной король, отвлеченный шумом, застыл на месте, а мгновение спустя ринулся вперед, давя и своих, и чужих. В несколько шагов король нагнал человека, удар в спину отшвырнул Амадо на скалу. Доспех, разорванный в месте, где каменные когти соприкоснулись с металлом, быстро восстанавливался, стягивая края пробоины и выправляя покоренные части. Шатаясь Амадо поднялся на ноги, наклонился за мечом, но туша Мампсиса ударила о скалу, камень осыпался на человека, придавив к земле глыбами песчанника. Гигант занес кулаки, чтобы нанести решающий удар сверху, но мощный толчок сотряс тело короля. Треск переломившегося копья, и ржание испуганной лошади, говорили о том, что кто-то атаковал чумного короля верхом. Как из тумана Амадо увидел падающего с коня Питлоха. Орк неловко взмахнул обломком копья, и упал на спину. Мампсис попытался

раздавить всадника, топнув ногой, больше похожей на колонну, чем на конечность живого существа, но Питлох успел перекатиться, и король промахнулся. Взбешенный промахом, он схватил за задние ноги лошадь орка, и начал избивать ее тушей всадников. Факел, брошенный из темноты, ударился о голову монстра, рассыпав множество искр по черепашной морде. Безумные глаза Мампсиса вгляделись во мрак. Амадо стоя в одном из проходов лабиринта поманил чумного короля, остатки туши животного полетели в него. Человек ловко вскочил в седло лошади и погнал скакуна через узкий проход, срезая по пути головы теней, которые расползлись по лабиринту. Чудовищная черепаха ринулась вслед за обидчиком, снося преграждавшие путь скалы, прорезая лабиринт напрямую. Впереди появились конные орки, они разгоняли факелами нгеванцев, расчищая дорогу Амадо. Родриго удалось значительно вырваться вперед, и, прежде чем монстр успел нагнать его, Амадо скрылся за черными скалами.

Черный камень разлетелся на куски, из пылевого водоворота шагнуло гигантское тело короля Нгеве, на его пути стоял человек с высоко поднятым факелом.

— Что Мампсис, не сильно помогает дар? Ты пожертвовал своей семье ради бессмертия, бессмертия любой ценой. И теперь ты узник собственного дворца, в окружении подданных, что твоя страсть превратила в чудовищ. Безумец!!! Ты не пожалел ни жены, ни дочери!!! Как ты мог?! — комок подступил к горлу Амадо.

— Маленькая Нафи, светлое, чистое дитя... Даже ее не пожалел!

Вопль отчаяния сотряс округу. Король кинулся на говорившего, но шаг его замедлился. Поступь гиганта перестала сотрясать почву, а сам он осел в песок сразу на половину. Попытки выбраться ничего не дали, огромное тело погружалось все глубже, Мампсис провалился в зыбуны Черных скал.

Длинная шея вытянулась, стремясь создать большую площадь опоры на поверхности зыбучих песков, дыхание короля выровнялось, а глаза обреченно потухли.

— Не тебе меня судить! Ты также пожертвовал своей семьей ради страсти знания. Я все о тебе знаю Даад, и мне тебя не жаль... Это ты повинен в моем несчастье... — тело монстра погружалось все быстрее, на поверхности осталась только шея и голова.

— Почему ты мне тогда все не рассказал? Зачем лгал? Знай я все тогда, ни за что не пустил бы этих монстров в свое королевство, но ты скрыл!

— Ты бы мне не поверил! Ты же одержим!

— Да не поэтому ты солгал. Тебя заботил только мой алтарь. Вернуться, вот все, что тебя тогда волновало...

Звук потонул в сомкнувшейся над головой Чумного короля вонючей жиже. Крупные пузыри газа еще некоторое время беспокоили поверхность песчаной ловушки.

***

Рассвет бросил робкие лучи на поле, усыпанное телами чудовищных подданных Мампсиса. Тела быстро рассыпались под лучами солнца, вскоре остались лишь костяки, густо усеявшие все пространство перед входом в скальный город. После гибели Чумного короля, тени словно обезумели, они рвались к зыбуну и кидались следом за повелителем. С рассветом нгеванцы бежали в спасительный мрак города, где попрятались по своим домам. Орки не решились их преследовать, внутри оставалась Королева Мать, встреча с ней ничего хорошего не сулила.

К Амадо подошел Лагуш, подошел один, свиту оставил невдалеке. Человек стоял, привалившись к скале, у самого края зыбуна, внимательно глядя на застывший песок.

Заслышав шаги, он повернулся и учтиво поклонился.

— Не надо церемоний Родриго, или может Даад? — спросил монарх. — Да не думал, что мне придется увидеть самого Даада! Даад Вестник Смерти! — несколько пафосно произнес король. — Это правда?

— Иногда лучше не знать правду Ваше Величество — уклончиво ответил человек.

Лагуш внимательно заглянул в глаза человеку, но снова не выдержал жгучего взгляда и отступился.

— Я тебе благодарен за помощь! Твое письмо меня удивило, но план сработал. Мы живы и мир на время защищен. Однако ты нарушил запрет. Именно ты разбудил Чумного короля, и сам понимаешь я не могу позволить тебе оставаться на нашей земле. Но я помню добро, тем более что ты рисковал собой, спасая жизни бывших врагов. Поэтому можешь просить, что хочешь. Я одарю тебя, как подобает королю.

— Ваше Величество прикажите вернуть мне мои сумки, и все, что в них находилось...

— Ну это я вряд ли, но что смогу вернуть, верну. Еще.

— Коня быстрого, и недельный запас пищи и воды, а также беспрепятственный проход.

— Однако, конкретно и четко. Хорошо. К вечеру у тебя все будет, а завтра ты должен уйти, или мои воины убьют тебя. Прощай Даад, надеюсь мы никогда больше не встретимся. Насколько я помню, ты водишь дружбу со смертью.

— Досужие байки — нехотя отозвался Амадо.

— Не думаю, там, где ты появляешься всегда смерть и война — настоял король. — Хотя ты меня удивил. Не знал, что люди способны вознестись над своим чувством превосходства. Впервые вижу, чтобы жизнь орка для человека была не менее ценна, чем жизнь соплеменника. О тебе рассказывают совсем иное...

— Люди меняются, то, что когда-то было моими соплеменниками выродилось. Теперь я ценю поступки, а не происхождение. Даже мудрым приходится учиться.

— К сожалению, я вынужден согласиться с тобой человек — с грустью ответил Лагуш. Король, прощаясь, махнул рукой, и быстро зашагал к скучающей свите.

С тяжелым сердцем женщины собирали в путь своего любимого мужчину. Ханна даже принялась причитать и плакать, за что Крамвуд ее сурово отчитал. Мая привела Товарда, чтобы сын попрощался с отцом. Ребенок, еще не понимая всей серьезности происходящего, веселело смеялся, радуясь возможности пообщаться с родителем. Пока Хельм оставался дома Мая держалась, стараясь не показывать своего отчаяния, но, когда отряд покинул город, разрыдалась в чулане. Подальше от любопытных глаз прислуги, и сына непоседы.

К исходу второго дня, отряд подошел к Старым копиям, позади остались ворота Эврока, приграничной крепости Иргамы. Шесть гномов, у каждого за плечами множество опаснейших походов и бесчисленное количество баек, быстро продвигались вглубь Тенафарских гор.

Баранов пришлось отпустить, дальше шли безжизненные земли, где фуражировка становилась невозможна.

Возглавлял отряд капитан Гульд Моафарий, глаза и уши Рибигуда, остальные набирались по принципу целесообразности, в соответствии с профессиональными навыками. Несмотря на то, что все участники экспедиции имели опыт военного дела, отряду придали известного бойца Лойта Довера, под его началом находились Матс Бенсон и Бирт Юнас. Оба слыли знатными забияками, и дуэлянтами, любимцы Рибигуда. Для поиска Торна отрядили лучшего следопыта Иргамы Ульфа Бента. В задачи горняка-проходчика Ока Пунтуса, входила разведка новых месторождений полезных ископаемых. Хельм не без оснований подозревал, что Ок вовсе не горняк, а один из ученых рудознатцев, что всегда особо оберегались королями гномов. Молодой Хельм поначалу растерялся, гном страшно беспокоился, что такие известные воины не захотят ему подчиниться, однако выучка, свирепых в бою, воинов оказалась на высоте. Ни один не оспорил главенство молодого командира, воины внимательно прислушивались к советам и мнению Хельма. Позже он понял, что они выполняют приказ короля, а его воспринимают лишь как проводника, к мнению которого необходимо прислушиваться, поскольку только он ранее бывал в тех местах, что им предстояло пройти. Опыт молодого гнома работал на его авторитет.

В несколько дней миновали более-менее обжитые места, вскоре позади остались последние поселения шахтеров-переселенцев, которые относились к особой категории подданных, с них не взимали налоги. Эти гномы попадали под защиту того короля, на чьей территории они поселились. Открывая ранее неизвестные залежи подземных даров, шахтеры-переселенцы приносили в казну монарха баснословные богатства. Позже государство выкупало у поселенцев их месторождение, или включало их в шахтерскую гильдию королевства. Оставляя в качестве королевского управляющего главу поселения, что приносило немалый доход удостоенным монаршего доверия. Многие известные семейства возвысились таким образом.

Впереди раскинулся лабиринт из заброшенных галерей, тоннелей и пещер. На пути стояло несколько покинутых городов, настолько древних, что упоминания о них можно было найти лишь в легендах времен первых королей. Больше всего пугало осознание своей незначительности. Над путниками нависала громада Тенафара, впереди разверзлась неизвестность.

В Старых копиях отряд повел Ульф Бент, он прекрасно ориентировался на местности. В

свое время следопыт не раз бывал в копиях, сопровождая в путешествиях сына Рибигуда, Гуннора Тархеда. Ульф точно находил безопасные проходы, он вел отряд осторожно, стараясь избегать перекрестков, и селений, особенно обходя брошенные города. Никто не знал, что поселилось в древних руинах.

Путь до Даноста прошел без приключений, лишь один раз, во время привала, гномы услышали жуткий вой, переполошивший весь лагерь. До утра никто не смог сомкнуть глаз. В последующие дни у путников сохранялось ощущение, что за ними следят, но прошли без потерь.

Началась самая сложная часть пути, впереди стояли форты и патрули Даноста. Пару раз отряд едва не столкнулся с воинами Каменной головы, но все обошлось, благодаря особому чутью Ульфа.

Месяц спустя они вышли к перекрестку Хидана, повеяло смертью и обреченностью. При виде ворот Риена сердце Хельма забило быстрее, словно его кто-то ждал в городе. Заглядывая в свою душу, гном не мог понять, что именно так тревожило его сердце, но зов, неслышимый зов увлекал гнома к гудящему камню.

Заночевали в мертвом городе, в охранении встал Хельм и Лойт. Тишина легла плотным пологом на лагерь гномов, разбитый на краю Риена. Было что-то инородное, ненормальное в глухой тишине, давившей на психику.

— Как тут жутко — прохрипел Лойт. — Много, где бывал, но такой оглушающей тишины никогда не встречал — поежился воин.

— Здесь умерло слишком много гномов — нехотя ответил Хельм.

Странно, но ему эта тишина не казалась жуткой, наоборот она дарила покой, и влекла дальше в город, на пустую площадь к ... Да точно, к вибрирующему монументу. Опять он открывает жуткий мир монстров. Мысль пролетела как птица, лишь оставив невидимый след в сознании, не было страха или напряжения. Тело, словно зная, что нужно делать, само решало куда идти. Из тягучего гула монумента родилась тоскливая мелодия. Игра серебряной дудочки растревожила истосковавшееся сердце гнома.

— Это сон — отрешенно подумал Хельм.

Камень исчез, в глаза ударил яркий свет, он слепил, вызывая слезы. Прикрыв лицо ладонью, гном взгляделся в пейзаж, раскинувшийся перед ним. В удивительном мире восходило огромное солнце, словно гигантский диск накатывал на горизонт.

— Сколько солнца, аж слепит — также безучастно подумал Хельм. — Постой это же не солнце слепит, да это же ..., точно золото!!! Сколько же его здесь, нет неправильно, не сколько его, здесь все из золота!!!

Перед глазами Хельма завертелось чуждое небо, под ногами ушла земля, и гном оказался на полу. Сверху нависло зверски оскаленное лицо Лойта.

— Ты что же гад делаешь? Решил заманит нас в ловушку? Что это такое? — указывая на сверкающую долину кричал он Хельму в лицо.

До сознания Доварда младшего дошло, что это не сон. Гном сам не зная, как открыл дверь в новый мир, мир полный золота. Тупо глядя на орущего Лойта, он, перевел взгляд на свои руки и с ужасом увидел в них ту самую серебряную дудку, что пришла с ним из другого мира.

— Да что же это такое, почти взмолился Хельм, почему ..., я не понимаю ... сознание поплыло, и он провалился в непроглядную тьму.

***

В глазах двоилось, очень хотелось лечь на холодные плиты пола, но что-то держало тело в вертикальном положении. Сияясь понять, что его держит, Хельм повернулся, и тут же волна боли ударила в голову.

— Тихо ты!!! Сиди, не дергайся! — прикрикнул на него Матс. — Сиди. Сейчас подойдет Гульд, тогда и решим, что с тобой делать.

Подошел командир королевского отряда, он встал напротив, заправив большие пальцы за широкий пояс. Прищуренные глаза зло смотрели на Хельма, окладистая борода, сердито топорщилась в разные стороны.

— Ну что, хитрый засранец, решил нас извести. Как давно снюхался с торгашами? — блестя черным глазами прорычал Гульд.

— Ты ничего не знаешь — возразил Хельм.

— Ну так расскажи нам, мы и узнаем — тут же зацепился Гульд.

— Отсюда надо уходить, тут смерть. Если придет она, нам не выстоять ... — и без того слабый голос прервала мощная оплеуха.

— Что ты там блеешь? — Гульд явно был настроен серьезно.

— Я расскажу, но дайте мне время отдышаться — умоляя проговорил Хельм.

— Давай. У тебя три минуты, потом дыба, ну и... в общем, сам понимаешь ...

Рассказ занял полчаса. Хельм поведал спутникам о бое с Алит, о походе в храм, и удивительном возвращении, умолчал лишь о дудке. Что-то внутри, заставило его скрыть эту деталь истории. В подтверждение своих слов он показал, место битвы и склеп с павшими гномами. Особняк, в который Кеонд приказал сложить сокровища, собранные с останков, павших на торговой площади, оказался пуст.

— А что ты ожидал — рассуждал про себя Хельм. Жила тогда же, сразу после возвращения из плена вождя Вуда, организовал экспедицию за ними. В подтверждение его слов, в одной из комнат нашлись трупы пяти гномов, служивших вместе с Хельмом в Каменной голове. Видно, добычи кому-то показалось мало, и лишние доли урезали, избавившись от компаньонов.

Рассказ произвел удручающее впечатление на отряд. Молодой командир получил освобождение, потом гномы долго стояли у барьера между мирами и смотрели на жаркое солнце инобытия.

— Столько золота, и не доступно — удручено протянул Ок Пунтус.

Оторвав взгляд от слепящего горизонта золотого мира, Гульм скомандовал общий сбор, и спустя полчаса отряд вышел из города.

К вечеру того же дня они достигли Брошенных костей. На выходе из прохода гномы сделали небольшой привал и снова двинулись в путь. Большой торговый тракт, соединявший когда-то Тенафар с Седыми горами, давно не использовался. Его широкие галереи оказались завалены скарбом гоблинов, бежавших из Внутренних пустошей. Вуда так торопился вывести свой род, что заставил соплеменников бросить все ненужное. Гоблины унесли с собой только самое необходимое для выживания. Разбросанные повсюду вещи создавали прекрасное укрытие для хищников.

Вскоре начали попадаться свежие стоянки орков-разведчиков, не тех гордых кочевников, что населяли Великие степи, а выродившихся орков подземелий. Под землей сильное племя кочевников измельчало, не потеряв при этом воинских навыков. Здесь орки научились обрабатывать металл, и переняли технологию создания доспеха и оружия у плененных ими гномов. Веками проникая в подземелья Тенафара через дорогу короля

Напрана, угасшего ныне королевства гномов Патара, они заселили многие древние города. Брошенные в незапамятные времена города гномов подарили оркам начала цивилизации, но близость к древнему злу, превратила степных охотников в жестоких убийц, одержимых страстью власти.

В четверо суток гномы преодолели забытый тракт. Пару раз пришлось прятаться за брошенными одноосными арбами, со сплошным деревянным колесом, от разведчиков орков. К концу четвертого дня впереди замаячила высокая арка выхода на Поющую площадь, место, где когда-то располагалась товарная биржа гномов Тагастата. Сюда стекались товары и сырье со всего Тенафара, и Патара, здесь оценивалось качество товара, и формировались цены. Многие сотни лет именно — это место определяло мировые цены на драгметаллы и камни, броню и оружие. В ту пору гномам ничего не стоило разорить или возвысить полезное в экономическом плане королевство, даже эльфы попали под влияние подземных торгашей. В итоге неумные амбиции короля Ватана, правителя, тогда еще единого королевства гномов Тагастат, привели к войне с Эмантораном. В Южных чертогах, произошла грандиозная битва, закончившаяся ничем, обе стороны понесли тяжелые потери и отступили на прежние позиции. Ватану показалось что он победил, и его воины выкрали эльфийскую принцессу Олеанду, дочь Ироналая Воителя, короля Эманторана. История умалчивает, что случилось после. Известно лишь, что эльфы как-то проникли во дворец Вотана, в Ровалде, столичном городе Тагастата. Принцессу вернули, а Вотан лишился головы. Великого короля гномов так и нашли сидящим на троне, обезглавленного и лишившегося короны. Тогда гномы потеряли свою реликвию Венец Тарма, а единое королевство рассыпалось на Даност, Иргам, Парну и Седые горы.

Каменные створы арки, давно распахнутые настежь, заросли известковыми потоками. Которые со временем превратились в мощные колонны, поглотившие и самые створы и часть широкого прохода.

Здесь отряд разбил бивуак. Впервые за четыре дня гномы смогли полноценно отдохнуть. Костер разжигать не решились, побоялись привлечь орков, или кого похуже. Ульф передохнув немного, отправился на разведку, растворившись во мраке гигантской пещеры. Хельма поражала выносливость не молодого следопыта, гном никогда не уставал, ему хватало пары часов сна, для того чтобы с новыми силами вести отряд вперед. Вот и сейчас все отдыхают после тяжелого перехода, а он умчался исследовать новую территорию будто и не было перед тем многодневного путешествия.

Оглушающий шум вырвал Хельма из сна, ничего не понимая он вскочил на ноги, в грудь сильно ударили. Сбоку о стену щелкнула тонкая палка, завибрировав она отскочила, ему под ноги.

— Стрела? — медленно повернулась в голове мысль. — На нас напали — также буднично пришла догадка.

Снова сильный удар сбоку, Хельм надел шлем, и поднял меч. Зеленый металл холодно блеснул, в неясных отсветах светящегося хрусталя, вмонтированного прямо в свод арки. Красивый узор из некогда ярко светящегося камня, теперь едва освещал небольшое пятно подле входа на Поющую площадь.

Мимо протопал мощный Лойт, его секира уже окровавленная, обрызгала доспех Хельма, красной капелью.

— Орки!!! — прокричал гном страшно выпучив глаза.

— Откуда? — удивился Хельм.

— Пришли с Поющей площади — отозвался сбоку Бирт, он прикрывал щитом Матса.

— Сколько их? Ничего не вижу — прокричал Хельм.

— Тридцать, может чуть меньше — крикнул в ответ Гульм. Закрывшись щитом, капитан подозвал Хельма знаком.

— Командуй молокосос — выдохнул он ему в ухо. — Сейчас самое время.

— В щиты!!! — прокричал взбешенный Хельм.

— Построить черепаху!!! — вторил ему Гульм.

Гномы привычно выстроились в неприступную крепость из щитов, и доспехов. Стрелы часто застучали по железной поверхности. Отряд медленно двинулся в сторону стрелявших. Орки охотники побежали, ища более надежного укрытия. Навстречу выскочили два десятка орков в доспехах, размерами ничем не уступавшие своим степным собратьям. Разве, что более безобразные внешне. Нападавшие окружили железный островок, ломая мечи и копья они штурмовали неприступную твердь гномьего строя.

Один, особо крупный орк, ударом здоровенной булавы, вышиб Хельма из строя. На него навалились сразу семь воинов врага. Отбросив щит, Хельм, орудовал мечом перехватив его двумя руками. Первым ударом он рассек безобразную харю орка перед собой, второму гном успел всадить острый конец перекрестья в открытый зев оскаленной пасти. Не останавливаясь Хельм развернулся к третьему, и наверху рукояти ударил в висок, опрокинув врага на спину. Меч орка со звоном грохнул о пол, чей-то клинок уперся позади, в сочленения доспеха Хельма, и глухо звякнув переломился.

Подоспели товарищи зеленого, стрела сильно ударила Хельма в ногу, выбив из-под нее землю. Гном упал на одно колено, сверху прилетела булава большого орка, отклонившись немного в бок, Хельм воткнул клинок снизу под кирасу врага. Меч прошел живот, горло и вышел из затылка, застывшего орка. Поверженный враг повалился на пол, вырывая своим весом меч из рук Хельма.

Гибель вожака заставила оставшихся орков бежать в темноту Поющей площади, где ранее укрылись орки охотники. Их стрелы прикрывали отход товарищей, минуту спустя враги скрылись во мраке, и все стихло.

Гульм кипя гневом, расхаживал по растоптанному лагерю.

— Снимаемся!!! — скомандовал он.

— Бент ранен! — крикнул Лойт. — Охотники его зацепили.

— Идти сможет? — спросил Гульм озабоченно глядя на Бента.

Из плеча гнома торчала стрела, с черным оперением, она вошла как раз между наплечником и воротом доспеха.

— Смогу, отчего же нет? Матс говорит рана пустяшная — весело ответил Бент.

Матс кивнул головой, подтверждая слова соратника.

— Сейчас стрелу вынем, и вперед — подтвердил Лойт.

Растерянный рудознатец, собирал образцы, скопившиеся в течении похода. Собранные в идеальном порядке в специальном деревянном ящике, теперь они оказались раскиданы по всему бивуаку. Чья-то нога зацепила ящик и опрокинув его, обрекла ученого на долгие часы повторной сортировки собранного материала.

— Гульм. Мы не сможем сейчас уйти. Надо закончить сортировку — виновато произнес Ок.

Едва сдерживаясь, чтобы не взорваться Гульм выдавил из себя.

— Как скажешь Ок.

Отвернувшись, чтобы рудознатец не видел, капитан прошипел.

— Проклятый неумеха!

— Стоим до вечера, пока... Пока Ок не разберет свои камни!!! — приказал Гульм. — Парень ты молодец, не растерялся — повернув голову к Хельму, с улыбкой проговорил капитан. — Я думал ты тюха, а смотри ка, ошибся. Как лихо жожака завалил.

Хельм смущенно улыбнулся в ответ, и пожал плечами.

— Да ладно, чего как девица смущаешься? Настоящий подвиг! — подбодрил его Лойт.

— Меч у тебя приметный — вмешался в разговор Матс, глядя как Хельм вынимает свой клинок из тела орка. — Где такой взял?

— В Риене! На площади нашел — сухо ответил Хельм.

— Да ладно парень, я так спросил — почувствовав напряжение, оправдывался Матс.

Из Поющей вышел Ульф, следопыт держался за руку, на которой багровел рубец от прошедшей вскользь стрелы.

— Ульф! Ты цел! — радостно завопил Гульм.

— Прости Гульм, это я привел отряд — тихо ответил следопыт.

Его ноги с трудом передвигались, не доходя до бивуака он рухнул на землю. Тело гнома забила дрожь, руки и ноги беспорядочно забились в конвульсиях, сухо хрустнув позвонками, дугой выгнулась спина.

— Что это? Что с ним? — прохрипел Гульм.

— Не подходите к нему! — скомандовал Лойт.

— Что с ним?! — с отвращением глядя на корчи Ульфа, вскрикнул Гульм.

— Яд! — отозвался Лойт, он подошел к Ульфу и склонившись над следопытом разглядывал черную сетку, покрывавшую его лицо.

— Бент! — вскрикнул Матс.

Бента также забила дрожь, выгибая тело, зажатое в доспехе, конвульсия ломала кости гнома. Черная сетка прошла по венам, глаза затянула поволока, изо рта пошла желтая пена. Что-то сильно хрустнуло, Бент захрипел и затих. Матс тряс его за плечи, пытаясь привести в чувства.

Лойт кинулся к Бенту, и остановился на полпути, торопиться уже не имело смысла.

Сниматься пришлось спешно, Ульф, так и остался в бессознательном состоянии. Матс и Лойт несли его на импровизированных носилках. Отряд лишился одного бойца, но самое страшное он остался без следопыта, да еще с телом на руках, что сильно тормозило продвижение.

Пройдя арку, гномы остановились в немом изумлении. За последнюю тысячу лет Поющая площадь превратилась в сплошной лес каменных колонн. Капель, чей мелодичный звон дал имя пещере, вырастила сталактиты и сталагмиты под ними, которые течением времени срослись, образовав непроходимую чащу каменных стволов. Пришедшие, много позже орки, дали свое название этому месту, Каменный лес или Пасть дракона.

Гномы двигались точно в лесной чаще, только звуки капающей воды нарушали покой сумрачного места. Капель известковой влаги заглушал drobный топот тяжелого шага гномов. Столбы света, пробивающиеся из остатков вентиляционных шахт, постепенно угасали. Тьма быстро сгущалась. Фонари с молочным хрусталем, разорвали плотный мрак, застывший между складчатых колонн, Гульм дал сигнал остановиться.

Впереди, что-то едва заметно шелохнулось, скрипнув по известковому полу. Гномы изготовились к бою, Гульм едва дыша сделал шаг вперед и вытянул руку с фонарем. В

ровный круг белого света упала лапа орка, пальцы зеленого слегка подергивались. Казалось, что орк не может проснуться, хоть и борется изо всех сил с дремой. Гульм высоко поднял фонарь и взору отряда предстала группа орков, что давеча напали на них при входе в Поющий зал.

Зеленокожие лежали вповалку, там, где их настиг неодолимый сон. Под ногой капитана хрустнул камень, но спящие не отреагировали на резкий звук.

— Что там Гульм? — тихо спросил Ок, осторожно выглядывая из-за плеча капитана.

— Ба! Да они спят — удивленно протянул рудознатец.

Гномы навалили на него, не веря своим глазам.

— Странно это как-то — недовольно проворчал Гульм.

— Мне тоже это не нравится. Не могли они так устать, чтобы спать посреди этого жуткого леса, да еще, когда их преследуют — поддержал капитана Хельм.

— Вот и я говорю — отозвался Гульм.

— Ну и чего стоим? Руби их ребята! — скомандовал Лойт, и отряд ринулся на спящих.

— Стой! — вскрикнул Хельм в безнадежной попытке остановить товарищей.

В минуту спящие орки, превратились в мертвых. Гульм недовольно оглянулся на Хельма, стоявшего поодаль.

— Что? Господин торгаш, руки пачкать не хочешь? — зло бросил он Хельму. — А иногда надо! Чтобы твои товарищи остались живы — добавил капитан с укором в голосе.

Ничего не говоря Хельм отвернулся. Вытирая меч подошел Матс, он тронул Гульма за плечо, указывая концом клинка в кучу порубленных тел.

— Почему они не проснулись? Мы так шумели, что мертвый проснется.

— Кто его знает — нехотя ответил Гульм. — Эта пещера, вообще чудная. Напоминает лес. Мне тут не по себе. Жутко как-то.

Капитан пнул носком сапога, отсеченную голову одного из орков, вернув ее в общую кучу.

Посоветовавшись, решили не останавливаться в Поющей пещере на ночь, все стремились скорее покинуть зловещее место. Чем дальше отряд углублялся в лабиринт из колонн, тем отчетливей звучал перезвон капли. Сейчас Хельм уже не удивлялся, почему это место получило такое название.

Казалось, звук падающих капель становился все громче, и удивительно, но он складывался в подобие музыки. Мотив которой так приятно успокаивал, шаги давались все тяжелее. Отряд еле полз. Хельм заметил, что тело стало ватным, а голова легкой. Настолько легкой, что перед глазами прыгали и вертелись толстенные колонны. Он остановился, чтобы перевести дух, и заметил, что остальные гномы точно пьяные, разбредаются между колонн цепляясь за них руками. Неожиданно рухнул Гульм, его шикарная борода легла прямо в лужу. Хельм с трудом передвигая ногами подошел к капитану, и попытался перевернуть его на спину. Он боялся, что Гульм захлебнется в луже, в которую упал лицом. С третьей попытки ему это удалось, но окончательно лишило сил. Хельм привалился к капитану, и тяжело дыша наблюдал как отряд впадает в спячку. Лойт пытался поддержать Матса, и в таком положении осел с товарищем подле одной из колонн, выдавая оглушительный храп. К которому, словно соревнуясь с Лойтом, незамедлительно подключился Матс.

С трудом преодолевая оупляющую сонливость Ок брел вперед. Стараясь догнать отряд, от которого он отстал, как обычно оглядывая окрестности на наличие полезных минералов. Рудознатец зашел за колонну, даже не заметив, что обогнал товарищей. Хельм хотел его

позвать, но вместо крика из горла вырвался едва слышный хрип.

— Ааааа! — раздался душераздирающий крик из-за колонны.

Крик пронзил глухую тишину каменного леса, но гномы не шелохнулись, только Хельм попытался привстать. Высасывающая силы слабость, опрокинула непослушное тело назад. В голове зазвенело, и Хельм услышал совершенно отчетливо.

— Хватит шуметь! Здесь мир тишины и покоя! Вечного покоя — прозвучал голос из темноты.

Возня за колонной стихла, Хельм успел заметить, что-то длинное, с бледной, лоснящейся кожей. Оно мелькнуло на краю светового пятна, и скрылось в темноте, совершенно бесшумно.

Хельм скосил глаза на тело следопыта, прочно привязанное к носилкам, над ним колыхалось едва заметное пятно. Настолько черное, что даже свет попадая на него терялся. Облако вздрогнуло, почувствовав на себе взгляд гнома. Темнота закружилась, расступаясь, и извергла из себя два сумрачных глаза, матово блеснувших на Хельма.

— Что ты такое? — выдавил из себя гном.

Из темноты возник костяк руки, фаланги указательного пальца подлетели вверх, к щели, расплывшейся в злорадной улыбке. Глаза требовательно посмотрели на нарушителя покоя, а из серебристой щели отчетливо послышалось.

— Тсссс!

На Хельма навалила дурнота бессилия, глаза сомкнулись, а в голове закружилось.

Гном провалился в серую вату, где отрешенно смотрел на свои руки, неподвижно лежащие перед застывшими глазами. Мысли остановились, осталось только зрение и чувство абсолютного покоя. Яркая вспышка резанула глаза, разом всполошив рой мыслей, как стайку испуганных пичуг.

— Хельм!!! Хельм!!! — зазвенел в ушах голос Маи.

Гном с хрипом вздохнул, одновременно поднимаясь на ноги.

В пятно света метнулась клубящаяся чернота, она остановилась перед Хельмом.

— Ах ты паразит неугомонный — прошипел обладатель матовых глаз.

Гном почувствовал новый прилив дурноты, его качнуло, и Хельм закричал, что было сил. Мощное эхо отчаянного вопля заплясало между древних колонн. Тварь нависла над гномом, пытаясь перехватить горло строптивца, но руки чудовища соскальзывали с чего-то твердого, что окружало насмерть перепуганного гнома.

В углу зашевелился Лойт, воин изумленно вытаращил глаза на мирно спящих товарищей, пока не заметил Хельма и нависшую над ним черноту.

— Матс! Эй, хорека, хватит дрыхнуть! — грянул гном, чернота метнулась к нему. — Матс!!! Просыпайся, тут какая-то жуть... — его голос угас, глаза безвольно сомкнулись, борода опустилась на грудь.

Клинок звонко зацепил острием за колонну, под которой лежали воины, известковая крошка посыпалась на голову спящим. Тварь взвилась высоко под своды пещеры. Хельм бешено крутил болотным клинком, пытаясь отогнать морок.

— Что тут твориться?! Почему они дрыхнут?! — прогудел Гульм.

Командир с трудом поднялся, опираясь на колонну, возле которой его поразила волна необоримой сонливости. Тряхнув головой, капитан окончательно проснулся. В руках Гульма разгорелась лампа с млечным кристаллом, круг света закачался, капитан подбежал к Матсу.

Матс стоя на коленях, пытался что-то сказать, но из его горла вырывалось лишь

нечленораздельное мычание. Хельм дико озираясь продолжал размахивать мечом, отгоняя кого-то от спящих.

— Кто здесь?! — крикнул капитан.

— Буди остальных!!! Надо убираться отсюда!!! — прокричал Хельм.

Капитан схватил за плечи Лойта и тряс война как грушу. С трудом разорвав глаза гном бессмысленно смотрел на Гульма. Заскрипели носилки, Хельм резко развернулся. Матс упираясь всем телом тащил раненного Ульфа к выходу. Рядом протопал Гульм с Лойтом, капитан поддерживал война, тот спотыкаясь пытался не отставать.

— Куда нам надо!!!? — прокричал Гульм, точно глухой.

Хельм ткнул мечом в сторону, где совсем недавно исчез Ок. Клинок вновь свистнул, рассекая пустоту, клубящаяся пелена поглотила гнома. Гульм отпустил Лойта, и ринулся к Хельму. С другой стороны, подоспел Матс, он кричал не своим голосом.

— Аааа!!! Тварь!!!

Гномы не успели подойти и на шаг, как морок растворился. Хельм выпучив глаза, хватал ртом воздух.

— Куда оно делось?! — зло прохрипел капитан.

— Исчезло — изумленно выдохнул Матс.

— Оно ушло — с трудом ответил Хельм, все еще не в силах перевести дух. — Надо уходить, этот гад может вернуться.

— Все здесь?! — крикнул капитан.

— Ок пропал! — отозвался Лойт.

— Его что-то утащило туда — Хельм показал в сторону откуда раньше доносился крик рудознатца.

— Тармова борода! Да, что за день такой?!!! — кричал в гневе Гульм. — Король меня убьет!!! Мы потеряли главную ценность нашего отряда! — удрученно причитал капитан.

— Жаль рудознатца. Нудный был, но смелый, и о камне много знал — протянул Матс.

— Не болтай!!! Не положено! Знаешь же! — оборвал его Лойт.

Матс махнул рукой и отвернулся, пряча неожиданно накатившие слезы.

— Мы с ним вместе в нескольких битвах участвовали. Храбрый воин — наконец проговорил Матс. — Был — помолчав добавил он.

Соорудив подобие каменной кладки, гномы почтили память товарища, пустив по кругу чашу с элем, остатки которого вылили на «могилу» павшего.

Три часа спустя «лес» кончился, над гномами выросла отвесная стена. Посередине четко выделялся заплывший в известковых потеках вход. Каменная дверь плотно запечатала проход в большое помещение, о величине которого красноречиво говорила длинна внешней стены. Над входом светилась надпись, язык казался знакомым, но никто из присутствующих не смог прочесть ее.

Вглядываясь в голубое свечение походной карты, Хельм заметил.

— Судя по карте за воротами кузница Валлана!

— А она вообще существует? — криво усмехнувшись, спросил Матс.

— Я так всегда думал, что это легенда — с сомнением в голосе, отозвался Лойт.

— Существует! — раскатисто прогудел Гульм. — Мне перед походом пришлось выслушать целую лекцию на этот счет. Наш король загнал меня к архивариусам — Гульд поморщился, припоминая подробности скучнейшей лекции дряхлых стариков, что незаслуженно, по его мнению, пользовались всеобщим почетом.

— Не повезло — посочувствовал Лойт.

— Что за глупости? Конечно существует — возмутился Хельм.

При этом он простукивал монолит каменной двери на наличие механизма, отпирающего вход. Спустя час, осознав тщетность своих попыток, Хельм повел отряд вдоль стены. Гномы выбрали правую сторону, и шли вдоль отвесной скалы, пока не достигли технического коридора. Узкий и душный, он уходил под сорок пять градусов вниз. Спускаться в него никто не желал, но единственный короткий проход, запирала стена кузницы Валлана.

Первым спустился Хельм, гнома поразил воздух. Тяжелый смрад пропитал все вокруг, пол устилал слой слизи, прикосновения к которой еще больше усиливали вонь, делая запах совершенно невыносимым. Оскользнувшись на слизи, Хельм покатился вниз, пока не оказался на ровной поверхности, тут коридор спрямлялся, и шел строго горизонтально.

— Здесь, что-то не так — осторожно проговорил Лойт, голос гнома дрогнул, но тут же совладав со страхом воин продолжил.

— Запах могилы.

— Или логова — поправил его Матс.

Едва слышно прошелестела тень по стене. Хельм разжег потухший факел. Выпадая из светового круга, что-то очень быстро пробежало над головой гнома. Шелест затих, и в коридоре вновь повисла тишина.

С грохотом скатился Гульм, следом зашумел Лойт спускавшийся с телом Ульфа. Звяканье металла казалось оглушительным в давящей тишине подземелья. Гульм размахивал хрустальным фонарем из стороны в сторону, разглядывая исцарапанные стены. Резкий, белый свет лунного хрусталя, четко высветил боковые стены коридора. Мерное покачивание фонаря кружило голову, усиливая приступы тошноты, от нестерпимой вони. В голове капитана мелькнуло: «Это вонь разложения». Глаза выхватили блеск доспеха, он торопливо подбежал и тут же отпрянул.

Привалившись к стене, сидел Ок, точнее его доспех, нутро которого наполняли гладко очищенные кости.

— Это же доспех Ока! — не веря своим глазам прокричал Матс.

— Да ради камня не ори — прошипел ему на ухо Гульд. — Лучше смотри, где тварь, сожравшая его.

Шлем плотно сидел на голове Ока. В просвет вырванного забрала, скалился гладкий череп. От всей фигуры мертвеца веяло размягченной слабостью. Кости, пористые, кипельно-белые, среди окружающей грязи, резали глаз девственной чистотой.

Матс с протяжным воем взлетел вверх, вниз посыпались шлем, щит и мелкие вещи. Копье Лойта стремительно метнулось в сторону крика, в ответ раздалось жуткое шипение. Из-под потолка рухнул Матс, закашлялся, попытался подняться, но руки скользили в толстом слое слизи, к нему подбежал Гульм. Подхватив под руки товарища, капитан попытался поднять его, сверху с шумом обрушилось гигантское тело.

Бледная, пергаментная кожа существа тускло поблескивала в свете фонарей, небольшая круглая головка наклонилась к гному и мгновенно выпростав язык, вонзила его в открытый от удивления рот Матса.

Гномы рассыпались по коридору от удара чудовищного тела гада. Оскальзываясь, воины вновь кинулись к твари. Ловко перескакивая через подземников, существо уходило от ударов. Длинное, плоское тело, быстро перемещалось на неестественно вывернутых руках и ногах, заканчивающихся двумя длинными пальцами с острыми когтями. Тонкий хвост, раздвоенный на конце, словно хлыст стегал стальные бока воинов. Извиваясь, огромное тело вновь отбросило гномов. Упираясь в боковые стенки прохода, монстр мгновенно вскарабкался наверх, и исчез где-то под потолком.

Матс все еще кашлял и не мог перевести дух, его багровое лицо с выпученными глазами наливалось все сильнее, голова распухла на глазах. Лойт подскочил к нему, и пытаясь помочь, вливал настойку из фигурной бутылочки в расползающийся от прикосновений рот. Со страшным свистом сверху упало копьё Лойта, жало с глухим стуком ударило в камень пола, встав словно древко флага. Пронзенные насквозь тела гномов застыли в немой пантомиме, секунду спустя оба обмякли. Хриплый кашель Матса прервался.

Гульм побежал за Хельмом, тот еще раньше схватив тело Ульфа, направился к выходу. Поминутно оскальзываясь, Довард младший почти достиг дыры, что служила выходом из коридора. Плотная мембраной, дыра высоко поднималась над полом. Хельм остановился, просчитывая сможет ли он перебраться с Ульфом на ту сторону. Подбежал Гульм, не сговариваясь гномы сомкнули щиты.

Фонарь не добивал до потолка, отчего местоположение монстра оставалось неясным. Страх и ярость сменились настороженным вниманием. Гномов забила дрожь напряжения, адреналин в крови усилил слух и зрение.

Хельм скорее почувствовал чудовище, чем увидел. Тяжелый смрад словно поветрие шел на них с тыла, от дыры. Мембрана лопнула, и в образовавшееся отверстие скользнула тварь. Щит треснул от удара огромного тела, Хельма отбросило на несколько метров. С противным скрежетом, он пробороздил канаву в грязи пола. Рука невыносимо ныла, его бросок в сторону чудовища спас Гульма от неминуемой гибели.

Заорав не своим голосом Гульм бросился на тварь, Хельм с трудом поднялся и пошатываясь пошел к нему на выручку. Мгновение спустя клинок с мерзким хлюпаньем вошел в плоть. Шипение перешло в урчание и громкий топот. Плоское тело, извиваясь вдоль коридора отшвырнуло гномов на его стены. Тихо лягнул меч и одна из рук монстра, отделившись упала на пол, Гульм успел нанести удар мечом. Гад упал на бок, в его целой, высоко поднятой руке бился Хельм. Иргамский доспех успешно сопротивлялся давлению

мощной длани. Секунда, и меч Хельма отсек длинный, и острый как бритва язык твари, пытавшийся проникнуть за забралом его шлема.

Меч Гульма с остервенением вонзался в тело монстра, но тот вопреки ожиданиям не подыхал. Хватка ослабла, и Довард младший рухнул вниз. Лежа на полу, Хельм взмахнул клинком отсекая один из ядовитых хвостов гада.

Раненная тварь ринулась во тьму. Гномы не смогли ее догнать, и вскоре отстали. Оскользнувшись на слизи, они повалились на пол, и смотрели как гад убегает в сторону кузницы Валлана. Расстроенный Гульм всплеснул руками.

— Брось Гульм, мечь здесь не поможет — пробубнил задохнувшийся от погони Хельм.

— Да какая мечь?!?! — взорвался гном. — Вот сука!!! — крикнул он, что было сил. — Сперла-таки семейную реликвию!!! Столько веков, и какая-то тварь сперла!!! — приходя в ярость от бессилия выпалил Гульм.

— О чем ты? — удивился обессиленный Хельм.

— Да меч мой! Он же из арихалка выкован! — всплеснул руками капитан.

Похоронить друзей не вышло. Вооружившись мечом Матса, Гульм хотел вынуть копье, чтобы освободить тела товарищей. Едва он коснулся древка, голова Матса начала крениться, и упав на пол лопнула как переспелый арбуз. Это запустило цепную реакцию. Тело воина словно кисель вытекало сквозь отверстия брони, расплываясь зловонной жижей по полу. Примерно тоже происходило и с Лойтом, но его тело еще не достигло стадии киселя, ткани бойца, точно разваренные отставали от костей.

— Что это? — содрогаясь от отвращения спросил Гульм.

— Тварь переварила мужиков — как-то совсем буднично ответил Хельм.

— Ни хрена у нее слюна — Гульм отшатнулся от тел.

— Ты прав. Лучше их не трогать — так же буднично заметил Хельм.

— Знаешь, что это такое? — спросил капитан.

— Нет. Это глубинные твари. Такие у нас никогда не появляются. Проходчики разное рассказывают, и конечно многое выдумывают, но даже от них никогда о таком не слышал — ответил Хельм.

— И так, еще двух потеряли — подвел итоги сражения Гульм. — И как же мы теперь пойдем дальше?

— Думаю надо идти вперед, у нас нет выбора. Там, — Хельм головой показал в сторону кузни, — нас ждет эта тварь и чудовище в каменном лесу, а впереди возможно наш союзник. В любом случае, лишней меч нам не помешает.

— В твоих словах есть правда. Хоть я и не уверен, что мы отыщем Торна, но отсюда надо выбирать, иначе мы тоже превратимся в кисель — согласился Гульм.

***

Задолго до выхода из древней штольни, в воздухе появился едкий запах серы. Ближе к выходу послышался звук текущей магмы. Штольня закончилась и гномы оказались в небольшой пещере, наполовину заваленной рваным камнем. Очертания кровати, еще видимые в изъеденной временем породе, подсказали, что отряд попал в разрушенную казарму горняков.

Узкий проход в завале, вывел гномов на широкий козырек, плавно спускающийся в огромную долину, освещенную багровым светом непрерывно булькающей и текущей лавы. На противоположной стороне долины открылось бескрайнее, огненное озеро, в котором, как в гигантском котле варилась магма. Несколько лавовых рек уносили магму быстрыми

потоками к высокому обрыву, с которого жидкий огонь с ревом устремлялся вниз. Где-то далеко, в глубине ущелья, тонким волосом светилась полноводная река живого камня.

— Добрались. Теперь осталось найти Торна — с сомнением в голосе пробурчал Гульм, оглядывая бескрайние просторы подземной каверны.

— Судя по размерам долины, это будет не просто — проговорил Хельм, задумчиво постукивая по эфесу меча, на который опирался.

— Да уж — грустно отозвался капитан, и отер вспотевший лоб.

Карниз остался позади, гномы вышли на широкую равнину. За спиной ниспадал водопад из расплавленной породы, впереди высились редкие деревья, со стройными стволами и густыми кронами, стремившимися в ширь. Крона необычных деревьев напоминала крестьянскую, широкополую шляпу. Привычные глазу мхи и лишайники исчезли, кругом волновалась густая трава, яркого красного цвета с куртинами белоснежных метелок. Островки кустарника, с колючим листом, оделись крупными цветами. Сладкий аромат которых, разносил по равнине легкий, теплый ветерок. Изредка растительность прерывалась пятнами голой породы, где били гейзеры и кипели небольшие озера, выплескивая на поверхность разноцветные потоки кремния. От взгляда на потеки рябило в глазах. Красные, синие, зеленые разных оттенков фиолетовые и желтые, словно радуга, застывшая в камне. Немного дальше гномы наткнулись на стада крупных копытных, похожих на носорогов, буйволов и оленей. Гномы никогда не видели этих зверей, но точно могли сказать, что встреченные ими животные совсем не такие как на поверхности.

Впервые за долгое время они наелись вдоволь. Гульм подстрелил косулю, поэтому они обедали свежим, жареным мясом, вместо полосок опостылевшего сушеного. Ульф по-прежнему оставался без сознания, его поили настойкой Акитинии Красной, особого вида мха, но питье совсем не помогало. Спать приходилось при свете, тут на глубине стоял бесконечный день, к тому же непрекращающийся шум подземной стихии утомлял и мешал заснуть.

Раньше Хельм не любил дозоры, но теперь это тихое время приносило покой его душе, гном оставался наедине с собой. Незаметно для товарищей, он делал пометки в старой карте. Прекрасное изобретение гномов мозаичная карта. Собранный из редких камней, с уникальными свойствами, она позволяла создавать различные типы карт. Карты полезных ископаемых, карты торговых путей, карты новых мест. Как калейдоскоп одна сменяла другую, а лунный хрусталь подсвечивал все это великолепие. Специальный механизм запоминал до ста композиций. Постепенно Хельм сумел создать карту их путешествия, в его коробочке хранились координаты Старых копей, кузницы Валлана, теперь он работал над картой Огненного леса.

Сегодня у него не получалось сосредоточиться, новое место пугало, постоянное напряжение не давало расслабиться. Глядя перед собой Хельм вспоминал дом отца, лицо матери, теплые губы Май, которая сейчас, наверное, поет их сыну перед сном. Он даже услышал знакомый мотив колыбельной. Их комната, маленький Товард лежит подле матери, его глаза прикрыты, но видно, что он внимательно слушает. Мая поет, от ее голоса по всему телу разошлась нега и покой. Хельм протянул руку и отодвинул волосы с лица жены. Она подняла глаза, жуткие, черные, бездонные провалы и заглянула Хельму прямо в душу. Мертвая безысходность пахнула оттуда. Губы женщины разжались и незнакомый голос приказал.

— Проснись!!!

Глаза резал свет, руки, сведенные на рукояти меча, затекли. Хельм очумело вскочил и тут же понял, что уснул. Его крик разбудил Гульма, с десятков орков приближались к их лагерю. Раскрашенные тела зеленых бесшумно двигались, прячась за кустарником. Короткое копье ударило каменным наконечником в костер разметав искры в стороны. Подняв щит Хельм пошел на противника, Гульм последовал его примеру, потеряв двоих орки откатали. Посыпались стрелы, щиты спасли гномов. Орки начали отступать, двое воинов лихо улепетывали, виляя среди кроваво-красных кустов. Хельм поднял лук одного из нападавших и выстрелил в след убегающим. Один беглец споткнулся и упал ничком, из его спины торчала стрела. Хельм удивился, что попал с такого расстояния, но повернувшись увидел довольную улыбку Гульма. В руках капитана красовался короткий, гномий лук. Несколько раздосадованный, тем, что так опростоволосился, Хельм вернулся к костру.

— Проспал?! — раздраженно спросил Гульм, вернувшись к стоянке.

— Да — тихо ответил Хельм, его грызло чувство собственной ничтожности.

— В другой раз может и не повезти — уже спокойно проворчал капитан.

Видя удрученное состояние Хельма, Гульм улыбнулся и присев к костру напротив него, сказал.

— Я не в обиде. Понимаю устал, но у нас вот — он толкнул безжизненное тело следопыта. — У него шансов нет, если мы с тобой здесь сложим головы. Там, возле кузни, ты мне спас жизнь, и можешь мне поверить я никогда этого не забуду, но спать в дозоре не смей. В следующий раз дам в морду.

Глядя в его глаза Хельм не сомневался, что капитан так и поступит.

Со стоянки пришлось сниматься. Орки ушли за подмогой и могли нагрянуть в любой момент, приходилось бежать. Прошли сутки, меняясь, гномы тащили тело Ульфа, так они преодолели Огненный лес обойдя его по узкому краю. Спереди замаячила стена, с огромной дырой в основании, что там путешественники не знали, но оставаться в лесу они больше не могли. Уже несколько часов беглецы слышали шум преследования. По их следу шел крупный отряд орков. До выхода осталось совсем немного, но силы иссякли. Вдалеке показались преследователи, орки не стреляли, планируя взять гномов живыми. Рассыпавшись длинной цепью, они начали обходить путешественников.

Сбоку от темного прохода, над равниной навис каменный козырек, к нему вилась узкая дорожка горного серпантина. Начинаясь дорожка всего в десяти шагах от беглецов. Гульм приказал Хельму взять с собой Ульфа, и подниматься на козырек. Требовалось взобраться выше врага, чтобы занять перед боем наиболее выгодную позицию. Хельм послушно потащил тело следопыта, Гульм прикрывал их, двигаясь на несколько шагов ниже. Рядом застучали стрелы. Орки разгадали замысел гномов, но опоздали, беглецы поднялись уже слишком высоко.

Теряя самообладание Хельм кинулся вверх, из последних сил втаскивая тело Ульфа за собой. Рядом мелькнуло что-то белое, погруженный в мысли о тяжести беспомощного тела, гном пропустил ее появление.

Вход запер Гульм, он стоял спиной к Хельму, и выставив щит, приготовился к атаке бегущего следом за ним орка. Вопреки ожиданию капитана, орк остановился на месте и склонившись до земли, пополз назад, его примеру последовали и остальные нападавшие.

Не понимая, что происходит, Гульм повернулся к Хельму. Возле молодого гнома стояла красивая женщина. Определить ее расу капитан не смог, выглядела она зрелой, но от всего ее существа исходила необычная молодость. Та молодость, что сопровождает счастливую

женщину даже в зрелые годы. Умиротворение и покой легли на сердце старого вояки. Она поманила их за собой, Хельм склонился к Ульфу, но женщина его удержала, указав на вход в пещеру, которая притулилась в основании козырька. Оттуда к ним бежала стайка белокурых женщин, Хельм не мог оторвать от них глаз, к нему приближались Май. Все до единой, девушки, удивительным образом походили на его супругу. Даже зрелая женщина, хоть он это увидел и не сразу, полностью повторяла своим обликом Маю, только такую, какой ей предстояло стать через годы.

Легко подхватив Ульфа, девушки весело защебетали, и понесли тело следопыта в пещеру, гномы побрели следом.

В пещере, на удивление сухой и теплой, на Хельма опустилось чувство покоя, особенно от мягкого света, что исходил из ее глубины. Вокруг царило умиротворение, уютный дом веселых Май, наполняли предметы интерьера необычайно тонкой работы, точенные из редких минералов. Пройдя покои девушек, они вошли в идеально круглое помещение, откуда и изливался удивительный свет. Его испускал кристалл, слагавший стены круглого грота. Чувства как бурный поток, опрокинули сознание Хельма, из глаз полились слезы. Гном пал ниц, сам не понимая почему, он пытался ухватиться руками за подол белой женщины, стоявшей перед ним. Она добро улыбалась, ее мягкие черты, так напоминали Маю. Он знал, что это другая женщина, но чувства говорили ему, что это она, его супруга, только старше.

— Оставь печаль гном, здесь нет ей места. В моем доме правит любовь и чистота помыслов. Плачь и освободишься — ласково говорила она гному.

— Мая? — роняя слезы спросил Хельм.

— О несчастный возлюбленный Май, нашей много любимой сестры! Меня зовут Аар. Я мать всего живого в подземном мире. Моя любовь одаряет всякого, кто несет искренность и чистоту помыслов. Твоя супруга предупредила о том, что ты придешь в дом мой. Мая просила сберечь жизнь твою.

Рука Аар гладила голову гнома, прильнувшего к ее ногам. Хельм рыдал как ребенок, орошая слезами белые одежды женщины.

***

Утопавшая в песках дорога вилась по пологому склону, уступами спускаясь к лазурному морю. Всадник устало правил лошадью, которая осторожно ощупывала дорогу легко ступая по растрескавшимся плитам Заброшенного тракта. Зеленый плащ рыцаря казался серым от толстого слоя пыли, что набилась в плотную ткань. Пасис скрывал темно-синий бафенок, украшенный золотыми ромбами. Привешенный к поясу меч, сохраняли ножны орочьей работы. Верховой неторопливо спустился к белоснежным пристаням Безони, крупного портового города. С моря потянул легкий бриз, ветерок весело резвился в волосах Амадо, стало прохладнее, в воздухе появился запах океана.

Империя Ришам оказалась под оккупацией эльфов, с тех самых пор как потеряла императора в эльфийских войнах последних десятилетий. Золида Седьмой, старый правитель империи, ввязался в авантюрную компанию Второго Священного союза Восточных королей, рассчитывая по итогам войны отхватить принадлежавшие эльфам Черные пески. Знаменитые россыпями самородного золота, битумом и экзотическими животными. В бою под Аланкнирой Золида погиб, правление империей перешло к Далии Тихой, его дочери. Эльфы отодвинули молодую императрицу от власти, и назначили своего управляющего. Далия продолжала носить титул, оставаясь пленницей в своем дворце. Там же дочь Золиды родила девочку, отец ребенка так и остался тайной, которую Далия унесла с

собой в могилу. Оставшись без матери, семилетняя девочка превратилась в игрушку в руках завоевателей. Дарелиан направил в Ришам дом Кулам, которым правил Арнгилах. Новый управляющий принял на себя обязанности монаршего опекуна, и в несколько лет расправился с родственниками принцессы. Затем жестоко подавил восстание земледельцев юга. Общины не выдержали налогового бремя, что легло на плечи ришамцев с приходом нового управляющего, и выступили против эльфийской оккупации.

Особой заботой опекуна оставалась задача превратить жизнь будущей императрицы в кошмар. Последние три года, что прошли со дня смерти Далии, жизнь девочки сопровождали постоянные унижения, нищета и голод.

В то время как эльфы унижали маленькую императрицу, Безонь продолжала жить своей жизнью, немало не заботясь судьбой правительницы.

Спустя двадцать лет ришамцев уже не беспокоила прямая оккупация страны. На улицах все реже встречались эльфийские разъезды, нашлось немало желающих помочь новой власти, из коих эльфы сколотили стражу, и отряды карателей. По крайней мере так жила Безонь, в Сантаре столице Ришама, по-прежнему стоял большой эльфийский гарнизон.

Проезжая по узким улочкам южного города, Амадо не заметил ни малейшего интереса к собственной персоне. Этим и хороши портовые города, здесь так много приезжего люда, что никто не обращает внимание на очередного незнакомца.

Вечером в портовом кабаке, Амадо нашел капитана судна, которое отправлялось следующим утром к Крефеям. Равнодушно взирая на попутчика, капитан предупредил, что ждать его не будет, несмотря на полученный задаток. Получив согласие пассажира, он потерял к нему всякий интерес.

Амадо вышел из кабака, в прохладу южной ночи. Безонь никогда не спала. Днем разгружая и загружая корабли, ночью даря праздник истосковавшимся по веселью и ласке морякам. Улицы города кишели разномастным людом. Проститутки, пьяная матросня, воры и мошенники, шулеры и контрабандисты с пиратами, все это пестрой гудящей толпой наполняло улицы города.

Обходя опасные закоулки, и особо значные места, Амадо добрался до центральной улицы города. Здесь путника окружила дремотная тишина, в предрассветном тумане, прямо перед ним, отворились ворота дома какого-то вельможи. На улицу вышел отряд эльфов, затем показался резной паланкин. Плотные парчовые занавеси, наглухо отгораживали владельцев от окружающего мира. Процессия неторопливо прошла мимо Амадо.

Впереди шли эльфы воины в полном боевом облачении, следом темнокожие раманиаты несли паланкин. За паланкином семенила девочка в нищенской одежде. Ее хрупкую талию стягивал железный обруч, тонкая цепь, прикованная к паланкину, вела ребенка. На голове девочки красовалась императорская корона, а на шее имперская печать, в руках ребенок нес опухало.

Несмотря на императорские регалии она напоминала шута. Настолько гротескный вид придавали ее внешности, сочетание регалий высшей власти и нищенское одеяние. Корона глупо ниспадала на уши, явно не по размеру, она выглядела насмешкой над самим понятием императорской власти. Солдаты эльфы, завершавшие процессию, время от времени толкали девочку в спину, придавая сонному ребенку ускорение.

Зрелище остановило путника, словно под гипнозом, он смотрел на нее. Девочка поравнялась с Амадо, ее глаза широко раскрылись, на мгновение взгляды пересеклись. Мужчина невольно застыл, пораженный силой, огромных, черных глаз. Они излучали

несгибаемую волю, и горели огнем придушенной до времени ярости.

— Не детский взгляд. Горе тому, кого она запишет во враги — проскрипел рядом старческий голос.

С трудом оторвав взгляд от ребенка, Амадо повернулся к говорившему. Им оказался морщинистый старик с огромным носом сливой, дед сурово поглядел вслед процессии. Амадо повернулся, чтобы еще раз взглянуть на девочку, но она уже прошла и погрузившись в свои мысли начала спотыкаться. Очередной тычок в спину, заботливо вырвал ее из задумчивости.

— Кто она?

— Это императрица Танаис, внучка Золиды Седьмого — услужливо ответил старик. — Глупый дед сам погиб, а дочь и внучку обрек на унижения. Я одного не могу понять, как столь мудрые создания, опустились до такого. Если не жалко, так хоть побоялись бы. Дети ведь растут — южанин сокрушенно вздохнул, и зашаркал туфлями с высоко загнутыми носами, в сторону центральной площади. Глядя во след старику, Амадо мысленно согласился с неожиданным собеседником.

***

В предрассветных сумерках растаяла луна, густой туман опустился на улочки города. Тишина раннего утра баюкала, нагоняя дремоту. Угомонились даже самые стойкие гуляки. Безонь погрузился в короткий и беспокойный сон.

Ниша в стене надежно скрывала человека в плаще, он старался не шевелиться, боясь выдать свое присутствие. Послышались шаги, из тумана выплыли эльфы стражники, показался паланкин, резной ящик медленно проплыл мимо. Цепь, прикованная к паланкину, казалась бесконечно длинной, прошла девочка и арьергард.

Один из замыкавших шествие повернулся на тихий шум, раздавшийся позади. Глаза стража расширились, машинально выставленное вперед копьё, против воли копейщика отклонилось в сторону. Точный удар, и воин упал на влажную брусчатку улицы. Крики, шум, звон оружия разорвали предрассветный покой. В окнах домов зажглись свечи, люди осторожно выглядывали из своих жилищ.

В свете факелов металась тень, избегая атак многочисленных врагов. Меч то и дело перерубал копьё, вспарывал тела эльфов, остроухие падали на скользкую от крови улицу. Некоторые сраженные насмерть, другие отползали в сторону и прижимали руки к кровоточащим ранам. Ярость неизвестного рыцаря внушала ужас даже сторонним наблюдателям. Оставшиеся эльфы разбежались по ближайшим проулкам, разбежались и темнокожие носильщики.

Брошенный паланкин не подавал признаков жизни, словно в нем никого и не было. Рыцарь не спеша подошел к ребенку и одним ударом перерубил цепь. Девочка совершенно без страха посмотрела на освободителя.

Рыцарь откинул занавесь переноски, и тут же отшатнулся в сторону. Тонкий, граненный клинок едва скользнул по металлическому воротнику оставив заметный след на доспехе. С грацией кошки из паланкина выскочил молодой эльф, он парировал атаки и вертелся как волчок вокруг рыцаря, нанося колющие удары. Из-за парчи показалась рука, затем нога, высокого худощавого эльфа с хищно загнутым носом. Его холодные, водянистые глаза смотрели с пренебрежением на происходящее. Не обращая внимания на фехтующих, он направился к девочке. Трость в его руках повернулась вокруг оси, и разделилась на две половины. Одна из которых превратилась в серебристый, тонкий клинок.

При ходьбе эльф заметно прихрамывал, что нисколько не замедляло его движений. Клинок певуче зазвенел распоров воздух, девочка успела отпрыгнуть в сторону. Звонкий голос ребенка отозвался эхом в теснине улицы. Девочка крикнула, привлекая внимание своего защитника.

По брусчатке зазвенел тяжелый шаг рыцаря, хромой оглянулся, но слишком поздно. Клинок прошел между ребрами и вышел из-под мышки, с другой стороны. Серебристый клинок со звоном упал на землю. Глаза эльфа еще секунду сохраняли осмысленное выражение, и в них светилось неподдельное удивление. С разных сторон послышались торопливые шаги стражи.

Все совершилось в несколько минут. Зеваки, не скрываясь выглядывали в окна, с интересом наблюдая за происходящим внизу. Девочка подхватила клинок эльфа, и принялась наносить удар за ударом по еще не остывшему трупу мучителя. Рыцарь перехватил детскую ручку, она уставилось на него расширенными от ярости глазами. Осознав свое бессилие, девочка заплакала, слезы обильно потекли по впалым щекам.

— Хватит — спокойно произнес Амадо.

Клинок выпал из липкой от крови ладони, Амадо прижал к себе вырывающегося ребенка. Стража приближалась, отчетливо слышалось позвякивание доспехов.

Подхватив девочку, рыцарь быстро зашагал по проулку в направлении пристани, на другом конце улочки появилась стража. Позади, кто-то вежливо покашлял, рыцарь обернулся, перед ним стоял давешний старик. Он махнул рукой, приглашая следовать за собой в лавку хрусталя. Внутри их ожидал здоровенный детина в морском снаряжении. Амадо потянулся за мечом опуская дитя на пол.

— Постой, постой, рыцарь. Мы простые люди и не желаем зла ни императрице, ни тебе — быстро проговорил старик, закрывая собой детину.

— Меня зовут Абу-Масуд, я торгую хрусталем, как и мой отец, а до него мой дед...

— Это прекрасно, но зачем ты нас сюда приволок — нетерпеливо прервал длинный заход старика, рыцарь.

— Сейчас, сейчас. Видишь ли, мы, конечно, торгаши, и очень любим деньги, но мы не глупцы и видим, когда нас начинают бессовестно грабить, обрекая на нищету. Дом Кулам принял цветущий край, и за три года разграбил Ришам. У нас еще терпимо, а вот столицу не узнать. Потом стали исчезать люди, у меня пропала дочь. Отпустил мою девочку в Сартан, и она пропала. И так не только у меня.

— Сочувствую твоему горю старик, но что ты хочешь от меня?

— Спаси императрицу — старик указал на девочку. — И мы тебе будем век благодарны. Она наша последняя надежда на освобождение от проклятых фруктоедов.

Детина кивал головой в знак согласия со старшим. Девочка смотрела удивленно расширенными глазами на старика, не до конца еще понимая смысл сказанного.

Рыцарь кивнул в знак согласия.

— Сделаю все, что смогу. Сегодня мы отплываем на Крефеи.

— Вот и хорошо! Единственное, что попрошу. Извести этого человека, где ребенок. Когда придет время он поможет Танаис вернуть корону — старик снял с головы ребенка корону и передал ей красивый амулет из витой медной проволоки, с огромным камнем в центре, сильно напоминавшим тигровый глаз. — Носи его всегда, не снимая. Так мы будем знать, что ты это ты. И береги себя дитя, ты наша императрица. Лакадика ждет твоего возвращения.

Девочка, смущенно потупив глаза, кивала в знак согласия, она не привыкла к такому вниманию, оно ее сильно смущало.

Старик сунул в руки Амадо письмо, написанное на тонко выделанной коже, которое скрепляла печать с изображением широко открытого глаза. Сломав воск Амадо пробежался по тексту, в низу красовалась анаграмма Х.Н. Амадо предположил, что это послание визира Хамери Нузрана. Старый интриган слыл верным сторонником Эманторана, но похоже и у него нашлось не мало претензий к остроухим друзьям.

— Это тот, о ком я думаю — спросил он торговца хрусталем.

— Нас много. Есть и те, кто прикинулся сторонником эльфов, но не стоит путать хрусталь со стеклом. Внешне схожи, но содержание разное, чистый звон хрусталя никогда не обманет знатока — уклончиво ответил старик.

Солнце нещадно палило белый камень пристани. Беглецы прошли к причалу потайным ходом, которым пользовались контрабандисты.

Заскрипели весла, корабль мерно покачиваясь на мелкой волне, взял курс на выход из лагуны. С верхушки мачты что-то прокричал матрос, капитан обеспокоенно посмотрел в сторону порта. К ним быстро приближалась трирема, с ее мачты подавали сигналы.

— Что им нужно — поинтересовался Амадо.

— Требуют, чтобы мы остановились — сухо ответил капитан.

— Мы остановимся?

— Нет конечно, у меня полный трюм слоновой кости!

— Контрабандист?

— Вам какое дело, я по крайней мере не краду принцесс — раздраженно огрызнулся капитан.

— Откуда ...

— Да весь город знает! Вы же господин рыцарь как бешенный слон! Несетесь, не разбирая дороги! Не знаю только какая сволочь сдала — зло сплюнул капитан.

— Ладно господин рыцарь, сейчас оторвемся. Нам главное добраться до большой воды, а там поставим парус и ищи нас — уверенно проговорил капитан.

Трирема летела подгоняемая слаженным усилием гребцов, расстояние быстро сокращалось, капитан судна заметно нервничал.

Глядя на приближающийся корабль эльфов, Амадо спустился к Танаис.

— Скоро будет бой, спрячься в снастях, и постарайся не шуметь. Запомни, пока не услышишь мой голос не выходи, чтобы тебе не обещали. Если я тебя не зову не отвечай, поняла?

— Поняла — тонко пискнула девочка.

Тем временем корабль вышел на открытую воду. Моряки шустро ставили паруса, за бортом что-то глухо шлепнуло о воду. Из воды показалась голова матроса, красное пятно, расплывшееся по волнам, подсказало причину его падения. Следом упали еще двое, один глухо ударился о доски палубы, застыв в неестественной позе. Моряки спустились вниз, и спрятались за щиты. Сильнейший удар едва не опрокинул Амадо, с неприятным клацающим звуком от доспеха отскочила стрела. Еще одна прилетела прямо в лоб откинув голову рыцаря назад.

— Однако! — возмутился Амадо, доставая клинок.

Трирема притерлась бортом, полетели короткие копья, поражая все живое на торговом судне.

Вода за бортом словно закипела, корабли с треском ударились бортами, и увлекаемые стихией разошлись в стороны. Капитан настороженно крутил головой, робко выглядывая из-за щита. На лице контрабандиста застыло выражение неподдельного удивления. На триреме с не меньшим изумлением наблюдали за странным явлением. Пошли минуты напряженного ожидания. Амадо вытащил на палубу Танаис, и привязал к ней пробковые поплавки от сетей. Затем привязал себя и девочку к мачте, следуя примеру команды корабля.

Со стороны океана пошел ветер, с каждой секундой все усиливаясь. До слуха долетел рев, сначала едва различимый, он быстро нарастал пока полностью не поглотил все звуки.

Потемнело, словно сумерки легли на море. На горизонте выросла исполинская волна, уши заложило и стало тяжело дышать. Глядя на водяной гребень Амадо понял, насколько смешны его приготовления, от такой волны ничто не могло спасти. По скулам капитана гуляли желваки, он приказал скинуть весь груз за борт, но несмотря на то, что корабль потерял в весе, сомневался, что у них хватит плавучести чтобы оседлать гиганта, нависающего над судном.

— Волна!!! Вертай нос навстречу!!! — срывая голос крикнул капитан.

Эльфы остались далеко позади. Море нещадно кидала их судно из стороны в сторону.

Пришла волна, легкое суденышко, взлетело на гребень, а тяжелую трирему перевернуло, раскидав по поверхности бушующей воды экипаж. Несколько минут оглушающего шума, бурлящей воды и неистовой борьбы, оборвала необычайная тишина, она упала как полог, отсекая шум бурлящей вокруг стихии. В волнах, за пятном спокойствия, барахтались преследователи. Из воды показалось, что-то огромное, утаскивая на дно кричащих от ужаса эльфов. Бушующее море стремительно приближалось, пятно спокойствия, четко определявшее границы бури, постепенно уходило на юг. Волны приблизились к борту бездвижного судна, и бессильно опали, густо обрызгав корабль водной пылью.

С неба упали ровные лучи солнца, по воде побежали блики, все стихло. Буря улеглась также неожиданно, как и началась.

Первым в себя пришел капитан, он, деловито расхаживал среди остатков своей посуды, раздавая четкие приказы. Осмотр корабля показал, что придется заходить в ближайший порт, чтобы пополнить запасы продовольствия и пресной воды. Парус сорвало, и унесло в море, но оставался запасной в трюме. Весла заботливо связанные и укрытые от стихии, могли спасти им жизнь, однако, чтобы выйти в открытое море требовалось восстановить сломанную мачту.

— Отплавались! — довольно протянул капитан, указывая на остатки вражеской триремы.

В воздухе повисла духота, влажность оседая крупными каплями усиливала чувство удушья. Несмотря на жару, девочку бил сильный озноб. Трясаясь всем телом, она прильнула к рыцарю. Укутав ребенка в плащ, Родриго прижал Танаис к себе. За долгие годы одиночества, Амадо успел позабыть отцовское чувство. Сейчас же, эта, душевно покалеченная девочка, пробудила давно забытые чувства от долгой спячки.

***

Колорит Крефей всегда восхищал Амадо. Белый песчаник, густая зелень, и яркая лазурь южного моря создавали удивительно гармоничное сочетание. Высокие деревья свечами упирались в безоблачное небо, на котором ярко горело жаркое солнце. Выбеленные здания, покрытые кроваво-коричневой черепицей, напоминали жителей этой засушливой земли, что расхаживали в белых туниках, и широкополых шляпах черепичного колера. Особо выделяли это место бесконечные портики, мощные дороги и желтовато белая кладка коренастых дворцов.

Дорога до Алкмей показалась вечностью, но добрались без приключений. Девочка ожила, и превратилась в обычного ребенка. Бесконечная вереница вопросов, под конец пути, утомила Амадо, но он продолжал терпеливо удовлетворять любопытство Танаис.

На горизонте показались величественные стены Конфеи, путники объехали прекрасный город дальними проселками. Амадо боялся, что старый лис Актеон Конфейский продаст девочку эльфам.

На архипелаге он мог довериться только Алкмейскому царю Лефтерсису. Сын Клеомена Хаоского, опровергал мудрость пословицы: «Яблоко от яблони ...». Царь Алкмей, совершенно не походил на отца, рассудительный Лефтерсис никогда не проявлял излишнюю жестокость, его правление принесло кратковременный покой в воинственный полис.

Василевс не втягивал свое царство в чужие войны, вступая в союзы крайне осторожно, и только с выгодой для Алкмей. Вряд ли кто-то смог бы найти на Крефеях более последовательного сторонника древних порядков, но исходя из соображений здравого смысла Лефтерсис отменил ахага. Традиционную инициацию юношей через убийство рабов, и вернулся к еще более раннему установлению посылать молодых воинов на пустынный остров Аттинаи. Лефтерсис первым начал создавать отряды гоплитов из освобожденных рабов, пополняя постоянно убывающие контингенты алкмейцев, что вызвало кривотолки внутри содружества воинов, переросшее очень скоро в непримиримое противостояние, царя и видных стратегов. Постепенно все шло к открытому столкновению, поскольку обе стороны имели не мало сторонников. И все-таки Амадо привез девочку в этот растревоженный муравейник, он верил в разум Лефтерсиса, его умение вести войны и заключать мир.

Алкмеи стен не имели, после заключенного мира с эльфами, стенами города стали воины. Прекрасные античные здания, свободно раскинулись на плодородной равнине, втиснутой между двух гор. Широкие улицы, и многочисленные портики с гимнастическими площадками, производили обманчивое впечатление сугубо гражданского стиля жизни, в насквозь милитаризированном обществе.

Искусства и наука здесь оставались уделом женщин. Алкмеянки считались во всем равными мужчинам, как в правах, так и в умении владеть оружием. Однако принимать участие в войнах женщинам строго запрещалось. Нарушение каралось жестоко, изгнанием из города и пожизненным лишением прав гражданина. С другой стороны, мужчина не желавший становиться воином, также лишался гражданства, и изгонялся прочь.

Путников встретили рабыни. Сначала их пригасили в бани, где как следует отмыли, и привели в порядок, после проводили к столу, который заботливые слуги устали блюдами с фруктами, рыбой и моллюсками, чуть позже принесли хлеб, сыр и оливки. Непривычно скромный рацион алкмеян, поражал малыми порциями, даже Амадо приспособленный к невгодам постоянного пути, остался голодным. Наконец их провели в специально отведенные для гостей комнаты. Обставленные столь же скромно, что и давешний стол.

— Как видишь, алкмейцы себя не балуют роскошью. Скорее всего не скоро тебе удастся поспать на мягкой постели — объяснял Танаис Амадо. — Завтра мы увидимся с местным царем...

— А кто такой царь? — спросила девочка.

— Это король алкмейцев, у них он зовется царем, да похоже твоим образованием никто давно не занимался. Ну здесь ты все наверстаешь.

— Родриго я не хочу здесь оставаться. Я хочу с тобой — испуганно заговорила девочка.

Амадо понимал, что ей страшно, она только обрела защитника, и вновь остается одна, на попечении чужих людей. Культура, язык и обычаи которых настолько чужды для нее, что она словно загнанный зверек мечется в поисках выхода из ловушки. Он не знал, как объяснить, что ей надо остаться здесь, чтобы получить обучение и воспитание подобающее титулу.

— Я не могу взять тебя с собой — твердо проговорил Амадо. — Тебе надо учиться, чтобы вернуть свой престол. Этим людям я доверяю. Лефтерсис разумный правитель, к

тому же он куда более опытный воин, чем я...

— Не верю — капризно произнесла девочка.

— Поверь, несколько лет назад он мне спас жизнь. Кроме того, василевс один из самых образованных монархов современности, тебе будет чему у него поучиться.

— Но я хочу с тобой! Я люблю тебя Родриго! — в глазах девочки появились слезы. — Только ты меня не бросил! А сейчас бросаешь... — Танаис горько заплакала.

— Я никогда тебя не брошу, но со мной тебе нельзя. Со мной опасно. Ты можешь погибнуть. А этого нельзя допустить. Обещаю, тебя никто не обидит. Ты еще будешь рада тому, что осталась в этом благословенном краю.

Девочка не отвечала, продолжая плакать. Амадо ее обнял, ребенок доверчиво прижался к его груди. Вскоре Танаис тихо уснула у него на коленях.

***

Южная ночь пришла неожиданно, в дверь постучали. Амадо тихо, чтобы не разбудить, уложил Танаис в постель. За дверью оказалась вертлявая служанка, смешно коверкая всеобщий язык она пригласила его в покои Лефтерсиса. Удивленный ночным визитом, Амадо последовал за рабыней. В противоположном крыле дворца, его встретили воины, из личной охраны царя. Рабыня осталась на женской половине, а Родриго в сопровождении воинов, двинулся дальше, по узким коридорам древнего дворца.

Рабы отворили тяжелые двери, ведущие в приемный зал, где полулежал Лефтерсис, напротив царя расположилась его супруга. Прислуга суежилась подле низкого столика, уставленного виноградом и кувшинами с вином.

Лефтерсис держал в руке уже наполовину опустошенный мастос. Чашу формой напоминавшую женскую грудь. Лишенная ножки, она не могла вернуться на стол не будучи опустошенной.

Василевс махнул головой чужеземцу, одновременно приветствуя его и указывая место, приготовленное специально для гостя.

— Не удивляйся мой друг, что я пригласил тебя на семейный ужин. В том виновна София, у нее есть новости для тебя — приветливо обратился он к Родриго.

— Благодарю царь за приглашение, и тебя многоуважаемая София. Признаться, для меня это неожиданность — неуверенно ответил Амадо.

Гость попытался расположиться на неудобном лежаке, явно коротком для всего тела. Высокая спинка на одной из сторон, так и не позволила ему этого сделать, хотя ни царю, ни царице она не помешала устроиться с комфортом.

— Я рада приветствовать спасителя сына царя, в нашем доме — отозвалась София, передавая опустевшую чашу рабу с подносом. — Чувствуй себя как дома — женщина приветливо улыбнулась.

— Благодарю хозяйка Алкмей — склонив голову ответил Амадо.

— Не стоит. Ты, наверное, заинтригован, что за новости я для тебя приготовила? — проговорила София, опуская глаза. — Не буду томить, это касается Лафны...

— Что с Лафной? — напряженно спросил Родриго, долгие речи его пугали.

— С ней все хорошо! — улыбнулась София. — Вот только она теперь не одна...

— Что ты имеешь в виду? — привстал с места заинтригованный Родриго.

— Надо сказать, что она не одна уже четыре года — перебил супругу Лефтерсис, видя напряжение гостя.

— У нее ребенок! Твой ребенок — спокойно проговорила София.

— Ребенок? — еще более теряясь переспросил Амадо.

— Да! Девочка, но беда не в том, что она появилась вне брака, она полукровка — пояснил Лефтерсис.

— Ничего не пойму. Девочка? Да, наверное, может быть... — задумчиво пробубнил гость, считая, прошедшее время, с последнего свидания с Лафной. — Но почему четыре года?

— У нее две девочки — ответил алкмеец. — Одна родилась год назад. Это твой ребенок. Вторая четыре года назад. Отец ребенка насильник, один из тех, что убил ее мать — внес ясность Лефтерсис.

— Лафна очень скрытная женщина, мы так и не знаем, что там произошло — удрученно проговорила София. — Я долго думала, что она ждет ребенка от Кризаора, пока она не сказала, что вы встречались в банях. Мой старший очень уж шустрый, а Лафна молчит, вот мой женский ум и напридумывал — София улыбнулась, вспоминая выволочку, устроенную Кризаору. Перед глазами матери встали обиженное лицо сына и испуганные глаза Лафны, когда она поняла, что невольно кинула тень на честь молодого воина.

— Вижу, к чему вы клоните, но как я могу взять ее в жены...

— Ты не можешь. Так ты убьешь и ее, и девочку — прервал слова Амадо Лефтерсис.

— Эльфы разорвут ее за связь с инородцем, девочку тоже. Вряд ли остроухие пожалеют ребенка — забеспокоилась София.

— Это так, но, если вы все понимаете, зачем весь этот разговор — недоумевал Амадо.

— Мы должны были тебе сказать, ты же отец. Лафна слишком гордая, она никогда к тебе не подойдет первая — Лефтерсис проникновенно взглянул в глаза гостя. — И все же ей нужен муж, дети не могут оставаться без отца, тем более на Крефеях. Ты отец, так найди ей достойного мужа.

— Как? Ни один эльф не свяжет свою жизнь с женщиной, познавшей мужчину иной расы. К тому же еще есть первый незаконный ребенок — повисло молчание.

София покачала головой соглашаясь с гостем.

— Где она сейчас? — спросил Родриго.

София хлопнула в ладоши, вошла пожилая служанка.

— Хали проводи гостя в покои Лафны. Если он пожелает там остаться не препятствуй — София улыбнулась Амадо, улыбкой женщины хорошо понимающей, что такое мужчины.

***

В комнате теплилась небольшая лампадка, ее света хватало ровно на пятак пола, с детской кроваткой возле которой сидела молодая девушка. Она спала, положив белокурую головку на обнаженные руки. Лица ребенка и матери почти касались, удивительное сходство черт не оставляло сомнений в их родстве.

Глаза привыкли к полумраку, и Амадо разглядел еще две кровати, у дальней стены лежал второй ребенок, девочка лет четырех. Она крепко спала, также, как и ее мать с сестрой, тихо посапывая острым носиком.

Амадо нежно коснулся руки Лафны, она испуганно и удивленно подняла голову. Не произнося ни звука, девушка кинулась ему на шею, целуя лицо мужчины.

Он хотел сказать, что не знал о ребенке, но Лафна приложила тонкий пальчик к его губам и скосив глаза, на кроватку, шепнула на ухо.

— Тише она только уснула — девушка потянула его за руку в соседнюю комнату.

— Где ты был? Я думала ты погиб — с укором в голосе произнесла Лафна.

— Я искал Пасис — с улыбкой ответил Амадо. — А нашел дочь и женщину, что ждет меня — он крепко обнял девичий стан эльфийки, поражаясь, что роды совсем не изменили ее тело. Лафна жмурясь от удовольствия, прильнула к нему, и жадно вдыхая запах любимого человека, пропела.

— Я соскучилась.

***

Прохладный свод царской приемной, позволил привести мысли в порядок. Рядом на широкой скамье сидела Танаис, болтая тонкими ногами, которые свободно свисали, немного не доставая до пола. Предстояла нешуточная битва. Амадо напряженно размышлял, как убедить Лефтерсиса оставить Танаис при алкмейском дворе. Задачу усложняло то обстоятельство, что сокрытие в Алкмеях наследницы трона Ришама, могло привести город к конфронтации с эльфами. Требовалось подобрать достаточно убедительную аргументацию, чтобы склонить умного монарха к нужному Родриго решению.

Пружинисто шагая Лефтерсис направился к Амадо, не доходя двух шагов василевс поднял мускулистую руку, приветствуя гостя. При этом в сторону отошла пурпурная хламида, обнажив белоснежный хитон, алкмейского, короткого покроя. Мощь тела выделялась даже сквозь плотную ткань хитона, царь возвышался над среднерослым Амадо, как утес. Лефтерсис выглядел не старше тридцати пяти, но Танаис знала, что правителю уже сорок пять. Седина, подтверждающая возраст и мудрость правителя, припорошила кудри, и широкую бороду, обрамлявшую лицо царя. Девочку алкмейский правитель восхитил и испугал одновременно, но дружелюбная, открытая улыбка успокоила ребенка, и на его приветствие она отвечала заученным с утра вежливым поклоном. На этом для Танаис прием закончился. Заботливые женщины быстро окружили ребенка и хлопоча точно квочки утащили ее с собой.

Оставшись наедине, мужчины еще раз поприветствовали друг друга уже без придворного этикета. Лефтерсис предложил прогуляться по портику, расположившемуся вдоль живописного водоема, забранного в камень.

— Рад видеть тебя Амадо в полном здравии! Я боялся, что эльфы все-таки найдут тебя.

— Это непросто, в тех местах, где мне пришлось побывать, даже эльфы редко появляются.

— Охотно верю — кивнул головой царь. — Скажи, ты же понимаешь, что я не смогу оставить дитя у себя? — неожиданно серьезно произнес Лефтерсис.

— Понимаю, но все равно буду тебя об этом просить.

— Исключено! Я не могу сейчас себе позволить очередную войну с эльфами, да и вообще с кем-либо. На меня насаждает герусия, мои стратеги готовы поднять мятеж. Сражение за Ортан оставило мне слишком мало воинов, поэтому я не могу допустить внешнюю войну. Она перейдет в гражданскую. Ты мне друг, но нет. Интересы моего народа для меня превыше, чем жизнь чужеземной принцессы.

— Да, я узнаю разумного Лефтерсиса! Как я и говорил Танаис, ты действительно самый мудрый правитель своего времени. И все же, если считаешь своим другом, выслушай меня.

— Хорошо, но я ничего не обещаю, и скорее всего мое решение останется неизменным.

— Договорились. Дело в том, что дитя это, возможно есть начало конца эльфийской тирании. Единственное, что ей нужно, это достойное воспитание и немного любви, чтобы убрать из сердца лютую ненависть. У тебя все это есть. К тому же никто не знает, что ребенок выжил, и уж тем более никто не знает, что я ее привез к тебе.

— А капитан судна, что доставил вас на Крефеи? — с сомнением спросил Лефтерсис.

— Этот человек связан с силами, что противостоят эльфам в Ришаме. Он рисковал своей жизнью, чтобы вывезти дитя с материка, несмотря на то что на другой чаше весов лежали огромные деньги. Сдай он девочку эльфам, ему бы никогда более не пришлось выходить в море.

— Да, возможно все так, но ведь эльфийские шпионы везде, в том числе и при моем дворе. Еще увидишь, послы мать их — царь нехорошо улыбнулся.

— Ну сам подумай кто станет связывать принцессу, пропавшую в море, с этой запуганной девочкой. Не выделяй ее из прочих детей, и никто не отличит ребенка от вашего племени. На удачу она в деда, чернявая.

— Твои речи разумны, но меня пугает перспектива столкнуться с остроухими.

— Пойми при определенном воспитании и любви, ты получишь мощный козырь в политике на материке. У тебя два сына, в конце концов ты можешь ее выдать за одного из них. Рано или поздно Ришам вернет свою династию, и ему понадобится сильная армия, а тебе как царю своего народа нужны перемены. Ты же сам понимаешь, что дальше так продолжаться не может. Танаис твой шанс на перемены, и возможно самый верный союзник. Все зависит от тебя. Она глина, лепи то, что нужно тебе, а когда создашь сосуд, наполни его тем, что, потом сможешь взять.

— Единственное, ее надо ограждать от жестокости. Слишком много унижений ребенку пришлось пережить. В сердце маленькой девочки поселилась ненависть. Не обижай ее, и она вернет во сто крат.

Царь алкмеи остановился, глядя на рябь, искрившуюся на поверхности водоема. Наконец Лефтерсис посмотрел на Амадо, который тут же терпеливо ожидал его решения.

— Я возьму дитя на воспитание, но обещаю тебе, что, если все раскроется ты будешь с нами до конца и погибнешь вместе с моим народом — он смотрел в бездонные глаза невысокого чужеземца. Амадо выдержал взгляд царя, и твердо ответил. — Обещаю, что приму вызов остроухих как свой личный, и погибну, сражаясь за твоих людей.

— Надеюсь, когда придет время, ты не забудешь своего обещания — серьезно проговорил Лефтерсис.

— Не забуду — кивнул головой чужеземец, и протянул руку. Мужчины скрепили свои клятвы рукопожатием.

Редкое для этих мест пасмурное утро, нависло тяжелым свинцовым небом над песчаником цвета выбеленной человеческой кости. Амадо торопился, каждый лишний день проведенный на острове, увеличивал вероятность его обнаружения, а значит ставил под угрозу жизнь ребенка, да и благополучие Алкмей в целом.

Он ушел рано утром, не будя Танаис. Оставив на каменном столике, при входе, письмо для девочки. На неприметной пристани чужеземца ждала лодка, в ней сидел юноша очень похожий на Лефтерсиса.

— Кризаор — солидно представился молодой, Амадо, и протянул руку.

— Крепкое рукопожатие, почти как у отца — встряхнув надавленной рукой, оценил Родриго.

— На испытание? — спросил Амадо юношу, для поддержания беседы, ответ он знал.

— Да — коротко кивнул головой парень крепче налегая на весла.

Далее за всю дорогу он не проронили ни слова.

Аттинаи представляли собой архипелаг, окруженный морем на многие мили. Остров испытаний находился на самой его оконечности, ближней к Крефеям. Далее тянулись острова, никем еще не исследованные. Как рассказывали те, кто осмелился их посетить, там такое водится, что даже бесстрашные пираты обходят острова стороной. Толком рассказать, кто или, что там жило никто не мог, из чего Амадо делал вывод, что те, кто остался жив, сами никогда не ступали на острова.

Чужеземец уговорил Лефтерсиса отправить его вместе с Кризаором на испытание, изображая любопытство к истории и загадкам Крефей. На деле же Родриго искал утраченную историю своего народа.

Первый от Крефей остров Умата, самый маленький, и совершенно не пригодный для жизни, стал последним пристанищем для многих молодых воинов. Амадо всегда поражался как алкмейские юноши выживают в этой пустыне, где нет даже пресной воды. Теперь ему предстояло самому все увидеть, неделю Кризаор будет выживать под его надзором. Хотя василевс настоятельно рекомендовал не вмешиваться в процесс, для себя Амадо решил, что не даст парню умереть, он просто не сможет этого сделать.

Но прежде, ему предстояло путешествие к страшным островам. Амадо интересовал средний, или четвертый по счету остров. Самый крупный, покрытый густой растительностью, непреступный со всех сторон, точно столб, взмывавший в небеса. Там кто-то жил, но кто оставалось загадкой.

Амадо не знал где следует искать вход на сокрытое плато, но здраво рассудив предположил, что наиболее верной приметой должны служить остовы судов, что во множестве затонули возле рокового острова. Где их скопилось больше всего там и вход.

Аттанаи встретили путников холодной моросью, и несильным, но пронизывающим до костей ветром. Парень без энтузиазма высадился на берег, получив свою воду, копье, и небольшой меч, с большим круглым щитом, Кризаор ушел вглубь каменной пустыни. Из одежды он взял лишь большой плащ из овечьей шерсти.

— Через сутки, я вернусь — пообещал Амадо прощаясь с юношей.

Кризаор слегка кивнул головой, но промолчал, его темные глаза с тоской смотрели на седое море. Амадо сел на весла, и через полчаса достиг следующего острова, покрытого

зеленую, но почему-то жуткого и неприветливого, от него веяло угрозой.

Шлем напоз на голову, сплошной металл закрыл лицо, делая вид рыцаря жутким, безликим. Особая технология позволяла Амадо смотреть через шлем, единственным уязвимым местом оставались отверстия воздуховода, что тихо шипели по бокам. Он прислушался к окружающему его морю, пытаясь почувствовать откуда исходит опасность.

Из-за туч выглянуло солнце, веселые лучи разрезали серую пелену, и забегали по легким барашкам морского простора. Показался третий остров, а затем и четвертый, покружив вокруг последнего, носившего название Уранан. Амадо заметил скопление различных предметов. Бочки, обломки весел, и обрывки снастей плотным ковром колыхались на поверхности. О борт лодки глухо стукнулся распухший труп утопленника.

— Совсем недавно. Несколько дней, не более — подумал Амадо, глядя на труп.

Он оглядел непреступный с виду остров, и заметил почти истертую временем пристань, и идущую от нее цепочку ступеней, в никуда, в сплошной массив камня. Лодка плавно причалила к скале. Осторожно, стараясь не сорваться, Амадо поднялся по ступеням, туда, где они срастались со скалой.

Внизу искрилось море, сейчас не верилось, что это место считалось гиблым. Глубокий, протяжный звук, идущий от куда-то сверху, прервал мысли путника. Он кинулся к лодке, несколько раз оскользнулся на шербатых ступенях, и едва не скатился кубарем вниз.

Звук походил на те, что Родриго приходилось слышать у народов моря, когда они дули в большие раковины. Только здесь сигнал звучал куда громче, вибрация звука вызвала рябь на поверхности воды. Затем наступила тишина.

Лодка мерно раскачивалась, на легкой волне. Амадо напряженно вглядывался в крутой склон острова, и проглядел как из глубины поднялось, что-то огромное и сильно ударило лодку в днище. Доски натужно затрещали, суденышко подлетело в воздух, описав кругую дугу лодка упала на каменный причал. Сидевший в ней человек, оказался на суше, Пасис спас его от верной смерти. В нескольких метрах от причала из воды вынырнул огромный кит, он перевернулся в воздухе и обдав волной узкий участок суши, едва не смыл суденышко обратно в море.

— Кашалот? — удивленно пробормотал рыцарь.

Звон металла заставил его повернуться к скале. По ступеням спускались странные существа, ловко цепляясь длинными пальцами с острыми когтями за камень. Скорость, с которой они оказались перед Амадо, изумляла, он едва успел выхватить меч и отвести в сторону нацеленное на его грудь копьё.

Крупные, выше и сильнее среднего человека, существа, двигались быстро и грациозно, помогая движениям рыбьим хвостом, напоминавшим тело мурены. Длинные руки и ноги покрывала чешуя, отливавшая на солнце перламутром. Между пальцами, складками собрались перепонки, что, однако нисколько не мешало нападавшим.

Лица, если это были лица, скорее рыбы головы, оскалились частыми зубами. Белые треугольники острые как бритва, в широких челюстях рыболодов, сами по себе служили опаснейшим оружием. Скользкие тела покрывала черная чешуя, пластины, которой слегка перестукивались при движении. Высокий плавник-гребень, идущий от головы вдоль спины, и плавно переходящий в хвост, агрессивно прижался к спине.

Несмотря на то, что сама природа вооружила их, рыбы пришли не с пустыми руками. Зубчатые мечи, очень напоминавшие рыбы хребты, блестели на солнце красными клинками. Удлиненные тела прикрывали, небольшие круглые щиты, сделанные из крупных

раковин. Окружив рыцаря, они разом набросились на него, ловко сочетая атаку и защиту. Черная чешуя отражала удары клинка Амадо, он не мог понять природная она или это своеобразный доспех. Неистово начав атаку, рыбы быстро устали и значительно сбавили темп, зато прибавили злобности в шипении.

Прижавшись спиной к утесу, рыцарь парировал все попытки насадить его на копьё. Поражала острота и прочность оружия рыболодов, мечи оставляли глубокие зарубки в металле Пасиса, но прорубить доспех, не могли. Копейщики тыкали в Амадо, тонкими зубчатыми наконечниками, с огромной скоростью ударяя в доспех. Сталкиваясь с металлом, они крошились и ломались, у места крепления к древку. Вскоре копейщики лишились своего оружия, и выхватив мечи, налетели на рыцаря, зажав человека у каменной стены. Они прикрывались круглыми щитами, и упершись ногами в пристань, давили на Амадо со всей силы. Лишенный маневра путник, стремился оттолкнуть хотя бы одного на расстояние удара. Сверху упала сеть, и прижимавшие его рыболоды подхватив концы ловушки рванули под себя ячеистый покров. Рыцарь заскользил железными ботинками по мокрому камню, и рухнул.

Падая Амадо успел рубануть одного из воинов. Кровь хлынула из груди амфибии, сеть расплзлась под бритвенно острым клинком рыцаря. Второй рыболод бросил край сети и нырнул в воду, не оставляя брызг и волнения на поверхности. Соратники беглеца налетели сверху, рубя лежащего воина. Рыцарь пытался подняться, но склизкий камень, постоянно уходил из-под ног. Под мощными ударами воинов рыб, его разворачивало и бросало из стороны в сторону. Наконец человек сумел опереться на скалу, и с трудом поднявшись, контратаковал. Колющие удары Амадо, разили врагов, пробивая каменный покров рыболодов. В немом изумлении воины отступили, встав полукругом против рыцаря.

По пристани золотистой стружкой рассыпался снятый с доспеха металл. Амадо пошел на врагов, ступая по стружке. Соприкасаясь с доспехом, она превращалась в жидкие капли и ртутными шариками притягивалась к броне быстро поднимаясь по зарубкам, и текстуре доспеха. Металл заполнял разрушенные части брони, возвращая ей первоначальное состояние. В несколько минут доспех излечился от мелких повреждений, выправились вмятины, постепенно затягивались глубокие зарубки. Водянистые, на выкате, глаза рыб смотрели, не отрываясь на происходящее, затем как по команде рыбной бросились в морскую пучину.

Отдышавшись Амадо вновь полез на каменную лестницу. Дверь наверху осталась открытой, зазывая пройти внутрь. Рыцарь решил не отказываться от приглашения, беспокоясь как бы хозяева не передумали. Риск попасть в ловушку, перебивало чувство азарта и приятное умиротворение от одержанной победы, он чувствовал, что сейчас все под контролем.

***

Вершина острова, оказалась непроходимой чащей, только тропа, расчищенная до скального основания, вилась меж омшелых деревьев, заставляя следовать вперед. Клацая стальными ботинками человек, дошел до стены. Местами упавшая и засыпанная пересохший ров, она словно зубы мифического чудовища оскалилась на нагловатого гостя. За стеной человека ожидали развалины, поражавшие сочетанием величия разрушения и запустения, с прошедшим сквозь века великолепием прекрасных зданий. Большая часть города не сохранилась, поглощенная буйной природой, но дворец нома сверкал великолепием шлифованных граней, отражая золотом вычурной кровли яркое солнце. Сохранилась и улица

вилл, мало уступавших дворцу нома, она шла полукругом от центрального здания дворца правителя.

Город первых людей встретил Амадо тишиной, но не мертвящей тишиной безысходности, а тишиной мирного покоя. Он затих в ожидании нового расцвета, он набирался сил, чтобы вновь открыться миру.

— Спасибо скряге Крапору, что я могу ступать по улицам блистательного Ура — размышлял Родриго, приближаясь к дворцу.

Амадо помнил город по изображениям в исторических книгах. В детстве он с интересом путешествовал по нарисованным улочкам, проникал в здания и любовался красотами, наверное, уже давно утраченными.

Чтобы пробиться к центру, пришлось обходить многочисленные холмы перегородившие прямые улицы. В которые за прошедшие века превратились развалины городских строений. Впереди возвышаясь над общим разрушением, стоял великолепный дворец Великого Нома, и судя по внешнему виду улиц, прилегающих к нему, он не пустовал.

Рядом располагался грот с проходом, первой дверью в иные миры, его вскрыли случайно строители дворца. Грот назвали Сердце Ура, из-за того, что он располагался в центре города.

Последний правитель Ура Калумум, потерял проход. Связь прервалась на тысячи лет, кто правил после, Амадо не знал. В том, что многое изменилось у него не осталось сомнений, когда к нему навстречу вышли рыбы, с копьями наперевес. Они ловко спускались со ступеней дворца, и не доходя до Амадо выстроились вдоль центральной улицы, приставив оружие к правой ноге.

Дорога Нома, центральная улица Ура, слепила гостя, отполированной до блеска брусчаткой. По сторонам росли удивительные, не земные растения.

— Проход работает, хозяин частенько посещает иные миры — с улыбкой подумал Родриго. — Сразу видно ботаник, да и со вкусом все в порядке. Умеет украсить быт.

Умно сконструированная система искусственного орошения, давала питание цветущему краю, окружившему человека невообразимым буйством красок и форм. Чем дальше он продвигался, тем большее уважение у него вызывал хозяин дома.

Великолепные скульптуры, что выстроились вдоль дороги правителя, изображали нелюдей, тех самых полулюдей, полурыб. Разглядывая белокаменные изваяния, Амадо отметил, что эти создания не лишены своеобразной красоты, пожалуй, по количеству видов они переплюнут все расовое разнообразие Фанариона.

Судя по барельефам, украшавшим постаменты памятников и стены дворца, рыболоуды ценили больше мирный труд, чем войну. В обилие встречались сцены охоты, вот грациозные фигуры амфибий с ярко выраженными женскими признаками, загоняют какую-то огромную рыбину. Вот они же что-то строят, а вот и воины, но как мало им отведено внимания.

— Да необычный, поразительный мир, вырос на сокрытом от чужого внимания острове — удивлялся рыцарь.

Сбоку высился грот, отделанный в форме огромной раковины. Ветер, продувая строение, издал приятный мелодичный звук. Поток поменял направление, и тут же изменилась тональность звучащей мелодии.

Внутреннее чутье остановило Амадо от первого порыва отправиться в грот. Он рассудил, что раз тут есть хозяин, и он столь любезно пустил его к себе в дом, то нужно хотя бы попытаться взять его разрешение на использование прохода.

Человек решительно прошел сквозь распахнутые ворота дворца в дом Великого Номы. Пол под ногами, покрытый камнем похожим на слюду, мелодично потрескивал, отмечая каждый шаг гостя, из-под стопы побежали цветные волны. Растекаясь по залу широкими кругами, они переходили на стены, свиваясь в совершенные завитушки и узоры, а секундой позже взрывались сотней искр.

Амадо не мог оторвать глаз от удивительной красоты, сопровождавшей его путь. Следующий зал, поразил не меньше. Отделанный деревом, и мозаикой, сложенной из драгоценных камней, он сочетал удивительную игру красок с точностью передачи образов, наполнявших мозаичное полотно. Тут красота рифа сочеталась, с величием новой расы, преобладали морские мотивы в сине-голубых тонах на полу, и кораллово-красные на стенах и потолке.

Разглядывая изображения, которые, казалось, двигались, стоило изменить угол зрения, Амадо попал на водную гладь пола, соседней комнаты. Несмотря на очевидную водную основу, человек ступал по гладкой поверхности, точно по удивительно прочному стеклу. Под ногами резвились неизвестные ему рыбы или что-то очень похожее на них. Они то сбивались в стайки, и преследовали человека, то рассыпались сотнями брызг от его стопы, жестко ступавшей по поверхности волшебного пола.

Оторвав взгляд от завораживающего зрелища, Амадо заметил в конце зала трон. Сделанный из цельного куска красного коралла, он громадой нависал над почти прозрачным полом. Полированные грани, отражаясь в воде, играли бликами на стенах, придавая всему кирпичный оттенок.

На троне сидел маленький, невзрачный человек в серебряном плаще. Его голову покрывал капюшон, а лицо маска-личина, изображавшая усатое существо, очень похожее на сома, с длинной завитой бородой. Черный цвет бороды, заметно выделялся на серебряном фоне плаща.

— Приветствую тебя, о древний житель, великого города Ур!!! — неожиданно мощно прозвучал голос хозяина.

— И я тебя приветствую! Не знаю кто ты, но с глубочайшим почтением! — несколько теряясь поприветствовал в ответ Амадо.

— Зовут меня Тизкар! Я последний Великий Нома Ура! И последний человек в городе — тихо добавил правитель.

— Благодарю Великий Нома Тизкар за прием!

— Не стоит меня титуловать! Я лишь формально Нома, у меня нет подданных! На мое счастье мне их заменили, эти чудные создания.

В зал грациозно вошли амфибии, двое стражей, сопровождали десяток служанок. В руках женщин поблескивали подносы, украшенные дарами моря. На одном из подносов плескалось рубиновое вино в хрустальном графине тончайшей работы, к которому прилагалось два таких же бокала.

Тизкар взял в руки посох, стоявший у подлокотника кораллового трона, и слегка коснулся прозрачной глади пола. Из воды вырос небольшой столик по обеим сторонам которого, встали два кресла. И стол, и кресла состояли из чистой воды. Амадо в нерешительности посмотрел на хозяина, тот указал на кресло и мягко проговорил.

— Не бойся путник! Присаживайся! В моем дворце все настоящее, непривычное, не настоящее. Стул оказался и впрямь прочным, еда и вино вкусными. Желая убедить гостя в добрых намерениях Тизкар первым, наполнил свой кубок и отпил из него. При этом, к

удивлению, Амадо, губы на железной маске зашевелились.

— Итак расскажи мне кто ты и зачем пришел в давно забытый город?

Как ни старался, Амадо, так и не смог разглядеть глаза незнакомца, у него это не получалось, на рыцаря глядели два черных провала.

— У меня много имен, и везде меня зовут по-разному, но для тебя я Родриго Амадо.

— Само по себе наличие многих имен даже интересно, но всегда вызывает подозрение в искренности их носителя.

— Я часто и много путешествую, да и Андланд не дремлет — ответил Амадо.

— О, Андланд, грозный судья мироздания. Ты же знаешь, что война давно закончилась? — спросил Тизкар.

— И кто победил?

— Посмотри на город, и получишь ответ на свой вопрос.

— Город мертв, и мертв давно. Что стало с его жителями?

— Умерли — равнодушно ответил Тизкар.

— Как такое могло случиться? Они ведь не имели порока, современных людей?

— А современные откуда пошли? — лукаво улыбаясь ответил Тизкар, лицо Амадо вытянулось.

— Я думал это вторая линия — задумчиво произнес Родриго.

— Вторая линия? Ха! Да кто-бы стал возрождать такую расу! Мы едва не стерли мир Андланда. Нет, Випул на такое не пошел бы. Дегенераты, что носят наше достойное имя, твои и мои потомки.

— Не понимаю? Как Андланд смог лишиться нас нашей природы?

— Випул умен, он принес мор, скоротечный и неизлечимый. Сначала мы ничего не поняли, пока наши жены не перестали рожать, а те, что рожали, плодили потомков, живущих все меньше и меньше. Зато выжившие, более не чувствительны к болезни — Тизкар скрипуче рассмеялся. — Вот такая ирония!

Амадо задумчиво рассматривал ажурный бокал, вертя между пальцами витую ножку.

— Итак Родриго, что ты ищешь в утраченном доме? Что привело тебя? Память предков или тоска по родным землям одолела тебя в твоих долгих странствиях.

— Удивительны твои чертоги, Великий Нома, но до меня дошли слухи, что все чудеса твоего дворца ничто, в сравнении с Сердцем Ура. Много путешествуя, мне не раз приходилось слышать о нем. В итоге любопытство привело меня к тебе. Я хотел лично убедиться, правда ли ты можешь при помощи Сердца ходить по другим мирам, неизведанным ни людьми, ни эльфами?

— Учтивы твои речи, но вот, не верится мне что-то в них, знаешь ли... А лучше я тебе покажу.

Тизкар поднялся из-за стола, и не касаясь земли поплыл в следующий зал. Не поворачиваясь Нома махнул рукой, приглашая Амадо следовать за собой. Оставаясь на почтительном расстоянии, за ними двинулись стражники.

Нома свернул в боковую галерею, которая упиралась в круглую комнату. Центр помещения занимал бассейн с кристально чистой водой. Заточенная в высокие стенки вазона, напоминавшего огромный цветок, вода казалась неподвижной, отражая мир в своей глади, как зеркала эльфов.

Правитель Ура, подвел Амадо к креслу и знаком пригласил сесть в него. С сомнением глядя на конструкцию, человек все-таки опустился в кресло. Великий Нома вежливо

спросил.

— Тебе удобно Амадо?

— Да — почему-то с дрожью в голосе ответил человек.

— Сегодня я открою тебе одну из величайших тайн нашего мира. Сейчас ты соединишься с Великим Знанием. Тебе нужно увидеть это самому, чтобы понять почему врать мне бессмысленно.

— Но я... — не успел договорить Амадо.

Сухая рука в перчатке наклонила голову рыцаря к серебристой глади. Взгляд человека приковало словно магнитом, сейчас он четко видел, что перед ним не вода, а металл ни то жидкий, ни то прозрачный. Гладь задрожала, ее волнения становилось все сильнее, вскоре волны достигли лица человека, чтобы немного погодя, поглотить его полностью.

Холод пронзил легкие, дыхание то и дело прерывалось, серое ничто постепенно начало проясняться.

Родной дом, как давно я здесь не был, почему-то радовался Амадо, жена улыбается и призывно машет рукой. Он идет, вдыхая запах свежескошенной травы. Рут отворачивается, он ее зовет, но не слышит свой голос. Его рука тянется к плечу любимой, она резко поворачивается, глаза женщины сияют, а на губах играет счастливая улыбка. К груди Рут прижимает маленький сверток, розового цвета.

— Дочь!!! — мысль больно прошла сознание Амадо.

Алкмея, Лефтерис что-то объясняет Танаис, та, надув губки упрямится.

Ряды копий и смертельная для эльфов атака на блестящие жала, стон металла, крики раненных и умирающих. Бегство Эйлаха, смерть эльфа в доме матери, яростная бойня у дверей детской, удивительно он ощущает капли горячей крови, забрызгавшие его кожу.

Деревня, окруженная снежными вершинами, перед глазами все плывет, над ним склоняется тощий старик с нечеловеческим взглядом, чудовищная улыбка деда неприятно резанула сознание.

Невыносимая вонь сероводорода резко ударила в нос. Море теней, копошащихся возле зыбуна. Они пытаются его выкопать, затем начинают прыгать вниз, утаскивая за собой длинные веревки. Вот, невероятным усилием, обитатели Нгеве тянут что-то из зыбуна. На поверхности появляется уплощенная голова, покрытая костяными пластинами.

Многочисленный караван везет гиганта в мертвый город. Уродливые руки, безвольно свисая по сторонам, скребут песок, оставляя глубокий след на дороге. Навстречу выходит тощая королева мать, она возвышается над тенями, густые волосы пологом скрывают облик Алайны.

Зал, монотонное пение, хор желтоглазых теней призывает кого-то. Сильный порыв ветра, у сидящих колышутся остатки одежд, из темноты выходит черный скелет. Обведя взглядом присутствующих, темный неторопливо подходит к телу Мампсиса, склонившись над костяком читает мантру. В зал вводят орка, затем еще одного, после еще несколько, последний вошедший поворачивается лицом.

— Лагуш?! — с изумлением выдохнул Амадо.

Темный услышал человека и резко повернув голову уставил на него темные провалы глазниц. Взгляды встретились, Амадо не сомневался, что его видят. Усилием воли он вырвался из оцепенения и выпал обратно в реальность.

***

Первые попытки встать убедили Родриго, что он накрепко прикован к стулу.

— Не сопротивляйся. Чем больше усилий ты прилагаешь для того, чтобы освободиться, тем сильнее он будет тебя держать. Теперь ты видел. Все понял? Расскажи, где остальные.

Не вполне понимая, что от него хотят Амадо глупо хихикнул.

— Что это такое? — он указал глазами на бассейн.

— Великое Знание! Ничто, Зерцало, зови как тебе больше нравится. Оно знает все, что было, есть и будет, надо лишь уметь им пользоваться. Твои рассказы о слухах и легендах смешны, я знаю, что Ур давно забыт внешним миром. Когда-то отец мой Калумум Великий Нома, был известен во всех четырех частях света. Многие прославляли его мудрость и силу. Прошло пять тысяч лет, и люди, там, снаружи, забыли и Нома, и его дела, а от царства остался лишь источенный временем скелет.

— Это же сколько тебе сейчас? — спросил Амадо.

— Много! Я видел падение города, гибель отца... Меня спас проход, и доброта андланд. Боги оказались добрей соплеменников. Они меня укрыли, поделились мудростью, но мне показалось этого мало, сердце мое жгла жажда мести. И я принялся искать знания в иных мирах, пока не нашел твой мир, а там Инвентов, тех, что несут смерть всему живому. Тех, что по своей природе чужды самой жизни. Братья вернули мне бессмертие, которое я утратил, однако забрали человеческую суть. Я стал живым мертвецом. О, я был страшен! Мои враги заплатили сполна за обиды, нанесенные Уру!

— Слишком поздно я осознал, во что превратился. Пустыня меня окружала, не осталось ни единой живой души рядом со мной.

— Тогда я вновь обратил свой взор на Андланд, и боги остановили зло, росшее во мне, но за дар свой потребовали отдать им моих бессмертных сородичей. И я согласился, ибо нет такой кары, что могла бы смыть наши грехи.

— И в чем же нас обвинили боги?

— В гордыне, и стремлении уподобиться богам. Мы использовали их дар, чтобы пустить в наши миры Инвентов, обрекая все живое на погибель. По иронии Менантр сам пал их жертвой, но боги заперли иных, в твоём мире.

— О чем ты говоришь? Полоумный Нома, мертвого города — раздраженно кинул Амадо.

— О том, мой глупый менантр, что это я принял решение, что человечество не заслужило право жить! — ехидно улыбаясь проскрипел Нома.

— Сартар, иной, спрашивал меня про Даада сына Чарда Ореда и обещал много великих даров за твою голову — продолжил уже более деловым тоном, правитель Ура.

— Почему ты решил, что я Даад? — с усмешкой спросил рыцарь.

— На тебе одет Пасис, доспех, что знает хозяина. Ты наследник Галерия. Я его видел, до падения Ура, в визохрониках. Хороший был воин! Ты ему не чета. Пасис может носить только близкий родственник Галерия, гены, знаете ли. Да и внешнее сходство никуда не денешь.

— Но я могу быть дальним родственником — продолжал защищаться Даад.

— Вряд ли. Мамписис тебя узнал. Доспех тебя узнал, наконец Сартар тебя узнал. Да, да я смотрел вместе с тобой.

Амадо понял, что его прижали к стене. Теперь надо думать, как выбраться из железных объятий кресла. Круглый зал наполнили стражи амфибии. Раздался звук раковины, и с центрального входа в помещение вошел высокий, худощавый человек. Его сопровождали земноводные, оставаясь на почтительном расстоянии.

Человек приблизился, поздоровался с Тизкаром. Речь показалась очень знакомой, где же он ее слышал, это, это... да это речь андланда. Вглядевшись в визитера, Амадо увидел его необычную бледность и не присущие человеку пропорции, лица и тела. Слишком длинные конечности, лишённая растительности вытянутая голова, и глаза с неестественно ярким блеском.

Глядя на Амадо, гость внимательно слушал рассказ Тизкара, тараторившего на языке андланд. Дослушав Ному, Анним, так его назвал правитель Ура, взял лицо человека за подбородок, и заглянул в глаза. Андланд пытался влезть в голову Родриго, но все усилия Аннима остались напрасны. С явным раздражением он оттолкнул голову человека, холод, оставшийся от прикосновения андланда, неприятно пощипывал кожу лица.

— Значит Даад? — проговорил неожиданно высоким голосом Анним.

— Да нет, же — с отчаянием ответил Амадо. — Ошибка это какая-то! Я уже который раз пытаюсь объяснить...

Договорить ему не дали, прозвучал протяжный гул раковины. И на этот раз гул звучал тревожно, как тогда, у входа. Все завертелось, забегали амфибии, про Амадо тут же забыли. Обеспокоенная стража, вытянув шеи, выглядывала наружу. Послышалось громкое шипение, в зал вбежало несколько воинов, они что-то возбужденно прокурлыкали страже. Одна амфибия, отделилась от толпы перепуганных слуг, и приблизилась к человеку.

— Плохоооой челоовееек, нааам нужнааа твоооя поооомоооць! Ты поооомооожеешшь?

— Что, совсем плохо? — не теряя присутствия духа поинтересовался рыцарь.

— Напаалии, теее, ктооо тебяяя, ищщщууут. Чееерныеее, сквееерна.

Веселость Амадо сняло как рукой.

— Помогу!

Тихий щелчок, и оковы, сжимавшие тело и руки, исчезли в недрах кресла. Пленник резко поднялся, но онемевшие от долгого сидения ноги плохо слушались.

— Где меч? — жестко спросил рыцарь.

Вялость исчезла, тело человека подобралось, движения стали скупы и сдержаны. Только самое необходимое, ничего лишнего. Одно из земноводных протянуло клинок на вытянутых руках, предлагая оружие Родриго.

Схватив клинок, он выбежал на парадную лестницу, и сразу же налетел на тело амфибии война. В гроте билось что-то большое, непроницаемо черное.

— Понятно, отсюда они пришли, но как они меня нашли — удивился про себя Амадо. — Зерцало!!! — логика подсказала ответ.

Замечательный сад потерял свое великолепие. В несколько минут темные погубили работу тысячи лет. Многие цветы и деревья высохли, и потеряв красоту, грустно роняли лепестки на белоснежный мрамор.

Около грота полулежал Анним, он пытался остановить кровотечение, но безуспешно. Алая жидкость, бьющая из распоротой шеи, просачивалась сквозь пальцы, и брызгая вокруг спекалась в горячей пыли. Он поднял глубокие, голубые глаза и оторвав руку от рассеченной шеи указал на что-то позади Амадо. Кровь хлынула из открытой раны, и заливая бьющееся в конвульсиях тело постепенно сошла на нет.

Повернувшись в пол оборота Родриго, успел подставить клинок под удар двуручного меча. Тяжелый клинок тут же смял защиту и прижал меч человека к предплечью. Амадо сбросил клинок противника по касательной вниз. Темный ударил по камню дороги, выбив сноп искр. Несмотря на subtilность, скелет без усилий махал огромным мечом. Клинок со

свистом пролетал то над головой человека, то резко падал сбоку. Длинный меч темного пошел на Амадо, увернувшись, рыцарь нанес колющий удар. Клинок вошел прямо в центр лба скелета, расколов череп пополам. Внутри разгорелось пламя, точно кто-то раздул остывающие угли в печи. Выгорая, темный отчаянно рубил перед собой воздух, пытаясь зацепить хоть что-то. Сместившись в сторону, Родриго пропустил мимо себя скелет, нелепо махавший мечом. Темный прошел десять шагов, и остановился, постоял несколько мгновений, пытаясь сохранить равновесие, затем упал на землю.

— Их четверо — почти шепотом проговорил Тизкар.

Нома лежал в придорожной пыли, не в силах сдвинуться с места. Взглянув на него Амадо содрогнулся. Маска, сбитая с лица правителя Ура, лежала в двух шагах от серебряного плаща. Внутри плаща крутились завихрения синего, черного и белого цвета, сплетаясь и исчезая в недрах пространныго одеяния.

— Что это? — с видимым отвращением спросил Амадо.

— Дар Сартара — задыхаясь прошептал Тизкар. — Скорее, подай мне маску, у меня нет сил двинуться.

Подняв маску, Родриго остановился возле беспомощного Тизкара.

— Прошу — тянул к нему серый вихрь Нома. — Я умираю. Без нее я не могу жить. Помоги мне, и я помогу тебе.

Маска упала на цветные вихри, встав на место, где должно находиться лицо, она превращала неупорядоченный поток энергии в подобие плоти.

Тизкар приподнялся, он опирался на резной вазон, не в силах самостоятельно стоять.

— Они пошли во дворец, прошу спаси моих детей. Рыбы чисты душой, и верны мне как никто, они будущее этого мира — голос снова обрел силу.

— Сделаю, что смогу — сухо отозвался рыцарь и зашагал обратно во дворец.

Амадо неторопливо прошел по чудесным залам, пока не услышал шум. Звуки боя, глухо долетали из галереи, по которой Тизкар провел его к Зерцалу. Рыцарь вбежал в коридор, позади послышался дробный стук костяной плоти по камню, в галерею вошел темный. Из круглой комнаты, навстречу рыцарю, вышли еще двое.

Ждать нападения человек не стал, он кинулся к тому, что закрыл вход в галерею, и в несколько ударов сокрушил врага. Череп покатился по полу, к ногам его соратников, впадины глаз погасли.

Ответ не заставил себя ждать, темные налетели как ураган, один умудрился опрокинуть Родриго. Обманув человека ложным выпадом короткого копья, скелет нанес сильнейший удар ногой в живот рыцаря. Цеп второго, гулко саданул по шлему, шипы, плотно усаженные по поверхность шара, вырвали кусок металла.

Амадо с размаху ударился головой об пол. Ноги человека подкинуло вверх, скелет, что опрокинул его, встал над рыцарем и пытался найти хоть какую-нибудь щель, чтобы вонзить острие копья, с очень тонким и прочным жалом.

Нога обладателя цепи, ловко встала на кисть человека не давая использовать клинок. Собрав силы, Амадо ударил свободной рукой в коленный сустав темного, что стоял на его руке. С громким хрустом нога скелета переломилась, не выдержав мощи доспеха.

Темный неуклюже начал валиться на бок, увлекая за собой товарища. Освобожденная рука человека взметнулась вверх, рубя грудную кость скелета до шейных позвонков. Темный крутанул цепом, но ребра инвента разошлись, разрушая целостную конструкцию. Удар вышел смазанным, рука скелета, по инерции ушла далеко назад за спину. Ребра

подломились и цеп полетел в круглую комнату, унося за собой оторванную конечность.

Мгновения хватило, чтобы человек вскочил на ноги, и нанес сокрушительный удар в голову однорукого. В тоже время точный укол копья скелета копейщика, что лежал на полу, заставил Амадо остановить атаку. Клинок лишь скребанул однорукого темного по черепу.

Сбив жало копья под ноги, рыцарь с шагом нанес укол, пригвоздив копейщика к полу.

Однорукий побежал к выходу, а копейщик цепко ухватился за клинок человека, плотно засевший в его позвоночнике, не давая рыцарю преследовать беглеца. Амадо рывком вырвал клинок из сухой кости, отрубив при этом пальцы, судорожно сжимавшие полотно меча. Потребовался еще один удар, чтобы обезглавить поверженного врага.

Человек ринулся за последним из нападавших, но споткнулся о тело у входа в галерею. Впервые он так четко мог разглядеть темного. То, что он принимал за скелет, оказалось вовсе не костью, а очень плотной кальцинированной оболочкой. Скрывающей нечто сопоставимое с живым, но при этом совсем иное. Не каждый клинок, смог бы пробить оболочку одновременно и эластичную, и твердую как камень. Соединяясь с воздухом, внутренности темных выгорали жарким пламенем оставляя хрупкие останки, сильно напомиавшие человеческий скелет.

Внимательно осмотрев останки, человек побрел к выходу, шупая рукой место удара копья, едва не пробившего Пасис. Доспех затягивался, но Родриго понимал, что еще немного, и его прочности не хватило бы, и тогда рыцаря ждала верная смерть.

Солнце нещадно палило, заливая развалины Ура белым светом, на фоне которого чернел скелет темного. Однорукий что-то говорил Тизкару, указывая на проход, и тело андланда.

Завидев Амадо, скелет поразительно быстро разбежался и прыгнул в бурлящую темноту грота. Сердце Ура громко хлопнуло, воздух вырвался из его раковины и окатил человека вихрем песка, пыли и щебня.

— Что он тебе сказал?! — грозно спросил Родриго, человек решительно шел на Ному.

— Слуга Сартара? — растерянно произнес правитель Ура. — Они успели сбить мою маску, они знали мое слабое место. Что ты им сделал, что они так настойчиво тебя ищут?

— Я убил их короля. Как они меня нашли?

— Не знаю! Наверное, они обладают даром заглядывать в Великое Знание.

— В Зерцало?

— Да. Знай я, что вас связывает, ни за чтобы не ввязался в эту авантюру.

— Что значит авантюру? Откуда ты знал, что я приду? — настороженно поинтересовался Амадо.

— Андланд знает все — спокойно ответил Нома.

Вокруг собрались амфибии, рыболоуды выползали из помещений и уцелевших закоулков сада. Заботливо положив Тизкара на резные носилки, они с величайшей осторожностью понесли правителя во дворец.

— Тизкар, а если они вернуться? — указывая на грот спросил Амадо.

— Андланды сегодня закроют этот проход, а тебе стоит побыстрее уходить — устало отвечал Тизкар.

— Почему?

— Скоро сюда придут воины андланда, они тебя не отпустят. Ты, конечно, заслужил наказание, но не мне тебя судить. Было бы верхом неблагодарности отдать тебя им, после того как ты спас меня и мой народ — правитель обессиленно упал на ложе, амфибии

испуганно забегали вокруг господина.

— Если бы ты знал правду — тихо проговорил Амадо.

Лодка скрипнула днищем по камням врезаясь носом в прибрежную гальку. Ухватившись за борт Амадо соскочил в набегающую волну. Неподалеку, привалившись к большому валуну сидел Кризоар. Бледное лицо юноши с широко открытыми глазами, безжизненно глядевшими в небо, сразу подсказало Родриго, что он мертв. Нудный дождь успел уже заполнить глазные впадины влагой, образовав два маленьких озерца, в которых отражалось серая непогода.

Рана в животе не оставляла надежды на счастливый исход. Амадо склонился над телом, взял ладонь парня, холодную как лед и деревянно-жесткую. Тело уже начало коченеть. Вода в море закипела, на берег вышли амфибии. Два десятка разъяренных рыболодей окружили склоненного над мертвецом человека.

Шлем бесшумно напоз на голову, зеленные искры побежали по клинку. Не глядя на рыб, рыцарь громко и отчетливо произнес.

— Я не хочу вас убивать! Мне нужно лишь тело этого мальчика! Выбирайте смерть или несколько минут моего присутствия!

Самый крупный, покрытый панцирем, на толстых крабьих ногах прошипел.

— Хоорошооо чеееловееек, мы тебеее вееерим, зааабиррааай ееегооо и ууухоооди.

Вновь закипела вода, берег опустел. Рыцарь погрузил тело юноши в лодку, и оттолкнулся от берега. В воде показались амфибии, они сопровождали лодку, пока остров не скрылся из виду.

С тяжелым сердцем Амадо возвращался к Лефетрису. Что сказать Софии? Он не смог защитить ее сына.

***

Смерть старшего сына Лефетрис воспринял удивительно спокойно. Сдержанно поблагодарив Родриго, за то, что тот не вмешался в обряд инициации.

София так и не смогла до конца простить Амадо смерть любимого сына. После похорон Родриго собрался в дорогу, на этот раз он зашел к Танаис и прощаясь пообещал вернуться. Он знал, что врет.

Ему предстояло спуститься под землю в мертвые города гномов. Там открылся новый проход, и Амадо торопился успеть до того, как весть о гудящем камне Риена достигнет Андланда. Сердце Ура теперь охранялось его воинами, и из прохода превратилось в ловушку. Приходилось верить разным, зачастую вздорным слухам, и самому проверять лживые байки пилигримов и торгашей.

Перед отъездом он увиделся с Лафной. Девушка вышла с детьми. Впервые за многие годы Амадо забыл обо всем, и на полчаса превратился в любящего отца. Удивительно, но Ланаэль тянулась к нему, как к родному. В то время, когда его родная дочь, Элитаэль сторонилась, и даже боялась.

Лафна суежилась вокруг любимого мужчины, стремясь удержать его подле себя как можно дольше. Услышав, о том, что Амадо уезжает, она испуганно посмотрела ему в глаза.

— И когда? — спросила девушка.

— Сейчас. Корабль уже погрузили. Я вернусь. Не могу сказать, когда точно, но вернусь.

— Я знаю — прикусывая губку проговорила Лафна.

— Тогда, что тебя так беспокоит?

— Беспокоит?! Не беспокоит! Бесит! Ты меня бросаешь, снова и снова. Пойми я скучаю, ты мне нужен — крупные слезы потекли из глаз девушки.

Девчонки, глядя на мать, так же засопели носиками. Лафна взяла себя в руки, и вымученно улыбаясь, наклонилась к Родриго. Локоны эльфийки щекотали шею мужчины, а голос тихий и родной прошептал в ухо.

— Вернись живой. Я тебя всегда буду ждать. Но поторопись, в отличие от тебя у меня много времени впереди. Я хочу успеть насладиться тем, что мне подарила судьба.

— Я закончу дело, что зовет меня в глубины Тенафара, и вернусь. Вернусь, чтобы остаться с тобой и девочками. Я люблю тебя Лафна — он взял ее лицо в руки и поцеловал пухлые губы. Девчонки запрыгали подле взрослых, требуя свою порцию любви.

Лафна вместе с девочками осталась у себя, не желая видеть, как он вновь уходит в море. На причале к Амадо подбежал младший сын Лефетриса Маттейос, и приподнявшись на носках, прошептал в ухо.

— Приезжай еще дядя Родриго. Мама обижается на тебя, но она добрая. Скоро перестанет.

Амадо улыбнулся, и ничего не отвечая, кивнул.

Заплаканная Танаис, не хотела отпускать руку Родриго, няньки с трудом увели ее, могучий царь Алкмеи обнял чужеземца.

— Мой дом, твой дом, помни это Родриго. На Аттинаи, ты все сделал правильно. Я правлю суровым народом воинов, и не могу себе позволить нарушать основы нашего порядка. Ты спас мое имя и мой народ от гражданской войны, не дав злоязыким врагам, возможности попрекать моего сына трусостью... А София, она простит. Сердце матери. Сейчас она скорбит, но позже все поймет.

***

Ранним утром корабль Амадо бросил якорь у причалов Старого короля, морского прохода в царство Даност. Ходили слухи, что короля теперь нет, и власть взяли купцы, тем проще для предприятия. С купцами всегда можно договориться, с торгашами все, всегда упирается только в цену.

Придирчивый распорядитель прошелся вдоль лодки заморского рыцаря, проверяя нет ли какой контрабанды.

— Так вроде все в порядке, но ваше судно, сэръ рыцарь, не соответствует нашим стандартам, оно слишком малотоннажное, а занимает место у причала, стесняя иные суда. Тем самым затрудняя...

— Короче, сколько? — нетерпеливо оборвал слово плетения гнома Амадо.

— Ну с учетом, отсутствия приглашения, и прочих нарушений...

— Сколько! — теряя терпение прорычал рыцарь.

— 120 золотых, и это еще без учета ... Звон мешка с монетами, упавшего в руку гнома, остановил поток ненужной информации.

— Здесь сто пятьдесят, таможенный сбор и так по мелочи за хлопоты.

— Прекрасно и в чем же мои хлопоты заключаются — деловито проговорил гном.

— Мне нужно без происшествий добраться до столицы — хмурясь объяснил рыцарь.

— Ха, сущие пустяки, одну минутку.

Гном исчез в толчее разнокалиберных посетителей причала. Вернулся он в компании, коренастого гнома, больше похожего на бандита, чем на провожатого.

— Кто это? — ткнул пальцем в разбойного вида провожатого, Амадо.

— Он вас проводит до каравана, что идет в столицу. Не смейте сомневаться сударь, все будет как на прогулке. Не успеете глазом моргнуть как домчитесь до Танорта — расплывшись в наилюбезнейшей улыбке, уверил придирчивого клиента гном.

— Да? — с сомнением протянул рыцарь, явно не в восторге от перспективы путешествовать в компании с подобным типом.

— Господин рыцарь, вам что нужно представительный вид или добраться в целости до столицы? — прищурившись спросил бандитского вида гном.

— Как тебя зовут? — все еще с подозрением поинтересовался Амадо.

— Ханс Ольсен, мое имя вряд ли тебе знакомо, я простой наемник, но честный. Если сказал, что доведу в целости, значит так оно и будет!

Переговоры продолжались еще некоторое время, особый спор вызвала плата за услуги, как выяснилось провожатый стоил весьма недешево. Тем не менее ушлые гномы получили то, что хотели, поскольку Амадо никогда не умел торговаться.

Присоединившись к каравану с эльфийским стеклом, так гномы обозвали зеркала, рыцарь дошел до Танорта без приключений. Если не считать стыки в корчме, одного из городков, что лежали во множестве на их пути. Двое бузотеров решили проучить неучтивого человека, результат оказался плачевным, подбитый глаз у одного и рассеченная губа у второго. Причем провожатый даже не подумал вмешаться, оправдываясь тем, что он де нанят только на случай настоящей угрозы. А так, если господин желает развлекаться, так он не смеет препятствовать причудам нанимателя.

Надо сказать, что необычный для этих мест внешний вид человека вызывал неподдельный интерес у подземных обитателей. Поэтому в столицу он въехал поздно ночью, и отдельно от каравана. Быстро пройдя Литейную, Кузнечную и Бронную улицы, пересекли Ткацкий конец и вышли к Купеческому кварталу. Двор Довардов оказался пуст. Ханс прошелся по соседям и выяснил судьбу владельцев. Чертыхаясь Амадо повернул, на ворота Гулара Гневного, и вскоре мчался по Мангазейскому лесу в сторону Изумрудных холмов.

Столица Иргамы, Батра, встретила рыцаря холодно. Начатые было расспросы быстро привели Амадо в тюрьму, где его с пристрастием допросили. В ходе допроса выяснилось, что узник хорошо знаком с Рибигудом Жестоким. Рыцаря препроводили к королю, оставив наедине с монархом, по требованию самого Рибигуда.

— Приветствую тебя коннетабль Амората! Что привело известного беглеца в мой дом?

— Приветствую тебя Рибигуд. Я ищу Доварда Крамвуда. До меня дошли слухи, что он подвизался вести торговые дела в твоём королевстве.

— Так какого, ты ходишь по улицам, и выпрашиваешь? Вместо того, чтобы прийти ко мне, и спросить напрямую! — взорвался Рибигуд. — Ты, что не знаешь, что мы стоим на пороге войны?!

— К сожалению, я сейчас не имею тех источников информации, что мне полагались по должности. Я не знал, что у вас все так плохо. Война между гномами, такого не было уже полторы тысячи лет. Что случилось? — искренне удивился Амадо.

— Ты знаешь, что за твою голову назначена награда? Твое присутствие в моем королевстве, может спровоцировать Аморат? Так зачем ты, называя себя другом короля, пришел в мой дом? — голос монарха похолодел, что не предвещало ничего хорошего.

— Когда это Рибигуд сын Гудана Воина начал бояться соседей? — с ехидной ноткой в голосе произнес Амадо.

— Да с тех пор, как чужие шпионы начали валом валить в мое королевство. На днях

агента Караманта выловили — проворчал уязвленный Рибигуд. — Поэтому я тебя спрашиваю, зачем ты усложняешь мою жизнь в и без того не простых обстоятельствах? Твое появление больше смахивает на провокацию. На кой ляд тебе сдался мой торговый агент?

— Поверь Рибигуд, тебе лучше не вмешиваться в эту историю. Она может стать неподъемной для тебя и твоего королевства...

— Чтооо? Ты хочешь оскорбить меня?! Я знаю, что ты не простой человек, но даже от тебя я не потерплю такое пренебрежение! Сомневаться в мощи моей армии, может только ...

— Да нет же... Рибигуд сколько ты меня знаешь?

— Сто сорок семь лет, кажется — нехотя ответил король.

— Я тебя хоть раз обманул?

— Ни разу.

— Тогда прислушайся к тому, что я тебе сейчас говорю. Помогите мне и возможно, я остановлю опасность куда большую, чем все твои враги вместе взятые. А помощь мне нужна срочно, времени мало.

— Что должно меня заставить тебе поверить? То, что ты меня не обманул ни разу достойно уважения, однако ты хочешь использовать меня вслепую, а я терпеть не могу, когда мною манипулируют. В этот раз я дам тебе уйти из моего королевства, но ты не должен возвращаться пока не позову. Когда же призову, ты должен явиться ко мне и выступить на моей стороне. Если согласен, то так и быть, позволю поговорить с моим торговым агентом.

Амадо не торопился с ответом, король терпеливо ждал, на лице человека читалась внутренняя борьба, наконец он решился.

— Договорились, но мне нужен хороший проводник.

Рибигуд хищно осклабился, он заключил одну из самых выгодных сделок в своей жизни.

— Что же тогда по рукам! Проводника дам, и лучшего! Теперь я как никто заинтересован в сохранности твоей жизни!

***

Третий месяц группа во главе с человеком плутала по древним подземельям. Гномы побаивались Амадо, особенно после того, как он надел доспех, такого они не видели никогда. Сам одевается, сам чиниться, чудеса. Они видели в нем колдуна, подозрения подтвердились, когда человек в одиночку расправился с тварью возле кузницы Валлана. Долго еще играли пятна яда на золотом доспехе. Неуязвимость Родриго вызывала суеверное желание поклоняться и следовать за ним, но все-таки это человек. А как знает любой гном нет более властолюбивого и злобного существа чем человек.

В Огненном лесу отряд столкнулся с подземными орками. Несмотря на подготовленную засаду, и свирепость в битве, орки бежали, бросив раненных. Гномы в ужасе наблюдали как человек крушит безобразных подземников.

Больше всего поражало как рыцарь видит, и дышит если у шлема нет, ни забрала, ни каких-либо отверстий. Ответ на этот вопрос нашелся в области суеверий. Гномы решили, что человек волшебник и поэтому может обходиться по многу дней без воздуха, а также видеть сквозь металл.

Вскоре нашлись следы экспедиции Хельма Доварда, они привели отряд к темному провалу, на другом конце Огненного леса.

***

— Похоже Доварду младшему удалось спастись — резюмировал добытые сведения Йен

Юханс, командир отряда.

— Да, так и есть — недовольно хмурясь пробормотал Амадо. — Сегодня мы здесь заночуем, как думаешь сколько дней назад случилась стычка?

— Не больше недели — сказал следопыт Нильс Педерсен.

— Как думаешь Хельм может быть еще жив? — с надеждой спросил Амадо.

— А почему нет. Может, но вряд ли. Вот цепочка следов орков, они явно преследовали отряд. Думаю, завтра мы найдем останки — убил последнюю надежду Нильс.

— Сколько их осталось? — переспросил Йен.

— Судя по следам двое, но они тащили кого-то, скорее всего у них был раненный — задумчиво посчитал выживших Нильс.

Утром отряд вышел к козырьку, огромная пещера впереди пугала. Даже Амадо с сомнением смотрел на этот путь, кожей ощущая опасность, исходившую оттуда.

— Где-то здесь — пробубнил Нильс, рассматривая цепочку следов. — Странно следом за ним, шел кто-то еще. Легче и скорее всего почти бесшумно.

— Думаю стоит подготовиться — тихо предупредил Амадо.

Сталь зашуршала в ножнах. Отряд медленно двинулся к козырьку, соблюдая строй, и стараясь не шуметь. По установленному порядку гномы пустили вперед чужака, они словно проверяли насколько его хватит, искали предел прочности его доспеха.

Высоко на верху тянулся каменный карниз, горный серпантин забирал все круче, подниматься стало труднее. На плоской подошве выступа, основанием опиравшейся в материковую скалу, светился вход в пещеру.

Гномы остановились в нерешительности. В головах воинов бился один вопрос, что обитает в недрах пещеры, что испускает настолько притягательное свечение. Амадо не останавливаясь прошел внутрь, прямо в яркий свет. Гномы нехотя потянулись за чужаком. Человек старался ступать тихо, но стальные башмаки предательски стучали по камню. Кто-то позади споткнулся о валявшийся при входе булыжник, грохот металла и потревоженного камня долгим эхом разнесся по галереям пещеры. Все замерли, и оглянулись на виновника переполоха. Амадо покачал головой и не говоря ни слова пошел дальше.

Вдруг человек остановился как вкопанный, от неожиданности гномы налетели на него. Йен выглянул из-за плеча чужака, сперва гном не поверил глазам. Перед ним стояли молодые девушки, и женщина в тонкой рубаше, от которой исходил слепящий свет. Женщина смотрела в глаза человека, она видела его даже через металл доспеха. На мгновение Амадо потерял дар речи, неизъяснимое блаженство поднялось снизу, и устремилось к голове захватывая все его существо.

— Остановись! Мы не враги — с трудом перебарывая состояние душевного катарсиса, прошептал рыцарь.

Женщина улыбнулась, и подошла к Амадо, вглядываясь в темные глаза человека.

— О, да, ты нам не враг, а они? — золотисто прозвучал голос хозяйки пещеры.

Человек взлетел над собой и увидел гномов, шедших позади. Суровые воины стояли на коленях, и точно замороженные смотрели на даму в белом. Брошенное рядом оружие, валялось в беспорядке, гномы внимали богине.

Неимоверным усилием воли, Амадо вернул себя в нормальное состояние, его бездонные глаза встретились со светящимися звездами женщины.

— Мы ищем гнома из дома Довардов, Хельмом зовут. Отпусти моих воинов, они пришли к нему на помощь.

— Кто ты человек? Мало кто может мне противиться. Разве, что люди далеких эпох. Ты древний?

— Я не могу тебе ответить!

— Что ж пусть эта тайна останется с тобой. Знаю я Хельма. Спасла его, и пригрела в доме моем. Супруга его мне весточку слала, чтоб жизнь избранника ее сберегла.

— Верни его нам. В доме ждет его супруга и сын, мы вернем его семье.

— Лжешь ты человек! Знаю, что замыслил ты в черной твоей голове! Желаеть вернуться туда, где ты был, да только там нет ничего, лишь смерть и утраты. Оставь эту мысль, себя сбережешь и Хельму сослужишь услугу.

— Я не знаю кто ты.

— Как и я.

— Меня зовут Родри... — словно поперхнувшись оборвал себя на полуслове рыцарь. — Даад меня зовут. С тобою я честен, так ответь мне тем же.

— Да, вижу, что честен! Знаю о тебе, смерть за собою ведущий. Я Ками младая, зовусь Аар Жизнь Дарующая.

— Ты богиня?

— Богиня? Нет! Я хозяйка, скудных земель подземного царства. Нас трое. Я жизнь и любовь, беру лишь цветы и обеты младые, мать моя Ками Старейшая, забвением ведает, берет она жизнью, и кровью питается, а Мая дочь моя славная, ведает даром раскаяния, берет она чувством искренним.

— И все же я не пойму кто ты.

— Того что сказано, достаточно. Из гоблинов ведем мы род свой, хоть и не гоблины. Рождаемся, и тихо проживаем жизнь, в изгнанье добровольном. В краю Забытых шугул, здесь на окраине, взрослеем мы и проживаем жизни, и если повезет, то умираем без перерождений. Таков удел шугул, менять свое начало. Родиться Маей, мир сохранять в обличье Аар, и завершать свой путь Старейшей Ками.

— Эти девчонки когда-нибудь станут тобой? — удивленно спросил Амадо.

— Нет. Мы ипостаси единого, но также женщины простые. Страстям и чувствам мы не чужды. Рождается нас много, но мало остается. Живые нас и любят и боятся. Не ведают глупцы, что гибель Май, несет гармонии конец. Умрет Аар, войною жатву соберет Ками, умрет Ками и жизнь родит ее, чтоб сохранить гармонию времен. Погибнет Мая, придется ждать рожденья дочери другой. Аар же может превратиться в Ками и мир погрузиться во мрак. Живое станет не живым, исчезнут расы. Вернуться древние насельники земли.

Из глубины пещеры вышли еще девушки, Амадо насчитал двенадцать, все походили на жену Хельма. Белокурую девушку, которую он видел в доме Довардов.

Следом показался коренастый, темноволосый гном, с широкой бородой и тяжелым, угрюмым взглядом. За ним появились еще двое, Гульд радостно подскочил к Йену, но испуганно отшатнулся, когда увидел его состояние.

— Что с ним? — спросил испуганный капитан.

— Не печалься отважный Гульд, их любовь поглотила! Скоро вернуться они! — успокоила гнома Аар.

— Экстаз — протянул Ульф, внимательно глядя на коленопреклонённых соплеменников, и хлопая по плечу обеспокоенного Гульда.

— Хельм?! — скорее утвердительно, чем вопросительно произнес Амадо.

— Да! Кто тебя послал? Я тебя не знаю, и этих воинов тоже.

— Это гвардейцы Рибигуда — вмешался Гульд. — Они наши, а этого я не знаю — он ткнул пальцем в Амадо.

— Рибигуд прислал за тобой отряд. Вот письмо твоего отца. Он просил тебе передать — спокойно ответил Родриго.

Гном принял письмо, и быстро вскрыв конверт прочел послание.

— Отец пишет, что тебе можно доверять, но я не вижу твоего лица, да и доспех на тебе не наш. Кто ты и откуда?

— Я Родриго Амадо! Служил королю Инану, что правил когда-то Аморотом — уточнил человек.

— Да знаю я, но короля уже много лет нет в живых, а за твою голову назначена награда, в несколько сотен золотых. Так почему я должен тебе доверять?

— Так мало?! Ох скаредный Гумберт! Кто-же за такие деньги станет меня искать? — отшутился Амадо.

— Он правду говорит, Хельм, гость наш дорогой. Но с ним идти тебе не надо, замыслил нехорошее сей человек. Беду несет с собою Вестник смерти.

— О чем ты Аар? — удивился гном.

— Мне нужен Риен — вместо Аар, ответил Амадо.

— Не понимаю, о чем ты человек — одновременно раздраженно, и испуганно проговорил Хельм.

— Ходят слухи, что ты там нашел врата. Раз они дошли до меня, значит и другие узнают.

— Что за другие?

— Расскажу, но ты проводишь меня в Риен — улыбнулся Амадо.

— Мало тебе человек, что привел ты с собой врага неживого, или думаешь зря тебе дали прозвище Вестника смерти. Утраты и гибель ведешь за спиной, сжался над миром предков твоих, оставь ему жизнь и покой.

— Поздно Аар, они уже здесь. Мне надо вернуться — негромко ответил Амадо.

— Ничего не пойму, кто они? О ком вы говорите? — испуганно спрашивал Хельм.

— Отвечу если проводишь меня к двери.

— Решать тебе, Хельм, гость мой дорогой, но помни, сейчас судьбу решаешь ты свою. Повержен будет человек, иль победит, любой исход беду сулит — с этими словами Аар повернулась и ушла в глубь пещеры, вслед за ней, стайкой упорхнули девушки.

Гномы начали приходить в себя. Йен, тупо глядя перед собой пытался собрать мысли, он ничего не помнил кроме всепоглощающего чувства любви. Чувства, наполнившего его душу до краев.

— Что случилось? Кто это? — выдавил из себя Йен.

— Это тот, кого мы ищем — равнодушно ответил Амадо.

— Человек прости, но я не поведу тебя к проходу. Аар никогда не ошибается, и тебе следует прислушаться к ее словам — смущенно проговорил Хельм.

— Так тому и быть. Собирайся мы проводим тебя в Изумрудные Холмы. Король требует тебя обратно — успокоил упрямого гнома Амадо.

— Я не могу вернуться! Я не выполнил поручение Рибигуда — замотал головой Хельм.

— Не дури Хельм, искать Торна, в этих пещерах все равно, что иголку в стог сена — вмешался в разговор Гульд.

— Господин купец, от короля поступил приказ вернуть вас ко двору, и я намерен его

выполнить. Не вынуждайте нас применять силу, мне бы очень не хотелось — жестко прозвучал низкий голос Йена.

Хельм мотнул головой в знак согласия, они с Гульдом ушли в глубины пещеры. Спустя четверть часа гномы вернулись в полном вооружении.

Отряд уже отошел от пещеры, когда Амадо повернулся, и увидел белых дев и Аар, у входа в обитель. Они молча смотрели вслед уходящим, и махали руками, прощаясь с Хельмом. Всегда суровый и сумрачный гном, едва сдерживал слезы, рвавшиеся из темных глаз. Он махнул в ответ, и быстро отвернувшись зашагал прочь.

***

Карта Хельма вела отряд через сеть пещер, с подземной рекой. Свет от лишайников, в изобилии растущих по стенам и берегам речки, причудливыми всполохами освещал путь. Красивое зрелище восхищало и гипнотизировало. Цветные всполохи играли на лицах путников, на броне, и оружии вызывая чувство праздника. Амадо вспомнил дом, где в ночном небе Менантра очень похоже вспыхивали, цветные россыпи фейерверков.

Общее приподнятое настроение, сняло напряжение долгого похода. Пришло ощущение, благополучного окончания предприятия.

— Никогда не думал, что такая красота скрывается в глубинах нашей горы — восхищенно протянул Нильс. — А сколько всего видел, но такое...

— Ага, ты еще в ладоши похлопай, блаженный дурак — проворчал Йенс. — По сторонам внимательней смотри. Дюже тут спокойно, аж не по себе.

Нильс надулся, но промолчал. Ульф ехидно улыбнулся, и покачал головой.

— Лучше бы нам обойти эту сеть пещер! Тут никогда, никто не жил — осторожно оглядываясь проговорил Гульд.

— Мне тоже эта пещера не по душе! Снаружи черная яма, а внутри такая красотища, странно это как-то — ежась ответил Ульф.

— Я говорил, что сюда не надо, но вы же, другого пути нет, орки. Как будто отряд орков страшнее чудовищ, что живут в таких пещерах. По мне так лучше хороший бой с орком, чем неизвестность — недовольно бурчал Йенс.

Вскоре все вокруг начало плыть, и перемешиваться, сознание от постоянных вспышек перешло в сомнамбулическое умиротворение. Первым насторожился Ульф, его крик словно через вату постепенно дошел до сознания остальных членов отряда.

Вырванный из грез Амадо увидел, как Йенс взлетел к своду пещеры, и с жутким треском, сложился словно высосанный помидор. Вниз упал пустой доспех, шлем с грохотом откатился в сторону. Вместо головы из доспеха на густой мох упал плоский блин слипшейся кожи минутой, ранее обтягивавшей голову капитана.

Тем временем по стене спускалось нечто, похожее на огромного паука. Из толпы обезумевших от испуга гномов, ворсистая рука выдернула, взмахнувшего мечом Хельма. Грязно ругаясь, Хельм пытался нанести удар по лапе паука, но рука гнома предательски промахивалась мимо цели. Вторая лапа чудовища перехватила меч, и тут же потеряла несколько пальцев. Третья лапа цепко ухватила руку с мечом, лишив гнома возможности сопротивляться. Гульд с воплем кинулся к образине, увлекая за собой отряд, однако та ловко поднялась на недостижимую высоту. С непостижимой скоростью вскарабкавшись по отвесной скале к своду пещеры.

Отчаянные вопли Хельма неслись из-под потолка. Воины натянули луки, запели первые стрелы, защелкали наконечники о камень. Чудовище исчезло, словно растворилось. Гномы

растерянно глазели на висящего в воздухе Хельма.

Амадо выхватил лук у Нильса и прицелился в место, где должна была находиться голова чудовища. Тело гнома потянулось к чему-то в пустоте, стрела, пущенная человеком, со свистом понеслась в сторону движения Хельма. Острие во что-то глухо ударило, стрела повисла в воздухе рядом с гномом. Оторвавшись от свода пещеры, он быстро начал падать в реку, еще до соприкосновения Хельма с водой, поток взорвался, расплескав прозрачные струи на берега. Хельм полетел в сторону, кувыркнувшись несколько раз он уткнулся в стену.

Гигантский паук, снова возник прямо перед гномами. Удары клинков, топоров и копий, не находили цели. Тварь быстро и ловко кидалась из стороны в сторону, поднималась на длинных ногах, попутно выхватывая то одного, то двух гномов из рядов обороняющихся. Участь попавших в лапы паука была ужасной. Тварь давила, рвала на части, с бешеной силой швыряла подземников о стены. От удара о камень разбивались даже самые прочные доспехи.

В разгар битвы паук растворился и на его месте возникла женщина, стрела, торчавшая из головы чудовища со звоном, упала на пол. Гномы остановились, разинув рты воины смотрели на темные с проседью волосы и огромные черные глаза, прикрытые длинными ресницами. Красивое лицо исказила злобная ухмылка, секунда и женщина кинулась на опешивших воинов. Снова заработали мечи и топоры, удивительно ловко уходя от ударов, она, миниатюрными руками, рвала в клочья металл щитов, и доспехов. Наконец, одно копьё пробило тело монстра насквозь, женщина застыла. В остервенении воины наносили удары по беспомощному телу красавицы, пока она не повалилась на пол. Окружив искалеченный труп гномы в изумлении, глазели на женщину. Перед ними лежала Аар, только намного старше.

— Кто это? Что за тварь? — спрашивали воины друг у друга.

— Это Ками, мать Аар! — все повернулись на голос.

Амадо спокойно смотрел на гномов сидя около Хельма. Гном уже пришел в себя, и пытался привести доспех в порядок. Неожиданно глаза Хельма расширились, Родриго повернулся и проследив его взгляд, закричал.

— Руби ей голову!!! Сзади!!!

Только, что поверженное тело Ками вновь стояло позади воинов, повернувшихся на слова человека. Остолбневшие гномы таращились на нее с ужасом и отвращением. Тело женщины менялось, превращаясь в монстра. Чудовище глухо рыкнуло, звук разнесся по пещере, и ушел далеко по анфиладам смежных пустот.

Кинувшиеся к ней гномы, остановились. Стены пещеры ощутимо затряслись, что-то огромное приближалось из темных проходов. Гульд выстроил отряд в круг, уперев щиты воины сдвинули их, приготовившись к удару. Амадо пошел на Ками, по мечу побежали искры, быстро расползлась патина. Несмотря на доспех, человек двигался необычайно ловко, его быстрые движения путали чудовище. В доли секунды он оказывался позади, потом сбоку и вновь позади. Тварь пыталась ухватить верткого врага, цепляя лапами с крючковатыми когтями. Огромная пасть с длинными, ножевидными клыками, щелкала настолько близко, что Амадо чувствовал, как воздух вибрирует от их сопряжения. В такую пасть легко поместился бы не только гном, но и человек, целиком без остатка. В какой-то момент клинок лизнул пальцы многорукой твари, и отсек их. Ками взревела, но, прежде чем она успела что-то предпринять, меч еще дважды зацепил тело чудовища, оставив глубокие раны. Бешено завертевшись на месте, тварь подскочила высоко вверх и упала всей массой

гигантского тела вниз. Восемь лап ловко прижали человека к полу.

Дрожь усиливалась, звук приближался, все отчетливей слышалось рычание и дикий вой. В проход соседней пещеры толкаясь и мешая друг другу, вливались многочисленные твари, настолько различные в своем уродстве и красоте, что и мысли не могло возникнуть о их родстве. Все они пришли на зов Ками, забыв страх и вражду.

Несущаяся масса достигла маленького островка, созданного гномами и разливаясь по сторонам захлестнула его. Пещеру огласили придавленные голоса, звуки раздираемого металла и рвущейся плоти, рычание, хрюканье и писк тварей, уничтожающих попавших в ловушку гномов.

Обалдело глядя на происходящее Хельм, стоял посреди растерзанных тел, его меч опустился к полу, из всего отряда в живых остался только он. Звери медленно отходили, рыча и скалясь на гнома, но не трогали.

Хриплое дыхание привлекло внимание подземных хищников, они потянулись на звук. Волна схлынула, подарив гному недолгую передышку. Хельм видел, как Амадо ухватил Ками за шею, и преодолевая сопротивление плоти медленно вгоняет в тело чудовища клинок, под сердце твари.

Звери еще не успели достигнуть рыцаря, как Амадо оступись и немного провалившись вперед, нелепо взмахнул рукой. Человек пытался поймать шею чудовища, но рука провалилась в пустоту.

Темным туманом Ками прошла через рыцаря. Амадо удивленно оглянулся во след туману. В это время налетевшее зверье, опрокинуло стального воина. Восстанавливая женское обличье, Ками подошла к Хельму, и заглянула гному в лицо.

— Оставьте человека, он мой слуга! — прозвенел ее стальной голос многократно отражаясь от свода пещеры.

Звери отхлынули от Амадо, и скаля зубы отступили на несколько шагов. Жестокая улыбка напозла на лицо подземной Хозяйки.

— На тебе, чувствую я Маи любовь! Кто ты ей?! — спросила Ками, у перепуганного гнома.

Сглотнув слюну, в пересохшее от волнения горло, Хельм выдавил.

— Она моя жена. И мать моего ребенка.

— Ребенка? Какого пола дитя? — заинтересованно произнесла Ками.

— Мальчик...

— Зачем покинул супругу младую, и ищешь смерти в недрах Наголы?

— О, нет, хозяйка! Я ищу не смерти! Я ищу гнома королевских кровей, Торном зовут!

— Странно, я ничего о нем не слышала, но может дети мои видели — Ками повернулась в сторону застывших в ожидании тварей.

Несколько минут женщина молча смотрела на них. Хельм успел заметить, что Амадо стоит в нерешительности, окруженный телами поверженных зверей. Меч рыцаря готовый в любой момент вновь приняться за уничтожение обитателей подземелья, слегка подрагивал.

Медленно потянулись минуты, Хозяйка вслушивалась в мысли подземных тварей. Наконец она резко повернулась к Хельму.

— Домой иди! Нет в глубинах Наголы того, кого ищешь безумец. Давно к солнцу ушел король без короны.

Ками отвернулась от Хельма, и подплыла к Амадо.

— Что ты здесь ищешь Вестник смерти? — с улыбкой спросила она человека.

Рыцарь оглянулся вокруг, и недоверчиво глядя на Хозяйку, нерешительно опустил меч.

— Не бойся, пока не позволю, дети мои не тронут тебя — успокоила Ками рыцаря.

— Ищу дорогу домой, но на этот раз мне не повезло, проводник мой отказывается меня отвести к двери — Амадо многозначительно глянул на гнома.

Хельм отвернулся, делая вид, что речь идет не о нем.

— Что ж так? — игриво спросила Ками, заглядывая в глаза гнома.

— Нельзя этого делать, Аар предупредила...

— Вздор! Дочь моя Аар, умеет убеждением лишить разумной воли, не стоит безоглядно внимать речам глупышки. Многое видеть ей не дано. Ее малолетство служит причиной незнания, глаза еще не раскрылись у глупой девчонки. Откуда ей знать, что есть добро, а что без сомнения названо может быть злом.

Гном недоброжелательно посмотрел на Хозяйку, не обращая внимания на Хельма женщина вновь повернулась к Амадо.

— Так, так, вижу, кто ты! Ведешь за собой ты злейшего недруга жизни самой! Могу я тебе помощь свою предложить, но ты мне обязан будешь вернуть жизнью иль не жизнью, сам выбирай. Коль согласен с условием, велю проводить тебя детям моим. Они отведут, туда куда рвешься ты сердцем усталым.

Рыцарь задумался, прошло много времени, прежде чем он вновь заговорил.

— А что будет с гномом?

— За него не бойся. Гнома сего не тронут, ни разумом полные, ни дети природы. Дам ему я возможность ходить беспрепятственно среди владений моих.

Повернувшись вполоборота, Ками начертила в воздухе какой-то символ. Хельм схватился за шею, и с воплем начал тереть кожу, поверх которой набухали багровые очертания знака, созданного Ками в воздухе. Боль быстро сменило чувство сильного холода, Хельма слегка потряхивало.

— Видишь, с твоим подопечным, теперь не случится беды. Ответь же мне Вестник смерти.

Амадо ответил согласием.

— Но помни, коль обманешь меня, найдут тебя дети мои, где бы не спрятался ты. Погибнешь ты сам и товарищи рядом идущие.

— Да знаю я, что такое клятва! Особенно перед такими как ты Хозяйка!

— Тогда с сего момента, договор меж нами заключен, и помни голову мне принесешь. Сам выбирай живого, что ближе остальных, иль грозного инвета мертвеца.

Рыцарь махнул головой в знак согласия. Довольная улыбка заиграла на устах Хозяйки. Животные обступили человека и ворча пошли к выходу, рыцарь последовал за ними. Проходя мимо Хельма, он кивнул гному в знак прощания. Гном не ответил, отвернувшись в сторону он смотрел на тела погибших товарищей.

— Не рви с костлявой, Вестник смерти, она не так плоха, жизнь сбережет твою в урочный час.

Обернувшись Амадо раздраженно проговорил.

— Да не понимаю я, о чем ты говоришь Хозяйка, почему Вестник. Не связан я никак со смертью!

— Поймешь слова мои, когда наступит время — Хозяйка растворилась в воздухе.

Неделя среди Май пролетела, точно один день. Ульф выздоровел, Аар вернула его сознание. Гульд изменился, из черствого и жестокого капитана гвардии Рибигуда, он превратился в приятного собеседника. Вот уж чего Хельм никак не ожидал.

Хельм пребывал в подобии сна, когда к нему впорхнули Май. Они сбивчиво, перебивая друг друга, сообщили, что к Цветочному убежищу приближается много воинов.

Хельм опоздал к первой встрече с гостями, когда он вышел у входа толпилось два десятка гномов Иргамы. С ними пришел странный человек, коренастый, невысокого роста, в удивительной броне. Позже гнома испугал бездонный, мрачный взгляд, черных глаз чужака, пробирающий до самых глубин души. Прежде Хельму никогда не приходилось видеть такие лица.

Просьбы человека звучали как приказ. Хельму стоило большого труда перебороть страх перед ним. От Амадо, так он представился, исходило чувство опасности. Предложением отправиться в Риен, к проходу, чужак укрепил настороженное отношение гнома. Хельма смущала информированность этого Родриго. Он чувствовал, что тот знает намного больше, чем говорит. Предупреждение Аар, окончательно убедило его, в том, что человек скорее враг, чем друг. Но Рибигуд требовал его возвращения, и он подчинился приказу короля. Успокаивало присутствие Гульда и гвардейцев Иргамы.

Уходя из Цветочной пещеры, Хельм обратился с просьбой к Аар. Он попросил, чтобы Великая Мать благословила его брак, и подарила ему и Мае девочку. Аар улыбнулась, с теплотой любящей матери, и положив руку на голову гнома, вспыхнула белым.

В то же мгновение перед Хельмом распахнулся покров, гном увидел Маю, девочку лет пяти, своего сына, и дом, очень богатый дом. Затем незнакомого мужа в воинской броне, что бился с ордами орков, город в пламени, и молодого короля. Видение перенесло Хельма в старый дворец Танорта, перед Великим мастеровым, преклонив колено стоял рыжий воин. На золотую голову опустилась корона, изукрашенная сияющими рубинами, гном поднялся с колена и медленно повернулся лицом к нему. Хельм увидел, что это тот же воин, что бился с орками.

Последнее видение перенесло Хельма к погребальной процессии. В ушах зазвенел обрывок прощальной речи: «...пусть покоится наш друг, отец и муж в камне из коего вышел, и в который уйдет дабы вернуть все то, что взял. Прощай Скауг Грозный!!!».

Каменная крышка саркофага, со скрипом напозла, скрывая почившего.

Хельм попытался заглянуть внутрь, гнома разбирало такое любопытство, что он не мог себя удержаться. Но увидел, лишь эфес меча, он блеснул из сумрачного склепа, поймав последний луч света. Женщина в белом стоит у входа пещеры, позади непроглядная тьма. Перед ней разгорается свет все больше и больше, пока все не потонуло в ярком свечении.

Хельм пришел в себя, Аар погладила его по голове и произнесла.

— Не бойся маленький храбрец, жизнь наградит тебя любви взаимной счастьем и приключений щедрою рукой отсыплет полной мерой. Покоем дом наполнит Мая, а дети сквозь эпохи пронесут великое наследие Вотана. Дверей лишь бойся, в миры иные, там скрылся враг твой, беды желает он тебе. Не дай проклятью сбыться — Белая Ками склонилась и поцеловала гнома в лоб.

Хозяйка ушла, за ней вереницей засеменяли молодые копии Май. Проходя мимо,

девушки прощались с гномом глазами, и едва заметно кивали головой. С тяжелым сердцем Хельм покидал плато Белой Ками. Гнома беспокоил человек в чудных доспехах. С ним предстояло идти много дней, среди опасностей и незнакомых подземелий, и этот его жуткий, нечеловеческий взгляд.

***

Долгий переход до Риена, оказался не столь утомительным. Звери знали такие тропы и лазы, о которых подземные жители и не подозревали. Возле городских ворот хищники сбежали от человека, скрывшись в темноте ближайшего заброшенного тракта. Рыцарь прошел по мертвым улицам до площади, где сразу обнаружил завесу, ведущую в мир золотых полей.

Стоя на границе двух миров, Амадо вытащил необычный знак, добытый в Нгеве. Амулет завибрировал, пространство начало меняться. По ту сторону прохода, золото солнца сменилось темными очертаниями родного мира, на человека пахнуло воздухом мрачного Менантра.

Тучи черными клубами, носились по небу, орошая землю холодными потоками воды. Сумрак, царивший повсюду, пронизал окружающий пейзаж. Остовы некогда величественных зданий торчали из земли, покосившимися нагромождениями камня и металла. Жуткие деревья, чудовищно изогнутые, разлапистые с толстой паутиной корней, стояли непроходимой стеной. Только свисающая с ветвей бахрома мхов, черных как смоль, источала миазмы.

Раскисшая земля липла на ноги, приходилось постоянно преодолевать чавкающую жижу, стремившуюся засосать стопы человека. Оглянувшись Амадо не смог вспомнить, куда он попал, за тысячи лет многое изменилось. Судя по картам, здесь находился реликтовый лес Фитрада, но тот лес светлый и безопасный, давно сошел, и на его месте выросла эта пуща. Рядом должен стоять Парнир, город ученых, его останки неподалеку торчали из земли, уходя далеко в лесную глушь.

Оторвав взгляд от разбитой дороги, он увидел человеческие силуэты, там, где сходились земля и сумрачное небо. Амадо попытался разглядеть незнакомцев, но они исчезли, точно растворились в воздухе.

— Показалось — подумал рыцарь.

Обойдя лес по краю, человек нашел хорошо сохранившийся участок дороги, которая шла далеко за город, в то место, где на горизонте ему померещились люди. Второй конец тракта терялся в дремучем лесу. Длинные полотна мха, свисавшие с ветвей точно, борода древнего старца, при его приближении угрожающе закачались, предупреждая не званного гостя от глупого решения.

Амадо пристально вглядываясь в карту искал дорогу, что лежала перед ним, пытаясь понять куда она ведет. Вот город Елид, а вот дорога на Олодор, однако раньше здесь была равнина, теперь же чаща, обойти, которую никак не получится. Заросли перегораживали путь насколько хватало взгляда. Клацая металлом доспеха, по каменному мощению дороги, Амадо добрался до кромки леса. Вблизи он казался еще более зловещим. В воздухе появился удушливый запах плесени, лес взирал на человека, сурово хмуясь на чужака. Огромные корни вывернули плиты, мостившие дорогу, часть из которых раскололась на куски.

Решительно шагнув под черный полог, сразу же поглотивший все звуки, Амадо быстро шагнул вперед. Сбоку вырос огромный камень-указатель, «Елид» прочел человек, знакомое письмо Менантра.

Через триста метров путь исчез, дорога утонула в густой подушке мха, который укутал мягким покрывалом пространство между деревьями. Ноги ушли в серо-зеленый ковер по щиколотку. Особая, ватная тишина повисла вокруг путника. Из-под ног поднялись облака спор, поначалу пыль вилась прямо перед человеком, но немного погодя ковер под ногами точно взорвался, лес заволокло плотным облаком мельчайшей взвеси. Соприкасаясь друг с другом, споры мерцали зеленоватым, постепенно переходя к другим оттенкам. Изумленно отрыв рот, Родриго смотрел на происходившее перед ним действо. Более всего это напоминало Северное сияние, человеку приходилось такое видеть в тундре, неподалеку от Седых гор.

Свечение ушло за деревья, отмечая свой путь отблесками, а туман сгустился еще больше. Амадо ничего не видел дальше вытянутой руки. Зашумел лес, с протяжным стоном рухнуло дерево. Человек оглянулся, но туман скрывал источник звука, тогда как хруст стремительно приближался. Он побежал, туман закружился вихрями вокруг тела. Впереди попало небольшое дерево, стальное тело вывернуло облезлый ствол с корнем. Трещало уже совсем близко. Родриго еще ускорился, стараясь не врезаться в деревья, однако несколько сухих гнилушек перегородили его путь, не сбавляя хода рыцарь прошел сквозь преграду, трухлявые стволы разлетелись в щепу. Хрустнуло за спиной, впереди дорога обрывалась высокой стеной бурелома, словно кто-то специально навалил изломанный лес, желая закрыть проход.

Амадо развернулся лицом к врагу, из тумана вылетело толстое бревно с когтями. Вихри тумана красиво взвились вокруг лапы чудовища. Удар человек не почувствовал, стальное тело ударило спиной о бурелом. Проломив несколько сосен, рыцарь оказался внутри навала, деревья бурелома закрыли его от нападавшего. Сотрясающий округу вопль, ударил по нервам, нападавший разметал вставший между ним и его жертвой бурелом. Амадо едва успевал выкручивать тело из-под мощных лап, огромные когти ловко срывали бревна с их места в завале, отбрасывая далеко в сторону. Неистовое рвение твари, растрясло бурелом, и перед человеком образовался просвет. Родриго воспользовался ситуацией и нырнул в спасительный проход. Зверь попытался преследовать человека, но застрял. В бессильной злобе животное ломало бревна, прорываясь вперед, пока преграда не пала под натиском непомерно огромного тела. Амадо бежал, не останавливаясь ни на секунду, пока ноги не увязли в чем-то длинном и прочном, как волосы, связанные в пучок. Чертыхаясь, он попытался освободиться, под ногами вился голубоватый ковыль. Человек поднял голову, туман остался позади, и быстро таял, а перед ним, насколько хватало глаз простиралась бескрайняя степь. Амадо стоял на границе леса и поля, треск позади затих.

Осторожно ступая, рыцарь пошел по беспокойному морю травы, от леса отделилось несколько теней, их приземистые тела скрывались в высоком ковыле. Раздвигая голубые стебли подобно морской глади, они приближались к человеку. Траекторию их движения отмечали седые валы потревоженного разнотравья. В небе мелькнула первая тень, за ней еще несколько, нападение тварей застало рыцаря врасплох. Родриго упал лицом вперед, но сумел сгруппироваться, и кувырнувшись с жутким скрежетом вырвался из цепких лап хищника. Оскаленные челюсти застучали по Пасису, с огромным трудом Амадо поднялся на ноги. Махнув наугад мечом, он что-то зацепил, раздался визг, и голубая, блестящая полоска легла яркой дорожкой на ковыль. Остальные окружили человека и осторожно обходя по кругу вытоптанной поляны, готовились к следующей атаке. Не дожидаясь нападения, Родриго высоко подпрыгнул, и приземлился в гущу врагов. Звери испуганно завизжали, клинок со

свистом совершил полукруг. Ковыль окрасился еще несколькими дорожками голубого цвета, твари быстро исчезли в высокой траве. Длинные лапы хищников позволяли совершать огромные прыжки, что давало животным преимущество в скорости. Спрятавшись в волнах упругой травы, звери вновь окружили человека, непостижимым образом твари одновременно выпрыгнули из своего убежища, и впились капканами челюстей в руки и ноги рыцаря, слажено растягивая их. Матерый самец прицелился в горло стального доспеха. В зубах засвербело от скрежета клыков по металлу горжета. Пытаясь вырваться из намертво стиснутых челюстей, Амадо быстро потерял силы. Из последних сил, он вырвал правую руку, и нанес несколько уколов рвавшим доспех зверюгам. Сверху набросилась еще одна тварь, клинок рассек воздух зацепив хищника, судя по размеру самца, вожак упал и забился в конвульсиях. Повизгивая, мимо пробежал еще один самец, за ним рванули остальные, скрывая длинные, черные тела в лесу.

— Надо же, вот, что значит убить вожака — подумал Амадо.

У кромки леса звери оглянулись и секунду спустя испуганно повизгивая скрылись в мрачной чаще. Родриго взглянул в ту сторону, куда глядели хищники. Через поле неспешно ехали верховые, такие же латники, как и он. Золотистый металл поблескивал в свете луны, выглянувшей меж редящих облаков. Шевеление в ногах лошадей заставило остановить приветствие, на полуслове. К нему приближались его соратники по многим битвам Эмемнун, Балих, Арвиум и Машда.

Но ковыль скрывал, нечто, что испугало и Амадо и стаю. К человеку шла свора тварей, больше всего напоминавших чернильные пятна, без глаз с абсолютно непроницаемой для света шерстью.

— Что это? — обреченно произнес рыцарь.

Неожиданно в его памяти всплыло это самое поле, да это оно, здесь, вернее чужь впереди, шла последняя битва с нежитью. Последняя битва, что ему пришлось пережить. Тогда именно такие твари сопровождали Инвентов.

Сил бежать не осталось, Амадо приготовился к битве, но всадники остановились, не доезжая до человека. Пятна бесшумно прошли мимо, обдав человека сильнейшим чувством безнадежности и отчаяния, и ушли в лес. Тогда верховые двинулись мимо Родриго, точно не замечая человека. Ничего не понимая, он оглянулся и не рискуя обращать на себя внимание тихо пошел в сторону Кирана, города, где он вырос.

Степь неожиданно кончилась, впереди разлилась гладкая равнина, абсолютно мертвая, ни единой травинки.

— Столько лет и ничего не растет — удивился Амадо.

Грунт, спаянный в гладкую стекловидную поверхность, иссеченную кракелюрами трещин, блестел в свете луны и ее спутника Мунка. Поле боя заполняли останки поверженных противников, во многом рассыпавшиеся в прах. Время многое стерло, но даже спустя тысячу лет масштабы произошедшей здесь некогда битвы поражали. Луна ушла, из-за горизонта выплыл огромный солнечный круг. В лучах восходящего солнца, тусклого, словно пытающегося пробиться сквозь грязное стекло блеснуло золото доспеха павшего воина.

Амадо шел по полю, стекло под ногами трещало, издавая удивительный мелодичный звук. В глаза бросился знакомый силуэт, доспех Тереса, вот его герб и меч того же болотного цвета, что и у него. Пустой доспех опирался рукой о копьё, наполовину воткнутое в землю, тонкие трещины расходились по стеклу в разные стороны, окружая металлическое древко.

— Он бился до последнего. Жаль Терес, что не было меня с вами в тот день — горестно

проговорил Родриго, слегка касаясь шлема.

Впереди чернели какие-то курганы, Амадо удивился, что погибших похоронили. Но подойдя ближе он понял, что ошибся. За курганы рыцарь принял горы человеческих костей, жестоко изрубленные, обожженные черным пламенем Инвентов. Почти истлевшие останки, лежали непогребенные как напоминание каждому, кто посмеет бросить вызов Братьям. Тысячи мечей и кирас, превратились в ржавую пыль. Отчего все поле покрывал тонкий, кроваво-красный налет.

Амадо продолжил свой путь, немного погодя показался город, на удивление целый. Подойдя к главному мосту, что вел к площади Галерия Мечника, рыцарь замер. Широкий каменный мост, заваленный растерзанными рыцарями в золотых доспехах, обветшал настолько, что грозил рухнуть в любой момент. Покореженные кирасы и оторванные части доспеха, что когда-то покрывали конечности, громоздились кучами золотистого металла, занимая весь мост до противоположного края. Проходя меж павших, Родриго старался не задевать остовы воинов, кого-то он узнавал, но большая часть павших была ему не знакома.

Рядом стоял новый мост, уходивший прямо в замок, высоко наверх. Его изогнутый пролет легко перемахнул глубокий ров, соединяя мертвую степь и поработанный Киран.

Родной город изменился, но продолжал жить, странной потусторонней жизнью. Существа, чем-то напоминавшие людей занимались вполне привычными человеческими делами. Внешне жители сильно отличались, кто-то цветом, одни совершенно белые, другие черные как антрацит, кто-то мутацией, соединив в себе признаки людей и тварей, что пришли с Инвентами.

Некоторые новые жители ходили на четырех лапах, другие парили над черными улицами Кирана широко раскинув огромные крылья, а третьи имели по несколько пар рук и ног, их огромные тела с трудом вмещали узкие улочки древнего города, а могучая поступь гигантов беспрестанно сотрясала многострадальную землю предков. Однако несмотря на многообразие форм, все они подчинялись единой воле, воле короля Сартара. Зримое воплощение власти, которого представляли всадники в золотистых доспехах.

***

Нечисть расступалась и испуганно отходила в сторону не решаясь преграждать путь Амадо. Человек прошел город насквозь, с рвущимся наружу сердцем рыцарь подходил к своему дому. Как давно он здесь не был, а дом почти не изменился, нет только сада, вместо него поросшая мерзким кустарником площадка. Путник быстро поднялся по ступеням крыльца, отворил дверь. Внутри дом оказался лишен деления на комнаты, осталась только их с Рут спальня в дальнем конце строения. В большой зале, в которую превратился дом Родриго, стоял алтарь, он узнал его сразу. Такой же использовал Мампсис.

Воздух наполняло мертвящее песнопение. Сотни скелетов сидели вокруг алтаря, раскачиваясь в такт мелодии. Амадо осторожно прошел мимо, и приложил палец к гладкой панели на дверном косяке. Внутри что-то щелкнуло, отворилась единственная уцелевшая в доме дверь. Пение за спиной смолкло, повисла напряженная тишина. Не оборачиваясь на привратников, он прошел в комнату. Это комната Рут, ее постель, кровать ребенка, стол, зеркало на стене, у стены шкаф, и рядом тумбочка с женскими принадлежностями и трехстворчатым зеркалом. На кресле возле кровати, приготовленное платье жены. Родриго запер дверь и подошел к креслу. Рука легла на голубую ткань, материя рассыпалась под пальцами в прах.

Вновь послышалось пение, Амадо устало опустился на кровать, человека захлестнули

воспоминания.

Перед внутренним взором проплыли одна за другой картины прошлого. Встреча с юной Рут, рождение сына, игры с Номаром, первый взгляд новорожденной дочери, появление которой он пропустил.

— Значит она жила здесь после его... После того, как он исчез — размышлял Родриго оглядывая вещи жены.

Все говорило о руке женщины, Амадо ощущал уют в каждой мелочи, что создавали неповторимую атмосферу жилища Рут, самой родной женщины в его жизни. Он рано потерял родных, поэтому жена, в какой-то степени заменила ему мать. Покой комнаты Рут совершенно выбивался из того, что творилось снаружи, казалось, эта спальня потерялась во времени.

Взгляд упал на сундук под столом, в таких хранят старые, но милые сердцу вещи. С тихим щелчком, откинулась крышка, внутри лежали их фотографии, вещи ее родителей, и его кристаллы.

— Она сохранила его работу, кристаллы, что содержали его исследования в области перемещения между мирами. Тут же рядом стояли детские игрушки Номара, он уже вырос, когда родилась Лем.

Рядом лежала сфера, та, что он принес после первой войны с Андландами. В сфере он спрятал кевец, на длинной металлической рукояти, и меч необычного серебристого цвета, разделенный пополам гардой. С одной стороны, острейший клинок, с другой длинная рукоять с тяжелым, круглым яблоком на конце, что могло легко служить навершием булавы. Взяв в руки необычный клинок, Амадо с улыбкой вспомнил как учился управляться с неудобным оружием. Он его подобрал с убитого андланда, Хакури-Рупа, так его звали. Четырехрукий, выше на две головы, андланд, едва не прикончил Родриго. Спас хитрый финт, показанный когда-то отцом. Амадо так и не успел воспользоваться трофеем. Война с Инвентами застала его врасплох, как и других менантров. Сначала пришли двадцать Братьев, а через месяц их рабы. Темных оказалось слишком много, никто не смог бы устоять против такого воинства.

Отложив клинок в сторону Амадо достал карту Андланда, вернее карту его миров, очень ценная вещь, единственная в своем роде.

Сфера вновь свернулась. Путник еще раз осмотрелся, никаких намеков, где искать Рут. Впрочем, Родриго уже не особо верил, что Рут вообще когда-то найдется.

***

Город преобразился до неузнаваемости, голые улицы покрывал темный налет, общественные здания потеряли окна и балконы, напоминая каменные кубы с покатыми крышами. Сами крыши в зеленой патине, рождали ощущения глубокой древности Кирана. Мрачные стены мокро поблескивали в лучах патинированного солнца. Жилые здания, приспособленные под хозяйственные нужды, кипели от огромного количества разнообразных существ. Стук, гам, топот, какофония звуков, и наречий слились в единый гул, непрерывно висящий над запущенными улицами. Среди общего упадка и запустения выделялось здание Старшей Коллегии. Главное административное здание сияло чистотой. Сильно перестроенное, оно тем не менее не лишилось своего изящества. Широкие ступени, в десять пролетов, все так же вели к парадному входу.

Шестирукие гиганты равнодушно взирали на человека, когда он поднимался вверх. У дверей Амадо встретили воины в черных лаковых доспехах, с длинными алебардами. Увидев

его, еще издали, стража отдала честь и расступилась, пропуская человека внутрь.

Убранство помещения во многом осталось прежним, единственное, что отличало дворец от былых дней, это непривычная тишина. Вездесущая стража беспрекословно пропускала Амадо, пока человек не вышел к приемной городского Секретаря.

Не стучась, он прошел в кабинет. В помещении царил полный мрак, только в центре, в пятне призрачного света, стоял коленопреклоненный рыцарь. Он вытянул руку к темному ступку, висевшему прямо перед ним, и неотрывно смотрел в клубящуюся черноту.

Рыцарь резко развернулся на звук шагов, по его доспеху бежали искры рубинового цвета, рука воина оторвалась от черноты и легла на эфес меча.

— Кто ты?! — прогремел знакомый голос.

Когда-то он принадлежал Ракорду, воину, что не проиграл ни одного боя. В памяти всплыли школьные годы. Тогда Ракорд казался недостижимой вершиной. Он учился в старших классах, и Амадо с ним почти не сталкивался, пока не пришла пора экзаменов.

Многим попались противники по силам, но Родриго, пришлось выдержать бой с этим мясником. У него до сих пор еще остались шрамы на руках, которые Ракорд перерубил, когда Амадо попытался прикрыться от страшного удара его меча.

После экзамена, заваленного напрочь, отец успокоил его.

— Не расстраивайся. Ракорд не рыцарь, он убийца с инстинктами животного. У тебя есть ум, используй его в следующий раз. Хитрость и нестандартные решения спасут не раз твою жизнь. А Ракорд рано или поздно, найдет своего могильщика.

Амадо скинул наваждение прошлого. Ракорд поднялся на ноги, и быстро пошел на посетителя, попутно вынимая клинок из ножен. Клевец описал дугу и врезался в кирасу рыцаря. От удара Ракорд отлетел в темноту, меч звонко стукнул о стену, сокрытую во мраке. Родриго отчетливо видел, как бегают рубиновые искры вокруг дыры, что оставил его клевец в доспехе Ракорда, порванные края медленно стягивались.

Клинок Ракорда все-таки успел зацепить доспех Амадо, оставив ровную царапину на блестящей поверхности. Клевец поплыл, раскаленный до бела металл закапал на пол. Ракорд не шевелился, выставив щит, рыцарь внимательно смотрел на человека. Рана серьезно кровоточила, выбрасывая алые струи из отверстия в броне.

— Кто ты? — снова спросил Ракорд.

— У меня один вопрос — не обращая внимания на слова рыцаря проговорил Амадо.

Мутный взгляд Ракорда начал гаснуть, жизнь уходила из его тела. Качнув головой, он дал понять, что готов отвечать.

— Рут Ореда?

— Кто? Какая Рут? — удивленно произнес Ракорд, его лицо выражало мучительное припоминание.

— Даад Ореда?! Ха-ха-ха. Я уже и забыл, как выглядит Пасис. Ищешь жену?

Амадо кивнул головой.

— Беги отсюда дурак! Тебе повезло, ты смог спастись. Трус, конечно, но в такой ситуации, пожалуй, самый умный среди нас. Мы были обречены. Проклятые андланды! — прорычал воин, морщась от боли.

— Меня интересует только Рут — ответил Амадо, слегка скривив губы в жесткой улыбке.

— Нет ее больше. Как и тех, кто остался на волю Инвентов. Смерть всех изменила, кого смогла подчинила, кто не поддался, умер.

— О чем ты?! — взволнованно спросил Амадо.

— Братья, никогда не договариваются. Они признают только рабство, и подчинение. Я остался человеком только потому, что верно служил. После разгрома на Ковыльном поле, мы, выжившие, приняли власть Сартара. Он, я тебе скажу не так и плох, для деспота, конечно.

— Что они сделали с менантрами?

— Превратили в высосанные оболочки. Ты их видел в домах, и на улице, все они извращены скверной инобытия, и спасти их уже невозможно.

— И ты мне говоришь о трусости?!

— У нас не было выбора. Мы не трусы, мы мудрецы, способные принять обстоятельства, что выше нас — он опустил шлем.

На Даада смотрел глубоко больной человек. Шея воина, туго перехваченная, широкой багровой полосой, неестественно заломилась.

— Таковы условия воли — он показал на багровую полосу. — Это понадежнее любых цепей. Братья в любой момент могут снести мою голову, или задушить. Если на то будет их воля. Все мы живем пока живы они, поэтому мы будем бороться за их благополучие как за свое. Они тебя ищут, и можешь не сомневаться найдут. Никто их не остановит, ни андланд, ни домакрийцы, ни опараны.

— Уходи туда, где прятался последние десять столетий, и живи, живи за всех нас... — дыхание угасло, Ракорд устало опустил веки, черты грозного война расплылись. Амадо показалось, что истомленное длительным недугом лицо рыцаря озарила улыбка.

***

Обратный путь занял немного времени. Удивлявшее прежде подобострастие и испуг, теперь стали понятны, его принимали за одного из рыцарей-военачальников, доспех вводил в заблуждение отродье.

Снова стеклянное поле, искрящееся под лучами тусклого солнца, что преломлялись в многочисленных трещинах. Останки воинов, вплавленные в почву, словно вмерзшие в лед, и поразительная тишина. Казалось, что с миром, что-то не так. Понимание пришло само, нет птиц. Они перестали петь. Нет привычных звуков жизни, лишь редкий вой чудовищных хищников, или утробное ворчание далеких болот, да злобный скрип монструозных деревьев.

Знак завибрировал в руках, человек достиг подходящего места для путешествия обратно в Фанарион. Позади раздался гулкой топот копыт лошадей, мчащихся во весь опор. Амадо обернулся, к нему быстро приближались всадники. Рыцари пригнулись к шеям скакунов, золотые доспехи ярко сверкали, в руках раскачивались опущенные к земле мечи.

Темнота поглотила его, чтобы выбросить глубоко в подземельях дворца Мампсиса. Глаза выхватили из сумрака алтарь, и тысячи желтоглазых уродов Нгеве, что уставились на неожиданно появившегося визитера.

— Ну да. Куда ж еще меня могло выкинуть — проворчал рыцарь, перехватывая поудобнее, андландский меч.

Удивление жителей Нгеве, сменилось воплями гнева. Грозный окрик, и желтые глаза метнулись к Амадо.

Меч разил адептов братьев, раскидывая по помещению части тел, на шум, в крипту ввалился Чумной король.

— Справедливость существует Родриго? — торжествуя воскликнул монстр.

Мампсис сильно изменился с их последней встречи. Обширное тело короля, усохло и

костяные пластины, плотно прилегли к вытянутой фигуре. На месте шеи и головы красовался обтянутый кожей остов позвоночника и продолговатый, плоский черепаший череп.

Мертвец двигался чрезвычайно быстро и ловко, словно ничего не весил. В крючковатых лапах, с натужным гудением ходила стальная булава, длиной в человеческий рост.

Легко перекинув оружие из одной руки в другую Мампсис, нанес горизонтальный удар. С жутким гулом, пронеслось широкое навершие мимо головы Амадо, рыцарь успел отшагнуть назад. Разбрызгивая осколки камня, цельнолитой шар булавы раздробил пол, в том месте, где только, что стоял человек. Булава летала по помещению, подданные Мампсиса в ужасе бежали прочь из крипты, чтобы не попасть под руку гневливого монарха. Король яростно преследовал Родриго, сокрушающие удары разрушали саркофаги предков, и колонны подпирающие своды гробницы.

В краткий момент передышки, Амадо использовал знак. Снова темнота, и конные рыцари на том конце прохода. Знак завибрировал, и человек опять оказался в крипте Мампсиса.

— Что удивлен Родриго?! — с издевкой спросил Мампсис. — Думал сбежать от моего гнева, не выйдет! Сартар привязал знак Наргала к моей алтарной, ты в ловушке!

Гигантская фигура короля нависла над Амадо. Человек невольно отступил и оскользнулся, на мелком крошечке камня. Мощное орудие настигло рыцаря в краткий момент замешательства, и с невероятной силой отшвырнуло в саркофаг, одного из пращуров Мампсиса. Клинок андланд со звоном откатился в сумрак крипты.

Амадо вскочил на ноги, вытаскивая болотный клинок и уходя от булавы, что едва не коснулась его шлема. Вновь натужно загудел металл, два мира встретились в одной точке, стальная булава налетела на острие болотного клинка. С певучим стоном сталь разлетелась в дребезги, поранив осколками Мампсиса, и его свору.

Король удивленно посмотрел на остатки оружия в своих руках, перевел взгляд на Амадо. Рыцарь, не останавливаясь нанес следующий удар в нижнюю челюсть короля. Острие клинка проломило толстую кость плоского черепа, пробив черепашую голову насквозь, из раны вырвался багряный свет догорающих улей. Мампсиса затрясло, король вскрикнул, и повалился на пол крипты, выгорая изнутри. Свора теней кинулась в коридор ведущий из подземелья, в общей сутолоке послышались вопли ужаса и отчаяния.

Амадо неторопливо подошел к телу короля и упершись ногой в огромный череп, выдернул болотный клинок. Из раны неспешно вился сизый дымок. В несколько минут человек, разрушил ненавистный алтарь, открывший Братьям дорогу в Фанарион.

Не таясь, он прошел через дворец. В зале приемов, что-то мощное стукнулось о стены, и скрылось во тьме дворцовых залов. Амадо не стал преследовать беглеца, догадываясь, что это Алайна, супруга Мампсиса. Еще одна жертва прихоти Чумного короля, пополнившая ряды чудовищ мертвого Нгеве.

Уже стоя на осколках гигантских ворот, что много веков назад надежно охраняли проход в дом Мампсиса, Амадо спиной почувствовал взгляд. Рыцарь оглянулся, из кромешной тьмы, что-то пристально следило за ним. Постояв секунду, человек развернулся и зашагал прочь. Позади, в глубине приемного зала, огнем разгорелись два пятна, высвечивая едва уловимые контуры черепа.

Проезжая заброшенные селения ватигов, рыцарь поражался, как быстро может опустеть обжитая местность, когда возникает непреодолимая опасность. Позже он слышал, что набеги теней прекратились, и отдаленные селения вновь заполнили племена орков. История ватигов, закончилась, теперь им на смену пришли новые, жестокие племена степных сородичей. Несколько раз они пытались штурмовать Нгеве, но все атаки поглотило темное чрево древнего города. Спустя год начались новые набеги на местные поселения. Орки собрали курултай, на котором решили выступить тремя старейшими родами против Чумного города.

Двигаясь по затерянным и забытым дорогам, Амадо добрался до Сальяда. Северная природа и суровые рыцарские традиции позволили ему оторваться от длительного преследования неизвестных всадников. Они появились еще до выезда из пустыни Палеомии. Трое преследователей не особо скрываясь, следовали за ним на протяжении всего пути. Однако север заставил их притормозить, неожиданная буря позволила оторваться от назойливых спутников, на день пути. Позже погоня налетела на рыцарей Сальяда, ищущих добычи в соседских селениях. Стычка быстрая и кровавая оставила несколько человек на земле, тем не менее ни один из преследователей не пострадал, но след Амадо они потеряли.

Вечером усталый путник въезжал во двор таверны «Веселый Погребок», что располагалась на окраине небольшого городка Некля.

Ссыпав в ладонь слуги, несколько медяков, всадник велел привести в порядок лошадь, и задать ей хорошую меру овса. В полутемном помещении таверны, Амадо расслабился. Откинувшись на бревенчатую стену таверны, путник с удовольствием вытянул ноги под столом. Внимательный взгляд рыцаря уловил как местные переглядываются и украдкой бросают испуганные взгляды в его сторону. Подошла хозяйка таверны.

— Что желает господин? — басовито произнесла женщина, более чем приятной наружности.

— Меда и чего-нибудь поесть — рыцарь положил руку на скобленные доски грубо сбитого стола, притулившегося в углу таверны. Серебро глухо стукнуло о дерево, глаза хозяйки алчно блеснули. Зеленый плащ отошел в сторону открывая, надежно укрытый доспех, и эфес меча.

— Минуту — задорно отозвалась женщина, и кокетливо раскачивая широкими бедрами направилась в сторону кухни.

Вновь загудел хор голосов, прерывая неловкое молчание, наступившее с появлением Амадо. Люди старались не встречаться глазами с неприятным господином, взгляд которого не предвещал ничего хорошего. Селянин привык оставаться в своем уютном мирке, вбиравшем в себя его деревню и близлежащие хутора. Страх нарушить привычный ход вещей сковывал природное любопытство простолюдинов, и делал их более тактичными.

Принесли еду, Амадо попросил приготовить для него комнату. Хозяйка таверны расплылась в любезной улыбке, когда в ее руку упала серебряная монета. Качнув головой, женщина заверила богатого постояльца в скорейшем исполнении его пожелания.

Покончив с едой, Амадо вышел проведать скакуна. К удивлению рыцаря, его поручения оказались исполнены в наилучшем виде.

Родриго погладил лошадь по холке, постоял глядя как она ест, хватая чуткими губами

зерно из яслей. Мысли блуждали в родном городе, он так и не нашел Рут. Что делать дальше? Жизнь потеряла всякий смысл.

Позади скрипнули ворота конюшни, Амадо обернулся, в проходе стоял рыцарь. Обнаженный меч, с необычайной скоростью пошел в его сторону. Позади показались еще двое, те самые, что преследовали его от Палеомии. Шлем мгновенно занял свое место, а рука привычно выхватила болотный клинок из ножен. Шаг в сторону, и рыцарь оказался в ударе от Амадо, меч преследователя прошел мимо. Двое оставшихся обошли первого нападавшего.

Меч со звоном ударил по доспеху, Родриго не успел даже среагировать. Один из подельников нанес колющий удар из-за спины первого мечника. Клинок в руке первого нападавшего, потерял очертания, превратившись в мелькающие линии, которые то и дело цепляли броню Амадо. Искры снопами полетели в ночную тьму.

Родриго отступил и меч первого рыцаря перерубил толстую слегу даже не заметив препятствие. Но траектория движения сбилась, и на доли секунды нападавший раскрылся. Этого хватило, чтобы клинок Амадо пробил шлем противника, и опрокинув навзничь первого рыцаря успел встретить меч второго.

Парируя и уклоняясь от резких и хлестких ударов опытных фехтовальщиков, Родриго не дал третьему зайти со спины. Ловко скользнув в распахнутые ворота, он оказался снаружи, а рыцари остались в конюшне. Прочная броня спасла жизнь Амадо во время рискованного маневра. Рыцари вышли из сарая, медленно обходя верткого врага с двух сторон.

Из дверей корчмы вывалился крестьянин, его пьяный взгляд искал, что-то впереди, пока не сфокусировался на дерущихся. Глаза расширились, а хмель мгновенно улетучился из головы. Мужик попятился к двери, но та предательски захлопнулась под напором зада простолюдина. Руки выпивохи зашарили по дереву в поисках спасительной петли.

Рыцари повернулись на шум. Не теряя драгоценные секунды, Амадо ткнул одного из них в шею. Бармица со звоном рассыпалась, роняя разорванные кольца в грязный снег двора таверны. В месте удара, из шеи, забила кровь с четкой регулярностью выбрасывая черные струи. Раненный упал вперед, но успел нанести точный удар в голову Родриго. Клинок скользнул по гладкому своду шлема, не причинив вреда владельцу.

Последний убийца отошел к лошади, быстрым движением он извлек притороченный к седлу эсток. Удерживая двумя руками узкий, граненный клинок, рыцарь начал сокращать расстояние. Длинна его меча позволяла навязывать дистанцию боя, Амадо подстраиваясь под движения противника, искал возможность сократить расстояние, на подходящее под длину его клинка.

Резкий выпад на этот раз не застал Родриго врасплох, он ушел в сторону, нанеся рубящий удар сверху, но меч соскользнул с гладкого металла наруча. Ответный мощный удар, шишковидным навершием рукояти эстока опрокинул Амадо. Рыцарь нацелил острие в сердце Амадо, молниеносный укол. Клинок Родриго звякнул, отводя в сторону стремительное острие, эсток пропорол грязь кабацкого подворья. Удерживая одной рукой рукоять, а второй упираясь в клинок своего меча, Амадо сумел отвести добивающий удар. Последовавший за этим тычок, заостренной гарды болотного клинка, остался почти незамеченным. Острый металл рукояти, пробил кольчугу под мышкой, и глубоко вошел в тело рыцаря-убийцы. Раненный застыл, а секундой позже задрожал всем телом, заливая Амадо, парящей на морозе кровью. Откачнувшись всем телом назад, рыцарь уперся мечом в землю, и попытался встать, но его движения стали вялыми и чудовищно медленными. Борясь с навалившейся слабостью, он посмотрел на Родриго, качнулся в сторону и завалившись набок

застыл.

Селянин медленно опустился на зад, окончательно запечатав, так истово искомый вход в спасительный кабак.

Подняв забрала на шлемах убийц, Амадо обнаружил двух молодых ребят, совсем мальчишек, и одного зрелого воина. Столь юные убийцы. Кому пришло в голову подсылать убийц, а самое главное зачем?

Из кабака вывалил народ. Женщины, повизгивая и брезгливо обходя лужи крови, быстро разбежались по домам. Мужики, оставаясь на почтительном расстоянии обсуждали произошедшее. Осмотрев седельные сумки врагов, Амадо не нашел ничего, что могло бы прояснить ситуацию, он велел позвать хозяйку таверны.

Вместо хозяйки вышел трясущийся кабатчик.

— Что желают господин рыцарь? — глядя верным псом, вопрошал хозяин «Веселого Погребка».

— Покойных не тронь, и своим — он указал на селян. — Не вели. Их скорее всего хватятся. Восполнишь деньгами, что дадут за известия обо мне. Передай тем, кто будет спрашивать, я остановлюсь в Железном городе, в «Короне дракона». Пусть ищут меня там, и более не посылают мальчишек, делать работу мужчин. Все понял?

— Да, да батюшка. Все понял. Мертвых не трогать, а тех, кто придет по вашу душу посылать в «Корону дракона», что в Железном городе.

— Совершенно верно, а теперь прикажи седлать мою лошадь. Я выезжаю, деньги за ночь оставь себе. За хлопоты.

На зов кабатчика прибежал мальчишка-конюх, получив сочную оплеуху, за заспанный вид, пацан опрометью кинулся седлать коня. Четверть часа спустя Амадо выезжал на тракт, ведущий в Железный Замок.

Мужики еще долго перебранивались во дворе глядя во след уехавшему всаднику, и обсуждая произошедшее смертоубийство.

***

За ночь мороз сковал дорогу, и лошадь пошла резвее. Над седоком высился Пик Драконий Зуб, показался поворот на Северную крепость. Замыкая Железную долину с северной стороны Тенафарской гряды, крепость доминировала над округой. С ее высоких башен хорошо просматривалась столица Сальяда, а в ясный день и приграничные земли Амората, что лежали на краю горизонта в одаренной солнцем, плодородной равнине.

Вывернув из-за скалы, дорога пошла прямой линией, упираясь в Старые ворота. Огромные железные створы, наглухо запирали проход. Крепость перегораживала вход в долину, нависая громадой над мощенной дорогой.

Конный разезд приближался к Амадо, от группы верховых отделился старший. Всадник поприветствовал рыцаря, и потребовал объяснить цель визита. Как мог Амадо разъяснил, что прибыл в город с целью приобрести ювелирное изделие у Крапора Семипалого. Старший с подозрением осмотрел багаж путника, после чего велел направляться к страже, скучающей у распахнутого зева древних ворот. Там повторился весь процесс допроса и досмотра личных вещей. На окрик старшего стража, из окна бойницы на стене крепости вылезла заспанная рожа, воротного. Услышав приказ отворять, воротный с нескрываемым раздражением, принялся за дело. Оглашая округу металлическим звоном, гигантская решетка неспешно уползла наверх, пропуская Амадо в закрытую долину.

Проехав вторые ворота, он оказался в совершенно ином мире, зима осталась снаружи.

Вокруг все цвело, и колосилось, порхали бабочки, а деревушки, попадавшиеся по пути, поражали благоустроенностью. В глаза сразу бросался недостаток местных селян, да оно и не мудрено, учитывая, что долина Железных Королей, издревле служила главным транзитным путем от эльфов Запада, в Восточные королевства людей. Две крепости наглухо закрывали сквозной проход через долину, что позволяло железным королям собирать транзитную пошлину или говоря иначе делать деньги из воздуха. Соседям ничего не оставалось как принять вещи такими как они есть, поскольку другого короткого пути не существовало. Имелся обходной, в четыре месяца пути, через знойные пески пустыни Палеомии и болотистые низины Кашдага, кишашие различными гадами и хищниками. К тому же в силу плохой проходимости местности, там шныряло бесчисленное количество банд различного происхождения. Время от времени эти банды вели войны, убивая все, что попадало в орбиту боевых действий. Поэтому путь через долину, несмотря на довольно высокую пошлину, оставался более чем привлекательной альтернативой.

Пару сотен лет назад короли востока попытались перехватить транзит, и осадили Северную крепость. После чего пошлина выросла вдвое, что остановило торговлю всего северо-востока. Пришлось заплатить огромную контрибуцию, после чего железные короли сжалились и немного снизили выплаты, однако въезд на территорию долины с тех пор строго регулировался.

Вдали засверкали своды чертогов Железных королей. Великолепный Феррочи расположился посередине долины, примыкая одной стороной к телу горы. Город точно вгрызался в нее, уходя в недра каменной тверди. Ходили слухи, что короли построили огромный дворец внутри горы, и его великолепие не идет ни в какое сравнение с тем, что построено снаружи. Амадо в этом сомневался, поскольку все знали, что лучше гномов никто не умеет управляться с камнем. И все же Феррочи его поразило, такой ажурности и мастерства в архитектуре ему не приходилось видеть нигде. Разве, что в столице эльфов, да и там больше поражали магические приспособления, и непохожесть на человеческий мир, а не качество исполнения строительных работ. Город не имел стен, его стенами служили отроги высоких гор, которые подобно великанам окружали долину.

Почему-то в голову пришла мысль, что долина напоминает жерло гигантского вулкана, потухшего в незапамятные времена. Амадо передернуло от мысли, что он мог не потухнуть, а заснуть до времени, и сейчас ждет своего часа. Ведь не зря же в долине свой, особый микроклимат, с удивительно плодородными землями.

Проезжая по мощенным улочкам Родриго обратил внимание, что местные жители плевать хотели на незнакомца в странной броне, обычно чужаков разглядывают с интересом, здесь же полное равнодушие. Вскоре он нашел постоялый двор «Корона дракона», и разместившись в комфортабельных покоях спустился отведать хозяйской кухни.

В светлом, и чистом помещении собралось не мало народу. Тут расположились купцы, и банкиры, городская аристократия, а также элитные куртизанки все смешалось в приятном полумраке общего зала. Никто не обращал внимания на расовые отличия, гномы соседствовали с людьми, люди с эльфами. Среди эльфов затесался шпион, Амадо помнил его еще по службе у Дарелиана. Эльф тоже узнал человека, но сделал вид, что они не знакомы, это натолкнуло Родриго на мысль, что шпиону не до беглого спеца. Есть дела и поважнее его персоны.

Подали суп из черепахи, к нему принесли ароматное овощное рагу, а на закуску кусок рыбного пирога. Терпкое вино, разбавленное водой, идеально дополняло, превосходную

кухню владельца двора.

Около входа расположилась молодая дама, ее глаза застряли на лице чужака. Темная растительность и необычные для этой местности пропорции лица, зацепили томный взор юной красавицы. Сначала это польстило Амадо, он даже заметил за собой кокетство, пока его взгляд не наткнулся на человека в черном, сидевшего неподалеку. Тип в черном делала вид что поглощен приемом пищи, тем не менее внутреннее чутье подсказывало Родриго что эти двое связаны. По едва заметным сигналам, и взглядам, он ясно почувствовал, что за ним ведут наблюдение. Значит надо быть хорошим, чтобы ненароком не спровоцировать местных соглядатаев. Ранее ему приходилось слышать об ужасах тюремных пыток, имевшихся в богатом арсенале у заплечных дел мастеров долины.

Немного поразмыслив, Амадо подсел к человеку в черном. Кашлянул, чтобы привлечь внимание, тип поднял на него водянистые глаза.

— Позвольте присесть?

— Вы уже это сделали — раздраженно ответил тип в черном.

— Вы я так понимаю соглядатай Тайной канцелярии?

— С чего вы взяли? — с удивлением, и недоверием в голосе спросил человек в черном, осторожно озираясь вокруг.

— Вас выдает поведение. Я раньше часто сталкивался с вашим братом по долгу службы. Кроме того, вы следите за мной, как и ваша помощница — он поднес руку к голове поприветствовав девушку у входа.

Девушка свернула белизной жемчужных зубов, и тут же спрятала улыбку за раскрытым веером.

— Ну положим, что ваше предположение верно, и что вам от меня надо? — ежась, и неуверенно глядя на Амадо, спросил человек в черном.

— Да, собственно, не много. Я бы хотел, чтобы вы передали канцлеру Эриху Хонингу, что Родриго Амадо прибыл сюда с целью покупки ювелирного украшения. О чем я могу подтвердить сим письмом, полученным от Крапора Семипалого, в котором широко известный собиратель древностей любезно меня извещает о поступлении в его коллекцию редкого экземпляра. С этими словами рыцарь протянул сложенный листок, с преломленной сургучной печатью. Не говоря ни слова человек в черном принял письмо, и пробежав глазами вернул владельцу.

— Да, в самом деле, это может и имеет смысл — пробормотал соглядатай, глядя в сторону. Затем резко поднялся из-за стола и через секунду скрылся за дверьми.

Покончив с обедом, Амадо вернулся к себе в покои, где прилег. Тихий стук в дверь вырвал его из оцепенения полудремы. Рыцарь легко поднялся и вытаскивая на ходу меч бесшумно подошел к двери, прислушался. С той стороны стояла тишина, он осторожно приоткрыл свору, на полу белел квадрат сложенной в четверо записки.

В послании в вежливой форме, выразалось сожаление о постигшем стороны недопонимании. Тем не менее, Амадо рекомендовалось разрешить свои дела в кратчайшие сроки, и покинуть долину с тем, чтобы более никогда не возвращаться. Рыцарь улыбнулся, вот хитрый лис. Эрих не хотел проблем с эльфами, и вероятно с кем-то еще, возможно с заказчиком его убийства.

Снова тихо постучали, Амадо спросил.

— Кто там?

Дверь отворилась и в образовавшуюся щель проскользнула, белокурая девушка. Он сразу

узнал соблазнительницу из общего зала гостиницы.

— Зачем пришла? Передай я учту пожелания канцлера...

Она приложила руку к его губам, заставив умолкнуть. Затем сбросила с себя платье и повела к постели, помогая, на ходу избавляться от покровов.

За окном пропел петух, Родриго открыл глаза, что-то в сумраке комнате показалось ему чужеродным. Напротив, в густой тени, что легла треугольником у стены, зашевелилось аморфное, похожее на большой куль с шерстью существо. Не давая времени опомниться, куль с ловкостью пантеры кинулся на изумленного человека. Меч мелодично звякнул, зацепив прикроватный столик. Девушка открыла глаза и вскрикнув, скатилась на пол. Куль взмахнул черным клинком, рассекая одеяло, которое в него швырнул Амадо. Дверь открылась, в комнату бесшумно вкатился второй куль. Узкий нож, просвистел в миллиметре от шеи рыцаря. Первый куль, отшвырнув остатки одеяла, приближался к нему. Рыцарь провел мечом по лезвию клинка куля, резкий выпад, меч убийцы мелькнул полумесяцем чуть в стороне, вспоров подушки. Перо взлетело в воздух, клинок Родриго безошибочно нацупал тело в куче тряпья. Куль дернулся, и отскочил в сторону, орошая ковер кровью.

Второй убийца парировал добивающий удар рыцаря, и первый куль вывалился в окно, скрывшись из виду. Клинок второго опасно засвистел, сталь мелькала со страшной скоростью, путая Амадо, он едва успел отвести удар, нацеленный в шею.

Сделав сальто назад, убийца попытался зацепить рыцаря черным клинком, но промахнулся. Меч болотного цвета отбил атаку, от неожиданности убийца потерял равновесие. Сделав резкий выпад андландским клинком, который Амадо ловко подхватил в изголовье кровати, рыцарь пробил убийцу насквозь. Куль рухнул вперед на Родриго, следуя за извлекаемым из его груди мечом. Черный клинок, выпавший из ослабевшей руки убийцы, глухо ударил о ковер на полу. Сбоку, упало еще одно кулеобразное тело. Над трупом, широко расставив ноги, стояла дева, ее тонкая ладошка сжимала окровавленный стилет.

Амадо выглянул в окно, и чуть не получил стрелой в лоб. Бесформенная куча тряпья, сидя на лошади, неслась прочь из города, натягивая на полном ходу тетиву лука. Вторая стрела влетела в покои и воткнулась в дубовую панель потолка.

— Ты меня спасла. Как тебя зовут? — спросил Амадо не отрывая взгляда от дороги, где только, что промчался убийца.

— Беатрис. Не надо благодарности. Я спасала себя. Вряд ли им нужны были свидетели.

— Кто они?

— Это Гинну, общество элитных убийц. Дорогие до безобразия. Эти никогда не бросают заказ, будут преследовать пока не выполнят. Поверь это только начало.

— Посмотрим — усмехнулся Амадо.

— Твой заказчик богат. Ты перешел дорогу очень влиятельным людям, боюсь сегодня тебя выдворят из страны, но нашу ночь я не забуду — девушка улыбнулась, соблазнительно выпячивая обнаженную грудь, и кокетливо склонив прелестную головку набок. Амадо поразило как быстро она отошла от случившегося. Склонившись над телом убийцы, он отбросил в сторону капюшон, что скрывал лицо гинну, всмотрелся в обмякшие черты покойного. Обычный человек, разве, что череп гладко выбрит, да особая худоба на лице, выдавала адепта какого-то учения, который строго соблюдает различные ограничения. Похоже они не ожидали, что Родриго проснется от крика петуха, поэтому получилось, что это он застал их врасплох. Вот и пришел ответ от заказчика. Придется отнестись к ситуации серьезно, решил он про себя.

— Может можно спрятать трупы, и сокрыть произошедшее, до моего отъезда? — спросил он у Беатрис.

Девушка уже оделась и сидя у большого зеркала расчесывала волосы.

— Нет, не выйдет.

— Во-первых, здесь у каждой стены есть уши и глаза, а во-вторых, я обязана доложить о произошедшем. Поверь, будет лучше если я расскажу правду, нежели все вскроется в изложении заинтересованных лиц — она опять ослепительно улыбнулась.

— Тогда могу я тебя попросить подождать немного, хотя бы до полудня. Мне нужно решить одно дело, и я удалюсь из долины, как и просили, навсегда.

— Я попробую, но не думаю, что тебя просто так выпустят. Сначала проведут расследование, а уже потом ...

— У меня нет времени здесь торчать, расследование может затянуться надолго, а меня ждут неотложные дела.

— А ты здесь и не будешь торчать, тебя поместят в башню, под защиту.

— Под арест, ты хотела сказать — поправил, юную лгунью Амадо.

— Все зависит от точки зрения — загадочно улыбаясь ответила Беатрис.

Она красила губы карминной помадой, яркий цвет придал лицу девушки особую прелесть. Грациозно качнувшись на стройных бедрах, Беатрис пошла к двери, приподнимая подол платья, и аккуратно обходя лужи крови.

У входа девушка склонилась к Амадо, и призывно глядя в глаза, обхватила его затылок, нежно привлекая к себе. Яркие губы впились в его рот.

В голове все перевернулось, тело словно обмерло, мужчина не мог пошевелить ни одним мускулом. Минуту спустя он рухнул на спину, как бревно. Толстый ковер смягчил звук падение. Сознание сузилось до точки, затем он растворился во тьме.

***

Глаза нестерпимо резало от лучей полуденного солнца. Его положили прямо напротив окна, через которое нестерпимо бил яркий свет.

— Что за издевательство? — пронеслось в голове. — Где я? — в недоумении размышлял Амадо. В памяти всплыли подробности последнего дня.

— Да девица, оказалась весьма подготовленной. Взяла его на ласку и невинную внешность. Обвела вокруг пальца. Вот старый осел, купился как пацан! — он попытался пошевелить рукой, едва заметное движение кончика пальца, ввело его в состояние отчаяния.

— Еще не хватало остаться тут на всегда — в таком состоянии о побеге нечего было и думать.

Его размышления прервал шорох сбоку. Родриго скосил глаза, на периферии зрения маячил тощий старик, настолько бледный, что казался бесплотным. Свисающие патлы скрывали лицо, только сопение выдавало жизнь в этом полупрозрачном существе.

Патлатый с любопытством разглядывал его, но близко не подходил. Когда он шевельнулся, Амадо понял почему. Звон цепей, ограничивающих движения старика, оглушил его точно рядом ударил большой колокол. Он поморщился, и попытался открыть рот, на удивление, лицо его слушалось неплохо.

— Ты мог бы не звенеть цепями! — страдальчески поморщившись попросил он старика. — Голова очень болит.

— Это потому, что тебя катрой окурили! Дрянь редкостная. Отходняк несколько дней. Ну ничего, скоро придешь в себя — прорвало сидельца, явно страдающего дефицитом

общения.

— Я слышал тебя обвиняют в резне, в этой конуре, как ее... А, «Короне Дракона» — на лице старика отразилось выражение глубочайшего отвращения. — Это плохо! Здесь закон суров! Я вот пожизненно сижу, давнооо — задумчиво протянул сокамерник.

— Где я?

— Это башня Раскаяния. Слышал небось. Здесь поселяют навсегда, зато питание и охрана бесплатно ха-ха-ха ... — расхохотался сосед.

— И что дальше? — спросил Родриго скорее у себя, чем у соседа.

— А дальше суд. Тебя как особого преступника будут судить сами короли — услужливо просветил патлатый.

— Тебя как зовут, говорун?

— Ариэль Инго, тебе, наверное, мое имя ничего не говорит, но когда-то меня знали все королевства востока.

— Ну как же, я слышал о тебе. Лет пятьдесят назад, ты организовал восстание детей.

— Да, да, ну надо же. Я думал, что меня уже все забыли. Даже приятно — заулыбался дед.

— Правда, я так и не понял, что тогда произошло, как, впрочем, и остальные.

— Да что тут понимать. Я помог восставшим детям королей. Они проиграли, а их отцы меня судили и посадили в башню.

— Стой, ты что-то путаешь. Дети победили и двадцать лет правили королевством. Возраст? — поправил старика Амадо.

— Сам ты маразматик! — вспыхнул дед. — Что ты знаешь о королях?!

— То же, что и остальные. Короли носят железные маски, такова традиция. После коронации их лица сокрыты, потому что они отказываются от себя и посвящают свою жизнь служению королевству. Об этом все знают — лениво ответил Амадо.

— Да, но это не вся правда. А правда в том, что короли вовсе не умирают, поэтому и носят маски. Скрывают свое долголетие. Я думаю, они эльфы, поэтому и не одной войны с остроухими. Но ты, конечно, спросишь: «А дети?». И я тебе отвечу. То полукровки, их накачивают наркотой, и на праздник Круга жизни сжигают как скотину, приготовленную для заклания. Эльфы делают вид, что происходит смена королей, а на самом деле правят все те же. Так-то — значительно завершил дед, больше беседа с собой нежели с сокамерником.

— Ладно дед, мне надо отдохнуть, помолчи пока — дверь распахнулась и на пороге возникли двое со звероподобными лицами.

Они подняли Амадо и привязали бесчувственное тело к доске с колесами снизу. Дед забился в самый дальний угол и старался не смотреть в сторону детей.

Узника повезли по коридорам мимо вонючих казематов, вскоре тюрьма закончилась, и они пересекли узкую галерею, откуда попали в свободный и светлый зал. В полукруглом помещении располагались десять резных кресел, которые уже заняли судьи, их лица скрывали железные маски. Короли напоминали статуи, настолько неподвижно они восседали на тронах.

Каталку поставили прямо напротив королей, долго ничего не происходило. В тот самый момент, когда Амадо убедил себя, что это декорация и там нет живых людей, одна из фигур подняла руку, и сделала жест, чтобы все удалились.

— Родриго Амадо, вы обвиняетесь в резне, устроенной в «Короне Дракона», и это только в Железной долине! — прозвучал бесцветный голос.

— Эманторан вас обвиняет в убийстве полководца Эйлаха, в Аморате где вы были в должности коннетабля, вас ищут за убийство крестьян в трех деревнях, и разжигание войны с Сальядом, однако о вас неплохо отзываются король Рибигуд Жестокий, Лефтерксис Алкмейский, да и наш канцлер советует рассмотреть вопрос исходя из интересов государства, а не обвинений вмененных вашей персоне. Показания нашего агента, повествуют о том, что вы объект нападения, неких Гинну. Сомнительной организации, наемных убийц, известных своим фанатизмом, и дисциплиной.

Повисло долгое молчание, Амадо ждал что последует за вступлением. Ему явно показали, что королям известно его положение, значит будут выдвинуты какие-то условия освобождения, иначе нет смысла в длинной прелюдии.

— Совет взвесил все за и против — продолжил тот же голос. — И мы пришли к решению, заменить ваш арест, изгнанием. Но при одном условии — пауза. Узник подумал — Началось! — Вы Родриго Амадо, должны поклясться, что примете все необходимые меры по розыску и уничтожению Гинну. Ваш ответ?

— По совести сказать, вряд ли эта задача мне по плечу, однако исходя из сложившейся ситуации у меня, наверное, выбора и нет? — он взглянул на королевей, те не шелохнулись.

— Я так и понял. Да, я предприму все возможные усилия для борьбы с Гинну, единственная просьба мне нужны мои вещи.

— Тогда вы свободны! Вас проводят до границы! Вещи вам вернут, все в целости и сохранности!

Зазвенел колокольчик, сильные руки подхватили каталку. Родриго вновь повезли через лабиринт тюремных, затем дворцовых проходов. Пока не вкатили в большое помещение, со множеством полок, на которых лежали вещи заключенных.

Шаркая, подполз скрюченный горбун, он насильно влил в рот рыцаря противную жижу. Тело тут же оттаяло. Наливаясь силой, мышцы вспоминали навыки движения. Спустя полчаса, Амадо окончательно пришел в себя, и под чутким надзором четырех рыцарей, был доставлен к воротам города, через которые его любезно выставили вон.

Границу Иргамы Хельм перешагнул неделю спустя. Особое чутье вело гнома коротким путем, указывая удивительные лазы и давно забытые проходы, а иногда и секретные двери. Несмотря на все усилия гнома часть из них, так и не поддавалась. За весь путь он не встретил ни единой живой души, точно подземелье разом опустело. Лишь перед самым Иргамом его дорогу перешел саму, хищник оглянулся на Хельма, и тут же прыснул в ближайший переход.

— Похоже Хозяйка и впрямь отметила меня особым расположением, раз твари разбегаются при встрече со мной — невесело думал гном, шагая по тракту к воротам приграничной крепости Тимша.

На проходной, его с пристрастием допросили, и когда он сослался на разрешение короля Рибигуда, вызвали агента канцелярии.

— Приветствую вас господин Хельм! — невесело произнес сурового вида гном.

Его простоватый вид прекрасно маскировал принадлежность к особой группе чиновников, находящейся на службе у Советника короля. Королевская канцелярия совмещала многие функции, среди которых значилось и положение о задачах охраны государства от проникновения вражеских агентов.

Слегка кивнув головой на приветствие пожилого агента, Хельм молча ожидал дальнейших вопросов.

— Что у вас за задание! — спросил канцелярист.

— Я не могу вам этого сказать — произнес Хельм, упрямо наклонив голову вперед. — Почему вы меня не пропускаете? У меня разрешение, подписанное собственноручно королем Рибигудом! Мне нужно срочно явиться во дворец! У меня важное донесение, касающееся дела его величества! — раздраженно закончил Довард младший.

— Сейчас война, из Дамори постоянно идут беженцы, а среди них и шпионы, поэтому я должен вас допросить. Так полагается, несмотря на ваше разрешение — уже более дружелюбно ответил агент.

— Вы можете оказаться совсем не тем, за кого себя выдаете! А моя задача предотвратить проникновение врага! — с нажимом произнес агент.

— Слушай ты! — поднимаясь со стула прогремел Хельм. — Ты за кого меня принимаешь, а, канцелярская шавка!

— Я вижу перед собой воина Каменной головы, что вышел из заброшенных коридоров, и представляется сыном уважаемого гнома! Машешь тут у меня перед лицом бумагой, а между тем ты ее, — он ткнул пальцем в разрешение, — мог найти на теле убитого тобой Хельма Доварда, — заорал в ответ агент.

— Что нужно, чтобы ты поверил мне? — уже спокойнее спросил Хельм.

— Нужно, чтобы тебя опознали. По моим сведениям, Довард пропал вместе с отрядом в Огненном саду, поэтому у меня нет никаких оснований верить тебе — глаза агента жестко смотрели на Хельма. — Если ты Хельм, тогда, где остальные члены экспедиции?

— Что за чушь?! Мы ходили к Огненным озерам, а не на прогулку в храм Ками! Погибли все! Кроме меня! — снова вскипел Довард младший.

— Складно врешь. Вот сука! Амвр!!! — прокричал агент.

В комнату ввалился квадратный гном. Подскочив к Хельму он ловко заломил его руки, и связал задержанного не обращая внимания на активное сопротивление с его стороны. —

Ты думаешь, тут шутки шутят, а?! — прошипел агент в ухо Хельму.

— Я говорю правду — упрямо твердил арестант.

— У нас есть особое распоряжение лично советника Сумми. Вести допрос любого подозрительного, всеми доступными средствами — зловеще прошипел агент.

— Пытки? Мне не впервой — расслабившись, улыбнулся Хельм.

Удивленный агент, тут же взял себя в руки и уже более спокойно произнес.

— Ладно, наглец, сегодня посидишь в тюрьме, а завтра начнем с тобой работать.

Посмотрим, как ты будешь улыбаться.

***

К вечеру прибыл посыльный от Сумми. Хельма препроводили в Батру, короткий разговор с советником и прием у Рибигуда все слилось во едино.

Рибигуд зло глядел на Доварда младшего, по правую руку от него, в низком кресле, расположился Сумми. Безобразный нос канцлера сопел от напряжения, точно у собаки, что пытается взять след, а маленькие глазки, впились в Хельма пытаясь прощупать с какой стороны можно прихватить неговорчивого гнома.

— Где мои люди? — бешено, сверкая глазами, спросил Рибигуд. — Вы нашли Торна?

— Нет Ваше Величество, его нет под землей. Он ушел на поверхность!

— Откуда знаешь? — прогудел советник.

— Почему я должен верить тебе?! Чем ты можешь доказать свои слова?! — недовольно глядя на Сумми прогремел Рибигуд.

— У меня нет доказательств, но если Вы меня выслушаете, то возможно мне удастся убедить Ваше Величество в правдивости моих слов — Рибигуд махнул головой в знак согласия.

Долгий рассказ, Хельма вызвал у короля не поддельный интерес. Сумми напряженно поглаживал густую, рыжую бороду, задумчиво разглядывая серебряную пряжку на своем поясе, вызывающе поблескивавшую на безразмерном животе советника. Рассказ закончился, Рибигуд продолжал молча сидеть, все еще блуждая в образах, навеянных историей Хельма.

— Значит Родриго тебя нашел?

— Да!

— А зачем ему эти двери, или ходы? Я так и не понял, что это такое!

— Это двери Ваше Величество, двери в другие миры. Я не знаю зачем человеку эти ходы, но он очень странный, и его любопытство не приведет к добру. Мне кажется, он враг...

— Ну это не твое дело решать кто враг, а кто друг! Все, что ты мне рассказал, забудь! — прервал его король. — Я верю тебе! Ни у кого не хватит фантазии такое напридумывать. А сейчас отправляйся домой, и не забудь, что прозвучало здесь, должно остаться в стенах дворца.

— Да Ваше Величество — пролепетал Хельм.

Король повернулся спиной к гному, показывая, что аудиенция закончена. По выходе из дворца, Хельм четверть часа ждал, когда ему вернут отобранное оружие. Он неспешно прогуливался в прихожей, проходя в очередной раз мимо массивных дверей приемной залы, гном, едва не столкнулся с советником. Сумми неуклюже отшатнулся в сторону и пристально посмотрел в глаза Хельма.

— Что же вы так не любезно отклонили мое приглашение? Мы вас искали, ждали, а вы нас обманули — возмутился советник.

Сумми хищно улыбнулся, дюжие молодцы подхватили Хельма под руки. Безоружный гном попытался сопротивляться, но ему завернули локти и волоком потащили к выходу из дворца.

***

Дремавшие на воротах королевские стражи, подтянулись при виде советника, и закрыли проход скрестив копья. Шагая в вразвалочку к ним приближался Гуннар Ноа, командир дворцовой стражи.

— Сумми я же просил тебя не устраивать во дворце расправы! Тем более над гостями Его Величества!

Подручные советника нерешительно оглянулись на патрона. Хельм наблюдал заплывшим глазом за происходящим. Во двор вышло еще с десятков стражей, они окружили компанию агентов беря на изготовку копья.

— Отпустите этого гнома! — гаркнул Ноа.

Молодцы нехотя подчинились. Советник, тяжело дыша, махнул рукой давая понять, что отпускает Хельма. Сумми не желал потерять лицо. Королевские стражи, будучи лучшими воинами королевства, оказались еще и в большинстве. Обезоружив подручных советника, стражи всю компанию водворили в темницу, а Хельму вернули оружие и проводили до дома.

Дом встретил Хельма радостным весельем. Мая предупредила отца, что сегодня должен прийти ее супруг. Ханна не поверила ей, считая сказанное вздором скучающей женщины, но Крамвуд знал, эта дева никогда не ошибается, раз сказала сегодня значит сегодня. Он приказал накрыть стол, и ожидал возвращения Хельма, сидя в кресле перед входом.

— Что ты здесь сидишь? Дурак старый! — возмутилась Ханна, увидев мужа подле входных дверей. — Откуда этой бледной немочи знать, что произойдет...

— Цыц глупая баба! Что ты знаешь о ней?! — осек он ретивую супругу.

— Знаю, что чужая она! — крикнула в ответ Ханна. — Из-за нее мы едва не погибли...

— Хватит болтать! Не знаешь, молчи! Жадность торгашей Даноста, вот причина наших несчастий! — зло процедил Довард Старший.

Стук в ворота оборвал разгоревшийся спор. Ханна, не веря глазам, пошла на встречу Хельму. Сбрасывая на пол походное снаряжение, сын обнял мать. Лишь дотронувшись до лица Хельма, Ханна поверила в реальность происходящего.

Отец сдержанно, но порывисто, что выдавало силу обуревавших его чувств, обнял и Ханну, и сына, сильно прижав их к могучей груди. По суровому лицу купца, катились крупные слезы радости.

Прислонившись к толстой колонне, неподалеку стояла Мая. К подолу матери прижался испуганный Товард, он не узнал отца. Широко открытые глаза Май светились тихой радостью. Хельм освободился из объятий матери и отца, подошел к супруге и после минутного колебания обнял. Мальчик испуганно смотрел на волосатое чудовище, пришедшее из неведомой глубины, пахнущее чужим не знакомым запахом, неизведанных мест подземного мира. Отец поднял его на руки и начал раскачивать, ребенок испугался и заплакал. Смущенный Хельм передал плачущее дитя Мае. Девушка, нежно целуя и глядя шелковые кудри малыша, успокоила сына. Днем позже мальчик уже привык к незнакомому отцу, и весело гомоня, играл с родителем переворачивая ступенный дом Довардов с ног на голову. Ребенок рос сильным и смышленным, Товард быстро возглавил местных хулиганов, за что не раз получал нагоняи от бабки и отца.

Полгода пролетели незаметно, люди советника ходили по пятам, не оставляя Хельма и

его близких ни на минуту. Война на границе набирала обороты, войска Даноста подошли к Песочным часам, слюдяному переходу, соединявшему напрямую два королевства. Широкий на входе и выходе, он сильно сужался к середине, представляя собой незначительный коридор, шириной в две телеги. Рибигуд намеренно не расширял свою часть прохода, ограничивая возможности продвижения для агрессивного соседа, что сильно мешало торговле, но зато позволяло держать богатого противника на безопасном удалении.

Вечерами дом Довардов превращался в маленькую крепость, и любой визит позже часа тишины, воспринимался как попытка нападения на дом королевского торгового представителя.

Вот и на этот раз глухой стук в двери, вызвал подобие переполоха. Позднее время визита смутило хозяев, стража обнажив оружие встала по сторонам от входа, слуга отворил дверь. Хельм стоя с мечом на изготовку, тихо приказал жене спрятаться в потайной нише.

— Советник? — спросил Крамвуд, напряженно глядя на дверь.

— Может и он — с трудом вырывая сознание из поглотившего внимание напряжения ответил Хельм.

Двери отворились, на пороге стоял человек. Пыльный, зеленый плащ скрывал фигуру незнакомца, почти полностью маскируя гладкие обводы необычного, золоченного доспеха. Хельму человек показался знакомым, и стоило тому открыть рот, как гном с досадой узнал ночного посетителя.

— Прошу прощения за поздний визит! — вежливо проговорил гость. — Могу я увидеть Хельма Доварда?

— А, кто его спрашивает?! — подозрительно щурясь на человека спросил Крамвуд.

— Меня, любезнейший, зовут Родриго Амадо. Мы знакомы с Хельмом. Полгода назад вместе шли через глубинные...

— Зачем ты пришел в мой дом? Я же тебе сказал, я не пойду к двери... — прервал гостя Хельм.

— Дверь я нашел, мне нужен ключ от нее. В Железной долине, до меня дошли слухи о новом бедствии в королевстве Даност.

— Меня не интересуют беды торговцев, предавших своего правителя, и выгнавших мою семью из дома — зло бросил Хельм.

Его бесило, что этот пришелец, вел себя как хозяин даже в его собственном доме.

— Уходи и оставь мой дом!

Охрана обступила Амадо с боков, не обращая внимания на гномов, человек продолжил.

— Купцы из торговых домов Танорта рассказывают о новой напасти, что идет из заброшенного города. Перекресток Хидана заволокли черные твари, они доходят до Королевского тракта, уничтожают караваны. Армия Даноста борется с ними, но на место уничтоженных приходят новые и все повторяется.

— А я тут причем? — смягчаясь проворчал Хельм.

— Надо закрыть проход, иначе придут беды куда серьезнее, чем то, с чем нам пришлось столкнуться в недрах Тенафара.

— У меня нет ключа — отрезал Хельм.

— Я знаю, что это не так. Он у тебя, иначе ты не смог бы открыть проход. Мне нужно лишь закрыть его, но только ты знаешь, как это сделать.

Гном молчал, хмуро глядя на человека. Амадо сделал шаг в сторону хозяина дома, путь преградили охранники. Хельм махнул рукой, давая понять, что опасности нет. Охрана

отступила, но остановилась в нескольких шагах от гостя, в полной готовности защитить хозяина в случае опасности.

— Пойми если все останется так как есть, они придут и к вам, и на верх, тогда уже поздно будет, что-либо исправлять. Сейчас же еще есть время, на тебе висит вина, ты открыл дверь в мир ужаса и смерти.

Обвиняя Хельма, Амадо бессовестно лгал, манипулируя доверчивым гномом. Тот не мог знать, что именно его ищут золотистые рыцари и воины скелеты, что именно он виновен в том, что дверь открылась в мир темного Менантра. Раздражение на себя и свою беспечность, будоражили совесть человека. Амадо удивляло как он не предусмотрел, что Братья найдут проход, которым он так опрометчиво воспользовался.

— Жди здесь — наконец ответил Хельм.

Четверть часа спустя, он уже стоял в походном плаще с неизменным мечом в руках. Попрощавшись с домашними, гном решительно вышел из дома, оставив близких, в полном недоумении.

***

Площадь Риена, покрытая толстым ковром из пыли и каменного крошева, тускло освещалась патинированным солнцем Менантра. Необычайная тишина мертвого города, нарушалась лишь долетавшим из-за марева воем какой-то твари. Амадо подошел к проходу и внимательно взгляделся в пространство на той стороне, рука в железной перчатке поднялась, давая понять гному, чтобы он начинал ритуал.

Хельм поднес дудочку к губам, немного подождал, припоминая мотив. Секунду спустя полилась печальная музыка. Разбиваясь о стены ближайших домов на множество повторяющихся отзвуков, мотив наполнил улицы брошенного Риена тоской. Мареву всколыхнулось, появились очертания стелы, по монолиту побежали волны, от низкого, гудящего звука. В проход протиснулась, огромная голова многорукого монстра, из тех, что Родриго приходилось видеть в Киране. Поднимая пыль с пола мощным дыханием, чудовище шагнуло на их сторону. Следом вбежали скелеты, на той стороне мелькнули золотистые доспехи, чьи они рыцарь не успел разглядеть, проход закрылся.

Скелеты кинулись на человека, шлем занял свое место, по мечу побежали зеленные искры. Хельму достался многорукий, который обрушил всю свою мощь на тело маленького, верткого гнома. Неожиданно площадь озарилась ярким солнечным светом, на доспехах заиграли блики, ослепляя противников. Враги застыли, изумленно глядя на поразительное явление.

Проход открыл взору золотые горы, высившиеся над золотым океаном. Вечернее солнце, уходило за искрящиеся пики огромным диском заслоняя полгоризонта, мертвый город залил желтоватый свет. Играя бликами на стенах покинутых домов, он принес в мрачный Риен уют и надежду.

Первым опомнился Амадо, он успел, уложить несколько скелетов, прежде чем те предприняли какое-то сопротивление. Меч андланд легко рассекал тела костяных врагов. Удар булавы, венчавшей рукоять меча, сшиб голову последнего слуги инвентов.

Хельму пришлось туго, он едва не попал под тяжеленный молот гиганта. Меч не доставал до противника и гном искал бреши в обороне великана. Делая очередной выпад, он споткнулся и неловко повалился назад. Молот чудовища навис над ним угрожая размазать по камню площади, но многорукий неожиданно застыл, словно пригвожденный к месту. Из толстой ноги монстра торчала желтая кость. Шестирукий с трудом сохраняя равновесие,

оперся на одну из своих рук, молот мотнуло куда-то в сторону. Не теряя времени, Хельм подскочил к врагу и одним точным ударом отсек руку, на которую опиралось чудовище. Взревев от боли, многорукий схватил клинок его меча, и резко дернул к себе. Гном потерял равновесие и полетел к гиганту. Длинное лезвие заскользило в огромной руке и с не приятным хрустом прошло тело монстра, инерция рывка усилила укол меча, весом Хельма. Многорукий осел на вторую ногу, и выкатив пылающие яростью глаза на врага, схватил подземника за шею. Доспех затрещал, поддаваясь силе сжимающей его длани. Неожиданно хватка монстра ослабла, он начал заваливаться на бок. Хельм упал на пол и откатился в сторону. От удара в глазах завертелись цветные круги. Немного придя в себя, Хельм взглянул на чудовище, едва не погубившее его.

Голова многорукого представляла собой месиво, череп лопнул, выплеснув содержимое на пол. Глаза неестественно сместились на одну сторону лица, один выпал из глазницы. Капли крови скатывались по стекловидному телу скапливаясь на его нижней поверхности, задерживались на несколько секунд в таком положении и стремительно срываясь вниз продолжали свой путь до кровавой лужи на полу. Перед лицом замаячила латная перчатка, человек предлагал помощь, но Хельм гневно отверг немое предложение. Преодолевая слабость гном, поднялся на колени, затем с трудом выпрямился в полный рост. Человек разглядывал монстра, опираясь на необычный белый меч. Только теперь до Хельма дошло, что это удар Амадо спас его жизнь. Все в этом человеке было странно, он больше походил на эльфа, чем на привычного рыцаря из человеческих королевств. Не внешне, внешне человек, а чем-то неуловимым, чем-то, что походило на эльфийский снобизм, и чувство превосходства присущее только остроухим.

На мраморных плитах выгорали скелеты, четко выделяясь графитовой чернотой на сером камне. Многорукий, издавая жуткий смрад лежал в стороне, все еще дергая агонизирующими конечностями. Звякнул меч, Хельм подобрал клинок, выпавший из его рук при ударе о землю.

— Спасибо за помощь — глухо выдавил из себя гном, стараясь не смотреть на человека.

Затем повернулся к проходу, на той стороне солнце уже село и ослепительная яркость нового мира, перестала резать глаза. В наступившем полумраке четко выделялись причудливые растения, что произрастали из текучих золотых рек. Из сплетений тончайших золотых нитей показался великан, сильно смахивавший на человека. Длинные руки и ноги, вытянутая голова с великолепной шевелюрой, ниспадающей на спину густой гривой, все в облике гиганта дышало совершенством и гармонией. Золото, мягко шелестя падало с ветвей потревоженными лепестками, украшая затейливым узором, тропу по которой шел великан.

Существо заметило гнома на той стороне, и остановилось. Так они стояли несколько минут, в полной тишине изучая друг друга. Гигант подошел ближе, на расстояние вытянутой руки, Хельм угрожающе поднял меч. Существо удивленно взирало на агрессию маленького, косматого существа.

— Что ты такое? — испуганно спросил Хельм, не опуская меча.

— Жизнь! — прозвучал трубный голос великана. — Как и ты! Ты и я жизнь, подаренная новорожденным миром. Мы живем в металле, а вы в плоти. Мы в конце пути, у вас он только начался.

— Откуда ты знаешь, кто мы такие?

— Много эпох назад ваша жизнь, облаченная в плоть, уже открывала дверь в наш мир! Я помню этих живых, но среди вас их нет.

— Можно я к вам войду? — опуская на землю меч, спросил Хельм.

— Войди, но оставь гнев снаружи! Наш мир слишком хрупок, чтобы переносить вашу жестокость! — существо отошло в сторону пропуская гнома внутрь.

Хельм восторженно взирал на красоту удивительного мира, где все, абсолютно все, природа соткала из золота. Существо пошло подле гнома, показывая свой дом. Их путь освещало три луны, призрачный свет которых, рассыпался на тонкие лучи, в кронах густого леса. Раздался мелодичный звук, где-то пела труба, ее прекрасный чистый звук, навевал грусть. На поляну вышла золотая лань, так ее обозвал Хельм, животное чем-то походило на земных оленей, и серн. Мимо пролетела птица, сверкая оперением в свете лун. Лес ожил, наполнился звуками. Из бесформенных глыб полу расплавленного золота, мир заново создавал причудливые образы, точно рука невидимого скульптора возвращала всему форму, утраченную в полуденный зной. Мир просыпался от дневного сна.

На поляну, неподалеку от входа, вышли золотые девы. Они неспешно направились к гостям, грациозно изгибаясь в тонких станах, и плавно поводя удлиненными руками, в такт движения стройных ног, отчего сама их походка напоминала церемониальный танец. Слух гнома уловил, мелодичные переливы. Низкие голоса девушек трогали особые струны в душе мужчин, завораживая и вызывая желание слушать вечно.

— Олани, узнали о вас, и пришли поприветствовать — пояснил околдованному гному великан. — Девы любят все новое, сегодня они поют для вас.

— Как тебя зовут? — опомнившись спросил гном.

— В моем мире имя ничего не значит — произнесло существо с расстановкой. — Но можешь звать меня Пуран.

— Ты их король? — спросил гном.

Пуран улыбнулся.

— Нет, я первый! Все остальные появились позже. Вы бы сказали, что я их отец, но мы лишены радости отцовства. С рождением мира, наш вид населил эти земли. Софос подарил нам возможность рождаться и умирать, не зная боль конечной утраты.

Гном удивленно взглянул на Пурана.

— Все в этом мире живет в гармонии с циклом нашего светила. Пробуждаясь, оно дарит нам слияние, превращая в ничто, засыпая приносит свободу, возвращая чувства и воспоминания, возвращая нашу жизнь. Такой порядок вещей нас наделил вечной молодостью. Пока будет жить наше светило, будем жить мы, будет жить Софос. Для вас, мы вечны.

— Что же это за мир такой? — удивился Хельм.

— Мир совершенных — тихо ответил человек.

Даже этот заносчивый гордец проникся сакральным чувством происходящего.

На плечо гнома тихо легла рука, Хельм повернулся, и густо покраснел. Одна из дев, склонившись так, что голые груди едва не касались лица подземника, протягивала венки из золотых цветов сердцевин, которых состояли из крупных изумрудов, сапфиров, аметистов и рубинов. Хельм отшатнулся, чем сильно расстроил деву.

— Что тебя так напугало? — спросил золотой великан.

— Я не могу это принять. Это слишком дорогой дар — отрывисто ответил гном.

— Ха, ха, ха — рассмеялся великан. — В твоём мире все измеряют ценой. Этот подарок бесценен, но не потому, что сделан из золота, а потому, что девы дарят такие венки только чистым душой. Не обижай Итель, она очень хотела одарить тебя своим вниманием, прими

знак ее особого расположения.

Неуверенно взглянув в глаза девы, Хельм протянул руку и принял венок. Девушка задорно улыбнулась и весело рассмеявшись убежала к подругам.

Увлеченные красотами поразительного мира, гости потеряли счет времени, проведя многие часы в прогулках по золотому лесу. На их пути встречались удивительные животные, птицы, многие ни на что не похожие, невиданные в их мире. Иногда попадались другие золотые великаны, такие же степенные и приветливые, как их новый знакомый. Гуляя по неизвестному миру, Хельм все время ощущал, какое-то странное непонимание, что-то не укладывалось в его голове, и только прощаясь с Пураном, он вдруг понял, что смущало его ум. Гном скорее почувствовал, чем осознал, что мир, по которому он гуляет, мудрый. Мудрый весь без остатка, до самой последней травинки и листка на дереве.

Ночь провели в мертвом городе. Хельм не мог уснуть, душа гнома разрывалась между реальностью и чудесным миром, что открыл ему Пуран. Вся прежняя жизнь померкла. Только светлый образ Май оставался тем маяком, что продолжал манить в мрачную реальность Фанариона. Глухая мгла Риена сменилась серой хмарью раннего утра, когда гнома наконец сморил сон. Он только закрыл глаза, как сон оборвался, чья-то ладонь крепко зажала его рот. Хельм ошарашено крутил сонными глазами, неловко пытаясь освободиться, глаза сфокусировались на озабоченном лице Амадо. Человек приложил палец к губам, и осторожно убирая руку с лица гнома указал на окна, выходящие на площадь. Хельм прислушался, снаружи донесся веселый смех солдатни, и судя по гулу, что стоял на площади, солдат там было не мало.

Человек помог ему облачиться в доспех, после чего авантюристы просидели до вечера в своем убежище, попеременно наблюдая за противником. В сумерках большая часть солдат покинула Риен. На площади осталось лишь несколько воинов. По эмблемам Хельм определил, что это отморозки из отряда Каменная голова. Узнал он и командира. Гнусавый голос Жилы, Довард Младший никогда бы не спутал ни с чьим другим.

— Что им здесь нужно? Остальные ушли, а эти похоже никуда не собираются — прошептал Амадо.

— Что? Что? Золото — раздраженно ответил гном.

Похоже отряд остановился в заброшенном городе на ночлег, и случайно обнаружил проход в Софос. Теперь новость быстро приближается к столице, и скоро Риен наводнит агентура Торговой палаты. Золото, вот, что остались охранять ветераны.

Ситуация требовала срочных действий. Из города нужно было выбраться до подхода основных сил. Амадо предложил обмануть ветеранов Жилы. Мнением Хельма человек не особо интересовался, скорее поставил в известность.

Под изумленные возгласы бойцов Каменной головы, Родриго вышел из дома и направился к их костру, за ним следовал Хельм, в полной броне. Шлем надежно скрывал лицо гнома. Ветераны похватили оружие и ожидали, что будет дальше. От костра загнусил Жила.

— Так, и кто же это к нам на огонек заглянул? — нехорошо улыбаясь спросил он, продолжая сидеть на ящике с провиантом.

— Мы путники. Отстали от каравана. Еще вчера. Вот увидели вас и решили, что вы нас не оставите в беде, и проводите хотя бы до развилки Хидана — голосом труса пробормотал Амадо.

Гномы весело заржали, Жила глянул на них исподлобья и смех тут же стих.

— А как вас зовут, несчастные вы мои? — с издевкой в голосе поинтересовался гном.

— Я Родриго Амадо, пилигрим. Иду искупить свои грехи в храм Анатры, а это мой товарищ из Амората, также, как и я идет за покаянием. Он простой ремесленник, самого, что ни на есть подлого происхождения — представился Родриго, хотя уже понимал, что без боя не обойдется, уж дюже Жила оказался въедлив.

— А что же твой друг молчит? Он, что без языка, или настолько подлого происхождения, что даже говорить не обучен? — снова гогот.

— Нет господин ветеран. Я просто очень смущен, перед такими господами ...

Жила приподнялся с ящика, и внимательно взгляделся в Хельма, но ничего подозрительного не увидел.

— Твой голос мне кажется знакомым, кто ты?

— Якоб Обег — назвал Хельм, первое попавшее на память имя.

— Что ж мы и впрямь не знакомы. Раз вы пилигримы мы проводим вас до развилки Хидана, но, конечно, не бесплатно. Не успел Жила закончить, как к его ногам упал небольшой кошель монет. Он порывисто подхватил кожаный мешок, и быстро пересчитал содержимое.

— Этого хватит? — спросил Амадо.

— Вполне! Пойдет! — удовлетворенно прохрипел Жила. — Эй Йон, Луи проводите пилигримов до перекрестка, и сразу обратно — приказал командир.

Пилигримов повели к выходу из города, в свете костра блеснул клинок Хельма. Глаза Жилы расширились, он вскочил на ноги, опрокинув ящик.

— Эээ, да это шпионы!!! Этот Хельм Довард! Предатель!!! — он указывал на Хельма. Расслабившиеся были воины снова схватились за оружие.

Провожатых Амадо прикончил почти сразу, его клинок бил с поразительной точностью, что с удивлением отметил про себя Хельм. Не отставая от человека, он, неистово рыча кинулся на ветеранов, звон оружия, разнесся эхом по мертвому городу. Четверть часа спустя, все закончилось, Жила лежал раскинув руки и шумно втягивал воздух в пробитую грудь. Оставшиеся без командования ветераны, стояли в нерешительности.

— Думаю мы можем разойтись, не умножая смерть — предложил Родриго.

Широкоплечий, рыжий гном, с большим молотом в руках кивнул головой. Стороны отступили на несколько шагов.

Родриго быстро направился к выходу, следом засеменял Хельм, он едва поспевал за длинноногим человеком. Теперь следовало спешить, скоро по их следу пойдут отряды, куда как более подготовленные для преследования беглецов.

***

Добравшись до перекрестка, путники увидели, колонны гномов, шагающие в сторону Иргамы. Началось наступление Даноста, и вина за это лежала на них.

Скрываясь среди обрушений и стараясь уйти с обжитых дорог, они шли в неизвестном направлении. Хельм указал Амадо, что они идут на заброшенные дороги, а там только смерть. На что человек с улыбкой успокоил его.

— Мы идем туда куда надо. Скоро будем на поверхности.

— На поверхности?! Но поверхность может оказаться еще более опасной! — возмущенно недоумевал Хельм.

Родриго лишь улыбнулся в ответ, и потеряв к нему всякий интерес резво зашагал в жуткую темноту. Вскоре Хельм понял, куда они идут. Гнома поражала осведомленность человека, даже среди гномов мало кто знал те пути, по которым шел Амадо. А чужак без карты, по приметам, топают словно всю жизнь ходил этими дорогами.

— Мы идем к Северным воротам? — напряженно произнес Хельм.

— Да! — спокойно ответил Амадо.

— Но ведь там ничего, кроме льда и снега нет. Холод нас убьет! — испугано пробормотал гном.

— Ты заблуждаешься. Во-первых, там сейчас лето, и снега почти нет. Во-вторых, там много разного зверья, поэтому мы с тобой не умрем, по крайней мере с голоду. В-третьих,

там мы сможем пройти коротким путем в Иргам. И, пожалуй, успеем раньше армии Даноста.

Гном смотрел на человека открыв рот.

— Да кто ты такой? Откуда ты столько знаешь о наших подземельях?

Не отвечая, Родриго продолжил путь. Хельму ничего не оставалось как последовать за ним, чтобы не отстать и не заблудиться в полуразрушенных лабиринтах ходов, штолен и заброшенных поселений.

***

Северное лето оказалось суровым. Несмотря на все обещания Амадо, Седая дорога превратилась в тяжкое испытание для путников. Сразу за воротами они столкнулись с многодневной пургой, непроходимые снежные переметы, вынудили искать обходные маршруты. Зверье в изобилие водившиеся в предтундровой зоне, ушло далеко на юг. Путешественникам осталось только читать следы, почти стертые стихией.

Кругом попадались останки гоблинов, они лежали вповалку, тысячи костяков, обглоданные хищными обитателями севера. Вдоль дороги валялось никому ненужное барахло беглецов, Хельм с содроганием думал о судьбе рода Вуда.

На второй день человек сообщил, что по их следу идут охотники. Сказать сколько, он не мог, но совершенно точно определил, что это гоблины. Хельм и сам несколько раз замечал краем глаза, какое-то движение за гребнями переметов. Но пурга не давала увидеть дальше десятка шагов. Снег быстро вымотал гнома, и теперь Хельм плелся, едва волоча ноги, следом за неутомимым человеком.

На третий день пурга стихла и на небе засияло тусклое солнце, его лучи приятно согревали обмороженные щеки. Спустя несколько часов радость погожего дня омрачила новая напасть, глаза Хельма резало от яркого света. Отраженный миллионами снежинок, свет раздражал непривычные к яркому освещению глаза подземника. Обильно истекая слезами Хельм продолжал семенить за Амадо, чей шлем полностью закрывал лицо, не оставляя ни щелей, ни просветов. Доспех точно придавал ему сил, человек как бык пробивал в глубоком снегу свежий путь.

В какой-то момент Хельм осознал, что перед глазами все плывет, и свет постепенно гаснет, от испуга гном закричал. На шум подошел Амадо, выслушав сбивчивые объяснения гнома, человек улыбнулся и достал какой-то флакон. Смочив тряпицу, он приложил компресс к глазам Хельма. От чего их сразу перестало резать, гном хотел снять примочку, но человек удержал его и предупредил, что до ворот Парда он будет идти вслепую. Привязав к себе веревкой ослепшего спутника, Родриго снова принялся торить путь в глубоком снегу, четко двигаясь по направлению к Седым горам.

Хруст снега, вот и все ощущения, что остались доступны Хельму. Спереди шел Амадо, вытягивая его из топкого снега. Довольно скоро гном вошел в ритм, и совершенно отрешился от тягостных мыслей, осталось только движение. Слух удивительно обострился, и казалось, что он слышит, как редкие снежинки, плавно опускавшиеся с неба, касаются сияющих в ярком солнце торосов. От напряжения в ушах то и дело раздавался мелодичный перезвон, напоминающий звук, который возникает если провести прутиком по ряду сосуллек, выросших над входом пещеры.

Короткий привал, обнаружил, что ноги безумно устали. Стопы гудели от монотонной ходьбы по рыхлой, вязкой тропе, пробитой его спутником поверх, умело устроенной дороги, построенной в далекие времена его предками.

В ушах снова зазвенело, откуда-то повеяло стужей. Холод медленно пробрался под шерстяную тунику, и лизнул поясницу.

— Я замерзаю! — сказал он, ежась от мороза, пробежавшего вдоль спины.

— Осталось немного. День пути. Сейчас придется обойтись без костра, за нами идут охотники гоблинов. Мы оторвались, но они нас быстро нагонят если обнаружат кострище.

— Опять пурга начинается — вяло отреагировал Хельм, его постепенно охватывала апатия, голову клонило к груди. Сон начал сковывать гнома.

— Это и хорошо, она замела наши следы. Ну, что отдохнул? — спросил Родриго, но ответа не прозвучало. Человек дернул веревку, гном повалился на бок.

— Э? Ты чего? — обеспокоенно прогудел Амадо, быстро подбегая к Хельму.

Минуту спустя, он с трудом растормошил гнома, и поставив на ноги потащил за собой. Как не спешил человек, Хельм шел все медленней, впереди послышался далекий лай. Путешествуя с отцом по Аморату, Хельм не раз слышал этот звук, под землей собак не водили, а люди очень ценили это животное. Собаки поразили Хельма, соединение враждебности и самоотверженной преданности хозяину, делали этих питомцев людей, в глазах гнома идеальными существами. Вот уж кто никогда не предаст.

Не то, что волки орков, жестокие, кровожадные хищники, больше звери, чем друзья. В ушах вновь раздался мелодичный перезвон, веревка натянулась и едва не повалила гнома в сугроб.

— Быстрее! — резко скомандовал Амадо, он почти бежал, волоча за собой Хельма.

Полчаса спустя они остановились, Амадо не шевелился и тяжело дыша прислушивался.

— Что случилось? — неуверенно спросил гном.

— Тихо! — оборвал его Родриго. — Сейчас молчи, я буду вести переговоры.

Послышалось шуршание полозьев по снегу, затем все стихло, откуда-то спереди доносилось собачье повизгивание. К ним подошло несколько человек, что-то ткнулось в ноги гному, руку обожгло теплое дыхание. Затараторила незнакомая речь, это люди о чем-то говорили меж собой. Амадо прекрасно понимал язык местных, отвечая такой же тарабарщиной.

— Пошли — человек потянул веревку.

— Кто это? Куда мы пришли? — раздраженно спрашивал Хельм, пытаясь снять повязку с глаз. Твердым движением Родриго прервал его попытки.

— Мы пришли в стойбище. Это северяне из племени Белой Ласки, они любезно согласились предоставить нам кров — ответил человек, втягивая гнома на низенькую скамейку. Которая тут же плавно двинулась вперед. Снег зашуршал под ними, судя по звуку, сбоку также кто-то скользил на полозьях, собаки радостно тявкая бежали спереди.

Вскоре их транспорт остановился и Амадо нещадно толкая и дергая слепого гнома, втащил его в помещение. Тут человек снял повязку с глаз Хельма, и гном впервые за последние дни смог осмотреться.

Темное помещение из шкур, посередине очаг, лежаки по сторонам, чуть поодаль от костра, кожаные сумки и бурдюки. Трое ребятишек в меховых курточках следили за удивительным гостем, блестящими, точно смазанными жиром, глазами. Около очага склонились две женщины, одна старая, вторая совсем юная, они что — то готовили в глиняном горшке. В дальнем углу сидел заросший старик, своей бородой он запросто мог потягаться с гостем.

Амадо уже без шлема, осматривал лицо гнома. Пожилая женщина, что-то пробормотала

и дети, весело щебеча, выпорхнули на улицу, едва не сбив с ног низкорослого Хельма.

— Ну вот, теперь все будет в порядке — закончив осмотр проговорил Родриго.

— Почему мы здесь? Это же не Седые горы. Мы ушли с дороги. Зачем? — почти возмущался гном.

— Мне пришлось свернуть с Седого тракта. За нами увязалось, то, с чем ни мне, ни тебе не справиться...

— Гоблины? Тоже мне противник! Всего-то нужна броня да острый клинок.

— Да особенно когда ты слепой — съязвил Родриго. — Нет, то, что за нами увязалось, пострашнее любого гоблина. Просто поверь мне.

— Стоявший рядом коренастый мужичок кивнул головой и испуганно выпучил глаза, подтверждая слова Амадо.

— Хавайя! Хавайя!

— Чего он лапочет? — зло глядя на хозяина, процедил гном.

— Ты давай поприветливей, они все-таки нас от мороза спасли — строго глядя на гнома, проговорил Амадо.

Гном насупился, и присел к очагу, вытянул застывшие руки к огню.

— Ты на огонь особенно не пялься, твои глаза еще не совсем выздоровели. Сегодня отдыхаем, а завтра на санях доберемся до врат — Родриго отошел к хозяину жилья.

Люди немного поговорили, и вместе вышли наружу. Минуту спустя полог вновь откинулся, внутрь ворвались клубы пара, скрываясь в которых вбежали дети. Весело смеясь, и толкаясь они протопали к очагу, где и присели возле гнома.

Шустроглазая девчонка, тронула Хельма за руку. Гном резко отдернул ее, ребенок испуганно уставился на бородатого недотрогу. Под осуждающим взглядом ребенка Хельму стало не по себе, и гном натянул улыбку, девочка снова заискрилась радостью. Она что-то лопотала, на непонятном ему наречии, сколько гном не силился, ничего разобрать так и не смог. Он залез в кошель и порывшись в нем вытащил золотой, его рука уже потянулась чтобы одарить непоседу. Когда строгий окрик пожилой женщины, сдул детей от очага к лежаку старика, который неподвижно, словно статуя восседал в сторонке.

Не понимая, что случилось, Хельм спрятал золотой, и совершенно расстроенный уселся прямо на пол. К гному подскочила молодая девушка, она громко причитала, пока не заставила его подняться с места, и тут же ловко подсунула ему под зад кожаный пуфик. Хельм еще удивленно смотрел на девушку, когда хозяйка жилья оказалась подле него и протянув глубокую тарелку, настойчиво потребовала принять ее угощение.

Испытывая отвращение, гном принял тарелку и прямо через край отхлебнул наваристое содержимое. Хозяйка улыбнулась, увидев резкую перемену в выражении лица пренебрежительного гостя. Хельм испытал настоящий катарсис, за долгое время ему впервые удалось отведать горячего. Неожиданно, стряпня людской женщины оказалась удивительно вкусной. Непривычный аромат сушеных трав и корней, приятно раздражил рецепторы. А суховатая оленина, в исполнении хозяйки казалась лучшим из того, что ему приходилось когда-либо есть.

Он поблагодарил стряпуху как мог. Женщины не понимали ни слова, но их и не требовалось, чтобы понять чувства сытого мужчины. Снова подбежали дети подвижные как шарики ртути, они облепили разом подбровшего бородача.

Вернулся Амадо, мрачный и не разговорчивый. Он застал Хельма в тот момент, когда гном протянул кулон с небольшим рубином шустрой девочке. Камень светился изнутри,

точно храня в себе искру догорающего костра. Такие добывали только в Тенафарских горах, гномы их называли слезы Умани. В честь супруги древнего короля каменного народа Кальвайса, который заподозрил супругу в измене и изгнал ее в Огненный лес. Чтобы доказать свою любовь Умани принесла себя в жертву, бросившись в лавовую реку. Когда Кальвайс узнал о случившемся, то гнев его угас, а раскаяние привело к берегу огненной потока, поглотившего тело любимой жены. Там, на берегу Кальвайс в отчаянии просил Милостивую Ками вернуть ему Умани, и Хозяйка услышала мольбу своего сына. Из багряных вод реки на берег вышла Умани, пылая как солнце, она бросилась на шею возлюбленного супруга, и жарко целуя сгорела вместе с Кальвайсом, а там, где соединились сердца любящих, родился прекрасный рубин, названный слезы Умани.

— Дорогой подарок — прокомментировал увиденное Родриго.

Человек положил кожаный тюфяк и присел к жаровне, с вежливой улыбкой принимая тарелку с варевом из рук хозяйки.

— Да вот завалилась. Думал подарить Мае, а тут такая ситуация — точно оправдываясь ответил Хельм.

— Гуля будет его передавать по наследству из поколения в поколение, вспоминая о твоём визите. Пока кто-то из ее потомков не узнает, какой щедрый дар ты преподнес им. Целое состояние в одном камушке — улыбнулся Амадо, подбадривая растерянного гнома.

— Я просто хотел отблагодарить...

— Понимаю, это заслуживает уважения. Впервые вижу, что гном сумел преодолеть врожденное чувство страха перед чуждым — прервал Хельма человек. — Сегодня хорошенько выпись, завтра нас ждет утомительный путь. Не скоро нам придется вновь познать уют и тепло.

С этими словами Родриго принялся за еду, в свою очередь восторгаясь мастерством стряпухи, а гном прилег на шкурах, там, где ему указала юная девушка. У противоположной входу стенки, так, что между ним и Амадо оказался очаг. В свете догорающего пламени, лицо человека окрасилось в кроваво-красный цвет, и казалось лицом Октана, мифического чудовища, по легендам, некогда населявшего глубины Тенафара.

Хельм не заметил, как сон украл его сознание. Во сне гном все время от кого-то убегал, натываясь на глухие тупики, пока не обнаружил вдали белую точку. Ноги легко несли его к разрастающейся звезде, постепенно яркий свет превратился в светящийся туман, в котором Хельм растворился.

В ушах дзинькал знакомый перезвон, звук быстро рос, и вскоре уже не звон, а оглушающий шум ветра заполнил белый туман. Неожиданно все стихло, время застыло, и резкий толчок выкинул гнома из сна.

Хельм открыл глаза, вокруг царила непроглядная тьма, снова сильный толчок в плечо. Прямо над ним стоял Амадо, он его не сразу узнал, лицо человека закрывал шлем.

— Вставай бородастый идиот! — кричал человек, нагибаясь прямо к самому уху гнома.

Ватная тишина надавила на барабанные перепонки, тьма отступила. Белесый налет инея на внутренней поверхности шкур, что составляли купол их убежища, таинственно искрился в неясном свете.

— Ты чего — возмущенно пробормотал Хельм, с трудом поднимаясь со своего ложа.

Руки и ноги плохо слушались, неожиданно он понял, что сильно замерз, тело гнома начал бить озноб. Взгляд Хельма блуждал по яранге, пока не застыл на сидящих напротив входа людях. Они не двигались, белые, точно алебастровые фигуры. Северяне застыли в

неестественных позах. Казалось, что они только что проснулись и в страхе пытаются от чего-то защититься.

Глава семьи так и остался склоненным к копыю, молодая девушка застыла у очага, с потухшей разжигой в руках. Дети прильнули к хозяйке дома, женщина пыталась прикрыть их шкурами, но не успела. Старик все также сидел на своем мате, а к его ногам прильнула Гуля, ее стеклянные глаза смотрели на мерцающий огонек рубина, горевший красным на белоснежной, детской ладошке. Слезы навернулись на глаза гнома, ком подступил к горлу.

— Они замерзли!!! — крикнул он, пытаясь преодолеть вату тишины.

— Тихо идиот — прошипел Амадо, закрывая ему рот.

За застывшим пологом входа, зазвенело. Шкура с треском рассыпалась и в образовавшееся отверстие легким дуновением втек нестерпимый холод. Едва слышно зазвенела изморозь на полу яранги. Шум приближался, бороду и брови Хельма покрыл иней, изо рта вырвался клуб пара, слезы застыли, так и не сорвавшись со скул.

Из воздуха к гному тянулась бледная рука, с длинными, узловатыми пальцами, над ней раскрылся треугольник, напомилавший длинные волосы, взятые на пробор. Звенящая шторка, распахнулась до земли, открывая ледяное сверканье, царившее за ее пологом. Хельм с удивлением отметил, что звенели круглые бусины застывших капель, густо нанизанные на волосы. Тысячи мелких кристаллов, облежавших подобно мантии, ледяное, сокровище внутри. В темноте яранги волосы чудовища перестали отражать свет, и существо показалось гному, зависая в воздухе прозрачным силуэтом прямо перед ним.

Клинок с хрустом ударил в руку, жадно тянущуюся к лицу Хельма, брызнули осколки льда. Острые льдинки порезали кожу на лице гнома, и тут же растаяли в горячей крови. Рука исчезла за пологом, и следом на изумленных путников из неоткуда вырвалась оскаленная пасть. Раскинув руки чудовище пыталось обхватить Амадо и гнома, привставшего позади человека с мехового ложа.

Рыцарь попытался нанести еще один удар, но его тело застыло в движении, а Хельм от ужаса и трескучего мороза, прикрылся руками. Мощный удар холода остановила невидимая сфера, окружавшая гнома, руки монстра обхватили ее и в то же мгновение оттолкнули. Корона огня поднялась от места удара к верхнему центру сферы, ярангу сдуло, развалив на тысячи осколков. Вместе с ней рассыпались и тела замерзшей семьи.

Амадо отлетел на несколько метров, разбив в дребезги стоявшую на пути ярангу соседей, приютивших их людей. С трудом преодолевая сопротивление застывшего металла, человек поднимался с плотно утопанного снега. От мороза мягкий сугроб стал тверже гранита, каждый шаг человека отдавался в ушах гнома, как удар по наковальне. Взрыв морозного облака снес Амадо, впечатав тело человека в торос, выросший за ночь на краю стойбища.

Яркий свет ослепил Хельма, все слилось, лишь сильные толчки о сферу, и кольца пламени, что пробежали по защитному барьеру, говорили о том, что чудовище все еще пытается заполучить его жизнь.

Вновь появился Амадо, он абсолютно точно определял местоположение невидимого монстра. Болотный клинок с глухим стуком цеплял невидимку, отбрасывая осколки льда, игравшие в лучах восходящего солнца яркими всполохами. Обрезанные волосы-шторки обнажили кристальное тело существа. Ярко блестящие глаза Ледяного, то и дело вспыхивали яростью бессилия. Мощные волны холода теперь не влияли на Амадо, он лишь выставлял клинок навстречу удару, и упирался ногами в снег, оставляя глубокие борозды.

Неожиданно все смолкло, а чудовище исчезло, растаяв в воздухе. Человек напряженно прислушивался, поворачиваясь всем корпусом из стороны в сторону.

— Куда оно делось?! — крикнул Хельм, испуганно озираясь вокруг.

— Одевайся! Скорее! Надо уходить! — вместо ответа скомандовал человек.

— Как?! У нас нет собак! — растерянно ответил гном.

— Зато есть сани, поторапливайся! Хавайя скоро вернется!

Сани резво бежали вперед, Родриго впрягся в легкую конструкцию и лихо тащил Хельма за собой. Гном, сидя на санях правил, стараясь помогать человеку в его усилиях. Вдалеке залаяли собаки, рыцарь остановился и посвистел, но псы, замолчав на секунду, завыли в ответ. Насколько гном мог судить, собаки убежали прочь.

— Он нас догоняет!!! — крикнул Амадо, и припустил еще пуще.

Хельм спрыгнул с саней и побежал рядом с человеком, бросив теперь уже не нужный транспорт, они быстро приближались к нависавшей впереди громаде Седых Пиков.

В воздухе повис знакомый перезвон, пахнуло холодом, сбоку завыли волки. Хельм не сразу их увидел, белые, огромные как львы, звери устилали все пространство по бокам от них.

Стая начала окружать беглецов, обгоняя и перегораживая дорогу. До врат оставалось совсем немного, но звери перекрыли путь намертво. Оскалив пасти, волки пригнули морды к снегу, изготовившись к прыжку. Один особо ретивый подобрался со спины к гному, и клацнув мощными челюстями прямо у ноги подземника, отскочил в сторону, стоило только Хельму повернуться к наглецу.

Судя по звону Хавайя кружил поблизости, избегая касаться волков.

— Почему он не подходит? — удивился гном.

— Бережет своих слуг — отозвался Амадо.

Глаза человека искали жоака, пытаясь предугадать откуда начнется атака.

Сбоку пропела тетива, и зверюга, ослабившись, завизжала. Вертясь юлой и скалясь на вонзившуюся вбок стрелу, волк пытался вытащить причинявший боль кусок дерева. Затем стрелы и копья посыпались градом, опрокидывая, и убивая волков, а выживших отгоняя прочь.

Из снега поднялись гоблины-охотники, отряд в двести копий. Они радостно размахивали луками, гикая вслед убегающим хищникам.

— Здесь Хавайя!!! — прокричал Амадо.

Крики стихли, и гоблины испуганно за озирались по сторонам. Первый удар Ледяного унес два десятка охотников. Стужа прошла волной, замораживая охотников, вставших на ее пути, гоблины побежали, даже не пытаясь бороться. Они как слепцы метались из стороны в сторону, пытаясь спастись от невидимого чудовища.

Амадо рванул Хельма за край плаща, гном удивлено уставился на него.

— Им надо помочь!!! — прокричал он.

— Мы им не поможем! Быстрее, иначе нам конец!!! — прокричал в ответ человек.

Секунду поколебавшись Хельм последовал за рыцарем, краем глаза заметив, как вездесущий Хавайя застудил еще десяток метавшихся в панике охотников.

Ворота Парна отрезали их от ужаса снежного мира. Оборвав даже звуки, которые сюда не проникали абсолютно непостижимым образом.

— Пошли — позвал гнома Амадо.

Хельм наблюдал как Ледяной добывает их спасителей, в глазах гнома стояли слезы.

— Ты не виноват. У тебя нет сил справиться с этим осколком древности — положив руку на плечо гнома, попытался успокоить Хельма, Родриго. Не глядя на него, гном отвернулся от прохода, и пошел в темноту замерзшего холла крепости.

Несмотря на опасения человека, Хавайя не решился преследовать путников в глубинах Седых гор.

На третий день пути они набрали на заброшенный город Напрада. Столица королевства Парна сохранилась неплохо. Стужа скрепила породу намертво, казалось, что само время остановило здесь свой ход. Путники брели по улицам великой столицы древности, голод и усталость принуждали искать укромное место, чтобы хоть немного поспать. Амадо молча указал на дом, высившийся прямо перед ними. Хельм кивнул, усталость настолько сковала волю гнома, что полное равнодушие поселилось в его душе. Единственным желанием подземника оставалось найти место для ночлега.

Старинная усадьба, явно принадлежавшая кому-то из приближенных короля, стояла без дверей. Они прошли внутрь, бурые полы прихожей, заледенели настолько, что ноги Амадо поехали и рыцарь упал, известив всю округу о своем присутствии, звоном брони.

— Хренов лед — выругался человек, поднимаясь на разъезжающихся ногах.

— Кровь — тихо проговорил Хельм, указывая на ледяную корку под ногами.

— И правда кровь — растерянно отозвался Амадо, нашедший наконец равновесие. — Но судя по следу, она здесь давно — скорее для себя, чем для товарища прокомментировал свое наблюдение человек.

Ступая как можно тише, они вошли в дом. Огромный холл, оказался абсолютно пуст, лишь навалы костей по углам и у стен, говорили, что дом обрел новых хозяев.

— Надо уходить — шепотом проговорил Родриго, поворачивая к входу.

Его глаза скользнули в соседнее помещение, где в прежние времена располагалась кухня и кладовые. Эти помещения так же лишены дверей, хорошо просматривались. Взгляд человека уперся в желтые глаза гигантского тролля, таких Амадо прежде не доводилось видеть.

В ногах великана лежала огромная туша анга, в голове которого торчал гигантский топор. Толстое лезвие повело от мощного удара, о череп чудовища.

Еще с десятков троллей лежали позади полусъеденной туши, наслаждаясь сытостью и здоровым сном.

Троль внимательно смотрел на путников, его рука, вытянутая вперед, четко указывала туда откуда они пришли.

Родриго слегка поклонившись троллю, развернулся на месте и быстро пошел к выходу, толкнув на ходу обомлевшего от удивления Хельма. Гном засеменял следом, безобразно звеня сочленениями доспеха.

Уже на другом конце города, они перевели дух. Амадо взглянул на спутника, и улыбнулся. Хельм тоже улыбнулся, а потом засмеялся, хрипло и бессильно, сгибаясь в

пояснице. Рыцарь тоже смеялся, почти беззвучно, вздрагивая задиристой бородкой и скаля белые зубы.

Дальнейший переход между королевствами, оказался на удивление легким. Неделю спустя они вышли к границам Иргамы, где попали в заботливые руки агентов Сумми. Несмотря на пристрастное отношение, на этот раз агенты не проявляли особого рвения. Пользуясь ситуацией Амадо сумел добиться от старшего агента, чтобы их препроводили без промедлений к Рибигуду. Отчасти его слова укрепили слухи, роившиеся вокруг персоны мрачного чужеземца. Все проживающие в королевстве, разве, что кроме умалишенных, знали, что человек в давней дружбе с королем. И никто из служащих не пожелал брать на себя ответственность за судьбу путешественников. Более того старший агент распорядился отрядить провожатого, для большего удобства приближенных особ.

***

Женщины и дети спешно прощались с мужчинами. Вялая пограничная война неожиданно переросла в широкомасштабное наступление со стороны Даноста. Торгаши переиграли короля Иргамы, демонстрируя наступление со стороны Брошенных копей, они ударили основными силами, по Слюдяному проходу, прозванному в народе Песочные часы. Купившись на уловку, Рибигуд отправил гвардейцев и наиболее боеспособные части к копям, и теперь спешно собирал ополчение.

По неуютным улицам, разом опустевшей столицы, расхаживали отряды вооруженных гномов. По знакам, вышитым на груди их дублетов, Хельм определил, что это агенты советника, сейчас они проверяли концы бедного квартала. Без церемоний вламываясь в дома обывателей, они искали уклонистов. То и дело из дверей выволакивали бедноту мужского пола. Под истошные вопли женщин и рев детишек, их немного били, для острастки. Затем бедолаг тащили в арсеналы. Бодрая деятельность агентов быстро наполнила ряды армии добровольцами, а городские улицы рыдающими женами. Сразу от арсеналов войска уходили на Песочные часы. Среди пехоты тащился и Хельм, он даже не успел встретиться с семьей, хотя ему повезло больше остальных он оказался в окружении самого короля. Рибигуд в сверкающих доспехах провожал грозным взглядом войска, что судьба ему вверила для решающей битвы с торговым соседом. Как опытный вояка король понимал, что в его руках не армия, а толпа, пусть и обученных, но все же горожан. Батра погрузилась в тягостное ожидание новостей, все стало серым, в домах поселилась печаль.

Доклад Хельма озадачил Рибигуду, его план по возвращению законного монарха провалился, и надежды разбить врага политическими методами испарились. На счастье, Доварду младшему хватило ума не рассказывать об обстоятельствах появления золотой долины, но король чувствовал, что этот молодец что-то не договаривает. Поэтому старый хитрец пожелал, чтобы Хельма назначили в отряд его личной охраны, пусть пока будет на глазах. Счастливчик догадывался чем обязан внезапному возвышению. Гном кожей чувствовал, его жизнь висит на волоске. Если только король узнает кому Даност обязан внезапно свалившимся богатством, ему не сносить головы.

Письмо от Амадо, переданное королю Хельмом, привело последнего в неистовство, он разможил пуфик хватив им о стену, после чего приказал арестовать проходимца, и привести к нему в цепях.

Дармовое золото позволило Даносту в кратчайшие сроки сколотить невиданную для гномов армию. Да она состояла из наемников, но наемников ветеранов. На зов торгошники пришли тысячи рекрутов. Торговая палата не потратилась даже на оружие, у большинства

пришедших нашлось свое, проверенное временем и боем.

Два дня спустя состоялось сражение. Войска сошлись в самой узкой части Песочных часов. Ополченцы гибли сотнями, поскольку им противостояли отборные войска Даноста, но ни одна из сторон не смогла продвинуться ни на метр. Сказалась особенность местности, из-за узости прохода, торгошам пришлось вводить войска частями, что не позволило использовать преимущество в количестве, но качество контингента сильно влияло на потери со стороны Иргамы. Так продолжалось три дня, пока не подошла гвардия Рибигуда, наспех переброшенная от Брошенных копей к Слюдяному проходу. При ее поддержке, ополчение пошло в решительное наступление, и значительно подвинуло ветеранов Даноста. Понимая, что так можно и инициативу потерять, торгоши пустили в бой отряды Каменной головы и фанатиков Традиции камня. Опытные вояки опрокинули ополченцев, и прорвали гвардейский заслон на другой стороне прохода. Наступление оказалось столь неожиданным, что отдельные отряды Каменной головы сумели пробиться к Рибигуду. Охрана короля опомнилась первой и контратаковала, отбросив зарвавшихся карателей обратно. Закрепившись в узкой части, щитовики Иргамы построили непреодолимую стену. Видя всю бесперспективность наступления пехотой, торгоши использовали стрелометы. Хельм стоял в первых рядах с большим щитом, когда рядом что-то с безудержной силой вырвало из строя его напарника. Он оглянулся, проводив глазами кровавую дорожку, которую проложило гигантское копьё в построении. Позади, там куда уносили раненных, громко матерился Гуннар Ноа. Рядом вновь глухо чмакнуло, вырвав еще ряд из строя.

— Отходим!!! — проорал Дидрик Тэйг, командир телохранителей.

Кованные башмаки резво затопали по направлению к Иргаме. Хельму повезло, все гигантские стрелы прошли рядом не задев его.

Гном еще только заходил за каменный угол, как в узкую часть пролетело ответное копьё, затем еще несколько, и вот посыпалось с обеих сторон. Стрелы сталкивались натужно треща, и разбиваясь в щепу. Беспорядочно разлетаясь по проходу, куски снарядов выбивали огромные пласты слюды ослабляя и без того хрупкий свод Песочных часов, и изредка убивая противника.

— Каменное масло!!! — закричал седой гном, явно старый для войны, но все еще удивительно зоркий.

В проход дохнуло жаром, струи липкого огня ворвались на их сторону. Заживо сгорая, войны металась по позициям, внося панику в ряды гвардейцев. Король созвал военный совет.

— Времени нет, поэтому буду краток! — начал он. — На позициях нужно оставить заградительный отряд. Остальные войска должны отойти в сторону Батры. Идите ускоренным маршем, потому что вас может нагнать взрывная волна.

Говорил король, обращаясь к командирам Личной гвардии и Капитану гвардейцев.

— Оставшиеся должны обвалить ветхий проход. Сразу скажу тот, кто останется погибнет, но вам выпадет честь остановить подлого врага. Помните, о ваших семьях не забудут, а вы станете героями, в честь которых проведут празднества и изваяют статуи. Гордитесь!!! У вас сейчас есть шанс обеспечить собственные семьи, и войти в историю героями. Вас будут помнить вечно!!!

Таким образом напутствовал король будущих героев, сказав положенные слова он убыл с линии фронта в первых рядах отступающих.

А Хельму выпал шанс стать героем. Нельзя сказать, что он его обрадовал, но выбора у

война не было, поэтому пришлось смириться с неизбежной гибелью и сосредоточиться на разрушении колон укреплявших свод Слюдяного прохода.

Огонь потух, снова появились ветераны Даноста, они точно знали, что сейчас решается исход всей войны. Стрелы застучали по камню, ранив и убивая смельчаков Иргамы, что увлеченно вышибали ключ-камни в опорных колоннах. Несколько раз Хельм поворачивался спиной, за секунду до того, как стрела ударяла о металл щита, прикрывавшего его спину.

Слюда пошла трещинами, свод задрожал, и с оглушительным грохотом рухнул на головы героев, увлекая сотни тонн крошащегося минерала в узкий проход. Перед глазами Хельма все плыло, воздушная волна отбросила его в каменный карман, его и еще четверых гномов, в числе спасенных оказался и Гуннар Ноа. Над головой все стихло, только одиночные камни еще перестукивались, ища свое место в завале.

Гуннар сам вызвался поучаствовать в битве при Песочных часах, хотя мог остаться в городе вместе с корпусом стражи, которая поддерживала порядок в затихшей столице. Также, сам, вызвался обрушить свод. Имея солидный возраст, и не имея семьи, он считал, что потеря его жизни не сильно обеднит Батры. Так командир столичной стражи оказался заперт в кармане вместе с остальными.

— Что будем делать? — спросил Гуннар, помогая подняться Хельму.

— Что тут сделаешь? Ждать — ответил седой гном по имени Юхо.

— Чего ждать? — удивился Довард младший.

— Дед никто не вернется — с улыбкой поддержал Хельма, Гуннар.

— Сейчас мы сами по себе — вступился мощный молотобоец из кузнечного района, позже выяснилось, что его зовут Лиус Митти.

— Думаю надо определить, где наша сторона, и какова толщина завала. Надо понять есть ли смысл разбирать его — уточнил широкоплечий Лиус.

— Да, а че ее искать то? — отозвался седой. — Вот она, наша сторона — ткнул он пальцем в булыгу позади себя.

— А ты откуда знаешь? — удивился Хельм.

— Откуда, откуда — проворчал старый. — Сказано тебе тут, значит тут. Отшвырнуло меня к нам.

Осторожно простукивая и прислушиваясь к ответу камня, Лиус пришел к выводу, что завал можно попробовать разобрать. Гномы с жаром принялись за работу. С каждым часом становилось все труднее дышать, воздух заканчивался. Нестерпимая жажда мучила заживо погребенных. Попеременно работая, они разбирали камни, но стена рваной породы не заканчивалась. Некоторые глыбы держали свод каверны, в которой герои нашли спасение, поэтому их не трогали, что еще больше осложняло разбор завала.

Хельм отдыхал после своей смены, усталость ломала мышцы, сон не шел. Обильный пот и отдышка выводили из себя и лишали остатков сил. Сквозь прикрытые глаза гном увидел, как каверна озарилась светом, и к нему приблизился сияющий луч.

— Здесь! — прозвучало в голове Хельма.

Гном проследил за лучом, который переместился на стену. Свет остановился на глыбе, что поддерживала свод камеры. Он попытался сказать товарищам, но язык его не слушался, а тело онемело и отказывалось подчиняться, в сознании мелькнуло.

— Это сон!

Хельм провалился в темноту и неожиданно почувствовал свое тело, до его слуха донесся мат гномов, вымотанных безрезультатным разбором бесконечной горной породы. С трудом

поднявшись, тело Доварда младшего подошло к глыбе, на которую падал свет. Массивный кулак с размаху врезался в скалу. Герои сорвались с места пытаясь добраться до сумасшедшего, глыба не шелохнулась.

Хельма повалили, Лиус саданул его по морде. Лиуса в ухо ударил Гуннар, началась свара. В общем хаосе никто не заметил, как по глыбе пошли трещины и камень, осыпаясь щебнем, покатился по полу каверны. Земля затряслась. В завале, как в гигантской головоломке зашевелились ее шестерни, камни вновь пришли в движение ища устойчивое положение. Ошарашенные гномы таращились на проход, который открывался прямо перед ними. Не теряя времени Хельм подхватил меч, и кинулся в проход, за ним последовал Гуннар. Остальные, повинувшись инстинкту самосохранения побежали следом, в образовавшийся просвет, а позади, сердито грохоча, вновь смыкался камень, грозя нагнать бегущих.

***

Никто так и не смог понять, как Хельм узнал, где нужно бить, а он не спешил делиться секретами своей семьи. Гном знал, что и на этот раз его Мая не забыла о нем, в который раз мужчина благодарил камень за такую жену. Их возвращения никто не ожидал, город воспринял это как хороший знак, свершилось чудо. Пошли разговоры о скорой победе над соседом.

Король использовал вовремя подвернувшийся слух, чтобы воодушевить подданных, в связи с чем по городу поползли нелепые слухи, которые облагородили истинную историю спасения пяти героев. Хельма Рибигуд приблизил и таскал везде за собой, чем крайне утомлял застенчивого от природы гнома.

— Я никогда о тебе не забуду. Никогда не сдавайся, как бы тебе ни было тяжело — тихо шептала Мая, прижавшись к мужу в уютном сумраке их спальни. — Обещай мне, что никогда не сдашься! — сказала она, заглядывая Хельму в глаза.

— Обещаю — улыбаясь ответил гном.

Этот разговор многократно всплывал в его памяти, облегчая тяготы новой службы.

Армия Иргамы постепенно приходила в себя после разгрома в Слюдяных проходах. Мертвых героев почтили праздником, их семьи получили жалование погибших, после чего благополучно забыли и героев, и их семьи.

Галерея Великих в правление Рибигуда, так и не пополнилась именами отдавших жизни в Слюдяной битве. Король старался не вспоминать о позорной странице его правления. История этой битвы оказалась под запретом, что предопределило ее забвение.

Вскоре пришли известия, что войска Караманта выступили в поход и через неделю подойдут к Изумрудным вратам. Войск не хватало, королевская гвардия прорежена, городская стража крайне потрепана, ополчение невозможно собрать, не вызывая восстания внутри страны. Оставался последний способ искать помощи союзников. Но кого призвать? Гномы Седых гор давно и плотно воюют с орками, которые прут ордами из-под земли. От зеленых попавших в плен поступали жуткие известия о каких-то древних, будто бы бессмертных и непобедимых. Войска Седых пиков обваливали проход за проходом, но каждый раз орки находили новые пути и прорывались все дальше в земли северного королевства. «Стальная стена», элитные воска королевства Парна, настолько ослаблены, что дезертирство стало нормой, а как известно для воинского сословия гномов такое положение вещей невыносимо.

Ближайшие королевства людей, вступили в коалицию с Даностом, а эльфам нельзя

верить, они никогда не уходят оттуда куда пришли их войска. Связаться с остроухими, значит потерять свободу. Встала дилемма, решение которой Рибигуд никак не мог найти. Где искать союзников? Ответ напрашивался сам собой, оставались странные, совершенно непонятные торговые партнеры, короли Железной долины. Государства связывали давние торговые отношения. Иргам поставлял эксклюзивные доспехи и оружие для кавалерии Железного королевства. Оружие Иргам считалось лучшим в своем роде, особенно если учесть относительную дешевизну изделий, в сравнении с эльфийскими образцами. Эльфийские клинки безусловно оставались эталоном недостижимого мастерстваковки, но это относилось к самым древним экземплярам, выкованным еще в первую эпоху.

Исходя из интересов Железной долины, Рибигуд предположил, что ее королей может заинтересовать сохранение мастерской, которая многие сотни лет снабжала их войска отменным вооружением.

Размышления монарха прервал гвардеец, он доложил, что привели Родриго Амадо.

— Ведите! — возбужденно подскочив на троне, скомандовал Рибигуд.

Ввели несколько удивленного рыцаря, по приказу Рибигуда его развязали, и предложили присесть за стол короля, удивительная для иноземцев честь.

— И так, — начал Рибигуд, — ты решил, что твои дела важнее слова, данного мне — глядя в глаза Амадо, с расстановкой проговорил король.

Его душил гнев, но гном сдерживался, понимая, что крик тут не поможет.

— Ты меня не призвал — отрезал Амадо.

— А ты сам не понимаешь, что пришел час вернуть должное. Так ты платишь королю Иргам за его участие в твоём деле? Кстати, оно мне ни принесло ни одного золотого прибыли! И потом, что за письма на имя короля? Передал непонятно с кем, да еще и изложенное в хамской манере, присущей тебе Родриго!!! — взорвался король, но тут же взял себя в руки, и быстро проговорил.

— Значит так Родриго, ты поведешь мою гвардию против Караманта — Амадо молча кивнул.

— Пойми я просрал войну с Даностом, хоть и делаю вид, что все прекрасно, но я потерял две трети войска. У меня нет средств нанять новую армию и мне нужен воин вроде тебя. Мой отец всегда говорил если нужна помощь зови Родриго Амадо. Вот теперь я зову старого друга моей семьи. Родриго нам нужна помощь, иначе Иргам исчезнет — закончил Рибигуд, испытующе глядя на человека.

Нервная волна прошла по лицу рыцаря, он поднял тяжелый взгляд. Черные, бездонные глаза смотрели на короля, не ломаясь о его жесткий взгляд. К Рибигуду пришло понимание, почему этого человека, или кто он там, зовут Вестником смерти. Он вспомнил многочисленные рассказы о человеке, ходившие в узком кругу его семьи. Впервые с детских лет монарху пришло на ум, что и правда, когда появляется этот человек за ним следом идет война и смерть.

— Я согласен. Я помогу тебе, но нам нужны союзники, у тебя есть такие на примете?

— Думаю, попробоватъ привлечь королей Железной долины. Правда мне это станет в потери при продажах брони, но это меньшая из жертв, что придется принести за сохранение королевства — ответил Рибигуд.

— Это хорошая мысль, откуда пойдет армия Караманта?

— Кейст идет к Изумрудным воротам!

— Странно, так в лоб? Это точная информация? — удивился Амадо.

— Да, по крайней мере мне так доложили — неуверенно закончил Рибигуд.

— Тогда крепим рубежи. Надо усилить ворота и крепостные стены при них. А также создать второй рубеж обороны, за вратами, на случай если Кейст прорвется. В таком случае конница Железных королей нам не поможет, они возьмут плату, и будут ждать врага на выходе, что для нас равносильно остаться один на один с Карамантом.

— И что ты предлагаешь? — напряженно глядя в человека спросил Рибигуд.

— Есть у меня одна мысль, но мне надо отлучиться на неделю...

— Ты что меня за идиота держишь!!! — взорвался Рибигуд.

— Нет за сына моего старого друга, который нуждается в помощи — спокойно глядя в глаза королю, ответил Амадо.

Сам не зная почему Рибигуд моргнул, смахивая накатившую слезу. Монарх чувствовал, что Родриго его не обманет, человек будет биться рядом с ним до конца.

— Со своей стороны обещаю, что откушу для тех, кто придет тебе на помощь, доспехи и оружие. Лучшие из тех, что вам когда-либо приходилось создавать.

— Если помогут, откуем, но только в количестве один комплект в руки... — начал торговаться король, истинный сын своего отца, наследник торговых традиций гномов.

Его расчеты прервал хохот Амадо. Человек загибался от смеха, король уставился на него не понимая причину неожиданного веселья. Затем на лицо Рибигуда напозла улыбка, перешедшая вскоре в дикий хохот.

— Ну не могу я пересилить свою природу! — оправдывался король сквозь смех.

***

Ворота Батры сотрясали удары стенобитной машины, уже неделю шла борьба за королевство Иргам. Оба рубежа обороны пали. Карамант не считался с потерями, его копейные отряды и тяжелые мечники, стояли под стенами древней столицы. Рибигуд видел их стройные ряды сквозь бойницы городских стен. Время от времени мимо пролетали стрелы, иногда с шумом ударялся болт, пущенный чьей-то умелой рукой из арбалета. Стрелометы работали безостановочно уже сутки, тетивы не выдерживали, стрелы подходили к концу. Погибло много людей, но пришло еще больше. Король и подумать не мог, что людей так много, они напоминали ему гигантских, железных муравьев.

Разрушенные машины заменялись новыми, откуда столько денег, удивлялся Рибигуд.

Торгаши Даноста ссудили — пришла догадка.

Сдавать город нельзя, за столицей шли слабо защищенные городки, кузни, поселения горняков все это погибнет если люди прорвут оборону Батры.

— Где этот чертов Амадо, сегодня уже восьмой день, а этого труса все нет — в отчаянии думал король.

Каменные ворота дали трещину. Телохранители увели Рибигуда со стен, и не давая остановиться потащили к тайному выходу из столицы. У ворот дворца монарх растолкал телохранителей и грозно сверкая очами, прикрикнул на воинов.

— Отставить!!! Подать Вашему королю молот, и следовать за мной!!!

— Нельзя Ваше величество, вы погибните, погибнет королевство! — твердо ответил Дидрик, глава личной охраны монарха, протягивая фамильный молот королю.

— Не говори глупости, у меня трое парней, кто-нибудь да унаследует королевство! — оборвал его Рибигуд.

Мощные руки монарха вырвали молот у растерянного Дидрика. Глава королевской охраны что-то попытался сказать, но король, не слушая телохранителя кинулся к городской

стене, где влился в поток воинов, схлестнувшихся с первой волной людей, прорвавшихся за стены. Гигантские крючья сбрасывали назад приставные лестницы, полилась нефть. Огонь охватил воинов Караманта, посеяв панику в рядах противника. Люди откатили от стены. Еще долго стонали в лазаретах заживо сожженные, их крики раздирали душу и осаждавших, и осажденных, напоминая о той участи, что приготовила для них война.

Гномы Батры на руках снесли короля со стен, сотни голосов кричали в унисон.

— Слава Рибигуду!!! Слава королю!!!

Обалдевший монарх ощерился улыбкой кретина, обводя глазами свое немногочисленное войско. Охрана быстро отбила патрон, и увела Рибигуда в королевский дворец.

Тревожная ночь, опустилась на город. Утомленные гномы спали как убитые, лежа вповалку, кто где упал. Тишину ночи разорвал, оглушающий крик, тысячи глоток слились в едином кличе, разливаясь по улицам столицы.

— Люди!!! Прорвались!!!

Охрана тащила ничего не понимающего Рибигуда в подвал дворца, надеясь вывести короля из гибнущего города. Проход оказался занят, навстречу телохранителям полетели стрелы, затем выбежали солдаты Караманта.

— Нас предали!!! Спасай короля!!! — кричала охрана, закрывая собой Рибигуда.

Десять воинов стояли насмерть, закрывая его от стрел и копий противника. Бешенная рубка, остановила людей. Телохранители спешно заваливали проход, кто-то потянул короля обратно во дворец. В приемной зале Рибигуд подошел к окну, его взгляду предстал разгром, какого Батра еще не знала.

Сотни трупов жителей, мелькание воинов Караманта, крики и жалобные мольбы, первые пожары, убийства и кровь.

Рибигуд отошел от окна и опустил на трон, его королевство пало.

Немного погодя с улиц донесся шум битвы. Сначала сливаясь с общим грохотом грабежа, прозвучали команды на незнакомом языке, затем грохнул единый шаг сотен ног. Непривычные звуки вырвали Рибигуда из задумчивости, он снова выглянул в окно.

В город входили воины в необычной броне. Четко выверенным шагом они подходили к растерянному врагу. Шеренга, выставив копья, и прикрываясь большими круглыми щитами одновременно подступила к воинам Караманта. Узкие жала, едва заметно глазу, заскользили в разные стороны, ударяя в незащищенные места врага. Попытки сопротивления натыкались на лес копий, способный легко остановить любую атаку. Бросалось в глаза, что воины только из боя, их оружие, щиты и броню покрывали грязь и кровь.

Умело разбиваясь на отряды, копейщики зачищали город от солдат Кейста. Воины Карманта, не веря глазам, сдавались на милость победителей, но неожиданные союзники в плен не брали. Точные удары копий, и добивающие клинки быстро сокращали численность врага. В зал ворвались, с одного входа рыцарь в зеленом плаще и золотистых доспехах, с другого солдаты Караманта, проникшие в чертоги через подземный вход.

Не останавливаясь, рыцарь в зеленом плаще пробежал мимо короля и врезался в гущу врагов, стрелы с неприятным дребезжанием отскочили от торса человека. Следом за зеленым рыцарем в зал ворвались алкмейцы, особенно выделялся один, огромного роста. Копье гиганта пробивало врагов на вылет, а сверкание голубых глаз вызывало у захватчиков ужас. Копейщики закрыли круглыми щитами короля гномов, собравшись в подобие черепахи. Крефейские гоплиты, наполнили чертоги подземного короля, вытеснив на ступени дворца бойцов Караманта.

— Кто это? Кого ты привел? — с восхищением спросил Рибигуд, едва выдалась минута затишья.

— Лучшие войны юга, алкмейцы. Перед Вами сир, василевс Лефтерсис Алкмейский — представил голубоглазого гиганта Амадо. Смущенный грозным видом новообретенного союзника Рибигуд, слегка склонил голову в знак приветствия.

Утро вскрыло весь ужас ночного погрома. В город пришло войско, собранное со всего Иргамы. Ополченцы, большей частью из глубинки, не скрывая слез смотрели на участь столичных жителей, которых тихо ненавидели в мирной жизни. Короля они приветствовали воодушевленно и в порыве патриотического чувства принесли клятву отдать свою жизнь за Рибигуда и Иргам. Ждать с исполнением клятвы не пришлось, новая волна войск Караманта подошла к Изумрудным вратам.

В рядах противника Амадо заметил воинов в характерных вороных доспехах. Всадники Железной долины, они пришли, но как союзники их врага. Тут же стояли ровные шеренги войск Даноста, и Лампеды, на противоположном краю расположилась конница Сальяда, славившаяся своим рыцарством.

Напротив, выстроились длинные ряды алкмейцев, их копья оцетинились в сторону врага, по флангам встали ополчение гномов. Утром прибыли ветераны с Прохода предков, ворот ведущих в глубины Тенафара. Запертые много веков назад, врата все так же продолжали охраняться гарнизоном крепости Утлый рог. Рибигуд определил ветеранам место по краям армии алкмейцев. Их редкой прочности броня, и оружие, не имели себе равных среди войск человеческих королевств, что в купе с выучкой позволяло опытным бойцам стоять как скала, не давая шанса противнику разрушить фланги.

Армия Рибигуда закрыла пролом Изумрудных врат, лишив противника маневра и одновременно увеличив глубину фаланги. Хельма определили в ряды ветеранов, он едва успел оправиться от событий в Батре. Во время прорыва врат столицы, Крамвуд получил стрелу в бедро, Мая поставила свекра на ноги, но последствия ранения не позволили Доварду старшему выйти к Изумрудным вратам вместе с сыном. Перед глазами все еще стояла толпа воинов Кейста, осадивших его дом, перекошенные лица охраны и испуганные глаза жены и матери. Теперь Доварду младшему предстояло отстоять жизни своих близких, защищая границы чужого королевства.

Рибигуд с удовлетворением отметил про себя, что несмотря на все его подозрения Родриго Амадо исполнил свое обещание, привел помощь. Новые воины вызвали у монарха живой интерес, особенно их тактика. Рибигуд попросил оставить в его королевстве нескольких военачальников алкмеев дабы научиться их воинской премудрости. Алкмейский царь любезно согласился предоставить помощь случайному работодателю за соответствующую оплату.

Из-за рядов фаланги вышел Амадо, на плече человек нес андландский меч. Легко преодолев участок, усыпанный битым камнем, рыцарь подошел к рядам противника и прокричал.

— Меня зовут Родриго Амадо, я посланник короля Рибигуда правителя Иргамы, Изумрудных холмов и Священного города предков, вверенного ему остальными подземными королями для защиты!!! Король требует, чтобы вы покинули его земли!!! И навсегда оставили народ Иргамы в покое, иначе Его Величество принудит вас исполнить его волю!!!

— Дабы Вас не вводила в заблуждение наша малая численность! Предупреждаю! На стороне короля Рибигуда его союзник Лефтерсис Алкмейский, с отборным войском копейщиков юга. Для тех, кто не знает, именно Василевс Лефтерсис остановил эльфов под стенами великолепных Алкмей.

Отведите войска, или мы атакуем!!!

Рыцарь развернулся и пошел к своим. Вперед выехал всадник в дорогих доспехах, и черной меховой накидке, на голове его красовалась корона. Утонченность и особая аристократическая манера поведения, выделяли рыцаря среди прочих.

— Угрозы, угрозы и ничего более, сегодня мы наконец получим то, что принадлежит моей семье по праву!!! Вернем рудники наших прадедов, и накажем жадных гномов!!! Каждый воин получит свою часть добычи, и гномов-рабов. Тем, кто покажет себя героем будут присвоены дворянские титулы, и пожалованы земли с крестьянами. Вам есть за что воевать, там ваше будущее величие!!! — всадник указал рукой на ворота Иргамы.

Воины отозвались дружным эхом, приветствуя посулы монарха.

От рыцарей Железной долины отделился всадник. Откиннутое забрало обнажило седую, задиристую бородку. Неспешно проехав перед рядами воинов Караманта, он остановил лошадь, немного не доезжая до короля Кейста. Навстречу всаднику выдвинулись трое, закрывая доступ к монарху. Рука рыцаря долины вытащила из-за пояса кошель и швырнула под ноги королевского коня, потом также неспешно рыцарь вернулся к своим порядкам. Громогласная команда разлетелась по рядам всадников в вороненных доспехах, и рыцари Железной долины развернули скакунов. Они покидали узкую площадь перед Изумрудными воротами Иргамы, исчезая в тучах поднятой пыли.

— Предатели!!! Труссы!!! Вам нельзя верить!!! — прокричал всадник в черном, во след удаляющимся рыцарям.

Развернув лошадь, командир Железных всадников вернулся к Кейсту.

— Кейст ты обманул нас! Ты сказал, что гномы пали и тебе нужно, чтобы мы закрыли выходы из-под земли. Воевать же с армией алкмей, уволь, это совсем другие деньги!!!

— Так за чем дело стало, Армин! Я вам заплачу! Помоги мне, и я озолочу твоих рыцарей!!!

— Я не решаю такие вопросы, обращайся в Совет Десяти, он принимает решения, я же только исполняю, а сейчас прощай!!! — ехидно процедил Армин Карната, командующий войсками Феррочи. Не прощаясь, он развернул лошадь и пришпорив скакуна, последовал за покинувшим поле боя войском.

Оглушающий гул рога гномов Иргамы, застал Кейста врасплох, король спешно вернулся к войскам. С развалин башен Изумрудных врат в ряды копейщиков Караманта влетели огромные стрелы, пробивая по несколько человек сразу. Кейст приказал, наступать. Первыми сдвинулись гномы Даноста, они мерно шагали, сохраняя равнение. Воины, плотно сдвинув щиты пытались укрыться за стеной из стали, но стрелометы выкашивали по десятку бойцов за выстрел.

Заговорили метательные машины со стороны Караманта. Каменные ядра поначалу не долетали, затем пристрелявшись стали бить все точнее и точнее. Однако попасть по противнику оказалось не так просто, гномов Иргамы прикрывал каменный козырек Изумрудных ворот. Тогда камнеметные машины начали бить по скале над обороняющимися, откалывая все более крупные куски породы. Падая, камень давил воинов, еще даже не успевших вступить в бой. Защитники отступили внутрь, сузив фронт наполовину, и укрывшись в глубине скального прохода. По козырьку пошла трещина, оглушая равнину сорвался огромный участок горы, рассыпаясь на массивные глыбы он осыпался перед входом. Теперь войска Рибигуда закрывала высокая гряда рваного камня.

Фаланга Алкмей оказалась отрезана от основных сил Иргамы, ломая построение воины

испуганно обернулись на грохот позади. Заиграли флейтисты, алкмейцы взбодрились, ряды выровнялись, возвращая неуязвимую монолитность копейного строя. Впереди показались войска Даноста, обстрел прекратился. Гномы не спешили, сейчас им ничто не угрожало, стрелометы противника размазали ядра камнеметных машин Кейста. Перестроившись даностийцы ринулись в атаку, они быстро достигли первых рядов фаланги.

Кейст приказал выдвигаться войскам Караманта, а следом и войнам Лампеды. Конницу король оставил в резерве, на случай если пехота побежит.

Даност встретил достойного противника, гномы падали, пораженные копьями алкмейцев. Мощная броня оказалась бессильна против копейного строя хорошо обученных воинов, спаянных единой целью, и железной дисциплиной. Потери с обеих сторон росли по мере прибытия новых войск, особенно страшный урон нанесли алебардисты и двуручники Лампеды. Неистово врбаясь в ряды фаланги, они убивали алкмейцев и тут же гибли, оказываясь против нескольких противников сразу. Заиграли флейты, фаланга сделала шаг вперед, пораженные копьями воины Караманта упали, алкмейцы переступили через них и сделали еще один шаг.

Воины Кейста постепенно начали сдавать позиции, и численный перевес превратился в минус. В образовавшейся сваре люди топтали друг друга. Паника охватила пехоту, побросав оружие, толкаясь и мешая соратникам вести бой, карамантцы побежали. Беглецы гибли сотнями, пронзенные узкими жалами копий фалангистов. Слабая броня алкмейцев, компенсировалась отточенным навыком боя в строю. Каждый шаг фаланги наносил страшный урон противнику, благодаря слаженным действиям всех копейщиков.

Вскоре потери фаланги стали уменьшаться, пока не сошли на нет, в то время как потери Караманта выросли. Каждый шаг, и выпад копья достигал цели, первые ряды копейщиков перешагивали через раненных и убитых, а идущие следом добивали лежащего врага короткими мечами.

Кейст ударил во фланг, в том месте, где стояли ветераны гномов. Хельм с ужасом наблюдал как огромные лошади, закованные в сталь, неслись на полном ходу к их отряду. Земля содрогнулась под ногами сотен лошадей. Мощный удар, первые убитые, сломанные копья, пробитые тела. Король Караманта воспользовался тем, что войска Иргамы вышли из узкого прохода на открытое поле, для того чтобы нанести сокрушающий удар во фланг врага. Мертвые лошади, всей тяжестью падавшие на не успевших отойти в сторону воинов, давили гномов насмерть. Под Кейстом пал скакун, его подхватили телохранители, и поволокли прочь. Король сопротивлялся, ему подвели нового коня, вскочив в седло монарх развернулся для очередной атаки. От неожиданности Кейст остановился, его войска уже не было.

Воины короля в панике бежали, спасая свои жизни, их нагоняли алкмейцы. Копейщики добивали беглецов резкими ударами копий, и коротких мечей.

В отдалении бесновался рыцарь в золотом, он сносил головы, разрубая и расшвыривая в стороны врагов длинным мечом с молочным клинком. Его, в чем-то идеальное тело, быстро перемещалось от одного очага сражения к другому, разя без пощады, и сомнений. Взгляд короля оторвался от Амадо и только теперь он заметил, что ветераны Иргамы бегут к нему, оглашая округу торжествующими криками. Вот там позади изготовился ополченец с луком, он целит в него.

Конь дернулся и Кейста потащило следом за Аугусто Виолой. Рыцари окружили короля и не давая никому приблизиться, и потащили монарха прочь с поля боя. Телохранители закрыли собой короля от стрел и назойливых коротышек из Иргамы.

Спустя полтора часа бой кончился, последними сдались ветераны Даноста. Хельм оглянулся на долину перед Изумрудными воротами, все пространство, сколько хватало глаз, усеяли тела, мертвых и раненных. Время войны закончилось, пришло время резни и грабежа.

***

Воины алкмей ходили по полю боя и добивали раненных, по ходу обирая поверженных врагов, право грабежа отдали заморским союзникам. Желая ограничить поводы для раздоров, Рибигуд увел гномов к столице. Хельм устало брел среди ветеранов, седые воины негромко возмущались, их отодвинули от дележа добычи и этот факт омрачал радость от победы. Он поднял глаза и на секунду встретился взглядом с Амадо. Гнома передернуло, он не узнал бы рыцаря, если бы не его броня. Лицо человека осунулось, а темные туннели глаз горели внутренним огнем. Во взгляде чужака появилось что-то не человеческое, вечное. Родриго узнал Хельма и поклонился гному, тот машинально ответил, и порывисто отвернулся.

— Это не человек, это что-то иное. Я боюсь за тебя, когда ты рядом с ним. Он притягивает зло..., или даже смерть ... — вспомнил он слова Май, когда вернулся из Риена.

Теперь он понял, о чем говорила его жена, и дал себе зарок больше никогда не иметь дел с чужаком. А сейчас он спешит домой. В свой уютный дом с женой, сыном и любящими родителями, остальное уже не важно.

По пути он встретил Гуннара, и дорога стала веселее. В беседах время текло много быстрее и главное незаметнее. Гуннар имел огромный опыт в военных делах, жизнь не раз испытывала командира столичной стражи. В редкие минуты отдыха, сидя у костров, старый воин поведал молодому товарищу много удивительных историй. Потом снова следовал марш к столице, и становилось не до разговоров.

Батра приходила в себя. Звонкий стук молотков каменотесов, дымящиеся кузни, крики бригадиров все говорило о кипевшей в городе работе. Ополчение, оставшееся в городе, активно возвращало столицу Иргаме к жизни. Местные жители, побросав работы встречали вернувшихся с войны. Женщины голосили, а малолетние неслухи носились меж взрослых громогласными ватагами, играя в войну, и радуясь возможности нарушать скучные правила взрослых.

Дома героя ждали. Теперь даже Ханна не сомневалась, если невестка сказала, что придет Хельм, значит так и будет. Недоброжелательство хозяйки дома постепенно растворилось. В последнее время отношение Ханны к Мае сильно изменилось, чувство благодарности, за помощь ее любимым мужчинам погасило страх перед иноплеменницей. Жизнь пришла в равновесие, чужачка и впрямь принесла удачу ее семье.

***

Флот Алкмей вошел в гавань ранним утром. Город встречал героев цветами и праздничной процессией. Нарядные жители полиса вывалили на пирс. Радостно звякая до блеска начищенными доспехами, воины высыпали на берег. Новые мифриловые панцири, и щиты сияли серебром под лучами южного солнца, поражая встречающих красотой и качеством. Мастерство гномов привело южан в восторг. Позже, многие поколения воинов с гордостью демонстрировали эти доспехи, как знак особой доблести предка. В отличие от алкмейцев, Амадо пришлось тайком пробираться во дворец василевса. Чужеземец не мог появляться в городе днем. Несмотря на победу в войне с остроухими, за Лефтерсисом сохранялось обязательство выдавать эльфам преступников, которых Эманторан объявил в розыск.

Во дворце, Родриго встретила худенькая Алина. Служанка провела чужеземца в покои эльфийки. В комнате, освещенной лампадкой, света не хватало, и он не сразу увидел Лафну. Девушка сидела подле кровати Элли, и мокрыми глазами смотрела на мужчину, которого так долго ждала. По щекам эльфийки сбежала слеза, губы нервно двигались, то растягиваясь в улыбке, то давя спазму душивших молодую женщину рыданий. Амадо порывисто подбежал к Лафне и встав на колени прижался лицом к ее животу, она расплакалась, содрогаясь всем телом. Словно боясь, что все это лишь видение, Лафна подняла голову Родриго и заглянула в глаза. Амадо нежно поцеловал дрожащие губы, и порывисто обнял тонкий стан девушки, решительно привлекая к себе любимую женщину.

Служанка тихо затворила дверь, и с непроницаемым лицом направилась в покои Софии. Лефтерсис узнал последним о ночной встрече, его гневу не было предела. Василевс кричал, и сверкал глазами на несчастную супругу. София пыталась оправдаться, напоминая, что поступила так лишь из сострадания к несчастной девушке.

— Я очень переживаю за Лафну и ее участь, потому приказала следить за портом. Амадо должен решить, либо он берет Лафну в жены, и отвечает за ее судьбу и судьбу девочек, либо найдет бедняжке подходящего мужа.

— Где он его найдет? — едко поинтересовался царь.

Жена иногда выводила его из себя, своей настырностью и умением переиграть ситуацию так, что в итоге уже он начинал себя чувствовать виноватым.

— Где? Это ты у меня спрашиваешь? У женщины? — взъярилась София.

Лефтерсис покачал головой, и посмотрел на супругу с обреченным видом. Опыт двадцати лет брака подсказывал, что София уже давно все придумала, и теперь проводит положенный ритуал. Итогом, которого, должно стать, его чувство полной беспомощности в домашних делах.

— Ладно не хмурься, Леф. Я уже нашла ей достойную партию, не то, что твой Амадо.

***

Днем состоялся тяжелый разговор между василевсом и Амадо. Родриго вспылил и горячо доказывал, что готов взять Лафну в супруги, на что Лефтерсис тут же парировал.

— А ты готов, похоронить ее и девочек?

Оторопь, что овладела Амадо, испугала даже Лефтерсиса, он смягчил тон, стараясь говорить как можно спокойнее.

— Пойми, вам не дадут жить. Вас найдут и уничтожат, чтобы пресечь самую мысль о возможности подобных прецедентов, в будущем! Ты же сам знаешь, что эльфы ничем не погнушаются, лишь бы прикрыть свой позор. Остроухие не пожалеют ни Лафну, ни ее дочерей! Стоит им только узнать, чей это ребенок, и Элли обречена! Ты готов пойти на такой риск?

Амадо отрицательно покачал головой, в комнату вошел высокий эльф.

— Я не вовремя? — вежливо поинтересовался вошедший.

— Эйлайн вы всегда вовремя — учтиво ответил Лефтерсис.

— Родриго, я много думал о том, как помочь тебе, и нашел наиболее правильное решение. Если господин Эйлайн, конечно, согласится на мое предложение — начал Лефтерсис. — У нас сложилась такая ситуация, что, пожалуй, кроме вас никто не сможет помочь.

— Я заинтригован — улыбнулся эльф.

— У меня уже пять лет гостит ваша старая знакомая Лафна. Дочь Эйлель Аманитель.

— Я рад за девушку. Мне тягостно сознавать, что я мог стать причиной ее несчастий. Все-таки она вторая... — он осекся, и следом сухо добавил. — Первая красавица Эманторана.

— Вы правы, но ситуацию осложняет то, что Лафна понесла дитя, и разродилась в моих чертогах. Ребенок незаконнорожденный, и к тому же наполовину не эльф.

— Тааак — протянул Эйлайн.

— Сейчас никто кроме вас, меня и Родриго, не знает о ее дочери, все думают, что это моя воспитанница. Дочь моего полководца в которой я принял участие, после смерти ее матери.

Эльф насторожился, сжавшись в пружину.

— В Лафне принял особое участие ваш король Дарелиан, но стоит ему узнать истинное положение вещей, и девушку ждет...

— Да. Я понимаю, о чем вы говорите — прервал его Эйлайн.

Лицо эльфа изменилось, от веселости не осталось и следа. Он мрачно посмотрел на василевса, от чего Лефтерсис попятился назад.

— Чей это ребенок? — спросил эльф напрямую.

Лефтерсис попытался уйти от ответа, его прервал Амадо.

— Мой. И мне нужна твоя помощь...

— Ты хочешь, чтобы я взял ее в жены?

— Нет, не хочу, но это единственный способ спасти ее...

— Извини, я не могу — отрезал эльф.

Он подошел к Амадо положил руку на плечо человека, и глядя в глаза произнес.

— Поверь я очень хочу помочь, но не могу. Выбери кого-то другого, любого, только не меня — эльф почти бегом, покинул зал.

— Что с ним? — удивился Лефтерсис. — Не думал, что такие условности как происхождение, настолько заботят Эйлайна!

— Нет, точно не заботят. Здесь дело в другом — задумчиво произнес Родриго.

***

На стук никто не ответил, и человек осторожно вошел в полумрак спальни. Так и не расстеленная кровать пустовала, прикрытая газовым облаком паланкина. Справа, на стойке тонкой работы, выполненной из черного дерева, светилась огромная сабля эльфа, красный ореол, подрагивая, клубился вдоль кромки клинка.

— Эйлайн? — негромко позвал Амадо.

В ответ тишина. Он прошел в соседнюю комнату, но и там никого не обнаружил.

— Станный запах. Очень знакомый, где-то я уже такой встречал — подумал человек оглядывая наполовину обжитую комнату эльфа. Сознание обожгла мысль.

— Старые Копи!!!

В голове забили воспоминания, покалеченные рыцари, и жуткий дед вырос перед его внутренним взором. Амадо понял, что такое Эйлайн.

— Эйлайн, не прячься! Я знаю, что ты такое! — выдавил из себя Родриго, стараясь дышать спокойно.

На плечо легла рука, она мощно рванула Родриго к себе, развернув лицом к белому как полотно эльфу.

— Что ты хочешь от Эйлайна, человек? — спросил незнакомый голос, сочившийся из уст эльфа.

Амадо заглянул в глаза Эйлайна, и увидел, то, что эльф так долго прятал. На него смотрел такой же монстр, что и дед в Старых Копях. Их взгляды встретились, а рука впились в плечо еще сильнее, горящие глаза эльфа вперились в черные пропасти Амадо.

— Мне нужен эльф, верни его — приказал Родриго.

— Его здесь нет, хи, хи, хи — захихикал монстр. — А ты забавный, такой важный, напыщенный, пытаешься приказывать — снова смешок.

— Имя! — приказал человек, его глаза загорелись неживым пламенем. В глазах эльфа, что-то шарахнулось назад, и тут же застыло, более не имея сил двинуться.

— Кто, ты? — с трудом выдохнул эльф, неожиданно высоким голосом.

— Имя! — повторил приказ Амадо.

Рука эльфа безвольно соскользнула с плеча человека. Тело Эйлайна затряслось, лишь голова оставалась неподвижна.

— Отпусти! Человек, я тебя награжу бессмертием! Или, или хочешь, дарую тебе силу, и ты сможешь одолеть любого врага! Или может ты хочешь знания! Я и это могу...

— Имя!!! — прогремел голос Родриго.

Внутри вновь, что-то шарахнулось, прячась в глубине серых глаз эльфа.

— Я не могу тебе его назвать, человек! Ты хочешь меня сделать рабом, но ты же смертный. Мы рождены повелевать, а вы подчиняться, прими данное вам свыше...

Глаза Амадо разгорелись сильнее, монстр взвыл.

— О нет, человек, я..., не хочу..., не хочу...

Игиги Гула!!! — прокричал женский голос, сходя на визг, в котором слились все отчаяние и страх, существа, пойманного жутким человеком.

За Эйлайном показалась красивая дева с длинными, черными кудрями. Медленно, против воли она склонилась, опускаясь на правое колено.

— Слушаюсь мой господин! — проговорила она, не в силах отвести глаза.

Амадо смотрел на нее спокойно, почти с отеческой нежностью. Игиги резко вздохнула и поспешно опустила взор.

— Что вас связывает? — спокойно спросил человек.

Девушка подняла на него кошачьи глаза, и тут же вновь уставилась в пол. Изящная рука указала, на горящий в ночи, алым пламенем, клинок Эйлайна.

— Хозяин, нас связывает честный договор! Он звал, я пришла, он просил, я дала, но все в этом мире имеет свою цену, он не хотел платить, я взяла сама — она замолкла.

— Отпусти его, он мне нужен! — приказал Амадо.

— Я не могу — капризно ответила девушка.

— Почему?

— Он умрет, как только я покину его тело! Мы слишком много времени вместе!

— Тогда, ты мне больше не нужна! — глаза человека разгорелись.

Лицо девы медленно, точно против воли, поднялось, взгляд Амадо впился в расширенные от ужаса, кошачьи зрачки Игиги.

— Постой! Я могу, могу, могу, но не так как ты хочешь!!! Он будет свободен!!! — сбивчиво затараторила девушка.

— Что именно, ты можешь?

— Я останусь с ним, он будет бессмертен, но получит свободу! Однако его клинок должен остаться без владельца, если Эйлайн когда-нибудь вновь прикоснется к нему я верну власть над ним.

Амадо задумчиво посмотрел на клинок, затем на древнюю.

— Хорошо! Пусть будет, по-твоему, но если нарушишь обещание...

— Знаю, знаю! Не нарушу! Даже не беспокойся — быстро проворковала Игиги, явно довольная сделкой.

Она поднялась на легкие ноги и разбежавшись влетела в клинок. Сабля вспыхнула, опалив стойку, и постепенно угасла. По спальне разнесся запах древесной гари. Амадо завернул саблю в ткань, позади что-то резко ударило об пол. Испуганно развернувшись Родриго, увидел Эйлана распростертого на полу, эльф пребывал в глубоком забытии. Амадо сел в кресло и бережно положил саблю на колени, осталось дожидаться пробуждения хозяина дома.

***

— Когда это случилось мне едва исполнилось двадцать — рассказывал пришедший в себя Эйлайн.

Шок еще не прошел, он все чувствовал и понимал, пока Родриго изгонял лукавую. По взгляду Эйлана, Амадо видел, что эльф ему безмерно благодарен. Впервые за многие десятилетия в его душе царил покой, покой абсолютного одиночества, принадлежности самому себе. Время от времени в глазах эльфа проглядывал кошачий блеск Игиги Гулы, но стоило Родриго взглянуть, он тут же прятался в глубине.

— Я был молод и амбициозен. Мой край находится за морем, мы из другой ветви эльфов, что разделились еще в период Старших домов. Наш дом один из древнейших, в родовитости я могу потягаться с самим Дарелианом. Старый пройдоха знает об этом, поэтому и пытался меня известить.

В то время я много путешествовал, и мне пришлось заночевать в заброшенном храме. До сих пор не знаю кому он посвящен, а самое смешное не знаю даже кто его возвел.

Уязвленная гордость выгнала меня из родного края, сделав странником, который бежал от всеобщего пренебрежения и насмешек. Я проиграл поединок равному, и он не проявил благородства, победитель унизил меня на виду у всего королевского двора. Тогда я поклялся, что найду способ отомстить обидчику, и всем моим недоброжелателям.

В храме я проснулся от острого чувства, что за мной кто-то наблюдает. Костер давно потух, и лишь тлеющие угли, выхватывали из темноты силуэт молодой женщины. Меня удивило, что здесь могла делать беззащитная девушка, ночью, одна. Поначалу я подумал, что она тоже искала убежища в храме, а я ее испугал.

Когда я заговорил, дева не отвечала, лишь слушала, изредка кивая головой. Так прошло не мало времени. Ночь стала серой, прежде чем Игиги рассказала мне, что она дочь местного колдуна, и что отец сказал ей, будто этой ночью в храм придет великий воин. Отец же ей предсказал, что тот, кого она найдет в жилище бога предназначен ей.

Как ни старался, я не мог разглядеть ее лица. Вроде человек, а вроде и нет, но точно не эльф. Я попытался вновь разжечь костер, но Игиги так бурно запротестовала, что я даже смутился. Любопытство распяляло мое воображение, а молодость влекла к незнакомке.

Дева погадала мне по руке, нежно касаясь ладони тонкими пальцами. Они у нее точно прохладный ветерок, что холодит кожу в предвечерних сумерках. А затем рассказала о всей моей жизни, семье, и позоре, постигшем меня на родине. Ее слова были так вкрадчивы, и нежны, так тактичны, тогда она мне казалась самым близким другом. Я открылся незнакомке.

Мы проговорили до утра. Уже светало, когда она предложила мне помощь, обещая, что

я смогу вернуть свое доброе имя, и даже более, стану великим воином, не знающим поражений.

Я был молод, и наивен. Трижды она меня просила, произнести мое желание, а после преподнесла клинок, что лежит у тебя на коленях. Игиги назвала его Гула, тогда я не знал, что это значит, а она мне солгала, сказав, что имя клинка переводят как «Крадушый печали».

— Она сказала правду, но не всю — тактично поправил Амадо.

— Наверное, не знаю. Вскоре я погрузился в сон, а когда проснулся девушки нигде не было. Чувство одиночества жгло мое сердце, словно я потерял самого близкого человека. И с тех пор я стал великим воином.

Вернувшись в Айлрам, столицу моей родины, я быстро расправился с обидчиками. Поначалу не замечая, что подпал под власть клинка. Пока однажды не понял, что Крадушый печаль убивает помимо моей воли. У меня не было желания известить семьи обидчиков, но клинок снес и их головы.

— Они желают мести — этим я оправдывал свою жажду крови.

Чем дальше, тем больше. Жажда становилась все сильнее, я не мог противиться воле клинка, поэтому использовал саблю каждый день.

Тогда началась моя борьба с ней. Отказ от участия в турнирах не избавил от желания убивать, единственным выходом оставалась война. В походах я провел пятьдесят лет, и совсем забыл о власти клинка. В условиях непрерывной резни, чувство ненасытности притупилось. Я не заметил, как стал легендой. Меня боялись и друзья, и враги, даже родственники сторонились.

Война закончилась, и пришло время вернуться домой. Мне подобрали невесту, я женился. Несколько десятилетий жажда не беспокоила мое сердце. У меня родились прекрасные дочери, я их любил... — слезы блеснули в глазах эльфа, но тут же высохли.

— В один из вечеров меня потянуло в зал для фехтования. Сабля привычно легла в мою ладонь, дальше ничего не помню... Меня как поразило молнией, я не принадлежал себе... — повисло долгое молчание.

— В тот вечер... погибли моя жена... и обе дочери... — снова молчание.

Голос изменил эльфу, он справился со спазмой, сжавшей горло.

— Утром я проснулся, и отправился искать их, а когда нашел, долго не мог понять, что случилось. Меня арестовали и приговорили к смертной казни. Смешно, но палач вызвался рубить мне голову моим же клинком. В итоге слетела его голова, а клинок обретя руку хозяина забрал десятки жизней высших сановников королевства. Мне пришлось бежать, и теперь я скрываюсь под именем Эйлайн, это имя моей первой жертвы на новой земле.

Надтреснутый голос эльфа затих, в сумраке комнаты витали образы прошлого. Эйлайн полностью ушел в далекие времена потерянной юности.

— Чтобы не привлекать внимания, я вошел в молодой дом... — вновь заговорил эльф.

— Ты не пытался бороться с этим, или хотя бы выяснить, что с тобой? — удивился Амадо.

— Не пытался? Да я на это потратил не одну сотню лет. Итог всегда был один, кто слишком близко сходил со мной, умирал от моей руки. Много раз я пытался избавиться от клинка, но сабля непостижимым образом всегда возвращалась ко мне, так или иначе, забирая жизни с еще большей страстью.

— Я много раз пытался покончить с собой, но вскоре понял, что бессмертен.

— Тогда, в молодости, я ошибся. Меня вела гордыня и ущемленное самолюбие, и самое

главное страх общественного порицания. Именно этот страх сделал меня рабом, а тварь, что обретается в мече, нашла сосуд, который показался ей наиболее подходящим.

— Ты прав. Мы сами даем им власть над собой. Наши страсти и слабости, вот, то оружие, что позволяет древним до сих пор править жизнью Фанариона. Теперь я понимаю почему тебя так испугало мое предложение. Мне и в голову не приходило, что в тебе живет это — он поднял меч.

Глаза Эйлайна блеснули, и Амадо тут же вернул клинок к себе на колени.

— Именно так — ответил эльф, слабо улыбаясь.

— Твой рассказ, еще более убедил меня в том, что Лефтерсис не ошибся, выбрав тебя, в качестве супруга для Лафны.

— Ты что, не слушал меня?! — возопил Эйлайн, вскочив с кресла.

— Да нет, я как раз внимательно все выслушал, и увидел настоящего Эйлайна. Теперь у тебя всегда будет причина, чтобы держаться подальше от клинка.

— Ну а клинок? — не сдавался эльф.

— Клинок я спрячу, и если Игиги нарушит наш уговор и снова тебе его подкинёт... Она знает... Поверь мне, она слишком хорошо знает, что ее ждет.

В глазах Эйлайна снова промелькнуло шевеление, и скрылось где-то далеко в глубине.

— К тому же нам известно ее имя, и теперь ты можешь повелевать Гулой.

***

Узнав о перспективе брака с совершенно не знакомым эльфом, Лафна наотрез отказалась связывать свою судьбу с кем-либо кроме Амадо. Впервые Родриго увидел в девушке ее мать, такая же не преклонная воля и непомерное упрямство. Лишь после долгих разговоров, и увещаний Софии, она согласилась встретиться с предполагаемым супругом, и то, ничего не обещая наперед. Спокойствие, с которым воспринял встречу Эйлайн, несколько поколебало категоричность девушки, но она не собиралась так просто сдаваться.

Когда ей стало известно об отплытии Амадо, эльфийка заперлась и никого не пускала в покои, за исключением няньки и супруги Лефтерсиса. Лафну душили слезы и гнев, Родриго ушел в море, даже не попрощавшись с ней. Она сгорала от стыда, при одной мысли что придется повесить на чужого мужчину своих детей. Злость на Амадо, еще больше разжигала ее упрямство, она дала себе слово более никогда не иметь дела с мужчинами.

В один из вечеров, Эйлайну все-таки удалось пробиться в покои Лафны.

— Выслушайте меня, о прекрасная Лафна, я не отниму у вас много времени — высокопарно обратился к девушке эльф.

— Вам не стоит тратить ваше драгоценное время на меня — упрямо ответила Лафна. — Видите ли, у меня такое положение вещей, что я не могу себе позволить подвергнуть вашу жизнь, незаслуженным тяготам по содержанию чужих, для вас, детей — не поворачиваясь к посетителю, произнесла красавица.

— Что вы? Не стоит придавать такое значение условностям. Если вас беспокоит вопрос о детях, то смею заверить, они не будут мне в тягость. Я в неоплатном долгу, перед вашим... То есть перед господином Амадо, поэтому почту за честь оказать помощь и защиту его дочерям... — эльф подбирал слова. — И его любимой женщине.

Лафна, не веря своим ушам, резко развернулась к Эйлайну, он увидел ее сердито надутые губки, и строгий взгляд, еще по девичьи наивный, но уже с налетом материнской мудрости. Она показалась эльфу столь милой, что он, позабыв правила поведения в обществе, неприкрыто разглядывал девушку. Лафна покраснела, и машинально прикрылась,

заодно поправив выбившийся локон.

— И чем же вы столь обязаны, моему... Господину Амадо? — с любопытством спросила девушка.

— Я вам как-нибудь расскажу, позже, а сегодня я вам вновь предлагаю стать моей женой. И да, кстати, вот письмо от господина Амадо, он мне его передал, когда... В общем, когда мы прощались, он предполагал, что вы так отреагируете, и поэтому просил меня в крайнем случае воспользоваться этим посланием.

Девушка с нетерпением выхватила письмо из рук эльфа, и взломав печать, вчиталась.

«Дорогая Лаф, прости что не могу с тобой попрощаться, но обстоятельства выше моих желаний. Сегодня стало известно, что эльфийские ищейки напали на мой след, и я вынужден бежать от тебя и наших дочерей, в очередной раз спасая свою жизнь.

Это обстоятельство разрывает мне сердце, однако со мною вы всегда будете в опасности. Любое подозрение об истинном положении вещей чревато для тебя и Элли, поэтому мне приходится просить моего искреннего друга, прикрыть вас своим чистым именем, и безупречным происхождением. Прошу тебя, любимая, прими предложение Эйлайна, это упрочит твое положение в обществе, и позволит без опаски воспитывать наших детей. Брак единственная возможность сохранить твою честь от любых кривотолков, а мне облегчит и без того тяжелые скитания.

Твой Родриго Амадо, вечно любящий, и стремящийся вернуться в твои объятия.

Поцелуй от меня Лан, и Элли, скажи девочкам, что я их люблю. Как только будет возможность сразу же воссоединюсь с вами. Навсегда ваш Родриго Амадо».

Она еще раз прочла письмо, сомневаясь, что правильно поняла смысл заключенный в строках, затем подняла темный от гнева взгляд на Эйлайна. Эльф сдержано улыбнулся, девушка выдохнула и спросила.

— Где он сейчас?

— Мы не знаем — ответил Эйлайн.

— Тогда я буду его ждать, чтобы он мне лично, в глаза, сказал, то, что так трусливо передал письмом — сдержано произнесла Лафна, отворачиваясь, чем дала понять, что аудиенция окончена.

Неожиданно Эйлайн приблизился к девушке, и наклонившись к самому уху прошептал.

— Ты хоть понимаешь, что он отказывается от брака с любимой женщиной, для того чтобы спасти тебе и дочерям жизнь. Думаешь он намеренно с тобой не попрощался, нет девочка, его едва не убили на причале. Стрела пролетела на палец в сторону от его лица. Пойми, если ты будешь и дальше медлить, то скрыть истинное положение вещей станет невозможным, и я уже не смогу тебя защитить. Убийцы Эманторана всегда будут преследовать и тебя, и детей, пока вы не погибнете одна за другой. Ты этого хочешь? Для себя, для детей... для Амадо.

Девушка испуганно застыла. В немом оцепенении она просидела достаточно долго. Устав от ожидания Эйлайн пошел к выходу, и уже в дверях услышал.

— Да!

Вечерний сумрак быстро опустился на округу. Свежий хруст снега под копытами лошади успокаивал. Немного впереди, на другой стороне замерзшей реки, чернел силуэт замка. Стража долго не пропускала Амадо внутрь, не помогал даже пропуск, полученный в Железной долине. Пока не появился сын владельца замка, он приказал открыть ворота. С недоверием глядя на рыцаря без геральдики, Яков Злотницкий внимательно изучил документ, предоставленный ему в качестве доказательства полномочий охотника за головами.

— Железная Долина совсем обнаглела, уже посылает к нам своих держиморд! — багровея лицом, возмутился барон. — Ты кто? Почему мне не знакомо твое лицо? И почему одет как рыцарь? Где герб рода? Вообще ты какого происхождения? — посыпал вопросами барон.

— Мое имя вам вряд ли, что скажет господин барон. Я Родриго Амадо, из Амората, происхождения дворянского, но из обедневшего рода!

— Ну и что ты хотел от меня? — выпятив губу спросил Яков.

— Ваше Сиятельство — лицо барона выражало крайнюю степень удовлетворения, польщенная улыбка напознала на напыщенное лицо. — Я хотел осмотреть покои вашего отца, поскольку много дней занимаюсь поисками группы убийц причастных к покушению на вашего многоуважаемого родителя.

— А что тут искать? Убили. Я буду скорбеть по отцу, а что до убийц так бог все видит. Убийц ждет справедливое наказание. А вы мил человек, шли бы отсюда, и не лезли в дела благородных семейств.

В глаза бросалось, что смерть «любимого родителя» нисколько не огорчала потомка. У Амадо даже возникло подозрение, а не приложил ли руку благородный наследник к гибели своего отца. Однако поразмыслив решил, что вряд ли он причастен к убийству, поскольку Яков оставался единственным наследником, да и глуп как утка, чтобы провернуть подобное мероприятие не вызвав подозрения.

Тем временем Родриго вежливо, но настойчиво выпроводили за ворота, и ему пришлось остановиться в сельской корчме «Старый лис». Корчма располагалась на краю захудалого сельца, с говорящим названием Грязные тупики, которое притулилось одним краем к каменному замку, а другим к обрывистому берегу реки. На его расспросы местные землепашцы отвечали односложно и без желания. Ощущалась атмосфера запуганности и террора. Амадо уже отчаялся что-либо выяснить, когда к нему подсел коротышка в черном непромокаемом плаще, по всем признакам гном из Даноста.

— Вы интересуетесь убийством в замке? — спросил он низким прокуренным голосом, выстукивая трубку о край грубо слепленного стола.

— С кем имею честь? — подозрительно глядя на собеседника проговорил человек.

— Дулин из Седых гор, охотник за головами, как и вы полагаю — сдержанно ответил гном.

— Правильно полагаете, Родриго Амадо, работаю по лицензии Железных королей — представился рыцарь.

— А меня наняли эльфы. Я здесь болтаюсь уже не первый день и мне удалось кое-что выяснить. Могу поделиться, но с условием, что вы составите мне компанию в этом деле. Я

вижу у вас неплохая броня и оружие бывалого воина, мне бы пригодился еще один меч — хитро глядя на человека произнес коротышка.

Амадо не сомневался, что гном врет как сивый мерен, рассчитывая на то, что перед ним очередной наземник, не знакомый с культурой гномов, и видевший их лишь в городских торговых факториях. Но здесь хитрец промахнулся, на его пути попался один из тех, кто разбирался в культуре гномов лучше ее носителей. Хорошо зная символику орнаментов украшавших одежды гномов, Амадо мог сходу определить к какому роду относиться его собеседник. К тому же дикий говор гнома из Даноста, специфический, совершенно не похожий на наречия остальных родов подземных жителей, резал слух. Оставалось гадать, где еще соврет его новый знакомый. Успокаивало, то, что и Родриго не оставался в долгу. Разыгрывая неопытного новичка, он внимательно изучал навязчивого коллегу.

— А с чего вы решили, что я хороший воин? — спросил рыцарь. — Из замка меня выпроводили под предлогом недостаточной родовитости.

— Яков, что ли? Он дурак, не обращай внимания — при этих словах гнома, местные стали расползаться подальше от охотников за головами. Стараясь всячески показать, что они не поддерживают охальников.

— Нам и не надо в замок, все есть тут. Я на днях... гном себя оборвал, видно было, что он поймал себя буквально за язык. — Так вы согласны, составить мне компанию? — поинтересовался он деловитым тоном, при этом его непосредственность и открытость исчезли, сменившись закрытой официальностью.

После недолгого раздумья Амадо махнул головой в знак согласия.

— Так вот, я тут пообщался со знахаркой, что живет на окраине деревни. Так она мне поведала, что в ночь убийства. В березовой рощице, там с западной стороны, стояли всадники. Ближе к трем утра они ушли в направлении Амората. Так я поразмыслил, вряд ли это совпадение. Как думаете, господин рыцарь?

— Думаю, что ты прав — задумчиво ответил Амадо. — Есть смысл поискать в том направлении. След, конечно, не возьмем, снега навалило, а вот местные могут, что-то знать. Не люблю я Сальяд с его вечным холодом и снегами по колено — с заметным раздражением произнес человек.

— Я тоже так решил. Вот только для одного, это не подъемная работенка, поэтому и застрял в этой дыре — гнома передернуло. Дулин порядком захмелел, и по его молодому лицу гуляла блаженная улыбка.

— Хорошо Дулин с Седых гор, сегодня уже поздно, ночь здесь проведем, а с утра двинемся в путь. Советую выспаться. Снова отдохнуть нам придется не скоро — с этими словами рыцарь, подозвал корчмаря, и приказал подготовить комнаты.

***

След вел все дальше на юг, к границам Амората. Подъезжая к небольшому селу Крапивинка, путники попали в метель, и чуть не сбились с дороги. Проплутав пару часов, они благополучно добрались до местной корчмы, огонек которой случайно заметил Дулин. Глядя на убогую хижину, Амадо простился с возможностью получить полноценный ночлег, однако оставалась надежда хотя бы на сытный ужин.

Путники долго стучали в запертую дверь, в какой-то момент они даже решили, что в помещении никого нет. Гном грязно выругался, расходясь не на шутку, он пнул ветхую створу ногой со всей силы, секунду спустя дверь со скрипом отворилась. Из помещения потянуло кислым запахом плохо проветренной комнаты. Впалые глаза корчмаря, сонные, и

круглые как у дневного филина с удивлением смотрели на посетителей. Ночной колпак, острым концом, ниспадающий на нос, и мятая рубаха говорили, что на еду рассчитывать не стоит, их никто не ждал.

Амадо подвинул корчмаря рукой и пройдя внутрь спросил.

— Что ж вы, батенька, так плохо встречаете гостей?! Еле достучались!

— Еще немного и я бы вынес дверь — проворчал Дулин глядя исподлобья на перепуганного корчмаря.

— Да что вы батюшки?! Разве ж я со зла?! Вы же видите, что у нас тут твориться? — испуганно замигал сонными глазами корчмарь.

— А что у вас тут твориться? — удивился Амадо, оглядываясь вокруг, и пытаюсь определить, о чем говорит хозяин корчмы.

— Так, чума у нас благородные господа! — еще более удивленно пробормотал корчмарь, полагая, что это должно быть известно всем.

В повисшей тишине заскрипел сверчок, путники переглянулись.

— Вот это заглянули на огонек! — протянул Родриго.

Гном силился что-то сказать, но лишь открывал и закрывал рот, при этом хлопая выпученными глазами.

Они просмотрели предупреждение об опасности, наверняка где-то перед сельцом висел белый крест на шесте, но метель, будь она неладна, ослепила их и буквально загнала в смертельную ловушку. Вздохнув Амадо присел не скамью.

— Теперь делать нечего! На улице бушует стихия, а нам нужно где-то переждать метель! Так, что корчмарь пошевеливайся, нам надобно горячего и постель приготовь! — скомандовал он.

— Здесь чума! — возмутился Дулин.

— Мы и так уже могли заразиться, теперь торопиться некуда. Поэтому предлагаю заночевать в этой корчме, по крайней мере под крышей, да и пожрать чего-то надо — обратился Амадо к Дулину. — А ты чего стоишь?! — прикрикнул он на корчмаря.

Корчмарь засуетился, разжег печь и растолкав сына погнал его в подвал за продуктами. Через час путники с удовольствием поедали свежее варево. Гном с остервенением вгрызлся в солидный кусок мяса, прихлебывая пиво из большой глиняной кружки.

Разомлев от тепла и сытной еды, гости расползлись по скамьям, и корчма вновь погрузилась в сонный полумрак.

***

Под утро в дверь вновь забарабанили. Хозяин, постанывая, сполз со своего ложа за печью, и поплелся к двери кляня сквозь зубы злодейку судьбу. Стук становился все настойчивей.

— Иду, иду!!! — прогнусавил он в ответ на настойчивость раннего посетителя.

За дверью оказался рослый мужик в тулупе, и ушастой зимней шапке, из-под которой выглядывала седая, окладистая борода, и орлиный нос. Острый, пронизывающий взгляд ледяных, серых глаз быстро обежал окружение, и остановился на желтом лице корчмаря.

— Что ж это ты честных людей морозишь? На улице деревья трещат, а ты тут спишь как суслик в норе — весело проговорил незнакомец вместо приветствия. — Не топлено, что ж за хозяин такой, давай-ка я тебе подсоблю — человек быстро огляделся, схватил тяжелый колун у печи и быстро шагнул за дверь. Четверть часа спустя он вернулся с охапкой дров. С шумом свалив их у печи, подхватил кочергу расшевелили остатки улей и начал заправлять

печь.

— Ну что смотришь?! Давай собирай продукты! Готовить будем, а то держишь гостей впроголодь! — он махнул головой в сторону Амадо и его спутника.

Корчмарь, обалдев от напора заезжего шустрилы, молча притащил куль с крупой, и тупо уставился на мужика в тулупе, ожидая дальнейших указаний.

Весело затрещали дрова, загремели кастрюли. Мужик в тулупе суетился возле печи, пристраивая все на свои места.

— А что батенька не найдется ли у тебя, чего посерьезнее пустой крупы?

Корчмарь вскинул брови от такой наглости, но промолчал, и нехотя направился к леднику, откуда вскоре вернулся со свиным окороком. Мужик выхватил из его рук мясо, и ловко орудуя ножом, настрогал ледяшку тонкими лепестками в кипящую воду. Порывшись в суме, хозяйственный гость извлек свертки с различными травами и кореньями. Быстро перебирая их и что-то бормоча себе под нос, мужик разминал сушеные листья между пальцами и ссыпал в варево. По помещению разлился необычный аромат. Рот путников наполнила слюна, по желудку Дулина прошла голодная спазма. Одурающий запах трав выедал затхлую атмосферу немой корчмы. Болезнь точно отступила, по крайней мере здесь ее власть закончилась.

— Как тебя зовут? — бросив взгляд через плечо на корчмаря спросил шустрый.

— Афанасий — как-то растерянно ответил хозяин ночлежки.

— Афанасий ты совсем запустил свое заведение, разве так можно — корчмарь огляделся, как будто в первый раз увидел неухоженный общий зал.

— Фекла убирала... Мне теперь, одному приходится — попытался оправдаться Афанасий, привычно берясь за метлу, но хозяйственный гость остановил его.

— Брось, садись отведай моего варева. Отведай, отведай — настоял он, прерывая попытки Афанасия отказаться. — Поешь полегчает.

Афанасий нехотя присел за общий стол, на скамью подле Дулина. Секунду смотрел на миску с супом, затем осторожно поднес ложку к губам, и после некоторого колебания втянул в себя пряный бульон. Амадо не поверил глазам, лицо старика разгладилось, а глаза удивленно распахнулись. Он так и сидел с ложкой в руке, глядя перед собой. Слезы крупными каплями катились по лицу корчмаря.

— Поплачь Афанасий, поплачь, горе надо выплакать — участливо проговорил повар. — Ну а вы, чего сидите?! Я для кого готовил?! Налетай пока не остыло! — весело обратился он к путникам.

Родриго присел к столу, зачерпнул из миски, горячий бульон обжег рот. Морщась от боли, он подул на ложку. Затем по рецепторам языка прошла волна, ушедшая далеко в голову, чувство гармонии и удовольствия поглотило сознание. Знакомый вкус какого он не чувствовал много лет. Да много, много лет. Последний раз Амадо ел нечто подобное у себя дома. Тогда они с Рут ходили к метру Думузи. Это тот самый вкус, знаменитый Морковный суп. Многие годы ценители кухни Думузи не могли понять, как же метру удаются такие блюда. Их вкус лечил, дарил счастье, и приносил в сердце уют и гармонию. Кто-то считал это магией, кто-то наукой.

— Мне знаком вкус твоего супа? — проговорил Родриго, слегка помешивая, ложкой, содержимое тарелки.

— Да? А я узнаю, легендарный Пасис — доброжелательно улыбнулся мужик в тулупе.

— Этого не может быть!

— Ну, как видишь может. Ты ешь. Пусть суп напомнит тебе о потерянном доме.

— Ты Думузи? — спросил Амадо.

— Нет. Я работал у него на кухне, но ингредиенты наши, из Менантра — весело подмигнул удивительный повар.

— Ты повар?

— Я медик, и хороший медик. У метра Думузи я учился искусству врачевать пищей. Там меня звали Римант Ори, здесь зовут Педро Купело.

— А где это Менантр? Что-то ни разу не слышал — поинтересовался Дулин, внимательно слушавший разговор земляков.

— Далеко — неопределенно ответил Амадо.

— А, что здесь делаешь? — спросил он Риманта.

— То же, что и на родине, лечу — улыбнулся повар-медик.

— Понятно. Тогда ты там, где нужно. Здесь эпидемия.

— Знаю, потому и здесь. Сейчас рассветет и приступим к мероприятиям.

— Не думал, я, что увижу своими глазами самого Даада. Героя, который сумел повергнуть в небытие жестокого Наргала — пафосно проговорил Римант.

— Я не герой — тихо отозвался Амадо. — Тогда мне повезло.

— Наверное, но ты определенно смелый человек. Даже Непобедимый Ракорд испугался, а ты взял и вышел. Воистину сколько живу, все больше убеждаюсь, что настоящий герой не тот, кто не боится, а тот, кто может преодолеть свой страх. Ты действительно велик, наши воины шли на смерть с твоим именем на устах...

— Хватит!!! — прервал его Родриго, он едва дышал. — Ты не знаешь, о чем говоришь... ты не понимаешь... я..., я... сбежал. Не герой я.

Плечи всегда подтянутого Амадо опустились, глядя в сторону он тяжело задышал.

— Ты сделал, что мог. Главное ты подарил надежду своему народу и веру в победу, а что с тобой случилось после, так мы видели лишь, что ты исчез. Откровенно говоря, многие считали, что Братья тебя похитили, и превратили в слугу, но твоя победа породила героев. Для Братьев, это первый мир, где они потерпели поражение.

— Ты наверно не в курсе, Инвенты победили. Я был у нас, там повсюду смерть — успокаиваясь ответил Амадо.

— Они победили в войне, но сломить дух людей, им не удалось.

— Благодарю тебя за добрые слова Римант, но мне от этого не легче. Поэтому не будем о прошлом. Давай лучше о сегодняшнем дне.

Дулин ничего не понимая, насупился и сурово глядя на компаньона, потребовал объяснить, что здесь происходит. Амадо, с неизменной равнодушием, ответил отказом, сославшись на то, что для гнома будет лучше о каких-то вещах не знать. Римант попытался разрядить обстановку. Медик пояснил Дулину, которого буквально распирало от бесцеремонности Родриго, что они старые знакомые и их пути некогда пересекались, однако с тех пор утекло не мало воды.

— Что будешь делать с эпидемией? — спросил Амадо, резко меняя тему.

— Сперва налажу гигиену...

— Это же грязные дикари, незнакомые с понятием телесной чистоты. Звероватые в своих повадках и обычаях — прервал его Родриго. — На твою заботу они ответят черной неблагодарностью, а после еще обвинят тебя же в колдовстве и мороке, что принесли болезнь.

— Все так — задумчиво произнес лекарь. — Они не знают наук, незнакомы с гигиеной, но мы им обязаны. Эти люди наши предки, они дали нам разум, чувства, жизнь. Думаю, мы им должны. Да и честно скажу мне их жаль, они не виноваты в том, что такие.

— Ну, наверное, это мы с тобой за них решаем, кого они казнят из страха и дремучих суеверий. Человек глубоко порочное и жестокое создание, ничем не лучше безмозглого орка, или хитрого гоблина — гном закачал головой в знак согласия, со словами Амадо. — Их жизнь построена вокруг того, чтобы добыть власть, золото и удовлетворить низменные потребности. Вот небольшой круг проблем, что заботит тех, кого ты называешь нашими предками.

— Ты не видишь всей картины. Это лишь следствия, когда ты узнаешь все, то сам поймешь причины их падения.

— Ну так просвети меня! — с вызовом в голосе вопрошал Родриго.

— Не думаю, что мои слова, что-то решат. Тебе надо самому до всего дойти, но я тебе дам ниточку. Если пожелаешь, то сможешь потянуть и размотать весь клубок. Поверь люди не самые жестокие, есть куда более циничные, и злобные твари. Ну что поели? Афанасий можно убирать. Вот тебе кусок мыла, положи его в воду и промой ею тарелки и ложки, а чуть позже мы займемся дезинфекцией твоей конуры.

— Духов выгоним? — с надеждой спросил корчмарь.

— Вот именно — весело подтвердил Римант.

Взяв незнакомый продолговатый предмет в руки, корчмарь покорно поплелся к корыту, в котором уже плескалась горячая вода.

С рассветом лекарь в сопровождении Амадо прошел по деревне от избы к избе, выявляя больных, и вынося мертвых.

— Почему ты не взял Дулина? Он нам сейчас здорово помог бы — раздраженно спросил Амадо, у Риманта.

— Он мог заболеть.

— А мы?

— Мы не можем. У нас есть прививка от этого заболевания, еще один подарок из нашего мира. Наши путешествия принесли эту болезнь сюда, и для них она оказалась чумой.

— Мы? Не думаю, причиной их болезни скорее можно назвать жуткую антисанитарию, междоусобную войну и голод, а вовсе не наши путешествия — возразил Родриго.

— И тем не менее это наша Ликара. Мы ее занесли сюда, и наш долг им помогать...

— Слушай как ты можешь, что-то утверждать? — возмутился Амадо.

— Я врач эпидемиолог, а по призванию повар — не без гордости произнес Римант. — Я провел исследование, и они со всей очевидностью подтверждают сказанные мной слова.

— Хорошо, на эту болезнь у нас иммунитет, но на другие его нет? — не сдавался Амадо.

— Нет, зато есть знания. Биология, химия, физиология, наконец научный подход к проблеме. Не во всем, но во многом это позволяет решать возникающие задачи. Ты же помнишь, чем у нас делали операции, и процент выживаемости, а тут лишь пила и острый нож, да все это по живому, соответственно и результат.

Риманта передернуло, на лице залегли глубокие складки.

— Поэтому мы должны им помочь. Удивишься, но у них тоже время от времени рождаются долгожители. Правда в силу различных обстоятельств они гибнут еще во младенчестве, и чаще всего не своей смертью. Меня это поначалу удивляло, пока я не обратил внимание на одну закономерность, эти дети гибнут вскоре после посвящения в

храме. Ну после обряда признания живым, когда детей принимают в общину. Вот тебе ниточка. Размотай весь клубок, и ты все поймешь — лекарь хитро улыбнулся.

Больные закончились, начались дезинфекционные мероприятия. Жители отказывались пускать врача в дом, боясь колдовства знахаря, тогда Амадо прибег к испытанному средству, угрозам и насилию.

***

В сельце пришлось задержаться почти на две недели. Инкубационный период, опять же насильственное лечение темных селян, учинивших было бунт, когда стало понятно, что покойных придется жечь, а не погребать, как установлено обрядом, в землю. Тем более, что покойных планировали сложить в зимовье до лета, и уже по теплу захоронить. Как только Римант услышал о планах местного священника, тут же приказал разложить костры.

Деревенские поднялись с вилами и рогатинами на чернокнижников, толпу возглавил местный священник, Леопольд Ученый. Римант больше получаса объяснял возбужденным землепашцам о причинах болезни и о последствиях их решения. Жители Крапивинки так и не захотели услышать лекаря, а на слова Риманта о том, что весной болезнь вернется, Леопольд, взъерошив унылые усы, прочел целую проповедь о многочисленных ликах нечистого. Все уговоры доктора оказались тщетными, лишь присутствие рыцаря помогло умерить пыл разбушевавшейся сельской общественности. После сожжения тел, им было отказано в крове над головой. Афанасий, трясясь как в лихорадке, умолял уйти из его корчмы, а то, как бы чего не вышло.

Деревню они покидали под всеобщую, молчаливую ненависть. Далее путники двинулись вместе. В некоторых селах, им приходилось повторять тот же ритуал, что и в Крапивинке. Люди по-разному относились к их помощи, где-то им целовали руки, благодаря за спасение родных, где-то выходили с вилами и топорами.

— Не понимаю, как ты можешь относиться к ним с любовью? Ведь скоты, по-другому не скажешь — возмущался гном.

Римант молча улыбался, он понимал, что объяснить этого никак нельзя, это можно лишь чувствовать.

Холод и снега постепенно сменились мягким климатом южного Амората. Проезжая многочисленные городки и села, Амадо поражался, как за несколько лет междоусобиц могут измениться вид людей и земель, которыми он когда-то управлял. От цветущего края с зажиточным населением не осталось и следа, кругом нищета, разруха и убийства. Голод привел к мору, многие села и деревни оказались безлюдны, иногда и города встречали тишиной пустых улиц и площадей.

Только свалки мертвых тел по окраинам, и неистребимый запах падали и паленной плоти, говорили о том, что кто-то остался в живых. Солдаты превратились в дезертиров, их многочисленные шайки бродили по лесам, грабя путников по дорогам некогда спокойного края.

— Междоусобная война — проговорил Римант разглядывая труп ребенка в придорожной канаве.

— Ничего удивительного, феодализм. Пока правят короли, цари, императоры ничего не изменится, будут наследственные споры, будут междоусобицы, будет голод, нищета, а сними и болезни — спокойно произнес Амадо.

— Так может им помочь и дать новый взгляд на бытие, подарить науку, прогресс — с надеждой отозвался лекарь.

— Ничего не пойму, о чем вы опять лопочете — возмутился Дулин. — Уважайте меня, я же ваш партнер, а вы так говорите, что мне иногда кажется, что вы пытаетесь сговориться за моей спиной. Что за черт такой, прогресс и этот ваш треклятый феодализм? Что плохого в королях? Вот у нас пока правили короли, все было в равновесии, а сейчас пришли эти, с позволения сказать купцы. И что? Развал, неудачные войны, братоубийственные авантюры, а вы короли, короли. Без твердого, разумного правителя государство не может процветать, потому как власть монарха приводит к порядку, а порядок всегда ведет к здоровью.

Римант и Амадо переглянулись, а затем рассмеялись от души. Гном сконфузился, надулся и больше не встречал в их беседы.

Спустя полчаса стало очевидно, что гном не на шутку обиделся, Римант решил снять напряжение.

— Друг мой не обижайся на нас, но мы не все можем тебе рассказать. Да и расскажем, вряд ли тебе будет понятно, то, про, что мы говорим.

— Да уж куда мне до вас! Вы же колдуны, умеете накладывать чары и возвращать жизнь в умирающие тела, а мы простые смертные, гномы-мастеровые.

— Мы не колдуны. Я не об этом говорил. Там, от куда мы родом, люди достигли высокого уровня развития. Мы познали многие секреты мироздания, чтобы тебе было понятно, мы, пожалуй, превзошли эльфов в своем умении использовать законы природы. Наше колдовство, это наука, наше умение возвращать жизнь, это медицина, а все вместе это опыт нашей цивилизации. У вас все еще впереди, если мы поможем вам.

— За себя говори! — резко перебил лекаря Амадо. — Я не вижу смысла вмешиваться в процесс их развития. Да и наш прогресс ничем нам не помог. Так что нечего нам особо предложить.

— Мой товарищ, как всегда, придается меланхолии, и впадает в пессимизм. Не обращай внимания, это обратная сторона реалистичного взгляда на вещи.

Тем временем тройца въезжала в село, такое же пустое, как и многие до него. На другом конце слышались крики и рыдания. Они пришпорили коней, и вскоре оказались возле стенающей женщины. Селянка стояла на коленях над телом молодого парня, из груди, которого торчал обломок копья. Бледное, осунувшееся лицо юноши говорило о том, что жизнь его покинула окончательно. На расспросы, что случилось, женщина сбивчиво объяснила, что пришли грабители, из банды Руперта Кривого и вырезали всю ее семью. Больше ничего выяснить не удалось, поскольку речь женщины потонула в причитания.

— За что они моего мальчика, ведь он ничего им не сделал, я все им... Все им отдала... Зачем!!!

Снова начало холодать, чувствовалась близость ледника Кантара, древней теснины с ледниковым останцем тысячелетней давности. Многие километры сплошных ледяных торосов, и скал, где в ущельях жили многочисленные твари. Тролли, мувы, снежные львы и кое-что пострашнее. На границе тепла и холода обосновалась деревенька Пассаки, ее миновали ужасы междоусобной войны. Не было тут и голода, и даже мор обошел этот край стороной. Деревня жила поставкой лошадей в королевскую гвардию. Кони, выращенные на сочных лугах Пассаки, славились статью, и выносливостью. Местные скакуны представляли собой прекрасный образец истинно строевой лошади, способной нести значительный груз, или рыцаря в полном вооружении.

Жители встретили путников настороженно, но, когда выяснилось, что прибыли охотники за головами, их пригласили в дом старосты.

Старостой в деревне стоял, Лука Древоруб, крепкий мужик сорока пяти лет. Разговор, как и ожидалось зашел о проблемах деревни, староста решил воспользоваться услугами нежданно забредших воинов.

— У нас не так часто появляются рыцари — доверительно сообщил Лука, подобострастно глядя на Амадо. — Поэтому, ты уж не обессудь господин рыцарь за простоту обращения. Не умеем мы обращаться, как приличествует твоему чину.

Родриго кивнул, давая понять, что не в претензии.

— Так вот к чему я веду беседу. У нас тут в Пассаках, случилась беда... Даже не знаю с чего начать ... — староста замялся.

— Ну ты уж как ни будь начни — подбодрил его Амадо. — А мы посмотрим, как тебе помочь.

— Месяц уже как мучаемся. Барыня к нам тут одна пожаловала. Тоже высокого звания, как и ты господин рыцарь. Приехала значит и с первого дня спугалась с нашим Евхо. Ну, он пастухом у нас.

— И что за беда? Ну связалась горячая барыня с конюхом, так и что? — удивился Амадо.

Римант лукаво заулыбался, и мужчины весело переглянулись. Лекарь махнул рукой и вышел прочь из избы. Дверь глухо стукнула, а староста вновь затараторил.

— Пастуха, не конюха — поправил он Амадо.

— Так в том то и нет беды, а вот только непутевая эта сманивает нашего Евхо. Околдовала парня лаской, да нежными словами, знает стерва, что он сирота. Падкий значит на ласку. Ты уж прости меня господин рыцарь, что я так о даме вашего происхождения. Но разве ж так можно, в ее то положении, у нее и мужик имеется. Вдовый Барон, говорят.

— А мы то тут при чем? — все более удивляясь возразил Амадо.

— Эта прости господи дамочка, взялась обучать своим премудростям Евхо, и внушила ему мысль о том, что надобно, ему, пастуху, ехать с ней в город этих, ну как их там? Калерб? — обратился староста к своему подручному, широкоплечему мужику с окладистой бородой.

— К Железным Королям — помог он своему патрону.

— Постой Лука, но я не вижу беды, в том, чтобы мальчика сироту забрали в прекрасный

город Феррочи. Для конюха, пожалуй, это лучшее, что с ним могло случиться — улыбаясь ответил Родриго.

— Пастуха — снова поправил староста. — Да в том-то и суть, что Евхо сирота, мы его почитай с малых вырастили...

— Слышь, ты мне мозги не пудри, прохиндей деревенский — строго сказал Амадо, раздражаясь манерой деревенских ходить вокруг да около, прежде чем попросить то, что нужно.

— Говори прямо, в чем загвоздка, зачем вам этот Евхо.

— Прости господин рыцарь, но Евхо лучший пастух из всех что я знал...

— Нового выучите — прервал старосту рыцарь.

— Так не выучить, тому, что может Евхо! — в сердцах воскликнул староста. — Он богом поцелован! У пацана не падает скот, приплод здоровый и богатый, да и хищник обходит стороной наши стада. Мы даже подозреваем, что из-за него и мор нас обошел.

Над столом повисла тишина. Родриго смотрел на старосту, и не знал, что думать, толи над ним смеются, толи и правда это сборище суеверных дуралеев, что крадут его время.

— И что вы хотите от меня? — с сомнением в голосе спросил Амадо.

— Мы тебе хорошо заплатим господин рыцарь, если ты совратишь дамочку и увезешь ее отсюда, но нужно так, чтобы она забыла нашего Евхо — смущенно уставившись на ноги пробормотал Лука.

— Так! — Амадо поднялся из-за стола, мужики вжались в скамью, стараясь уменьшить свои мощные тела.

— Господин, избавь нас от нее, а мы уж заплатим тебе, не поскупимся. Главное, чтобы она исчезла отсюда, а уж как вы это решите выбор за вами — быстро проговорил Калев, и вжался еще больше в скамью.

— Ладно я посмотрю, что можно сделать — ответил Родриго, после некоторого раздумья. — Где она живет?

— Так у нашего шинкаря. Уж сколько мы ему намекали, а он все равно свое, мол: «Не могу, грозиться стерва своим знакомством с графом Леварно!». Это наш господин, владелец Пассаки.

Не слушая дальше Амадо вышел из избы старосты и направился к шинкарю. Дулин шел рядом, и весело улыбаясь поглядывал на компаньона, но ничего не говорил, пока. Из избы показался Римант, лекарь с озабоченным видом остановился на пороге белой мазанки. Дородная селянка пихала ему в руки узелок с чем-то съедобным, а он смущенно пытался протестовать.

— Так не хорошо же господин дохтур, деньги не взяли, так хоть сыру и краюху возьмите — обиженно причитала баба.

Лекарь сжалился и взял узелок из рук настырной женщины. Оглянувшись, он увидел своих приятелей, шагающих на другой конец деревни.

— А! Вот и вы. Куда направляетесь? — спросил лекарь озабоченно оглядывая разбитую колею центральной улицы села.

— Дамочек соблазнять! — торжественно произнес гном, и подмигнул ничего не понимающему лекарю.

— Что? — удивился он. — Каких дамочек? Эту любительницу конюхов?

Амадо остановился, тяжело посмотрел на Дулина, у того улыбка сразу сползла с лица.

— Иду решать местную проблему. Мужики удумали благородную даму примучить, она

видишь ли их пастуха сманивает.

— И что тут такого? — еще больше удивился Римант.

— Так пастух то говорят особый. Богом целованный — передразнил говор старосты Амадо. — В общем не решу вопрос, даму того — он провел пальцем по шее.

Римант понимающее покачал головой. Простой мужик он такой, долго рассусоливать не будет. Принцип выживания приучил его к строгой утилитарности подходов в решении жизненно важных вопросов. Решительно и быстро, без особых сантиментов. Лекарь поплелся следом за друзьями, шинкарная стояла на другом краю деревни.

— Что на этот раз? — спросил Амадо не глядя в сторону Риманта.

— У мальчишки вывих голеностопа. Пять минут дел — ответил лекарь.

— Ясно — они подошли к шинку, при входе их встретили пьяные мужики, агрессивного вида. Хамы даже попытались затеять ссору, но стоило им увидеть под плащом броню и меч, тут же ретировались.

Шинкарь в страхе отпрянул от открытой двери, и не посмел препятствовать Родриго, когда тот направился в покои беспокойной дамочки. На стук в дверь никто не ответил.

— Так нет их. Они изволили еще с утра отправиться на пастбище к Евхо — прозвучал из-за спины услужливый голос шинкаря.

— Где пастбище? — процедил сквозь зубы Амадо, разраженный пустой беготней.

— Это недалеко от Пассак, в сторону мельницы. Идите на нее не промахнетесь — проблеял шинкарь.

***

Дамочка оказалась весьма эффектной. Черные волосы крупными, тяжелыми кудрями ниспадали на плечи, длинные ресницы веером ложились на жемчужного цвета, лицо. Огромные глаза с зеленью смотрели с вызовом, слишком дерзко для женщины. Оторопевшие от удивления и смущения путники молча уставились на дамочку, и долго не решались начать разговор.

— Да — протянул рыцарь. — Теперь понимаю, почему они не смогли вас выгнать — Амадо улыбнулся баронессе.

Гном удивлено уставился на Родриго, на его памяти это была первая открытая улыбка мрачного человека. Мужчины поклонились, и тут же прифрантились. Гном подбоченился, а лекарь выпятил сухую грудь, одновременно стараясь вытянуться в струну. Нерешительные улыбки заиграли на лицах мужчин.

— И почему же? — с вызовом спросила непутевая.

— Слишком дерзкая, для деревенских это непривычно — спокойно ответил рыцарь.

— А вы господин рыцарь, хам! Вы хотя бы понимаете, с кем разговариваете! — пошла в атаку дама.

— С кем? — беззлобно спросил Амадо.

— Баронесса Эвелин Малине, приближенная графа Этьена Леварно, супруга Кристиана Малине он же Вдовий Барон!!! — не без патетики представилась дама.

Она уставила дерзкие глаза на Родриго, но миролюбие, исходившее от мужчины, постепенно лишало ее запала, необходимого для решительного отпора наглецу.

— Приходилось слышать. О вашем супруге, конечно, не о вас — срезал Родриго появившееся было торжество на лице женщины.

— Тем лучше — отряхнувшись всем телом, и подобравшись продолжила красавица. — Извольте объясниться, чем вызвано столь пристальное внимание к моей персоне?

— Что ж, изволью. Деревенские мужики вас хотят изгнать, причем любым путем — Амадо особо подчеркнул последние слова. — Сейчас наняли меня, но я не собираюсь вам причинять вред, поэтому советую прислушаться к моим словам.

— Почему я должна вам верить, и тем более прислушиваться к вашим советам? Чем вы заслужили подобную честь? — почти гневно вопрошала Эвелин.

— Потому, что я уйду, и они найдут другого, а другой может оказаться не столь галантным — спокойно продолжил Амадо.

— Положим, это так, но вам зачем меня изгонять? Уж не из желания ли помочь незащищенной баронессе? Или в вас господин рыцарь заговорило чувство сословной солидарности? — не унималась красотка.

— Нет, просто не хочу узнать, что ваш труп нашли где-нибудь в лесу, обглоданный дикими зверями до костей — отрезал рыцарь, начиная раздражаться. — Зачем вам этот пастух? Вам своих слуг мало? Что в нем такого, что стоило бы вашей жизни?

Евхо стоявший все это время чуть поодаль, приблизился к компании и певучим голосом проговорил.

— Мадам если все так обернулось, не надо, не рискуйте своей жизнью ради меня. Я не достоин такой жертвы.

— Глупости, мой мальчик, эти люди нас пугают.

— Мадам, что скажут вашему супругу, не думаю... — попытался вразумить женщину Родриго.

— Не думаете, не стоит и начинать! Я не нуждаюсь в вашей защите! Покиньте нас и более не приближайтесь ко мне! Иначе я вынуждена буду обратиться к Кристиану, поверьте барон в состоянии постоять за мою честь!

— Как пожелаете мадам — нарочито равнодушно ответил Амадо.

Он поклонился и развернувшись зашагал прочь. Гном едва поспевал за ним, смешно подпрыгивая на коротких ногах. Римант задержался, что-то горячо обсуждая с Эвелин. Наконец лекарь тоже повернул в сторону деревни, а дама осталась в задумчивости. Она рассеяно поковыряла носком туфли кочку, а затем присела на пенек. Рядом стоял Евхо, Эвелин что-то с жаром доказывала пастуху, а парень упрямо качал головой, не желая соглашаться с родовитой опекуной.

***

В предутренней темноте разнесся бабий визг, заржали лошади, в один вопль слились крики множества мужских глоток. Где-то на краю деревни занялась хата. По улицам глухо топотали конные, рубя окровавленными клинками, выбегавших на улицу селян. В свете факелов что-то блеснуло золотом. Из темноты вылетела лошадь, упав на бок она по инерции прокатилась несколько метров, таща за собой седока, ноги которого прижала, туша животного. Всадник утробно стонал, скребя руками седло, тяжело хрипя он выполз из-под скакуна. Лохмотья, оставшиеся вместо ноги, разбрызгивали черные струи, заливая седельные сумки.

К раненому подъехали соратники, безногий показал пальцем куда-то в темноту.

— Там! Он там! — простонал конный.

От разворочанного черепа его лошади, исходил пар, клубясь в прохладе предрассветных сумерек. Всадники повернули головы, вглядываясь во тьму.

Из черноты шагнул рыцарь в золотом доспехе. Меч со свистом опрокинул ближнего всадника, выбив его из седла ударом тяжелого шара, венчавшего двуручную рукоять

андланского клинка. Широкий замах и меч рассек еще двоих, легко вспарывая вываренную кожу доспеха. Всадники сорвались с места надеясь окружить врага, но теснота деревенской улицы мешала маневру, в то время как рыцарь методично рубил и колол, быстро передвигаясь между лошадей.

Громкий крик с дальнего конца деревни остановил бой. К всадникам бежали местные мужики, вооруженные чем попало, они подбадривали себя воинственным кличем. Возглавлял наступление Дулин, тяжело ступая по утрамбованной земле, он вел отряд в атаку.

Забыв о рыцаре, дезертиры ринулись на деревенских. Топор гнома снес сразу двоих. Ополченцы столкнулись с профессиональными воинами, и многие оказались ранены, или убиты в первые минуты боя, весы склонились в пользу бандитов.

Дулин получил колотую рану в бок, и прикрываясь щитом старался сдерживать отступающее ополчение. Неожиданно давление на ополченцев ослабло, затем вовсе остановилось.

Деревенские мужики удивленно смотрели, как господин рыцарь, расправляется с их врагами, каждый удар воина, выводил из строя несколько дезертиров.

Раненных ждал клинок лекаря, что шел позади Амадо, зачищая тылы. Ловко уходя от атак, рыцарь мгновенно отвечал, кидая приличный вес оружия во врагов. Тело Амадо работало удивительно гармонично и слаженно. Выверенные движения, в которых чувствовались привычка и навык, напоминали танец смерти, принося в происходящее что-то от искусства. Несмотря на кровь и вывороченные внутренности, бойня смотрелась красиво.

Остолбеневшие мужики, молча глазели на Родриго, пока тот обтирал меч от остатков вражеской плоти. Страх и уважение читались в глазах селян, даже выдавший виды Дулин, восхищенно смотрел на своего компаньона. Взгляд гнома говорил, это мой товарищ, я знаком с этим воином.

— Господин рыцарь, благодарим вас за помощь. Мы конечно слышали о мастерстве благородных, токмо я никак не мог представить таково — пробормотал в восхищении староста.

Амадо кивнул, и сурово глядя на старосту спросил.

— Откуда они пришли?

— Со стороны ледника. Энто банда Бешенного Руперта, они раньше сюды не совались. Договор у нас. Мы платим, а они нас не трогают.

— Почему теперь напали? — удивился Амадо.

— Да кто ж их знает? Что там у энтого Руперта в голове, злодей все-таки — уклончиво ответил Лука.

— Ладно, разберемся. Мне нужен проводник! — ответил Амадо.

— Зачем проводник? — удивился Дулин.

— Пойдем в логово врага — жестко ответил Амадо.

— Да, что вы! Господин рыцарь! Не надо! Пущай Бешенный и натворил бед, но он уже получил по заслугам. Тепереча будет знать, как нарушать договор.

— Ты чего-то не договариваешь Лука — раздраженно проговорил Римант.

— Почему вы не хотите, чтобы мы добили Руперта? — удивился гном.

— Энто, конечно, так, добить то вы их добьете, но лучше Бешенный, чем энти из Гинну — испуганно проговорил Лука.

— Гинну? Руперт связан с убийцами? — тут же переспросил Амадо.

— Он здесь правит от их имени, и даже сам господин Леворно велит снабжать его провиантом и всячески угождать.

— Граф? Как это странно — сказал Римант переглянувшись с Амадо.

— И впрямь странно — подтвердил рыцарь.

— Так мы идем за Бешеным? — с нетерпением спросил гном.

— Конечно идем — подтвердил Амадо.

Лука всплеснул руками.

— Да как же вам еще объяснить...

— Не надо ничего объяснять — прервал его Амадо. — Мне нужен проводник.

— Нету у нас таких — упрямо насупившись ответил староста.

Острие болотного клинка уперлось в шею Луки, староста сглотнул комок, Калев и остальные мужики испуганно отступили в назад.

— Ты мне покажешь их лагерь — прозвучал спокойный голос Амадо. — Или нападение Руперта тебе покажется детской игрой. Ты меня понял смерд.

Перепуганный староста силился, что-то сказать, но клинок не позволял этого сделать. Амадо убрал меч, и Лука выдохнул.

— Я отведу вас, но вы господин рыцарь должны убить его и всю банду. Иначе нам не будет житья. Руперт никогда не простит нам предательства — чуть не плача просил староста, опускаясь на колени.

— Можешь не сомневаться, Руперту осталось жить не долго — ответил Дулин, вместо Амадо.

— Не сомневайся, банда больше вас не побеспокоит — хищно сверкнул глазами Родриго.

Лекарь осмотрел деревенских, его руки шили, сращивали, вправляли, все быстро и ловко. Амадо глядя на него, подумал, что лекарский навык Риманта не уступает его мастерству владения мечом.

Тем временем к Амадо подбежал некрупный мужичок, и смущенно улыбаясь сообщил.

— Господин рыцарь, там, это, раненный из бандитов.

Не говоря ни слова Родриго пошел следом за шустрым мужичком. Бандит сидел возле избы, на самом краю села, там, где его перехватили сельские ополченцы. Он пытался сбежать, пользуясь неразберихой, возникшей после кровавого боя, но чужака заметила шустроглазая детвора и тут же загомонила, призывая взрослых.

Спустя полчаса Римант подлатал бандита, ему повезло, меч рыцаря лишь слегка зацепил грудину.

Амадо начал допрос, не дожидаясь окончания лечения. Пленный, сидя на скамье у старосты в хате, охотно рассказывал о произошедшем, вероятно рассчитывая на снисхождение.

— Кривой, он же в армии был десятником в пехоте. Он умеет организовывать, мы армия, а не банда.

— Что за Кривой? — перебил его Амадо.

— Ну Руперт Кривой, у него один пусто. Ну нет глаза одного, потому кривой — уточнил пленный.

— Продолжай — приказал рыцарь.

— Ну я и говорю. Он нам так и сказал, что деревня богатая, и еще ни разу не грабленая. Ну мы, это, подобралась и сюда.

— А Кривой с вами был? — спросил староста.

— Да нет, он вообще редко куда сам ходит. Он это, ну руководит.

— Кто руководил вами? — спросил Амадо.

— Сема Бугай, да ты его первого и уложил, ...

В помещение вошла Эвелин, она оттолкнула преграждавшего ей дорогу ополченца, глаза женщины яростно сверкали. Не обращая внимания на присутствующих, дама выхватила длинный узкий клинок, и поставив ногу на промежность сидящего бандита, с силой сдавила его детородный орган. Пленный застонал, и попытался вывернуться, лезвие кинжала заскользило по его лицу, оставляя кровавые дорожки, с расползающимися в стороны краями ран. Бандит закричал, переходя на фальцет, она остановилась и звонко спросила.

— Кто приказал убить Евхо?

Мужчины застыли, вытаращив глаза на происходящее. Староста отошел подальше от места пытки, и с ужасом смотрел на Эвелин.

— Не было такого приказа, не знаю никакого Евхо. Благородная дама пощадите меня, я никого не убил, меня вырубилло...

Быстро засновал кинжал оставляя жуткие порезы на лице и груди узника, крики стихли, бандит потерял сознание. Эвелин подошла к лохани с водой и зачерпнув воды плеснула в лицо бандиту. Пленный пришел в себя, и еще не понимая, что с ним произошло, выпучив глаза тяжело хватал воздух ртом. Потом вспомнив о пытке, принялся молить о пощаде. Не теряя самообладания Эвелин, продолжила допрос.

— Где прячется Руперт? — кинжал взмыл к лицу несчастного.

С нечеловеческим визгом бандит отшатнулся от нее, и принялся растолковывать куда надо двигаться, и даже как лучше зайти, чтобы их не сразу заметили. Эвелин улыбнулась, и поблагодарив бандита вышла из избы, Амадо последовал за ней.

Староста сел на скамью и обхватил голову руками запричитал.

— Не уберегли! Такого пастуха потеряли! Не уберегли — стонал он, не стесняясь слез.

Деревенские возбужденно переговаривались меж собой. Бандит понял, ему не спастись, мужики обсуждали как страшнее наказать его. Наконец сговорились на том, что его надо разорвать лошадьми. Староста склонился над пленным, и только тут заметил, что тот уже не дышит.

— Истек кровью — констатировал Римант, после осмотра тела пленного.

На лица крестьян напозло разочарование, смерть негодяя лишила их заслуженной потехи.

Иногда Римант понимал чувства Амадо, к этому поколению ущербных уродов, что называлось человечеством. Но также лекарь понимал, что у них слишком мало времени, чтобы осознать свое место в этом мире, и принять законы мироздания. Опыт смертных ограничен одним поколением, и лишь малая часть знаний перейдет к тем, кто их сменит. Отсутствие непрерывного развития, лишило человека знаний, и смертные топчутся на месте, не в силах перешагнуть рамки надуманных обществом стереотипов.

***

— Однако, крови вы точно не боитесь! — обратился к Эвелин, Амадо, едва поспевая за женщиной.

— Что вам надо господин рыцарь? — не останавливаясь спросила Эвелин, с нескрываемым раздражением взглянув на рыцаря.

— Хочу помочь вам — примирительно ответил Родриго.

— Вы своего добились, запугали селян, и едва не подставили всю деревню под удар! Мы потеряли еще одного уникального человека, а вы самоутверждаетесь за счет бесправного старосты. В смерти Евхо ваша вина также есть, как и тех, кто его убил — она неопределенно махнула рукой.

— Я вас не понимаю — с искренним изумлением, ответил Амадо.

— А что тут понимать. Вы вместо того, чтобы помочь спасти мальчика, красовались. Видела я, как вы убивали людей. Вы же получаете удовольствие от власти над их жизнями. А между тем ваше преимущество, в хорошей броне и лучшем оружии. У вас были учителя, обучившие убивать, в то время как вам противостоят обычные селяне. Да и профессия ваша самая ненужная. Напыщенные, самодовольные дураки, с претензией на элитарность!

Женщина отвернулась, желая уйти. Родриго схватил ее за руку, кинжал сверкнул и скользнул по золотистому металлу шлема. Эвелин испуганно уставилась на него, там, где только, что было лицо, теперь блестел золотистый металл. Рыцарь перехватил руку с кинжалом, и притянул Эвелин к себе, шлем ушел за голову, глаза встретились, ее дерзкие с зеленью, и его бездонно черные. В воздухе повисло напряжение, она попробовала вырваться, а секундой позже затихла, замороженно глядя в лицо мужчины.

Рядом кто-то хмыкнул, они словно выпали из своего мира. Женщина смущенно и ошалело посмотрела на тактично покашливающего Риманта. Опустила глаза, провела ладонью по лицу. Шея и уши, а затем и лицо залила густая краска.

Краем глаза Амадо заметил наглуую ухмылку Дулина, подбоченившегося в нескольких шагах от них.

— Эвелин, я предлагаю помощь, а вы каждый раз отказываете мне, вместо того чтобы принять свою роль. Вы женщина и нуждаетесь в поддержке. Уверяю вас, я ничего не знал о грозящей юноше опасности. Если бы знал, сделал бы все от меня зависящее, чтобы спасти Евхо. Я понимаю ваши чувства, любовь...

— Что за глупости? С чего вы взяли? Нас связывали совсем другие отношения — пробормотала дама, смущаясь еще больше. — Я, наверное, наговорила лишнего. Прошу простить меня, но я в отчаянии. Этот мальчик уникален, такие встречаются один на тысячу. Позже я вам все объясню, а теперь раз уж вы так настаиваете, то мне нужен ваш меч. Помогите мне выяснить, кому понадобилась жизнь деревенского пастуха.

К Эвелин вернулось былое самообладание, и она вновь смело посмотрела в глаза рыцаря, но тут же сломалась, смущенно отводя взгляд в сторону.

— Для меня это будет честью! — с поклоном ответил Амадо.

— И еще, вы не правы, говоря о месте женщины. Мы разные, кто-то создан для кастрюль, а кто-то даст фору мужчинам.

— Учту — улыбнулся рыцарь.

— Вот это баба — восхищенно прошептал гном, оправляя широкую бороду.

Лагерь дезертиров располагался в лесу, который с трех сторон окружал ледник. Подойти к нему можно было лишь, по пологому, но очень узкому проходу, стесненному с двух сторон высокими обледенелыми скалами. Естественный бастион было бы не легко взять, даже крупным отрядом. Однако сведения о потайном проходе позволили отряду подобраться незаметно почти к самому лагерю. Охрана не ожидала налета с этой стороны и проглядела появление отряда. Стрелы, пущенные Дулином и ополченцем, с говорящим именем Марк Охотник, оборвали попытки предупредить банду о нападении.

Отряд тихо вошел в лагерь, и, прежде чем поднялась тревога, стоянка наполнилась стонами умирающих бандитов. Следом шли тяжеловесы Дулин и Амадо, их спокойные, уверенные действия внушили такой страх врагу, что дезертиры начали складывать оружие раньше, чем успели сообразить, что врагов всего несколько человек. Среди пленных оказался и Руперт, его заспанное лицо говорило о полнейшей беспечности бандитов в вопросе собственной безопасности.

Последней в лагерь вошла женщина в платье для верховой езды, она прошла по рядам плененных врагов. Руперт попытался обмануть захватчиков, но подельники быстро сдали главаря. Стремительный клинок Эвелин развязал язык нагловатого вожака. Руперт поначалу смеялся над женщиной, которая, грозно сверкая глазами вела допрос. Но первые порезы убедили Кривого, что судьба свела его с профессионалом своего дела. Кровь из порезов стекала по телу, присыпанные солью раны страшно саднили, вожаку казалось, что лицо разрывают раскаленными крючьями. После непродолжительных протестов и попыток обмануть, Руперт сдался.

— Так кто приказал убить мальчика? — ровным голосом спрашивала Эвелина.

— Я их не знаю, это люди из Ришама. Они обещали большие деньги.

— Что они тебе дали за мальчика?

— Деньги, милая барышня, золото, что еще они мне могли предложить.

— Их имена?

— Не помню! А! А! А!!! — зашелся Кривой, когда клинок зацепил нерв. — Они не представились...

Кинжал повис напротив единственного глаза Руперта, он покосился на острое жало клинка, и решил, что незнакомцы с юга не стоят его глаза.

— Они говорили, что торгуют в Рапане, их корабль прибывает раз в три месяца в порт. Они торгуют жеребцами! Вон их письмо с гильдейской печатью — он мотнул головой в сторону сундука, прислонившегося к спинке кровати главаря. Амадо порылся в сундуке и изъяв письмо, подошел к Руперту.

— Это?

— Да — морщась от боли отозвался главарь.

— Этого достаточно? — глядя на Эвелин, спросил Амадо.

Женщина кивнула головой, принимая письмо.

«Достопочтимоу Руперту Тавариду!

С глубоким уважением Талли Семигард.

От лица нашей торговой организации мы предлагаем вышеназванному господину выполнить заказ. Нас интересует некий Евхо, пастух, что проживает в деревне Пассаки. Срок

исполнения заказа, три недели со дня получения сего послания. Оплата, половина суммы в золоте, по получении письма, вторая половина самоцветами по исполнению заказа. Итого сто золотых.

П.С. По возможности замаскируйте убийство под грабеж, или несчастный случай. Письмо, после прочтения сжечь!

Искренне Ваш Талли Семигард.» — зачитала Эвелин вслух.

Внизу красовалась печать коневодов Хакада, крупной гильдии, торговцев лошадьми из Ришама. Они торговали табунами, выращенными в стране Джана-Кудхи, находившейся многие века под влиянием Ришама. После падения империи, эта страна перешла по наследству эльфийской короне.

— Похоже разборки между торговыми конкурентами — заключил Амадо.

— Сомневаюсь — пробормотала Эвелин.

— Почему? — удивился рыцарь, но женщина проигнорировала его вопрос.

Она повернулась к пленному и спросила.

— Куда ты должен приехать за второй частью оплаты?

— В «Рыбный затон». Трактир в Рапане. Завтра, с полудня до захода солнца! — бандита мучила соль, разъедающая раны. Она не давала сворачиваться крови, отчего струйки алой жидкости безостановочно стекали по исполосованному лицу Руперта.

— Это все — сурово спросил Амадо.

— Да, да все! Промойте мои раны, пока я не сдох — взвыл главарь.

Амадо махнул головой ополченец вылили ведро воды на лицо Кривого, вода потекла красными ручьями на желтый песок. Дыхание бандита сделалось ровнее, было видно, что боль постепенно отступает.

— Что с нами будет? — спросил бандит, неожиданно деловым тоном.

— То же, что и со всяким преступником, мы передадим вас прево... — начал Амадо.

— Нет только в руки Леворно. Прево мало отличается от этих бандитов — вмешалась Эвелин. — Вас господа ждет виселица, на снисхождение не рассчитывайте.

— Я могу предложить сундук полный золота, если отпустите меня — начал торг главарь бандитов.

Амадо выхватил меч и нанес укол прямо в сердце Руперта, бандит, выкатив глаза издал сдавленный писк, и обмяк, уронив голову на грудь.

— Зачем? — удивленно спросил гном. — Мы ведь могли получить за него хорошие деньги!

— Он мог обмануть деревенских, сыграв на их жадности. А если бы он сбежал, то предупредил бы Гинну. В таких случаях надо исключать всякие неожиданности — совершенно спокойно произнес рыцарь.

От тона человека гнома передернуло, он увидел в нем что-то нечеловечески рациональное, доходящее до крайних форм жестокости.

— Как мало я знаю о людях — подумал Дулин. — Неудивительно, что мы не можем с ними справиться уже столько веков.

***

Трактир наполняли звуки лютни заезжего барда. Время от времени взвизгивали разносчицы, получая шлепок по упругим ягодицам. Непрекращающийся гул множества голосов, хриплых, высоких и низких, грубых и нежных служил основным фоном, все смешалось в звуковой круговерти.

Амадо расположился в условленном месте, ожидая посредника от гильдейцев. Гном и Эвелин сели в противоположном углу таверны и внимательно следили за всем происходящим. Вскоре в помещение вошел тощий мужик, он окинул взглядом присутствующих, после чего уставился на рыцаря. Не спеша подошел к его столу, и сел, напротив.

— Скоро осень, начнутся бури! — отчетливо произнес, тощий неожиданно сильным голосом.

— Вы от гильдии? — спросил в лоб рыцарь.

— Не понимаю вас, господин! — улыбнувшись ответил тощий.

— Что тут понимать, я от Руперта Кривого, он просил забрать вторую часть оплаты.

Договор выполнен!

Тощий с любопытством осмотрел его, пытаясь что-то просчитать. Амадо понял, что Руперт не сказал им об условленном приветствии, и сейчас тощий думает, как поступить, скорее всего догадываясь, что попал в ловушку.

Тонко звякнул металл, что-то упало на пол. Тощий удивленно уставился на рыцаря, посетители таверны не заметили, как под столом произошла дуэль. Тощий ударил Родриго в пах, тонким как шило клинком, но тот сломался, встретив броню, сокрытую под зеленым плащом. В тот же момент меч Амадо уперся в живот связного, значительно войдя в плоть. Тощий застыл и испуганно глядя на рыцаря, спросил.

— Кто ты?

— Это не важно, гораздо важнее, кто ты, и от кого сюда пришел? — теперь уже Родриго улыбнулся.

Он чуть сдвинул клинок, расширяя рану, острым как бритва клинком. Тощий застонал, и посерел лицом.

— Советую рассказать все как есть, иначе ты умрешь — почти нежно произнес Амадо.

Минута молчания. После чего тощего прорвало.

— Меня послал мастер Талли, он просил передать золото, но только после условного приветствия, а если окажется кто-то другой решить проблему по-тихому.

— Ясно! — глаза рыцаря впились в мечущийся мозг тощего.

Амадо смотрел не отрываясь, пока лицо связного не потеряло осмысленное выражение. Гильдеец деревянным голосом продолжил рассказ.

— Сегодня меня вызвал Мигель Соттан, и дал указания от мастера Талли, чтобы я оплатил по контракту. В качестве доказательства выполнения контракта вы должны были принести глаз жертвы. После чего мне велено было передать вам вот это — тощий залез за пазуху и извлек письмо, его рука машинально протянула конверт Амадо.

— Это все?

— Да! — ответил бесцветный голос.

Клинок прошил плоть, затем резко вышел. На пол потекла жидкость, но в общей сутолоке никто не обратил внимания на разливающееся по утоптанной глине красное пятно. Его приняли за очередную порцию разлитого вина. Амадо исчез, гном и Эвелин не успели заметить, когда он вышел. Одна из разносчиц неожиданно завизжала, в воздухе отчетливо ощущалась вонь внутренностей и железный запах крови. Дотронувшись до тощего, девушка еще раз взвизгнула. Связной повалился на бок, из раны на животе вылезли внутренности. Компаньоны не замедлили ретироваться. Едва они вышли как в трактир набежала стража.

Они нашли его в гостинице, в снятой этим утром комнате. Увидев Амадо, Дулин

возмущенно выпалил.

— Ну что ты за человек. Разве обязательно нужно было убивать тощего! Такой кипеж поднял, тьфу, мокрушник.

Амадо молча протянул письмо, по мере чтения, лицо гнома менялось.

«Господину Руперту Тавариду!

Если вы желаете продолжить наше сотрудничество, предлагаем вам отправиться в Галлерну. Школа бардов, на улице Семи пророков. Обращаться к Ульфреду Туккену. Условный знак приложить ладонь к глазам, после чего развернуть ее к связному, со словами: «Смерть наша мать, мы не знаем ее замыслов, но верим в ее мудрость, и готовы слепо исполнять волю Великой Утнаты».

Ждем Вас!!!

П.С. письмо по прочтении сжечь!».

— Так это целая сеть убийц, со своей системой связи и обучением! — выдохнул Дулин.

— Наверное вы правы господин гном — поддержала охотника за головами Эвелин.

— Теперь остается один вопрос, куда двигаться? К Талли, в торговый дом, или в Школу Бардов? — задумчиво произнес Амадо.

— Конечно к Талли!

— В школу Бардов! — почти одновременно проговорили спутники рыцаря.

— Думаю, имеет смысл начать с Гильдейцев. Мы уже тут, и надо понять, что нас может ждать в школе бардов — немного помолчав предложил Амадо.

Дулин хотел что-то возразить, но Родриго опередил его.

— Не беспокойся мой друг я обязательно помогу тебе разобраться с Гинну, но нужно понять с чем мы имеем дело.

Гном молча смотрел на рыцаря, догадываясь, что тот ему что-то не договаривает, однако по опыту знал, что спрашивать бесполезно, ответа он не получит.

Эвелин внутренне торжествовала, мужчины считаются с ее мнением, что еще надо женщине в мире, где ее слово так мало значит.

— Ждать некогда. Надо идти сейчас. Иначе весть о погибшем связном спугнет нашего торговца! — определился Амадо.

Спутники молчаливым согласием поддержали его решение.

***

Слезы лились ручьем по припухшему лицу, субличного гнома. Талли тарашил чистые, маленькие глазки, и уверял страшного рыцаря в своей непричастности к каким-либо убийствам. Упоминание Гинну, выбило из него слезы. Купец знал, что за такими обвинениями стоят очень серьезные последствия, и скорее всего ему осталось совсем немного.

Где-то на полу под ногами ползал, юный подмастерий. Он что-то лепетал, с диким южным акцентом, чем вызвал дружный смех компании, ворвавшейся в дом гильдейского мастера Талли Семигарда.

Обвинения, предъявленные страшным рыцарем, вызвали шок у Талли, он и помышлять не мог о таких вещах. Всю жизнь прожив вдаль от родных, и занимаясь торговлей, купец ни раз сталкивался с опасностью, но сейчас он чувствовал особенно остро, что смерть плотно взяла его за горло.

— Это твоя печать мастер Талли? — в который раз спрашивал рыцарь, показывая письмо.

— Да — обреченно отвечал старик, в который уже раз. — Но я не писал его, это не мой почерк. Вон торговые книги убедитесь сами — он ткнул коротким, сучковатым пальцем в сторону конторки.

Эвелин внимательно изучила записи, и подтвердила слова торговца.

— Талли говорит правду, это действительно не его почерк. Похож, но не его — она растерянно посмотрела на Амадо.

В этот момент вмешался, Дулин.

— Так хватит! Дайте я поговорю со своим соплеменником — Амадо молча отошел в сторону и терпеливо ожидал пока гномы придут к взаимопониманию. Дулин, что-то крайне эмоционально объяснял Талли на своем, гномьем наречии, второй внимательно слушал, потом, быстро затараторил.

— Что он говорит? — настороженно спросила Эвелин.

— Он рассказывает, что его не было последние две недели в городе, а вместо него оставался подмастерье Галиус Крид... Он доверяет мальчику, как себе — перевел Амадо.

— И где он сейчас? — нетерпеливо спросила женщина, нехорошо сверкнув глазами.

— Да вот он. Ползает под ногами — рыцарь указал на юношу, скорчившегося около конторки.

Юноша словно не слышал, что речь идет о нем. Молодой гном, тихо подвывая лежал, обхватив голову руками. Эвелин подошла к нему и спросила.

— Ты Галиус Крид?

Не отрывая рук от лица, парень, едва слышно произнес.

— Да.

— Встань, не бойся. Я тебе не причиню вреда — попросила женщина.

Галиус с видимым усилием поднялся, и не пряча страха вытаращился на Эвелин.

— Кто тебе сказал написать это письмо? — она взмахнула посланием Кривого.

— Господин Скамеш, он у нас часто покупает лошадей, для скачек.

— А где живет сей господин?

— Так тут, не далеко, на Ипподромной. Самый большой дом, с колоннами — вмешался Талли. Старик жалел парня, и пытался выгородить подмастерья.

Посоветовавшись Амадо и Дулин решили, что нужно идти к Скамешу. Мужчины отправились в особняк любителя скачек, а Эвелин оставили в конторе Талли, чтобы пресечь возможные неожиданности.

***

Особняк Скамеша Уппопа, прозванного Коневод за особую страсть к лошадям, охранялся не хуже, чем крепость сеньоров, приближенных к короне. Семья Скамешей разбогатела на транзитной торговле с югом. Их род владел большим флотом. Сдавая корабли капитанам в пользование, они нажили огромное состояние. И в этой части королевства являлись самыми влиятельными людьми.

Сам король брал у них деньги, и считался почетным заемщиком, за что Скамешей благодетельствовали многочисленными привилегиями. Не будучи благородного происхождения, они получили дворянский титул, и право иметь свою армию. Братья Скамеша правили Рапаном от имени короля. Без их согласия не назначались главы ратуши и местодержатель местного прихода. Служителей церкви, Скамешы в город не пускали, это право входило в их привилегии. Поэтому в ратуше сидели многочисленные родственники Скамешей, а местной церковью управлял родной брат Уппопа, Сингель. Человек умный и

хитрый, считавшийся самым злокозненным умом юга Амората.

— Стой кто идет? — грубо окрикнул Амадо стражник, выставив алебарду навстречу рыцарю.

— Передай! Его Сиятельство Уппопа Скамеша, беспокоит Родриго Амадо, по личному вопросу! — ответил рыцарь, остановившись на почтительном расстоянии.

— А это, что за шлепок рядом с тобой — кивнул стражник в сторону Дулина.

— Это мой спутник Дулин Тархед из королевства Парна, он сопровождает меня.

Вскоре показался лакей, посланный с докладом к Скамешу Старшему. Растолкав стражу, он вышел к гостям, и торжественно проговорил.

— Его Сиятельство Вас ожидают, но прежде сдайте оружие.

Амадо повернулся к Дулину.

— Слушай, подожди меня тут. Я лучше сам схожу поговорю, а ты, если, что услышишь, уходи. Чтобы не случилось не вмешивайся.

— Не понял, мы напарники или ты меня решил обмануть — взревел гном, вращая налившимися кровью глазами. — Сначала этот, — он ткнул пальцем в стражника, — меня оскорбил, теперь ты отказываешься иметь со мной дело.

Продолжительный вздох, Амадо наклонился к гному, и так, чтобы их не слышала стража проговорил.

— Послушай ты баран. Меня разыскивают по обвинению в измене. Сейчас я иду в логово гиен, эти за привилегии и деньги продадут кого угодно, поэтому если меня схватят ты сможешь продолжить расследование без меня. Если мы вместе сюда войдем, то может статься, что обратно не выйдет никто. Теперь понял?

Гном удивленно таращился на него.

— И вовсе не следовало обзывать. Я готов рискнуть... А, может и не стоит идти туда?

— Поверь, я сумею договориться со старым Скамешем. Так или иначе, но попробовать договориться надо. Тут, может быть, ключ к нашим поискам.

— Ладно, я буду ждать, и, если, что предупрежу Эвелин — примирительно проговорил гном. — А насчет барана, ты в следующий раз поосторожнее, у нас это страшное оскорбление.

Амадо кивнул, в знак согласия, и сняв меч с пояса отдал его страже. Лакей знаком пригласил следовать за собой.

***

— Что тебя привело ко мне Амадо? — глядя с нескрываемым любопытством спросил Скамеш Старший.

— У меня к тебе Уппоп один вопрос, ты связан с Гинну?

Нагловатая улыбка слезла с лица Скамеша, глаза сощурились, худая фигура наклонилась вперед.

— Ты, наверное, забыл Амадо? Это не меня разыскивают, за предательство нашего короля — ответил старик, цедя каждое слово. — Как ты смеешь задавать, мне такие вопросы? Ты уже не коннетабль! Нет у тебя больше власти! Я сейчас прикажу своим гвардейцам арестовать тебя, и тебя закуют в кандалы, а прикажу тебя выволочь на конюшню, и тебя выпорют как простого селянина, а если мне вдруг захочется посмотреть на твои муки, или смерть, так я могу приказать тебя умучить. Скажи, что мне помешает арестовать тебя и передать в руки короля?

— То, что я знаю! Ты покрываешь убийц из Гинну, у меня есть свидетель, и он

непрерывно появиться на королевском суде — не обращая внимание на угрозы ответил Амадо.

— Ну это вряд ли, чтобы попасть на суд короля надо обладать хорошей родословной! Безродного туда никто не пустит! У тебя есть высокородный свидетель? — старик рассмеялся.

— Граф Леворно достаточно высокороден?

Смех разом оборвался.

— Ты лжешь — выпалил Скамеш.

— Конечно, не сам граф будет свидетельствовать, но он проведет моего свидетеля. И тогда тебя ждет в лучшем случае виселица, а в худшем, кое-что пострашнее.

— Ладно, положим, все так как ты говоришь. Тогда, что ты хочешь от меня? — смирил гордыню Уппоп.

— Мне нужны все участники сети убийц, их пароли, имена и клички, а также имена организаторов Гинну.

— Ха-ха-ха — весело рассмеялся Скамеш. — Да ты и впрямь не представляешь, кто за этим стоит. Тебе не уничтожить Гинну! Амадо, она служит самым высоким лицам нашего королевства. Скорее тебя сотрут в порошок, чем ты сможешь с ними расправиться. Уходи, и я сделаю вид, что ты не приходил в мой дом, а иначе..., ну ты сам понимаешь.

Старик напряженно ждал ответа рыцаря. Тем временем Амадо снял пояс с округлой пряжкой, и положил на пол. Пряжа выросла в большую сферу с плоским дном, ее верх отошел, и рыцарь извлек оттуда меч андаланд.

Стража, с любопытством наблюдавшая за манипуляциями гостя, кинулась к рыцарю. Амадо ловко ушел от ударов алебард, мелькнуло лезвие, пронзившее одного из стражей, следом пал и второй. В помещение вбежали латники, колокольчик Скамеша звенел как безумный. Воины падали один за другим, Скамеш ринулся к потайной двери за тронном, пышность, которого могла поспорить с королевским.

Копье пронзило тело старика и прибило к дубовой двери, уже было открытой для бегства. Латники оказались весьма умелыми воинами, ему несколько раз нанесли смертельно опасные удары, и если бы не броня, то Амадо скорее всего уже бился бы в конвульсиях посреди приемного зала.

Воины разошлись по сторонам, обходя не убиваемого врага. Их капитан, лежал опершись на стену, и истекая кровью руководил действиями своих подчиненных. Родриго не торопился, он ждал. Вот один подошел слишком близко, острое клинка со свистом вспорол его панцирь, вырывая вместе с тканью поддоспешника, внутренности. Не давая опомниться остальным, Амадо тут же нанес удар в голову латнику справа, тот ушел, но не заметил, как оружие вернулось, и сбив его с ног тяжелым шаром рукояти, отшвырнуло к ближайшей стене. Воин попытался встать, но ноги подкосились, и он опять рухнул на пол, через отверстия забрала протекли красные сгустки. Мощный удар алебарды в спину оставил глубокий след на кирасе Амадо, он развернулся и получил укол в живот жалом алебарды. Жало застряло в металле золотистого доспеха. Перехватив лезвие меча, Амадо размозжил голову беззащитного стража тяжелым шаром, что венчал рукоять меча андландов. Позади чей-то клинок ткнулся в кирасу и со звоном переломился. Брошенный эфес зазвенел по полу, а латник отступил назад, закрываясь руками от смертельного удара. Родриго вырвал из кирасы острое алебарды и подошел к мечнику, его рука подняла забрало на шлеме латника. На Родриго смотрели перепуганные глаза, молодого парня. Острая боль обожгла бок, внизу

что-то скрипнуло, из отверстия, оставшегося от алебарды, торчал граненный кинжал. Металл обтекал клинок кинжала, стремясь закрыть прореху в кирасе. Точным ударом, Амадо раскроил лицо парня, его тело со страшным грохотом рухнуло на пол, внутри шлема захрипело.

Броня разошлась, Амадо склонился над сундуком, и вытащил продолговатый предмет. Поморщившись, он приложил граненную палку к ране. Легко проведя поверх кровоточащего отверстия, он отвел руку в сторону, на месте раны осталась лишь розовая полоска новой кожи. Броня снова сошлась надежно, сокрыв тело.

Копье с трудом подалось, и расщепленная панель двери со скрипом сошлась, тело Уппопа глухо ударилось об пол. Родриго наклонился над Скамешем и пощупал пульс, старик уже испустил дух.

Вспомнилось как несколько лет назад, Амадо пришел к владельцу Рапана, с обвинениями в торговле людьми, тогда ему так и не удалось призвать Уппопа к ответу. Цепочка привела к эльфам, и на этом король намертво закрыл расследование, для него так и осталось загадкой в чем загвоздка. Теперь пришло понимание, насколько масштабна система принуждения. Даже власть королей оказалась иллюзорной, она кончалась там, где начинались дела эльфов.

Обыск покоев Уппопа дал лишь странного вида артефакт. Однако его вид казался знакомым, где-то он уже видел такое изделие. Работа эльфов, это было видно сразу, но вот мастера рыцарь определить так и не смог.

Попались два интересных письма. Одно от канцлера Железной долины, в котором говорилось о необходимости срочной поставки новой партии товара в Эльфийские сады. Так среди людей называлась плодородная равнина Эманторана, которую сами эльфы называли Самрума.

Второе от Кейста, короля Караманта, просившего прислать ему древние манускрипты, что обнаружила экспедиция королевской Академии в Палеомии. Само письмо ничего примечательного не сообщало, а вот названия манускриптов Амадо удивили. «Сказание о побоище в Палеомии-Царской» история войн с королями личами, что много веков назад правили на территории нынешней пустыни Палеомии, получившей свое название от легендарного города-некрополя. «Смерть и что за ней», «Путешествие меж миров, или что ждет любопытного путника за завесой», «История династии Очавана Атхула», «Войны богов или падение древних», «Книга мертвых» — издание без правок поздних церковных адептов.

Имена авторов специфических произведений затерялись в веках, но не древность текстов смущала Родриго, сама тематика подборки наводила на тревожные предположения. Похоже Кейст решил исследовать те сферы, куда человеку лучше не лезть.

Осмотреть более внимательно покои бывшего правителя Рапана, Амадо не удалось. По лестнице застучали кованые сапоги стражи, обеспокоенной отсутствием вестей из покоев хозяина. Узкая лестница, забитая воинами, что мешали друг другу, послужила выходом для дерзкого человека. Родриго прикрываясь подобранным щитом, спускался вниз, разя врага чьим-то копьем. Срываясь со ступеней, раненные падали на нижестоящих соратников, чем создавали давку.

Пробившись в парадные покои, Амадо лихо раскручивая меч, рубил и колот врага, пока не образовался круг пустоты, в который стража боялась заходить. Никто не посмел встать у него на пути, когда Родриго покинул дворец.

На выходе его встретил хамоватый страж, он торопливо подал клинок в протянутую

руку рыцаря, со страхом глядя как по лезвию болотного клинка пробегают зеленные искры.

Во дворе Дулина не оказалось, не теряя времени на поиски соратника, Амадо направился напрямиком в контору Семигарда. Уже с противоположной стороны улицы он заметил распахнутые двери дома Талли. Отгоняя плохое предчувствие, Родриго стремительно вошел в приемную. Первое что ему бросилось в глаза, это склонившийся над чем-то гном, широкая спина Дулина скрадывала обзор. Обойдя его, рыцарь увидел тело Талли в луже крови, и бледное лицо Эвелин, голова которой покоилась на мощных руках Дулина.

— Что случилось? — выдохнул Амадо.

— Не знаю, я пришел, а тут все это... — гном обвел взглядом комнату.

— Она жива? — сухо спросил рыцарь.

— Да, еще дышит, но у нее огромная рана в животе и шея пробита. Я остановил кровь, но сомневаюсь, что она выживет. Слишком много крови, я поздно подошел.

— Нам надо бежать. В доме Скамешей все пошло очень плохо, надо спешить в Пассаки.

— Нет! Зачем? Ее надо к лекарю, в замок Леворно! — закричал гном.

— Эвелин там не спасут. Только Римант сможет вернуть ей жизнь, если успеем вовремя. Отстранив гнома, Амадо решительно подхватил женщину, и вскоре лошади несли путников в Пассаки.

— Спасти ее будет не просто, но я сделаю все, что смогу. Тебя я вижу тоже зацепили — строго глядя на Амадо, спросил Римант.

— У меня ерунда, кинжал и не глубоко, я кальцером остановил кровь. Ей помочь не смог, очень глубокие раны, не достает.

— И тем не менее покажи. Мне не нравится твой цвет лица, особенно губы. Синие как у вурдалака — подступая к рыцарю, настаивал лекарь.

Он проверил пульс Амадо, затем посмотрел радужку глаз, и цвет слизистых.

— Ложись на стол! — строго скомандовал доктор.

Амадо послушно лег, Римант задрал ему рубаху, и тонким стеклом вскрыл рану. Из отверстия брызнула кровь.

— Так я и думал! — торжествующе заключил лекарь.

Он вынул из своей сумы длинную тонкую трубку и раздвинув края раны, протолкнул ее в кровавое отверстие, после чего стал осторожно вытаскивать. Показался конец инструмента, рана затянулась. Удовлетворенный вид Риманта, говорил о том, что лекарь доволен результатом работы.

— Теперь лежи! Ты слишком много крови потерял, тебе надо восстанавливаться! — скомандовал лекарь.

Амадо попытался протестовать, но на его лицо опустилась тонкая сетка, ее серебряные нити искрились и переливались тусклым светом. Рыцарь почувствовал, как сознание улетучивается, все поплыло, и он провалился в темноту.

Гном испуганно уставился на бесчувственное тело Амадо.

— С ним все в порядке? — озабоченно спросил бородач.

— Да. Он спит. Через сутки проснется — рассеянно ответил Римант.

Теперь все его внимание поглотила рана Эвелин. Он раздел женщину, обнажив необыкновенно ладные формы зрелой красавицы, особенно поражала идеальная кожа, точно белоснежный шелк. Крестьяне во главе со старостой таращились на слишком красивое тело тридцатилетней женщины, не веря в то, что она из живой плоти.

— Даааа! — протянул, лекарь. — Этого не может быть. Не в этих условиях. Кто ты такая малышка?

Римант внимательно изучил тело пациентки, затем раны, безобразно уродовавшие гладкий живот Эвелин. Лекарь оторвал взгляд от женщины и заметил удивленные лица крестьян, ни говоря ни слова он указал на дверь. Его движение, как беззвучный приказ, заставило любопытных селян подчиниться.

Всю ночь в избе горел яркий свет, что-то стучало, затем, снова наступала тишина. Наконец раскрылась дверь избы, в утренний туман вышел утомленный Римант. Немного постояв, он сел на крыльцо, и грустно улыбаясь уставился себе под ноги.

Пропели третьи петухи, староста тихо постучал в дверь своей хаты. Ответа не последовало, он еще раз постучал. Опять тишина. Лука нерешительно приоткрыл дверь и заглянул внутрь. На столе лежала женщина ее тело покрывала ткань из светящихся нитей, совершенно не скрывая от обзора прелести Эвелин. Грудь больной медленно и высоко вздымалась. Рядом, положив голову на руки, спал Римант. Лекарь спал, сном человека, утомленного долгой и тяжелой работой.

***

В полдень, в Пассаки въехала знатная дама. Гостья потребовала для себя самый роскошный дом, где и расположилась, принудив хозяев уступить жилье. За дамой следовали двое слуг-стражей, их лица скрывали густые бармицы, которые крепились к островерхим шлемам, матово отливавшим на солнце. Длинные копья, со свисающими штандартами дома Леворно, скрестились перед входом в избу. Круглые щиты, закинутаые за спину, также украшали изображения графского герба. Из чего пытливый ум крестьянина сделал вывод, что к ним пожаловала супруга графа.

Староста, несколько раз пытался получить аудиенцию у знатной особы, но был предупрежден, что, если не оставит в покое графиню, то попадет на конюшню. После чего Лука поостыл в своем стремлении засвидетельствовать почтение, Ее Светлости. Он сидел на крыльце соседнего дома и тоскливо глядел вдаль.

Рука с трудом поднялась, стягивая с лица релаксатор.

— Вот чертов лекарь! Вырубил меня — недовольно бормотал Амадо.

Тело плохо слушалось, но с каждым ударом сердца мышцы наливалось силой. Беспричинная радость перехватила дыхание, давно он не ощущал такого состояния.

Повернув голову, он увидел Эвелин. По цвету сетки Родриго определил, что дела плохи. Жизнь баронессы висела на волоске, но женщина продолжала бороться.

Кроме Эвелин и Амадо в избе никого не оказалось, одевшись он вышел из хаты. Селяне, занятые повседневными заботами, не замечали рыцаря, не узнавая его без доспеха. Родриго огляделся, принюхиваясь к въедливому запаху свежееубранного навоза. Затем в поисках места, где мог бы справить нужду, неспешно обошел хату. Завернув за угол, он оказался на заднем дворе дома старосты. Много лет назад Лука разбил там небольшой садик, разросшийся теперь в маленький кусочек дикого мира. Посередине, в окружении посаженных заботливой рукой цветов, стоял грубо струганный стол, по бокам к нему примкнули две скамьи. Селяне посмеивались над чудаковатым старостой.

— Вот чудак! Растит бесполезные цветы, а то их по полям мало.

За столом сидели Римант и молодая девушка, они о чем-то спорили. Белоснежные волосы незнакомки ниспадали крупными локонами на плечи, а ее темно-голубые глаза буквально обжигали холодом спокойствия и отрешенности. Ледяное выражение менялось лишь когда они останавливались на бородатой физиономии доктора. В такие моменты лицо белянки приобретало нежное, девичье выражение, почти теряя противоестественную жесткость, а глаза начинали светиться глубоким, васильковым колером.

Цветение поглотило сад старосты, буйная растительность скрыла появление Амадо. Спор утих и теперь эти двое тихо переговаривались. Лицо Риманта покрывал румянец смущения, а глаза приобрели бархатный блеск, присущий только влюбленным. Посередине стола выделялась доска, разбитая черно-белыми квадратами. Приглядевшись Амадо узнал шахматы, прикинув расстановку фигур, он не сомневался в победе незнакомки.

— Так и что же, они не заслуживают права на свой путь? — с волнением в голосе вопрошал Римант.

— Нет — серебряным колокольчиком звенел в ответ высокий голос девушки.

— Но почему?

— Твой друг абсолютно прав, когда говорит о том, что у людей нет будущего. Люди слишком жестоки, жадность и подлость стали их природой. Человек уже не сможет быть другим, хоть дай ему тысячу лет.

— Даад ошибается! — раздраженно ответил Римант. — Менантр померк, и он не может этого принять. Он мудр, но тяжелые утраты ожесточили его сердце. Мы же смогли измениться и создать свою цивилизацию, да такую, что и вам оказалось не по зубам.

— Ну, уметь воевать это еще не достижение! — прикусив нижнюю губку, ответила уязвленная девушка. — Мы всегда ценили умение создавать, а не разрушать.

— Да? Как интересно! Если мне не изменяет память, это вы на нас напали? Или я что-то путаю? Да, кстати не вы ли любители жизни привели в мой мир Братьев? — он требовательно посмотрел на девушку.

Синеву глаз затянул лед отрешенности, они жестко смотрели на лекаря, пробирая холодом до самых потаенных уголков сознания.

— Вы нас вынудили. Люди, конечно, не все одинаковы, есть и среди вас достойные. Один из них сидит напротив меня — она улыбнулась и ее глаза вновь расцвели.

— Мне приятны твои слова Дальчи, но ты так и не ответила на мой вопрос. Чем люди хуже твоего племени? Я так считаю, что у нас столь не равные возможности, что нельзя подходить к ним с той же меркой, что и к бессмертным.

— Мы ведем бессмысленный спор. Я не могу ничего изменить, и ты не можешь, поэтому все будет идти так, как и идет.

Тем временем их партия подходила к концу, и несмотря на тяжесть своего положения, Римант сумел поставить юной противнице сначала шах, а затем и мат.

Девушка хитро улыбнулась.

— Ты меня специально отвлекал! Ах ты лукавый человек — с деланной строгостью выговаривала она лекаря.

Улыбаясь только глазами Римант внимательно смотрел на Дальчи, даже не пытаясь оправдываться. Амадо наступил на рассохшуюся доску, что выстирала дорожку к столу, и треск дряхлого дерева, разорвал флер любовной интриги, что невидимым покровом повисла над садиком.

— Ты, что прячется в цветах, покажись! — жестко прозвенел, прежде нежный голос.

Родриго вышел к столу, мужественный облик рыцаря больше подходил к простой обстановке деревенского садика, чем хрупкая фигурка девушки. Тело Дальчи, перетянутое осиной талией, казалась ненастоящим, напоминая фарфоровых кукол, что иногда доставляли в Аморат с далекого Юга.

Темнота зрачков, заполнила холодную синеву девичьих глаз, темные провалы Амадо вспыхнули огнем. Встретились пламя и холод.

— Зачем нас подслушиваешь? — с нажимом спросила девушка. — Сказанное здесь не для твоих ушей, смертный — ее ледяные глаза впились в Амадо.

В ответ глаза Родриго разгорелись, они неотрывно смотрели друг на друга. Постепенно черты девушки начали изменяться, и вот уже старуха сидит против Риманта.

— Остановись!!! — как сквозь толстый слой ваты долетело до слуха Амадо. Кто-то сильно дернул его за плечо, рыцарь повернулся.

Испуганный Римант, встал между ним и девушкой-старухой.

— Не надо! Прошу тебя! Не убивай ее! Она не зло! Нет ее вины, в том, что с нами случилось! Дальчи появилась позже и ничего не видела. Она чистая!!! — при этом он тряс плечо Родриго, глядя ему в лицо. Амадо точно окатили холодной водой, гнев испарился, в голове еще шумело, но постепенно приходило понимание происходящего.

— Что здесь делает девка из Андланда? — спросил он удивительно спокойным

голосом.

Девушка, поправляя платье, подняла холодные глаза и стараясь более не противостоять Амадо, проговорила.

— Человек, это ты пришел к нам! Вы убивали все, что попадалось на пути, а теперь ты винишь нас в своих потерях. Да ты и сейчас напал на меня. В то время как я лишь поинтересовалась зачем ты нас подслушиваешь.

Амадо не обращая на нее внимания, повторил свой вопрос. Римант с трудом переводя дыхание ответил.

— Дальчи не просто андланд. Она то, что местные зовут смертью. Ее забота жизнь, она контролирует рост популяции. Все очень сложно.

— Что тут сложного? — спросил Амадо. — Значит ты убиваешь, людей? — он смотрел в глаза девушки.

Дальчи, одарила его холодом в ответ.

— Нет я никого не убиваю. Я лишь забираю энергию, что высвобождается при смерти разумных существ.

— Сюда за кем пришла? — спросил, Амадо продолжая сверлить взглядом Дальчи.

— За твоей соплеменницей!

— Какой соплеменницей? — удивился рыцарь.

— Той, что лежит в доме, и сейчас пришла в себя. Римант, я еще зайду. А ты жестокий человек, лучше мне больше не попадайся.

Девушка поднесла изящную кисть к безымянному пальчику, и повернула серебряное кольцо, с белым сверкающим подобно звезде камнем по середине. Камень ушел на тыльную сторону пальчика, его сменил багровый рубин. Образ расплылся, и Дальчи исчезла. В воздухе еще некоторое время чувствовался аромат незнакомых цветов.

Римант быстро зашагал к выходу из садика.

— Что за соплеменница? — догоняя лекаря спросил Амадо.

— Эвелин из нашего мира — не оборачиваясь ответил Римант.

— Ты не ошибся?

— Нет. Ее тело, не оставляет сомнений, в том, что она из нашего мира. Честно говоря, думал мы на всегда потеряли наших женщин, а тут такой подарок судьбы — лекарь повернулся к Амадо, и схватив рыцаря за плечи начал его трясти.

— Ты понимаешь, какой это подарок!!! Мы можем начать все сначала!!! — глаза Риманта светились счастьем.

— Но ведь твоя Дальчи пришла за Эвелин, так почему не забрала ее? — недоумевал рыцарь.

— Я выиграл ее жизнь — не без гордости ответил Римант.

— Видишь ли мы очень хорошие приятели с Дальчи, и она благосклонно согласилась принять мое предложение. Мы решили судьбу Эвелин, в честном противостоянии.

Амадо тяжело посмотрел на лекаря, и ничего не отвечая направился к хате.

Светящееся покрывало залило помещение желтоватым свечением. Женщина в ужасе стремилась вырваться из стальных объятий невесомой ткани. Расширенные глаза искали хоть что-то знакомое. Прямоугольник нестерпимо яркого света привлек внимание Эвелин, и она почувствовала мягкое прикосновения сильных рук.

— Эвелин, это мы. Ты жива. Подожди, сейчас я тебя освобожу — донеслось откуда-то сверху.

Голос казался до боли знакомым, но женщина не могла вспомнить кому он принадлежит. Образы сменялись в бесконечном хороводе, в глазах прояснилось. Эвелин увидела строгое лицо незнакомого мужчины. Он смотрел на нее черными, бездонными глазами в сумраке хаты казавшимися еще более мрачными. В голове всплыли последние события Пассаки, староста, рыцарь. Неожиданно Эвелин вспомнила что рыцаря зовут Амадо. Ее взгляд скользнул по коренастому телу мужчины, в правой руке он держал смятую серебряную сетку.

— Релаксатор! Так вот почему я не могла ничего увидеть — спокойствие стало отвоевывать все больше места в ее сознании.

Эвелин попыталась вспомнить, что с ней случилось в конторе мастера Талли. Вот уходят ее компаньоны, она склоняется к юноше, гном что-то говорит, ее рука гладит волнистую шевелюру подмастерья. Неожиданно резкая боль в животе, она падает на колени. Сквозь плотно прижатые к телу руки, просачивается липкая, красная жидкость. Краем глаза она видит, как на пол падает Талли, у купца перерезано горло. Бьющееся в конвульсиях тело и булькающие звуки отдаются в ее голове болезненными точками. Попытки встать приносят невыносимую боль, и непреодолимую слабость. Нет сил, упругость тела разом исчезла, превратив крепкую женщину в тряпичную куклу. Затем еще один удар. В голове завертелось, и опять острая обжигающая боль, теперь уже в шее. Воздуха не хватает, неодолимо наваливается тишина и покой.

Сознание выплыло из жуткого водоворота образов прошлого, глаза сфокусировались на Амадо, рыцарь крепко удерживал ее за плечи. Позади раздались щелкающие звуки, женщина резко повернулась, рука Риманта мягко, но настойчиво вернула ее голову на место. Тонкий стек коснулся затылка, вновь издав щелчок. Лекарь задумчиво разглядывал пустоту перед собой, его губы слегка шевелились, считывая, видимую только ему, информацию.

— Так ну вот и все! Волны синхронизированы. Что голубушка, страшно? Я бы тоже боялся. Обмануть смерть мало кому удастся! — он доверительно улыбнулся Эвелин.

Эта улыбка вызвала в ней глубокое чувство доверия, и чего-то родного. Крупные слезы покатались по щекам женщины.

— Ну что вы? Все в порядке. У вас все хорошо, даже следов не останется. Вон как все хорошо зажило!

— Я не Эвелин, меня зовут Магна! Я менантр — сквозь слезы произнесла женщина.

— Мы знаем. Такого тела я давно не видел — признался Римант.

— А вы кто? — спросила Эвелин.

— Я Римант Ори, когда-то лечил людей, а он тот самый Даад Ореда — лекарь указал на рыцаря.

— Я слышала о тебе, ты победил Наргала, а потом пропал. Сложно поверить, но Рут твоя супруга, помогла мне выбраться из нашего мира, когда он превратился в могилу.

— Ты знаешь мою жену? — с волнением спросил Амадо.

— В последний раз, я видела ее, еще до моего перехода! — ответила Эвелин глядя с сочувствием на рыцаря. — Воины защищали здание академии, пока Рут выводила последних выживших из Менантра. Многие ушли в другие миры, но успели не все. Те, что остались, скорее всего погибли.

— А девочка?

— Девочки с ней не было. Там никто не смог бы выжить. Мне жаль — ответила Эвелин, едва сдерживая слезы.

Эльфийское море, как всегда, проявляло свой непокорный нрав, уже пятый день стоял полнейший штиль. Вымотанные гребцы сильно сбавили в скорости. Время тянулось невыносимо долго, вызывая чувство безысходности, усугублявшееся нестерпимым зноем, испепелявшим все живое на палубе корабля. Зато у Амадо появилась возможность уложить в голове события последних дней.

Посоветовавшись с Дулином, они отправились в Джана-Кудхи. Там, в портовом городе Галерна, располагалась школа бардов, которая и служила конечной целью путешествия охотников за головами. Несмотря на все протесты, мужчины не пожелали брать с собой Эвелин. Вскипая от гнева, баронесса отправилась в родовое гнездо Малино. Сопроводить неумную подопечную вызвался Римант. Эвелин обиделась на мужчин, и отказалась подчиняться коллегиальному решению. Дулин вспылил и высказал свое отношение к моральному облику баронессы. Вопреки ожиданиям охотников, Эвелин только рассмеялась в ответ, а последовавший за этим рассказ удивил не только гнома, но и менантров.

— Что могут подумать мужчины? Конечно, только то, что мне сейчас высказал Дулин, но в жизни существует много важных вещей и кроме плотских наслаждений. Я не сумасшедшая шлюшка, пытающаяся удовлетворить неумную похоть, я исследователь. Понимаю, что для вас, это странно. Что можно исследовать в глухой деревне? Отвечу просто, здесь наше будущее.

Мужчины заулыбались и переглянулись, Эвелин игнорируя пошлые ухмылки, продолжила.

— Здесь я оказалась, из-за Евхо. Рассказы о его удивительных способностях постепенно дошли и до владений моего супруга. Для вас Евхо всего лишь молодой пастух, смертный, жизнь которого столь скоротечна, что не стоит внимания. Но мальчик поистине уникален, когда я впервые увидела его, он оживил на моих глазах умирающую лошадь.

— То есть как оживил? — недоверчиво спросил Римант.

— Так, наложил руки на ее голову, и кобыла поднялась спустя десять минут. Позже я узнала, что лошадь вовсе не больна, ее убивала старость. Евхо мне объяснил, что с рождения обладал необычной способностью. Налагая руки, он избавлял мать от болей в низу живота. Но жестокость ревнивого отца, лишила Евхо матери еще в юном возрасте. Отец убил ее в присутствии мальчика. От пережитого стресса у него открылась еще одна способность. Теперь он мог поднимать скотину, погибающую от возраста. Позже выяснилось, что животные, поднятые его рукой, приносят удивительный приплод, который не болеет и растет лучше, чем обычные жеребята. Тогда-то деревня и начала выращивать коней особой стати, получая баснословные прибыли.

Амадо видел, как заблестели глаза женщины, когда она говорила о несчастном пастухе. Особая дрожь нетерпеливого исследователя пробивала все ее существо.

— Много лет я изучаю подобные изменения в человеческой популяции. И пришла к выводу, что время от времени среди смертных появляются уникамы, люди с мутациями. Так же я заметила, что по странному стечению обстоятельств все они не доживают до совершеннолетия, погибая чаще всего после различных обрядов инициации. Они гибнут, как только встречаются с местным священством, как будто кто-то не хочет, чтобы среди людей просыпались подобные способности. Другими словами, у меня сложилось четкое ощущение, что этих детей отслеживают и целенаправленно уничтожают.

— Но как это возможно? — возмутился такой несуразности Дулин. — Это же не хватит

никакой агентуры.

— А тут и не агенты, ту намного более могущественные силы.

— Ну не хочешь же ты сказать, что боги имеют особые планы на род человеческий? — с насмешкой спросил Амадо.

— Тогда объясни происходящее иначе! Я уже не в первый раз иду по следу убийц уникумов, но цепочка всегда обрывается на исполнителя. Могу только сказать, что в этом совершенно точно замешаны сильные мира сего, а убийцы из Гинну лишь исполнители, одни из многих. Поэтому я должна найти Гинну вместе с вами, в конце, концов я имею на это такое же право.

— Наверное твои слова справедливы — задумчиво проговорил Амадо. — Но я не могу рисковать твоей жизнью, она слишком ценна для нас. Так, что нет Эвелин, ты едешь домой — решительно заявил рыцарь.

Женщина всплеснула руками, и что-то хотела выпалит наглому мужлану, но Амадо ее опередил.

— Это больше не подлежит обсуждению.

Пред мысленным взором рыцаря встало возмущенное лицо Эвелин. Мысли перескочили к конторке гнома Талли, купец с перерезанным горлом, лужи крови, израненное тело баронессы, он зажмурился, до боли сжимая кулаки.

Куда подевался Галиус Крид, так и осталось неясным, его поиски ни к чему не привели. Молодой убийца Гинну, точно растворился, или как предполагал Родриго, кто-то могущественный не желал, чтобы Крида нашли.

Рядом постоянно слышалась брань, справа от Родриго, пристроившись на бухтах канатов, сидели игроки в кости. Поглощенные азартом моряки, не стесняли себя в выражениях. Ругань прерывалась только громким стуком стакана о доски палубы, затем слышался дробный разлет костей, вызывавший новый взрыв эмоций. Особенно буйствовал Дулин, как оказалось ничто человеческое гному не чуждо.

На горизонте показалась земля. Спустя два года Амадо предстояло вновь ступить на земли тропического рая. Вскоре показалась Галерна, крупнейший порт Джана-Кудхи. Люди сновали по пирсу безостановочно перетаскивая тюки, бочки и ящики. Вдали чернели загоны, через которые гнали лошадей на корабли, еще дальше пристроились ряды коренастых складов.

На главной площади развернулся Вечный базар. Товары со всего мира, заполняли прилавки сотен торговцев. Здесь продавалось все, что производилось по эту и ту сторону Эльфийского моря. С каждым годом Галерна все больше превращалась в торговую биржу, формировавшую цены всего региона. Многие влиятельные торговые дома, основали здесь свои представительства, стремясь не упустить начавшийся расцвет нового торгового центра. Конечно, за всем стояли эльфы, именно они снимали сливки контролируя цены.

Джана-Кудхи находилась под протекторатом эльфов, поэтому охотникам за головами пришлось оставаться инкогнито. Не задерживаясь в порту, Амадо отправился в школу бардов. Дулин остался подготовить отступление, он должен был подойти к школе четвертью часа позже и привести с собой двух быстроногих коней.

Школа бардов оказалась огромным особняком, занимавшим пол улицы, сразу бросалась в глаза роскошь строения. Барды Галерны не бедствовали. Амадо и не догадывался, что ремесло бродячего музыканта приносит такие доходы. Глухая стена фасада, выходившего на улицу, имела только один вход. Высокая, резная дверь, надежно перекрывала внутренний

двор храма искусств от любопытных. Рыцарь дернул кольцо, за дверью мелодично прозвенел колокольчик. Потянулись минуты ожидания, долго никто не отвечал. Родриго уже начало казаться, что по ту сторону никого нет, как вдруг, на уровне лица, открылось маленькое окошко. Внимательные глаза уставились на рыцаря.

— Что ты хотел, путник?

Закрыв глаза ладонью, Амадо развернул ее к своему визави со словами.

— Смерть наша мать, мы не знаем ее замыслов, но верим в ее мудрость, и готовы слепо исполнять волю Великой Утнаты! — торжественно произнес он, остро ощущая, что едва может себя удержать от распирающего изнутри хохота.

Окошко с лязгом захлопнулось, снова наступила тишина, пока не заскрипели засовы. Тяжелые створы дубовой двери разошлись, открывая взгляду путника широкий внутренний двор. Худой мужик в цветастой одежде указал на толстого коротышку, и дал понять, чтобы Амадо следовал за ним.

Миновав двор, они оказались в крытой галерее, и вскоре уперлись в окованную железом дверь. Опять стук, тишина, затем окошко, и наконец скрип отворяемой двери. Коротышка куда-то исчез, и Амадо повел по каменным галереям, мощный детина, мало напоминавший барда.

Вскоре они вышли в зал с колоннадой, вдоль стен стояли люди в длинных плащах. Глубокие капюшоны покрывали их головы полностью, скрывая лица. Из-за перегородки вышел невысокий, коренастый человек, его плащ отличался тканью. Черный шелк падал красивыми складками, подчеркивая значимость владельца. Главный, как понял для себя Амадо, опирался на толстый посох, с навершием в виде головы какого-то чудища.

— Кто ты путник? — раскатисто прозвучал голос главного.

— Меня прислал Руперт Таварид, он просил передать Вам поклон.

— А что ни будь еще он передал? — спросил бесстрастный голос.

— Просьбу, чтобы вы помогли ему подготовить несколько человек, для концерта в высоких домах Юга Амората — соврал Амадо.

— А, что же Руперт присылает вместо себя незнакомца? Он пренебрегает нашим обществом?

— Руперт и помыслить не мог, чтобы оскорбить ваше священное братство. Но время сейчас жаркое, многим требуется помощь, а Руперт всегда все делает по высшему разряду. Поэтому и не может оставить на кого-то свое хозяйство.

— Как твое имя брат?

— Саливан Жмудин — гордо выпятив грудь представился Амадо.

— Дорогие братья поприветствуем нашего гостя! — обратился к присутствующим коренастый.

Шелест одежды приближающихся людей, едва слышный металлический звон доспехов, сокрытых плащами, и скрип обнажаемых клинков, донеслись до слуха рыцаря. Удары обрушились сразу со всех сторон, широким взмахом Амадо отшвырнул двоих нападавших, и выхватил болотный клинок. Лезвие точным уколом пробило впереди стоящего убийцу, со спины на шею Родриго набросили удавку. Шнур прошелестел по доспеху, прикрывавшему шею рыцаря. Задушить его не получилось, поэтому нападавший попытался опрокинуть Амадо на спину. Рыцарь на пятках развернулся к душителю, меч по инерции вошел в живот убийцы.

Только быстрая реакция спасла Родриго от неминуемой смерти, его доспех успел

прикрыть все уязвимые точки. Рядом звякнул клинок, надломленный о кирасу, по шлему скользнул посох главного. С виду несильный удар закружил голову, но клинок рыцаря продолжал разить врагов. Помещение наполнилось криками раненных.

«Барды» могли дать фору любому акробату. Ловкость, с которой они избегали его атак, и ответных выпадов, говорила о многих годах, потраченных на оттачивание мастерства убийцы. Пару раз клинки гинну попадали в фильтрационные отверстия на шлеме, но прочная мембрана не пропустила смертоносную сталь. Несмотря на превосходство противника в числе и технике, тяжелый доспех решил исход боя в пользу Амадо.

Вмятины и зарубки на доспехе быстро затягивались. Убийцы, увидев сквозь лохмотья плаща восстановление кирасы, в ужасе разбежались.

Главный скинул шелковый плащ, под которым оказалась кираса, набранная из отдельных пластин, с круглым щитком по центру. Посох убийцы целил в голову Амадо, но рыцарь, точно угадывая направление древка, уворачивался, постепенно сокращая дистанцию. Неожиданно тело главного взлетело высоко вверх, с ловкостью, которой позавидовала бы обезьяна. Убийца гинну, уперся ладонью в навершие посоха, его тело оказалось выше головы Родриго. Удивление украло драгоценные секунды и рыцарь, получил тяжелейший удар в голову, ногой в латном ботинке. От неожиданности Амадо опрокинулся на спину, и едва успел осознать случившиеся перемены, как сверху ударила вторая нога главного, окончательно пригвоздившая рыцаря к полу.

Клинок вспорол пустоту, ловкий убийца спокойно увернулся от спорадической возни Родриго. Убийца оттолкнулся и снова взмыл в воздух.

Амадо кувыркнулся, главный попытался прижать его тело очередным ударом ноги, но поскользнулся на крови товарищей и рухнул сверху. В мгновение ока рыцарь оказался поверх противника, главный пытался вывернуться, но тяжесть Пасиса намертво прижала его к полу.

Стальные пальцы сжали горло убийцы, «бард» быстро тыкал кинжалом в доспех, пытаясь нащупать уязвимости в защите Амадо. Железный воротник на кирасе убийцы поддался, натужно скрипнул и сложился гармошкой, сухо хрустнул кадык. Главный резко дернулся, лицо его налилось, быстро набирая багрянец. Из последних сил он пытался вырваться и втянуть в себя хоть поток живительного воздуха, но рыцарь с мрачной решительностью продолжал сжимать его гортань, пока не сломал позвонки. Шея, превращенная в отбивную, на глазах почернела, Амадо с трудом оторвал от нее сведенные яростью руки.

Не замечая, как под ногами чавкает кровь, рыцарь обошел зал, методично добывая выживших. Десятки обезображенных тел устлали белоснежный мрамор пола, сколько смертей в комнате, посвященной искусству. Столько усилий и все в пустую, узнать ничего не удалось, план провалился. Оставалось только одно, самому поискать зацепки в кабинете главаря.

Поиски кабинета привели Амадо в квадратную алтарную, погруженную в полумрак. У дальней стены высился безобразный истукан. У его ног белели черепа, а на шее висело ожерелье из высушенных кистей человеческих рук. Огромную чашу, установленную перед истуканом, наполняли красные лепестки гумары, помещение заполнял одуряющий аромат, исходящий от цветов.

Широкая полоса света, испускаемая Пасисом, осветила жуткий алтарь, к Родриго метнулась тень. С неприятным скрежетом скользнул клинок по шее, прикрытой сталью. Рыцарь не успел среагировать, так быстро двигался убийца. Перед глазами мелькнули лишь

бельма слепых глаз, и размытые очертания короткого меча. Враг выворачивался как уж, ускользя от ответных ударов Амадо. Рыцарю казалось, что он сам каменный истукан, так медленно и неловко двигались его руки и ноги в сравнении с убийцей. Болотный клинок нелепо рубил воздух, не в силах нагнать слепого ловкача.

Исход поединка решил случай, убийца налетел на меч, в бесплодной попытке пробить броню Родриго. Клинок рыцаря прошел тело слепца насквозь. Не смотря на смертельное ранение, убийца сохранял спокойствие, лишь ровное дыхание немного сбивалось при выдохе, сказывались годы тренировок. Слепой еще несколько раз нанес удар коротким мечом, но силы окончательно покинули тело калеки.

— Ты же слепец! Зачем напал? — спросил Амадо.

— В ее алтарной ты более слеп, чем я — усмехнувшись ответил убийца.

— Как вы догадались, что я не тот, за кого себя выдаю?

— Ты бросил вызов Гинну, и теперь, я кх... — закашлялся слепой. — Сейчас твоя жизнь не стоит, ничего. Теперь за тобой будут охотиться днем и ночью, пока ты сам не начнешь умолять нас о скорой смерти. Кх...Кх... — кровь потекла изо рта убийцы.

Амадо тряхнул слепого за плечо, в ответ послышался стон.

— Меня не пугают твои угрозы, не трать на них время. Как вы узнали, что я не от Руперта?

— Нам пришло известие о его смерти... Нас предупредили, что рыцарь, дама, и гном ищут Гинну... Муран тебя сразу узнал... Ты не помнишь, но он один из тех, кто принял оплату за голову Эйлаха... — слепой захлебнулся кашлем.

— Зачем вы убиваете особых людей?

— Не понимаю, о чем ты? Кто должен умереть, тот умрет... за нас решает мать небытия, богиня смерти. Она указывает, кому пришло время уйти в ее чертоги...

— Что за богиня смерти?

— Утната Милостивая, она прямо за тобой — с трудом проговорил убийца, его губы стали деревянными, и уже плохо слушались.

Амадо торопился, осталось совсем мало времени, гинну мог вот, вот умереть.

— Евхо вам указала богиня?

— Малец из Амората? Нет, этого заказал Дюран Пантори, он ... Да что с тобой? Ты лучше беспокойся за свою подружку, ей сейчас несладко... ха-ха, поверь до конца года все вы будете мертвы — слепой жутко сморщился, и вздрогнув всем телом обмяк.

Вот и все, теперь надо спешить. Эвелин в опасности. С такими мыслями Амадо подошел к истукану. Утната сидела в свете лампад, источавших благовония. Вокруг лежали части человеческих тел, на коленях лютня, ранее не замеченная им в темноте, черепа недобро слабились чужаку.

Черные агаты глаз богини сверкали в луче света, камни совершенно точно смотрели. Амадо сморгнул, отгоняя наваждение. От жуткого взгляда человека передернуло, он отвернулся и отправился по храму в поисках каких-либо зацепок, что могли бы помочь найти Гинну. В дальнем углу рыцарь обнаружил еще одного брата, тот забился за одну из чаш, что собирали кровь для богини. Клинок взвизгнул, голова несчастного отлетела прямо в кровавую лохань.

Не найдя ничего интересного Родриго, подошел к истукану, и толкнув ногой, опрокинул его навзничь.

Оставалось найти Галиуса Крида, почему-то Амадо казалось, что он здесь. Дверь храма

отворилась, рыцарь повернулся на звук, в проходе стоял Галиус. В руках подмастерья блеснул резной череп, внутри, красным светом горела лампадка. С губ Крида сорвались слова заклęcia, они резали слух, непривычно знакомые, но бесконечно древние.

Амадо кинулся к убийце, но его ноги оторвались от земли. Перед глазами завертелась комната, страшный удар о стену сплющил доспех. Рыцарь попытался подняться, но необоримая сила вновь оторвала его от земли, доспех затрещал. Титаническая хватка сдавила шею Амадо со спины, грозя раздробить позвонки. Болотный клинок скользнул вдоль бока назад и завибрировал, наткнувшись на что-то очень твердое. Металл со скрипом скользил по камню, оставляя глубокую борозду. Рыцарь наносил удар за ударом, пока клинок не нашел что-то мягкое. Железная хватка отпустила шею, но тут же перехватила талию воина.

Амадо извернулся и ткнул в сторону нападавшего, клинок со звоном переломился. Гул гнева обрушился на алтарную. Тело рыцаря, как тряпичную куклу швырнули на дверь, ведущую в зал. Затрещав створа, вывалилась наружу, свет ударил в глаза Родриго, ослепив на несколько секунд. Позади слышался тяжелый топот чего-то очень большого. Встав на четвереньки, рыцарь выполз в зал приемов. Крид сбежал, по крайней мере Амадо его потерял.

Лихорадочно стянув пояс, рыцарь раздвинул сферу в сундук. Позади затрещали перекрытия двери, вырывая балки, в зал влетело оно.

Амадо поднялся на ноги, доспех восстановил изначальную форму, меч андланд взлетел на плечо рыцаря. Легко, точно танцуя, человек, пошел по кругу, стараясь обойти истукана из храма Утнаты. Громадина из камня широко раскинула три пары рук, стремясь поймать человека в смертельные объятия. Волна воздуха покачнула Амадо, когда мимо пронеслась Утната. Рыцарь успел присесть и проскользнуть под мощными руками богини. Промаяхнувшись истукан снес ряд опорных столбов, опрокинул стену, и обвалил часть потолка. Застыв в проломе, Утната взглядом, искала святотатца. Глаза богини горели ненавистью. Заметив человека истукан сдернул шелковый пояс с огромными, бронзовыми шарами на концах.

С оглушающим свистом завертелись жуткие снаряды. С шумом пролетая над Амадо они цепляли тела погибших, расплескивая раздробленную плоть по стенам и потолку. Напряженно вглядываясь в круги, совершаемые огромным боло, рыцарь ждал момента. Ударил один шар, превратившись в лепешку, кровь на полу взорвалась множеством пирамидальных всплесков, второй шар пролетел в миллиметре от головы человека, следом бронзовый блин, едва задел кирасу.

Лишь внимание и быстрота спасли Амадо от соприкосновения с медным блином. Выбежав за траекторию боло, рыцарь наконец смог сориентироваться, и попытался поднырнуть под многочисленные руки Утнаты, но их быстрое движение отшвырнуло его на стену. Следом прилетели медный блин, он рассек кирасу и глубоко вошел в мышцу груди, а затем шар, который ударил в лезвие меча, и выбил клинок из рук Амадо. С тонким звоном меч откатился в сторону, на кирасе красовалась глубокая вмятина. Затем все рванулось вверх, и тело человека швырнуло в потолок. Утната вырвала медный диск, застрявший в доспехе рыцаря. Кровь брызнула из раны, Родриго почувствовал, что жизнь уходит из тела.

Рыцарь упал на пол, рядом с ним ударил шар, затем прилетел бронзовый блин, оставив на броне глубокую вмятину. Сверху навалилась громада ожившего истукана. Опираясь на две пары рук, Утната в неистовстве била могучими кулаками по голове Амадо, грозя раздробить

человеку череп. Шлем пока справлялся, но повреждения доспеха становились критическими, и скоро он мог перестать защищать.

В голове гудело, перед глазами все мелькало, не давая сосредоточиться. От очередного удара голова Родриго повернулась на бок, глаза зацепились за обломки клеветца, оброненного кем-то из убийц. Рука сама схватила оружие и поймал момент, когда Утната отклонилась назад, чтобы нанести удар всем весом, Амадо вогнал острый клюв молота между глаз чудовища. Сила и вес противника, встретили острый конец оружия, и пробив каменный лоб Утнаты, глубоко вогнали клеветца в безобразную личину богини смерти.

Тупой конец боевого молотка, уперся в грудь Амадо, в яму что оставил шар на кирасе. Рыцарь попытался сместить в сторону надвигавшуюся на его тело пятку клеветца, но края ямы не позволили сбросить удар по касательной. Руки истукана, разом отказавшие, обрушили весь вес Утнаты на оружие. Острая боль пронзила грудь, дыхание заперло в легких. Мерзкий привкус железа во рту и резкая слабость, наполнившая тело, остановили мысли в голове человека.

Откуда-то сверху долетели звуки голосов, точно сквозь толстый слой земли. Помещение заполнилось лязгом доспехов, топотом ног, и криками людей. Вытягивающая последние силы боль, рванула грудь, и выкинула рыцаря из реальности в черноту.

Мягкий свет коснулся глаз Родриго, слух уловил приятный голос, женский. Настолько знакомый, что даже не хотелось думать кому он принадлежит. Амадо открыл глаза, над ним склонилась Рут, ее темные локоны нежно касались лица и шеи.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он, удивленно глядя на жену.

— Ты меня ищешь, вот я и пришла — проговорил родной голос. Глаза печально смотрели на рыцаря. — Не умирай. Тебе нельзя умирать. Ты нужен нашей дочери. Только ты ей можешь помочь. Она ждет тебя!

— Она жива? Где она? — с волнением спросил Амадо.

Лицо Рут начало таять, он протянул руку, пытаясь удержать ее. Ладонь коснулась чего-то холодного и склизкого, он внимательно взгляделся в то, что ухватили его руки. Черная, холодная, склизкая длань мертвеца, нежно сжала ладонь Родриго и исчезла. Амадо закричал, и его тут же выбросило из сна. Грудь тяжело вздымалась, давая сердцу работу. К человеку вернулась жизнь.

Конец первого десятилетия

Глава 1

Второе десятилетие. Начало

Небольшое окно высокой башни выходило на желтую, от созревших хлебов, равнину. Снежные шапки далеких гор, что окружали поля, ярко сверкали в лучах утреннего солнца. Амадо сидя за низким столиком тщательно выводил круглые знаки, быстро двигая, хорошо очиненным пером по тонкому пергаменту. Письмо предназначалось канцлеру Железной долины. В послании сообщалось о разгроме Школы Бардов, тут же в крайне деликатной форме, он напоминал о необходимости внести плату за его труды. Свою долю Родриго просил передать Дулину Тархеду, что с Седых Гор. В приписке к основному тексту, он предупредил, о том, что Гинну еще не разгромлена. Указывая, на тот факт, что высокие покровители убийц, скрываются во многих королевствах среди высших сановников.

Свое послание Амадо закончил, просьбой высочайшего соизволения посетить Долину. На срок не более чем две недели, исключительно с коммерческой целью, а именно, чтобы приобрести старинную безделицу у Крапора Семипалого.

Лекарские способности Риманта принесли свои плоды. Амадо постепенно пошел на поправку, но организм все еще боролся со слабостью, окончательно залечивая раны.

Жизнь Родриго спасло умение Эвелин пользоваться кальцером, и природный авантюризм неугомонной бунтарки. Именно баронесса взбаламутила супруга на путешествие. Барон Малино прибыл с небольшим отрядом рыцарей в школу Бардов, немногим позже Родриго. Пока Амадо боролся с Утнатой, отряд барона пробивался вглубь школы. Воинам пришлось столкнуться с яростным сопротивлением адептов богини смерти.

Бойня, встретившая рыцарей в зале инициации, ужаснула даже опытных бойцов Малино. Амадо долго искали среди трупов, пока Кристиан не догадался перевернуть останки монстра, где и обнаружилось искалеченное тело Родриго.

Поначалу решили, что он мертв, но Эвелин отказалась верить в смерть легендарного менантра, что и спасло жизнь Амадо. Женщина проверила его дыхание зеркальцем. Запотевшее стекло показало, что жизнь еще теплится в измочаленном теле.

По случайному стечению обстоятельств отряд Малино встретил Риманта, лекарь отправился следом за Родриго в Галерну, и долго искал охотников за головами в портовом городе. Удивлению лекаря не было предела, когда из паланкина, что следовал ему на встречу по узкой улочке Бакалейщиков, вышла Эвелин. Жуткая история с домом Бардов облетела округу со скоростью урагана, но Римант и подумать не мог, что этот кошмар связан с его другом. Лекарю пришлось оставить все дела, посвятив свое время спасению жизни безжалостного убийцы. Стараниями Риманта Амадо сохранил возможность двигаться.

Все это он узнал уже после, когда очнулся в замке Малино на юге Амората. Уже больше месяца они гостили у Кристиано. Амадо лечился, а Дулин отправился за платой к работодателям в Железную Долину, поскольку в его кошеле запасы золота критически истощились.

***

Вековая пыль легла толстым ковром, на окружающую обстановку. Не мягким и пушистым, а жестким, за известковавшимся налетом, хрустевшим под руками, и осыпавшимся крупными хлопьями под ноги гробокопателей. Палеомия одно из тех мест куда человеку не следовало соваться, песок и жара сделали этот край безжизненным.

Высокие барханы скрывали в своих недрах тысячи тайн. Перемещаясь с места на место, они надежно запутывали следы, случайно обнаруженных секретов древней пустыни.

Одной из самых мрачных легенд этого края оставался город богов Кнарегон. Город, породивший многие жуткие легенды и кошмары людской цивилизации. Веками его могущество держалось на секретах бессмертия тела и духа великих правителей, сравнявшихся с богами в своем могуществе и гордыне.

В конце концов последний правитель Кнарегона превратился в живого мертвеца. Армии, движимые волей монарха, разоряли окружающие королевства. Много столетий спустя войны превратили некогда цветущий край в пустыню. Пески вышли из-под Кнарегона и поглотили плодородные земли, подобно морскому приливу. Эльфы приняли это как знамение, указывающее, на то, что город проклят.

Великая армия собралась на борьбу с ненавистным королем личем. В битве у столба Ганиурона, огромной скалы, возвышавшейся в море песка, последний правитель Кнарегона, Ургеной Проклятый, пал. Но поражение проклятого не принесло радости победителям, началась песчаная буря, что похоронила эльфов и людей. И по сию пору их кости лежат в пустыне, занесенные песком.

Легенды гласят, что адепты правителя Кнарегона, похоронили его во дворце Ганиурона, предка Ургеноя, а сам город, сокрыла буря в глубоких песках. С тех пор много искателей приключений исчезло в пустыне, в бесплодных попытках отыскать легендарную гробницу. Теперь лишь кости, усыпавшие просторы Палеомии, облизанные до белоснежной чистоты жадным солнцем, напоминали о их смелости, и безрассудстве.

***

Гробокопатели деловито суетились, располагаясь в открытой, накануне днем, гробнице. Многие из них напоминали профессиональных воинов, часть носили мантии университета Караманта, что явно указывало на отношение последних к книгочейскому ремеслу. Расползшиеся по огромному залу профессора, с интересом изучали погребальную камеру, обнаруженную под толщей песков Палеомии.

Вчитываясь в древний язык, надписи на котором испещрили стены огромного зала, они искали конкретное захоронение, но почему-то не находили его среди множества саркофагов.

Быстро организованный лагерь и освещение, сделали мрачный зал крипты более приветливым. Исчезло непреодолимое чувство жути, что охватило членов экспедиции в первые минуты после вскрытия погребального зала дворца мертвых, что дал имя Пустыне. Более недели инженеры простукивала стены, копали песок в поисках секретных рычагов. Исследуя погребение, ученые обсуждали таинственные послания, начертанные на стенах. Пытливый ум профессоров искал в каждом слове скрытый смысл, но тайна крипты не желала открываться чужакам.

Себастьян Терес, профессор университета Караманта, не спал уже четверо суток. Глаза ученого жгло огнем, знаки, снятые со стен и саркофагов, расплывались. Тяжелая голова отказывалась думать, путая мысли.

— Куда же делся Ургеной? — в отчаянии спрашивал себя профессор.

Они нашли его дворец, родовая усыпальница лежала прямо перед ним. Тут покоилась вся династия короля-лича, от многочисленных предков, до пятерых сыновей. А также две предыдущие династии, что располагались в соседних камерах.

Все сорок девять представителей династии Налли здесь, нет только самого легендарного правителя. И все-таки источники как один указывают, что он погребен вместе

со своим отцом Ганиуроном. Должен он быть здесь. Так, где же его саркофаг?

Терес потихоньку сходил с ума. Неудача экспедиции пугала его не столько серьезными последствиями, что ждали по возвращении в королевство, сколько больно была по его самолюбию ученого.

Он не мог отвергнуть вызов, что бросили ему обстоятельства, страстно желая раскрыть тысячелетнюю тайну. За это, Терес отдал бы все.

— Что он упустил? Где вкралась ошибка? — в глазах снова поплыло.

Он не мог точно сказать, от чего именно от бессонницы или от чада, который давали многочисленные факелы и жаровни.

Ученый поднял усталые глаза, яркий свет факела на секунду ослепил его. Терис зажмурился и протер воспаленные веки. Взгляд профессора упал на место, где сходились свет факела и тьма погребальной камеры. Сейчас ученый мог поклясться, что там кто-то стоит, хотя секундой ранее никого не было. Мертвенно белый саван, что укрывал незнакомца, резко выделялся на фоне сумрака крипты. Призрак махнул, подзывая к себе. Терис снова потер глаза, и вытянув тощую шею, будто черепаха, выглянувшая из-под панциря, взгляделся в неясные очертания. Дух остался на прежнем месте.

Ученый неуверенно оглянулся на стражника у общего костра, воин сидел на низком табурете и с тупым выражением лица пялился на огонь, не замечая призрака. Стараясь не шуметь, сам не зная почему, профессор поднялся из-за походного столика и направился к незнакомцу.

С удивлением он заметил, что как только приближается к полупрозрачному образу, призрак удаляется от него, продолжая звать за собой. Первый испуг прошел, Терис сообразил, дух куда-то его ведет.

Незаметно крошечная тьма поглотила ученого, он огляделся, из черноты выплыли образы, сначала едва различимые, затем все более четкие. Испуганный мозг Териса пронзила догадка, он не нуждается в источниках света. Его глаза прекрасно видят в абсолютной темноте. Мир ученого сузился до призрака, и единственной мысли не потерять бесплотного проводника в лабиринтах крипты. Впереди показался величественный саркофаг.

Отполированный до блеска черный базальт вырос над профессором, огромным старинным кораблем. Кованный трап, прилипший сбоку, привел ученого на палубу, где в резном паланкине, выполненном из кровавого коралла, стоял саркофаг, выточенный из единого куска янтаря. На крышке вспыхивали красные искры, они танцевали по желобкам высеченных в окаменевшей смоле надписей.

При появлении человека искры потекли в одном направлении, пока не слились в ручей, который застыл в завитках царского иероглифа династии Налли. Терису хватило одного взгляда, чтобы прочесть имя короля-лича. Неожиданно стены заплясали, внизу закружился базальтовый корабль, саркофаг потерял очертания, превращаясь в светящуюся точку. Ученого приподняло в воздух, отсюда он увидел всю погребальную камеру, теперь стало очевидно, почему экспедиция не могла найти легендарного правителя. Пещера, в которой покоился Ургеной, уходила далеко в сторону от общей усыпальницы правителей Налли. Древние зодчие вырубили зал Ургеноя глубоко под землей в материковой скале, снабдив проход к гробнице множеством хитроумных устройств, призванных охладить пыл любителей покопаться в чужих костях.

С победоносным воплем он вскочил со своей кровати, и переполошил весь лагерь.

Охрана забегала, бряцая броней и оружием. Терис не мог понять сон его посетил или видение, но как настоящему ученому ему не терпелось проверить догадку своего мозга. Именно так профессор оценил ночное приключение.

Воины смотрели на ученого как на сумасшедшего, и все время экспедиции сторонились чокнутого. Коллеги, тихо завидовали знаниям и научному чутью Териса. Тем не менее никто не мог сомневаться в умении этого человека найти выход из любой ситуации, поэтому распоряжения Териса тут же принялись исполнять.

Прежде всего вскрыли саркофаг отца Ургеноя, оттуда ученый извлек тиару, украшавшую череп мертвеца. Путем замысловатых манипуляций он извлек из венца белый камень. Переливаясь в случайных лучах факела и лампад, камень заиграл бликами, на гладкой пузатой поверхности линзы.

Терис приказал, откопать окна над саркофагом отца и матери Ургеноя, его двух сестер и семи братьев. В помещение ударили жесткие лучи мертвящего солнца Палеомии. Отражаясь от зеркально отполированных поверхностей саркофагов, лучи осветили крипту. Вместе со светом пришло гнетущее ощущение неизбежной смерти.

Глаза участников экспедиции повсюду натыкались на костяки людей, которые погибли в момент захоронения легендарного правителя. Не одна сотня черепов, убитых после церемонии слуг, валялась подле костяков, заботливо усаженных вдоль стен. Тысячи лет, жертвы кровавого ритуала, хранили покой живого мертвеца. Помимо останков рабов, меж саркофагов белели кости авантюристов и искателей сокровищ, что сложили свои головы в этом забытом людьми месте.

Терис что-то считал, невнятно бормоча какие-то формулы. Наконец ученый велел поднести одну из жаровен. Четверть часа он устанавливал кристалл в разъем треноги. Поворачивая линзу под разными углами, профессор поймал свет, многократно отраженный от полированных поверхностей саркофагов.

Камень заблестел и испустил тонкий луч света. Белая полоска уверенно поползла по песку, и уперлась в точку посреди зала, что располагалась между двумя колоннами. Терис посмотрел на них и хлопнул себя по лбу, теперь со всей ясностью ученый видел в их конструкции арку церемониального входа.

Профессор кинулся расчищать пол, соскребая голыми руками корку вековой пыли. Заблестел металл, еще не до конца расчищенный, он начал плавиться. Ученый лишь на мгновение увидел надпись, что лежала печатью-предупреждением на пластине. Металл потек, убегая тонким ручейком куда-то вниз, под пол.

Сознание Териса автоматически перевело надпись. «Ты, что осмелился нарушить покой Ургеноя Бессмертного Правителя Кнарегона. Помни, нарушив покой твоего правителя ты открываешь дорогу смерти, что несет величие бессмертия!».

Из-под земли вырвалось темное облако, оно обволокло столпившихся вокруг участников экспедиции. Люди начали задыхаться, кожа на руках и лицах поползла, спадая клоками на землю. Плоть, отделяясь от костей рассыпалась в прах еще до того, как успевала коснуться пола крипты.

Костяки с сухим треском опали вокруг прохода в подземелье, образовавшегося на месте расплавленной пластины.

Терис как во сне наблюдал жуткую картину. Профессор опустил глаза и посмотрел на свои руки. Плечи ученого произвольно вздрогнули, он шархнулся в сторону, стремясь отстраниться от собственной плоти.

Тело ученого высохло, превратившись в подобие мумии, одежда повисла балахоном на костяке, обтянутом иссохшей плотью. Терис легко шагнул в провал, с удивлением отмечая, что его ноги приобрели особую упругость и силу. Света не требовалось, глаза ученого прекрасно видели в кромешной тьме.

Уверенно прошагав сотню ступеней, Терис оказался в роскошном зале сокровищницы. В дальнем конце, меж двух колон, стальной стеной высилась литая дверь. Поверхность ее украшали сцены из битв, а в центре ощерилась бронзовая голова мантикоры.

Терис неуверенно подошел к двери, мантикора скосила на профессора глаза. Он протянул дрожащую руку и коснулся широкого носа, с сухим шелестом голова втянула воздух, нюхая пальцы ученого. Удовлетворенно рыкнув, бронзовая личина утонула в стальной плите двери. Створа тихо отошла в сторону, приглашая войти в некрополь.

Млея от нетерпения, и страха Терис шагнул в черноту. Сверху вспыхнуло красное марево, спереди выросла черная громада базальтового корабля.

— Все как во сне — подумал ученый.

Преодолевая сомнение, он поднялся по трапу, к алому паланкину, и войдя под его сень застыл очарованный сиянием янтарного саркофага. Имя правителя Кнарегона горело поверх массивной крышки. Терис прочел: «Здесь покоиться Великий Царь Ургеной, Вечный Правитель Кнарегона». Дрожащей рукой ученый провел по надписи, и тут же отдернул ее. Янтарь, теплый как живая плоть, слегка задрожал, мягко толкнув ладонь профессора. Крышка поднялась в воздух, и отплыла в сторону, открывая взору пораженного Териса содержимое саркофага.

Тело Ургеноя оказалось сильно изуродовано. От грозного правителя остались лишь правая рука и часть черепа. Остальное заменил скелет, мастерски исполненный резчиком по слоновой кости. Бедность захоронения удивляла, особенно в сравнении с роскошью надгробья. Из вещей на Ургеное остался черный плащ, настолько темный, что казалось его ткань поглощает всякий свет, попавший на ее поверхность, и стальной медальон, украшенный черной шпинелью по центру. Камень зловеще светился, Терису даже показалось, что из его глубин на него смотрит сам Ургеной. Осторожно, словно боясь пробудить мертвеца, он снял медальон с куклы. Незнакомые знаки, украшавшие его по кругу, озадачили ученого. Никогда прежде Терису не приходилось видеть подобного письма. Сбоку, нелепо прислонившись к борту саркофага, блестела ничем не примечательная тиара, вероятно символ власти царей Кнарегона.

Ученый уже повернулся, чтобы уйти, когда его внимание привлекла каменная шкатулка, крепко зажатая в настоящей руке правителя. Резной ящичек едва заметно поблескивал в красном свечении наверху саркофага.

Приглядевшись внимательно, Терис увидел те же знаки, что и на медальоне. Шкатулку, выполненную из цельного куска изумруда, глубокого темно-зеленого цвета, открыть не удалось. Не смотря на все ухищрения Териса, она верно хранила сокрытые в ее недрах тайны. Пытаясь понять, что же ему досталось, ученый поднес шкатулку к глазам, внутри он заметил какое-то движение, там, что-то клубилось. Осторожно вынув плащ из-под Ургеноя, он еще раз окинул саркофаг, и убедившись, что ничего заслуживающего внимания не осталось, покинул усыпальницу ограбленного царя древности.

Песчаная буря несколько дней не пускала отряд эльфов к руинам Кнарегона, такого бедствия не видели уже много веков. Кочевники сразу же заговорили о старинных легендах, что обещали возрождение владыки смерти. Кто-то сомневался, кто-то верил, но все сошлись

на одном, что эта буря есть знамение пробуждения древнего зла, с которым в мир людей придет много бед и горя.

Глава 2

При городских воротах путника долго отказывались пропускать, уж очень он безобразно выглядел. Только письмо с королевской печатью заставило стражу соблюдать почтение к жутковатому гостю. Несмотря на все сомнения пришлось выделить отряд, который проводил незнакомца к королевскому дворцу.

Гвардейцы с подозрением осмотрели человека в черном балахоне, который скрывал его с головы до ног. Сами рыцари жуткого гостя не видели, уродство надежно скрывал балахон незнакомца, но от рассказов городской стражи кровь стыла в жилах. Путник казался совершенно больным, но заветное письмо и здесь открыло двери перед посетителем. Боясь подцепить заразу, гвардейцы держались на почтительном расстоянии от жути, что представилась ученым Университета Караманта Себастьяном Терисом.

К королю на прием просилась живая мумия. Новость мгновенно разлетелась среди придворных, вызвав необычайный интерес у аристократов, но зал, в котором расположился Терис, оставался пуст. Никто так и не решился войти в одно помещение с мумией. Самые отчаянные с любопытством выглядывали в открытые двери из соседнего зала.

Человек в черном балахоне тихо сидел на стуле возле стены, в ожидании короля он что-то шептал себе под нос. Кейст как всегда немного запаздывал, поражение в войне с Иргамом вызвало к жизни множество проблем, уже, казалось, позабытых. Сейчас немолодой монарх устраивал брак любимой дочери Катарины, девушки одинаково красивой и умной. Несмотря на трепетное отношение к своей Орлице, так Катарины ласково называл ее отец, интересы королевства требовали от Кейста выдать юную красавицу за Леши. Пожилого короля Лампеды, что происходил из древнего рода Инеритов.

Кейст растил дочь в одиночестве, мать Катарины скончалась при родах, поэтому их связь оказалась много прочнее принятой в королевстве традиции. Монарха беспокоила участь его Орлицы, но ничего не оставалось, как подчиниться велению обстоятельств. Печаль отца усугубляло то, что будущий зять уже был женат, на Елене, единственной дочери Орenea Кровавого Бластита. Благодаря этому браку Лeши получил в наследство золотые прииски Мальдиды, а после гибели легендарного отца супруги и королевство. Теперь предстоял крайне непопулярный среди монархов Востока, бракоразводный процесс.

Все еще помнили, как Елена заплатила эльфам выкуп в десять телег золота, когда Лeши попал в плен к остроухим. Тогда королевство стояло на грани голода, но благодаря непреклонной воле Елены, боровшейся до конца за жизнь супруга, Лампеда внесла положенную сумму. К своему несчастью, она оказалась бесплодна, и Лeши подойдя к черте, за которой мужчина превращается в старика решил сменить немолодую супругу на юную Катарины.

Елену же ждал монастырь, где в молитвах и одиночестве ей предстояло закончить земные дни. За королеву Лампеды вступился верховный жрец Единой церкви Скуюло, слово старого интригана всегда имело особый вес. Его история мученичества, то, что молодому Скуюло пришлось претерпеть в плену у эльфов, превратилась в символ сопротивления эльфийскому угнетению. Верховный жрец ассоциировался с жесткостью эльфов и всегда ставился в один ряд с Оренеем, который внес весомый вклад в борьбу людей против ига Эманторана. Позиция Верховного жреца поставила Лeши в очень неудобную ситуацию, где мнение всего цивилизованного мира и церкви, вошло в противоречие с интересами его

короны. Но старый прохиндей отбросил все сомнения, уж очень ему требовался наследник, которому можно было передать все нажитое за долгие годы правления, а с другой стороны, естественный союз с Кейстом. К слову сказать, у нового тестя имелась мощная армия, что всегда позволяло уравновесить шансы в борьбе с более крупными соседями. А борьба предстояла не шуточная. Леши решил раз уж Гумберт не в состоянии навести порядок на своих землях, то он, в общем то человек не чужой короне соседнего государства, может взять на себя роль правителя южных территорий полуразрушенного Амората. Тут очень пригодилась бы опытная армия соседа, даже несмотря на то, что престарелого правителя пугал крутой нрав Кейста, известного невероятной жестокостью и властолюбием. Запах предстоящей наживы, заглушил доводы рассудка, без устали твердившего об осторожности.

Леши приходилось спешить, пока новая династия не нашла силы и время заняться оставшимися без присмотра владениями. К тому же общая династия могла подарить объединение двух государств, короли же не вечны, а там... возможно и присоединить постылый Иргам. Выгнать жадных гномов вон, с богатых редкими рудами Изумрудных холмов.

В свою очередь Кейст планировал получить богатого зятя, золото которого позволит собрать еще более могущественную армию. С которой он наконец сможет сокрушить мерзких коротышек, засевших, как он считал, в землях, принадлежащих его династии со дня основания.

Как весьма просвещенный и современный монарх, Кейст никогда не ставил на одну лошадь, всегда стараясь раскинуть сеть как можно шире. Иногда ему удавалось сколотить временную коалицию в борьбе с Иргамом. Среди монархов, он слыл лидером, того течения в политике, что можно было бы назвать человеческий расизм. Кейст яростно сопротивлялся влиянию эльфов. Благо Эманторан вовсе не интересовался зашпатным королевством, поэтому основную репутацию борца за интересы человечества он снискал в своей бескомпромиссной войне с Иргамом.

Рибигуд искренне ненавидел своего соседа с поверхности. Старый король гномов не единожды пожалел о договоре, заключенном еще с дедом нынешнего правителя Караманта. Сто тридцать лет назад, Рибигуд заключил сделку с Ковельтом, графом Караманта, по которой все что на поверхности Изумрудных холмов принадлежит королевству людей, а все, что под землей, гномам. Поддержка Иргамы позволила семье Урбино освободиться от вассальной зависимости Мальдидам. Бластиды проиграли сражение под стенами Крам, и по итогам войны признали право Ковельта Урбино называть своими земли современного Караманта. Тогда оба королевства извлекли немало выгод от союза.

Гномы получили торговую факторию на поверхности, а Ковельт лучшие доспехи и оружие, плюс дормовые деньги от транзитной торговли Иргамы. Несмотря на свою мудрость Рибигуд не учел кратковременность жизни людей, на его беду, Ковельт вскоре заболел проказой, и сошел в могилу. Сын почившего монарха, Роджер Мутноглазый, вступая в наследство предъявил претензии на содержимое Изумрудных холмов. Роджер потребовал от гномов признать подданство его короне. В своих требованиях молодой монарх опирался на древний закон Алат, по которому: «Всякий правитель в своих землях, владеет всем, что летает в небесах, ползает по земле, и храниться под твердью ее!». Притязания Роджера поддержали его вчерашние противники, Мальдиды. В итоге состоялось кровавое сражение у Изумрудных ворот Иргамы. Союзники потерпели поражение, и отступили.

Рибигуд несколько раз предлагал мир, но Роджер отказался признавать его право

владеть рудниками Иргамы. В последующие годы гномам пришлось выдержать четыре осады. Наконец, к радости подземного короля, Мутноглазый погиб в бою с Орнеем, когда попытался оттяпать земли нового союзника. Воспользовавшись отсутствием правителя Мальдида, Роджер напал на соседа, ему повезло захватить дочь Орнея, Елену. Девочка стала разменной монетой в переговорах между королями. Орней принял условия Роджера, но эльфы предложили больше, и Мутноглазый не устоял. В обмен на земли Палеомии, он переправил Елену в Эманторан.

Вскоре Орней узнал о случившемся, непокорному королю пришлось признать первенство Дарелиана Сухого, правителя эльфов. В обмен на жизнь дочери, монарх отказался от дальнейшей борьбы, позволив эльфийским наблюдателям обосноваться в Мальдидах. Год спустя Орней, разгромил Роджера в Синем бору, Мутноглазый попал в засаду, и погиб в неравной схватке.

Рибигуд возрадовался, приняв гибель безумца, за благие вести, но вскоре его наследник Кейст Жестокий, показал, что он достойный приемник отца. За двадцать пять лет он совершил двадцать походов к Иргаму. Гномы устояли, но, к ужасу, Рибигуда, наследник оказался недурным стратегом. И каждое новое поражение делало тактику Кейста все эффективнее. Если Роджера Рибигуд считал безумцем, то Кейста он назвал своим кровным врагом. Король гномов регулярно подсылал к нему убийц, но судьба берегла жестокого правителя.

Мало кто знал о страсти Кейста к древним манускриптам, и единицы знали о том, что искал беспокойный монарх в седой древности. Будучи мальчиком десяти лет, он стал свидетелем как угас его дед, король Ковельт, прозванный Прокаженным. Страшная болезнь поразила Ковельта в расцвете сил. За несколько лет из сильного воина, король превратился в инвалида. Метаморфоза, произошедшая с любимым дедом, потрясла юного Кейста. Мальчик впервые задумался о смерти. С возрастом его интерес перерос в маниакальную страсть. Годы он искал все возможные упоминания о случаях бессмертия, пока не набрел на записи о древнем городе Кнарэгоне и Вечном Ургеное.

Сначала просвещенный монарх, воспринял эти сведения лишь как интересную легенду, однако в дальнейшем ему не раз пришлось столкнуться с разрозненными сведениями о пустыне, сокрывшей город, с упокоенным в нем королем некрмантом.

Все перевернул манускрипт, в котором рассказывалось о Мампсисе и его проклятии. Легенда гласила о Братьях, дарующих бессмертие в смерти. Не верить этому документу монарх не мог, обнаружили манускрипт на теле одного из орков, охранявших некогда город Нгеве и спасавшего мир от Чумного короля. Схожесть историй и судеб правителей, привела Кейста к мысли об общем источнике их дара, особо его заинтересовали Братья. В дальнейшем сколько Кейст не пытался, но более не узнал ничего о таинственных дарителях.

Как-то в коллекции Кейста оказалась древняя карта. По легенде ее выкрали из эльфийской сокровищницы Паленаля, а затем через третьи руки продали монарху Караманта.

Достоверность карты вызывала сомнения, цвет университета нехотя взялся за изучение старинной рукописи. Исследователи отступались один за другим. Только Себастьян Терис упорно продолжал изучать артефакт, пока наконец не нашел доказательства подлинности карты. В ходе более чем семилетнего исследования ученый пришел к выводу, что карта подлинная, и имеет отношение к самому началу Нефритовой эпохи, то есть к периоду появления человека. Сделана она, конечно, эльфами, но информация скорее всего

достоверная. Состоялся научный диспут, сугубо в исторической плоскости, в ходе которого Терис убедительно доказал правоту своей точки зрения. Кейст создал комиссию, которая занялась поиском утерянного города-гробницы. Два года спустя, из Кром, в сторону Палеомии вышла экспедиция, которую возглавил Терис.

Появился Кейст, в задумчивости король прошел через зал и сел на трон. Маршал Аугусто Виола, сопровождавший монарха, внимательно осмотрел присутствующих. Навстречу королю поднялся Терис, гвардейцы тут же всполошились и зазвенели доспехами, острое меча уперлось в черный балахон ученого, отстраняя его от монаршей особы.

— Оставь его Аугусто! — приказал Кейст, внимательно оглядывая скелетированную руку ученого.

— Итак, как я понимаю из экспедиции вернулся только ты?

— Да Ваше Величество — с поклоном ответил Терис.

— Что с остальными?

— Они мертвы сир!

— А ты, стало быть, жив?

— Не знаю Ваше Ве...

— Хватит меня титуловать, скажи лучше, что случилось с твоим отрядом? Где мои ученые и воины? И хватит отвечать философскими неопределенностями, я этого терпеть не могу! — взорвался Кейст.

Рассказ ученого поверг монарха в смятение, он вскочил с кресла и нервно заходил по залу, затем приказал Терису следовать за ним. Они прошли в кабинет короля, где, оставшись наедине, монарх спросил ученого.

— Ты видел Ургеноя?

— Да, но, к сожалению, от него мало что осталось, и все же артефакты, что дали ему бессмертие, я извъял. Вот они — ученый извлек из балахона, кожаную суму и раскрыв выложил ее содержимое на инкрустированный полированной яшмой столик. Кейст быстро привстал и наклонился над артефактами.

— И что? Что это такое? — с некоторым разочарованием спросил король.

Его лицо выражало сомнение в честности Териса. Настолько простыми и безыскусными показались предметы, что выложил перед ним ученый.

— Это Дар! Дар Братьев!!! — торжественно произнес ученый.

Кейст поднял на него глаза, и неожиданно приказал снять капюшон.

— Ваше Величество, лучше Вам не видеть, того, что скрывает ткань — взмолился Терис.

Король молча ждал, и ученый подчинился. Капюшон упал с головы, обнажив череп, обтянутый высохшей плотью, седые волосы Териса сухой паклей лепились к макушке и вискам. Только глаза, странно выкатившись наружу, смотрели живо и внимательно, ожидая реакции короля.

— Это болезнь? — немного помолчав спросил Кейст.

Казалось, вид Териса не сильно его испугал, что в свою очередь смутило ученого.

— Нет! Сначала я тоже подумал, что это болезнь, но проведя в таком состоянии более месяца, пришел к выводу, что это Дар Братьев. Особое состояние, бессмертие в смерти! Не знаю почему остался жив только я, возможно дар имеет свою волю, или ищет носителя, что мог бы доставить его к цели.

— Значит, ты думаешь, что дар обладает волей? — переспросил Кейст, снова

внимательно разглядывая амулет и шкатулку.

— Да.

— А что содержится в шкатулке? Мне кажется, внутри, что-то есть. Ты ее открывал?

— Нет, я не мог, не имел права! То, что там находится, должно быть освобождено Вами!

— И как она открывается? — с нетерпением спросил монарх, крутя в руках миниатюрную коробку. Вихрь внутри словно сошел с ума, его клубы вились и ударялись в стенки шкатулки издавая глухой, но требовательный звук.

— Вот! — рука мумии протянула королю медальон.

Замерев на несколько секунд, Кейст решительно взял необычный знак.

— Интересный медальон, что это? Знак? Оберег? Что на нем изображено? — засыпал ученого, вопросами, король.

Его глаза сияли, клиновидная бородка топорщилась в немом возбуждении.

— Этого я не смогу пояснить, Ваше Величество! Слишком инородное. То, что у вас в руках, либо очень древнее, либо совсем не из нашего мира...

— Что за глупости, разве есть иные миры кроме того в котором мы имеем несчастье проживать? Что за сказки?

— Ну тут Ваше Величество однозначного ответа нет. Наука пока колеблется в оценке космологии нашего мира. Однако уже по предварительным данным, можно с математической точностью утверждать, что наш мир является не единственным и скорее всего миров великое множество...

— Ладно, ладно!!! Я понял, целую лекцию уже прочел. Я просто хотел узнать, насколько безопасно пользоваться этим артефактом?

— Боюсь, что это риск, но если дар сочтет Вас достойным, то наделит всем, что содержится в нем.

— А если нет?

— Тогда... Тогда, вы погибнете — почти шепотом ответил Терис.

Монарх присел на край кресла, его пальцы машинально крутили знак, подвешенный для удобства на серебряной цепочке. Рука Кейста потянулась к голове, в задумчивости король коснулся амулетом своего лба, и тут же отдернул руку, удивленно глядя на медальон. На лбу монарха горел отпечаток знака, выжженный в коже подобно клейму.

— Что за чертовщина?! — вскричал король в волнении.

Амулет горел словно раскаленный и издавал тихий, похожий на гудение звук.

— Он вас выбрал!!! — восторженно закричал Терис, падая на колени перед монархом. — Ваше Величество, поднесите его к шкатулке и тогда свершится предреченное, Вы станете подобны богам!!! — быстро заговорил ученый, все более впадая в экзальтацию.

Как во сне, Кейст поднес медальон к шкатулке, вихрь внутри приник к стенке, на ее поверхности начал разгораться символ, очертаниями повторявший знак на украшении. Цепочка качнулась и амулет притянуло как магнитом к стенке изумрудного ящичка. Вспышка озарила помещение. Резкий шум, вырвавшийся из шкатулки, оглушил короля, все заволкло густым туманом, дышать стало трудно, глаза на секунду ослепли. Лишь в сознании Кейста родилась, разрастаясь до невиданных размеров, мысль.

— Я Бог!!!

Потолок резко упал на короля, в испуге он попытался отшатнуться, но не смог, его тело лежало на полу, а сознание только что вернулось. Кейст не мог понять, что происходит,

лишь жуткая морда Териса, оставалась стабильно безобразной, хотя все остальное кружилось и изменяло форму в непрекращающемся вихре.

Губы ученого шевелились, Терис что-то говорил ему, но что именно, король не мог разобрать. Вдруг все остановилось, и он услышал голос ученого.

— Ваше Величество дышите! Все, что Вы видите не настоящее. Это Ваше сознание. Так Вот! Молодец! — подбадривал он короля, видя, как тот постепенно приходит в себя.

С удивлением Кейст почувствовал необычную легкость в теле. Странное спокойствие поселилось в душе, все тревоги отступили назад, мысли текли четко, и спокойно. Ему казалось, что он ими повелевает, в то время как раньше мысли владели его сознанием и управляли поведением, теперь все подчинялось воле короля. Появилась некоторая отстраненность от всего что его окружало, на мгновение ему показалось, что это вовсе не он, а кто-то другой в его теле. Резко поднявшись с пола, король подошел к зеркалу. Внешность ничуть не изменилась, возможно, сейчас он был немного бледнее чем обычно, а так совершенно будничной вид.

— Что случилось? — спросил он ученого.

— Вы выпустили Дар, а потом потеряли сознание. Вас окутал туман, вы упали на пол...

— Ясно! — прервал его король, он повернулся к Терису и улыбаясь произнес. — Ты возглавишь королевских летописцев, завтра объявлю об этом официально. Тебе выпала честь описать великие свершения, что грядут впереди! А сегодня можешь отметить повышение со своей семьей! — король рассмеялся, представляя встречу ученого с супругой.

Что-то в голосе короля испугало профессора, он почувствовал незнакомый холод в интонациях Кейста. Аудиенция закончилась, и Терис тихо покинул тайный кабинет. Доброе сердце Себастиана сжалось, предчувствуя что-то угрожающее, опасное, в том, что произошло. Он попытался убедить себя, что ничего страшного не случилось. Вон король, даже внешне не изменился, но внутренний голос четко подсказал ученому, что он врет сам себе.

***

Свадебная церемония началась в полдень. Невеста в красном платье с длинным шлейфом, сохраняя внутреннее достоинство шла к жениху, ожидавшему у алтаря. Епископ Лампедский Добельт, едва держался на скрюченных старостью ногах, ему шел восьмой десяток, и для старика вся церемония превратилась в пытку. Черноволосая головка Катарины горделиво поворачивалась на длинной шее, жгучий взгляд темных глаз насмешливо встречал осуждение придворных дам, тайно завидовавших молодой избраннице короля. Как самозванка без роду, без племени, да еще по слухам привыкшая к вольностям при дворе папаши, может сочетаться с представителем древнейшей династии Востока. Не раз Леша предупреждали, о нраве знойной избранницы. На что престарелый король с ухмылкой отвечал, что он старый кавалерист и не раз объезжал самых строптивых кобыл, одной больше, одной меньше.

Заточив Елену в монастырь Сен Хуальдисьеро, Леша поругался с Верховным жрецом. Старый евнух запретил службу в Лампедии, в ответ монарх, лишил святого отца права получать десятину с его подданных. Конфликт еще более углубился, когда Скуло, в ответ на наглую поправку святого права церкви на взносы адептов, отлучил строптивного монарха от церкви. Леша ответил жрецу презрительной отповедью, что распространилась со скоростью пожара по человеческим королевствам. Последняя выходка строптивца привела Скуло в бешенство. В итоге Лампедия объявила о создании независимой от Жреческой коллегии

церкви, обозвав ее Лампеданская Независимая Церковь. Возглавил новую церковь Епископ Лампедский Добельт Робкий. На самом деле вся эта заварушка, была только на руку старому пройдохе Леши, он сумел развязать себе руки, и утвердить легитимность предстоящего брака. Скуюло напротив, в непримиримой позиции, потерял последний шанс наложить свои руки на наследство выморочного королевства. Верховный жрец много лет ожидал, когда неуемный Леши сойдет в мир иной, рассчитывая поставить во главе Лампеды послушного епископа, который объявит о принятии в управление церковью оставшееся без попечительства королевство.

Сейчас Леши чувствовал себя победителем, он получил красивую, молодую жену, тестя с сильной армией и авторитетом защитника людей, а также возможность оставить наследника. Немного беспокоило, то, как он поступил с Еленой, но тут его совесть успокоила мысль, что король наперед должен думать о делах государства, а судьба Елены, так на то воля божья.

Девушка доверчиво приближалась к нему, старик почувствовал, то приятное волнение, что уже успел позабыть. Когда-то, также к нему шла Елена. Еще юная и свежая, вся раскрасневшаяся и смущенная, а он молодой, красивый принц... Стоп! Остановил он себя, и тут же почувствовал свой живот, и тяжелые ноги. Да он уже не юнец, но он удачливый король, сумевший удвоить владения своего отца. Его уважают другие короли, он имеет слово на Королевских Советах, что собирают эльфы раз в десять лет. К его мнению всегда прислушиваются, ему есть чем гордиться. Нет молодости, зато есть имя и авторитет.

Невеста наконец добралась до алтаря, ее отец, необычно спокойный, стоял совсем близко. Это поддерживало девушку в непривычной для нее обстановке. В глубине души Катарина испытывала глубокое отвращение к немолодому жениху. Она мечтала о мужественном принце, о большой и светлой любви, красивой свадьбе, из всего этого девушка получила только красивую свадьбу, и то устроенную для двора.

Что-то невнятно шамкал старик, облаченный в одежды епископа. У Катарини вызывало сомнение состояние жреца, девушке казалось, что он не осознает произнесенных слов, повторяя заученные за годы службы части из Свадебных гимнов. Она посмотрела на отца, но Кейст невозмутимо слушал невнятное шамканье епископа, почувствовав взгляд дочери он ободряюще улыбнулся. Мучительная церемония завершилась, новобрачных осыпали бардовыми лепестками роз. Придворные, поминутно славя молодых, торжественно выстроились вдоль дорожки выстеленной широкой полосой алого шелка, шитого по канту золотом. Во дворе Храма молодожены сели в карету, запряженную четверкой, и статные кони не спешно повезли молодую королеву во дворец. Возглавляли королевский экипаж гвардейцы в парадно украшенных доспехах, они качали разноцветными султанами на фигурных шлемах, рассекая лошадьми толпу зевак.

Среди рыцарей гвардии нашлось немало интересных молодых людей, проявивших особую галантность в отношении юной королевы.

Праздник длился семь дней, после чего гости разъехались, и началась будничная жизнь. Первая ночь показала, что король получил чистый цветок, незапятнанный незаконными отношениями, но радость нового приобретения омрачила неприятная мелочь, годы шли, а ребенок так и не появился.

При дворе пошли слухи, о том, что монарх наказан за отступничество от престола Единой церкви. Назначенная проверка установила, что слухи распространились из среды служителей новой церкви. При помощи дыбы и палача Леши сумел разоблачить особо

говорливых исповедников. В ходе дознания удалось выявить целое гнездо поклонников Балаура, того, что несет смерть и болезни, которые укрылись под покровом святой церкви. Умелые руки палачей быстро привели в порядок мысли священнослужителей. А особые привилегии Независимой церкви, подарили Леши бескорыстную любовь жречества.

***

Слепые глаза уставились в пустоту, покалеченные холодом и тяжелой работой руки неловко перебирали ткань подола старого платишка. Ей уже пятьдесят, жизнь прожита, пришла старость. Что она видела за эти годы? Да ничего, что захотелось бы вспомнить. Где-то в глубине, далеко на задворках памяти, осталось, как ее, еще девчонкой, выдали замуж за пожилого селянина. Перед внутренним взором проплыла первая ночь, перекошенное похотью лицо вонючего старика, что стал ее мужем. Тогда он впервые жестоко изнасиловал ее. Вспомнилось, как на ней, пятнадцатилетней, повисли его дети от первой жены, которую по рассказам соседей он забил насмерть. Муж не выбирал первую жену, несчастную привел отец супруга, от отца родился и первенец. Мальчик умер во младенчестве, от живота.

Вторую жену, он, поначалу, почти не бил, но это не облегчало жизнь. Постоянные беременности, и тяжелая работа рано ее состарили, а прежде мягкое сердце ожесточили. Утраты притупили ее чувства. Умершие дети, нищета и побои, пусть и не такие жестокие как это было с первой женой, привели к скотской покорности.

Потом в их деревню пришла война. Свои войска грабли и издевались, затем пришли солдаты врага. Развлечения ради, чужаки убили супруга, а ее попользовали всем отрядом. Детей тоже не пощадили, они сгорели заживо в хате под веселый гогот солдатни. Ей удалось выжить, но зрение навсегда пропало, результат удара по голове.

Теперь она уже успокоилась, ненависть и гнев улеглись. На кого они были направлены для нее самой осталось загадкой, но эти чувства продлили ее дни, дали сил бороться с невзгодами. Она ждала, ее путь подошел к концу. Руки, сведенные судорогой, ныли не переставая. Холод реки и тяжесть мокрого белья, изуродовали их много лет назад. Работа прачкой добила и без того слабое здоровье, но хозяева дома, где она приживалась, отказывались кормить ее задаром. Да оно и понятно, у них у самих шестеро детей, да еще она повисла лишним ртом.

Этим утром осеннее солнце особенно ласково касалось лица женщины, его тепло смягчало боли в опухших суставах, даря краткое облегчение от занудного недуга. Сбоку доносился едва уловимый плеск реки. Шум камыша, то нарастал, то затухал, повинуюсь воле ветра.

Неподалеку послышался высокий голос, он красиво выводил мелодию старинной песни. Женщина заслушалась, она не сразу поняла, кто пел, мальчик или девочка. Единственное, что она точно могла сказать, пел ребенок. В голосе певца звенели серебряные колокольчики. Женщина пошевелилась, хруст ветки случайно сломанной ее ногой, хлестко разнесся по округе. Песня стихла, затем послышались шаги, торопливые, детские.

— Бабушка, что ты здесь сидишь одна? — спросил детский голос.

Сейчас она совершенно точно могла сказать, что голос принадлежит мальчику.

— Старая я. Сил нет идти, да слепая к том ж. А ты чьих будешь? Что-то я тебя не узнаю по голосу.

— Я Макарьев. Тео — с особой доверительностью, присущей только детям, ответил мальчик.

— Того, что о прошлом годе, провалился под лед? — спросила женщина.

— Да — ответил мальчик, и засопел.

— Ну полно те. Не надо плакать. Давай лучше, спой бабушке песенку — успокаивающе протянула женщина.

— А что спеть?

— А вот знаешь песню про любовь? Ну ту, что эльфы поют, когда им грустно!

— Знаю — ответил малец.

Спустя мгновение полился печальный мотив эльфийской песни.

Под звуки высокого голоса мальчика из глаз женщины покатались слезы. Песня оборвалась, ребенок испуганно залопотал.

— Бабушка почему ты плачешь? — теплые, детские пальчики, прошлись по лицу женщины отирая слезы.

Нежные руки ребенка легко касались ее кожи, отчего по телу побежала теплая волна. Вибрация забирала сознание, наполняя голову воспоминаниями. Перед глазами побежала жизнь от момента встречи с мальчиком, до ее юности. Дыхание неожиданно стало легким. Грудь распирало от упоения и прилива сил. Совершенно явственно показалась река, осеннее разноцветие леса на другой стороне неспешного потока, и яркое солнце. Солнце, что так ласково касалось ее щеки, нежной, как и прежде, в молодые годы.

Внутренне замирая, она подняла руку, провела пальцами по шее, коснулась щеки. Гладкая, бархатная на ощупь кожа, упруго подалась под пальцами, и тут же вернулась в прежнее положение. Не веря себе, женщина кинулась к реке, и остановилась на месте, глядя на свои ноги. Затем вновь порывисто побежала к воде, гладь реки расплескалась под напором нетерпеливой молодости, расходясь широкими кругами все дальше от берега. С трудом сдерживая нетерпение она ждала, когда рябь уляжется и отражение станет четким. Наконец зеркальная гладь воды позволила увидеть, то, что так поразило душу женщины. Густые волосы, ниспадая вниз неудержимым потоком, обрамляли нежное лицо, с которого на нее смотрели голубые глаза юной девчонки, ее глаза.

— Кто ты? Как это возможно...? — от волнения голос пресекался.

Девушка не узнала его. Звонкий, сильный, дерзкий как в юности. Вместо ответа мальчик улыбнулся, а затем вскочил и задорно смеясь убежал в ближайший перелесок, откуда немного погодя снова донеслось чудесное пение.

Весть о чуде Слепой Сусаны, разлетелась по округе в мгновение ока. Уже к вечеру она достигла замка Молино, где неугомонная супруга барона всполошила всех, включая Кристиано. Затем в деревню въехал отряд рыцарей, во главе с бароном. Эвелин, как она не рвалась, барон с собой не взял, а страже строго настрого наказал не выпускать хозяйку из замка.

До Авинсы, деревушки ставшей родиной небывалого чуда, требовалось не более получаса пути. Отряд не спешил, и спустя час въехал в деревню, на Кристиано выбежал обалдевший от испуга селянин, ничего не говоря он кинулся к ближайшему перелеску. До слуха долетели крики простолюдинов. Чем-то сильно напуганные, жители в панике метались между домами. При виде барона, они кинулись к нему ища защиту для своих домов.

Переворачивая вверх дном деревенские хаты, воины в незнакомой броне, такую в Аморате не использовали, не сразу заметили появление рыцарей Малино.

Наконец войска барона обнаружили, раздался протяжный звук рога, разбойники вывалили на улицу. Несколько секунд воины смотрели друг на друга, а затем Кристиано развернул рыцарей на противника и приказал атаковать. Враг оказал короткое, но ожесточенное сопротивление. Пленные что-то бормотали на незнакомом языке, из всего сказанного ими, можно было разобрать только два слова, где, и мальчик. Но и этого оказалось достаточно, чтобы понять цель визита незваных гостей.

Барон в очередной раз удивился прозорливости супруги. Послышалось ржание лошади, и одинокий всадник пронесся мимо рыцарей, которые уже успели спешиться. Кристиано последовал за беглецом, захватив с собой телохранителей. Лошадь беглеца более мощная в сложении и длинная в корпусе, легко несла седока, быстро отрываясь от преследования.

В Аморате такие лошади не встречались, да и в других королевствах насколько знал барон эту породу не разводили. Прицелившись из арбалета, Артур Квилло выпустил болт в след уходящему от погони всаднику. С тяжелым свистом болт вонзился в шею необычного скакуна, конь споткнулся и перелетев через голову рухнул на землю. Всадника выкинуло из седла, его тело катилось по земле, пока не уперлось в разросшийся куст жасмина.

На полном скаку рыцари пронесли мимо, тут же одна из лошадей упала, прочертив мордой борозду в земле. Ее передние ноги, подрубленные длинным мечом беглеца, продолжали дергаться, стремясь вернуть лошади привычное положение. Гильом Антри, грязно выругался и попытался выбраться из-под скакуна, однако прежде чем он успел, что-либо сделать, сверху на его голову обрушился сокрушительный удар тяжелого клинка двуручника.

Всадники развернулись и попытались окружить неизвестного, болт из арбалета Квилло с неприятным скрипом соскользнул с кирасы беглеца. Упал еще один конь, с перерубленной шеей. Барон попытался нанести удар по верткому противнику, который все время передвигался, с необычайной легкостью уходя от ударов, булавы и мечей. Доспех война отражал случайно попавшие удары, почти не оставлявшие следы на поверхности необычного серебристого металла. Арбалетный болт ударил в шлем беглеца, сбив его с головы. Секундное замешательство, сменилось удивлением и взрывом гнева. Белокурый эльф, неопределенного возраста, как и все его соплеменники, зло улыбнулся.

Охватившая рыцарей ярость придал им сил. Лошадь Кристиано сбила врага с ног, но падая, эльф ловким тычком вскрыл кольчугу барона ранив его в бок. На помощь к господину поспешили его телохранители Квило и Сальвадор.

Острый край перекрестья меча эльфа вошел глубоко в горло Сальвадора Ану, тут же вырванный из плоти металл оставил глубокую, кровоточащую рану. Смерть Сальвадора дала время барону подняться, но удар оголовья меча, с тяжелой луковицей на конце, снова опрокинул его, перед глазами все заплесало.

Махнув мечом наугад, Кристиано попытался отогнать противника. Нелепое движение барона успокоило эльфа, не обращая внимания на Малино он переключился на последнего противника. Стараясь держаться в недосягаемости от длинного меча, Квило взвел арбалет и прицелился в белокурую голову. Эльф кувыркнулся в тот самый момент, когда рыцарь нажал спусковой механизм. Болт пролетел мимо, его перо торчало из земли, далеко позади цели.

Лошадь оступилась и этого оказалось достаточно, для того чтобы эльф нанес прямой удар, пробивший насквозь тело Квило. Испуганный конь рванул в сторону, и по инерции тело рыцаря развернуло, расширяя рану. Клинок вышел из тела Квило, рыцарь упал на землю, а меч эльфа освободился от плоти.

Остроухий едва не упустил меч, его тело сильно дернуло, а ноги оступились. Падая на колени, он парировал наручем удар Кристиано, подоспевшего к месту боя. Барон прикрывался щитом и наносил удары мечом. Пару разклинок Кристиано соскальзывал с кирасы эльфа, приводя владельца в отчаяние. Щит надежно защищал корпус, но рука постепенно слабела, под мощными ударами двуручника. Обманным финтом барон попытался поймать врага, но остроухий словно читал его мысли. Перехватив инициативу, он нанес удар тяжелой рукоятью, вновь опрокинув Кристиано.

Техника эльфа позволяла использовать огромный меч в нескольких ипостасях, в его руках клинок мог служить и мечом, и булавой, и чеканом. Схватив меч за лезвие, эльф нацелил перекрестье в голову беспомощного противника. Рука барона подобно змее вырвалась снизу, заводя кинжал в зазор между пластинами доспеха, клинок мелодично звякнул, переломившись у перекрестья. Злорадная улыбка наползла на лицо остроухого, мгновение спустя красивые черты молодого лица застыли, в глазах появился туман, они быстро стекленели, теряя последние проблески жизни. До слуха Кристиано донесся стук копыт, он приподнялся и увидел бегущего к нему Андреаса де Лано. Рыцарь держал в руках разряженный арбалет.

— С Вами все в порядке? — спросил он барона, протягивая руку.

Барон принял помощь и с трудом поднялся. Стоя на ватных ногах, Малино испытывал чувство досады, понимая, что только что чуть не погиб. Если бы не молодой Андрес, неделю назад посвященный в рыцари, его жизнь скорее всего оборвалась бы, под смертельным ударом меча остроухого.

— Что ты здесь делаешь? — приходя в себя спросил барон.

— Вы отправились в погоню за эльфом, ничего не зная о противнике. Меня послали предупредить Вас. Господин Зорат приказал найти Вас и сказать, что вы гонитесь за чемпионом Агана Тайлфа.

— Агана? — удивленно протянул барон. — Что он здесь делает? Ничего не понимаю.

— А кто этот Агана Тайлфа? — спросил юноша.

— Агана? Чемпион меча Юга Эманторана. Удивительно, что ты о нем ничего не слышал.

— Я думал, что лучший мечник эльфов командующий Эйлайн?

— Да он лучший, но вот эльф ли?

— Не понимаю — удивился Андрес.

— Агана чемпион Юга, а Эйлайн лучший среди всех эльфов, но вопрос о его происхождении много лет рождает споры среди остроухих. Проще говоря, они сомневаются, что он чистокровный. Часть эльфийских домов считает его полукровкой.

Доспех эльфа блестел серебром в лучах осеннего солнца. Барон наклонился к мечу противника, в руку лег тяжелый клинок, его вес поражал. Таким мечом орудовать мог только очень сильный воин. С трудом взмахнув двуручником Кристиано попробовал свои силы. Клинок с шумом вспорол воздух, и тяжело устремился к земле воткнув острие в черный грунт. Поражали прочность и острота лезвия, обычно двуручники ломоподобные с твердым острием, а здесь клинок с заточкой. Меч мог легко, и рубить, и колоть, обладая при этом большой массой.

— Таким мечом человеку драться невозможно — определился барон. — Силен был Агана, клинок как для великана! Можешь себе вписать в герб победу над великим воином эльфов, это украсит историю твоего рода — он похлопал по плечу молодого рыцаря.

Андрес заулыбался в ответ, его глаза бесхитростно смотрели на сюзерена, в них светилось уважения и восхищения его отвагой.

Подъехали рыцари Малино, с собой они везли мальчика, затравленно выглядывавшего из-за отворота плаща.

— Ваша милость они искали этого мальчика — доложил Зорат, показывая на мальчика.

— Это тот, что нужен Эвелин? — спросил барон.

— Похоже, что он — ответил Зорат.

— Тогда ясно, что здесь делает эльф — Кристиан пнул ногой тело остроухого. — Возьмите остроухого и доставьте в замок. Доспех Тилю, в кузницу, а меч в мою оружейную, тело в ледник. Меня интересует из чего сделана броня и клинок, а останки пусть пока полежат. Может объявятся родственники, получим выкуп — барон злорадно улыбнулся, Зорат ослабил в ответ.

— Это Вы Ваша милость? — спросил Рем Куда, рыцарь средних лет, указывая на труп чемпиона.

— Нет. Эта победа принадлежит юному Андресу. Теперь будем звать его Андрес Чемпион — все засмеялись, Андрес покраснел и надулся.

— А ловко ты его, точно в затылок. Меткий суки сын — приговаривал Рем устраивая мощное тело белокурого эльфа на лошади.

— Случайность! — недовольно ответил Андрес, понимая намек, на то, что он поразил врага со спины.

— Да ладно парень, не смущайся — успокаивал его Зорат. — Бой есть бой, как получилось, так получилось. Главное, что ты его, а не он тебя, к тому же ты защитил сюзерена. За что тебе честь и хвала, а условности оставь для напыщенных эльфов. Хотя и они ими пренебрегают, одна болтовня о кодексе воина, тьфу — сплюнул пожилой воин.

Проезжая Авинсу Кристиано оставил несколько воинов, с приказом привести село в порядок. Дорога до замка прошла без происшествий, во дворе их встретила обеспокоенная Эвелин. Едва взглянув на разбитое в кровь лицо барона, она кинулась к ребенку, хлопоча словно квочка. Удивленный Кристиано, даже обиделся, но не подал вида. Барон уже привык к причудам супруги. Мальчик почему-то плакал, бормоча, что-то невнятное себе под нос.

Как могла Эвелин успокаивала ребенка, но ничего не помогало, позже малыш попросил, чтобы с ним осталась Сусана. После долгих расспросов и невнятных объяснений выяснилось, что Сусана та самая женщина, с которой случилось чудо. Пришлось согласиться, ребенок остался сиротой. Отец утонул, мать скончалась при родах десять лет назад, а Сусана, рискуя жизнью, спасла мальчика укрыв в старом улье.

Ребенка помыли и одели, а после отвели в покои барона. Теперь мальчика встретила чета суровых владетелей замка, барон и баронесса Малино.

— Как тебя зовут? — спросил барон, строго глядя на мальчика.

— Тео — испуганно представился ребенок.

— Почему тебя ищут эльфы?

— Не знаю, господин. Они все время спрашивали про меня, а зачем я не знаю...

— Правда ли, что ты можешь творить чудеса?

— Нет, я просто люблю людей, и жалею их, а они меняются внутри и снаружи. Это не чудо. Это... — ребенок замялся, не зная, как назвать то, что он делал с людьми.

— Но ты можешь лечить и возвращать молодость? — помог ему барон, с напряженным вниманием глядя на Тео.

— Да это правда — открыто улыбнулся мальчик.

— Вот, что Теодоро, с сего дня ты находишься под моим покровительством. Ты будешь воспитываться в моем доме, как и мои собственные дети. Я беру тебя под свою опеку. Воспитателем твоим назначаю Зората, а нянькой, дорогую твоему сердцу Сусану.

Кристиано дал знак, что аудиенция закончена, ребенка вывели из покоев барона.

— Теперь может объяснишь мне, что происходит? — спросил барон супругу, рвущуюся следом за Тео.

— Кто этот мальчик? Почему творит чудеса?

Опустив глаза Эвелин, молчала, раздумывая как объяснить Кристиано, то, что происходит за спиной человечества.

Она подняла на него огромные глаза, и заглянула Малино в душу, так как умеют только женщины, и произнесла.

— То, что я расскажу, тебе покажется странным или даже безумным, однако не отвергай сразу того, что услышишь — ее голос звучал тихо, но твердо.

— Тео не просто мальчик, в нем заговорила наследственность древних людей. Не знаю, как тебе объяснить...

— Ну как ни будь объясни. Хотя я и не так образован, как ты, но думаю смогу понять то, что ты пытаешься мне рассказать — Кристиано начал раздражаться на заносчивость, чересчур умной супруги.

— Тебя обижает, что я больше знаю? — удивилась Эвелин.

— Нет, меня обижает как ты ко мне относишься. Я не недоумок. В отличие от большинства рыцарей я обучался основным наукам, а кроме прочего знаю пять языков. Так, что не надо со мной говорить, как с недоучкой.

— Хорошо, я поняла тебя, на будущее учту. Прости я не хотела уязвить твою гордость. У вас у людей...

— А ты не человек? — с улыбкой спросил Кристиано, удовлетворенный смущением Эвелин.

— Человек..., просто..., речь не обо мне, а о Тео — заинтригованный барон терпеливо ждал, продолжения.

— Тео относиться к тем редким людям, у которых отрываются видовые способности, они почему-то не закрыты, как у остальных. Сейчас невозможно представить, что люди умели и знали в былые времена, когда-то вы не уступали эльфам.

— Не понимаю. Разве люди, не появились в эпоху Нефрита. Эльфы тогда существовали уже тысячи лет? Насколько я помню у Смелата Умбрийского...

— Смелат жил через три тысячи лет, после начала нефритовой эпохи, и вряд ли мог что-то внятное написать про те далекие времена.

— Но он один из самых уважаемых хронистов.

— Да, так оно и есть, тем не менее люди появились намного раньше. И их история сильно отличается от той, что нам рассказывают. У меня большое подозрение, что многое из того, что нам известно сегодня, выдумка или сознательное искажение.

— Но зачем? Кому это надо? Ты говоришь какую-то ерунду! Что за блажь? Объясни почему ты так говоришь, словно сама не человек?

— Прощу не спрашивай того, что я не могу тебе рассказать. Любимый, я правда не могу. Прости — она нежно заглянула в глаза барона, лицо Кристиано смешалось.

— Ты права. Я обещал тебе, что никогда не поинтересуюсь твоим происхождением. Но меня интересует мальчик, что он такое?

— Человек, но более совершенный чем ты или я, когда-то таких было много, теперь единицы. И, судя по всему, кого-то это не устраивает.

— И кто, по-твоему, это может быть? — напряженно спросил барон.

— Похоже, что эльфы. Ты же сам видел, что случилось в Авинсе.

— Это так странно, моя голова отказывается верить твоим словам — испуганно пробормотал Малино.

— Я понимаю, что ломаю твой мир, но мы должны переступить через стереотипы и попытаться пройти тем путем, который кто-то пытается от нас скрыть, уничтожая людей подобных Тео. По крайней мере в этот раз я постараюсь не допустить гибели особого человека. И надеюсь, ты мне поможешь — она взяла руку мужа слегка дрожащими пальцами, и вновь посмотрела в глаза. Не в силах сопротивляться силе обаяния жены, барон кивнул головой.

— Я скорее позволю убить себя, чем пожертвую тобой. Если ты желаешь спасти мальчика, значит я сделаю все, что смогу. Обещаю тебе — он поцеловал супругу, и зарылся лицом в ее волосы, вдыхая знакомый аромат духов любимой женщины.

***

Доспех эльфа представлял собой крайне необычную конструкцию. Откованный из невероятно прочного, серебристого металла, он поражал не столько твердостью материала, из которого его произвели, сколько конструктивными решениями, что применил неизвестный мастер. Все части защиты так умно соединялись в сочленениях, что совсем не стесняли движения воина, более того некоторые технические особенности способствовали увеличению различных показателей бойца.

Тиль, кузнец барона, внимательно изучил доспех эльфа, его вердикт оказался неожиданным.

— Не знаю кто их делал, но только не эльфы. Можете мне поверить господин барон, уж я-то знаю, о чем говорю. Для остроухих слишком просто оформлено, нет красоты. Эльфы так не делают, они любят изыски. Да и сама работа необычная, таких соединений мне раньше видеть не приходилось.

— И кто мог это сделать?

— Сложно сказать, вообще это лучше у гномов узнать. Есть у меня один знакомец. Торгует разным старьем. Он любит такие штуки. Держит торговую лавку, в Елегоре, что на границе с Карамантом.

— Кто такой?

— Гадон Батрид, он из Батры.

Выводы Тиля поставили в тупик барона, он приказал повторить конструкцию доспеха в вооружении его рыцарей. Что-то удалось перенести, но часть элементов так и не поддались умелым рукам замкового кузнеца. Мастера терялись в догадках каким способом это сделано. Кузнец сетовал на отсутствие нужных инструментов. Кристиано привычно предложил закупить все нужное у гномов, на, что Тиль рассмеялся, и смущено посетовал.

— Ваша милость нужных мне инструментов еще не изобрели. Я вообще сомневаюсь, что подобное могла сделать рука смертного. Слишком уж подогнано, да и металл такой прочности, чем его ковали, ума не приложу.

— А что там с металлом? Что за руда? Откуда?

— Ваша милость этого вам не скажет никто. Из тех кузнецов, кого я знаю, такой металл никто никогда не встречал. Легкий, прочный как камень, упругий. Чудеса, да и только. Можно, конечно, попробовать узнать у гномов Изумрудных холмов. Они знатные мастера в ковке, да и в рудах разбираются превосходно. Но если честно, сомневаюсь, что гномы нам помогут.

— Тут ты прав. Что же хвалю тебя, за рвение и умелые руки. А по поводу металла поговорю с одним человеком. Он может знать, откуда это взялось в наших краях.

Барон стукнул костяшками пальцев по нагруднику необычной кирасы, раздался мелодичный звон, постепенно затихающий в вибрации железа.

Неделю спустя прибыл удивительный гость. Он приехал прямиком из долины железных королей, что уже само по себе делало визитера интересным. Хозяин замка встречал дорогого гостя во дворе, и принимал как знатного вельможу, определив под проживание комнату для сановных персон. После праздничного ужина, Кристиано с супругой отправились в библиотеку, куда пригласили и знатного приятеля.

— Что нового в мире? — спросил Кристиано, приветливо глядя на развалившегося в кресле Амадо.

— Нового? Да все по-старому. Эльфы стряпают заговоры, гномы торгуют и дерутся, люди стремятся перебить себе подобных и обокрасть соседа, а так все как обычно.

— Как пессимистично — улыбнулась супруга барона.

— Обстановка не внушает оптимизма, дорогая Эвелин. Посудите сами, готовится новая война, теперь уже с Арси. Алкмеи, конечно, сбили спесь с эльфов, но они все еще очень сильны и навязали рабский, унижительный мир победителю. В королевствах востока видимость мира, однако верховный жрец продолжает крутить интриги, которые боюсь выльются в тяжелую войну, и могут привести к гибели людей по эту сторону горной гряды Тенафара.

— Мне приходилось слышать о Скюло разное, но, чтобы верховный жрец так влиял на политику. Разве такое возможно — усомнился Кристиано.

— На нашу беду, возможно — горько усмехнулся Амадо.

— И чего же хочет наш святоша? — поинтересовалась Эвелин.

— Не знаю. Могу лишь предположить, что наш святейший кастрат, затеял, игру, которая, должна привести к созданию единого королевства на Востоке. Несомненно, под верховным руководством его святейшества.

— Но зачем? Ведь, Скюло и сейчас имеет неограниченное влияние? Зачем ему светская власть? — не унималась Эвелин.

— На этот вопрос я ответить не смогу. Логику человека, прошедшего то, что пришлось перенести Скюло, понять сложно. Думаю, это страсть к обладанию властью.

— Поймите, а что за история с его юностью? Сколько не спрашиваю, никто толком не желает рассказывать. Что тогда случилось? — пожаловалась женщина.

— Ой, давайте без подробностей, нет там ничего интересного — вмешался Кристиано, морщась при одной мысли, что ему предстоит услышать жуткую историю пленения юного Скюло.

— С Вашего позволения, господин Кристиано, я вкратце расскажу о случившемся, чтобы полнее раскрыть высказанную мною мысль — извиняющимся голосом попросил Амадо.

— Валяй — разрешил барон, тяжело вздыхая, и задумчиво вглядываясь в пламя камина.

— Во времена войн Оренея Бластида с эльфами, Скюло служил у графа Адольфа Градиана, оруженосцем. В то время он был слишком юным, чтобы действительно уметь воевать, и профессионально держать в руках оружие. И все-таки вместе с господином отправился в поход, затеянный по инициативе Оренея. Битва состоялась на берегу озера Отаба, Орней с треском проиграл сражение, и едва спасся сам, с небольшой группой верных рыцарей.

— А в чем суть противоречий? — спросила Эвелин, явно заинтригованная началом рассказа.

— Бластиды древнейший род Востока, их династия когда-то захватила эти земли — отозвался Кристиано, угрюмо глядя перед собой. — Тогда королевство Илгидан, как его называли эльфы, было настолько сильно, что могло противостоять Эманторану. Но смерть Ерлада Бластида первого короля Астурии, оставила королевство без наследников. Рыцари Ерлада разругались и создали каждый свое королевство, поле чего начались бесконечные войны, в ходе которых эльфы сумели несколько раз нанести людям поражение. В два поколения восток подпал под власть Эманторана, и с тех пор Бластиды воюют с ними за власть над регионом.

— Но ты же сказал, что у Ерлада не осталось наследников, тогда откуда династия? — удивилась Эвелин.

— Его супруга Инарут отстояла королевский домен, с крепостью Белый камень, и сохранив фамилию короля вышла за его племянника Лода Семь Жизней.

— Того самого Лода? — изумилась Эвелин.

Тут же вспоминая многочисленные сказки, не раз слышанные ею в бесконечных беседах с простолюдинами. Лод всегда казался ей мифическим героем, фигура которого за века обросла многочисленными рассказами.

— Да того самого — саркастически улыбаясь ответил Кристиано.

— Лод, судя по всему, был не глуп, и правильно расценил, что, освободив Восток от влияния Эманторана, он вернет авторитет династии, и сможет претендовать на возвращение территорий, раздробленных сподвижниками Ерлада.

— Но у них не получилось? — предположила Эвелин.

— Не получилось. Последние века они воевали скорее по традиции, не надеясь на победу. За их родом закрепилось имя защитников людей — отозвался Амадо.

— И Орней продолжил борьбу с эльфами без надежды на победу. Но зачем? — не унималась женщина.

— Он не мог иначе, это был его долг. Перешедший к нему по наследству вместе с королевством — пояснил барон.

— Но почему с эльфами? Почему не с рыцарями, предавшими его предка? — недоумевала баронесса.

— От рук остроухих погиб его отец, и жена, а дочь многие годы провела в плену — ответил Амадо.

— Это ужасно — грустно проговорила Эвелин.

— Орней фигура крайне противоречивая, его отвага и принципиальность не раз стоила восточным королевствам больших жертв. Там, где можно было обойтись малой кровью, он шел на пролом. Ну да не нам судить его поступки, было так как было — задумчиво проговорил Амадо.

— Ладно я поняла. Орней воевал с эльфами, но что Скюло? Как он пострадал от эльфов? — вернулась к началу разговора Эвелин.

— После поражения у озера Отаба, в плен попало много знатных рыцарей, но эльфы в обход правила священной крови аристократа, казнили всех, кто попал в их руки. Даже не потребовав выкупа. Родственникам разрешили забрать головы казненных, и то лишь с центральной площади столицы. Те, кто решился поехать к врагу на поклон прошли через чудовищные унижения, чтобы вернуть останки близких.

— Казнив именитых пленников, эльфы почему-то решили оставить жизнь молодому оруженосцу. Сложно сказать кому больше повезло тем, кто умер или тому, кого пощадили. Мальчику пятнадцати лет пришлось пройти ужасы, от которых сойдет с ума и взрослый воин. Его пытали, насиловали, издевались, а под завесу праздника кастрировали. Яйца прожарили и завернув в шелк положили в резную шкатулку из слоновой кости, чтобы вручить ценный подарок Скюло. С этим юный оруженосец отправился к Оренею.

— Какой ужас! — наморщила нос Эвелин. — Какое варварство, и это эльфы? Ужас!

— Это еще не ужас, ужас начался, когда его посадили на осла пришив ноги к войлочной накидке, и так сидя задом наперед, отправили в королевства востока с посланием от эльфов. Единственный выживший с собственными яйцами на шее, пришитый к войлоку, в пятидесятиградусную жару, едва живой вернулся в Мальдида. Королевства востока загудели, столкнувшись с таким цинизмом. Муки простого оруженосца привели к Первому Священному походу против эльфов, объединив все королевства востока в порыве праведного гнева.

— Постой разве не смерть Оренея стала причиной — вмешался Кристиано, неплохо знавший о тех событиях от своего отца.

— Формально, да. Казнь Оренея послужила той последней каплей гнева, что привела людей к Священному походу на эльфов. Но у всякого события есть несколько предшествующих этапов, так история Скюло послужила катализатором для последующего взрыва, тем более что все случилось в течении года.

— Наверное, тут ты прав — согласился барон.

— Так, а как же Ореней попал в плен, он же бежал с озера Отаба? — спросила увлеченная рассказом Эвелин.

— Он бежал, и сразу же попал в неприятности. На Мальдида напал Роджер Мутноглазый. Папаша Кейста.

— Да этому выродку есть в кого быть негодяем — поддержал рассказчика Малино.

— Ну и что дальше? — нетерпеливо спросила Эвелин.

— А дальше Роджер продал дочь Оренея эльфам, и тому пришлось пойти на поклон к извечному врагу. Он пытался договориться с Эмантораном, но его заманили в ловушку и захватили в плен. А после суда казнили на центральной площади Аланкнира — закончил рассказ Амадо.

— Почему в Аланкнире? Почему не в столице? — удивилась Эвелин.

— Эльфы посчитали, что Аланкнира более подходящее место. Потому, что под стенами этого города началась вражда, Эманторана с Бластидами, тут ее эльфы и закончили — объяснил Кристиано.

— Раньше Аланкнира была столицей эльфов, еще до Амрунта. Но если отбросить пафос и официальную пропаганду, то Амрунта сильно пострадала от извержения вулкана Ватгют, а Аланкнира приняла эльфийский двор — произнес Амадо, погрузившись в воспоминания.

— Ладно, хватит об этом. Лучше расскажи, что творится на юге в Ришаме. Там, кажется, поднялось народное восстание против эльфов? — прервал Кристиано, тягостный для себя разговор.

— Восстание? — удивился Амадо. — Ты о движении душителей. Вряд-ли это народ Ришама, похоже мы имеем дело с новой Гинну, только местного разлива. Эти маньяки душат всех, и эльфов, и купцов, и нищих, любого кто попадет на дороге. Ходят слухи, что они служат Утнате, собирательнице жизней. Что-то конкретнее сказать сложно. Ясно только,

что они стремятся запугать эльфов, но насколько я могу судить им совершенно наплевать, кого душишь.

— Мир вывернулся наизнанку, что происходит с человеком — словно про себя проговорила баронесса.

— По-моему, все как обычно. Люди как люди. Жестокие, жадные, глупые — с улыбкой ответил Амадо. — Ничего нового. Сколько знаю людей, они всегда отличались этими качествами. Пожалуй, это и привело к печальному итогу.

— Амадо ты не прав. Вспомни ранних людей, они были великими, много знали, отличались мудростью, и стремились к гармонии. Тот упадок, что мы видим сегодня, пришел в результате предательства и хитроумного заговора против человека.

— Может ты и права. Дорогая Эвелин, ты всегда относилась к человечеству с материнским всепрощением, однако мне на ум приходит совсем иное. Хотя ради справедливости скажу, я тогда здесь не жил, и не помню то время. Возможно, тут все было совсем иначе, не так как у нас. Но зная человека и его жажду всевластия, его страсть подавлять, мучить, унижать. Врожденное стремление к вседозволенности. Я не могу поверить, что когда-то было иначе.

— Почему тебя так пугает могущество человека, его возможности? — с раздражением спросила Эвелин.

— Меня пугает отсутствие у человека воли умерять свои желания, и неспособность к самоконтролю. Человек не бережет того, что окружает его, и это касается не только материальной сферы, но и духовной стороны жизни. Человек варвар, ненасытный зверь, которому всегда мало, его всегда распирает от страстей.

— Странно, что ты заговорил о душе, ты же не веришь в богов? — смягчилась баронесса.

— Ты тоже не веришь — не поддаваясь на тон женщины ответил Амадо.

— Зная, то, что известно нам, это было бы смешно. Однако я не отрицаю морали в человеке. Чтобы сохранить себя как вид, мы должны обладать тем необходимым набором правил, что удержат нас от самоуничтожения, и позволят сосуществовать вместе к общему благу — с жаром проговорила женщина.

— Ты веришь, что человек способен сделать правильный выбор, когда перед ним встает вопрос поддаться страстям или следовать морали? — с нескрываемым сомнением спросил гость.

— И все же я не соглашусь, что причина падения людей в их порочности. Я вижу здесь заговор эльфов, изощренность и жестокость, присущую этому народу — раздраженно заупрямилась Эвелин.

— Может быть, но я пока не обнаружил никаких доказательств заговора. Скорее человек делает все, чтобы уничтожить остальных обитателей Фанариона — не уступал Амадо.

— Так, так, так давайте прекратим спор, и вернемся к реальным проблемам! Моя супруга только вчера мне рассказывала о несуществующей истории великого человечества, и искажении правды в легендах о его происхождении. Я еще немного засомневался, но теперь, пожалуй, соглашусь с тобой! — барон одобрительно посмотрел на Амадо.

Баронесса покачала головой и закатив глаза произнесла.

— Ну как пожелаете, не хотите видеть очевидное, ваше право. А от тебя Амадо я не ожидала такого вероломства, уж ты то точно должен знать, что я права — сказала Эвелин,

краснея от возмущения.

— Ладно оставим наш спор, только время покажет кто из нас прав, а пока согласимся с женщиной, дабы не обидеть хозяйку дома — улыбнулся в ответ Амадо.

— Это справедливо — подхватил Кристиано. — У меня к тебе вот какой вопрос. После Авинсы мне достался удивительный доспех.

— Тот, что был на Тайлфа? — живо поинтересовался гость.

— Да. В доспехе удивительно все. Пожалуй, тебе стоит его показать, это больше прояснит, чем все рассказы.

— А что тебя в нем удивило?

— Редкая работа. Возможно, древний артефакт — скупое ответил барон. — Тут совсем особая вещь. Металл вот, что удивительно. Сама конструкция совершенна, ранее мне не доводилось такое видеть.

— Может эльфы — предположил Амадо.

— Это точно не эльфы. Загадка, да и только. Пришлось послать за неким Гадоном Батридом.

— Батра? Он из Иргамы?

— Так и есть. Торгаш из Елегора — ответил Малино.

— Интересно, завтра посмотрим на эту вещь — заинтригованно проговорил Амадо.

***

Вполне прилично оборудованную кузницу окутывал полумрак, разрываемый всплесками беспокойного пламени, что раздувало мерное дыхание мехов. Тощий, но жилистый Тиль, смотрел на гостя с неприязнью. Амадо не обращал внимания на кузнеца. Он задумчиво разглядывал доспех, изредка прикасаясь к различным элементам брони. Барон терпеливо ожидал рядом. Рассказ Малино о событиях в Авинсе озадачил Родриго, особенно отсутствие внятной причины, что могла привести в захудалую деревеньку эльфийского героя. Кристиано предусмотрительно опустил историю с мальчиком. Вид доспеха привел гостя в странное волнение, сразу бросалось в глаза, что ему знакома техника в которой изготовили доспех эльфа. Барон лишний раз убедился в уме супруги, убедившей его обратиться к Амадо. Эвелин рассказала, что чужестранец хорошо разбирается в броне и редком вооружении, доказательством чему служили собственные доспехи гостя.

Малино отлично запомнил их. Владелец не раз осматривал золотистый Пасис, пока Амадо валялся в забытии у него в замке, после сражения в логове Гинну. Особенно его поразили осколки редкого металла, составлявшие некогда клинок болотного цвета. Способность взаимодействовать двух различных материалов, доспеха и осколков клинка, заставили барона более внимательно присмотреться к гостю. Сколько Кристиано не пытался выведать у супруги, о прошлом Амадо, Эвелин так ничего внятного и не рассказала. С другой стороны, доступные сведения о придворной жизни Родриго Амадо, почему-то обрывались на знакомстве с королем Инаном. Да и само это знакомство оставалось покрыто мраком. Единственное, что не вызывало сомнения, так это особая связь между почившим монархом и его коннетаблем. Некоторые поговаривали о фаворитизме, но Малино совершенно отчетливо видел, что перед ним абсолютно другая история. В итоге вопросы так и остались без ответа, но барон не собирался отступать, его не на шутку заинтересовал новый металл, и Кристиано решил во, чтобы то ни стало докопаться до сути.

— Ну! Так, что скажешь? — устав от ожидания спросил владелец.

— Скажу только одно, это не эльфы — с расстановкой ответил гость, не отрывая

взгляда от доспеха.

Тиль хмыкнул, и отвернувшись в сторону пробурчал.

— Тоже мне открытие, а то без тебя не знаем... — бубнеж затух, под тяжелым взглядом барона.

Отвернувшись в сторону, кузнец погрузился в шифовку кирасы, и более не проронил ни слова.

— Это мы знаем. А чей он, или хотя бы, что за металл? — нетерпеливо выпрашивал Кристиано.

— В вашем королевстве нет такого металла. Это кадам. Здесь он не встречается. Вещь, что лежит перед нами, либо очень древняя, и произведена задолго до человека или эльф...

— А может это гномы?

— Нет! Точно не гномы. Ничего похожего я не видел ни в Иргаме, ни в Даносте. Я же говорю кадам не встречается в ваших землях.

— А где его добывают?

— Это очень далеко, и попасть туда, отсюда нельзя. Слишком далеко, да и технологии его производства мы не знаем.

— А чего там знать! Добываешь руду, плавишь, куешь — пробормотал недовольный Тиль.

— Да не так это просто, этот металл не добывают из земли. Там, где он производится, нет шахт. Кадам выделяют из... Вы бы сказали из воздуха, но это не совсем так. В общем этот металл не добыть в земле, его только можно произвести, используя особую технологию. Советую спрятать артефакт и забыть о существовании доспеха, чтобы никто о нем не узнал. Известие о латах может привести беду в твой дом — Амадо посмотрел на Кристиано настолько серьезно, что у барона не возникло ни малейшего сомнения в искренности гостя.

— Ладно. Так и сделаю. А что ты скажешь о мече? — Кристиано указал на клинок эльфа, завернутый в рогожу.

Осторожно как великую драгоценность, Тиль развернул промасленную сверток и извлек на свет серебристый клинок, поражающий одновременно размером и изяществом форм.

— Как интересно — протянул Амадо. — Ты даже не представляешь, что это такое — проговорил Родриго, глядя на барона.

— Ну так я и хочу это узнать — встрепенулся Кристиано, чувствуя скорую разгадку.

— Это Ферентир — торжественно проговорил Амадо.

— Ты издеваешься? — обиделся барон.

Тиль злобно посмотрел на гостя, примеряясь к молоту.

— Что за бред? Я не верю в сказки вот уж четверть века, не ожидал от тебя такого неуважения — обиженно проговорил хозяин.

— Нет, это не шутка. Я тебе докажу. Помнишь, как там в легенде «Кубата поместил клинок в реку, и стал он цвета воды, серебром отливая! Взмахнул мечом, и радуга небес дала имя великому оружию богов! Вгляделся Кубата в металл и прочел среди радужных волн имя — Ферентир...» — продекламировал Амадо.

Они подошли к жаровне, гость немного наклонил меч, так, чтобы языки пламени отразились в глади клинка. По металлу забегали радужные волны. Они вились по полотну меча меняясь в произвольном порядке, перетекая одна в другую. Секунду спустя из калейдоскопа цветов проявилась лазурная надпись. Четкая, написанная на древнем общем языке. Надписи на нем испещрили многие пещеры и мегалиты, в изобилии разбросанные по

миру. Несмотря на древность, язык все еще ходил среди образованной части человеческого общества.

— Ферентир! — изумленно прочел Кристиано.

Из-за плеча хозяина выглядывал, испуганно-удивленный Тиль. Не сумев преодолеть любопытства, кузнец нарушил субординацию.

— Не понимаю откуда он у эльфа? Я думал, это все легенды! Боги древности, Кубата, укравший меч у Тотмоча! — говорил без остановки Кристиано.

— Не все легенды врут. Теперь понимаешь почему такие находки прячут. Завтра я уезжаю, мне надо кое-что проверить. Если узнаю больше тут же тебе сообщу. Только никому не показывай то, что увидел я — мрачней лицом закончил Амадо.

***

Рано утром одинокий всадник выехал из ворот замка. Зеленый плащ развевался за спиной, мороз сковал дорогу, и лошадь бодро несла Родриго прочь из Амората. Прощаясь с Эвелин и Кристиано, гость еще раз попросил держать в тайне историю с эльфом.

Глядя во след гостю, барон подумал, что его супруга и Амадо старые знакомые. Они понимают друг друга с полуслова, говорят о вещах, которые были не понятны Малино, что жутко раздражает.

Таинственный чужестранец рассказывает о истории так словно сам бывал в местах о которых говорит, словно сам участвовал в событиях седой старины. Глубина его познаний о прошлом поражала Кристиано, иногда пугая кощунственными подробностями, зачастую меняющими суть всей истории. Рядом с Амадо, барон чувствовал себя мальчиком. Возникло подспудное желание подчиниться и следовать словам странного, а порой и страшного человека, из неизвестного края.

***

Хозяйка замка ревниво наблюдала за Тео в течении недели, пока наконец не настал день, когда барон решил устроить проверку способностям ребенка.

Теодоро привели в приемную залу, где уже гудела толпа приближенных Кристиано. В торжественной тишине объявили о появлении в имении Малино божественного чуда.

Ребенка вывели из боковой двери, он с любопытством озирался, крепко удерживая руку Сусаны. Разговоры смолкли, повисла гробовая тишина. Придворные уставились на тщедушное тельце деревенского мальчика. Малец оробел, испугавшись пристального внимания, и заплакал. Сусана успокоила его что-то шепнув на ухо.

— Теодоро, не бойся, тут нет врагов! Мы все твои друзья! — доброжелательно произнесла Эвелин.

Тео улыбнулся не то словам няньки, не то отвечая на благожелательный тон баронессы. Его пронизательные, серые глаза, уставились на Эвелин, с любопытством разглядывая патронессу, словно мальчик никогда ранее ее не встречал.

— Что тебя напугало? — спросила она еще мягче.

Ребенок пожал плечами и потупился. Маленькое тельце, трогательно жалось к Сусане, пытаясь спрятаться от беспардонного внимания вассалов Малино. Сусана приобняв Тео, прикрыла его руками, желая спрятать от чужих глаз дорогое ее сердцу сокровище.

— Покажи нам, то, что ты сделал со своей нянькой — попросила Эвелин.

— Тетенька, я не знаю, как это сделать — испуганно проговорил Тео.

Эвелин поднялась с кресла и подошла к ребенку, присев возле него женщина заглянула в глаза мальчика.

— Давай, сделаем так. К тебе выведут бабушку, а ты ей споешь — она ободряюще улыбнулась Тео. — Ты ведь смелый мальчик? Не испугаешься спеть для меня? А? — ребенок неуверенно кивнул головой.

Эвелин выступала категорически против прилюдной демонстрации способностей Тео, но барон настоял. Кристиано рассчитывал поднять авторитет владения, получив местного святого, а заодно спрятав необычного ребенка, за статусом чудотворца, для чего на демонстрацию пригласили местного священника, дабы он мог удостоверить святость мальчика от лица Единой Церкви. Малино надеялся, что Жреческая коллегия не станет преследовать своего святого. С другой стороны, оповестить королевство о найденном в глухой деревне самородке, значило защитить Тео, не только авторитетом Единой Церкви, но возможно и монаршей опекой.

Мальчик кивнул и отстранился от Эвелин, еще сильнее прижимаясь к Сусане. Минутой позже вывели бабку. От старости она едва держалась на ногах. Ребенок словно изменился, его взгляд неожиданно повзрослел, в глазах засветились доброта, и сочувствие.

К удивлению, присутствующих он сам пошел на встречу несчастной, взял руки старухи, и глядя в ее полуслепые глаза, заговорил с ней. Голос Тео изменился, приобрел взрослое звучание, и силу.

Барон привстал с кресла, вздох изумления вырвался у зрителей. Старушка на глазах менялась. Глубокие морщины разгладились, а на щеках заиграл румянец юности, скрюченные болезнями и возрастом пальцы удлиннились и приобрели тонкость и изящество руки девушки. Согбенная спина разогнулась, а потухшие глаза заблестели. По седым волосам поползла каштановая волна, окрашивая выцветшие пряди. Побежали дорожки, играя в тяжелы локонах, лучами солнца, сочащегося сквозь решетку окон. Девушка в полусне улыбалась, чему-то, что видела только она.

— Да что это? — изумленно выдохнул Кристиано.

— Наследие предков. То, чем обладал человек задолго, до появления эльфов — торжественно произнесла Эвелин, наслаждаясь произведенным эффектом.

— Это кощунство! — вскричал Виторио Винокур, насупив лоснящиеся лицо, обрюзгшее от многолетнего пьянства.

— Что именно, святой отец? — спросил барон, зло сверкнув глазами.

— Слова баронессы! Любое чудо принадлежит богу, и идет только от его благословения, и сводить все к природе человека есть зло! Вреднейшая ересь и грех!

— Вы правы святой отец! Моя супруга потеряла разум от чувства священного экстаза. Простите женщине ее слабость! — примирительно проговорил Малино.

Священник недовольно покрутил носом, но сдержался, не рискуя нарваться на крутой нрав барона. Эвелин прикусив губу, всеми силами пыталась сохранить остатки достоинства. Она поднялась с кресла и вышла вон. Барон заметил брошенный ею взгляд, и сразу погрустнел, предвидя вечерние проблемы.

— Сегодня мы узрели чудо! Сей отрок рожден в Авинсу, моем наследственном владении! Попущением божиим у нас появился святой! С чем, я осмелюсь предположить, бог взял под покровительство дом своего раба. В благодарность за покровительство, я в свою очередь, беру сего отрока под крыло рода Малино. Любой, кто покусится на жизнь или свободу Теодоро будет считаться моим личным врагом! — торжественно провозгласил Кристиано.

Омоложенная старуха продолжала стоять посреди зала, в недоумении разглядывая свои

руки. Барон приказал вывести ее, и отпустил мальчика с нянькой. Вассалы в недоумении смотрели на Кристиано, не зная, как реагировать на случившееся.

Рыцари не принимали новую хозяйку, им казалось, что барон дал слишком много воли чужестранке, которая не успела толком изучить традиции королевства, а уже стремиться командовать их сюзереном. А тут еще такое кощунство, которое Кристиано проигнорировал, да к тому же неуважение к супругу. Как она посмела выйти из зала, во время приема, не испросив дозволения своего владыки. Вольности Эвелин, вызывали подозрения среди подданных в слабости Малино, и постепенно готовили почву для предательства.

Оценив ситуацию Виторио, пошел в наступление.

— Превосходное решение Ваша милость! Однако замечу, что более благоразумно будет передать отрока на попечение святой церкви. Кто как ни она, проводница воли создателя, должна заниматься воспитанием удивительного ребенка? Да и канон нам однозначно указывает, что именно святой престол занимается изучением любого чуда, дабы не допустить прискорбной оплошности и не принять зло за проявление доброй воли создателя. Не мне Вам напоминать, что это в ведении священной инквизиции и его Святейшества...

— Достаточно! — резко прозвучал голос барона. — Мальчик останется в моем доме, и будет воспитываться в замке, наравне с моими детьми — в голосе Кристиано прозвучала угроза.

— Но вы нарушаете... — бледнея от страха, попытался настоять на своем Виторио.

Малино поднялся, опираясь на подлокотники кресла, глаза владельца налились кровью, дыхание участилось, вздымая могучую грудь хозяина замка. Не сводя глаз с Виторио, Кристиано процедил.

— Я уже сказал свое слово, и можешь мне поверить Виторио, я исполню угрозу! — рыхлое лицо священника, белизной сравнимое со снегом, задергалось.

Стоявшие подле, вассалы Малино, бессознательно отстранились от дерзкого жреца. Боясь поднять глаза, Виторио проронил.

— Я обо всем доложу кардиналу Клаусу Дудумару, не думаю, что для Вас...

— Я переживу опалу кардинала! Советую Дудумару вспомнить на чьих землях он собирает десятину!!! — прогремел голос барона. — А Вам отец Виторий, советую впредь попридержаться свой язык.

— Осмелюсь Вам напомнить Ваша милость, что земля создана волей божией и по его же воле вы владеете сим именем. Нарушая священные установления, вы рискуете потерять расположение создателя, чем поставите и себя, и свое владение вне закона, как божьего, так и светского. Вспомните, о чем на последней проповеди говорил Его Святейшество...

— Да я смотрю ты никак не уймешься!!! — вскричал Кристиано взбешенный угрозами священника.

— Помпилио!!! — в зал вошел грузный мужик.

Несмотря на нелепое сложение, каждое движение Помпилио дышало нечеловеческой силой, палача сопровождали не уступавшие ему в комплекции слуги.

— Стащите этого на конюшню, и дайте ему двадцать ударов кнутом!

Виторио подхватили под руки и поволокли на конюшню, под изумленные взгляды вассалов.

На заднем дворе, возле конюшни, собралось немало зевак, жреца привязали к перекладине. Разорвав на спине Виторио одежду, довольный Помпилио крутил в руках кнут, с нетерпением поглядывая на барона.

— Ну что Виторио, готов ли ты принять наказание как простой селянин? — ядовито спросил Кристиано.

— За веру, я готов принять любое муку и поругание... — загну савил жрец.

— Сейчас увидим! — рывкнул взбешенный барон.

Он кивнул головой, и Помпилио принялся методично отсчитывать удары, оставляя на жирной спине немолодого священника, иссиня-багровые рубцы, набухающие на глазах после каждого удара.

Крики и слезы священника огласили конюшню. Во двор ворвалась Эвелин, она кинулась к мужу, и схватив за руку принялась уговаривать остановиться. Кристиано грубо вырвал ладонь, и едва не толкнув жену, резко отвернулся.

— Ну как, святой отец, помогает вера? — торжествуя спросил Малино.

— Да будь ты пр... — вырвалось из горла Виторио.

— Помпилио еще двадцать плетей! — прозвучал приказ барона.

Помпилио довольно улыбаясь кивнул головой и принялся пороть с удвоенной энергией. Кожа со спины священника сползала кусками, обнажая кровоточащую плоть. Тело Виторио вздрагивало при каждом прикосновении кнута, неожиданно вопли оборвались. Слуги окатили священника водой, Виторио с трудом открыл глаза и застонал.

— Мне продолжить или ты все-таки признаешь мое право в этих землях? — спокойно спросил барон.

— Я признаю, твое право — слабо простонал священник.

— Не разобрал, что ты там бормочешь! Да и вассалы мои тебя не слышали! — с издевкой проговорил Кристиано.

Рыцари довольно ослабились, жрец почти прокричал, что признает право Кристиано Малино в его владениях.

Удовлетворенный результатом, Малино повернулся к супруге и только теперь заметил, что Эвелин ушла. Сегодня барону предстояли тяжелые объяснения, настроение сразу упало. Подспудно он боялся жену, вернее ее своенравного поведения, он слишком дорожил Эвелин, чтобы оставаться равнодушным к размолвкам, что возникали меж ними.

Ситуация вышла из-под контроля, отношения с церковью испорчены, но иначе он не мог поступить. Вопрос встал принципиально, либо интересы Эвелин, либо претензии зарвавшихся жрецов, что и так год от года становились все наглее, все нетерпимее, и жаднее.

***

Поздно вечером в дверь спальни баронессы, тихо постучали. На пороге, в нерешительности стоял барон. Не глядя друг другу в глаза, они начали одновременно, и тут же осеклись. Супругов переполняло чувство сожаления, перерождающееся в страсть. Ссора было назревшая, погасла. Лежа в постели, он долго объяснял жене, что не должен терять лица перед своими подданными, и в очередной раз просил супругу не ронять его достоинство. Эвелин просила прощение и торопливо рассказывала почему так важен мальчик, которого он спас. В очередной раз Кристиано поразила глубине познаний Эвелин.

Понимая где-то внутри, что любовь к этой женщине делает его жизнь опасной, он не мог отказаться от нее. Эвелин стала для него тем чудом, что так редко сопровождает отношения людей. В непонятной женщине, которая поклялась быть с ним до конца, он видел не только хранительницу очага, для него она стала другом, стала тем, что наполняло смыслом его жизнь. Сегодня, во имя ее дела, он пожертвовал благом владения, влез в опасный конфликт с церковью. В борьбе интересов баронства и Эвелин, победила Эвелин.

Церковь не заставила себя ждать. Уже через десять дней на земли барона прибыл вездесущий Нофль, а с ним большой отряд королевской гвардии и орда церковников. К моменту, когда они подошли к стенам замка Малино, его владения жестоко зачистили от «еретиков». Местное население насмерть перепуганное и приведенное в повиновение короне и церкви массово отказывалось от своего суверена. В замке собрались почти все вассалы барона, лишь двое предпочли присоединиться к армии инквизитора.

На земли Малино вошел небольшой отряд, но в процессе расправы над жителями, отряд оброс желающими защитить святость веры, и превратился в небольшую армию, к которой скрепя сердцем присоединился и граф Леворно. Он безучастно наблюдал как ненавистные сердцу святоши уничтожают его самого верного вассала. Но ничего противопоставить требованию короля Гумберта, всерьез взявшегося за еретиков в его землях, граф не мог.

Опустошенные владения Малино кишели рыцарями-грабителями, дезертирами и просто бандами разбойников. Окруженная крепость замерла в ожидании своей участи. Вылазки, совершаемые по ночам, постоянно беспокоили лагерь Нофля. Вскоре к защитникам замка пришло известие от Леворно, о дате начала штурма. Встал вопрос о спасении самого ценного.

Регулярные вылазки превратились в привычное явление, из-за чего очередная атака ни у кого не вызвала удивления. Начавшийся у стены бой отвлекал внимание инквизитора от событий, происходящих возле тайного подземного хода.

Стараясь не привлекать внимания, небольшая группа людей выбралась из подземелья, и незамеченная никем растворилась в ночной темноте. Барон спас самое ценное, жену и дорогого ее сердцу мальчика. Выводить супругу и дитя, барон поручил Помпилио и двум доверенным рыцарям Серджо Гуадама и Трецо Сукрано, полагаясь на обоих как на проверенных временем вассалов.

Эвелин умоляла барона пойти с ними, но Кристиано отказался покинуть осажденную крепость. Он не оставил замок и своих рыцарей без командования, проявленная трусость навсегда запятнала бы его репутацию, этого барон никак не мог допустить. Поэтому Малино, вынуждено доверил жизнь супруги посторонним. Кавалькада направилась в сторону дороги ведущей в Карамант. Мальчик ехал в одном седле с Сусанной, Тео боялся потерять любимую няньку.

Достигнув ближайшего леса, отряд повернул в чащу, следуя едва приметной тропе, пока не уперся в охотничий дом, разграбленный несколько недель назад. На воротах висел труп лесничего, а рядом чернели две свежие могилки.

С содроганием Эвелин проехала мимо зловонного трупа. Циничные шутки Помпилио, вызвали гнев баронессы, и без того с трудом выносившей заплечных дел мастера. Она никак не могла взять в толк, зачем посылать с ней этого мясника, с мозгом недоразвитой гориллы. На замечание баронессы Помпилио лишь зверски осклабился, однако замолчал. Палач отвечал хозяйке не меньшей ненавистью, считая ее, во многом заслуженно, виновницей случившегося. Серджо и Трецо наблюдали за происходящим не вмешиваясь, лишь многозначительно перемигиваясь и улыбаясь, чему-то, что было известно лишь этим двоим.

Расположились на ночлег в разграбленном доме. Дорогие дубовые панели послужили прекрасным топливом для костра. Рыцари несмотря на свое происхождение оказались

великолепно подготовлены к тяготам походной жизни. Они быстро соорудили все необходимое для ночлега. Ели в гробовом молчании, спутники избегали бесед с баронессой. Помпилио все еще дулся и поэтому нацепил на лицо выражение равнодушной отстраненности. Сидя при входе палач внимательно вслушивался в шум ночного леса. Для Эвелин поставили небольшой шатер. После суток в седле, она с наслаждением растянулась на мягкой соломе, и мгновенно провалилась в притягательную черноту.

Отчаянные крики и плач ребенка, пробивались сквозь одурь полусна. Эвелин не могла понять, снится ей это или происходит в самом деле. Неожиданно баронессу вырвало из сна, на нее сверху навалился мужчина, тяжелый и мощный как медведь. Она попыталась вырваться, но сил не хватило. Ее глаза, прикрытые задранной наверх юбкой, ничего не видели, кто-то упорно рвался к ее прелестям. Не сумев справиться с завязками, человек пустил в ход нож, резко ослабив хватку панталон, и слегка порезав ее кожу. Грубые руки резко сдернули последнюю преграду между ее телом и насильником, рядом тихо подвывала Сусана. С девушкой происходило тоже, что и с ней. Что-то хрустнуло, грубые руки ослабили и тяжелое тело навалилось сверху, сильно придавив к земле баронессу. Рядом послышалась возня и ругань. Эвелин узнала голоса, Помпилио матерно обругал кого-то, в ответ также прозвучал мат, голос принадлежал Серджо.

— Что происходит? — изумилась баронесса.

Сдвинув обмякшее тело на бок, она наконец открыла лицо, ее глазам предстала удивительная картина. Помпилио дрался с Серджо. Рыцарь без штанов, с обнаженным мечом в руках, быстро уворачивался от ножа огромного, неуклюжего, но невероятно сильного врага. В несколько приемов Серджо сумел ранить Помпилио, и палач, истекая кровью начал отступать к выходу, спина рыцаря оказалась перед баронессой. Помпилио уже попрощался с жизнью, видя, как стремительно и ловко орудует мечом его враг, но рыцарь вдруг споткнулся и выронив клинок повалился на землю. Позади стояла Эвелин, в ее руках поблескивал тонкий стилет, с которого все еще стекали алые капли. Бурое пятно растекалось по белоснежной рубашке Серджо. Невдалеке лежала Сусана, с расширенными от ужаса глазами. Девушка попыталась спрятать свое тело под обрывками платья. В углу сидел Тео, обхватив руками колени мальчик, не отрываясь смотрел на весь тот ужас, что произошел у него на глазах.

— Понимаю, почему он вас выбрал — одобрительно улыбнулся Помпилио, присаживаясь на землю, его бледное лицо говорило о серьезной потере крови.

— И почему же? — спросила Эвелин, подходя к палачу.

В ее руках появился продолговатый предмет серого, металлического цвета.

— Ты смелая, и красивая — почти теряя сознание промямлил Помпилио.

Баронесса быстро задрала рубашку своего спасителю, и поднесла предмет к ране, на вид очень глубокой. Через несколько секунд Помпилио обмяк, бледность проступила еще более резко, но грудь продолжала тяжело вздыматься и опускаться, жизнь не покинула тело верного слуги Малино.

— Он, что умер? — глупо хлопая глазами спросила Сусанна.

— Нет! Он без сознания, скоро придет в себя — сухо ответила Эвелин. — На оденься! — она кинула девушке свое платье, выудив наряд из запасов седельной сумки.

— Где мальчик? — строго спросила баронесса.

Сусанна испуганно оглянулась по сторонам, и найдя взглядом Тео, заплакала.

— Ладно, не плачь! Главное, что все решилось.

Со стоном поднялся Трецо, мотая окровавленной головой, рыцарь пытался стряхнуть дурноту, делавшую его ноги ватными. В таком виде он казался живым мертвецом. Тупо уставившись на труп Серджо, он, пошатываясь, направился к прислоненному у стены мечу. Со стремительностью кошки Эвелин подскочила к рыцарю, и проткнула его ногу. С рычанием зверя Трецо попытался ударить ее. Ноги подкосились, и мужчина упал на землю, безумно вращая глазами он начал угрожать Эвелин и Сусанне. Перепуганная нянька забилась в угол, обнимая ребенка и закрывая его лицо ладонью. Без малейшего страха баронесса подбиралась к рыцарю, все еще пытавшемуся дотянуться до меча.

— Зачем Трецо? Кристиано же тебе доверял как себе, а ты предал его? Предал своего сюзерена. Где твоя честь? — сверкая глазами на него прошипела Эвелин.

— Сука! Проклятая сука!!! — прокричал в ответ рыцарь, осознав, что дотянуться до оружия не успеет. — Я никого не предавал! Это все ты, капризная потаскуха!!! Из-за тебя пострадали наши дома, семьи! Из-за тебя дура погибнет Кристиано! Ты тупая овца, даже не понимаешь, что натворила...

— Не смей меня оскорблять выродок!!! Трусливый насильник!!! — взбеленилась Эвелин, и резко ткнула, врага в колено. Трецо заорал и скорчившись обхватил раненную ногу. — Тварь!!! Тварь!!! — орал он, задыхаясь от невыносимой боли.

— Нет не тварь, а разъяренная женщина — склонившись к рыцарю прошипела баронесса.

Стилет молниеносно пробил правое плечо мужчины, а затем разрезал сухожилия на предплечье левой руки, которой Трецо попытался схватить кинжал. Рыцарь обмяк и откинулся на спину, потеря крови и оупляющая боль лишили его силы и воли к сопротивлению.

Сверкая потемневшими от гнева глазами, Эвелина навалилась сверху на беспомощного врага. Узкое лезвие клинка, причиняя страшные муки, медленно вошло в грудь воина. Рыцарь смотрел на нее расширенными от удивления и страха глазами. Клинок достиг сердца, пронзил дрожащее от напряжения тело Трецо, и вышел наружу. Воин застыл. Резко вытащив стилет из раны, баронесса наблюдала как кровь толчками вырывается наружу.

До слуха Эвелин донеслись рыдания, она повернулась. Сусанна начала подвигать от ужаса, стараясь забиться еще глубже в угол. Нянька плакала и тряслась как осиновый лист, зубы девушки отбивали дробь, глаза Сусанны избегали сверкающего взгляда баронессы. Эвелин застыла на месте, женщину как окатили холодной водой, она увидела себя со стороны. Представила искаженное нечеловеческой злобой лицо. Баронесса с трудом выдавила улыбку, стараясь успокоить девушку и ребенка, который разрыдался следом за нянькой.

— А ты молодец — тихо прозвучал голос Помпилио.

Палач пришел в себя и не уверено, ступая подошел к телу Трецо.

— Что? — удивилась Эвелин.

— Молодец, говорю! Ловко ты с ним — Помпилио ткнул ногой труп. — Эти гады, задумали сдать вас жрецам. Дождались пока я пойду в дозор, и... — Помпилио задохнулся. — А я услышал крик Сусанны. Поначалу обалдел, а потом шасть до вас, а тут такое... — палач снова с трудом отдышался.

— Вот и получается, что никому верить нельзя. По правде сказать, я тебя ненавижу с самого первого дня, но барон наказал доставить тебя в целости и сохранности. А раз барон приказал, значит надо исполнять. Хочешь не хочешь, а исполнить должен — прорвало

палача.

— Спасибо тебе Помпилио. Ты спас мою жизнь... и их тоже — добавила баронесса, указывая на Сусанну и мальчика. — Я не забуду твоей верности, и барон не забудет...

— Барона мы уже не увидим — грустно произнес Помпилио.

— Наверное, ты прав... — Эвелин порывисто отвернулась, пытаясь скрыть нахлынувшее волнение, что перехватило ее горло.

***

Встреча с Крапором Семипалым, убедила Амадо, в справедливости его самых худших подозрений. Доспех Тайлфа и впрямь имел плохую репутацию. Обратная дорога, заняла больше времени несмотря на то, что он спешил изо всех сил. Пришлось прождать неделю, пока откроют дорогу в предгорьях Драконьих Клыков, в опасной близости от Сальяда. Проезжая свое поместья, Родриго, заехал в трактир «Веселый Гусь». Расположившись в темном углу, за обшарпанным столом, он услышал разговор двух гномов, судя по говору из Даноста. Важно поглаживая роскошные бороды, они вели неспешную беседу.

— Что слышно в Аморате? — спросил пожилой гном, запуская широкую пятерню в огненно-рыжую бороду.

— Да, а что там слышно. Все тоже. Кавардак. Как представился старый Инан, так почитай и королевство представилось. Теперь уж и не поймешь, что это Аморат или Сальяд — произнес седой, богато одетый торговый представитель.

— Да, и то, и другое, все вместе — ответил первый.

— Вот и я о том. Жрецы совсем распоясались, говорят и сынка Инанова они, того...

— Я тоже о том слыхивал, однако не стоит об этом здесь — испуганно оглянулся рыжий.

— Да, а я что. Я так, о слухах говорю. Ну так вот теперь у них там новая забава. Священная война называется. Ищут ересь, колдовство, и режут по чем зря всех, кто неугоден Скюло — вжав голову в плечи начал оправдываться седой.

— Интересно! И кто попал под раздачу? — спросил рыжий.

— Ну вот из последнего. Был у них лихой барон Малино, слыхал наверно?

— Неа!

— Ну его еще кликали как Кристиано Бешенный... — недовольно поморщился седой.

— Аа, ну да, об этом слыхал, а что и он оказался еретиком?

— Да кто его знает — пожал плечами седой.

— И что, имения лишили?

— Нет мой друг, его совсем извели, под корень. Против Малины инквизитор устроил поход, тот самый, который назвали Священным, ну и заперли барона в замке. А месяц спустя захватили и его. Ох и народу тогда полегло. От замка камня на камне не оставили, а барон, попал к святошам еще живой. Так его сначала пытали, а потом всего израненного, головы лишили на плахе.

— Как? Сами жрецы? — удивился рыжий.

— Да нет, святоши вели следствие, и доказали, что барон богохульник, а башку ему отрубили по королевскому указу.

— А дети, жена, куда они?

— Да в том то вся и заковыка, что Скюло обвинил и его женушку в сношениях с нечистым, и что де она подбила супруга своего к богопротивным деяниям. Вот только исчезла нечестивая стерва, как сквозь землю провалилась. Ищут ее по всему королевству. А

детей у них не было, так что наследовать некому. Барон был вассалом Леворно, но герцог не получит ни локтя его земли, все отдал в управление церкви, так-то!

— А что баронесса и впрямь демона подпустила?

— Сложно сказать, но то правда, что подпустила к себе стерва нечистого в облике невинного ребенка мужского полу. Сказывали, что тот ребенок чудеса творил, противные природе человеческой. О том сам барон на пытках поведал. Так, что сомневаться вроде нету причин. Всем ведь известно, что пытка самое верное средство правду сыскать!

— Как же не знать, почитай пытка и правда две родные сестры, одна без другой и не ходят — заключил рыжий высоко подняв палец к закопченному потолку таверны.

Известие выбило почву из-под ног Амадо, теперь предстоял долгий поиск Эвелин. Из разговора купцов выходило, что она пропала еще до падения замка Малино. А это означало, что предстоят поиски на огромной территории, в то время как многочисленные отряды инквизиции шныряют по округе.

Родриго решил начать поиски по дороге, ведущей к Иргаму. Насколько он знал барона, тот скорее всего отправил бы жену к гномам в надежде застать там Амадо. Тем более, что перед отъездом, он сам предполагал отправиться в королевство гномов Изумрудных холмов. Но путешествие сложилось иначе и теперь предстояло отыскать женщину с ребенком, на длинном тракте, кишашем разбойниками, и грабителями различного происхождения. И все же не бандиты его беспокоили, более всего вызывало опасение столкновение с инквизицией. Ее отряды как правило имели хорошо обученных рыцарей, с рвением исполнявших волю господню. Плюс слуги, оруженосцы и прочие сопровождающие персоны, в общем возникала неприятная перспектива вступить в битву с сильным отрядом профессиональных военных.

Пробираться приходилось преимущественно по ночам, в условиях плохой видимости, но только так, он мог нагнать беглянку. Съезжая с дороги к кострам случайных путников, и спрашивая о женщине с мальчиком, Амадо, искал след Эвелин. Вскоре ему повезло, один купец из Лампеды, рассказал, что десять дней назад, по пути в Аморат, он встретил отряд из трех мужчин и двух женщин, вроде как с ребенком. Вместо того, чтобы следовать общим трактом, они свернули в Кабаний лес, и проследовали едва заметной тропой в его глубь. Купец же подсказал как добраться до развилки.

Спустя сутки Родриго въехал в мрачный лес, кишаший зверьем. Следуя указанной тропой, он достиг полуразрушенного дома. В воротах чернели три свежие могилки, волнуясь за судьбу Эвелин, он кинулся к дому. Однако внутри его ждал сюрприз, еще две могилы, с воткнутыми в землю палками, на которых висели рыцарские шлема. Походив немного вокруг, Амадо обнаружил спрятанные доспехи, и меч, с надписью: «Трецо от отца, пусть сей меч ведет тебя праведным путем, и обагрывает жало лишь кровью врагов короля!».

Трецо Сукрано, удивился Амадо. — Как он здесь оказался? Почему, погиб? Где Эвелин и ребенок? — вопросов возникло еще больше, чем прежде, а след баронессы оборвался.

Пришлось вернуться на тракт, судя по следам всадников осталось трое. В раскопанных могилах лежали тела мужчин, из которых по крайней мере один Трецо. Ни женщины, ни ребенка в могилах не оказалось, значит они живы, кто-то напал, и они либо сумели бежать, потеряв двух человек, либо попали в плен к нападавшим. Оставалось надеяться, что они ушли не далеко, судя по следам костровищ, что остались после их привалов, двигались беглецы крайне медленно. На пятые сутки погони, он почувствовал, что нагоняет Эвелин. Дорога вилась среди холмов, поросших густым лесом, его конь, вымотанный длительным переходом, едва шел. Пришлось спешиться и дать животному отдых. Костер весело затрещал,

пожирая ветки, отданные на растерзание подчиненной стихии.

Глядя в огонь Амадо расслабился, вокруг бивуака рыцарь натянул тонкую, шелковую нить с маленькими колокольчиками из страны Ик. Это нехитрое средство, позволяло отдыхать, не опасаясь оказаться перед лицом незваных гостей, с недобрыми намерениями. Мысли унесли его далеко, перед глазами вставали картины из прошлого, которое он почти позабыл. В пламени костра возник образ Рут, ее иссушенные руки тянулись к лицу Амадо, а губы беззвучно что-то шептали. Он приподнялся и приблизил к ее губам лицо.

— Даад тебя ждет Лем!!! — раздался оглушающий крик жены.

Тело рыцаря опрокинуло, он вскочил, выхватывая на ходу меч, и озираясь вокруг расширенными от ужаса глазами.

— Что случилось? — сердце постепенно приходило в норму.

Он сам не заметил, как уснул, и ему приснился кошмар, тот же, что и в замке Малино.

Яркое, утреннее солнце било в глаза, вышибая из них слезы. До слуха донеслись крики женщин, звон стали. За высокими кустами сирени, прямо перед ним, шла битва. Наверное, ее шум и разбудил Амадо, породив жуткое видение, перед пробуждением.

Раздвинув кусты, он увидел открытую поляну, залитую ярким солнцем. Мощные скакуны, взрыхлили, влажную после ночи землю, кружа вокруг небольшой группы путников. Подойдя ближе Родриго, разглядел, что рыцари окружили двух женщин и обезьяноподобного мужика, отчаянно пытавшегося сопротивляться атакам кавалеристов.

Мужик резко выкидывал самодельное копьё, на длинных руках, в сторону рыцарей, забавляя их неловкими движениями. Отъезжая в сторону, и стараясь нанести точный удар по копейщику, они весело смеялись. Мужик с неожиданной, для его комплекции, ловкостью уворачивался от ударов, прикрывая женщин.

Амадо хватило одного взгляда, чтобы определить, что кавалеристы профессиональные воины. Верховые ловко оттеснили здоровяка от женщин, с каждым заходом все более сужая круг, и грозя с минуты на минуту покончить с ним.

Вглядевшись в женщин, Родриго узнал Эвелин. Ее темные волосы ниспадали крупными прядями на плечи, а рука вытянулась в сторону врагов, грозя латникам ажурным клинком. Вторую женщину он не знал. Светлая, насмерть перепуганная девушка, что-то прятала под плащом. Бежать они не могли, судя по всему, Эвелин и ее спутников застали врасплох. Распряженные лошади паслись неподалеку, вещи, сваленные в кучу, лежали у потухшего костра. Им ничего не оставалось как обороняться пока враг не решит покончить с веселой игрой.

Не скрываясь Амадо вышел на поляну, и на секунду все замерло. Рыцари остановили скакунов, и уставились на неожиданно появившегося воина.

— Кто такой? — резко прозвучал голос рыцаря в оранжевом плаще, со вздыбленной лошадьёю на гербе.

— С кем имею честь? — поинтересовался в свою очередь Амадо, сбрасывая зеленый плащ, и пробуя в руке меч андландов.

Эвелин сразу узнала его золотистый доспех, несмотря на то что шлем закрывал голову владельца. Женщина знала, сейчас будет кровь. Те четверо, что напали на них, очень неудачно выбрали жертву для своей извращенной игры. Говоря иначе им не повезло.

— С тобой говорит граф Крено Лагналь, и ты находишься на моих землях, поэтому повторяю свой вопрос, кто ты, и какого происхождения? — лошадьёю двинулась в сторону Амадо.

— Кем тебе приходится Лансан Лагналь? — вместо ответа спросил Родриго.

— Это мой отец! Откуда ты его знаешь? У тебя нет гербов на броне и плаще! Ты рыцарь? — теряя терпение вопрошал Крено, сближаясь с Амадо.

— Остановись Крено, я знал твоего отца! Мое имя Родриго Амадо, в прошлом коннетабль Амората, сегодня изгнанник, однако мое происхождение нисколько не ниже твоего.

— Так ты предатель, которого ищут по всем королевствам. Кстати, за твою голову назначена неплохая сумма.

— Интересно, и во сколько оценили мою жизнь? — спросил Амадо.

— Тысяча золотых! Поэтому я в сомнениях, как поступить, чтобы принять решение, мне потребуется время. По сему, сейчас я возьму тебя под стражу! Сложи оружие, и позволь моему оруженосцу связать тебя. Прости за ожидание, но я еще не закончил с этой компанией. Чтобы не скучать, можешь насладиться веселым зрелищем — граф приветливо улыбнулся.

Четверо латников глядя на графа также нагло лыбились. С оруженосцами восемь человек, посчитал про себя Амадо. Оруженосцы стояли несколько в стороне, развлекаясь рыцари приказали им оставаться поодаль и не вмешиваться в бой. Общий настрой не омрачило даже появление незнакомца в необычном доспехе.

Развернув лошадь, Крено направил скакуна в сторону мужика с копьем, оставшиеся последовали за ним.

Оруженосец подошел к Амадо, и протянул руку, требуя меч. Рыцарь посмотрел на него, затем перевел взгляд на женщин. Все заняло несколько секунд, за которые к нему успели подойти оставшиеся оруженосцы.

Взмах меча отсек протянутую руку и располосовал грудь молодого парня, тяжело осев на землю он удивленно смотрел на отрубленную конечность. Удар эфеса назад, свалил второго оруженосца, обратным движением Амадо нанизал третьего. Немного повернувшись вокруг своей оси, рыцарь вырвал клинок из плоти последнего.

Всадники, на секунду обомлевшие от произошедшего, спешно разворачивали коней, готовясь атаковать.

— Убить его! — коротко прозвучал приказ Крено.

Последний оруженосец, удирал, стремясь добраться до спасительного скакуна. Убийство облегчало полное отсутствие брони у противников, Амадо порезал их как простых селян.

Первой налетела лошадь Крено, копьё прошло мимо, скорость, с которой Родриго ушел с линии атаки, удивила молодого графа. Резко осадив коня, он попытался развернуться на противника и достать его мечом. К удивлению аристократа, лошадь начала припадать на передние ноги. Рядом пронеслись его товарищи. Умберто Кьюзо, чернея вороненным доспехом, попытался попасть копьем в Амадо, но промахнулся, а Роман Парат и Отто Фигнар, пронеслись рядом даже не пытаясь нанести удар. Не веря глазам, Крено смотрел как золотистый рыцарь загибает шею его коню, заставляя животное упасть на землю. Граф нанес удар мечом, но лошадь резко завалилась на бок и клинок просвистел мимо головы Родриго. Мощный удар кулака сбил с ног поднявшегося было Крено.

Лошадь, выворачиваясь вскочила на ноги, Амадо попытался впрыгнуть в седло, но проскакавший рядом Отто, сбил его на землю ударом булавы. Сверху пронеслась лошадь Кьюзо, кувыркром Родриго приблизился к мечу, воткнувшемуся при падении в землю

неподалеку. Копье Парата глухо ударило в кирасу, Амадо, отшвырнуло на два метра, древко трескуче переломилось. Преодолевая тошноту Родриго, встал на ноги, лошадь Парата уже грозно надвигалась на него. Он отшагнул в сторону в последний момент, меч, встретил, жало клевца. Амадо развернуло вокруг своей оси, он бросил руку с клинком вдогонку всаднику. Лошадь громко заржала и сбавив темп захромала. Рассеченное бедро задней ноги животного расползлось, обнажая пучки разрезанных мышц. Конь взвился, скинул седока, и хромя побегал в ближайший перелесок, обегая Родриго как можно дальше. Парат попытался подняться, но сверху тяжело ударил андланский меч, пригвоздив Романа к земле. Позади, послышался тяжелый топот коня Кьюзо, клинок Амадо вырвался из головы Романа, и по дуге настиг, подбежавшего Крено, тяжело обрушившись на щит рыцаря. Лошадь Кьюзо налетела на них, опрокинув Крено. Рука графа неестественно повисла, он попытался на нее опереться, чтобы подняться, и снова повалился, со стоном перехватив вывернутый локоть.

Кьюзо и Отто удвоили натиск стараясь отеснить Родриго от раненного товарища. Неожиданно Отто выпал из седла. Внутренне торжествуя Помпилио молниеносно ткнул самодельным копьём в рыцаря, но Отто успел подставить небольшой щит, и тем отвел опасный удар в сторону. Палач споткнулся и повалился сверху на врага, в его руке хищно ощерился граненный кинжал. Протолкнув узкое жало в щель между подмышкой и кирасой, Помпилио заколол трепыхающуюся жертву.

Видя перевес противника, Кьюзо повернул лошадь к лесу. Пытаясь остановить беглеца, Эвелин бросилась на наперерез скауну. В последний момент, Амадо выдернул авантюристку из-под копыт. На пути всадника оказалась Сусанна, она попыталась отскочить, но не успела, лошадь снесла девушку. Тихий вскрик тут же угас, в сторону что-то окатилось.

Только сейчас Родриго увидел, что девушка все время боя прятала под плащом мальчика. Нянька спасла ребенка оттолкнув его в сторону в последние секунды перед столкновением. Сама она уже не успела уйти из-под копыт. Вскочив на ноги, мальчик побежал к лесу. Кьюзо, ловко перегнувшись схватил пацана на ходу, и закинул в седло перед собой. Мальчик попытался сопротивляться, но резкая оплеуха подавила волю ребенка.

— Тео! Стой гад! Стой!!! — кричала Эвелин, вырываясь из рук Амадо.

Последнее, что уловил угасающий взор Сусанны, перепуганное лицо Тео, с расширенными глазами. Нянька видела, как мальчик тянет в ее сторону руки, в надежде на помощь.

Лошадь вырвалась на тракт и быстро ушла в сторону Лампеды. Эвелин плакала в голос, бессильно уронив голову на руки. Амадо попытался догнать Кьюзо, но чужая лошадь, утомленная битвой, быстро выдохлась, преследование пришлось прекратить.

В лагере хозяйствовал Помпилио. Эвелин пыталась помочь умирающей Сусанне. Кальцер остановил кровь, но тяжелая рана головы не оставила бедняжке шансов. Родриго подошел к няньке, осмотрел рану, и положив руку на плечо Эвелин тихо проговорил.

— Ей уже не помочь.

— Я знаю. Она пожертвовала собой ради мальчика — баронесса захлюпала.

Амадо провел рукой по голове женщины, она развернулась к нему и расплакалась, уткнувшись лицом в гладкий металл кирасы. Глаза Сусанны, блуждавшие до того под плотно закрытыми веками, резко распахнулись. Девушка приподняла голову и посмотрела прямо на Родриго.

— Вернись, тебя ждет наша девочка! — прозвучал замогильный, глухой голос.

Сейчас он готов был поклясться, что с ним говорит Рут. Ее взгляд, ее голос, даже интонация ее. Еще секунда и голова девушки безвольно упала на землю, глаза потухли, а затем навсегда закрылись. Грудь остановила гонку за жизнью, как-то сразу опав.

По спине Амадо побежали мурашки, холодный пот резко выступил на лбу и шее. Он осторожно отстранил Эвелин и склонился над Сусанной, но все уже кончилось, девушка умерла. Эвелин удивленно смотрела на Родриго, пораженная трепетом, который в нем вызвала смерть няньки.

— Что такое? Она умерла?

— Все. Для Сусанны путь закончился — патетически проговорил, подошедший Помпилио.

— Пора ее похоронить — все еще борясь со страхом произнес Амадо.

Девушку похоронили прямо на опушке, буднично, без почестей и речей.

Путь предстоял не близкий, впереди лежала Темная Гать. Дорога пролегла сквозь дремучие болотистые леса, ими пользовались углежоги и дровосеки, чтобы сократить дорогу до своих лагерей. Поговаривали, что в тех местах жило страшное чудовище, пожирающее одиноких путников. Столкнуться с которым рисковал каждый кто решался выйти в путь по темну. Вопреки здравому смыслу отряду пришлось идти в ночное время. Шли медленно, лошадей пришлось оставить на опушке, к тому же Амадо тащил за собой раненного Лагналя.

Преодолев природную спесь и заносчивость, молодой Лагналь, оказался вполне приличным человеком. Именно он посоветовал не выходить на тракт, поскольку Кьюзо мог привести подмогу. Он же рассказал, что они совершали рейд против разбойников, орудовавших в этих лесах. На группу Эвелин они вышли случайно, приняли их за банду мошенников, что недавно обокрали жителей городка Навиль. Междоусобная война выдавила из Амората много отребья, часть которого отправилась за удачей в земли Лампеды.

Тяжело переживая гибель Отто, Крено дружил с Фигнаром с детства, Лагналь впал в апатию. Кальцер излечил его руку, и позволил графу самостоятельно себя обслуживать, но добавил проблем Амадо, которому теперь приходилось постоянно следить за знатным пленником.

Несколько дней двигались спокойно, иногда встречая просеки, и лагеря лесорубов и углежогов. Вскоре замаячили Изумрудные холмы Иргамы. Эвелин рвалась вслед за Тео, но Амадо, твердо пресекая все попытки своевольной баронессы свернуть с намеченного пути.

Уже будучи в Иргаме Эвелин, узнала о судьбе Кристиано Малино. Прошло больше месяца прежде, чем Амадо понял, что ей нужна помощь. Не зная, что делать, он обратился к Хельму Доварду. Выслушав историю баронессы, гном согласился, что Мая единственная кто может помочь Эвелин пережить утрату.

***

Катарине исполнилось полных восемнадцать, одаренная редкой, жгучей красотой, брюнетка, вызывала восхищение всего двора, особенно молодой его части. Но не смотря на все старания престарелого короля, девушка так и не смогла родить. Проблемы с наследником приводили Леши в состояние иступления. Посторонним он никогда не признался бы, но оставаясь с собой наедине, король мог не врать. Старый монарх с тоской осознавал, что причина его бездетности вовсе не Елена, или молодая королева, а он сам. Оскорбительная в своей унизительности мысль терзала престарелого супруга с каждым днем все сильнее. Король охладил к Катарине, а позже начал придирается к молодой супруге. Постепенно их отношения испортились, с отношениями закончились и попытки зачать наследника.

С присущей молодости беспечностью Катарина предавалась увеселениям и флирту с молодыми рыцарями и пажам. Пока в один прекрасный день не заметила, что ее сторонятся, а те смельчаки, что позволяли себе восхищаться ее молодостью и красотой, либо гибли, либо исчезали из окружения королевы. Очень быстро Катарина оказалась, совершенно одна, пребывая среди двора полного людей, королева оставалась в одиночестве. Негласное табу на общение с ней превратило в пытку каждое появление в свете. С молодой королевой всегда были учтивы, соблюдая этикет до буквы, но далее официальной любезности дело не шло. Друзья исчезли, остались фрейлины-надзирательницы, несмотря

на молодость супруги Лешы, ее окружали пожилые женщины. Так прошел второй год замужества Катарини.

Деятельная королева изнывала от тоски и внутреннего томления, ее выворачивало от скуки, от лживого и льстивого двора. Праздник в честь ее совершеннолетия совсем не радовал Катарину, она понимала, что это очередное, изощренное, издевательство со стороны супруга.

До нее доходили слухи о том, что ее друзья и поклонники, закончили свои дни кто на войне, кто на плахе по весьма сомнительным обвинениям. В пол голоса звучало одно и тоже имя Люсьен Кьюзо, хранитель королевской печати. Ловкий старик возглавлял Королевский Совет, и все, кто пытался оспорить выдвинутые придворным интриганом обвинения впадали в немилость у самого короля. Затем Катарине сообщили, что ее любимая подруга Франсуаза Жирандо находится в башне, под строгим надзором церкви, и, судя по всему, вряд ли когда-нибудь покинет узилище.

Протест и ненависть постепенно зрели в юной душе. Катарину распирало от гнева, обида жгла сердце, которое требовало справедливости. Привычка к вольной жизни при дворце отца, не позволяла смириться с нынешним положением, от бунта удерживал страх потерять последних близких ей людей. Катарина привезла с собой служанку Марту и няньку Залези. Пожилые женщины когда-то заменили девушке рано ушедшую мать, и теперь составляли основной круг ее общения. К тому же их присутствие скрашивало полу тюремное существование во дворце Лешы, напоминая о родном доме.

Как и предполагала королева, праздник оказался праздником для всех, кроме именинницы. На балу Катарину никто не приглашал, сам престарелый супруг давно уже не баловал подданных своими некогда изящными па, а молодые дворяне вежливо обходили королеву стороной. Последовавшее за балом, карнавальное представление, также пришлось наблюдать сидя на троне, не шелохнувшись подобно фарфоровой кукле. Молодая кровь бурлила, так хотелось сорваться с места и унести в безудержное веселье придворной молодежи.

Под завязку вечера к гостям вышел Умберто Кьюзо. Молодой граф Кьюзо, сын королевского советника, одетый в малиновые цвета родового герба, которые очень шли к темным волосам юноши и бледной синеве его бритых щек, устроил представление.

— Приветствую Вас ваше величество! — проговорил Умберто с придыханием, кланяясь Катарине.

Толстая цепь звякнула об пол, позади Кьюзо показался мальчик, лет десяти не больше. Ребенок, одетый в шутовской наряд, изображал гнома. Из куска теста ему слепили гигантский нос, безобразно нависавший над верхней губой, а щеки и волосы вымазали рыжей охрой. Испуганные глаза мальчика умоляюще уставились на красивую девушку, горделиво сидевшую на троне.

— Ваше Величество позвольте Вам преподнести мой подарок — обратился к королеве молодой граф. — Этот грязный гном был захвачен нами в неравной борьбе, несколько дней назад. И по счастливой случайности, наш пленник оказался не кем иным, как королем подземного царства, Рибигудом! — зал взорвался хохотом.

Королева снисходительно улыбнулась.

— Благодарю Вас славный рыцарь, за Вашу храбрость и благородство — шутивно, в тон своему визави, ответила Катарина. — Я принимаю Ваш подарок! Отведите мальчика к Залези — скомандовала она, стоявшему поодаль слуге.

Старый слуга Гирабо шагнул к мальчику, протягивая руку, чтобы забрать конец тяжелого повода. Но Умберто хитро улыбаясь отступил, не позволяя прикоснуться к цепи.

— Ваше Величество я верен Вам всей душой, но сей подарок не только Вам принадлежит! Поскольку пред нами плененный враг Вашего Величества, я думаю Вам следует отдать судьбу Рибигуда в руки нашего короля — злая улыбка скользнула по лицу графа.

— Я Вас не понимаю! — проговорила Катарина, удивленно глядя на Умберто.

Гирабо испуганно оглянулся на Лешу, и застыл на месте ожидая королевского решения.

— Что тут не понятного? Вам следует оставить последнее слово за Нашим королем. Только воля Его Величества может даровать милости — ехидно улыбаясь, проговорил Альберто Кьюзо, папаша Умберто.

— Ваше Величество, разве я давала повод усомниться в моей верности? — раздраженно спросила Катарина.

— Моя дражайшая супруга, у меня и нет в том сомнений. Но мое право, я не уступлю никому, даже Вам — король плотоядно улыбнулся, заглядывая водянистыми глазами в покрасневшее лицо супруги.

Катарина опустила глаза.

— Я жду вашей воли — сдержанно ответила девушка.

— Тогда мы повелеваем дать врагу нашего королевства то, что ему положено! Умберто продолжай, повесели своего короля! — насмешливо ответил Леша.

Воодушевленный поддержкой монарха, Кьюзо младший кивнул, и отвесил мальцу звонкую оплеуху.

Мальчик громко вскрикнул и заплакал, толпа придворных рассмеялась, а Умберто, театрально выставив ногу вперед, громко спросил.

— Грозный ли Рибигуд предо мной?! Что король грязных штолен, и карликов злых, ты рыдаешь подобно младенцу!

Ребенок удивленно посмотрел на Кьюзо и срываясь на слезы прокирчал.

— Меня зовут Тео! Я не гном! Господин, зачем вы меня бьете?! — Умберто улыбнулся, и дернул цепь, так, что ребенок, громко охнув, с размаху упал на колени.

— Вот положение подобающее грязному гному, когда он стоит пред истинным королем!!! — почти грозно возопил Кьюзо.

Взгляд провокатора скользнул по лицам гостей, стоявших полукругом в первом ряду. Придворные склонились в поклоне.

В руке Умберто блеснул кинжал, Катарина не верила глазам. Она знала о нескольких войнах ее супруга с Рибигудом, но не могла поверить, что столь абсурдное представление может закончиться ритуальным жертвоприношением. Тем временем кинжал завис над шеей ребенка.

— Моли своего короля о пощаде, низкородный шахтер, что присвоил себе право владеть наследием Лешу Благословенного!!! — кричал в ухо мальчика опьяненный властью Умберто.

— Простите меня! Я ничего не сделал!!! — заверещал малец, испуганно вытаращив глаза на старика, в золоченом кресле.

Двор напряженно смотрел на Лешу, все ждали его милости. Ведь это всего лишь ребенок, которого принудили изображать Рибигуда. Леша поднял тяжелый взгляд, и осмотрел мальчика в шутовском наряде.

Катарина привсталась на троне, и перегнувшись через подлокотник, тихо сказала.

— Оставь ему жизнь. Ты король. Будь милосерден.

Старик скосил взгляд на черноокую красавицу и тихо произнес.

— Дай ему то, что причитается преступникам, оскорбившим королевское достоинство

— рука Леши взмахнула, давая разрешение на убийство.

Несмотря на малый возраст малец тут же сообразил, что, к чему. И причитая пополз к ногам короля, но резкий рывок цепи опрокинул ребенка на спину. Мальчишка заорал, срываясь на фальцет. Умберто навис над ним полный решимости исполнить волю монарха. Придворные с удивлением, и нескрываемым интересом следили за происходящим.

Рука Кьюзо несколько раз ударила ребенка по лицу, от чего высокий визг мальчика захлебнулся, и в зале повисла тишина. Катарина, не отрываясь смотрела на супруга, и когда наконец поняла, что король не изменит своего решения вскочила с места.

— Остановись!!! Это ребенок, а не Рибигуд!!! — прокричала она.

Грудь девушки волновалась в неглубоком декольте, душившие эмоции перекосили рот красавицы.

От крика королевы зал вздрогнул, лицо короля побелело и вытянулось, Умберто уставился на Катарину, так и не договорив очередное ругательство.

Молодая королева подбежала к графу и наотмашь ударила по лицу.

Звонкий шлепок разлетелся брызгами, отскакивая многократно от мраморных стен и колон бальной залы. Об пол звякнул, выпавший из рук мучителя, кинжал. Умберто ойкнул и схватился за саднящую щеку.

Не веря глазам Леши, привстал в кресле. Кьюзо младший растерянно смотрел на пышущую гневом королеву, и почему-то глупо улыбался. Мальчик спрятался за Катарину и испуганно выглядывал из-за ее подола. Королева дернула цепь, вырывая свободу для Тео из рук придворного повесы. Кьюзо Старший быстро подбежал к престолу, и громко зашептал на ухо Леши, брезгливо скривив губы король прервал советника.

Зал выдохнул, Катарина заговорила, едва сдерживая звеневший от гнева голос. Девушка обвиняла рыцаря в недостойном поведении, в слабости и трусости, в ярости она сыпала страшные угрозы. Сама еще не зная, сможет ли воплотить в жизнь хотя бы одну из них. В этот момент Катарина могла самолично расправиться с молодым циником.

Кьюзо, бледный как мел, смущенный напором взбешенной женщины, стоял на месте, боясь пошевелиться.

Леши поднялся со своего места, и весело рассмеялся.

— Дорогая Катарина, сегодня вы нас поразили! Фурия, не иначе!!! — король неспешно подошел к специальному столику и принял кубок из рук дегустатора.

— Так подыдем же наши кубки, славя величие женского духа!!! Отдадим должное, смелости хранительниц наших очагов!!! — зал одобрительно загудел.

Подхалимы соревновались в славословии достоинствам королевы, тем временем Кьюзо исчез. Сын главы Королевского Совета не смог перенести прилюдного унижения.

— Как тебя зовут дитя — с мягкой улыбкой спросила Катарина.

— Тео — все еще испуганно ответил мальчик.

— Откуда ты?

— Из Авинсы, я человек барона Малино.

— Не бойся Тео, теперь ты под моей защитой! Тебя никто больше не посмеет обижать! — самоуверенно пообещала девушка, одаря мальчика белоснежной улыбкой.

Ребенка отвели в покои королевы. Леши молчал, из чего Катарина сделала вывод, что супруг принял ее решение.

Внизу еще продолжалось гуляние, Катарина сидела в своей спальне, растянувшись в удобном кресле. Уставшие от долгого сидения ноги, приятно ласкало тепло гаснущего камина.

После скандала ей все-таки удалось потанцевать. Впервые за полгода она общалась легко, без стеснения. Сегодня она не ощущала невидимую руку короля.

Дверь резко распахнулась, вошел король, следом вбежала испуганная Марта.

— Моя Королева, я пыталась объяснить...

— Пошла вон!!! — задыхаясь от ярости, процедил Леши.

Испуганная Марта выбежала из спальни, от гнева голова короля тряслась, передавая мелкий тремор всему телу. Монарх подошел вплотную к Катарине и вперил слезящиеся от старости глаза в темные омуты своей супруги, полные жизни, и огня.

Он заговорил с ненавистью разглядывая угли тухнущего очага, отраженные в черных бесенятах Катарины. Девушка удивленно смотрела на супруга. Отсутствие страха еще больше бесило Леши, и он с размаху ударил ее по лицу. Прелестная головка откинулась на спинку кресла, его рука все еще крепкая перехватила горло девушки. Первый испуг прошел, и рука Катарины провела по лицу короля острыми ногтями, оставляя глубокие кровавые полосы. Завыв от боли, он тут же отпустил ее горло, и отступил на шаг.

— Ах ты тварь! Ну шлюшка! — прошипел Леши.

На минуту он исчез в соседней комнате. Откуда вскоре появились трое, под предводительством Кьюзо. Не обращая внимание на гневные приказы королевы, мужчины схватили девушку за руки и ноги, и швырнули на кровать. Ткань балдахина оборвалась, накрыв Катарину сверху, Кьюзо резко сдернул ткань на пол, и накинулся на девушку. Катарина кричала, попыталась драться, яростное сопротивление охладило пыл насильников, ей почти удалось вырваться. Но удар под дых подкосил ноги девушки, она почти потеряла сознание не в силах вдохнуть.

На крики прибежала нянька, пожилая женщина, налетела на Леши, что стоял в дверях скрестив руки на груди. Король улыбался, наблюдая за происходящим.

Нянька Залези кинулась к насильникам, но ее грубо отшвырнули, не вставая с колен она подползла к королю, сухие руки пожилой женщины схватили подол туники монарха.

— Умоляю, батюшка, останови подлецов!!! Не погуби честь молодой королевы!!! Умоляю!!! — причитала нянька, заливаясь слезами.

Досадливо поморщившись, король хлестко ударил Залези в висок, резко оборвав причитания няньки. Она беззвучно повалилась на бок, и затихла, Марта спряталась за гобелен, и старалась не издавать ни звука.

Король даже не посмотрел в сторону служанки, и ядовито улыбаясь начал свой монолог.

— Ты красавица привыкла к вольностям у твоего папеньки, так вот теперь ты моя жена, а я твой господин! Запомни хорошенько потаскушка, ты лишь предмет интерьера. Главная задача, которого обеспечить мне наследника, а не показывать норы. Ты позоришь меня перед двором! Пустая кукла!

— А пока ты не справляешься со своими прямыми обязанностями, ты не имеешь и тех немногих привилегий, что причитаются настоящей королеве. Я согласился взять тебя в жены, полагая, что ты подаришь мне наследника, а что получил в итоге! Девку готовую блудить с кем попало, не знающую уважения ни ко двору, ни к супругу!

— Правильно сказано яблоко от яблоньки. Мне пришлось пожертвовать чистотой своей крови, приняв тебя низкородная шлюха, достойную дочь твоей матери потаскухи и папаши труса, который не выиграл ни одного сражения. Так как ты смеешь, проявлять свой норв! Потаскуха!

— Думаешь я не вижу, как ты сморишь на придворных повес, не знаю о твоих шашнях с пажами и рыцарским молодняком! Видит бог я долго терпел, но и моему терпению рано или поздно приходит конец!

— Сегодня ты получишь похоть, и разврат, что так манят тебя! Оскорбленный тобой Кьюзо, избавит тебя от необходимости страдать от недостатка мужского внимания.

Насильники уже приступили к своему делу, сменяя друг друга. Время от времени они награждали свою жертву оплеухой другой, подавляя слабые попытки сопротивления. Особенно неистовствовал Кьюзо, он буквально избивал королеву, девушка захлебывалась в крови, текущей из разбитого носа и губ.

— Ради Бога Умберто, не выбей ей зубы! Не хватало еще чтобы ее полоумный папашка пошел на меня войной из-за улыбки своей любимой дочурки! — раздраженно остановил усердного садиста король.

Кьюзо мгновенно сбавил напор, но переключился на более интимные части девушки, причиняя королеве еще большие мучения.

Несмотря на показную злость внутренне Леша оставался спокоен, он знал зачем делал, все что происходило сейчас в спальне королевы. Его это наконец нашло успокоение, теперь он мог убедить себя, что причина отсутствия детей в их браке результат развращенности супруги, а не итог его стерильности.

— Неудивительно, что бог наказал эту развратную шлюху бесплодием! — резюмировал Леша, глядя на растерзанное тело супруги.

— Чего встали?! Продолжайте! — скомандовал король, после чего покинул спальню, оставив насильников наедине с жертвой.

Еще более Леша убедился в своей мысли, когда на протяжении шести лет, подвергаясь регулярным насилиям, Катарина, так и не понесла дитя. Теперь король точно знал, что причина его бездетности, в неполноценности второй половины. Леша вновь задумался о женитьбе. Оставалась одна загвоздка, Кейст.

Ругаться с сумасшедшим воякой, Леша не имел ни малейшего желания. Встал вопрос, что делать с неугомонным папашей Катарина. Этот вопрос повис в воздухе и не давал королю покоя.

За шесть лет Катарина сильно состарилась, в свои двадцать четыре она выглядела на сорок. Ранняя седина поразила отца Катарина, когда они встретились с ней в летнем дворце Леша. Кейст не мог понять, что стало причиной столь ранней старости. Дочь молчала, наотрез отказываясь говорить на эту тему.

Расспросы прислуги также ничего не дали, Марта плакала, и ссылалась на запрет королевы. Кейст, так ничего и не смог вытянуть из старой служанки. Но сердце отца подсказывало, дочь в беде.

Катарина молчала, с одной стороны ее душу жгло невыносимое чувство стыда, она не могла рассказать о том, что с ней происходит, когда приступы гнева омрачают ум Леша. С другой она не привыкла сваливать свои проблемы на отца, отец всегда считал ее сильной девочкой. Главная же причина крылась в войне, неизбежной в случае, если откроется правда. Войны Катарина боялась, как огня. Женщина боялась потерять самого близкого ей

человека. Пока жив отец оставалась надежда.

Леша стар и час его кончины не за горами, а после того, как старый козел отойдет в мир иной, она сможет отдать должное своим обидчикам. Сейчас сердце королевы грела мысль, что где-то там, далеко, в Кромах, в королевском дворце, есть человек готовый протянуть ей руку помощи. Безусловно любящий ее, любой. Готовый принять ее даже такой какой она стала.

В свою очередь Катарину поразила перемена в отце. Кейст совсем высох, и походил на живую мумию. Взгляд отца пронзительный и тяжелый, иногда казался совсем чужим, словно из него выглядывал кто-то другой.

И этот его архивариус, воде добрый, но такой жуткий. Живой мертвец. Станный выбор отца пугал Катарину. Несмотря на перемены Кейст не слабел, хоть и выглядел жутко, а ум его стал еще острее, чем прежде. Им пришлось встречаться поздним вечером, отец сторонился светлых мест. Пристрастие Кейста к ночному мраку, удивляло и смущало Катарину, особенно когда она увидела, что отец совсем не спит. Он все время читал, что-то маниакально ища в книгах, при этом совершенно забывая о еде.

Если бы Леша знал, каких усилий ей стоило избежать случайной беременности. Через служанку она узнала секрет куртизанок, с помощью которого они спасались от последствий многочисленных соитий с клиентами. С тех пор при ней всегда находился кусок мыла, обточенный специально под нужды ситуации.

Стремясь забыть все, что с ней вытворял ближний круг короля, состав которого со временем только расширялся, она начала принимать опий. Это средство ей прописал лекарь в качестве снотворного. Постепенно девушка пристрастилась к «лекарству», и вскоре уже не могла без него обходиться.

Позже появилась опийная трубка, ее в качестве более эффективной замены, предложила служанка из Ришама. Спустя несколько лет Катарина узнала, что ее подобрал сам Леша, рассчитывая быстрее свести в могилу свою благоверную. Катарину бесило, что старый козел ломал ее, но пристрастие непреодолимо стирало ее волю, и она все отпустила.

Последние пять лет, она плыла по течению. Иногда с удивлением замечая, что происходящее с ней доставляет ей болезненное, извращенное удовольствие.

Рано или поздно по дворцу должны были поползти слухи о невоздержанности королевы, ее ненасытность стала притчей во языще.

***

Много дней спустя Эвелин пришла в себя. Удивительный дар Маи сделал свое дело. Помощь девушки привела к желаемому результату, оставалось только дожидаться полного исцеления. Острое желание покинуть Изумрудные Холмы, не давало покоя Амадо. Нетерпение подогревала информация, полученная втроедорога у Крапора Семипалого.

Чем больше проходило времени с событий на границе Лампеды, тем меньше надежды оставалось найти мальчика. Несмотря на вздорность идеи поиска ребенка, Родриго все-таки попытался навести справки о безродном мальчике, но ни в Лампедде, ни в Мальдидах никто не слышал о чудесном отроке. Попалась лишь одна зацепка, но она казалась совсем невероятной. Дворянин из Лампеды Питер Термулен рассказал, что похожий ребенок, едва не погиб на именинах королевы. Как он сообщил, мальчика спасло заступничество юной Катарины, но он ничем особенным не выделялся, ребенок как ребенок.

Дальше след Тео терялся, единственное, что источник сообщил, король помиловал мальчика и принял участие в его судьбе. Поиски семьи, назначенной в воспитатели ребенку,

так и остались без результата.

Поплакав, Эвелин в итоге успокоилась и нехотя начала входить в ритм обычной жизни, постепенно привыкая к статусу родовитой изгнанницы. Пожалуй, впервые за долгие годы жизни она успокоилась, подчинившись уравновешенному течению гномьего быта.

В доме Довардов ее всегда встречали с радостью, в отличие от Амадо, которого старались дальше порога не пускать, что забавляло последнего, и смущало Хельма, но Ханна оставалась непреклонна.

Незаметно прошли полгода, сегодня Родриго, постучал в дверь покоев Эвелин. Странное волнение сковывало его движения и перехватывало горло.

— Войдите! — донеслось, с другой стороны.

Амадо вошел в уютную комнату, богато обставленную, с присущей гномам основательностью, и монументальностью.

— Что ты хотел? — жестко глядя на Родриго, спросила Эвелин.

В последнее время она была не в духе, и часто срывалась на него. Вероятно, обвиняя его в нежелании искать Тео. В какой-то мере ее претензии имели основания, Амадо и впрямь не стремился отыскать опасного ребенка. Он хорошо понимал, что, если Тео снова окажется рядом с Эвелин, может случиться так, что он не сумеет защитить женщину, к которой его сердце уже успело привязаться. Оставалось обманывать, во благо.

— Я пришел попрощаться — невозмутимо ответил Родриго.

Повисло неловкое молчание, не мигая она смотрела на него. Ее рот несколько раз открылся и снова закрылся. По лицу женщины в несколько мгновений пробежала целая палитра чувств, от слез, до гнева.

— Как прощаться? А я? Я останусь тут?! Ты меня бросишь здесь?! — посыпались вопросы, от слова к слову, все более набрякая гневом.

— Я вернусь, но сейчас мне надо уйти... — начал оправдываться Амадо, удивляясь сам себе.

— Ты меня бросишь?! Здесь?! В чужой стране?! Где я чужестранка, где меня некому защитить...

— Ну не преувеличивай. Доварды, не последние люди в королевстве, и они почтут за честь оказать тебе помощь...

— Доварды?!!! — взбеленилась Эвелин. — Доварды обещали мне оберегать и защищать?!!!

— Я и не отказываюсь... — совсем растерялся Амадо.

— Тогда, как ты можешь оставить меня сейчас, после всего, что случилось! — голос оборвался, повисло молчание, она пыталась справиться с душившими ее слезами.

— Родриго ты мне нужен! Прошу останься! Не бросай меня! — он впервые видел, чтобы она плакала как это, делают женщины. Слабо, беззащитно, разрывая душу жалостью и чувством вины.

— Эвелин... — он помолчал, собираясь с мыслями. Затем решительно заговорил. — Я не могу остаться, скоро начнется война! Иргам может не устоять, я хочу переправить тебя к Лефтерсису, в Алкмеи — она смотрела на него огромными, мокрыми глазами.

— Но перед этим, мне нужно отправиться в кузницу Валлана...

— Куда? — изумленно вытаращила глаза Эвелин. — Да ты, что, с ума сошел? Даже я знаю, что это за место! Мало того, что оно неизвестно где, так еще и опасно до жути. Ты хочешь умереть?

— Ну, где кузня я знаю, а опасность дело относительное. Думаю, многое преувеличенно — посмеиваясь ответил Амадо.

— Нет, нет и нет! Не пушу! Я не позволю тебе сгинуть в жутких катакомбах! Старый город никогда не отпускает посетителей. Послушай, что рассказывают гномы. Ты же знаешь, сколько там пропало искателей удачи. Нет, категорически нет! — притопнула ножкой Эвелин.

— Как же быстро женщины начинают ощущать мужчин своей собственностью — с удивлением подумал Амадо.

— Ты не можешь мне запретить — спокойно произнес он.

Эвелин застыла, изумленная собственной яростью. Женщина быстро провела рукой по крупным прядям черных волос, и смущенно опустила глаза.

— Ты прав. Извини — краснея проговорила Эвелин.

Снова повисло неловкое молчание. Эвелин отошла к широкому креслу, и обессиленная эмоциями опустилась на пушистый пуфик, что прикрывал каменное сидение.

— Но, что ты хочешь там найти? Зачем ты так рискуешь? — неуверенно спросила она, взглянув все еще мокрыми глазами на Амадо.

— Вечернюю звезду — тихо ответил он.

— Вечернюю звезду? Это же легенда? Насколько я помню, она утрачена после гибели Талая Мрачного.

— Нет. Мой отец находился рядом с Талаем. Герой пал, сражаясь плечом к плечу с моим предком. Тогда в Андланде, Вечерняя Звезда досталась ему по наследству, как и доспех, что на мне — тяжело вздохнув ответил Амадо.

— Я думала, что ты и есть Вестник смерти. Но из твоих слов получается, что это Талай? — удивилась Эвелин.

— Да, я лишь ношу его доспех, отец настроил его под меня.

— Но я точно помню, у Талая другой доспех, синий с...

— Талай был великим воином и мог себе позволить несколько комплектов. У моего отца их тоже было несколько, но мне достался только этот. Надо сказать, не самый лучший, но жаловаться грех, здесь и этого более чем достаточно.

— Чем больше узнаю тебя Родриго, тем более поражаюсь, столько всего вокруг тебя. А в итоге ты обычный человек.

— Ну может это и к лучшему? Все необычные уже мертвы. Их уничтожили первыми.

— Родриго скажи мне пожалуйста — начала несмело женщина.

— Ну? — подбодрил ее Амадо.

— Мне Мая рассказывала, что вы с Хельмом ходили к воротам... А ты заходил на ту сторону? — она открыто посмотрела на него.

— Да — напряженно ответил Родриго, чувствуя, как напрягаются его мышцы.

— Скажи, как там? Как в нашем мире? — с надеждой в голосе спросила Эвелин.

— Он мертв — пряча глаза ответил Амадо. — Поэтому надо вернуть все, что можно вернуть, пока и в этот мир не пришли Братья.

— Разве они могут? Ведь они заперты в нашем? — испуганно пролепетала Эвелин.

— Пока не могут, хотя поодиночке уже ходят в Фанарион. Всю армию привести не хватает энергии, но боюсь, что это дело времени. Они, что-то ищут, что, я пока не пойму.

— Какой ужас! Какой ужас! — испуганно повторяла женщина. — Неужели все снова, опять смерть, и весь тот ужас, что поглотил наш прекрасный мир? Неужели снова?

— Я сделаю все, чтобы этого не случилось! Почему-то у них особый интерес ко мне. Наверное, хотят отомстить за гибель Наргала. Если бы они знали, как я наказан, они бы давно оставили всякие попытки меня убить — с горечью усмехнулся Амадо.

Эвелин сочувственно покачала головой, вспоминая близких, что они потеряли в мясорубке, устроенной Инвентами в их родном мире.

Амадо поклонился и вышел. Эвелин еще долго корила себя за свое поведение, беспокойно меряя комнату, легкими шагами.

Завал в Слюдяных проходах перекрыл прямую дорогу в Старый город. Это обстоятельство вынудило Амадо, искать обходной путь. Пришлось спуститься на самые нижние горизонты, и войти в штольни Гемона. Давно выработанные штольни драгоценного нефрита, представляли собой бесконечную вереницу коридоров, рассеченных глубокими расселинами разъехавшейся породы. И без того опасный путь превращался в лабиринт со смертельными ловушками, благодаря крошечной тьме и страшным обитателям, что скрывались в непроходимых недрах.

Тусклый свет озарял дорогу, густо покрытую известковым налетом, который сопровождал каждый шаг рыцаря предательским хрустом. Шум гулким эхом разлетался по многочисленным коридорам и шахтам. Точно желая известить прятавшихся в темноте гадов о приближении пищи.

Неделя пролетела незаметно, постепенно нарастала тяжесть, ложась невидимой пеленой на человека, пробирающегося в вечной темноте. Изредка во время отдыха Амадо видел огни жадных глаз, быстро исчезающие в темноте, стоило ему только пошевелиться. Постоянное ощущение голодного взгляда на спине, утомляло и вызывало раздражение. Будучи не в первый раз под землей, Родриго знал, что это не игра воображения, за ним кто-то идет.

Неяркий свет лампадки нерешительно отгонял темноту, давая надежду на то, что жизнь еще не окончательно уступила свои позиции.

Оглушающая тишина выедала мозг, мешая спать, и обостряя органы чувств. Слух остро реагировал на легчайшие шорохи. Одурь постепенно охватывала тело, сковывая внимание, и редкие звуки болезненно вырывали Амадо из расслабляющей дремоты. Громкий хлопок, следом еще один, хлопки раздавались все ближе, в воздухе повис запах мускуса.

Шлем занял свое место. Лампадка неожиданно ярко вспыхнула заливая ровным, молочным свечением все окружающее пространство, рельефно выделив опорные колонны, и неровные своды коридора, где он расположился на отдых. Матово отблескивая в свете лампадки, в двух шагах стояли подземные волки, твари крайне опасные, всегда охотящиеся стаей. Черный мех мокро блестел на витых мускулах, по кошачьи, грациозно перебегая от одного уступа к другому, они прятались в тени.

Восемнадцать машинально посчитал Родриго, первые уже начинали пригибаться к полу, схлопывая зубастые пасти. Адреналин выбросился в кровь, обострив и без того перевозбужденные органы чувств. Клинок пронзил черное тело, пружинисто оттолкнувшееся от пола, разинутая пасть щелкнула, так и не достав жертву. Утробный рев разнесся по подземелью, отражаясь бесконечным эхом.

Сбоку вынырнул ощерившийся клыками зев, страшно щелкая зубами, волк отлетел в сторону, это Амадо пинком отшвырнул тварь. Меч слегка дрогнул, стряхивая тело смельчака, что напал первым, и едва заметно мелькнув зацепил еще одного волка. Из-за колонны показался очень крупный самец, седой мех встал дыбом на загривке твари. Из пасти зверя вырвался холодящий кровь вой. Меч описал дугу, угрожающие рыки сменились визгом и стонами.

— Стонут как люди! — удивляясь, подумал про себя Амадо.

Раньше такое сравнение ему почему-то не приходило в голову, а тут в самый

неподходящий момент. Потеряв несколько товарищей, волки поостыли, и попытались окружить человека. Родриго оставался предельно спокоен, волки не смогут причинить ему вред, броня слишком прочна для их зубов, а меч достаточно быстрый, чтобы убедить хищников, что им стоит поискать другую добычу.

Путешественник прислонился спиной к одной из колонн. Вперед вышел седой волк, его мощное тело выделялась на фоне более мелких сородичей. Немного пройдя вперед, зверь остановился, и мгновение спустя прыгнул, зубы хищника щелкнули перед лицом Амадо. Взметнувшийся на встречу клинок, скользнул по ребрам хищника, почти не задев волка. Ноги разъехались и Родриго рухнул на пол. Седой крепко вцепился в его руку, вооруженную мечом, остальные хищники тянули ноги в стороны, упираясь в пол до скрипа передними лапами, и резко дергая всем телом назад.

Ломая зубы хищника, Родриго сумел освободить одну ногу и попытался подняться, но очередной рывок опрокинул его. Зубы скрипели по металлу доспеха, путник изловчился и схватил вожака, перехватив горло животного. Исторгая злобный рев, седой пытался вырваться из железных объятий воина, но рыцарь не упустил свою добычу. Минуту спустя тело вожака застыло, обмякая в объятиях строптивой жертвы. Оставшиеся волки, испуганно повизгивая растворились во тьме тоннелей.

Легкий шелест заставил путника повернуть голову, из темноты точно скользя над полом, вышла старуха.

Вопросы ворохом закрутились в голове. — Откуда она здесь? Кто это? Что бабка забыла в таком месте? Но чем ближе подходила старуха, тем отчетливее вырисовывался знакомый облик Ками, Хозяйки подземелий. Откинув труп волка, Амадо поднялся и поклонился Хозяйке. Ками остановилась напротив и уставив черные глаза на человека произнесла.

— Приветствую тебя Вестник смерти! Что ты снова ищешь в моем царстве? Зачем слугу убил ты моего, Акано?

— Прости, что нарушил твой покой уважаемая Хозяйка, что лишил тебя слуги твоего! — как можно более вежливо ответил Родриго. — Мой путь лежит в Старый город, в кузни Валлана! Твой слуга встал у меня на пути.

— Зачем кузни тебе? Разве не знаешь, что смерть там? — не обращая внимания на вежливые извинения человека, спросила Владычица подземного мира.

— Да я слышал легенды об этом месте, но там находится то, что принадлежит мне. И я хочу это вернуть.

— И что ж так манит смертного, что в лапы древнего чудовища идет он сам?

— Вечерняя звезда — нехотя ответил человек.

— Так, так, так! И где же твоя плата за услугу, не вижу, чтоб ты нес с собой положенную виру.

— Я дал тебе слово Хозяйка, и не нарушу его! Позволь мне лишь вернуть мое по праву, и я принесу тебе виру.

— В последний раз поверю слову твоему! Сквозь камня мрак, твой путь я проложу, но голову мне принесешь, обжоры, что в кузне обитает!

— Опять договор. Согласен. Что мне остается? — устало согласился воин.

— И также должен мне ты жизнь, или не жизнь, что так давно я ожидаю.

— Я помню Хозяйка — раздраженно ответил Амадо.

По знаку Ками появились звери и окружив воина, повели по ущельям, и старым копиям, подводя героя все ближе к Старому городу. Городу ужаса и смерти.

***

Порухенные стены подземной крепости зияли черными провалами, приглашая посетить останки величественного города древних гномов. Звери разбежались, оставив Родриго в одиночестве.

Лампадка исчезла в заветной шкатулке, засиял доспех, зеленый свет залил окружающий пейзаж. Разрушенная стена осталась позади, улицы древнего города оказались на удивление хороши. В Ровалде, дома сохранили двери и остекление окон, они словно ожидали возвращения хозяев. Кое-где попадались брошенные телеги, превратившиеся за сотни лет в бесформенные кучи. Кругом лежали костяки смельчаков, пытавшихся ограбить брошенные дома. Вид этих останков не предвещал ничего хорошего. Амадо испытал приступ отвращения разглядывая раздавленный череп гнома. Кость буквально вдавили в металл шлема. Многие части скелетов лежали отдельно от искореженных доспехов, словно кто-то вытаскивал из недр стальной защиты, плоть поверженных грабителей. Подобрал кость Родриго, увидел и следы зубов, борозды от мощных клыков покрывали большую берцовую бедралаги.

Чем ближе к центру, тем больше попадалось костяков. Толстый слой пыли, покрывавший улицы ковром, скрадывал шаги путника. Площадь перед дворцом утопала в останках, тех кто некогда погиб, защищая свой дом. Поверх первых лежали кости грабителей, иногда забредавших в эти места. Родриго обошел древний погост, что устроила история на главной площади Старого города.

Поражала глухая тишина, человеку казалось, что он перестал слышать. Рыцарь пошевелил ногой позвоночник, мелодично перестукивая, рогатые шайбы позвонков рассыпались в стороны. В костях зашуршало, сначала далеко, но секунду спустя шорох зашумел подобно морскому приборю. На поверхности появились буруны, что-то приближалось к Амадо, скрываясь под навалом костяков. Путник напряженно вглядывался в буруны, все ближе подбиравшиеся к нему. Меч андланд завис в готовности нанести удар. Все замерло и снова навалилась мертвая тишина.

— Показалось? Да нет не может быть — с изумлением подумал Родриго.

Происходящее казалось не реальным, хотелось бежать, несмотря на то что мозг говорил, что ничего страшного не случилось.

Волна костей взметнулась к потолку, обдав воина, дождем из останков. Амадо отмахнулся мечом и присел, прикрывая голову клинком. Сверху прозвучал громовой голос.

— Кто ты такой?!!! Почему посмел войти в мои владения?!!!

— Я Вестник смерти, а ты кто? — ответил Родриго, пытаясь разглядеть то, что с ним говорило из-под потолка.

Перед глазами высились ноги столбы, толстый хвост в нетерпении бил по икрам, обдавая путника вонью экскрементов и тлена.

— Я Шагурбал! — уже более миролюбиво представился великан. — Сними шлем. Будь так добр! Я хочу убедиться, что ты мне не лжешь! — прогремел он, опускаясь на колено, так, что его огромное лицо оказалось напротив головы Амадо.

Отвратительная харя демона, с огромными клыками, и раздвоенным языком, уставилась на него. Немного поколебавшись человек убрал шлем, и встретился глазами с великаном. Огромные блюда, наполненные огнем, застыли, притянутые черными глазами Родриго.

— Ты мне солгал! — разочарованно произнес великан.

Он силился оторвать глаза от лица человека, но не смотря на все усилия, гигант так и не

смог отвести взгляд. Крупные капли пота выступили у него на лбу, и жуткая гримаса напряжения напозла на отвратительную харю.

— Отпусти, я тебе помогу! Обещаю! — взмолился великан.

Амадо опустил взгляд, и тихо спросил.

— Кузница Валана здесь?

— Ты найдешь ее за городом, но она закрыта. Даже я туда не входил, с тех пор как пал Старый город.

— Что ж так?

— Там страж! Ни мне, ни тебе смертный, он не по силам!

— Посмотрим — уверенно произнес Родриго.

— Посмотреть то ты можешь, только это будет последнее, что ты увидишь! — предупредил великан.

— А что ищешь ты в кузне?!

— Вечернюю звезду — недоверчиво глянув на Шагурбала ответил путник.

— А, что у меня и впрямь имеется Вечерняя звезда?! — спросил Шагурбал тяжело осаживаясь на курган из костей.

— Да, она здесь. Тысячу лет назад, гномы купили ее у короля Мампсиса.

— Мелкие скряги, наверное, ее разобрали. Они все разбирают, варвары! Смертный, а зачем она тебе?! Это оружие богов, и только боги могут владеть этой булавой!

— Я и есть бог — отрезал дальнейшие рассуждения великана Амадо.

— Ты и правда силен! Все как рассказывал Вагаал! Напугал меня порядочно, но мы тебе не враги! Древние всегда придут на помощь освободителю! — великан заискивающе улыбнулся.

***

Город резко оборвался, проходы в шахты на окраинах завалили еще в годы падения Ровалда. В одном месте зияла дыра, пробитая прямо в каменном обвале. При взгляде на нее складывалось впечатление, что камень расплавил сильнейший жар, позволив чему-то прорваться с той стороны. Расплескавшиеся по стенам и полу ошметки магмы, говорили о силе того, что прорвалось из глубин.

— Твоя работа? — спросил Родриго, следовавшего за ним великана.

— Нет, я не умею так повелевать огнем, возможно Думадан!

— Кто?

— Думадан! Воины первой эпохи, они существовали, еще до появления жизни на земле. Мы, древние, были великими воинами, нам мало, кто мог противостоять! Были среди нас Думаданы, повелители огня, эти могли и не такое — Шагурбал кивнул на прожженный в камне проход! — Вот только погибли все, вовремя Сантарии!

— Что за Сантария? — удивился Амадо.

— Вот смертные, ничего не знаете! Сантария, великая война между теми, кого вы зовете богами и Первыми кого в ваших легендах называют Древние.

— Ну и за что, сражались?

— За первенство! — весело произнес великан, и неожиданно осекся.

— То есть? — не понял Родриго.

— Мы ходили между мирами, где правили строго, но честно, а потом столкнулись с Валдой, вы ее зовете Андланд, и началась великая война. Валда нас одолела хитростью, не силой! Те, кто, остался жив, сегодня прозябают в подземельях нашего родного мира! —

грустно закончил Шагурбал.

— И что, после вашего поражения Андланд не пытался вас уничтожить? Вы ведь особс не прячетесь?

— Пытался, но не смог! Видишь-ли каждый мир имеет своих хранителей, они берегут гармонию! Когда приходят чужаки они поднимают все живое на врага, и мало, что способно противостоять такой силе! Но время неумолимо даже для них, земля остыла, и хранители сегодня уже не могут жить на поверхности, их сила тает вне чрева мира. Под землей же они полновластные владыки, под их защитой спрятались древние, тем и спаслись.

— Хранители? — заинтересовался Амадо.

— Первые из первых, первоначально бесплотные и бессмертные, они наделены силой творения! Потом мир уплотнился, стал материальным, и хранители обрели плоть. Но плоть забрала часть силы. Хранители породили все разнообразие жизни на земле, а когда обрели тело выбрали гоблинов, что так долго жили под землей! Зеленокожие завоевали их любовь и благосклонность, и им хранители даровали Май — Цветы жизни!

— Ладно, хватит болтовни, пора заняться делом — Родриго подошел к гигантским воротам, запиравшим вход в кузни Валлана.

Пузатая линза, вставленная в круглую коробочку, загадочно блеснула в зеленом свете его доспеха. Амадо нажал что-то на поверхности коробочки, и на ворота упал луч голубого света, он начал водить им по гладкой поверхности камня. Постепенно проступили руны гномов, следом появился узор, Родриго провел по узору каменным цилиндром, следуя всем хитросплетениям орнамента. Орнамент закончился, путник отступил на шаг и застыл в ожидании. Сверху посыпалась пыль, почти беззвучно ворота разошлись в стороны, обдав человека удушливой волной гари, тепло вырвалось наружу, всколыхнув непослушные волосы человека.

— Ого! — послышалось позади, великан опустился на колено.

Из кузни лился мерцающий свет, окрашивая все вокруг желто-багровыми тонами. Приготовившись к возможным неожиданностям Амадо, сделал первый шаг в кузницу Валлана, первый за сотни лет запустения. Навсегда вписав свое имя в легенды подземного народа. Шум пламени, позвякивание цепей, разорвали оглушающую тишину Старого города.

Решительные шаги путника разлетелись по огромным помещениям кузни, вызывая к жизни обманчивое эхо. Прошли плавильный цех, затем бронный и оружейный, всюду запустение, неоконченные части снаряжения, не докованные мечи и секиры, кое где останки бедолаг, что не успели выбраться. Стараясь не пропустить Вечернюю звезду Амадо внимательно осматривал все закоулки, пока не уперся в стальные двери, накрепко запертые изнутри. Позади топал Шагурбал, поднимая облака пыли огромными ножищами, Родриго озадаченно уставился на запертые двери.

— Интересно, что там? — спросил он скорее у себя, чем у навязавшегося в спутники Шагурбала.

— Наверное арсенал! — предположил великан.

— Это вряд ли, но проверим! — с сомнением проговорил Амадо. — Поможешь?

— Да ерунда! — с этими словами великан ударил в двери, к его изумлению, они не шелохнулись.

В бешенстве Шагурбал принялся наносить удар за ударом, но все с тем же результатом. Неожиданно дверь резко распахнулась и гигант с размаху влетел внутрь, круша все на своем пути. Грубо ругаясь, он выбрался из помещения, удивленно оглядел двери и убедившись, что

они целы, с недоумением уставился на Амадо.

— Ну, что, умаялся? — с издевкой спросил человек. — Может прежде надо мозгами пошевелить?

— Это невозможно! — прорычал оскорбленный великан.

— Всего-то надо было повернуть рычаг, в комнате бригадира, а ты чуть всю кузню не разнес! — продолжал подтрунивать Родриго.

Тут Шагурбал сообразил, что пока он выносил дверь, человек нашел кабинет мастера. И воспользовался рычагом управления дверью в арсенал.

Несмотря на все старания, арсенал принес разочарование. Помещение оказалось совсем не арсеналом, а лабораторией со множеством столов, уставленных ретортами, перегонными кубами, и прочей алхимической ерундой. Часть помещения занимали длинные полки, с различными компонентами для алхимии. На первый взгляд они вмещали почти все, что можно пожелать для изысканий в области особых свойств металлов. Нашелся даже клинок андландской работы, но самого главного, Вечерней звезды, тут не оказалось.

— Куда-же она могла деться? — недоумевал человек. — Она должна быть здесь. Это совершенно точно. Вряд ли Крапор ошибся. Да нет, не мог же он меня... — в голову закралась противная мысль, что его обманули, неприятная волна унижения обожгла внутренности человека.

Он медленно вышел из арсенала, и раздраженно зашагал по кузне, машинально заглядывая в помещения, что притулились к стенам кузни. В одном из них его взгляд зацепился за что-то похожее на сундук, накрытый поверх полотнищем. Без особой надежды Амадо стянул ткань, и увидел хрустальный ящик. Он протер стекло, снимая толстую корку, что патиной легла на крышку сундука. Сердце радостно забилося, чем больше он расчищал поверхность хрустального короба, тем отчетливей проступали знакомые очертания, он нашел то, что искал так много лет.

Замки мягко отстегнули крышку. Булава лежала на специальных подставках из плотного, черного дерева, напоминая экспонат в музее, которые имели большое распространение в мире Родриго.

Тяжелый удар отшвырнул человека к противоположной стене, ящик разлетелся на миллион сверкающих осколков, разбившись под его телом. Булава лежала рядом, он протянул руку, но что-то мощное сдавило его, обхватывая тело тугими кольцами. Ничего не понимая, Амадо попытался напрячься и вырваться из стальных объятий, но сил доспеха не хватило чтобы преодолеть мощь давящих колец.

— Змея! Гигантская змея! — мелькнуло в голове. — Откуда она здесь?

Доспех натужно трещал, поддаваясь непреодолимой силе змеиной хватки. Родриго расслабился и прикинулся мертвым. Его тело тут же перевернули. Человек открыл глаза и встретился с огненно-оранжевыми блюдцами, рассеченными пополам продолговатыми зрачками, теперь почему-то оказавшимися на уплощенной голове огромного гада. Шлем сполз к затылку, глаза встретились, от неожиданности змей распустил кольца, и рыцарь упал на землю. Удар хвоста, похожего на бревно, швырнул его в стену, едва не разможив голову, спасла мгновенная реакция. Человек успел вернуть шлем на место.

Шагурбал метался по помещению, пытаясь уйти от смертоносного взгляда человека. Не успел Родриго подняться, как стальные кольца змея, с прежней силой обхватили его тело, в какой-то момент их глаза вновь встретились, и повторился первый тур борьбы.

Амадо ловил взглядом глаза монстра, но гад ловко избегал ловушки. Родриго кинулся к

Вечерней Звезде, позади послышалось шуршание костяной чешуи о пол кузни. За оружием рыцарь не успевал, поэтому развернулся на месте и уставился на Шагурбала. Змей застыл, гигантское тело перестало извиваться, хотя еще несколько мгновений продолжало по инерции двигаться на человека.

Взгляд Амадо изменился, горящая чернота высасывали жизнь древнего. Змей трансформировался в великана. На спине гиганта заходили валы мышц, ладони, каждая размером с телегу, сжались в кулаки. Костяшки бревноподобных пальцев побелели. Тело чудовища мелко задрожало, прилагая все силы к тому, чтобы вырваться из плена человеческих глаз. Шагурбал начал дряхлеть, крик ужасных мучений сотрясал своды кузни, глаза монстра постепенно затухали. И вот полуразвалившийся труп великана упал на пол, последние искры жизни погасли в глазах блюдцах.

Амадо, подошел к телу, и склонившись заметил на шее, за ухом, родимое пятно. Форма его удивила человека, пятно оказалось в виде символа. Когда-то давно Родриго уже попадался такой знак, вот только когда и где, он вспомнить не смог. С неприятным хрустом голова отделилась от тела. Внушительным размерам, соответствовал вес отрубленной части чудовища.

Приспособив заготовку меча, в качестве крюка для мяса, Родриго волочил за собой голову Шагурбала. С каждым шагом проклиная свои договора с Ками. Вечно Хозяйка усложнит дело. На хрен ей голова этого монстра, кипел он про себя, пыхтя от напряжения. Сбоку глаз заметил блик на идеально гладкой поверхности, очень напоминающей зеркало. Родриго повернулся и неспешно подошел, все более приходя в изумление.

Из стены, под обвалом, где когда-то проходил водный канал, взятый в медные трубы, на него смотрела огромная морда, окаменевшего монстра.

— Думадан! — пронзила мысль усталый мозг Амадо, мгновенно возвращая бодрость его измученному телу.

Первый страх прошел и человек более внимательно взгляделся в монстра, что смотрел на него из каменной могилы. Судя по всему, Думадана заперли в кузне, и он, будучи в западне, искал выход. Из всего что более-менее могло сгодиться в качестве прохода наружу древний выбрал шахтные ходы, ведущие напрямик в старинные рудники, за пределами кузни. Почему монстр выбрал проход именно под водоводом, для Амадо осталось загадкой, но как результат, Думадан обвалил часть скального козырька на себя, разрушив попутно систему водоснабжения. Громада камня прижала его к скале, а потоки воды погасили огонь, превратив в камень. Получалось, что монстр сам себя убил, в приступе ярости.

Несмотря на то, что перед Родриго теперь находился лишь каменный идол, под ложечкой продолжало сосать от острого ощущения опасности. Путник легко нажал на древко Вечерней звезды, и превратил короткую булаву в длинное оружие с шаром на конце. Утыканный острыми лучами словно еж, шар со свистом ударил в каменную голову монстра. Сноп искр вырвался в том месте куда пришелся удар, по камню пошли трещины.

— Что я делаю? Зачем? — удивлялся сам себе Амадо. — У меня же уже есть голова Шагурбала, зачем мне голова Думадана?

Человек отошел от истукана на шаг, и приложив немалую силу воли развернулся вокруг своей оси, после чего торопливо пошел к выходу. Тут он вспомнил, что оставил голову Шагурбала, и вернулся за трофеем.

Глаза почему-то вновь застряли на личине Думадана. Не сразу, но он заметил, как в пустых глазницах разгорается пламя. Послышалось шипение, сквозь трещины,

образовавшиеся от удара, повалил дым. Все, увеличивая напор, темные струи со свистом вырывались наружу. Не успел Амадо осознать произошедшее, как раздался взрыв, взрывной волной человека отшвырнуло на доменную печь. Качаясь и задыхаясь от смрада, рыцарь поднялся на одно колено. На его глазах Думадан высвободил голову из каменного плена, растопив породу столько времени, служившую ему оковами. Доспех постепенно восстанавливался, но против такого противника он не годился. Тем временем Думадан полностью освободился и медленно извлек из скалы гигантский меч кроваво-красного цвета. Роняя капли расплавленного металла, клинок приблизился к человеку.

— Как тебя зовут смертный?! — прошумел огонь разгораясь с каждым звуком все ярче.

Древний язык, еще из тех времен, когда человек только родился, отметил про себя Амадо.

— Даад — закрываясь руками от невыносимого жара, ответил человек.

— Ты меня освободил, и я тебя награжу! Я оставлю тебе жизнь! — капающий расплавленным металлом клинок, отошел в сторону. — Покажи свое лицо! Я хочу видеть тебя! — приказал монстр.

Родриго снял шлем, Думадан увидел его глаза и отшатнулся, оглушив гулом потревоженного пламени.

— Освободитель!!! — угадывалось в шуме монстра. — Вагаал был прав! Он предупреждал о тебе! Видения Шаны сбываются, но человек так слаб, так беззащитен! — размышлял вслух Думадан, решая, как поступить с Родриго.

Меч, огненного гиганта, вернулся к рыцарю, но удар Вечерней звезды, отшвырнул клинок в сторону разбрызгивая капли расплавленного металла. Пламя возмущено зашумело, разрастаясь колыхающимся ореолом вокруг Думадана, монстр сделал выпад стараясь припечатать человека к домне. Амадо вертясь волчком поднырнул под клинок врага, Звезда ударила в изгиб мощной ноги древнего, сноп искр и ошметки магмы, ярко вспыхнув оросили кузню, постепенно угасая на холодном камне. Думадан оступился, разгораясь еще больше. Воздух кузницы плыл, кислород постепенно выгорал, стало трудно дышать.

Прыгая через перевернутые верстаки, человек бежал к выходу. Тяжелый шаг монстра неотступно следовал за ним, становясь с каждым мгновением ближе. Амадо развернулся и тут же упал на спину, чтобы увернуться от горизонтального взмаха горящего меча. Плава камень и металл, клинок зацепил рычаг, срезав его под основание. Двери с грохотом схлопнулись, запирая человека с древним. Невыносимый жар, не проникал за броню, но любое попадание Думадана, могло закончиться рассечением тела рыцаря пополам.

Последовали один за другим яростные удары, Родриго успел нырнуть под массивный верстак, но клинок срезал камень как масло. Там, где только, что находилось тело человека, на полу кузни постепенно затухали проплавленные полосы, оставленные мечом Думадана.

Избегая губительного столкновения с клинком огненного чудовища, Родриго успел еще раз зацепить древнего, и даже парировал его меч. Сила удара заставила рыцаря оступиться, а следом налетел ураган из огня и расплавленной породы. Ухватив двумя руками древко, Амадо поднял Звезду над головой, клинок Думадана пять раз обрушился сверху. Выставленная высоко над головой булава, защитила владельца, от верной смерти.

Древний оступил, с изумлением, глядя на что-то в лапах. Родриго не мог понять, что произошло. Волны огня разошлись, и на мгновение человек увидел, что меч монстра переломился, оставив в руках Думадана эфес с небольшим осколком. Глухо ударив о пол обломок отлетел к бронной, едва не зацепив человека. Провожая глазами горящий кусок

расплавленного металла, Амадо пропустил движение в свою сторону. Среагировать он не успел, стальная хватка чудовища перехватила его тело, кузня замелькала, расплываясь в мареве. Подняв тело человека к потолку Думадан швырнул его об пол, покорежив доспех. Топот монстра Родриго уже не слышал, его тело чувствовало только вибрации. Думадан протянул руку, чтобы вновь схватить рыцаря, и в этот момент раздался оглушительный взрыв. Кузня потонула в вихрях пламени, кроме огня Амадо ничего не видел, тело безбожно крутило и швыряло, ударяя о стены и обстановку мастерской.

Стена огня ушла в соседнее помещение, а затем еще дальше. Воздуха не осталось, пытаясь вдохнуть человек вяло подумал.

— Это конец.

Удушающий запах гари, ощущение нестерпимого жара, проникали снаружи. Глаза почти ничего не видели, туман мешал понять, что происходит, сон это или явь. Чувства возвращались постепенно, сначала появился слух и обоняние, затем зрение и чувствительность. Резко скрутило живот, а затем тело накрыл всепожирающий жар. Амадо не имел понятия, сколько времени прошло с тех пор, как он пришел в себя, тело слушалось плохо. Он огляделся, с трудом поворачивая избитую голову.

Ворота выбило наружу, разлетевшись на куски они лежали у противоположной стены от входа. Получив новую порцию воздуха, огонь пожирал, то, что осталось после взрыва. Повсюду лужи остывающего металла, и стекловидная масса спекшегося камня. Неподалеку застыла оплавившаяся лапа какой-то статуи.

— Тьфу ты! Это же Думадан! — пришла мысль, обжигая голову всплывшими подробностями боя. — Похоже монстр сам себя взорвал. Заперев дверь, он, вызвал взрыв кислорода. Выжигая все на своем пути, газ разрушил кузню, а разорвавшееся тело Думадана, дало столь высокую температуру, что оплавало окружающие скалы.

С замиранием сердца Амадо опустил глаза на свое тело. Броня оказалась почти цела, но это могло быть результатом самопочинки, все зависело от времени, которое он провел в бессознательном состоянии. С трудом поднявшись, человек проковылял к выходу, там температура значительно упала, доспех раскрылся, выпуская хозяина наружу. Как Родриго и ожидал, доспех расплавился, оставив на теле жестокие ожоги, шок пока блокировал чувство боли.

Кальцер постепенно восстанавливал ткани, но требовалось более мощное средство, требовался опыт и оборудование Риманта.

Прошли сутки, прежде чем Амадо смог переступить порог кузни. Температура заметно упала, дым рассеялся, а огонь погас. Гладкие поверхности, точно облизанные гигантским языком, поблескивали в редких лучах света, робко падавших в зал кузни сквозь световые шахты. Поиски Звезды заняли целую вечность, а голову Шагурбала Родриго так и не нашел. На том месте, где она лежала остался только след, голова выгорело без остатка. Всплеснув руками человек, побрел к выходу, с трудом протискиваясь между оплавленных предметов. У входа высился большой холм, окруженный короной огня. Оскальзываясь на гладкой поверхности Амадо подошел к возвышению. Сквозь огненную пелену, показалось огромное лицо. Рыцарь остановился в нерешительности, перед ним лежала живая голова Думадана, древний продолжал жить, даже потеряв тело. С щелчком отворились веки, и на человека уставились огромные, полные ярости глаза.

— Тебя спас случай смертный! — отрывисто протрещало пламя.

— Я знаю — спокойно ответил Амадо. — Ты говорил о видениях Шаны, кто она?

— Ты ничего не знаешь, маленький человек?! Ха! Как же вы смертные глупы! Ты даже не понимаешь, что ты такое, но я тебе объяснять не стану! Хочешь знать, найди Вагаала, это он носится с видениями Шаны! Этой суки, что омрачила разум доброй половине первородных! А теперь смертный, пошел вон из моей кузни!

— Эта кузня принадлежит гномам, а не тебе! — произнес Родриго, снимая шлем, и вглядываясь в горящие глазницы Думадана.

Огонь то разгорался, то гас, тяжелая борьба вытягивала последние силы человека.

Прошло немало времени, прежде чем, первородный погас навсегда. Из правого глаза чудовища вытекла капля похожая на слезу. Кристально прозрачная, она побежала по голове древнего, тут же превращаясь в кристалл багрово цвета, настолько чистый и прозрачный, что позже камень получил имя Слеза Думадана.

***

Не успел Амадо отойти от кузни как вернулись звери, посланные Хозяйкой. Животные неотступно следовали за человеком, охраняя его и показывая наиболее удобный и короткий путь к залам Ками. Родриго затруднялся сказать, что это, защита героя или охрана пленного, но в его положении привередничать не приходилось. Состояние ожогов ухудшалось день ото дня. Иногда он падал в обморок, и зверюги терпеливо ждали пока человек наберется сил, чтобы идти дальше.

Пещера появилась вдруг, из воздуха, Родриго не мог точно сказать каким путем попал в покои Ками, но Хозяйка уже ждала его.

— Вестник смерти, вновь посетил ты владенья мои. Нашел ли ты то, что искал во мрачных чертогах подземного мира? — неожиданно приветливо спросила старуха.

— Нашел! И про тебя не забыл! — Амадо вынул большой кроваво-красный кристалл, и протянул камень старухе. Внутренний огонь, заставлял светиться гигантский рубин. Этот свет почему-то показался знакомым человеку, но вспомнить, где он видел похожий кристалл, Родриго так и не смог.

— О!!! Слеза Думадана! — в радостном возбуждении воскликнула Хозяйка. — Как смог, ты, смертный, добыть сей редкий камень, что цвет зари в себе хранит, и чистотой слезе подобен! Великий подвиг человек свершил, за то прощу тебе я голову обжоры, и предложу награду, что сам себе ты пожелаешь! — старуха смотрела на него странным нечеловеческим взглядом, ожидая ответа.

— Да ничего мне не надо. Все что хотел, я уже нашел — смущенно ответил Амадо.

— Сама я подберу награду, по нраву чтоб пришлась тебе. Ступай к сестре моей Аар, ждет с нетерпением, наивная бедняжка, героя, что вернул покой, в Ровалд забытый на века. Телесные излечит раны, светлая Аар. Ко мне вернешься позже, с даром, что обещан, тогда получишь и награду — Ками растворилась в воздухе, а зверье повело Родриго в долину лавовых озер.

Дойти до пещеры хранительницы Аар, Амадо не смог, тело отказалось подчиняться. Человек лежал в кромешной тьме, ощущая, как сердце все чаще дает сбои. Замирая все дольше, оно вызывало приступы животного страха. Зверье, сидя неподалеку охраняло его покой, яркий свет резанул глаза сквозь закрытые веки, хищники разбежались. Необычное чувство покоя, смешанного с восторгом, почему-то наполнило сердце. Глаза открыть не хватало сил, но слух уловил нежную мелодию, напетую прекрасным женским голосом. Мир растворился, и сознание утонуло в неге и покое.

***

Летний сад во дворце Леши, всегда отличался скромностью. Старый монарх никогда не тратился на роскошь. Редкие ивы широко раскинули мощные стволы, создавая естественные зеленные шатры. Приятная тень холодила истомленное тело королевы, этой ночью ей спать не пришлось, снова приходили друзья короля. В заросшем ряской пруду плеснула рыба, теплый ветерок приятно ласкал тело нескромно забираясь по ткань платья. Низкий плетенный диван, укрытый таким же плетеным пологом, служил королеве местом уединения, скрывая Катарину в редкие минуты покоя. Лежа на диване, она лениво смотрела

вдаль, разглядывая молодую девицу, новую фрейлину Инну Кехельберг, специально отобранную в ее напарницы самим королем. Стройная, бойкая и смышленная фрейлина даже не скрывала, что поставлена, чтобы следить за Катариной. Доходило до смешного, фрейлина отменяла распоряжения Катарины, и расписывала ее день наперед, утверждая распорядок лично у короля.

Справа высился купол ротонды, к которой вилась мощенная камнем дорожка. Мимо прошептали дворцовые стражи, Катарина привыкла их не замечать, поскольку они всегда присутствовали рядом. Иногда королеве казалось, что стоит только свистнуть, и стражи тут как тут, выскочат из соседнего куста. Внимание женщины привлек молодой блондин. Высокий, статный, с новеньким мечом на небогатом, но умело выделанном поясе. Сразу бросалось в глаза, что страж совсем недавно здесь, в напарники новенькому приставили Карла Штайле. Карл, широкоплечий шатен, с грубым лицом, имел ампула местного ловеласа. Он лениво тащил алебарду на плече, красуясь мощным торсом и развитыми мускулами рук. В то время как блондин старательно вышагивал по всем правилам дворцовой службы.

— Кто этот новенький? — спросила Катарина, пожилую фрейлину.

— Этот, мальчик? — переспросила фрейлина.

Королева кивнула, и зажмурилась, точно кошка, что высматривает свою жертву, но при этом старается показать равнодушный вид.

— Это Теодоро, Ваше величество, он уже третий день...

— Почему я его впервые вижу? — раздраженно спросила королева.

— Мне говорили, что он пасынок Дрю Ройсли. Воспитывался в его доме. Этот молодой человек получил самое превосходное образование. К сожалению Дрю, недавно скончался, поэтому Теодоро вынужденно вернулся в замок, заменивший мальчику отчий дом. Такая трагедия для семьи, да и для короля, они дружили с детства... — Катарина, не слушая пустой болтовни фрейлины, поднялась с дивана и нисколько не заботясь о правилах придворного этикета подошла к стражам.

Мужчины вытянулись в струну, Карл Штайле быстро принял стойку, положенную по сторожевому уставу. Расстегнутый ворот открывал мощные валы грудных мышц юноши, покрытые редкой растительностью, они притягивали взгляд кокетливых фрейлин. Инна заинтересованно выглянула из-за спины Катарины. Королева прошла перед стражниками, затем остановилась напротив Карла, и внимательно заглянула в пустые от испуга глаза юноши.

— Ой как вы небрежно одеты — заботливо проговорила королева, протягивая пухлую руку к расстегнутому вороту.

— Хорошо вас не видит капитан Муридо, иначе не миновать вам наказания — с улыбкой добавила Катарина.

Карл вытянулся еще больше, боясь вдохнуть воздух, он скосил обеспокоенный глаз на королеву.

— Не бойся. Я тебя не выдам — успокоила стража Катарина.

— Благодарю Вас Ваше Величество! — гаркнул Карл, краснея от жары и недостатка кислорода.

Женщины вздрогнули от мощи мужского голоса, Инна зачарованно смотрела на исчезающую полосу голого тела, спрятанную ловкими руки королевы.

— Ну вот и все, теперь вы готовы к несению службы. А кто ваш, молчаливый спутник?

Что-то мне раньше не приходилось его видеть — равнодушно спросила королева.

Карл не сразу сообразил, что обращаются к нему, но, когда до него дошло, что молчание неприлично затянулось, выпалил.

— Ваше Величество это Теодоро Ройсли, ваш новый страж!!! — прокричал он, глядя вперед, за спину Катарины.

Королева обернулась и успела перехватить пламенный взгляд Инны, легкая улыбка скользнула по полным губам Катарины. Фрейлины, прикрыв лица веерами, с интересом наблюдали за беседой.

— А что Теодоро так молчалив? Он немой? — спросила Катарина, повернувшись всем телом в сторону нового стражника.

На лицах, приближенных заиграли улыбки, умело спрятанные за светской беседой.

— Никак нет Ваше Величество, Теодоро обучен говорить!!! — снова гаркнул Карл, но королева даже не повернулась к нему.

— Ваше Величество я посчитал неприличным вступать в разговор — смущенно ответил Теодоро.

Юноша робко посмотрел на королеву, черные омуты Катарины втянули взгляд Теодоро не давая отвести глаза. Несвежее лицо королевы, почему-то показалось ему прекрасным. Он видел все недостатки, темный налет на зубах, глубокие морщины на лбу, густая сетка вокруг глаз. Слегка подвисшие щечки и припухлость под глазами, но все это меркло, когда его взгляд соприкоснулся с душой королевы, ее глазами. Необузданная страсть, нерастраченная любовь и бесконечное одиночество смотрели из глубины темных озер.

— Отчего же, приятная беседа всегда к месту — тряхнув тугими кольцами черных с проседью волос, ответила Катарина.

Юноша точно очнулся ото сна, уставил немигающий взгляд в горизонт и вновь вытянулся.

— Сочувствую вашей утрате — помолчав немного проговорила королева.

— Благодарю Вас, Ваше Величество — с волнением в голосе ответил Тео.

— Я слышала, что Дрю вырастил вас?

— Так и есть. Мистер Дрю заменил мне отца, его кончина тяжелая потеря для нашей семьи.

— Не только для вашей семьи. Таких верных рыцарей сегодня уже не осталось. Мой супруг был в дружеских отношениях с вашим отчимом. Думаю, что и для короны это не малая утрата.

— Полагаю, что это так Ваше Величество. Я передам Ваши слова миссис Дрю — грустно ответил Тео.

— А что такого родовитого дворянина привело в дворцовую стражу?

— Я подал прошение в гвардию Его Величества, но у меня подлое происхождение, я вовсе не родовит Ваше Величество.

— Гвардия значит? Ну хорошо, я подумаю, как вам помочь — королева загадочно улыбнулась, и обернувшись к фрейлине Мадне Тратамире спросила.

— Мадна узнай, когда освободиться Жак Мерандо. Ну, а пока Тео легкой службы тебе, мой благородный страж — Катарина взглянула на удивленное лицо юноши, и потрепав его по щеке прошла мимо, уходя по мощенной дорожке вглубь парка.

***

Затянувшийся зной иссушил сад, и заставил королеву и ее окружение перебраться, в ту

часть парка, что украшали старинные фонтаны, выстроенные еще дедом Леша. Жар, сжигая все вокруг, спалил и этикет. Многие фрейлины, вслед за королевой, сменили строгие платья на открытые туники, сквозь которые вызывающе проглядывали прелести придворных дам.

Перевод Теодоро прошел на удивление гладко. К жуткому расстройству Тео, его зачислили в стражи, вместо почетного гвардейского корпуса. Теперь он носил почетное звание гвардеец королевской стражи, гвардеец и в то же время не совсем гвардеец.

Сам того не понимая, Тео получил должность с большой перспективой на будущее. Краткий миг печали утолили встречи с королевой, юноша не мог понять, что с ним происходит. В своих воспоминаниях он представлял Катарину как добрую покровительницу, нечто сродни матери, а теперь же он страстно желал свою спасительницу, видя в ней ненасытную куртизанку. Встречая взгляд Катарини, Тео терял способность внятно изъясняться, язык словно прилипал к небу, в голове путались мысли.

Сидя на краю фонтана, Катарина водила рукой по гладкой, точно зеркало поверхности водоема. Она наслаждалась прохладой затененного озерца, любясь карпами, которые лениво нарезали круги вокруг ее ладони. Рыбы время от времени высовывали несоразмерно большие рты, требуя подачку, к которым привыкли за долгие годы проживания в королевском саду.

— Где ваш друг? — королева посмотрела на Тео.

Тео загадочно улыбнулся и нехотя ответил.

— Он пошел в Северную часть парка, проверить все ли в порядке.

— Странно куда делась Инна? — спросила Катарина, равнодушно осмотрев спутниц.

— Кажется она отстала у фонтанов в Южной части, там, где лабиринт с ротондой — отозвалась услужливая Мадна.

Молодая фрейлина Анна Вурве, слегка охнула и быстро побежала к дворцу.

— Что с ней? — удивилась Катарина.

— Любовь. У нее роман с Карлом — негромко поделилась сведениями пожилая Феодора, самая старая из фрейлин, что приставил к Катарине Леша. Катарина брезгливо скривила рот, она не выносила старуху, уверенная в том, что она доносчица короля. Единственная на кого королева могла положиться, это на свою любимицу Мадну. Дочь старшего казначея Витора Тратамира, исполнительная и легкая в общении фрейлина, быстро подружилась с королевой, завоевав ее доверие, особыми душевными беседами. Если бы не Мадна, Катарина вряд ли смогла бы столько вынести, ее поддержка и дружеская чуткость оставляли надежду на лучшее.

— Феодора вам бы пора уже о Боге думать, а не высматривать чужие грехи! Тем более, что вас никто не тянет за язык! Оставьте романы юных там, где им место — жестко отчитала сплетницу Катарина.

— Позвольте узнать, а где им место? — ехидно ухмыляясь парировала старая фрейлина.

— В воспоминаниях любовников! У вас никогда не было романов?! Хотя, о чем я спрашиваю, такая как вы вряд ли вообще способна на чувства — повернувшись всем телом на дерзость, с нажимом ответила королева.

— Ваше Величество позвольте мне удалиться! — потребовала оскорбленная Феодора.

— Это еще почему? — удивилась Катарина.

— Мне нездоровится — бледнея ответила фрейлина.

— Нет! Вы останетесь подле меня! Вы мне нужны! — зло сверкнула глазами королева.

Катарина вспомнила, что несколько недель назад сама едва не наткнулась на

любовников в злополучной ротонде, прозванной при дворе Обитель Любви. Пикантности ситуации добавило, то, что Карл увидел ее, но не остановился. Привыкшая ко всему Катарина, справедливо расценила, что эта связь к лучшему, по крайней мере Инна теперь занята больше бурным романом, чем слезкой за ее жизнью. От волнения и жары Феодора потеряла сознание, слуги унесли пожилую фрейлину во дворец, а Катарина в тайне радовалась неожиданно свалившейся свободе.

Рядом присел Тео, он молча наблюдал за облаками, плывущими над головой, точно огромные стога сена. Холодные капли упали на шею гвардейца. Тео встретился взглядом с королевой. Огромные, как у испуганной кошки, ее глаза искрились весельем. Окунув руку в воду, королева вновь плеснула прохладной влагой на юношу. Прикрывшись рукой, он рассмеялся и плеснул в ответ, вода упала на тунику, смочив ткань, королева засмеялась.

Подданные с недоумением наблюдая за происходящим, ожидая, что последует за дерзостью гвардейца. Королева вновь плеснула в Тео, теперь уже полной рукой зачерпнув воды. Фрейлины, весело смеясь, включились в игру. Визг и кокетливые крики дам, перемежались со смехом гвардейца.

Туника королевы промокла насквозь, стоя по колени в воде она вызывающе смотрела на Тео. Тело Катарина бесстыже выделялось под прилипшей тканью, юноша не мог отвести взгляда от манящей наготы.

Раздался звон набата, над изгородью поднялся черный дым пожарища, где-то горел дом. Принесло запах горелых тряпок, смог сгустился и навис темным пологом над парком.

— Пожар! Откуда? — запричитали дамы.

— Сухая гроза — ответил запыхавшийся гонец, он только что подбежал к королевской свите.

— Ваше Высочество, король Вас ждет у Западных ворот! Там стоит отряд гвардейцев, он Вас выведет из города — отрапортовал гонец.

— Город в огне? — обеспокоенно спросил Тео.

— Да господин рыцарь! Огонь охватил бедные кварталы у северных врат, и уже подобрался к торговой площади. Надо торопиться — подтвердил гонец.

— Уведите моих фрейлин — приказала Катарина.

— Ваше Величество, куда Вы?! — испуганно запричитал гонец.

— Передайте, что я иду во дворец. Там осталась моя служанка Марта. Пусть король едет в Лесной замок без меня.

— Но как же... — попытался возражать гонец.

— Меня доставит Теодоро Ройсли и Карл Штайли, они справятся — оборвала возражения Катарина.

— Вы уверены Ваше Величество? — испуганно спросила Мадна.

— Не беспокойся дорогая, мои воины обо мне позаботятся — успокоила подругу Катарина.

Женщины побежали во дворец, стыдливо прикрывая прелести, четко выделявшиеся под мокрой одеждой.

— Я сейчас — произнес Тео, одевая сапоги, из которых только, что вытряхивал воду.

— Куда же вы? — страдальчески поморщившись спросила Катарина.

— Я найду Карла... — удивленно ответил гвардеец.

— Я вас не отпущу! Мне нужна охрана! В городе сейчас не безопасно, пришел час мародеров и воря. Вы мне нужны — Тео остановился, королева произнесла это с такой

страстью и искренностью, что всякие сомнения отпали. Катарина его желает.

В дверях королеву встретила обеспокоенная Марта. Пожилая служанка без умолку говорила, рассказывая о том, что горит конюшня, и огонь перекинулся на дворец, но его смогли остановить. Дворец опустел, все кто мог боролся с пожаром, а немногочисленные стражи охраняли окрестности. Марта торопила Катарину, страшась стихии, служанка хваталась за вещи, а затем клала их на место.

В комнату вбежал Тео, все еще в мокрой рубашке, и с мечом в руках, он взял Катарину за руку и потащил к выходу. Она остановилась в дверях, Тео оглянулся, королева притянула его к себе, обвивая напряженную шею руками.

Марта ахнула, и выронила только что подобранный веер. Прикрывая глаза рукой, служанка выбежала прочь. Несмотря на всепоглощающий страх, Марта просидела весь день у двери, охраняя покой Катарины. Из спальни раздавались непристойные стоны, Марта давно уже привыкла к оргиям в покоях воспитанницы, но сейчас этот звук казался невыносимо громким. Марта боялась, что королеву могут услышать, от страха сердце служанки едва не выскакивало из груди.

В сумерках Тео вышел из спальни, и смущенный случившимся, пробежал мимо едва не задев Марту. Столкнувшись со служанкой, он еще больше смутился, и прибавил шаг. Марта вошла в комнату, Катарина лежала на кровати не скрывая наготы. Служанка покраснела, королева звонко рассмеялась, заметив румянец на щеках зрелой женщины.

— Что ты Марта? Не смущайся, ты же видела меня голой не раз?

— Видела — сухо ответила служанка. — Но ты так развратно лежишь, что даже я начинаю смущаться — сурово глядя на королеву произнесла Марта.

— Ну давай, воспитывай! Читай мне мораль! Все равно я тебя люблю! Я люблю весь мир!!! — вскричала Катарина.

Она приподнялась на локте и выпустила струйку опийного дыма.

— Не буду я тебя воспитывать. Ты сама все знаешь. Катарина, девочка моя... — голос служанки оборвался, она порывисто шагнула к королеве и встала перед ней на колени, обняв голые ступни воспитанницы.

— Девочка моя. Прощу. Остановись. Ведь твой муж зверь. Если он узнает, то и тебя прибьет, и этого мальчика. Себя не жалеешь, так хоть его пожалей.

Слезы покатались по щекам Марты, она перебирала пальцы на ногах Катарины, глядя с мольбой в затуманенные опиумом глаза королевы.

Трубка упала на шелковые простыни, руки королевы закрыли лицо, она судорожно затряслась от беззвучного плача. Затем обняла служанку, и сверкая заплаканными глазами процедила сквозь зубы.

— Я ненавижу этого выродка. Я не позволю ему убить Тео, он единственное, что осталось в моей жизни. Он моя любовь, понимаешь Марта. Я его люблю. И ничего не могу с этим поделать. Этот старый гад, ... Он растлил меня. Я больше не хозяйка своим желаниям. Страсть пожирает меня изнутри. Когда я вижу этого мальчика, я теряю волю, желание заставляет меня идти на безумный риск. Я не смогу остановиться, даже если расплатой станет смерть! — горячо шептала королева, глядя в лицо Марты.

***

Неспешная болтовня фрейлин наскучила королеве, изнывая от сладострастия Катарина отпустила дам, сославшись на недомогание. За последние полгода, Катарина сильно изменилась. Знавшие ее ранее поражались переменам произошедшими с телом королевы. С

лица женщины исчезли морщины, вернулся румянец, и упругость кожи. Тело вновь подтянулось, шрамы и следы от ожогов исчезли. Опиумная трубка уже несколько месяцев лежала без дела, заброшенная в сундук для старья. Волосы вновь заиграли на солнце, вернув глубокий черный цвет.

Тело Катарина трепетало от желания, обостренного чувством опасности, и близостью желанного мужчины. Тео находился прямо за дверью, однако наученная горьким опытом королева, старалась даже взглядом не выдать своих чувств. Она и так рисковала, хлопоча о переводе Тео в королевскую стражу. Пришлось лично говорить с начальником королевских стражей Жаком Мерандо. Катарина не сомневалась, что этот вонючий кабан, с повадками мужика, донесет об их разговоре. И рано или поздно это известие дойдет до Кьюзо старшего, а хитрый лис доложит Лещи. А если узнает король, то невинная просьба грозила очередным кошмаром. У нее только зажили следы от ожогов, оставшиеся с последней оргии, устроенной Кьюзо младшим и его дружками. С каждым разом он становился все ненасытней, Катарина стала его манией, он ее истязал и наслаждался муками венценосной жертвы. В тайне получая удовольствие от насилия над королевской властью.

В последние месяцы Тео несколько раз встречал Умберто Кьюзо, негодяй его не узнал. Граф не мог даже предположить, что перед ним тот самый малец, который послужил причиной его жестокого унижения. В один из вечеров, Умберто в приподнятом настроении прошествовал привычным путем в покои королевы, и немало удивился дерзости стражи, преградившей ему дорогу.

— Да вы даже не гвардейцы! Вас поставили сюда как декоративных собачек, заглядывать под юбки безмозглых фрейлин! — крикнул он в сердцах, и потянулся к рукояти меча.

— Не стоит этого делать, господин граф — сверля взглядом Кьюзо младшего пригрозил Тео.

Умберто отступил, его ноги сделались ватными. Впервые за много лет он столкнулся с достойным отпором, прикроватные гвардейцы оказались жесткими парнями. Тот, что повыше, шатен, равнодушно лыбился, уперев конец алебарды в его грудь, а кудрявый блондин, хоть и щупловат, но взгляд, ох ну и взгляд. Какая в нем ненависть.

— Мы встречались раньше? — спросил Умберто, и облизал пересохшие губы.

— Нет господин граф, мы не знакомы — спокойно ответил Тео вытягивая клинок из ножен. — Но королева никого не ждет. Поэтому вы не пройдете дальше приемной — жестко отрезал страж Ее величества.

— Ладно, посмотрим за кем останется последнее слово — Кьюзо резко вогнал в ножны так и не извлеченный до конца клинок, и выбежал прочь из кабинета.

Лещи немного успокоился, пожар, спаливший столицу полгода назад, заставил престарелого монарха заняться делами короны. С последствиями в итоге удалось справиться, и теперь король смог предаться главной страсти его жизни, охоте. Совмещая приятное с полезным, то есть с развратом и пьянством. В последнее время Лещи слишком пристрастился к вину, что очень беспокоило Кьюзо старшего. Король начал сдавать, окончательно превращаясь в дряхлого старика. Советник все чаще появлялся в покоях Лещи, и подолгу что-то обсуждал с королем.

Знакомые женские лица, склонившись над ним. Длинные волосы приятно щекотали лицо и голую грудь. Воздух, напоенный свежестью, бодрил, срывая остатки сонливости.

— Где я? — спросил он у девушек, приподнявшись на локте.

Вместо ответа девы смеясь прыснули в разные стороны.

— В Малионите. Во владениях моих — ответил знакомый голос.

Амадо повернулся на звук, позади стояла Аар.

— Не помню, как я здесь оказался — удивился человек.

— Конечно, живого едва, принесли тебя девы ко мне!

— Сколько прошло времени? — забеспокоился Амадо.

— Забыла совсем, что смертных так время заботит, в трепет и ужас ввергая сердца! Неделю мой гость, ты! Тело твое излечили мы быстро, с душой же все оказалось сложнее. Слишком много ты перенес, сердце камню подобно твое! Мертвых зов все время ты слышишь, слабому и незащитному, отцовская помощь нужна.

— Откуда ты...? — задохнулся Амадо.

— Читаю в сердце! Жаль мне тебя человек. Злой рок, идет по пятам за тобой! Час расплаты несет самое тяжкое из испытаний твоих.

— Я видел, что стало с моим миром! Там нет ничего живого. Ничто не могло спастись в царстве смерти и мрака. Там сам воздух напоен враждой к живому. Это лишь сон, мое воображение, эмоции! Маленькая девочка не могла выжить в царстве смерти.

— Всегда есть место чуду. Жена твоя любила дочь, столь сильно, что смерть сама сумела обмануть. Спешу, ребенок ждет отца заботливой руки. Пройдет немного лет и час рассвета, дитя свободой одарит. Защитой будет ей Вечерняя Звезда, что так послушна твердости руки твоей. Спешу, спасти последней искры, не угасший проблеск — Аар провела ладонью по заросшей щеке Родриго, и заглянула в глаза, человек потерял чувство реальности.

Перед взором пронеслись видения мертвых долин, поросших отравленной растительностью. Искореженные деревья, перемежали колючие кустарники, парящие озера, и стада жутких тварей, сменившие животных старого мира. Мир продолжал жить, искаженной, извращенной жизнью, но все же жизнью.

Лес становился все ближе, спутанные ветви остались позади, впереди раскинулось небольшое поле, упирившееся одной из своих сторон в крутой холм, густо поросший кустарником и деревьями. Место показалось знакомым, но сколько не пытался, Амадо так и не смог вспомнить, где и когда ему приходилось видеть его прежде. Перед глазами замелькали кроны искореженных деревьев, вновь показалась долина с холмом. Поднимаясь все выше и выше Родриго, успел осознать, что сейчас перед его взором карта места. Вот на севере Инетар, чуть в сторону останки Ута, а прямо на запад, много километров вперед, поле его последней битвы в родном мире.

Перед затуманенным взглядом человека возникло лицо Аар. Материнское беспокойство легло на светлое лицо женщины.

— Теперь ты знаешь! Иди, и поспеши, времени осталось мало! — проговорила она и погладила голову Амадо.

Оставшись в одиночестве, Родриго никак не мог решить, что с ним произошло, неужели

он теряет время. Вместо того, чтобы спасти своего ребенка, он спасает чужой мир. Как он мог так легкомысленно относиться к призывам дорогой супруги. Ему до сих пор не верилось, что Рут нет. Он не видел ее гибели, поэтому в его сознании она оставалась такой же реальной, как и тогда, когда он попрощался с женой, перед последней битвой.

Память услужливо подкинула воспоминания. Перед глазами вились ее темные локоны, ниспадающие крупными кольцами на плечи. Лучистые, чайного цвета глаза, полные слез, с любовью смотрели снизу-вверх. Он почувствовал даже ее запах. Утомление душевных переживаний сменил, крепкий сон, где Рут теплая и родная, держала его руку, и глядя с мольбой в глаза что-то говорила. Звук ее голоса исчезал, в плотной словно вода тишине, он изо всех сил старался разобрать слова. Глаза Рут расширились, Амадо развернулся, чтобы увидеть, что напугало жену. Гулкий топот приближающейся конницы сотряс землю, из-за горизонта выросли силуэты семи всадников. На него во весь опор скакали рыцари в золотистых доспехах, напряженно склонившись вперед в направлении жал длинных копий.

— Спаси Лем, ты ей нужен, ... они... почти... наши — руки жены вцепились в отворот рубахи Амадо. Рут сильно трясла его в отчаянной попытке докричаться. Он рванулся, но пальцы супруги вцепились мертвой хваткой в ткань. Родриго разорвал рубаху на груди и выскользнул из нее, одновременно принимая позицию, чтобы дать отпор атакующим рыцарям. Она обошла его и ухватив за голые плечи вновь начала трясти. Оглушающий топот и храп лошадей, ударили в уши, копьё пробило Рут насквозь, прижав тело жены к Амадо, жало легко проскользнуло между ребер и вышло из спины Родриго. Их глаза встретились, глядя на него угасающим взором, Рут беспрестанно повторяла.

— Лем! Спаси! Спаси нашу девочку!

В немом ужасе он вскочил с постели, вокруг забегали Май, не зная, что делать. Появилась Аар, Амадо не обращая внимание на Хранительницу одевал доспех. Неожиданно его пронзила мысль, что он не знает, как попасть обратно в свой мир.

— Аар как мне вернуться?

— Есть проводник среди насельников подземных. Иди к нему, проси, и он поможет.

— Хранительница, ты же сама запретила Хельму вести меня к проходу, так почему теперь...

— То свершилось, сейчас иначе все. Спаси ребенка, и вновь в твой мир вернется радость, смех и жизни свет. Но если опоздаешь, то мир оставишь навсегда во власти мрака смерти, где жизнью будет лишь брожение мертвецов.

***

Шквал ветра выбил створку окна в спальне Катарины. Черное небо грозно нависло над городом. Сильный ветер нес южный жар, нисколько не облегчая невыносимую духоту, из-за горизонта шла гроза.

Марта испуганно бегала из комнаты в комнату, пока Катарина не приказала ей уйти на кухню. Раскатистый грохот сотряс стены дворца, в сад ударила молния. Слепящие зигзаги били во дворец, точно сам создатель желал уничтожить помпезное здание.

На заднем дворе, что-то сильно треснуло и вскоре поднялся густой черный дым. Гулко разнесся набат, побежали люди с ведрами. Сколько не лили воды, огонь как ненасытный демон разрастался и жадно пожирал деревянные постройки.

Спасительный дождь все никак не желал разрядить черноту нависших туч.

Пожар не тронул королевский дворец, его отстояли, король покинул Лесной дворец, и вернулся в столицу. Раздраженный новой напастью, монарх принялся нещадно карать

«виновных» в пожаре, чтобы успокоить народ, что потерял имущество в страшном бедствии. Спустя два месяца расчищенные улицы вновь увидели строителей, приближался большой праздник День Святых Бернара и Оливье, основавших первый монашеский орден Куртье. Братья которого славились своим монашеским подвигом, хорошей медициной, и безграничным самоотречением.

Праздник всегда проходил под покровительством королевской четы. Пожары изменили настроение горожан и Леши пришлось, объявить, что предстоящий праздник пройдет с особой пышностью. Желая поразить горожан и жителей королевства своей щедростью, король организовал хлебные раздачи, благо золотые рудники преподнесли сюрприз, и за, казалось, иссякшими жилами, рудознатцы обнаружили новые еще более обильные.

Праздник выпадал на первый день осени, несмотря на пожары, урожай собрали обильный. Королевство процветало, под рачительным управлением короля Леши. Церкви благословляли правление мудрого монарха, а жители искренне печалились, что годы безжалостны к любимому королю.

Кортеж выехал ближе к полудню, и проследовал к кафедральному собору. На пороге храма их встретил, Епископ Лампеданский Ансельм Предприимчивый, сменивший почившего Добельта Робкого. Относительно молодой, сорока лет от роду, Ансельм отличался дородным сложением, непомерно большим носом, даже для его широкого лица, живыми глазками-жуками, и нестандартным мышлением. Прозвище как нельзя более точно отражало суть нового епископа, умевшего повернуть любую ситуацию в свою пользу.

Супруги ехали в разных каретах. Леши не видел жену три месяца, последний год он вообще почти не посещал ее, к радости последней. Для себя король уже похоронил Катарину и только ждал дня, когда ему сообщат о ее безвременной кончине.

К великому огорчению Леши, на праздник прибыл и папаша Катарина, его король ненавидел и боялся, особенно в последнее время. Леши все время казалось, что Кейст смотрит ему в душу и все знает о проделках с его дочерью.

Король вышел из кареты и терпеливо ожидал пока Катарина выберется из своей. Подошел Кейст, король Караманта остановился на несколько ступеней ниже Леши, и внимательно посмотрел в глаза зятю. Леши испуганно отвел взгляд, и тут же позабыл про страшного тестя.

Тео галантно подал королеве руку, ажурный каблучок твердо встал на мраморную плиту, тонкую ножку в кокетливом ботинке, продолжила идеальная фигура молодой королевы, двор невольно выдохнул. Вопреки этикету, король повернулся задом к епископу, изумление исказило черты Леши, старик стоял словно пораженный громом. Дыхание монарха перехватило, а рот открывался и закрывался, точно, как у карпов в его прудах.

Зловеще улыбаясь, к онемевшему королю приближалась Катарина. Такая же молодая, как и девять лет назад, когда она впервые вошла в его дворец. Только, теперь Леши сделал ее злейшим врагом. Из сломанной и погибающей жертвы, Катарина превратилась в ослепительную красавицу, с тем же вызовом в глазах, что он так долго пытался подавить в ней.

Королева прошла мимо, не остановившись даже для того, чтобы поздороваться с супругом. Нарушая этикет, она первой подошла к епископу, растерявшийся было Ансельм, услужливо протянул Катарине ее сторону покрывала с реликвиями. Подоспел растерянный и смешавшийся Леши, дрожащей рукой он принял свою часть покрывала. С трудом справляясь с отдышкой король поднял глаза на Катарину и впервые сломался, встретив дерзкий взгляд

девушки. Красные пятна гнева пошли по лицу старика, он силился с собой справиться, но его страх увидели подданные, и по рядам придворных прокатился шепот. Шелест пересудов придворных, напоминал шум листвы, потревоженной порывистым ветром осени. Женщины завистливо смотрели на помолодевшую королеву, а кавалеры не могли отвести глаз от ее точеной фигурки, затянутой в черный бархат, и красной розы, кровавым пятном рдевшей на высокой груди.

— Вы сегодня ослепительны! — выдавил из себя Леши, едва шевеля бледными губами.

Мысль короля лихорадочно искала объяснение случившемуся, и не находила, что вгоняло Леши в бессильную ярость.

Королева молча поклонилась, в знак того, что приняла его комплимент. Все также не глядя на супруга, она протянула руку Кейсту, приглашая отца сопровождать ее в собор. Двор вновь зашелестел, ярость Леши, не могла скрыть даже через силу выжатая улыбка. Приходилось терпеть, скандал ему сейчас не нужен, а то так недалеко и до войны.

— Я все знаю. Почему ты мне не рассказала? — в полголоса спросил Кейст.

— Не сейчас, папа. Давай позже — отозвалась Катарина.

Кейст кивнул головой, он, как всегда, принял решение дочери, проявив отцовское терпение. В голове короля Караманта уже зрел план, который не предвещал ничего хорошего жителям Лампеды. Дочь видела, как сверкают его глаза при взгляде на Леши, и зная отца лучше, чем, кто либо, она понимала, что дни короля Лампеды сочтены, его ждет страшная участь, если Кейсту удастся разбить войско ее супруга.

Видел это и Леши, он кожей чувствовал, что это последние дни его спокойствия. В голове короля давно созрел план убийства Кейста. Все портило мерзкое чувство животного, необъяснимого страха.

Праздник увел мысли Леши от неприятной темы, все страшное осталось на потом, а сейчас приветствие жителей королевства, трепет двора перед престарелым монархом, и подобострастие церкви.

Празднование затянулось на неделю, жители королевства пели гимны в честь самого справедливого и миролюбивого короля.

Не дожидаясь окончания празднований Кейст отправился в Карамант, он очень сожалел, что не может взять с собой дочь. Катарина успокоила отца.

— Папа, я уже выросла и могу теперь за себя постоять. К тому же я не одна, у меня есть друзья, и человек, которого я люблю.

— Кто он? — удивился Кейст.

— Мой рыцарь, Тео — почему-то смущаясь ответила Катарина.

— Рыцарь? Кто он? — переспросил Кейст.

— Ты его видел сегодня подле моей кареты, он мне помог спуститься.

— Он же постельный гвардеец — удивился выбору дочери Кейст.

— Папа! — возмутилась Катарина.

— Он единственный кому я верю, и я... Я его люблю. Я впервые в жизни по-настоящему люблю.

— Это он за дверью?

— Да. Тот, что блондин. С кудряшками — уточнила Катарина.

— Ты меня удивляешь, Катарина, а Леши знает?

— Нет. Знают только Мадна и Марта, но они верные. Не предадут — улыбнулась королева.

— Чем же он тебя привлек? Ты королева, почему постельный рыцарь?

— Он удивительный. Тео мне вернул молодость. Папа, если бы ты знал, что это за человек. Он добрый и честный, умеет принимать и отдавать любовь. Таких нет в наше грязное время, он просто чудо какое-то — возбужденно сверкая глазами, щебетала Катарина.

— То есть, как, вернул молодость. Он, что колдун, или алхимик? — заинтересовался Кейст.

— Нет, ни то, ни другое! У него дар с рождения, ему дано возвращать молодость людям!

— Мне приходилось о таком слышать, но впервые столкнулся воочию. Я думал это досужие байки. Могу ли я с ним поговорить? — еще более заинтересованно спросил Кейст.

— Конечно папа, но он не знатного происхождения.

— Это не важно. Мне порядком надоели, самодовольные сынки придворных лизоблюдов. Хочу увидеть настоящее чудо — с улыбкой проговорил Кейст.

Королева позвала Тео. Смущаясь, юноша вошел в комнату, он робел перед известным родителем своей возлюбленной.

— Тео?

— Да Ваше Величество.

— Кто ты? Откуда родом? — спросил Кейст, вглядываясь в чистые глаза стражника.

Тео кратко поведал свою историю королю, голос юноши затих, в комнате повисло молчание. Король задумчиво уставился в пол перед собой, затем спросил.

— А мне сможешь помочь?

— А что с вами государь? — спросил юноша.

— Это я и сам хочу узнать — с усмешкой ответил Кейст.

— Попробую, но мне надо взять Вашу руку — неуверенно ответил Тео.

— Бери! — протянул иссохшую ладонь король.

Рука встретила руку, и по телу юноши пробежала дрожь, как от сильного озноба, он резко отдернул свою.

— Черное!!! Зло!!! Смерть!!! — проговорил он, падая в обморок, его глаза закатились, выставив жуткие бельма.

Резкий запах кипры привел юношу в чувства, король по-прежнему сидел в кресле, перед ним.

— Так, что там не так, Тео? — спокойно спросил Кейст.

— Не знаю, можно ли это говорит при Вашей дочери, Ваше Величество...

— Говори, мне нечего от нее скрывать — слова Тео обеспокоили Катарину, девушка посмотрела на Кейста, затем на юношу.

— Что, не так, с моим отцом? — спросила она, глядя с мольбой в глаза Тео.

— Его коснулось сильное проклятье. Зло за ним стоит, мне не подвластное. То, что в вас теплит жизнь и дает силы. Силы, которым нет объяснения. Оно ведет в темноту и рабство к... к... к Братьям.

— Что это такое, что за Братья? — удивленно спросила королева.

— Ты прав юноша — грустно ответил Кейст.

— Юноша ты действительно одарен. Я рад, что моя дочь встретила тебя. Если все получится как я задумал, я тебя отблагодарю — отрешенно закончил Кейст.

Король резко поднялся и уже собирался выйти, но на пороге остановился и порывшись в складках своего плаща вынул небольшую коробочку, и протянул ее Катарине.

— Ты знаешь, что делать! Если, что-то случится, дай мне знать! — он поцеловал

Катарину, и вышел прочь.

***

В походных муках пролетела неделя, спешка привлекала много ненужного внимания. Вчера Амадо заметил, что по его следу идут орки. Не те что кочуют по поверхности, а служители древних, орки с самых диких глубин Тенафара. От сородичей их отличала особенная уродливость, и жестокость, даже в сравнении со своими сородичами, они казались совершенными варварами. О их силе и мощи ходили легенды, в отличие от кочевых собратьев подземные орки знали кузнечное дело и носили отлично откованные доспехи и оружие. Сейчас его сопровождал отряд из орков и гоблинов. Разведчики, двигались очень тихо, но опыт человека позволил почувствовать то особое напряжение, что возникает в пустынных местах при появлении преследователей.

Иногда на пути попадались подземные звери, они уходили, не связываясь с путешественником. Родриго даже показалось, что он стал для них своего рода табу, кто-то запретил им вставать на его пути. Орки так и не решились напасть, из чего человек сделал вывод, что его вели до дороги на Иргам, но приказа нападать не последовало и наблюдатели растворились во мраке заброшенных подземелий.

***

В доме царил хаос, Эвелин громогласно командовала прислугой, не хуже бывалого десятника. Появление Амадо оказалось полной неожиданностью для всех, и в первую очередь для Эвелин, не зная куда деть кипучую энергию, женщина подняла на уши пол квартала. Ее радость вызвала смущение у порядочно одичавшего Родриго. На миг ему показалось, что Эвелин имеет куда более глубокие чувства, чем просто дружба, но подумав немного он отбросил всякие подозрения, списав ее волнение на привязанность к нему, как к части давно утраченного мира.

Едва он успел насладиться покоем, как пришло приглашение во дворец Рибигуда, пришлось тащиться на прием к старому злыдню.

Заметно постаревший Рибигуд сидел на троне, погруженный в свои мысли. Тяготы правления последних лет, оставили отпечаток на всем облике монарха. Недовольно подняв бровь, он уставился на Амадо, словно впервые видел человека, затем как будто очнувшись от мыслей проговорил.

— Приветствую тебя Вестник смерти! Удивительно, как вовремя ты умеешь появляться. Мне докладывали ты ходил в Старый город?

— Это правда Ваше Величество, мой путь проходил через мертвый город. Теперь же я вернулся, и, судя по всему, не опоздал.

— Не опоздал? Полагаю, спрашивать, что ты потерял в этой богом забытой дыре смысла нет? Ответа я не получу? — Амадо промолчал. — Я так и думал. Поэтому прямо к делу! Я тебя позвал не для того, чтобы любезностями обмениваться, мне нужна твоя помощь! Сразу оговорюсь, ты получишь хорошую плату если возьмешься исполнить мое поручение!

— Убивать никого не буду! — перебил Родриго, забыв об этикете, и нарушая все правила приличия.

— Да ты дослушай меня! — вскричал в отчаянии король. — Я тебе предлагаю работу непростую, но хорошо тебе знакомую, за пять тысяч золотых!

— Что Ваше Величество хочет? — с досадой в голосе спросил Амадо.

Вместо ответа Рибигуд поманил человека к себе, и когда Родриго подошел достаточно близко, протянул кусок пергамента.

Развернув записку, Амадо обомлел, глаза человека буквально полезли на лоб.

— Рибигуд ты в своем уме? Ты мне предлагаешь...

— Да тихо ты. Не ори. Чего разорался, иди за мной!

Малый зал оказался абсолютно пуст, придворные растворились в недрах подземного дворца.

— Назревает война, и мне нужно, чтобы правление Кейста Кровавого закончилось! — король гномов старался говорить, как можно тише, недоверчиво косясь на двери.

— Поэтому ты мне предлагаешь превратиться в банального наемника? — спросил с укором Амадо.

— Нет! Да! Да пойми же, то, что готовит этот гад куда серьезнее последней войны. Я не смогу спокойно править пока этот жадный ублюдок будет жив. Он почему-то вбил себе в голову, что Изумрудные холмы его наследство.

— Что тут скажешь блажь часто затмевает здравый смысл. В случае с обывателями она ведет к смешному, в случае с королями она несет большие беды. Таков удел королей, благородно красть чужие земли, жизни, свободу, и мы того не в силах переменить — с кривой улыбкой ответил Амадо.

Рибигуд поморгал глазами, глядя на гостя. Гнев клубился где-то в районе головы, но король, понимал, что наглость человека, стоящего перед ним, с лихвой покрывается пользой его услуг.

— Ну так помоги мне, человек! Вспомни, разве я, когда тебе в чем отказывал? Избавь помешанного короля от тягот земных забот — Рибигуд пылливо смотрел в глаза человека, сейчас гном потерял свое величие и надменность.

— Сам я этого делать не стану, но подумаю, что тут можно предпринять — ответил Амадо.

— Ладно человек, я тебе верю! Однако поторопись, у Иргамы слишком мало времени, помни об этом. А пока ступай! Я скоро тебя снова позову, и не исчезай на долго! — с Амадо вновь говорил король.

Лошадь уносила Кейста к границам Караманта, с собой король взял лишь несколько рыцарей, и их оруженосцев, всего десять человек. Остальное сопровождение следовало далеко позади. Кейст спешил к войскам, приходилось торопиться, он знал Леши, и его методы. Серьезная опасность нависла над жизнью его дочери.

До границы осталось совсем немного, когда его нагнали несколько рыцарей, лошадь пала сразу, стрела прошила ее шею. Всадники налетали на Кейста, в неистовом напоре рыцари стремились покончить с королем одним ударом. Вопреки ожиданиям убийц Кейст, успел достать притороченный к седлу полуторный меч. Через минуту пали двое преследователей, у одного Кейст отрубил голову коню, и животное кувыркаясь по инерции задавила всадника. Второму он успел, уходя от копья, отрубить ногу. Перерубив одним движением клинка, ребра лошади, и ногу всадника в бедре, распоров сталь доспеха как бумагу. Ремни, удерживающие седло, разошлись, рыцарь упал на землю хватаясь за кровоточащий обрубок.

Кейст подобрал копье, и швырнул снаряд в рыцаря, атаковавшего короля на полном скаку. Копье со свистом прошило тело нападавшего, вырвало рыцаря из седла, и пригвоздило тело к сосне. По пробитому насквозь стволу поползла трещина, одним лучом в землю, другим к кроне.

В течении получаса пали остальные убийцы, рыцари Кейста не оставили шанса никому. Королю подвели лошадь, и минуту спустя отряд продолжил путь в Карамант.

Тем временем во дворце Леши, творилось, что-то странное. Стражу вызвали для смотра, король лично проходил по рядам воинов. Сюда же, пригласили королеву, что прежде никогда не случалось. Леши прошелся вдоль длинного ряда стражников, и остановился напротив Тео.

— Хорошо ли справляется? Не слишком ли молод? — спросил Леши, у капитана королевской стражи Жака Мирандо.

Сердце Катарины замерло, болезненная белизна наползла на лицо королевы. Руки заходили ходуном, ноги подкосились, и если бы Марта не подставила хрупкое плечо, то королева рухнула бы на землю.

Появился Кьюзо, заматеревший, и еще более наглый чем прежде, он самодовольно посмотрел на Катарину. После возвращения короля из Лесного дворца, он занял пост отца, и теперь стал вторым лицом государства. За ним следовала орава негодяев, что часто навещали спальню королевы. Чувствовалось общее возбуждение, что-то готовилось.

Компания находилась на кураже, время от времени поглядывая на королеву, рыцари о чем-то перешептывались. Впрочем, Катарина за семь лет унижений привыкла не замечать шушуканий у себя за спиной.

Стражу распустили, кого в обход, кого в казармы, отдыхать. Королева успокоилась Тео ушел вместе со всеми. Ее тоже отпустили в покои, однако сердце Катарины чувствовало неладное, слишком довольно вели себя дружки Кьюзо, это не к добру.

Для себя Катарина решила, сегодня она даст бой насильникам, даже ценой собственной жизни. Больше она не позволит обращаться с собой как с портовой шлюхой, она не игрушка, даже в руках короля.

Наступил вечер, багровое зарево окрасило горизонт, в дверь тихонько постучали,

Катарина настороженно прислушалась и спросила.

— Кто там? — голос девушки непроизвольно задрожал.

— Это я Ваше Величество, Марта. Бегите, во дворце что-то готовится, и боюсь что... — голос служанки оборвался.

Послышался стон, а затем хрип, из-под двери в комнату потекла багровая жижа. В дверь ударили, дубовая створа выгнулась, но выдержала напор. Затем последовал еще более сильный удар, потом удары посыпались один за другим. Дверь с грохотом распахнулась, на пороге стоял Кьюзо и его компания.

— Ну, что малышка Кати, ты готова, к веселью? Знаю, в тайне ты этого хочешь! Ты любишь, когда я к тебе прихожу. Любишь пожестче! Грязная потаскуха! Ты для меня так похорошела? Признайся, что ты уже истомилась по моей твердой руке? Не бойся, прежде чем мы тебя пустим по кругу... — он мечтательно улыбнулся. — Слушай, а щель у тебя тоже заросла — компания весело заржала.

— Можешь не отвечать, мы скоро это проверим! А сейчас позволь тебе представить нового участника нашего праздника — в комнату кого-то заволокли, королева с содроганием смотрела на изуродованное тело.

Она плохо разбиралась в анатомии, но в данном случае совершенно точно могла сказать, что руки и ноги человека переломлены в нескольких местах. Катарина посмотрела на Кьюзо, с немym вопросом.

Умберто поднял за волосы голову человека, и показал лицо. Катарина невольно отшатнулась, это..., это он, ее Тео. Она кинулась к нему, но девушку грубо отшвырнули, а юноше плеснули водой в лицо, он открыл бессмысленные глаза, и тут же застонал.

— Тео, прости меня — зарыдала Катарина.

— Не надо Черная роза. Не плачь. Я был счастлив с тобой... — его глаза закрылись, один из дружков Кьюзо ударил юношу по спине, резкий кашель забил его тело, усиливая и без того невыносимую боль.

Тео замер, Кьюзо привел парня в сознание, и на глазах у Катарины, не спеша, кастрировал. Двое держали королеву за руки, а третий не давал ей отвернуться, заставляя смотреть на муки Теодоро. Скабрзные шутки время от времени взрывали компанию безудержным смехом.

Катарину отпустили, и она кинулась на мучителей, ее подхватили и кинули на кровать, задирая подол платья к голове. Она вырывалась, но убежать сил не хватило, и прежде, чем ею сумели овладеть, она истошно прокричала.

— У меня будет ребенок!!!

Насильники застыли. Привычно напуганный Кьюзо, не знал, что делать, и минуту спустя куда-то убежал. Ее отпустили, и дали прикрыться, в помещении повисло тягостное молчание.

Она встала и подошла к Тео, слезы и стенания провалились наружу. Рыдания сотрясали тело девушки. Юноша находился в глубоком обмороке, не ощущая боли, и рук Катарины, которая гладила его голову и целовала синие губы.

Вскоре появился Лещи, он брезгливо, скривил рот глядя на истерзанные тела, лежащие под ногами.

— Не могли аккуратнее? — спросил он у Кьюзо, и не дожидаясь ответа продолжил.

— И так мне сообщили, что Вы моя дражайшая супруга решили меня одарить наследником?

— Да я беременна! — выкрикнула Катарина в лицо мужу.

Леши побледнел, и дал Катарине пощечину, девушка отлетела на стену.

— Врешь сука, ты не можешь понести! Ты пуста! Твой папаша солгал мне, обещая лучшую партию из всех, хотя я уже тогда мог взять в жены Гвинерву из Гонновира! У нее-то с родословной все в порядке, да и детей уже трое.

— Не веришь, урод, так позови лекаря! Пусть подтвердит мои слова — процедила Катарина, глядя с вызовом на старика.

Лицо короля перекошил приступ гнева, губы затряслись.

— Блудливая тварь, знаю я от кого этот крысеныш. Ты думала, что я не узнаю, что твориться у меня во дворце? Мне доложили о вас в тот же день, как ты потаскуха впустила этого ублюдка к себе в спальню — он пнул Тео. Затем закричал.

— Ажена ко мне, сию же минуту!!!

Тео пришел в себя, застонал. Леши в бешенстве выхватил из рук Кьюзо нож, и задрал голову юноши далеко назад, медленно начал резать шею. Помещение наполнилось булькающим хлюпаньем, глаза Тео открылись, и удивленно смотрели на Катарину. Она хотела помешать Леши, но не смогла встать, от удара короля у нее кружилась голова и подкашивались ноги.

Кьюзо и сообщники удивленно переглядывались, королева не плакала, не пыталась помешать Леши, она сидела на полу и отрешенно смотрела как жизнь покидает ее любовника.

— Этот выродок, отплатил мне черной неблагодарностью, за мою милость! Я его поднял из грязи, позволили приблизиться ко двору, и что взамен?! Предательство!

— За что? — неожиданно спросила королева, словно проснувшись.

— Что, за что? — не понимая переспросил Леши. — За что я этого выродка...

— Нет! За что ты меня так ненавидишь, я пришла в твой дворец юной и глупой, а ты меня сломал, растоптал гад!!! За что?!!! — начала она дрожащим от гнева голосом, переходя на крик, полный ненависти и презрения.

— Ты лишил меня близких, друзей, даже няньку и служанку убил, лишь мой отец тебе оказался не по зубам...

— Это ты, про своего папашу? Можешь забыть! Он уже мертв. Его тело скоро привезут во дворец! Так, что не жди помощи от своего папеньки! Тьфу! — сплюнул в сердцах Леши.

— Не верю — срывающимся на шепот, голосом, запротестовала девушка. — Я тебе не верю!!! Этого не может быть — она поднялась и прошла перед кроватью, затем резко остановилась и повернувшись к мужу прошипела.

— Я тебе отомщу, можешь мне поверить, я тебе отомщу — она рухнула на край постели, и беззвучно заплакала.

Леши удовлетворенно улыбнулся, наконец-то он ее сломал, теперь точно навсегда.

В комнату вошел королевский лекарь, он осмотрел Катарину, и дал неутешительный диагноз.

— В положении!

По приказу Леши все покинули покои Катарины, старый король подошел к девушке, поднял руку чтобы ударить. Она отшатнулась от него, и рука повисла в воздухе так и не нанеся удара.

— Что ж, наверное, это к лучшему. У меня нет наследника, но этот выродок не сядет на мой престол! Для тебя и для него лучше сегодня ночью умереть. Если завтра тебя найдут

мертвой, я похороню тебя как свою любимую супругу, а о ребенке никто не узнает.

— Если же завтра ты будешь жива, то по всему королевству станет известно о тебе как о прелюбодейке, и развратнице. Тебя же и твоего выродка я казню на Дворцовой площади. Сначала я его выну из тебя, а затем разорву твое тело на части. И все это медленно, при огромном стечении народа, под веселые выкрики и срамные шутки быдла.

— Выбирай, у тебя еще целая ночь впереди! А чтобы ты не скучала, вот, держи! — он поднял за волосы окровавленную голову Тео и швырнул на колени Катарины, она машинально обхватила ее руками.

— Утром пополню коллекцию головой твоего папаши — Леши подмигнул Катарине и вышел.

Двери закрылись, снаружи встала стража, окончательно заперев королеву в ее спальне.

***

Родриго собирался в путь, Рибигуд скрепя сердцем отпустил и его, и Эвелин, им предстояла длинная дорога в Алкмеи. Лефтерсис уже шутил, что скоро потеряет счет, тем кого ему пришлось приютить благодаря протекции Амадо. Уезжая, он пообещал Рибигуду вернуться как можно скорее. Эвелин тяжело переживала расставание с Маей. Обе женщины пришли друг другу по вкусу, особое отношение к миру сблизило их. Даже суровый Хельм прикипел к деятельной Эвелин, и прощаясь тепло пожелал счастливой дороги, а Родриго, впервые пожал руку.

Спустя два месяца, темный человек невысокого роста в сопровождении красивой женщины, сошел с корабля в порту Алкмей. На берегу их встретили несколько воинов, под надежной защитой двое путешественников прошли секретным путем во дворец Лефтерсиса. Василевс предпринял все возможное, чтобы скрыть факт прибытия опасного гостя, но эльфийская разведка давно имела доносчика в царском дворце. Поэтому от ее бдительного ока не укрылось появление главного преступника Эманторана.

Спустя час, Родриго пришлось вновь сесть на корабль, чтобы бежать, он едва успел увидеть Лафну и девочек. Оставив Эвелин на попечении старого друга, Амадо возвращался в Иргам, эльфы организовали погоню, но море в очередной раз спрятало человека.

***

Легкое прикосновение к плечу разбудило Маттейоса. Мальчик удивленно открыл глаза, предрассветный сумрак скрадывал очертания будившего. Перед глазами выросло довольное лицо Танаис, ее волосы, убранные в туго пучок на затылке, выбились у висков и щекотали лицо Маттейоса.

— Ты чего? — спросил он шепотом, боясь разбудить учителя Тартея.

Она поднесла палец к губам и испуганно обернулась на мужчину, но Тартей мерно сопел, лежа на циновке подле очага. Танаис махнула рукой, одновременно вытягивая мальчика из кровати, Маттейосу ничего не оставалось как подчиниться. За четыре года он привык к ее авантюрам, и несмотря на то, что по итогам их общих приключений, страдал именно его зад, Маттейос никогда не мог отказать Танаис.

— Ты чего опять затеяла? — спросил он громким шепотом, когда они оказались за пределами дворца, на тайной пристани.

— Ты забыл? — ответила девочка, нетерпеливо поджимая губки.

— Что забыл?

— Мы с тобой собирались на Аттенаи, когда придет Весенняя луна.

— Ты сумасшедшая — улыбнулся мальчик. — Это же Аттенаи! Там пропадали лучшие

ВОИНЫ...

— Трусишка — вызываяще глянула Танаис на юношу.

— Сама ты... Дура — вспыхнул Маттейос.

— Трусишка — протянула девочка и звонок рассмеявшись побежала вдоль пирса к одинокой лодчонке, притулившейся у дальнего края.

Бирюзовая вода задумчиво плеснула на край искусственного берега, мокро облизывая розовый мрамор. Маттейос побежал следом, не желая уступать заносчивой девчонке, она первой добралась до суденышка и с размаху прыгнула в него. Лодка закачалась, погружая углые бока в соленую воду и едва не черпая ее. Ловко перехватив весло Танаис, оттолкнулась от пирса, и суденышко плавно отчалило, оставляя за собой широкий след. Не сбавляя хода Маттейос прыгнул следом, но промахнулся и с размаху плюхнулся в воду, рядом с лодкой. Ворох брызг окатил девушку, она тонко взвизгнула, и громко хохоча протянула весло. Рассерженный Маттейос дернул за него, и Танаис вывалилась в море, потопив под собой мальчика.

Забрезжил рассвет, играя первыми лучами на мелкой волне.

— Какой красный — Танаис ткнула пальцем в горизонт.

— К ветру — отозвался Маттейос, замороженно глядя как красный диск выползает между морем и небом. — Надо бы перекусить...

— Уже устал?! — тут же поддела его Танаис.

— Сама попробуй! — возмущенно начал мальчик, затем смягчившись добавил.

— Столько уже гребем.

Девушка засунула руку под кормовой отсек, и немного погода выудила сверток, в котором оказались несколько яиц, полоски вяленного мяса, кусок сыра и четыре лепешки.

— И это все?! — возмутился Маттейос. — Нам двое суток придется обходиться без слуг, и это все, что ты взяла?

— Да тут на неделю, если аккуратно... — попыталась оправдаться Танаис.

— Аккуратно?! Так и признайся, что хозяйка из тебя никудышная!

— Ну, а что же ты сам ничего не приготовил?! Ждал пока никудышная все организует — возмущенно окрысилась девочка.

— Я мужчина, воин, и не мое дело ковыряться с припасами на кухне! К тому же ты сама взяла на себя роль командира — язвительно парировал мальчик, протягивая дрожащую от усталости руку к куску вяленного мяса.

Танаис надулась, и слегка поковырявшись в припасах, отсела на корму. Лодку несло течением к мрачному архипелагу, острова, как всегда, скрывал туман, который неожиданно поглотил их углое суденышко, заставив Маттейоса отложить еду и снова взяться за весла.

С резким шелестом нос судна врезался в мелкий галечник, пологого берега Аттенаи.

— Мы на месте — почему-то шепотом предупредил Танаис мальчик.

— Знаю — также шепотом ответила девочка.

Спустя полчаса они спрятали лодку и организовали небольшое лежбище, между огромных валунов. Они закончили приготовления как раз к моменту, когда высоко поднявшееся солнце съело последний клоч тумана. Оставалось дожидаться ночи.

В бок, что-то больно ткнуло. Маттейос открыл глаза, и не сразу сообразил, где он находится. Нежная рука закрыла ему рот, готовый извергнуть возмущения.

— Луна взошла — почти бесшумно прошептала девушка, приятно щекоча ухо.

Мрачный остров осветился призрачным сиянием, камни, покрытые густой росой,

засверкали множеством оттенков. Безоблачное небо украшал желтый диск луны, проложивший колышущуюся дорожку света далеко к горизонту, поверх морской глади.

— Ничего не происходит — прошептал в ухо Танаис мальчик.

Девочка зажмурилась и весело глянула на Маттейоса.

— Подожди, сейчас... Мне Менелай говорил, что они не сразу выходят... — она не успела закончить.

Вода подле берега вскипела, и на каменную отмель вышли несколько рыболодов. Их чешуя переливалась, соперничая блеском с лучшими образцами драгоценных камней, что прославили род подземных трудяг.

— Ого — выдохнула девочка, и тут же закрыла рот рукой.

Рыболоды разошлись в стороны создавая замысловатый геометрический рисунок на прибрежной гальке. Самый маленький из них, с огромным красно-синим гребнем над головой, сложил перепончатые руки в замысловатую фигуру, и поднеся к зубастой щели, что служила ему ртом, издал долгий, высокий крик. Очень схожий с тем, какой издает раковина рыбаков Крефейского побережья. Только этот крик казался намного сильнее. Несколько минут ничего не происходило, затем над пляжем повисло низкое гудение, плавно перешедшее в неразборчивое пение. В низкий звук вклинились высокие ноты, затем сменив его окончательно. Изящные рыбоженщины появились точно из неоткуда, легко касаясь гальки они сошлись в центре странного рисунка, начертанного на берегу. Высокие голоса возносились в лунное небо, а гладкая, точно покрытая маслом чешуя заходила на сильных телах, переливаясь всеми цветами радуги. Игра лунного света на чешуе придавала движениям танцовщиц плавность набегающей морской волны, превращая рисунок танца в удивительные кружева, застывавшие на секунду, чтобы следом расплескаться по сияющему берегу.

На глубине, в двадцати метрах от берега, рыболоды, оседлав дельфинов, выпрыгивали из воды. Кувыркаясь в воздухе, они возвращались с пенящимся плеском в морскую пучину.

Песня оборвалась на высокой ноте, повисла тишина. До слуха долетел скрип, перемежавшийся гудением. Глядя на происходящее Маттейос почему-то, не сомневался, в том, что маленький с огромным гребнем толкает речь перед соплеменниками.

Рыболод замолчал, и секунду спустя раздался оглушительный крик. Море вскипело и сотни тел ринулись к танцовщицам, откуда-то потекла пронзительная музыка. Берег заблестел чешуей и кожей всех оттенков, тела существ сплелись в непристойном танце.

Луна начала клониться к горизонту, утомленные рыболоды расползлись по пляжу и разбившись на небольшие группы продолжили танцевать. Сплетая гибкие тела, они замирали на секунду, а затем рассыпались на отдельные пары. Время от времени один из танцоров выскакивал в центр и тела соплеменников окружали его плотным кольцом, скрывая то, что происходило внутри круга.

— Что они делают? — удивленно спросил Маттейос.

— А ты не понимаешь? — язвительно ответила Танаис, и ехидно улыбнулась.

— Нет — искренне недоумевал мальчик.

— Ты что маленький? — с нескрываемым разочарованием спросила девочка.

— Почему? — смутился Маттейос, он начал догадываться, о чем ему говорит Танаис.

— Они делают маленьких рыболодов, помнишь, как Тася...

— При чем здесь наша собака?! Да, что ты со мной как с маленьким! — возмутился мальчик, забыв об осторожности. — Я если хочешь знать уже давно делаю это —

многозначительно нажал он на слово это.

— Врешь ты все — злорадно улыбаясь подначивала мальчика Танаис.

— А вот и не вру! — расходился все больше Маттейос.

— И с кем? — сощутив глаза спросила Танаис.

Крики детей привлекли внимание нескольких амфибий, скромно сторонившихся общего праздника. Вытаращив огромные глаза с золотистой радужкой, они подошли к месту, где укрылись маленькие авантюристы.

— Беги! — крикнул Маттейос, выскакивая навстречу вдвое превосходящим по силе, и росту врагам.

Его махайра скользнула по копыю одной из амфибий, острое как бритва лезвие копыя, второго рыболода, легко распоролу ногу мальчика. Он упал на спину, и схватив горсть камешков швырнул в глаза нападавшим. От неожиданности амфибии прикрыли морды перепончатыми лапами, и отступили на шаг, а Маттейос успел отползти за ближайший валун. Возня привлекла внимание рыболодей. Несколько воинов подбежали к месту схватки, и втягивая отверстиями, на жутких рыбьих головах, воздух, рассредоточились по пляжу.

Кровь хлестала из раны с идеально ровным краем, так, что Маттейос уже через несколько минут почувствовал головокружение. Ноги сделались ватными, а во рту появился неприятный привкус. Он успел отползти под замаскированную лодку, где попытался перетянуть раненную ногу. Время от времени, скрепя галькой, мимо проходили рыболоды. На суше они видели хуже, чем в воде, это, наверное, и спасло его. Кровь успокоилась, сердце сбавило обороты, и тогда Маттейос вспомнил о Танаис.

Он попытался выползти из-под лодки, но силы совсем покинули тело мальчика. Кто-то пробрался в его убежище, но навалившаяся вялость сделала Маттейоса равнодушным. Руки с трудом сжали рукоять махайры, теплая кожа коснулась его кисти. Он закрыл глаза, из последних сил стараясь справиться с отупляющей дурнотой.

— Это я — почти бесшумно прошептала Танаис, испуганно заглядывая в лицо мальчика.

Снаружи смолкло веселье, в утреннем тумане повисла тишина всеобщего отдохновения. Танаис выглянула из-под лодки, всюду куда хватало глаз лежали рыболоды. Они отдыхали после тяжелой ночи, расположившись там же, где еще совсем недавно танцевали.

Стараясь не шуметь Танаис скинула с лодки водоросли. Рискуя привлечь внимание рыболодей, она тащила судно к воде, громко скрипя днищем о гальку. Утренний туман мешал точно определить правильное направление, поэтому девочка несколько раз едва не налетела на тела спящих врагов. Волна лизнула ее ноги, накинув петлю на валун Танаис закрепила лодку, чтобы ее не унесло в море. И побежала к Маттейосу.

Тащить вялое тело оказалось куда тяжелее нежели лодку. От напряжения девочке казалось, что вокруг что-то движется, легко шурша галькой. Снова край берега, она растерянно огляделась. Вот валун, а где же лодка? Танаис решила, что сбилась с пути из-за тумана. Опустив Маттейоса на гальку, она легко побежала вдоль края воды, но лодки нигде не было.

— Да нет же. Не может быть. Она должна быть здесь. Я не могла ошибиться — страшная догадка пробила ее ознобом.

Танаис кинулась обратно, туда, где оставила раненного друга. Не доходя до места, два десятка шагов, она, в просветах рваного тумана заметила тень, склоненную над телом

мальчика. Тонкая ладонь сжала резную рукоять широкого кинжала, а ноги пружинисто понесли ее легкое тело к противнику. Поражаясь ловкости и тишине, с которой, она перескакивала с камня на камень, девушка набросилась на склоненную тень. Невероятно мощный удар отбросил ее в сторону, тут же прижимая к земле, и отводя клинок в сторону. От удара вышибло дыхание, а сильная рука зажала раскрытый в немом крике рот.

— Не шуми — прозвучало прямо над ухом.

Сбоку, тихо шурша камнем, подошла еще одна тень, замотанная в красный плащ.

Лодка с тихим шелестом отчалил от злополучного острова. Танаис сжималась под тяжелым взглядом Лефтерсиса.

— Кто это придумал? — спокойно спросил василевс.

— Я — едва слышно прошептала Танаис.

— Я так и думал — отозвался царь. — Ну теперь ты видишь, к чему приводят необдуманные решения? — также спокойно спросил он, не спуская жесткого взгляда с девочки.

— Я не хотела — всхлипывая произнесла Танаис. — Я... Я хотела только посмотреть... Я не думала... — слезы потекли из глаз девочки, она засопела и отвернулась, стараясь спрятаться от осуждающих взглядов воинов Лефтерсиса.

На дне лодки лежал Маттейос, его бледное лицо походило скорее на лицо покойника, чем на раненного способного выжить.

Из воды показались плавники, они быстро приближались к лодке, воины бросили весла, и встав по краям судна, выставили копья, прикрывая тела круглыми щитами.

Атака началась неожиданно, рыболоды выскакивали из воды, стремясь попасть в лодку, но точные удары копий отбрасывали их обратно в море. Вода вокруг судна кипела, пенясь кровавыми бурунами. Вскоре появились акулы, и рыболодам стало не до суденышка.

Лефтерсис потерял двух воинов, но детей удалось сохранить невредимыми.

Катерион, старый вояка, сидел рядом с девочкой заливая палубу кровью. Расползшаяся рана на груди и животе, страшно обнажала исполосованные внутренности. Дыхание воина становилось все более прерывистым, Танаис с ужасом наблюдала за агонией умирающего человека.

— Ведь это я его убила — внутренне сжимаясь подумала девочка. — Он был бы жив, если бы я не нарушила правила — перед глазами пробежали тренировки Катериона. Вспомнились грубые шутки старого воина, и их совместные игры с Маттейосом.

Она часто дышала, хватая ртом воздух, и не сводя глаз с умирающего Катериона.

Лефтерсис взял ее за руку, Танаис вздрогнула и попыталась отстраниться, мужчина крепко обнял ребенка, не давая девочке вырваться.

— Тихо, тихо. Танаис успокойся — мягко приговаривал василевс. — Это жизнь, ты не виновата в его смерти. Он воин, смерть в бою его судьба. Путь, который он выбрал для себя сам. А вот наследника царского рода все-таки нужно беречь, у меня не так много детей, чтобы я мог проститься с единственным сыном — Лефтерсис улыбнулся Танаис.

На нее навалило совершенно незнакомое чувство, чувство всепоглощающей любви и защищенности. Ее простили и теперь она готова отдать жизнь за Маттейоса, его отца и мать, за Алкмеи.

На пирсе их встречала София, причитая, и заливаясь слезами мать склонилась к бледному телу сына. Лефтерсис строго настроено запретил Танаис рассказывать, кто затеял эту поездку. Позже, когда Маттейос пришел в себя, он также выгораживал Танаис, доказывая

матери, что поездка на Аттенаи его затея.

Позже служанка Хилена, рассказала Танаис о том, как София обнаружила их пропажу. Точно предчувствуя беду, женщина потребовала от Лефтерсиса, чтобы он отправил воинов на Аттенаи. Особенно Танаис запомнился пересказанный служанкой разговор Софии с царем.

— Помнишь, что ты мне обещал?! — требовательно спросила София у супруга.

— Да, помню — раздраженно ответил василевс.

— Я впервые за все эти годы прошу ... нет я требую, чтобы ты выполнил данное мне обещание — прошипела София, безумно глядя на Лефтерсиса.

— Я дал слово, что никогда более не отправлю на Аттенаи ни одного воина. Ты же сама знаешь, что творилось до мирного договора с Аквами — попытался достучаться до разума женщины царь.

— Он твой сын! Единственный наследник! — вскричала София. — Ты мне клялся, что никогда я не узнаю горя, рядом с тобой! Так исполни хотя бы то не многое, что можешь! — снова вскипела царица.

— Я тебе обещал, и я сдержу свое слово — дрожащим голосом проговорил Лефтерсис. — Успокойся женщина, и иди к себе. Утром я верну нашего сына. Сейчас мне надо идти, лодка уже ждет. Утром вернусь — царь отвернулся и не прощаясь с женой пошел на пирс, где уже стояла снаряженная лодка с десятком отборных бойцов.

После случившегося Танаис вынесла одну простую истину, что любое действие несет за собой последствия. И чем выше наше положение в обществе, тем выше плата за ошибки, которые мы допускаем.

Не в первый раз Лефтерсис вынуждено выбирал, между интересами своего рода, и интересами города.

Две недели спустя, после тайного разговора Амадо и короля Иргам, в Лампеду отправился купеческий караван. Среди прочего он вез секретную депешу для Саймона Чилиади главы богатейшего рода Караманта. Рибигуд возложил опасную миссию на проверенного во многих ситуациях Крамвуда Доварда. Итоги встречи оказались на удивление впечатляющими. Неожиданно Иргам обрел сильного сторонника среди самых близких подданных короля Караманта, и военная авантюра Кейста начала разваливаться. По различным причинам военная компания против Иргам постоянно откладывалась, то неурожаи, то поветрие, то еще какая-либо причина разрушала захватнические планы короля. Регулярные доклады главы королевского совета Саймона Чилиади, не радовали, показывая постепенный упадок королевства. Надежды на получение средств для ведения войны с гномами от Лампеды, оказались иллюзией. Брак Катарини не принес желаемого наполнения казны, или пополнения войск за счет рыцарей соседа. Довольно скоро пошли слухи о странной болезни Кейста. Злые языки поговаривали о проклятье семьи Урбино, намекая на то, что король унаследовал болезнь деда, Ковельта Прокаженного. В королевстве зрело недовольство, деньги гномов сделали свое дело.

***

Коробочка темного дерева, внутри скрывала дорожку из букв и цифр. На дорожку опустилась крохотная капля серебристого металла. У королевы оставалась призрачная надежда, что Леши соврал ей про гибель отца. Внутреннее чутье подсказывало Катарине, что на другой стороне ее услышат.

Мелодия полилась из шкатулки, Кейст подошел к столику из полированной яшмы и протянул руку, крышка с мягким щелчком откинулась. Он капнул серебристым металлом на желобок. Капля вздрогнула и побежала по шкале из цифр с одной стороны и букв с другой, время от времени замирая. Перо закрипело, выводя слова.

Катарина двигала каплю по желобку, касаясь металла булавкой напротив нужных символов, от прикосновений капля начинала ритмично вибрировать. На той стороне, в таком же порядке перемещалась капля в шкатулке Кейста, останавливаясь и колыхаясь против знаков, несущих послание от дочери короля.

Дверь тихо скрипнула, треугольник света исчез, темнота окружила Катарину густой пеленой, даже звуки шагов казались приглушенными. Фитиль нехотя занялся, желтое пламя поднялось к невысокому потолку, оставляя на поверхности жирный, черный след. Вокруг стоял затхлый воздух, ни одно дуновение, не поколебало пламя свечи.

Узкий коридор петлял между этажами, отражая гладко отполированными стенами слабый свет. Иногда поверхность искажалась прямоугольными пятнами дверей.

— Пятая, эта, та, что нужна — считала про себя Катарина.

Давно, в те годы, когда она только вышла за Леши. Одна старая фрейлина, позже исчезнувшая вместе с остальными сторонниками королевы, рассказала ей о потайном проходе. Незаметная панель, располагалась прямо за изголовьем мощной кровати, что стала ее супружеским ложем. С мягким щелчком она отворялась при нажатии нужной комбинации узоров, которые украшали резную панель. Кто-то, явно зная о проходе, поставил кровать так, чтобы без посторонней помощи им нельзя было воспользоваться. Положение спасла обычная безалаберность слуг. Спинка ложа, закрывала панель лишь на две трети, ее

ширины. Тонкий стан королевы без труда проскользнул в открывавшийся просвет. Не раз Катарина пользовалась этим ходом, чтобы выбраться из дворца на встречу с поклонниками.

Сегодня этот путь мог послужить для спасения ее жизни, но Катарина решила иначе. Она осторожно прислушалась к звукам за дверью, редкие всхрапы нарушали ночную тишину.

— Спит — определила Катарина. — После всего, что он сделал, старый урод, лег и спит.

Гнев захлестнул девушку, горло перехватило, а тело мелко затрясло. Слегка фыркнув, отошла панель, открывая проход в роскошно обставленную комнату.

Свет от лампы указывал место молельни. Несколько лет назад, она сюда заходила. В то время Леши еще пытался осчастливить королевство наследником, с тех пор мало, что изменилось. Удивительно как консервативны старики. Годами сохраняют сложившийся уклад, даже если это приносит неудобства, злорадно подумала Катарина.

Где-то впереди послышался всхрап, за закрытой дверью звякнул металл, стража не дремала.

Едва дыша, королева двинулась к ложу Леша, пол предательски поскрипывал, но король спал крепко. Раскинув руки, он лежал на кровати, громко втягивая воздух широко открытым ртом. На несколько секунд храп прервала задержка, после которой король всхлипнул и вновь громко захрапел.

Катарина постояла подле кровати внимательно глядя на помятое годами лицо супруга, сейчас расслабленное и оттого казавшееся менее старым. Ее рука сама потянулась к подушке, упавшей на пол. Решительно навалившись на тело мужа, Катарина прижала всем весом подушку к лицу Леша. Звук затих, руки короля спорадически хватали воздух, ноги барахтались, застревая в одеяле. Тело изогнулось, пытаясь избавиться от Катарина. Сильный толчок едва не скинул легкое тело девушки. Королева, задыхаясь от усилия прижимала подушку к лицу ненавистного старика. Острая боль в боку на мгновение ослепила ее, дыхание сбилось, силы разом покинули тело. Непривычно холодное ощущение под сердцем, сменилось растущей огненно-горячей болью. Красная лужа растеклась по шелку простыни. Снова острая боль, Катарина с удивительной отстраненностью пыталась определить источник боли. Скосив глаза, она увидела руку Леша, сжимавшую перекрестье кинжала, полностью погруженного в ее тело.

Голова закружилась, в глазах потемнело, стараясь не отпустить подушку королева продолжала наваливаться всем весом на голову короля. Брыкания Леша стали решительнее, Катарина все более смещалась в сторону. С нарастающим чувством отчаяния девушка старалась вернуть ослабевшее тело на подушку.

Левая рука старика схватила горло Катарина, сбоку, под подушкой, послышалось натужное дыхание. Еще мгновение, и старый козел вырвется. Перед глазами замелькали, неизвестно откуда взявшиеся руки, они оторвали сведенные пальцы короля от горла Катарина. С другой стороны, кто-то отвел правую руку Леша в сторону, не давая наносить удары стилетом. Преодолевая тягучую одурь, Катарина вернула подушку на лицо супруга, он что-то замычал, стараясь прокричать призыв страже. Размазывая кровь по лицу мужа, королева повернула его голову и накрыв подушкой повалилась сверху. Король еще несколько раз дернулся, но уже заметно слабее, прошла еще минута и Леша затих.

Полумертвая Катарина лежала сверху, продолжая заливать кровью подушку. Руки Леша безвольно упали на шелк простыней. Тонкая, женская кисть коснулась шеи девушки.

— Она еще жива! Отнесите ее в спальню, и приставьте охрану! — громко приказал

немолодой, но все еще звонкий голос женщины.

Сильные руки подхватили Катарину, и вынесли из покоев короля. Женщина откинула подушку с головы Леши. Искаженное страданием удушья, лицо короля посинело, широко открытый рот так и остался сведен судорогой в попытке сделать последний глоток воздуха.

— Вот и все, Леши. Прощай мудрый король, плохой полководец, и ужасный муж — подушка вновь легла на лицо монарха.

***

Солнце еще не взошло, тяжелый туман клоками опускался на мокрый камень мощенной улочки. В дверь кто-то грубо постучал, подождав немного постучали снова. Нехотя, карлик слез с широкого сундука. С трудом ковыляя затекшими от неудобной позы ногами, Крапор прихрамывал из-за разности длины конечностей, карлик добрался до двери. Стук становился все настойчивее, это вызывало дикое раздражение в душе торговца, но природное любопытство и жадность требовали узнать, кто так настойчиво привлекает его внимание.

— Кто там? — раздраженно крикнул карлик.

Семипалая рука сжимала кисточку шнура, ведущего к колокольчику в доме капитана городской стражи. Крапор знал, что стоит ему позвонить, как напротив откроются широкие створы караульной и в его распоряжении окажется два десятка стражей. Поэтому присущий всем торговцам страх ночных визитов, никогда не посещал уродливого коллекционера редкостей.

— Господин Крапор, это Родриго Амадо! Позвольте мне войти!

— Ох... Как же вы неожиданно господин Амадо! Я едва не пригласил стражников присоединиться к нашей беседе — приговаривал торговец, ощущая то приятное чувство радостного нетерпения, которое возникает перед хорошим кушем.

Заскрежетали засовы, зазвенели цепи, и мощная дверь с тихим скрипом распахнулась перед ночным посетителем.

— И так, чем обязан? — с нетерпением поинтересовался Крапор, с нескрываемым интересом изучая давнего знакомого.

Торговец предложил Амадо присесть в удобное кресло в дальней комнате, заваленной рулонами еще не прочитанных манускриптов. Сам хозяин опустил уродливый костяк в кресло напротив, и замер, ожидая продолжения. В воздухе витала, едва заметно клубясь, книжная пыль.

— У меня к вам предложение уважаемый господин Крапор — негромко проговорил Амадо. Пронзительно посмотрев при этом, торговцу в глаза.

— Слушаю — с еще большим нетерпением подбодрил собеседника Крапор, нутром чуя выгоду.

— Для меня крайне важна приватность нашей сделки. Другими словами, никто не должен знать, о содержании нашей беседы — с расстановкой произнес Амадо.

Крапор молча кивнул головой в знак согласия, затем видя сомнение ночного посетителя, произнес. — Смелее дорогой мой друг, не стоит сомневаться в силе моего слова. Поверьте, секретность в моих собственных интересах, поскольку тишина, хорошо способствует развитию дела. Я более клиента заинтересован в сокрытии информации. По сути, дело, что мне приходится вести, редко следуют букве закона.

— Что же, я вам верю, но учтите информация о том, что я вам сейчас предложу, в случае разглашения, может стоить вам жизни.

— Да, я понимаю — произнес Крапор, мигая небесно-голубыми глазами, выпученными

настолько, что казалось они вот-вот выпрыгнут и отправятся по своим делам.

— Я хотел бы кое-что оставить у вас на хранение. За оказанную услугу вы получите сто золотых, и в довесок вот это — на стол упало кольцо редкой красоты.

Изумруды засияли подобно звездам, в приглушенном свете сальной свечи. Глаза Крапора заблестели в ответ. Рука жадно протянулась к украшению, легкая дрожь сделала движение не точным, кольцо вывернулось из-под пальцев торгаша. Нетерпеливо сопя Крапор схватил кольцо, и протянул его к свету.

— Какая удивительная работа! Кто это сделал? Не узнаю стиля, откуда оно? — торгаш поднял вопрошающий взгляд на Амадо.

— Из далека. Боюсь вам ничего не скажет название того места откуда прибыло это украшение.

— И за что мне такие подарки? — насторожился коллекционер.

Вместо ответа Амадо снял с пояса сферу, и положил ее на пол. Затем склонился над вещицей, и принялся производить с ней какие-то манипуляции. Торгаша от любопытства аж зазнобило, он вскочил с кресла и встал за плечом Родриго, стараясь не упустить ни одного движения посетителя.

Амадо резко выпрямился и отошел в сторону, сфера выросла в размерах, превратившись в круглый сундук. Открытый от удивления рот Крапора захлопнулся с лязгом стукнув зубами. Родриго подошел к сундуку и приложил палец, поместив его в специальную выемку. Мелодично пискнув, сфера раскрылась, испуская мощный поток света. Крапор попытался заглянуть внутрь, но посетитель отстранил торгаша в сторону, и склонившись над сундуком, принялся что-то искать в его недрах. Прошло немало времени, прежде чем он вновь выпрямился, вытаскивая небольшого размера стальной брусок. По поверхности, черного как уголь, прямоугольника, постоянно пробегали яркие огоньки, складываясь в причудливые узоры. Завороженно глядя на вещицу Крапор, спросил.

— Что это?

— Это вещь, которую вам уважаемый Крапор предстоит сохранить до моего прихода. Когда-нибудь я вернусь и попрошу отдать ее мне. От вас требуется спрятать предмет как можно дальше, и забыть о нем. Если вы согласны, то я прямо сейчас передам вам золото, и кольцо, которое смею вас заверить стоит много больше, чем сто золотых.

— Да! Конечно! — торопливо ответил коллекционер.

— Ну и славно, тогда вот ваше золото — Амадо протянул тугой кошель, Крапор едва взглянул на деньги, все его внимание сосредоточилось на необычной вещице, что ему предстояло хранить.

Принимая ее из рук владельца, торгаш с удивлением заметил, что она едва заметно вибрирует, и испускает приятное тепло.

— А что это? С чем я буду иметь дело? — не скрывая любопытства спросил Крапор, вертя так и сяк необычную коробочку.

— Вам это знать не нужно. Поверьте, чем меньше вы знаете, тем меньше опасность, в первую очередь для вас. Сохраните ее до моего возвращения, и тогда увидите своими глазами, что скрывает эта коробка.

Сундук вернулся к исходному размеру и исчез на поясе Амадо. Вопреки сложившейся традиции, заканчивать их редкие встречи интересной беседой, в этот раз человек вышел из лавки, не проронив более ни слова.

***

Прочитав послание Кейст оторопел. Катарина шла на смерть. Несколько раз он пытался передать ответ, обещая скорую помощь, но капля так больше и не дрогнула, Катарина не ответила.

Не в силах принять известие, Кейст шагал по комнате, изредка поглядывая на шкалу. Напряжение мысли остановило сознание, и в голове прозвучало.

— Иди в склеп! — приказал властный голос, и в этом приказе прозвучало нечто, что не позволяло его послушаться.

Мрачный склеп, еще более жуткий ночью, совсем не пугал Кейста, наоборот, здесь он чувствовал себя точно вернулся домой. Позади слышались шаги, в круге света показался Терис, летописец встал как вкопанный, испуганно вытаращив глаза на короля.

— Вы тоже это слышали Ваше Величество? — спросил он возбужденно.

— Что ты тут делаешь? — раздраженно ответил вопросом на вопрос Кейст.

— Меня послали передать Вам это — Терис протянул густо исписанный листок.

Кейст пробежал глазами вычурные символы, ничего похожего он ранее не встречал, подняв глаза на Териса король раздраженно спросил.

— Что это? Что я должен с этим делать?

— Читать! — ответил Терис изобразив подобие улыбки.

— Как? Я не знаю этого языка! Ничего не понимаю — ответил король, удивленно глядя на летописца.

— Вы уверены, в том, что не знаете его? — лукаво улыбнулся Терис.

— Да... — он оборвал фразу на полуслове, неожиданно символы обрели звучание и смысл. Язык звучал резко, даже где-то грубо, с большим количеством шипящих, и твердых согласных.

— Это заклинание? — спросил Кейст.

— Не совсем. Это портал, для энергии. Энергии, что позволит поднять армию! Армию мертвых! — торжественно произнес Терис.

— Но зачем? У меня есть войска. Некромантия никогда меня не интересовала...

— Вы хотите спасти дочь?

— Откуда ты знаешь, о моей дочери? — возмущенно выпалил король.

— Они знают все, о Вас, обо мне, обо всем, что твориться в этом мире. У них здесь много соглядатаев. Я же проводник их воли, и сейчас они через меня протягивают Вам руку помощи — мягко проговорил Терис, преданно глядя на короля.

— Так вы хотите спасти Катарину?! — повторил свой вопрос летописец.

— Да!

— Тогда читайте!

Через минуту в помещении зазвучали чуждые этому миру слова, они разрывали саму гармонию мира, несли разрушение и гибель всему живому. Голос умолк, в наступившей тишине, вспыхнуло пятно, прямо в воздухе перед королем. Пятно расширилось пока из него не начала струиться темная субстанция. Маслянистыми потоками она втекала в короля. Кейст словно в полусне, уставился невидящими глазами прямо перед собой. Как сомнамбула, монарх двинулся вдоль рядов каменных саркофагов, касаясь, теперь уже истекавшими из его рук черными потоками, поверхности каменных гробов.

Пройдя длинный коридор, Кейст вышел на городское кладбище. Из мрачных глубин склепа за ним вереницей шли поднятые мертвецы. Жуткая процессия прошла во дворец короля, насмерть перепугав стражу и слуг.

В конюшне Кейсту подвели лошадь, но скакун отказывался подчиняться, сколько конюхи не бились, так и не смогли смирить животное.

— Что за... — удивился Кейст.

Конюхи в страхе разбежались, а брошенная лошадь, с громким ржанием умчалась прочь. К королю подошел скелет в старинной броне, он подвел двух скелетированных скакунов. Кейст с интересом осмотрел лошадей, сейчас, когда мертвый рыцарь подвел животных ближе, король увидел, что это не скелеты, а похожие на них подобиya лошадей. Жгуты костяных переплетений вились, скрывая что-то внутри. Великолепное седло незнакомой конструкции, казалось приглашало сесть в него. Проеденная ржой стальная перчатка разжалась и поводья упали в руку короля, несколько секунд сомнений, и Кейст запрыгнул в седло.

— Собери армию и выдвигайся к столице Лампеды, я буду тебя там ждать — приказал Кейст, своему маршалу Аугусто Виолла.

— Слушаюсь Ваше Величество — ответил Аугусто, неодобрительно поглядывая на скелетированный кортеж короля.

Мертвые скакуны везли останки давно сошедших в мир иной владельцев, следом плелись пешие воины, кто в полной броне и при оружии, а кто с пустыми руками. Воинство мертвых вела воля их короля. Короля-некроманта, поднявшего их в тяжелый час, для защиты королевства, и спасения любимой дочери.

Несмотря на неспешность шествия, войско мертвецов еще засветло достигло границ Лампеды. Разъезды врага встречая армию Кейста бежали прочь, не помня себя от страха. Жители окрестных деревушек, кто мог спрятаться за каменными стенами крепостей, уходили и прятались, кто не успевал, спасались в лесу, только бы уйти подальше от жуткой армии. Толпа пехоты шла очень медленно, и конные войска ушли далеко вперед. Мертвые всадники несли смерть всему, что попадалось на пути. Кейст мстил Леши, разрушая его гордость, благополучие королевства. К утру под Ратовом, небольшим городком, закрывавшим столицу, их встретила наспех собранная армия Лампеды.

Мобилизованные землепашцы, разбежались едва завидев мертвую конницу. Рыцари и профессиональные воины, шли в бой с неохотой, с трудом преодолевая животный страх. Войска сошлись, конница мертвецов врезалась в ряды пехоты и разметала ее. Мертвые лошади, без страха шли на пролом, всадники-мертвецы падали от ударов и снова поднимались, несмотря на потерю конечностей они продолжали сражаться. Постепенно конница Кейста таяла, однако его рыцари-мертвецы уносили по несколько человек с собой. Сам король Караманта забрал жизни многих прославленных рыцарей Лампеды. С большинством из павших Кейст был знаком лично, но гнев монарха не знал милосердия, его жажда мести, оказалась ненасытной. Под булавой темного короля пали отец и сын Лагнали, родственники Лeши, а также его племянник Витовт Суровый, и восемнадцатилетний сын Витовта, Нил. Много славных воинов нашли в тот день последнее пристанище на поле близ городка Ратов.

Подроспела конница Лампеды. Мощный удар рыцарства уничтожил остатки конницы Кейста. Пехота сильно отставала, король остался один. Раскинув руки Кейст творил темное заклинание. Вспышка разверзла материю мира, энергия потекла в тело короля. Воины противника испуганно остановились, напряженно ожидая, чем кончиться ворожба.

Волны маслянистой черноты расплескались на сотню шагов во все стороны, тех кто попал под их действие оглушило, остальных качнуло, или опрокинуло на землю.

Опомнившись, войска, ободряя себя криком кинулись к Кейсту. Булава с низким гудением раскидала смельчаков, она разила с непостижимой неотвратимостью. Отовсюду слышались крики, не воинственные или дерзкие, а крики ужаса и отчаяния.

Заклинание подняло мертвецов, и тех, что пришли с Кейстом, и тех, что только пали. Восставшие наступали на своих же товарищей, только, что стоявших с ними плечом к плечу. Армия Лампеды рассыпалась и побежала. Ничто не могло остановить ее бегство, ни командиры, их опрокинули или убили, ни обещания золота, золото никому не казалось достаточной платой, за перспективу стать живым мертвецом, ни призывы к подвигу ради рыцарской чести, последнее вызывало лишь улыбку и скабрзные насмешки. Тем временем армия мертвецов продолжала подниматься, прирастая с каждым павшим воином. Не дожидаясь подхода пехоты, Кейст направил поднятое войско к столице Лампеды.

***

На горизонте появилась армия, она неторопливо заполнила все пространство вокруг города. Отделившись от кипящей внизу массы, ко рву подъехал Кейст. На крепостной стене появился бургомистр Альберто Нери, и командующий гарнизоном.

— Где Леша?!!! — крикнул Кейст, сотрясая округу громовым голосом.

— Он мертв!!! — ответил Жак Мерандо, глава стражи.

— Пускай!!! Тогда почему закрыты ворота?!!!

— Ты пришел как враг Кейст, и привел армию мертвецов!!! Что прикажешь делать, встречать тебя пирогами и пивом?!!! — язвительно спросил Педро Додо.

— Педро, а ты тут, что делаешь?!!! От чьего имени ты со мной говоришь?!!! Если мне не изменяет память, ты глава Королевского Совета Мальдиды, а не Лампеды?!!! — недовольно хмурясь ответил Кейст.

— Он говорит от моего имени!!! — прозвучал высокий женский голос.

Кейст внимательно всмотрелся в говорившую женщину, он не сразу ее узнал.

— Опальная королева!!! — спокойно резюмировал Кейст.

— Где моя дочь?!!! Что с ней?!!! Я хочу говорить с Катариной!!! — забеспокоился король Караманта.

— Сейчас она не сможет тебе ответить Кейст! — спокойно произнесла женщина. — Катарина тяжело ранена, но в том нет вины, ни моей, ни жителей города. И поэтому, я требую, чтобы ты Кейст Урбино, король Караманта отвел свои войска от моей столицы. Мы не должны отвечать за преступления покойного Леша.

— Да кто ты такая, чтобы требовать у меня...

— Я, законная правительница этих земель, Елена Бластита, дочь Оренея Благородного!!! — гордо ответила Елена. — Зачем ты пришел в мое королевство?!!!

Кейст удивленно уставился на Елену, он совсем забыл какой она была в молодости. Сейчас воспоминания всплыли с особенной четкостью. Белокурая девушка с лучистым светом небесно-голубых глаз, гордо смотрящих на него.

В молодые годы, когда он только наследовал своему отцу, Кейст решил посвататься к дочери легендарного Оренея, защитника человечества, борца с эльфийским рабством. В то время он еще не понял, что люди и сами неплохо справляются с тем, чтобы делать свою жизнь невыносимой. Опекунский совет, возглавляемый Педро Додо, ему отказал, предпочтя известного на ту пору принца Леша, лихого воина, и рачительного правителя соседней Лампеды.

Злость отвергнутого не долго жгла сердце Кейста. По дороге домой, он познакомился с

прекрасной певицей и танцовщицей Скудерией Жгучей, эта встреча помогла ему безболезненно пережить первое поражение. О красоте танцовщицы ходили легенды, многие стремились заполучить ее руку, но повезло лишь Кейсту. Никто так толком и не понял, чем молодой король Караманта смог завоевать сердце Скудерии. Но факт оставался фактом, он сумел залучить в жены первую красавицу восточных королевств, да и не только восточных.

Немного погодя родилась Катарина, отрада, подарившая Кейсту долгие шестнадцать лет счастливой жизни. Скудерия умерла во время родов, оставив девочку без материнской ласки и любви, и дочка помогла Кейсту пережить тяжелую утрату.

Кейст стряхнул навалившиеся воспоминания, и ответил уже более спокойно.

— За дочерью!!! И пока мне не вернут Катарину, я никуда не уйду!!!

Со стены хорошо просматривались длинные шеренги мертвецов, стоящих за спиной короля. У Елены не оставалось другого пути как договариваться с воинственным соседом, иначе ее королевство погибнет. Против такого врага еще никто из людей не воевал. Впервые мертвые пришли убивать живых, и сейчас ей приходилось решать, начать войну или вернуть дочь отцу, пусть и ценой недовольства аристократии Лампеды. Советник Кьюзо требовал выдать убийцу старого короля на суд Королевского совета, поэтому возвращение Катарину ее отцу, неотвратимо вело к конфликту с аристократией.

Елена повернулась к Жаку и кивнула головой, глава стражи склонился, и исчез со стены.

— Я верну тебе Катарину, но твоя дочь ранена... и боюсь не доживет до утра!!! — неуверенно ответила Елена.

— Что?! Как это случилось?! Кто посмел поднять руку на Катарину?!!! — вскричал вне себя король.

— Я выдам тебе виновных, можешь делать с ними все, что тебе заблагорассудится, но в ответ прошу останови войну — ее передернуло, при взгляде на изрубленных и окровавленных воинов Кейста.

— Кто это сделал? — немного успокоившись спросил Кейст.

— Мой муж, но Леши мертв...

— Выдай мне его тело!

— Зачем? Он мертв... — она оборвала вопрос сообразив, зачем некроманту тело покойного.

— Хорошо, ты получишь его тело, хоть мне будет и не просто это объяснить моим подданным! А сейчас отведи свое войско от стен моей столицы! — потребовала Елена.

Кейст поднял руку, и армия мертвяков побрела прочь от города.

Войска скрылись из виду. Ворота распахнулись, вышли слуги, они несли роскошный паланкин, который сопровождали шесть рыцарей-гвардейцев. Следом, затылок в затылок, шли аристократы, связанные меж собой, они не могли бежать и понуро брели, зажатые с обеих сторон стражей. Следом появился гнедой жеребец Леши, с королем, сидящим верхом на скакуне. Тело мертвого монарха раскачивалось в такт шагам лошади, прочная веревка намертво скрепляла труп с седлом.

Процессия прошла мост, и остановилась перед Кейтом, не глядя ни на кого, король подбежал к паланкину, и откинув занавес, склонился к дочери.

Мертвенная бледность легла на прекрасные черты королевы. Катарина бездвижно лежала на шелковых простынях, опираясь прелестной головкой о небольшую подушку. Широко открытые глаза дочери неподвижно застыли, глядя в пустоту перед собой. Лишь

грудь девушки резко вздымалась и бессильно опадала, стремясь сохранить остатки жизни в угасающем теле. Кейст осторожно приподнял голову Катарины, и прислушался к дыханию. Сам не понимая откуда, он знал, что дочь ждет мальчика.

— Ты доволен? — совсем близко спросил женский голос.

Кейст поднял голову и встретил стальной взгляд Елены. Вместо юной девочки, с длинными белокурыми волосами, перед ним стояла зрелая женщина, смотревшая ему в глаза без тени страха. Королеву окружало несколько рыцарей с гербами Мальдиды. Два десятка стражников во главе с Жаком, и его неизменными вислыми усами, окружали Елену вторым кольцом охраны.

— Да! — оторвавшись на секунду от дочери, ответил Кейст.

— Я отдала тебе всех, кто виновен, поэтому прошу тебя останови войну. Она не принесет тебе покоя, да и сделанного уже не изменить, но мы можем сохранить мир между нашими королевствами — без надежды на успех произнесла Елена.

Кейст немного помолчал, заглядывая в глаза умирающей дочери. Затем вновь посмотрел на Елену, в голове крутились мысли, о том, что Леша и впрямь дурак. Каким надо быть глупцом, чтобы сделать врагом такую женщину.

— С тобой я воевать не стану — наконец ответил он.

— Но мой внук останется наследником престола Лампеды, и после твоей смерти я потребую вернуть ему, его королевство — твердо произнес Кейст.

Брови Елены удивленно взлетели, она не могла понять на что надеется Кейст. Катарина вряд ли выживет, не говоря уже о ее ребенке, но желание здесь и сейчас прекратить войну, толкало королеву по единственно верному пути. Кивнув головой в знак согласия, она повернула лошадь и направилась в город, охрана последовала за королевой.

Только Жак задержался на несколько секунд, он остановил жеребца возле Кейста и тихо произнес.

— Сочувствую. Вы вырастили достойную дочь, она сражалась как львица. Жаль, что мы не успели к ней на помощь... — голос главы стражи затих, повисло неловкое молчание.

Жак не знал, что еще сказать, поэтому ударил лошадь хлыстом, и умчался за ушедшей вперед охраной.

В прокуренной зале, гостиницы «Золотой Карп», вопили пьяные гномы, они не на шутку разошлись. Хозяин гостиницы настороженно следил, за чересчур пьяными гостями. Мимо прошел патруль, остановившись возле входа в зал, стражи пристально смотрели на смутьянов. Коренастый гном, не настолько безобразный как его соотечественники, показал неприличный жест старшему патруля, вызвав взрыв хохота среди товарищей по пьянке. Второй раз стражу приглашать не понадобилось, десятник, строго нахмутив брови решительно направился к веселой компании.

— Нарушаем? — прозвучал вопрос, казалось направленный в воздух, но в ответ посыпались оскорбления и угрозы.

Через секунду началась ссора, люди пытались арестовать гномов, но из этого решительно ничего не выходило. На помощь тесным товарищам пришли еще стражники, и гномы, оказавшиеся в меньшинстве, начали постепенно сдавать позиции. Стражи выдергивали безоружных гномов в свои ряды, и наподдав строптивцам тумачков, крутили руки за спину, после чего выводили прочь из разгромленного помещения.

За происходящим, из угла гостиного зала наблюдал незнакомец, невозмутимо попивая из кружки. Глядя на него, возникало ощущение, что он находится в другом помещении, и смотрит на происходящее сквозь стекло.

В итоге бузотеров скрутили, остался лишь один, лихо раскидывающий противников мощными кулаками. Это именно он показал неприличный жест десятнику. Дело явно шло к поражению, и тогда из угла раздался голос.

— Дулин достаточно буянить! Сдавайся, я оплачу твой штраф! — гном застыл, и резко развернулся на пятках.

— Песок мне в бороду, Амадо!!! — заорал он, не помня себя от радости.

Не теряя времени стража, подмяла зазевавшегося драчуна.

— Стойте! Стойте! — подбежал человек к воинам.

— Я готов оплатить штраф, и разбитое имущество! — стража удивленно смотрела на человека, не решаясь отпустить бузотера, с таким трудом приведенного к порядку.

— Двадцать пять золотых! — прозвучал повелительный голос десятника.

Без лишних слов Амадо отсчитал монеты, в раскрытый кошелек помощника десятника. На чем инцидент казалось был исчерпан, но тут вмешался хозяин гостиницы.

— Что же это такое?! Господин Кауфа! Они разгромили мое заведение, а возмещать и не собираются!

Прекрасно понимая, что в случае, равнодушия к крику души хозяина заведения, десятника ждет донос и разбирательство с начальством. Кауфа остановился на пороге и задумчиво уставился на разруху, царившую в зале. На лице десятника отразилось сомнение, с одной стороны не хотелось ненужной волокиты с пьяными гномами, с другой требование владельца помещения, тоже не могли остаться без внимания, с третьей так не хотелось расставаться с золотом, которое он уже считал своим.

— Выплатите владельцу пять золотых, за нанесенный ущерб! — произнес Кауфа, глядя сквозь щедрого заступника.

Хозяин гостиницы было уже открыл рот, чтобы начать возражать, но его опередил Амадо.

— Вот ваши десять золотых — произнес он, отсчитывая золото обалдевшему от счастья трактирщику.

— Откуда ты здесь? — удивленно спросил гном, и не дожидаясь ответа крепко обнял человека.

— Спасибо тебе. Деньги я верну...

— Не нужно Дулин, с кем не бывает! Я очень рад тебя видеть. Не думал, что ты еще в городе.

— Да, а что остается?! Сейчас сам знаешь, как оно, за границами Железной долины! Тебя и меня ищут, похоже многим мы насолили, уничтожив Гинну! — ответил Дулин.

— А как же те, что были с тобой.

— Да брось, не беспокойся! Это ребята из торгового дома Фюрда, сын и племянник Фюрда старшего, а остальные их работники! С ними все будет в порядке! Сегодня вечером уже вернуться под родную крышу торгового представительства! — успокоил гном.

— Что ж тем лучше — уже равнодушно ответил человек.

— А как ты здесь оказался? В последний раз ты вроде собирался отправиться в Алкмеи! — не унимался гном.

— У меня возникли неожиданные дела в Железной долине, пришлось вернуться — уклончиво ответил человек.

— Ладно не хочешь говорить, я настаивать не стану! Твоя жизнь, меня не касается. И все-таки я рад, что снова вижу тебя! — громогласно закончил изрядно пьяный гном.

— Я тоже — улыбнулся человек.

***

Ночь разорвал раскатистый грохот, и ливень упал водяной стеной на землю. Шатер короля вспыхивал необычным зеленым свечением, за плотной материей творилось что-то неладное. Времени оставалось мало, отвезти дочь во дворец Кейст не успевал, девушка могла умереть в любой момент. Открытая рана в боку, зияла кроваво-черной дырой. Ребенка клинок не задел, но жизнь утекая вместе с кровью матери, обрекала на гибель и не сформированное тельце младенца.

Терис прибыл вечером, и уже несколько часов сидел за походным столом. Иссохшие руки архивариуса с сухим шелестом перебирали страницы древнего манускрипта в поисках нужного рецепта. Они уже под сотню раз испробовали заклинание, но все безрезультатно. Летописец никак не мог понять почему ничего не выходит. Время поджимало, Катарина становилась все слабее, по ее телу иногда проходила быстрая дрожь, что у Кейста вызывало животный страх. В голову короля лезли мысли, что он может не успеть, а за ними приходило отчаяние.

Неожиданно Терис хлопнул себя по лбу и вскричал.

— Вот оно!

— Нашел? — нетерпеливо спросил монарх.

— Мы нарушали последовательность, сначала нужно открыть энергетический портал, а уже после читать! Заклинанию нужна энергия!

— Но, если я использую эту энергию, Катарина превратится в таких же как мы! Я не хочу обрекать ее на подобное существование.

— Другого входа нет, либо так, либо она умрет — отрезал Терис.

С большим сомнением Кейст дотронулся до знака, губы монарха зашептали формулу, в воздухе за клубилась бесформенная тьма. Король положил руки на живот дочери, масляная

чернота потянулась к Кейсту, и коснувшись тела монарха перетекла к Катарине. Словно пробуя плоть девушки на вкус, чернота прошла по животу Катаринины, застыв возле раны, энергия заklubилась и спустя мгновение влилась в окровавленный зев. Девушка с хрипом вздохнула, глаза Катаринины широко распахнулись с ужасом и мольбой взглянув на Кейста. Тело выгнулось дугой, она вскрикнула и опала, снова погрузившись в забытие.

Кейсту показалось, что, опять провал, но Терис в восхищении заверещал.

— Смотрите! Смотрите! Рана исчезла! Получилось сир, у Вас получилось!

— И впрямь зажила. Только след остался, а так будто и не было ничего — с дрожью в голосе подтвердил Кейст.

Обычное спокойствие короля исчезло, лихорадка нетерпения потряхивала счастливого отца.

В течении недели они прибыли в Карамант. В покоях короля стояла гробовая тишина, Кейст приказал всем покинуть королевский дворец, лишь прислуга исполняла свой долг, страшась разгневать монарха. Он уже вторую неделю не отходил от ложа Катаринины, напряженно ожидая ее возвращения.

Вечер заглянул в комнату, спрятав неосвященные углы, Кейст неотрывно смотрел, на бледное лицо Катаринины. Ему показалось будто дрогнули ресницы, он склонился к лицу дочери, веки вспорхнули, воздух с силой ворвался в девичью грудь. Катарина поднялась на локте, и удивленно посмотрела на отца.

— Папа? Ты? Откуда? Где я?

— Ну, ну, тише. Тише. Будь осторожнее — предостерег дочь Кейст. — Ты дома. Мы в Кромах, сейчас тебе нужно отдыхать, оставь волнения...

— Папа... — Катарина заплакала, сначала всхлипывая, как маленькая девочка, а потом заревела в голос.

Кейст прижал ее к себе и гладил густые черные волосы. Сердце отца сжалось, скулы заходили желваками, смиряя ярость разрывавшую душу. Рыдания прекратились также неожиданно, как и начались. Вся зареванная, Катарина улыбнулась отцу. Кейст улыбнулся дочери в ответ, и опять крепко обнял свое сокровище. Последние недели многое поменяли в его отношении к жизни, казалось он снова пережил потерю супруги. Воспоминания о тяжелой утрате, сковали его сердце не проходящим страхом. Он винил себя за то, что едва не сгубил дочь, предпочтя интересы государства и личные амбиции, счастьем родного человека. Амбиций, привели его Катарину в руки старого извращенца. После он много раз корил Катарину, за то, что она скрывала от него истинное положение вещей. Для него так и осталось загадкой, почему дочь не искала его помощи, и позволила с собой так обращаться.

***

Торговый дом Фюрд ходил ходуном, топот тяжелых сапог работников дома, едва не заглушал веселую музыку. Свадьба Рыжего Вону, старшего сына Фюрда, значительно опустошила кошелек старого скряги, но купец радовался как ребенок. Впервые ему повезло, Вону удалось женить на дочери Ури Железнобока. Все знали Ури, его торговый дом, уже много лет входил в Торговую палату Даноста, и брак с таким видным представителем торговой аристократии предвещал долгие годы процветания его семье, и делу. Не говоря уже о новых возможностях в торговле и влиянии среди высшей знати королевства гномов.

Среди гостей выделялся человек, единственный не гном, скромно сидевший по левую руку от хозяина дома. По правую располагался Дулин, он же первым поднял кубок в честь брачующихся. Родственники и сыновья расположились за соседними столами, и весело

подшучивали над новобрачными. Молодежь быстро перешла к танцам, отдаваясь несерьезному занятию с удивительным энтузиазмом, так плохо сочетавшимся с солидным видом гномов.

Родственники невесты, сидевшие за соседним столом, также взяли слово, и расчувствовавшийся Ури обещал оставить дочери сундук редких камней. Мать невесты красавица Тара, преподнесла дочери золотую кухонную утварь, и шелковые постельные принадлежности из страны Сауры, чрезвычайно дорогие и крайне редко встречающиеся в подземельях гномов.

Дошла очередь до Амадо, он поднял кубок за незнакомых ему новобрачных, и по возможности искренне поздравил молодых. Его подарок вызвал удивление, и смущение у собравшихся. На стол легла старинная книга в необычном переплете, с растительным узором, вытканым из серебряной нити умелой рукой эльфийской швеи. Сияя голубыми сапфирами, оправленными в драгоценный переплет, книга поражала толщиной. Гномы с изумлением смотрели на подарок, в котором угадывалась работа древних эльфов.

— Что это? — с удивлением спросил старый Фюрд, приподнимаясь с места.

— Сборник сказок! — отчетливо произнес человек. — Желая, чтобы молодые как можно скорее узнали счастье родительской заботы и любви, а для воспитания молодого поколения гномов как нельзя кстати подойдет книга сказок, сделанная эльфами для гномов — с этими словами он открыл книгу, в комнату полилась приятная музыка, а затем зажурчал мягкий голос рассказчицы.

— Говорящая книга! Впервые такую вижу — изумился старый Фюрд.

— Я думал это сказки! — поддержал Ури, подбегая ближе, и впиваясь взглядом в удивительный предмет.

Вокруг сгрудились зеваки. — Сколько она стоит? — выдохнул Ури, поднимая потрясенное лицо на Амадо.

— Не беспокойтесь уважаемый Ури, мне она обошлась сущим пустяком! — успокоил он гнома, и равнодушно сел на свое место.

Возбуждение постепенно улеглось, веселье вновь вернулось к гостям и новобрачным.

Подошло время для отправки молодоженов в спальню, и толпа, весело подбадривая жениха буквально внесла новую семью в опочевальню.

К Родриго подошел слуга и подтянувшись к уху человека прошептал.

— Господин вас просят пройти в кабинет хозяина.

Брови человека удивленно взметнулись ко лбу, но перечить Амадо не решился, и нехотя встав из-за стола, пошел за слугой.

***

За огромным столом сидели Дулин, Старый Фюрд, и его сыновья. Ури, и его супруга Тара, расположились с правой стороны от старика Фьюри, они поднялись с мест и поприветствовали человека. Ури указал на стул, явно оставленный для него.

— Благодарю вас уважаемый Амадо за столь щедрый подарок! — проговорил Ури, за столом главенствовал он, остальные подчиненно слушали слова знатного гостя. — Чем я могу вас отблагодарить? — хитро прищурившись, спросил гном.

— Ничем — потупил глаза Родриго. — Это мой подарок молодым, и я не вижу необходимости как-то меня благодарить. Примите его и не будем более возвращаться к этому вопросу — сухо добавил он.

Удивление гномов, смешило человека, он знал о скаредности подземного народа, но

иногда она поражала своей необузданностью и всеобъемлющим влиянием на различные стороны жизни подземников.

— Что ж как пожелаете! — произнес Ури. — Но мы вас пригласили совсем по другому поводу — последовала долгая пауза, Ури задумчиво смотрел на стол перед собой.

Амадо терпеливо ждал, что последует за столь интригующим началом.

— Вы вероятно слышали, о том, что Даностом, правят торговцы?

— Да, конечно.

— В том, наверное, ничего страшного нет, когда установлен прочный мир, но Даност стоит на пороге большой войны. Воины Каменной головы все чаще рассказывают о разведчиках орков, что постоянно шныряют у наших границ. И все же не орки главная беда, с зелеными из глубин приходят жуткие твари, с которыми мы не в силах справиться. Каждый год мы теряем копи, и отступаем все ближе к столице, оставляя исконные города и поселения врагу. Торговый совет интересуется лишь Золотая долина, они забыли о своем народе и его нуждах. Золото Риена превратило гномов в безумцев, оно стало нашим проклятием — гном замолчал, и снова повисла тягостное молчание.

— Что вы хотите от меня? — прозвучал спокойный голос Амадо.

— В Даносте — продолжил Ури, словно не слышал вопроса. — Есть группа богатых ремесленных гильдейцев, и торговцев, которая считает, что пора остановить всевластие торговых домов.

— И как вы планируете это осуществить, а самое главное какова моя роль в вашем заговоре? — снова прозвучал вопрос Родриго.

— Вы, простите меня господин Амадо, но вы известны как ловкий человек, который берется за самые сложные задачи.

— Что вы, меня это нисколько не оскорбляет. Скорее льстит, продолжайте — с улыбкой ответил человек.

— Мы считаем, что вы могли бы нам оказать услугу. Не бесплатно, конечно! До меня дошли слухи, что вы в некоторой степени знакомы с явлением, которое у нас называют Золотой долиной. Как вы, наверное, слышали несколько лет назад в мертвом городе Риене, что у перекрестка Хидана открылся проход в Золотой мир...

— Я знаком с этой историей — прервал рассказ Ури человек.

— Тем проще. Нам нужно, чтобы вы закрыли его — быстро проговорил гном, и пытливо взглянул на человека.

— С чего вы решили, что я это могу сделать? — удивленно протянул Амадо.

Ури попытался что-то сказать, но его прервал Дулин, властно остановив движением руки.

— Родриго я слышал, как ты говорил про порталы и проходы, когда бредил в замке Малино! — выпалил он краснея. — Тогда я удивился и не придавал этому значения, но позже мне стало ясно, что ты много знаешь о том, что произошло в Риене.

— Хорошо, может я и знаю о проходах в иные миры, но почему вы решили, что я могу их закрывать? — продолжал гнуть свое Амадо.

— Потому, что ты не человек, хоть и похож на людей — ответил Дулин. — И не надо, не спорь. Я не дурак. Я понимаю, что может быть в нашем мире, а что к нам пришло из других — горячо проговорил гном, серьезно глядя на человека.

До Амадо начало доходить, что перед ним вовсе не простой искатель приключений, а человек наделенный большой властью, поскольку никто не смел его прервать, а в глазах

присутствующих читалось уважение. Он ошибся, не Ури здесь главный, а Дулин, поэтому он сидел по правую руку хозяина дома, поэтому он первый поднимал кубок и держал речь.

— Кто ты? — не скрывая удивления спросил Родриго, сверля взглядом лицо Дулина. — Хотя можешь не отвечать, я знаю, кто ты. Я искал тебя в Огненном саду, но ты тогда исчез, Торн сын Даина.

Человек поразился, что сразу не заметил, внешнего сходства со старым Даином. Тот же взгляд, да более благородное лицо с тонкими чертами, унаследованными от Элеоноры, его матери, но вполне узнаваем.

— Да господин Амадо вы не ошиблись, перед вами законный наследник престола Даноста, принц Торн, последний сын старого короля! — торжественно произнес Ури, звенящим от гордости голосом.

— Родриго помоги мне вернуть трон, и я никогда не забуду тебе твою услугу — просил король Даноста, как обычный смертный, как простолюдин, как друг просит у друга.

Амадо задумчиво молчал, предстоял не легкий выбор. Вмешаться, и возможно привести на трон врага Иргамы, или отказать другу в помощи.

— Так что у вас за план? Как вы думаете вернуть престол? — спросил Родриго, переборов сомнения.

Взгляды заговорщиков устремились на короля, Торн кивнул, и Ури начал.

— Нам нужно перекрыть источник золота Торговой палаты. Кризис вызовет возмущения внутри столицы, а мы возглавим выступления черни, и возведем на престол законного наследника.

— План прямо скажем сомнительный — задумчиво протянул Амадо. — Хорошо, я попытаюсь перекрыть проход, но обещать ничего не могу.

— Почему? — спросили сразу несколько голосов.

— Не я буду закрывать. Я не умею этого делать, но я знаю кто может попытаться закрыть вход в Золотую долину.

Разочарование напоззло на лица сидящих за столом.

— Но без этого мы не сможем поднять бунт, не сможем вернуть короля — разочарованно протянул Ури.

— Я с вами честен. Не хочу лгать, поэтому примите мою помощь такой, как я предлагаю, или не стоит даже пытаться начинать — спокойно проговорил Амадо.

— Я тебя понял Родриго, будь по-твоему — поддержал человека Торн. — Мы будем ждать известий от тебя, как только сможешь перекрыть поступление золота, мы начнем поднимать жителей Даноста на борьбу с предателями и ворами.

— Сколько вам потребуется времени? — въедливо спросил Ури.

— Месяц — не раздумывая ответил человек. — Через месяц я отправлю к вам гонца, он сообщит о результатах нашего предприятия.

— С нетерпением буду ждать известий, мой друг — проговорил Торн, открыто улыбаясь человеку.

Впервые за четыре дня, Кейст покинул комнату дочери. Король спустился в секретную часть родовой крипты. В помещении, освещенном факелами, сгорбившись над очередным манускриптом сидел Терис. Заслышав шаги, он торопливо встал с табурета, и засеменил ко входу, подобострастно склоняясь перед Кейстом.

— Хватит официоза — раздраженно отмахнулся от Териса король, летучей походкой проходя мимо длинных столов различного назначения.

Помещение совмещало в себе функции, с одной стороны библиотеки и архива, изобилующей редкими манускриптами и книгами эльфов, с другой прозекторской, и лаборатории, наполненной многочисленными ретортами и колбами. Наконец в дальнем углу размещался ледник с покойницей, куда свозились редкие экземпляры.

Терис семенил за королем, гадая, что привело монарха в лабораторию. Словно услышав вопрос летописца, Кейст остановился напротив ледника, и приказал переместить тело Леши в прозекторскую. После чего развернулся на каблуках и вышел вон.

Вскоре быстрая поступь Кейста зазвучала в тюремной башне. Стража, склонив головы, лихо приветствовала короля, не обращая внимания на них, он прошел в комнату дознания.

Вскоре в помещение привели аристократов Лампеды, тех, что Елена выдала Кейсту. Двадцать пять человек стояли перед королем, который сидел в кресле, широко расставив ноги, и упершись руками в подлокотники.

— Здравствуйтесь господа рыцари — тихо поприветствовал пленников король.

Дворяне в ответ промолчали, удивленно переглядываясь. Некоторые лица выражали откровенный испуг, иные насмешливо поглядывали на пожилого короля, высохшего за последний год еще более прежнего. Другие спокойно ожидали продолжения, полагая, что их жизнь вне опасности. Слишком они родовиты, чтобы пренебрегать золотом, что полагалось за их жизни, а значит с ними ничего не может случиться. Да и враждовать с их семьями решиться разве, что дурак.

Поочередно заглянув в глаза пленникам, Кейст с удивлением заключил для себя, что все они выглядят совершенно обычно. Короля поражало как эти, с виду благородные, молодые люди, могли так глумиться над своей королевой. Как они превратились в зверей?

Тяжело поднявшись Кейст прошел мимо пленников, и знаком показал следовать за собой. Вереница родовитых повес направилась за королем, еще более удивляясь происходящему. Они преодолели несколько помещений, вышли из тюрьмы, прошли крытой галереей, пока не оказались во внутреннем дворе, закрытом со всех сторон глухими стенами. С одной стороны, взметнулась высокая стена дворца, ее непроницаемую мощь украшало лишь одно окно, с небольшим балкончиком, огороженным фигурно кованной оградой. С остальных сторон дворик полукругом охватывала толстенная крепостная стена.

Король остановился и сделал знак чтобы пленных расковали. Кузнец, зловеще улыбаясь исполнил приказание. Затем монарх кивнул головой, стража покинула дворик, тяжелые шаги затихли за кованной дверью. Мощный засов надежно запер единственный выход, с другой стороны.

Среди пленных появилось первое напряжение. Аристократов, что-то беспокоило, пугало странное поведение короля. Зачем он остался с ними наедине? Это же глупо? Они могут его убить, и никто не успеет им помешать, здесь нет даже лучников на стенах.

— Я рад вас приветствовать в стенах моего дворца! — произнес Кейст.

— Сегодня я желаю отблагодарить благородных господ Лампеды за теплый прием моей дочери в вашем королевстве! — слова звучали все жестче. — Но мы с вами будем не одни, я пригласил главную виновницу сегодняшнего действия! Дорогая, это для тебя!!! — громко крикнул король, глядя куда-то над головами пленных.

Шеи узников развернулись в сторону одинокого балкончика, там на стуле с высокой резной спинкой сидела Черная Роза Караманта, Катарина Урбино. Девушка склонила голову в знак приветствия, и зло улыбнулась, послав воздушный поцелуй насмерть перепуганному Умберто Кьюзо. Глава Королевского Совета Лампеды осел на землю, из глаз мужчины полились слезы, его подельники по альковным развлечениям удивленно уставились на плачущего заводилу.

— Вы все аристократы, поэтому, я решил вас не казнить, а дать каждому возможность защищать свою жизнь с оружием в руках. Позади вы можете выбрать оружие, кому какое угодно, после чего вам придется меня убить, или погибнуть самим — объявил Кейст.

— Ты в своем уме! Урбино, слишком низкородны, чтобы иметь право суда над высшими аристократами. Ты хоть представляешь, чем это грозит в будущем... — угрожал Лий Армандо, вызываясь глядя на короля.

Остальные нехотя подошли к стендам с оружием, забавляясь идиотским романтизмом провинциального королька.

Странный вскрик заставил всех обернуться. Армандо, дрожа всем телом, попытался закрыть отверстие, зиявшее в его груди. Высохшие пальцы Кейста сжимали с боков челюсти Лия, заставляя их раскрыться как можно шире, в то время как вторая рука короля с силой впинула в рот умирающему вырванное, и еще трепещущее сердце. Высокий визг, заглушил произошедшее следом.

Все завертелось, тяжелая булава короля, отшвырнула налетевшего рыцаря, с глухим стуком воин ударился о стену. Глухо застучали топоры, чаще промахиваясь, чем попадая по телу Кейста. С мелодичным звоном клинок переломился, острое торчало из бока короля, пройдя тело насквозь. Бешено сверкая глазами, Кейст быстро маневрировал между рыцарями, сталкивая их, и заставляя мешать друг другу. Все больше вселяя ужас в аристократов своей неуязвимостью, его раны не кровоточили, а тяжелые повреждения слабо влияли на скорость и силу атак.

Земля быстро покрылась густой сетью кровавых пятен, многие пленники получили тяжелые ранения. Оторванные руки, вырванные челюсти, изувеченные тела, устлали небольшой двор, однако почти все оставались живы. Раненные не могли продолжать бой, у некоторых торчали желтые осколки костей из открытых переломов рук и ног, часть лежали пригвожденные своими же клинками, к земле. Лишь Унант и Ванар Жерады, лежали подле друг друга с проломленными головами. У одного отсутствовала нижняя челюсть, вырванная рукой Кейста, второй лишился лица от удара булавой сверху.

Раны обездвижили, но не убили насмерть перепуганных аристократов. Кто-то машинально попытался дотянуться до оброненного клинка, но встретив взгляд короля, возвращался в исходное положение, испуганно застывая в ожидании своей участи.

— Дорогая ты довольна?! — громко спросил Кейст.

— Мне кажется наши гости, не до конца оценили ваше гостеприимство папенька — весело ответила Катарина.

— Вы так думаете? — с сомнением спросил Кейст, и критически оглядел

обоссавшегося Кьюзо.

Умберто единственный не принял участия в бою. Советник сидел у двери, и время от времени визгливо вскрикивал от ужаса. Страх сковал его настолько, что Кьюзо не мог ни стоять на ногах, ни контролировать свой организм.

Монарх подошел к нему, прихватив по пути самого верного друга Кьюзо, Леопольда Де Ригана. Сухая рука Кейста, стальными клещами, сжимала загривок восьмидесятикилограммового мужика, но король словно не замечал веса своей жертвы.

— Ну, что Умберто, как тебе прием?! — страшно сверкая глазами спросил король.

Умберто взвизгнул и вжался всем телом в неподдающуюся стену.

— Видишь ли в моем замке не принято насиловать королеву! У меня другие развлечения в ходу! Например, такое! Смогу ли я сломать шею твоему приятелю одной рукой! — рука сжала загривок Леопольда, мужчина задрожал, сдавленный крик вырвался из раздробленного горла. Кейст наступил на ногу Ригана, и рванул шею, легко оторвав голову.

Сильно размахнувшись, он швырнул ею в Кьюзо, Умберто забился в истерике, пуская слюни, и закрывая глаза руками. Остальные пленные забеспокоились, кто-то принялся лихорадочно подбирать оружие, кто-то запаниковал и пытался залезть на непреступную стену, некоторые плакали в бессильной злобе.

Не замечая общего ужаса, Кейст расхаживал между ранеными, и убивал одного за другим, самыми зверскими и изощренными способами. Время от времени кидая оторванные части тел в Кьюзо, вызывая жестоким представлением, дикий ужас у советника.

— Я понимаю, с высоты аристократического происхождения, вы решили, что может этот провинциал, со своим маленьким королевством? Куда ему тягаться с самим Леши Инириитом. Что церемониться с глупой девчонкой, возомнившей себя равной вашим древним родам — Кейст наклонился и глубже вогнал меч в тело раненного аристократа, тот дернулся и тихо выдохнув застыл.

— Какие-то там Урбино, вчерашние пастухи, ставшие по случаю королями. Вы ведь до последнего верили, что ваше происхождение спасет вам жизни? — резко взмахнув булавой, Кейст размозжил голову очередного несчастного. Забрызгав мозгами соседа убитого.

— Тебя разорвут собаками, четвертуют, а потом сожгут... — брызгая слюной выплевывал слова Дарио Джентино.

Он даже не пытался отереть забрызганное мозгами и кровью лицо. Ближайший друг старого короля, его род имел очень древнее происхождение, и много раз участвовал в смещении и возведении королей на престол Лампеды. Наследник славного рода не мог поверить, что его смерть останется не отмщенной. В глазах надменного аристократа, Урбино сошел с ума.

— Ты из-за бабы уничтожил свое королевство, дурак — поддержал Дарио, Карлос Чагалино. — Твоя дочь шлюха! Она нагуляла ублюдка, изменяя законному мужу, и поверь, когда мы ее драли, она...

Договорить Карлос не успел, Кейст вогнал копьё в его промежность, древко вошло наполовину, и застряло. Карлос рванулся, пытаясь слезть с древка, но Кейст начал поднимать копьё упираясь ногой в подток. Руки Карлоса схватились за плечи Кейста, широко открытый рот издавал не членораздельные звуки. Кейст не спеша поставил копьё вертикально, а затем резко вогнал подток в землю. Тело Карлоса подпрыгнуло и полностью осело на древко, так, что наконечник вышел из макушки, расколов череп пополам. Голова аристократа оказалась прямо напротив лица короля, насильно разжав зубы Карлоса, Кейст

вырвал язык, и по традиции швырнул трофей в Кьюзо.

— Я сотру ваши дома! Я уничтожу ваши семьи! А ты мальчик не успокаивай себя. Ты никогда не будешь отомщен! О твоей позоре и смерти узнают все аристократы востока — цедил Кейст надвигаясь на Дарио Джентино.

Тощие руки Кейста, подхватили Дарио за шею и поставили на ноги, раненный аристократ начал падать, но король не позволил ему опуститься на землю. Джентино дернулся, его кожа потемнела, а шея высохла, превратившись в сухую ребристую палку. Усыхание быстро побежало в обе стороны, мумифицируя лицо, голову и тело пленного. Мумия упала на землю, с неприятным хрустом отломилась рука, которую Дарио вытянул, пытаясь оттолкнуть от себя Кейста.

Рядом лежал Проп Фус с перебитыми ногами, он отшатнулся от мумии, трясущиеся губы аристократа стали фиолетовыми, широко открытый рот начал хватать воздух, глаза закатились, гримаса боли исказила молодое лицо.

— Слабое сердечко — с улыбкой констатировал Кейст.

Сверкая глазами, король повернулся к Кьюзо. Умберто сидел у двери, затравлено глядя на приближающегося Кейста.

— Чуть не забыл, про тебя! Для вас господин Кьюзо, у меня особый подарок. Тебе выродок предстоит посмотреть в глаза той, что ты мучил столько лет! — улыбнулся король.

Оттолкнув ногой Умберто, Кейст постучал в дверь. Кьюзо вскочил и отбежал в сторону, дико вращая глазами, он пытался найти путь к спасению. Неожиданно его взгляд застыл. С нарастающим ужасом насильник смотрел в глаза своей жертве. Катарина, зловеще улыбаясь, подходила все ближе, вот она прижала испуганного мужчину к стене, прелестная головка склонилась к уху Кьюзо, и алые губы тихо произнесли.

— Не заросла, но это уже не важно. Твоя гордость сегодня станет кормом для воронов и червей — она отклонилась назад и вперила в него непроницаемо черные глаза. Узкий колодец дворика заполнил высокий, полный тоски голос, пение поднялось к пятну голубого неба, а затем выворачивая душу обрушилось на Кьюзо.

Мужчина истерично вскрикнул, вырвался и побежал, срывая на ходу одежду. Кидаясь из стороны в сторону Кьюзо оказался у стенда с оружием, секунда раздумья и аристократ схватил кинжал. С размаху тонкий клинок вспорол живот труса. Расширенные от ужаса глаза Кьюзо лезли из орбит, на лице несчастного застыло выражение мучительной борьбы с тем, что заставляло его причинять самому себе боль. Тем временем руки Умберто влезли внутрь распоротого живота, вырывая кусками печень, от боли он упал на колени, показались кишки. Тело повалилось на землю издавая утробные стоны, даже их звук вызывал чувство боли и страдания.

Катарина пнула Умберто ногой, затем потянув за руку перевернула на спину. Руки королевы двигались быстро, но недостаточно, чтобы пленник не почувствовал, как его мошонка отделяется от тела. Смеясь, она засунула отрезанные органы в перекошенный рот пленника.

— Как видишь, я тебе не солгала! Ты так гордился, тем, что ты мужчина! Теперь ты кастрат ха-ха-ха!!!

Кьюзо вытаращив глаза слабо сопротивлялся в последней отчаянной попытке спастись, голова отказывалась признать, что тело уже мертво. Тонкий клинок легко вошел в лицо Умберто, выражение ужаса и удивления застыло на ненавистной физиономии столько лет истязавшего ее человека. Катарина резко остановилась, будто очнулась от наваждения. С

ужасом и отвращением девушка отшатнулась то искромсанного тела врага.

— Папа, что со мной? Что это? Я не могла такое сделать. Это не я! Это не я! Не я! Не я! — она заплакала, и спотыкаясь о тела убитых поплелась к выходу.

Кейст хотел последовать за дочерью, но остановил себя. Дар Братьев проник в его Катарину, и теперь извращал душу девушки. Расправа над Кьюзо, испугала даже Кейста, то, во что дар превращал его дочь, не на шутку обеспокоило короля. Он сел на принесенный табурет, и наблюдал как слуги расчищают двор от останков. Тела Кейст приказал скинуть в клоаку, служившую столице для сброса отходов. Его решение избавиться от дара приняло форму убеждения. Благословение Братьев несло, что-то страшное, что-то противное самой жизни. Надо было спасти дочь и не рожденного внука.

***

От перемен произошедших в Лампеде более всех, выиграл Скюло. Свободная церковь во главе с Ансельмом Предприимчивым, ушла в подполье, а Единая Церковь вновь вернула свои позиции в королевстве. Скюло приобрел от сложившегося положения больше, чем мог ожидать. Верховный умудрился стать правой рукой Елены. Королева в свою очередь отошла от управления королевством и окунулась в чувственный мир личных отношений с фаворитом Жаком Мерандо. Непомерные аппетиты Верховного жреца, и тяжелое положение селян, после нашествия мертвецов, вызвали среди подданных сначала протест, а затем настоящую крестьянскую войну, которую возглавил Ансельм Предприимчивый. Епископ сумел поднять на восстание местное дворянство, недовольное протекторатом Амората, позже подтянулись родственники выданных виновников трагедии. Они обвинили Елену в предательстве, королева вместо того, чтобы защитить своих вассалов, отдала их на расправу врагу, такое нарушение права сюзеренитета дворянство не могло простить.

Обездоленное крестьянство, одурманенное обещаниями лучшей жизни после справедливого возмездия королеве распутнице, преступившей священную клятву монашества, громило пригороды, грабило купеческие караваны, и убивало королевских служащих.

Ансельм неустанно проповедовал, что поправа сама основа королевской власти и чести. Тело святого Леша отдано на поправление чернокнижнику и некроманту Кейсту, и все это после страшного похода нежити по землям Лампеды. Так можно ли доверить правление королевством пособнице Агара нечистого, убившей собственного супруга ради того, чтобы пустить в опочевальню слугу, и предаваться разврату на еще не остывшем ложе супруга.

К лету Елена оказалась виновна во всех бедах, постигших королевство после гибели Леша Благословенного, которого, к слову, простой народ любил. На помощь королеве пришли рыцари Амората, что только усугубило ситуацию, теперь еще прибавилась тема освобождения от иноземных захватчиков. Вскоре Елене стало не до личной жизни, она металась от крепости к крепости, и проиграв несколько сражений, спряталась в родовом замке в землях Мальдиды. Замок слыл неприступным, на нем оппозиция и застряла. Прошли лето, осень и зима, а осада все продолжалась.

Постепенно земледельцы и городские низы начали осознавать, что власть графов Амората мало чем отличается от прежней, особенно после разграбления земель и конфискаций. В результате которых некогда многолюдные деревни превратились в пустыню, плебс пришел к выводу, что для простого человека, мир лучше любой войны даже самой праведной.

Скюло тоже не сидел сложа руки, и бросил клич по королевствам востока, призывая

рыцарство в Священный поход против еретика Ансельма. Призыв Верховного жреца вызвал невиданный энтузиазм среди благородных господ, и к зиме большая армия рыцарей пересекла границу Лампеды, они шли не спасать Елену, они шли уничтожать еретиков.

Елена просила Скюло отменить поход, понимая, что это вторжение вновь пополнит ряды Ансельма, и унесет множество жизней ее подданных. Однако Верховный жрец ответил, что не может остановить справедливый порыв священного гнева. Все в руках божьих, и только его воля защитит невинных, ибо он не допустит насилие над своими чадами. В итоге поход превратился в полноценную завоевательную компанию, с полномасштабным уничтожением замков и имений противника. Города сдавались на милость врага, а те, кто имел неосторожность упорствовать в своем нежелании признать инородного сюзерена, показательно сжигались и очищались от населения. К исходу второго года правления Елены, Священный поход подошел к стенам родового замка королевы, где разгромил еретиков и потрепанную коалицию рыцарей Лампеды и Амората, что стояли под стенами Белого камня, по соседству с селянами Ансельма.

***

Бесконечная вереница символов кружила голову, уже много дней Кейст не спал. Король искал любые сведения о том, как можно избавиться от дара. Из крайне скудных сведений монарх вынес одну неутешительную истину, еще никому не удалось этого сделать. Но Кейст не боялся нехоженных троп, король решил во чтобы то ни стало избавиться от жуткого проклятья. Упорство монарха подогревало положение дочери, Катарина могла со дня на день разрешиться бременем. Роды всегда вызывали в его душе трепет, рождение новой жизни, тем более что рожденный мог оказаться наследником.

Рядом суетился королевский летописец Терис, он нехотя помогал господину в его поисках. Однако никак не мог взять в толк, зачем король так стремиться избавиться от власти, данной ему над смертью. Вроде все складывалось хорошо, дочь жива, Кейст бессмертен, в его распоряжении воины не боящиеся смерти и готовые выполнить любой приказ без страха и сомнений. Что еще нужно?

Кейст тупо уставился на пергамент, он уже четвертый раз перечитывал написанное, и только теперь до его сознания дошел смысл прочитанного. Вот оно, это же ответ на его искания.

В тексте сообщалось, что некий Тизкар, правитель забытого города, когда-то смог избавиться от проклятья-дара. Правда смущала приписка автора, в которой летописец почему-то жалел спасенного. Текст сохранился не полностью, он обрывался ровно на том месте, где описывалось, к чему привело освобождение несчастного. Из манускрипта Кейст понял, что нужно искать богов. В богов он не верил, но в тексте их называли именно так, поэтому пришлось принять это обстоятельство как данность.

Некий Кура из Эльена, автор манускрипта, указывал на то, что существует тайная страна, где живут боги. Название ей Андланд, боги противостоят каким-то древним, какого они происхождения Кейст так и не понял, слишком невнятно говорил об этом текст рукописи. Далее автор писал, что Братья слуги Богов, единственные что пришли из-за Пелены. О самой Пелене, автор крайне туманно сообщал, что она суть мир теней, куда уходят души мертвых. Следом автор дополняет, что Пелена, это целый мир, где правят жестокие Инвенты. Как Кейст ни крутил, так и не смог понять кто такие Братья и чем они служили Богам Андланда, тут Кура оказался более чем сдержан.

Прошло еще несколько дней прежде, чем Терис прибежал в кабинет Кейста, и сообщил,

что нашел упоминания о некоем Кура, считавшемся чернокнижником, и по сему поводу сожженном еще при правлении одного из первых королей людей Лоредо Освободителе, того, что в эпоху Голубого Нефрита, освободил и увел людей из Эманторана. В тексте также упоминалось, что в первой столице Эльене, Лоредо основал академию по образцу эльфов, для поиска истин мироздания. Для изучения мира в академию Эльена привлекали людей с особыми талантами, дав им имя маги.

Вот таким магом и был Кура Черный, неизвестно почему черный, толи сам он был темноволос, толи его магия имела не совсем разрешенный источник. Каким-то неведомым путем, чернокнижник сумел достучаться до иного мира, и оттуда получил откровение, признанное по началу новым знанием. Именно он стал тем источником, из которого возникла первая религия Единого Бога, переродившиеся в итоге в Церковь Великого Покровителя. Старые боги умерли вместе с рождением новой церкви.

О богах что почитали до откровения Куры забыли, ибо человеческая память коротка. Вчитываясь в историю, Кейст не смог понять за что Куру обвинили и сожгли, единственное что упоминал источник, это какое-то страшное святотатство, совершенное посредством черной магии. Сложно было понять, что в тексте правда, а что напластования позднейшего вымысла.

Оставалось отправиться в Эльен, где до сих пор располагалась первая академия, одна из главных кузниц богословов, магию запретили еще при Удлинге Святом. Король Удлинг посчитал способности особенных людей, проявлением злой воли Амандопола, темного бога, ставшего правой рукой зловредного Агара. Город располагался в землях Мальдиды, это небольшое королевство входило в состав Лампеды. Появление Кейста в соседнем королевстве, могло вызвать ответный поход Священной армии в земли Караманта, что совсем не входило в планы монарха. Верный Терис предложил организовать все как паломничество по святым местам. В таком случае визит Кейста в Эльен не должен вызвать противодействия остальных монархов.

В Эльене стоял старейший монастырь востока, носивший имя Пророка Домингс Саудильо. Алтарная часть монастырского храма осталась с доисторических времен. Алтарь Эландо удивлял нетипичной для культовых сооружений формой, и чудесами, что во множестве вершились подле него. Постоянное гудение, исходившее из глубин алтаря, породило много слухов, говорили о том, что это отзвуки небесной музыки, что улаждает слух Эландо.

Сложившаяся за многие века церковная традиция предписывала жрецам принимать посвящение возложив руки на этот алтарь, тут же принимали свое служение и все верховные жрецы. Как утверждали, после возложения рук, на них оставалась печать Всемилоостивого, которая символически вкладывала благословение бога в руки своего слуги.

Паломничество требовало одобрение Верховного жреца, что оказалось весьма непростой задачей. Скуло уже успел развернуть полномасштабную идеологическую войну, по дискредитации династии Урбино. В одной из своих проповедей он обозвал весь род королей Караманта гнилой ветвью, породившей уродливые плоды, что принесли разложение в здоровое древо генеалогии королевских домов. Самого Кейста, Верховный жрец именовал не иначе как Некромантом, имя которого должно быть стерто из людской памяти.

Досталось и Ковельту, деду Кейста. Старый святоша не пожалел и его, указав, что де Ковельта Прокаженного поразил страшный недуг, поскольку Великий Вседержитель узрел судьбу порожденного им потомка.

Отбросив гордость и законный гнев, Кейст пересилил себя и отправил послов к его Святейшеству.

Вскоре пришел ответ, что загладить совершенное грехопадение королю удастся только если он признает власть Верховного жреца над епископами и аббатами Караманта. В наказание же за отступничество он обязан совершить паломничество по святым местам, с обязательным постригом в Эльене. Монастырь Святого Доминго должен пополнить монарх-монах, преклонивший колени у престола Верховного жреца, ни как перед сюзереном, но как перед проводником воли божьей.

Естественно, предусматривались серьезные земельные пожалования монастырям и приходам, а также обители пророка Доминго Саудильо.

Мучительные размышления Кейста закончились тем, что король решил принять условия Скуюло, несмотря на то что он терял власть, и ему предстояла унижительная процедура преклонения колен перед старым интриганом. Король твердо решил избавиться от дара. Речь идет о его семье, и если того требует цена избавления, то он пройдет через все, лишь бы избавиться от коварного проклятья, так неразумно им обретенного.

Иногда он видел, как Катарина украдкой смотрит на него, с испугом и жалостью. Девушка боялась его силы, боялась за не родившегося ребенка. Кейста постоянно мучил голод, не человеческий, что могла утолить пища земная, а страшный черный голод, который требовал свет жизни. Чувства короля притупились, приступы жестокости сменяли муки раскаяния о содеянном. Он перестал испытывать человеческий голод, холод или жар, тело легко переносило ранения, восстанавливая иссохшую плоть. Самой страшной из новоприобретенных способностей стало желание, переросшее в страсть, желание забирать жизни. Если пять лет назад монарх контролировал жажду, то теперь любая вспышка гнева могла унести жизнь слуги или даже рыцаря.

В ночь перед отъездом в паломничество, Катарина разродилась мальчиком. Радость Кейста омрачил необычный вид младенца. Тельце ребенка, антрацитово-черное, отливало в свете ламп, играя блестящими полосками света на гладкой коже.

Кейст взял новорожденного на руки аккуратно придерживая головку, их глаза встретились. По спине монарха пробежал холодок, ребенок смотрел на него совершенно осознанно. Король мог поклясться, что если бы не малый возраст, то мальчик поприветствовал бы его.

Неделю спустя младенец пошел, а через месяц заговорил, всего этого Кейст уже не видел, он шел от одного святого места к другому. Во главе государства король оставил Териса, что вызвало удивление, и возмущение знати. Страну наводнили папские легаты, в воздухе запахло изменой.

Рука в красной перчатке оборвала ленивый шаг лошадей. Пользуясь моментом, рыцари выбивали пыль, набившуюся в одежду. Глухо постукивая тугой кожей перчаток, по фиолетовым бригантинам, они вяло переговаривались. Чуть позади, скрипнув осью, остановилась повозка. Наружу высунулась гладко бритая голова Луидже Герра. Восемнадцатилетний парнишка с любопытством огляделся и вновь исчез в недрах повозки.

— Что опять стряслось? Третий раз, сегодня — раздраженно процедил Оттавио Бернардо.

— Оттавио, наше дело беречь жизнь мастера Джовани, а не глупые вопросы задавать — пресек недовольство Бернардо Патрицио Ковали. — Тем более, что деньги его святейшества сохранили твое владение. Не забывай об этом!

— Сохранили. Только я, потомок знатного рода должен сторожить какого-то духоборца. В мои то года. Тьфу! — сплюнул в раздражении Оттавио.

— Ну так скажи об этом мастеру — зло подначил Бернардо, Сандро Кватроки, самый молодой из говоривших.

— Твое мнение, сопьяк, меня меньше всего интересует! — слегка повернув голову, бросил Оттавио.

Рука Кватроки потянулась к клинку.

— А ну прекратили!!! — рявкнул Патрицио.

Рыцари не заметили, как к ним приблизился худой мужчина в черной рясе. Широкополая шляпа на его небольшой голове, с длинной шеей смотрелась комично, придавая облику тощего сходство с большим грибом.

— Брат приор, Мастер просит сделать остановку — тихо прошелестел бесцветный голос.

— Сейчас господин Фурир. Передайте мастеру, мы все устроим через четверть часа — слегка склонив голову ответил Патрицио.

В ответном поклоне качнулась широкая шляпа, еще больше напоминая в этот момент шляпку гигантского гриба.

— Хоть бы спросил, что у них случилось — опять заворчал Оттавио.

— Это не наше дело! Мы должны служить, а решения остаются за мастером Джовани — вновь возмутился Кватроки, блестя черными как спелые вишни глазами.

— Оттавио если вам так тягостно ваше послушание, может стоит оставить службу в Коллегии Дознавателей? — предупредил дальнейшие разговоры Патрицио.

Оттавио отвернулся и уставился на синеющий вдалеке перелесок, колышущийся в мареве по ту сторону сжатого поля.

На обочине споро выросли шатер и очаг, закипела вода в котелке, из повозки вышел сухопарый человек в черной рясе, невысоко роста. С трудом переставляя ноги, человек медленно прошел в шатер.

— Здравствуйте Мастер Джовани — поздоровались рыцари, осунувшееся лицо, желтоватого оттенка не изменило своего выражения. Лишь ленивое движение мутных глаз обозначило, ответ на приветствие охраны. Фурир, всю дорогу поддерживавший под руку мастера, замахал свободной рукой, точно желая отогнать назойливых мух.

— Вот заносчивый гриб — прошипел Оттавио.

Кватроки покачал головой, и вновь склонился к кипящему в котелке вареву. Мимо пробежал Луидже, молодой ученик Джовани.

— Луидже, что с Мастером? — понизив голос спросил Патрицио.

— Да все старая хворь, демоны рвут нутро мастера — многозначительно закатив глаза почти прошептал Луидже. — С утра на ногах не стоит. Блюет и животом мается. Только ночную вазу опорожнил — доверительно поделился молодой.

Патрицио понимающе покачал головой, строго глядя на перекошенное отвращением лицо Оттавио.

***

Оглушающая тишина окутала липким страхом мокрую от напряжения спину Фрили Норва. Два часа назад случился обвал, еще с вечера канарейка замолкла, но бригадир запретил покидать шурф, пока его не укрепят. Случайная искра, подорвала предательский метан. Фрили даже не понял, что произошло. Земля под ногами прыгнула, уши заложило, а в глазах темнота. Он пытался кричать, но пыль набила рот, и иссушила гортань, поэтому вместо крика из горла вырывался лишь тягостный хрип. Рядом глухо стучало, Фрили долго прислушивался, пульсация с болью толкала кровь в голове, вызывая в глазах разноцветные круги. Гном взял себя в руки и заставил дыхание сбавить темп, стук также потерял в частоте ударов.

— Сердце, я слышу мое сердце — мелькнула догадка в голове шахтера.

Руки шарили в полной темноте, выискивая хоть что-то знакомое, но наткнулись лишь на рваные края дикого камня. Через сутки жажда забрала сознание, и Фрили в бешенстве метался по карману, что сохранил ему жизнь после обвала. Затем пришла апатия, и горняк привалился лицом к огромному булыжнику. С полным равнодушием гном слушал как в двадцати сантиметрах над ним тихо свистит сквозняк. В опаленное жаждой сознание медленно вползла очевидная мысль, неестественно точно марионетка он приподнялся. Не веря своей удаче, Фрили качнул камень, булыжник на удивление легко подался, и с грохотом скатился вниз, больно саданув по ноге. Но гном даже не заметил этого, его сильные руки толкали, раскачивали и тянули глыбы, раздвигая спасительный проход. Два часа спустя потянуло свежим воздухом, он приятно охлаждал разгоряченное лицо Фрили, слепые глаза разъедал ядовитый пот.

Карман остался позади, но темнота и отсутствие воды остались. В припадке жажды гном слизывал влагу, осевшую на стенах грота, в который его вывел спасительный проход. Острое чувство опасности навалило на гнома, слух болезненно реагировал на любой шорох, а глаза непроизвольно напрягались, стремясь выхватить в абсолютной темноте хоть лучик света.

Преодолевая страх Фрили шел вперед, ноги гудели и отказывались шевелиться, только воля двигала тело шахтера вперед. До слуха долетело журчание ручья, казавшееся благословенной музыкой. Тарм меня не забыл, дрожа от благоговейного нетерпения, заплакал гном. Сто метров спустя ощутимо потянуло влагой, а звук подземной реки теперь превратился в грохот.

Впереди замелькала белая точка, Фрили потер глаза, но это не помогло. Странная точка то взлетала высоко над головой шахтера, то падала к самому полу, на секунду исчезая во мраке.

— Что это? — изумленно тараща глаза, Фрили протянул руку. — Похоже на светляка, но откуда он здесь?

Светящаяся точка выросла в размерах, и теперь стало видно, что она вовсе не белая, а скорее цвета шафрана. Присев на валун, неподалеку от гнома, точка встрепенулась и в грохот воды ворвалась птичья трель. Переливаясь, звук отскакивал от стен, рассеивая окружающий мрак. Сейчас Фрили совершенно точно мог сказать, что прекрасно видит стены и пол огромной пещеры, прямо впереди, там куда он только, что чуть не наступил, вниз срывался рваный край обрыва. Мгновенно вспотев, гном отшатнулся от жуткой бездны, внизу возмущено заворчал поток, подземной реки. Отирая лоб, Фрили присел на валун в метре от шафранового певуна.

Птах заливался, прыгая по плоскому камню, Фрили пытался разглядеть его, но постоянное мелькание мешало сосредоточиться, поэтому образ все время расплывался.

— Кто ты? — неожиданно громко спросил гном.

Пение оборвалось, образы вокруг немедленно погасли. Фрили мгновенно ослеп, только желтая птаха ярко горела напротив гнома. Секунду она сидела не шевелясь, затем порхнула и села на колено шахтера. Боясь вздохнуть, гном таращился на своего спасителя, казалось, ничего прекраснее ему видеть не приходилось. У него на колене сидела обычная канарейка, но по какой-то причине у птицы ярко светилось оперение. Вспорхнув, певун взмыл к потолку и вновь пещеру наполнили переливы необычно сложной трели. Чернота вокруг обрела четкие границы. Из мрака выступили очертания стен, пола, валунов под ногами гнома, и манящий край обрыва.

Птица сделала круг высоко под сводом пещеры, и спикировав к полу полетела направо от гнома. Фрили вскочил и побежал следом, стараясь не терять из виду певуна. Канарейка повела гнома за собой, они прошли узкий коридор, затем по сыпучему краю обрыва, в конце которого оказалась небольшая площадка. Тут птица, круто повернув, нырнула в одну из вентиляционных шахт. Фрили в сомнении остановился, но призывная трель придала гному смелости. Он прыгнул в шахту, тело швыряло из стороны в сторону, узкие стены воздушного желоба казались не проходимыми, но несмотря ни на что Фрили скатывался все ниже.

Шахта неожиданно оборвалась и гном полетел вниз. Сильно разбив колени, он лежал на полу пещеры в абсолютной темноте. Канарейка исчезла, Фрили сел, потирая ушибленные колени. Прошло много времени, прежде чем он услышал знакомый перелив птичьей трели. Гном крутил головой в поисках певуна, но птицы нигде не было видно.

Пришлось идти на звук, смазанные образы, слабо помогали ориентироваться в окружающем мраке. Снова послышался ворчание подземной реки, голос канарейки почти погас в ее шуме. Разбитые ноги плохо слушались, но Фрили продолжал упорно идти к своей цели.

— Стой! Впереди смерть! — прозвучал из темноты властный голос.

Фрили оступился и осел на острый бульжник. Глупо ойкнув, гном тут же подскочил.

— Кто здесь? — испуганно, спросил шахтер, несколько мгновений спустя.

В душе Фрили боялся ответа, и спрашивал скорее, чтобы убедиться, что голос ему не привиделся.

— Впереди обрыв, и полноводная река! Она много километров петляет под землей, чтобы выбросить содержимое на границе с тундрой, в реку Млечу. Если ты слышал о такой — равнодушно проинформировал голос из темноты.

— Я шахтер, из Даноста. Я заблудился — с дрожью в голосе ответил Фрили. — Даже и не знаю сколько дней брожу здесь — добавил гном, немного подумав.

— Сочувствую — равнодушно ответил голос.

— Ты можешь мне помочь? — с надеждой спросил Фрили.

— Если попросишь!

— Я прошу! Помоги мне! Спаси Тарм, у меня четверо сыновей, кроме меня некому их поднять. Прошу спаси, хотя бы ради них — почти плакал Фрили.

— Ха, ха, ха — рассмеялся голос.

Фрили ошарашено молчал, не понимая, что смешного в его положении.

— О нет, ха, ха, ты ошибаешься! Я вовсе не Тарм! — впереди разгорелось шафранное сияние. Фрили прикрыл лицо рукой, слабый свет нестерпимо резал привыкшие к темноте глаза. Напротив, стоял гном, в вытянутой руке он держал небольшую клетку. Внутри прыгала канарейка, перелетая с жердочки на ячеистые стенки птичьей тюрьмы, плетеной из ивового прута. Оперение птицы необычайно ярко сияло, выхватывая из мрака безобразный профиль гнома, и небольшую часть пещеры.

— Тали? — удивленно выпалил Фрили, когда наконец сумел рассмотреть говорившего.

— Я тебя искал несколько дней! После обвала, многие пропали... — заговорил Тали.

— Проклятый бригадир нас убил — перебил его Фрили. — Ненасытный гад! Но как ты выжил? Я же видел, как завалило ваш штрек.

— Мне повезло, меня вынесло волной из-под обвала! — с улыбкой ответил Тали.

Последние четыре года Фрили работал в одной бригаде с Тали, но несмотря на это знал его очень плохо. Фрили вообще не горел желанием близко знакомиться со своими товарищами по работе. Ему всегда казалось, что судьба к нему не справедлива, что рано или поздно, его должна посетить удача. Поэтому та мелочь, что изо дня в день копошилась рядом с ним, никогда не интересовала шахтера. Конечно, в сложившихся обстоятельствах Фрили благодарил судьбу, за то, что она послала ему Тали. В неясном свете канареечного оперения, гном отчетливо видел край обрыва, куда едва не ступил в темноте.

— Надо выбираться! — продолжил Тали, протягивая руку Фрили.

— Да, пожалуй, ты прав — отозвался Фрили, принимая протянутую ладонь.

Они шли несколько дней, припасы Тали начали подходить к концу, в душу Фрили потихоньку впивались едва заметные коготки паники.

— Сколько осталось? — в волнении спросил он у спутника.

— Несколько часов! Мы почти на месте! — равнодушно отозвался Тали.

— Я про припасы.

— Не беспокойся, сегодня будешь дома!

— Но я не узнаю места! Мне никогда раньше не приходилось тут бывать... — голос Фрили замер. — Что это?! — выдохнул шахтер, едва переводя дух.

В глазах рябило, искры блуждал по граням высоких кристаллов, тянувших ломанные линии к таким же кристаллам, свисавшим с потолка пещеры.

— Это же изумруды! Да какие огромные! Потрясающе! — повторял ошеломленный Фрили.

— Они и есть — с улыбкой подтвердил Тали.

— Но откуда ты знаешь об этом месте? — удивился Фрили.

Он внимательно взгляделся в лицо товарища, черты безобразного лица слегка поплыли.

— Кто ты?! — отшатнувшись закричал шахтер.

— Не стоит бояться, того, что тебе не знакомо! Я твой друг! Ведь я тебе помог! Так ведь?! — с нажимом спросил его спутник.

— Да — растерянно отозвался Фрили.

— Тогда, что тебя так пугает?

— Я слышал легенды о древних, что рыщут глубоко в подземных мирах... ты очень похож на них.

— Ну даже если и так. Разве я тебе причинил какую обиду? — продолжал настаивать на своем выросший в высокого эльфа Тали.

— Зачем тебе мне помогать? Вы никогда ничего не делаете просто так — убежденно произнес Фрили, отодвигаясь еще дальше.

— Мы такие же разные, как и вы! Я, например, люблю проявления воли. Твоя воля к жизни меня покорила! Именно поэтому я решил прийти тебе на помощь! Жаль если бы жадность вашего бригадира стерла такой потенциал! — хищная улыбка заиграла в уголках красивого рта.

— Спасибо, конечно! — польщенно отозвался Фрили. — Но что теперь? Ты меня отпустишь?

— Разумеется! Ты свободен! Более того я дам тебе награду, за твое мужество!

— Награду?! — недоверчиво переспросил шахтер.

— Да, награду! Я дарю тебе эту пещеру! Она твоя!

— И что, просто так вот взял и подарил? — все еще не веря в удачу проговорил Фрили.

— Почти! Ты можешь все это забрать, я даже покажу тебе дорогу до твоего города.

— Но, что взамен?

— Все очень просто! Эти богатства принадлежат Хозяйке. Она не будет против если мы возьмем немного из ее сокровищницы. И все же я могу дать тебе это богатство только на время!

— На какое время?

— Ну скажем лет на сто! Хватит? — древний заглянул в глаза Фрили, где далеко в глубине начали разгораться огоньки алчности.

— Положим! И это все?

— Не совсем! Чтобы мне было не скучно, я предлагаю тебе такой договор! Я дарю тебе эти залежи изумрудов сроком на сто лет, а ты обязуешься отдать мне первенца если возьмешь хоть один камень из этой пещеры по истечению срока нашего договора. Я думаю, это честный уговор. К тому же у тебя не будет соблазна обмануть меня!

— Это честный уговор — согласился гном.

— Вот и славно, тогда так тому и быть, а, чтобы ты не потерял счет времени, я хочу подарить тебе эти часы — древний протянул раскрытую ладонь, в которой неизвестно откуда появилась квадратная коробочка. Древний легко нажал на выступ с торца шкатулки, мелодично звякнув золотая крышка пружинисто отскочила в сторону, обнажив содержимое. Нутро плоской коробочки заполняло прозрачное стекло, не то жидкое, не то твердое, гном так и не смог определить. В стекле, как в калейдоскопе, вращались граненные изумруды, складываясь в цифры, что отсчитывали ход времени, заключенного между ними договора.

— Как видишь, сейчас наш уговор вступил в силу, этот брегет будет показывать годы, отпущенные тебе на владение сокровищницей. Как только срок договора истечет, часы встанут, и с того момента, ты должен будешь оставить это место навсегда. В противном случае, я приду за твоим первенцем — голос стих, растворяясь в воздухе вместе с его владельцем.

Фрили машинально сжимал часы, подаренные странным спутником, потом в глазах мелькнул страх, и гном закричал.

— А выход?!!!

— Следуй за светом! — прозвучало в ответ.

Над головой зашуршали крылья, птичка нырнула прямо перед гномом, прижимаясь к полу пещеры, и стремительно полетела вперед.

Шахтер немного задержался, канарейка вернулась к нему, нетерпеливо покружила вокруг, и вновь упорхнула в малоприметный проулок, приглашая следовать за собой.

***

— Чудной старик — заметил Оттавио.

Глаза рыцаря недовольно сверкнули из пещер, образованных мощными надбровными дугами, что отделяли лоб от грубо сколоченного лица воина.

— Как будто прадеда увидел — добавил он, оправдывая свое ворчание.

— Простой староста! Вы господин граф редко бываете среди простолюдинов, они не следят за веяниями моды. У них нет на это денег — несколько насмешливо отозвался Патрицио.

Оттавио зло глянул на приора, и ткнув коня шпорами выехал вперед, оторвавшись от медленно плетущейся процессии.

— Что с ним такое? — удивился Сандро Кватроки.

— Аристократ! — равнодушно отозвался приор. — Вчера он владетель замка, и повелитель богатейшей земли Лауры, теперь слуга ордена. Сложно смириться с положением простого рыцаря, когда всю жизнь тебя учили править.

— Почему он стал братом? Если не имеет веры, так зачем встал на этот путь?

— Его принудили. На графа наложили епитимью — ответил Патрицио.

— Епитимью? За что? — не унимался Сандро.

— Друзей надо правильно выбирать, и жен держать в строгости — недовольно пробасил приор и развернул лошадь к повозке мастера.

К вечеру Джовани Сандальони прибыл в городок Шагалани, что располагался на границе с Лампедой. Рассказ старосты пригородного села, несколько не удивил мастера Джовани. Дознаватель не сомневался в религиозном падении этого региона, в такой-то близи от гнезда еретичества, ничего удивительного. Еще четыре дня назад, посыльный королевской гоньбы, отправился в Окарн, дворец инквизиции больше похожий на замок, что уже триста лет огораживал одну из сторон центральной площади столицы Амората. Как подсчитал старший дознаватель, гонец с ответом должен прибыть к их приезду на место расследования.

Жители города испуганно шарахались, уступая дорогу инквизитору. Магистрат Шагалани вышел в полном составе на центральную площадь городка, демонстрируя абсолютную лояльность высокому гостю. Хозяева города услужливо суетились подле мастера Джовани, наперебой предлагая свою помощь.

Утром прибыл кортеж епископа. С положенной его званию пышностью, он проехал через Шагалань, и остановился у зачуханного здания местной церквухи. Помпезно вышагивая, епископ вышел к народу, заботливо собранному местным священником, при поддержке городской стражи.

Стоя на высоком постаменте, обитом красным бархатом, епископ сообщил о том, что в город прибыл дознаватель Святой Инквизиции, и каждый истинный последователь Единой церкви, обязан явиться к нему на допрос в течении ближайшей недели. Те же кто осмелятся проигнорировать любезное приглашение мастера Джовани, будут автоматически признаны

виновными в еретическом заблуждении. После чего их имущество арестуют, а сами виновные подвергнутся неустанному преследованию и розыску.

Воодушевленные горожане, скоренько разбежались по кривеньким домишкам, предстояла неделя большой мести.

***

Рассвет едва окрасил горизонт, как ворота местной тюрьмы распахнулись, чтобы впустить всех желающих сообщить о скрывающихся в Шагалани отступниках. Рыхлое лицо бургомистра протиснулось в приоткрытую дверь, он неуверенно сообщил о том, что по просьбе мастера Джовани прибыл нотариус из местных и два писца из штата магистрата.

Мастер устало взглянул на толстяка, и едва прикрыв глаза дал понять, чтобы прибывшие заняли свои места. Неспешно, и как-то буднично начались допросы, горожане с охотой делились накопившимся грузом подозрений.

К полудню подоспел и гонец, распухшая сумка, красноречиво говорила о успешном завершении миссии.

Получив данные из архива, Джованни приказал остановить допрос, и закрыть ворота тюрьмы до следующего утра.

Всю ночь мастер и его ученики изучали полученные материалы, уже пропели третьи петухи, а Эстебан Баргас, старший ученик, никак не мог найти нужное дело.

— Нашел, что-нибудь? — сухо проскрипел надтреснутый голос мастера Джовани.

— Ничего не могу понять! Уже третий раз просматриваю, и вижу странную картину. Староста, Николай Ваберсон подвергался допросу сорок лет назад еще при мастере Марко Бонмарито. Тогда он доказал свою непричастность к сектантам, но тот старик, что обратился к вам не может быть старостой Тульхой, он умер почти двадцать пять лет назад.

— Самозванец — подытожил грибовидный Фурир, служивший при инквизиторе советником, по юридическим вопросам.

— Не думаю — проскрипел Джовани, его мутные глаза, тяжело поднялись на Фурира. — Я что-то почувствовал, когда разговаривал со стариком. Он точно не врал, я уже нашел историю этих Сарто. У них три поколения замечены в ереси. Гнилое семейство кочует из деревни в деревню, надеясь избежать нашего глаза, но время от времени они все же попадают на суд. Думаю, и сейчас староста не соврал. Нужно допросить этого Ваберсона!

— Стража!!! — громко крикнул Эстебан, проходя мимо уснувшего над бумагами Луидже.

Мальчишка подскочил как ужаленный и испуганно уставился на старшего ученика. В комнату вошел стражник, за его спиной маячили широкие плечи рыцарей.

— Господин приор — заскрипел Джовани, заметив Патрицио в дверном проеме. — Сопроводите стражника до владения некоего Николая Ваберсона.

— Это староста Тульхой — пояснил Эстебан, растерянному стражнику.

— Да и просьба, особо не зверствуйте! Он мне нужен в здравом уме — добавил мастер Джовани, отворачиваясь от приора.

***

Солнце нещадно палило, истекая потом рыцари следовали верхом за едва плетущимся стражником.

— Почему ты позволяешь так с собой разговаривать? — раздраженно спросил Оттавио, слегка покачиваясь в седле по правую руку приора.

— Сложнее всего обуздать гордыню. Когда я пришел в орден, меня также возмущали

любые проявления неуважения, пока я не увидел, чем занимаются инквизиторы — спокойно ответил Патрицио, вглядываясь вдаль перед собой.

— И чем-же они таким занимаются, что могут позволять пренебрежение в отношении потомков великих семейств? — жестко уставился в невозмутимое лицо приора Оттавио. — Насколько я знаю, инквизиторы только тем и занимаются, что вымогают деньги, да травят все, что родовитее их самих. Наш-то мастер, он кто? Насколько мне известно голь перекатная, из портового притона...

— Оттавио — начал, приор, недовольно поморщившись. — Ты несправедлив! Инквизиторы разные. Наш, хоть и не может похвастаться знатностью рода, а тем не менее стоит сотни таких как мы.

— Ты, о чем?

— Сам все увидишь. И вообще оставь эти разговоры! Ты всего лишь гость в нашем ордене. Как приор, я давал клятву, что буду защищать ценой своей жизни интересы святой инквизиции, поэтому не потерплю еретических нападков на мастера. По возвращении я обязательно доложу магистру о твоём сомнении, а сейчас избавь меня от своего гундежа. Иначе я прикажу арестовать тебя и передам в руки мастера.

Оттавио поджал полные губы, и грозно зыркнув на приора отвернулся. Впереди показалась деревенская околица. Дом старосты, выделявшийся среди общего упадка своевременным ремонтом и заново перестеленной крышей, оказался неподалеку от шинка «Старый Ясень». Местные с любопытством пялились на необычных гостей. На пороге появился староста Тульхой, Оттавио выразительно глянул на приора.

— Ну, что я говорил? — не удержался брат новобранец.

— Вижу!!! — с нажимом ответил Патрицио.

— Что привело вас, господи рыцари? — громко спросил староста.

— Как тебя зовут? — прогремел в ответ Патрицио.

— Узлик Ваберсон — почти испуганно ответил староста. — А что, что-то случилось?

— А где Николай Ваберсон? — продолжал напирать приор.

— Николай?! — удивился Узлик. — Так нету его. Умер. Уж почитай двадцать пять лет как.

— Как умер? Он пять дней назад встречался с дознавателем — недоверчиво переспросил Патрицио.

— Как есть вам говорю господи рыцари, умер он. Это ж мой дед. Не мог он ни с кем разговаривать.

— Умер говоришь. Ну тогда собирайся. Пойдешь с нами — успокоившись приказал приор.

Староста нехотя заполз обратно в избу, вокруг собралась немалая толпа зевак.

— Говорю же тебе приор не чисто здесь, что-то. Не иначе есть тут козни темного — пробурчал Оттавио, наслаждаясь мимолетным триумфом.

— Вот сейчас и выясним — равнодушно отозвался Патрицио, давая понять новичку, чтобы тот заткнулся.

— Мастер Джовани. Я ведь простой купец! Мое дело продал товар, заплатил налоги, а уж лезть в дела веры. Боже упаси!!! С роду у нас в доме не водилось смутьянов...

— Так-то оно так, но вот твой прадед был замечен в сочувствии к ереси. Наши документы не врут, инквизиция помнит все — лукаво улыбаясь прокомментировал слова старосты Эстебан, в то время как Джовани тупо уставился в гладко отшлифованную столешницу прямо перед собой.

— Так-то ж не доказано! Отпустили моего прадеда! Сказывали, что не повинен...

— Нет мой дорогой купчина! Вы лжете, находясь под клятвой!

— Но как же... — растерялся купец.

— Вашего пращура отпустили. То верно вы сказываете, но отпустили не как невиновного, а как человека, вину которого не смогли доказать. К тому же ваш прадед сам отказывался от ереси, и принял на себя возложенную Святой инквизицией епитимью! Что может более красноречиво свидетельствовать о виновности вашего предка?!

— Но ваше святейшество, он не мог поступить иначе...

— Да и тут вы правы, к чести вашего прадеда, он честно раскаялся в содеянном. Но вот есть свидетельства, что ваша бабка, была внучкой отъявленного еретика Марша Злоязыкого.

— Была ваше святейшество, но она отказалась от родства со своим презренным предком.

— Может и отказалась, да вот только на словах похоже. К тому же вашу бабушку в дом привел ваш прадед. А это уже похоже на скрытое гнездо еретиков! — загнал купца в угол Эстебан.

— Ваше святейшество, наговоры то, я богатый торговец, и многие хотели-бы пожить за мой счет. Да и конкуренты всегда тут как тут... — попытался оправдаться купец.

— Как интересно. А мне кажется в начале нашей беседы, никто иной как вы уверяли суд, что у вас в городе не имеется кровных врагов!

— Как же не имеется... Я не так все понял...

— Так вы отказываетесь от своих прежних слов?! — грозно спросил Эстебан.

— Нет... Да... Я имею в виду, что враги есть, но не кровные... наговоры все это, господа судьи. Не дайте погубить невинную душу!!! — взмолился несчастный торгаш.

— Наша цель не погубить твою бессмертную душу, а как раз наоборот, вырвать ее из лап нечистого и вернуть в лоно святой церкви. Поэтому настоятельно рекомендую тебе, рассказать все как есть. Не утаивая своих подельников!

— Помилуйте, какие ж подельники?! Откуда?! — купец, здоровый мужик, заплакал как ребенок.

— Я вижу ты упорствуешь в своем неверии! Что ж придется прибегнуть к более суровым методам допроса — по знаку Фурира, в комнату вошли стражи, и не обращая внимания на вопли купца поволокли несчастного в подземелье, туда, где находилась пыточная.

— Что будем решать с этим Казачини? — буднично спросил Эстебан, перекладывая бумаги, в поисках нового дела.

— Да как обычно. Открываем дело по покойному, торгаша в тюрьму. Пока лет на десять, а там поглядим. Да не забудь наложить арест на имущество, и получить штраф — не

отрывая взгляд от столешницы проскрипел Джовани.

— Треть? — спросил Эстебан.

— Нет. Здесь можно все. Бургомистр обойдется, хотели привилегии, свободы, пусть сами позаботятся о своем благополучии. Инквизиция не может сорить деньгами, раздавая их всяким мздоимцам.

— Боюсь магистрат будет против — неуверенно произнес Луидже Герра.

— Тогда имеет смысл вспомнить родословную бургомистра — хищно улыбнулся Эстебан. — Думаю, он вряд ли пожелает поднять историю своей матери.

— А что там с матерью? — тут же заинтересовался Джовани.

— Судя по делу, лет двадцать назад, она имела связь с проповедником Герхардом Жуварно. Тем, что сумел сбежать из Карно...

— Да, да, я помню — поморщился Джовани, вспоминая какой шум вызвала давняя история.

— Это любопытно. Пригласи на завтра господина бургомистра, думаю, пора с ним побеседовать предметно — Джовани посмотрел пустыми глазами на Эстебана.

Старший ученик, с содроганием подумал, что мастеру осталось недолго. Смерть уже выглядывала из погасших глаз инквизитора.

— Сделаю! — поспешил он ответить, почувствовав тяжелый взгляд мастера.

***

— В ваших интересах говорить все без утайки — почти ласково произнес Эстебан.

Забряцали кандалы, из вонючей темноты выползло существо, обхватив ноги старшего ученика, оно завопило нечеловеческим голосом.

— Прошу ваше святейшество, простите коли, что не так!!! Я знать не знал, что моя супруга с нечистым снюхалась!!! Аааа!!! Стерва, потаскуха!!! Все из-за бабы проклятушей!!! — выл как животное староста.

Неделя в тюрьме превратила его в забитое существо. Первые три дня голод и жажда, сломили его дух. На пятые сутки начались галлюцинации. Несмотря на хлеб и воду, что теперь он получал ежедневно, Узлика постоянно мучил голод, но больше всего он страдал от одиночества. Общительный от природы, староста не выносил одиночества.

Пару дней назад к нему подселили какого-то вора, несмотря на свою профессию, он оказался весьма недурственным собеседником. Несколько часов Узлик не мог наговориться, а сосед с интересом выслушивал его исповедь. Потом опять наступило одиночество, соседа увели на допрос. Вернулся вор весь окровавленный, на тревожные расспросы Узлика он только проронил, что очень сожалеет о том, что сразу не признался во всем.

Немного придя в себя, сокамерник рассказал, что не первый день в криминальном деле. И поведал историю о том, как его взяли после кражи в местном храме. Как его пытали, а затем приговорили к пяти годам каторги. Теперь же, когда в Шагалань прибыл дознаватель, от него вновь потребовали дать показания. Вор отказался, считая, что дважды по одному делу пытка не может быть применена. Вопреки ожиданиям осужденного, его вновь подвергли пытке, требуя назвать имя заказчика гнусного преступления.

— Но ведь ты сам сказал, что дважды нельзя за одно преступление — испуганно пробубнил Узлик.

— И я им так сказал, а они мне, это дело церкви, и веры. Они думают, что бургомистр пригрел еретиков в магистрате, и что именно он толкнул меня на кражу в церкви. Но это секрет, не вздумай кому-нибудь проболтаться. Меня сразу же отправят на костер. Да и тебя

заодно.

— И что ты им сказал? — кивая головой выпалил Узлик.

— Конечно сдал мордоворота, а что мне оставалось? — грустно усмехнулся вор.

— Но тебя же сожгут на костре? — участливо глядя на вора проговорил Узлик.

— Не, не сожгут. В этом деле я свидетель. Инквизиторы не дураки, тех кто с ними сотрудничает, черные сутаны берегут.

— Свидетелей тоже пытаются? — неожиданно дрогнув голосом спросил староста.

— Ты с какой деревни?

— Я староста в Тульхой — почти гордо произнес Узлик.

— Как ты служил старостой, раз не знаешь таких вещей? — удивился вор.

— Мне моя должность досталась по наследству. Да и не случилось у нас ничего такого, чтобы мне пришлось столкнуться с палачом. Потому и не знаю — смущенно отозвался староста.

Сегодня вора опять увели на допрос. Допрашивали где-то совсем близко, Узлик отчетливо слышал вопли страдальца, от страха староста почти помешался. Он не сразу обратил внимание на то, что дверь со скрипом отворилась и на пороге показался инквизитор, средний по возрасту. Узлику он сразу не понравился, очень уж ушлый.

— Нам известно, что ты хороший мирянин, и верный последователь церкви, но суд установил, что супруга твоя Ганна, подпустила нечистого к себе. И многие годы совращаемая его тлетворным влиянием, склонилась к самым мерзким формам святотатства. Побуждаемая гордыней она пришла к некромантии, и подняла из могилы твоего предка, Николая Ваберсона.

— Так я и думал!!! — вскричал из темноты Узлик.

Староста увидел шанс на спасение своей жизни, и, если для спасения души потребуется сдать Ганну, тем хуже для нее.

Двумя днями позже он давал показания против жены и двух сыновей, тело его деда подняли из могилы и сожгли на центральной площади, вместе с ничего не понимающей Ганной.

А сыновья оказались в тюрьме, вместе со своим отцом, их имущество продали, а деньги в уплату штрафа ушли в казну Святой инквизиции.

***

— И все же кто к нам приходил? — задумчиво протянул матер Джовани.

— Одно можно точно сказать, это не дед нынешнего старосты — ответил Эстебан.

— Здесь все-таки есть какая-то магия, а значит и ересь — раскрывая старинную книгу проговорил Джовани. — Здесь в манускрипте пилигрима Некратора Астурийского сказано, что места эти в давние времена слыли прибежищем нечистого. Многие колдуны и ведьмы нашли здесь для себя приют. Рядом горы, из-под них на поверхность и лезет всякое.

— Я тоже о том читал, только у Макара из Сигурии — встрял веснушчатый Луидже.

— В городе мы закончили, пора навестить семейство Сарто — строго глядя на Луидже проговорил Фурир.

— Завтра на рассвете отправимся в Тульхой — едва слышно проговорил мастер, его желтое лицо потемнело, и казалось, что инквизитор сейчас упадет в обморок. — Эстебан, подготовь все необходимое. Боюсь завтра у нас будет не простой день.

С трудом поднявшись мастер вышел из зала, тяжело опираясь на плечо Фурира.

— Совсем плох — расстроено произнес Луидже.

— Да болезнь взяла верх — грустно глядя во след ушедшим ответил Эстебан.

— Болезнь? Я думал это зло разъедает изнутри мастера.

— Луидже, пора уже научиться отличать проявления нечистого от обычной болезни.

Десять лет назад мы с мастером, повстречали в Сальяде одного врача. Римантом, по-моему, звали. Так он оказался весьма неплохим доктором, тогда мастер впервые почувствовал себя плохо. И местные привели ему врача. Лекарь сказал, что недуг сосредоточен в печени, и прописал какие-то порошки.

— Колдун, как есть колдун — встрял Луидже.

— Да кокой там колдун, способный лекарь. В травах и порошках, что он растирал из различных минералов, магии не больше, чем в твоей шляпе — ухмыляясь на глупость коллеги ответил Эстебан.

— Так почему не помогло?

— Помогло, да еще как. Вот только порошки закончились, а лекарь пропал. Наверное, такой же как ты, знаток колдунов, осудил бедолагу на костер или пожизненное. У мастера времени нет на поиски, сам знаешь, как приходится мотаться по королевству.

— Как же не знать-то, а что он имел в виду, когда говорил, что завтра день не простой?

— Мастер думает, что раз нечистый нас направил к этим людям. То, стало быть, подготовил для нас ловушку. Поэтому ты сейчас пойдешь спасать, а я буду готовить снаряжение, чтобы мы завтра могли избежать любых неожиданностей.

— Думаешь, некроманты? — с надеждой спросил Луидже.

— Хуже. Одержимые — понизив голос почти до шепота ответил Эстебан.

***

Руки привычно разжали большой кулон на составные части. Основой украшения служил магнетит, редкий минерал, что добывали в древние времена гномы Тагастата. Эльфы быстро нашли применение этому чудо минералу. Его свойства левитации, управляемой левитации, позволили создать множество бытовых удобств для бессмертной расы. Древние дома до сих пор использовали созданные предками стулья, столы, платформы для перевозки грузов и многое другое. Запасы магнетита оказались ограничены, и вскоре трудолюбивые гномы исчерпали жилу до последнего камня. Тогда цены на минерал взлетели до небес, а скрытные эльфы запретили вывоз магнетита за пределы Эманторана. Но прежде немало безделушек покинуло пределы эльфийской земли, осев в разных сокровищницах. Многие годы магнетит не находил должного применения, пока Эрнест Гуйеро, монах рыцарского ордена Священной купели, не нашел способ использовать удивительные свойства минерала.

В то время Верховный жрец Дежар Третий, учредил инквизицию, для борьбы с проявлениями ереси и колдовства. Инквизиция быстро набрала политический вес, поскольку имела мощный военный инструмент, орден Священной купели. Первые десятилетия показали, как много отступников проживает в королевстве, но внутри Инквизиции возникло два направления. Первое предпочитало заниматься расследованиями, связанными с ересью, второе вступило в неравную борьбу с проявлениями сверхъестественного. По всему востоку мастера инквизиции искореняли одержимых, некромантов, магов и колдунов, ворожей и различных слуг нечистого, коих немало попряталось среди ничего не подозревающих мирян.

Зачастую такие столкновения приводили к смерти самих инквизиторов, тогда-то пытливый ум человека начал искать эффективные средства против неуязвимого врага. Как-то рассматривая эльфийскую безделушку, Эрнест получил откровение, святой Инуарий подсказал монаху как можно применить полезные свойства магнетита.

Монах разобрал эльфийскую игрушку, и использовал минерал для основы многосоставного кулона, формой схожего с человеческим сердцем. Соединяя различные части между собой так, чтобы они притягивались друг к другу, в центр Эрнест поместил металл антагонист. Сначала цельным куском, что позволяло раскидывать магнетит на метр, а позже его последователи доработали конструкцию сделав ее в форме бутона, лепестки которого расходились в стороны, вступая в резонанс со звуком. Раскрываясь, металл-антагонист заставлял магнетит расходиться в стороны, в зависимости от степени раскрытия лепестков, части клона разлетались до двух метров по периметру.

В разлетающиеся части магнетита Эрнест оправил лазурит, агат и селенит, камни вибрации которых сильнейшим образом воздействовали на все сверхъестественное. Позволяя связывать чудовищ, а иногда и покончить со злом навсегда.

Так открытие гномов, служившее игрушкой для эльфов, благодаря гению человеческого ума превратилось в эффективное средство борьбы со скрытым врагом.

Разъединяя и вновь собирая части кулона, Эстебан внимательно проверил, чтобы все работало как детали единого механизма. Два кулона работали без ошибок, а третий пришлось настраивать.

Покончив с кулонами, Эстебан осмотрел рясу мастера Джовани. Покрытая особым шитьем, она усиливала эффект разворачивания оправленных в магнетит камней. Широкополая шляпа инквизитора, глянцево блеснула из деревянного короба. Ее поверхность порывали тонко наколотые пластины обсидиана, минерал хорошо защищал сознание дознавателя, мешая сущностям проникать в голову инквизитора.

Тут же лежала маска, громко щелкнув задвижкой, Эстебан запер шляпу и маску. Устало оглядев комнату, он подошел к широкому столу, где рядами стояли прямоугольные ящики. Открыв один из них, Эстебан пересчитал фиалы, созданные из светящегося хрусталя, гномы называли его молоко Аар. Яркий свет лег белым пятном на осунувшееся лицо старшего ученика. Часть фиалов, наглухо закупоренная, скрывала внутри, что-то темное, другая часть, девственно чистая, тонко пела под пальцами инквизитора, когда он проводил краем ногтя по тонким горлышкам сосудов.

В голове почему-то всплыли воспоминания, как когда-то, много лет назад, мастер Джовани говорил ему.

— Ты думаешь моя сила в камнях, или в металле? Нет, дружок. Моя сила проистекает от божественных гимнов. Именно они даруют мне власть над нечистым и его прислужниками. Голос мой наполняет священная сила божественного света, заставляя тьму рассеяться и бежать прочь от чистых помыслов слуги Единого.

Эстебан присел к столу, и взял в руки массивную книгу, запертую меж деревянных створ. Отворив замок, скреплявший обложку, старший ученик углубился в чтение гимнов. Он давно знал их наизусть, за двадцать пять лет можно выучить всю книгу вдоль и поперек, но чтение давало его душе покой. Давало чувство уверенности в победе над тьмой, с которой, они возможно, столкнутся завтра.

***

Западная колоннада, левое крыло столицы Даноста, превратилась в жемчужину королевства гномов. Всего шестьдесят лет назад в забытом всеми ответвлении железорудной шахты, прозванной за свою бесперспективность Темный угол, копился мусор да разное отрепье. Теперь же Темный угол превратился в знаменитую Колоннаду Фрили.

Дворец нового члена Торговой палаты, славился роскошью достойной раджей

Гушпарана. Покои купца могли поспорить в своей утонченности с королевскими. Богатство новой фамилии поражало, и вызывало вопросы у недоброжелателей. Тем более, что основатель крупнейшей торговой корпорации, оказался выходцем из среды шахтеров.

Обнаруженные им изумруды, за тонкой стенкой выработанной шахты, пришлось как нельзя кстати. Очередная волна гоблинов вторглась в пределы Даноста, и королю до зарезу требовались деньги. Новое открытие подарило ему спасительную армию и победу в неравной схватке. Глава семейства показал недюжинный талант в торговле, и в несколько лет освоил все тонкости грязного дела.

Шахтерское происхождение, и возможно личная удача подарили оборотистому гному еще несколько приисков. Среди которых оказалась самая большая золотая жила из тех, что когда-либо приходилось разрабатывать. Как он находил свои богатства, так и осталось тайной. Семейство Норва быстро освоилось в Торговой палате, и в два десятка лет прибрала к рукам большинство руководящих мест, тем более что король благоволил Фрили. Из-за чего у основателя нового торгового дома не возникало проблем в получении концессий на разработку перспективных месторождений.

Королевская грамота с разрешением на добычу изумрудов в Темных углах, всегда висела в его кабинете, на стене прямо против стола, вызывая щемящую грусть у ее обладателя. Многочисленные потомки Фрили, гном успел наплодить пятерых сыновей, никогда не могли допытаться у отца, о причинах страха, что все чаще посещал богатейшего жителя Даноста.

Утро выдалось суматошное, взорвался метан в угольной шахте. Событие случилось неделю назад, но известия пришли только сегодня, слишком уж далеко располагалось месторождение. Вспоминались его приключения, после взрыва в Черных копиях. На ум пришло, что прошло уже шесть десятков лет. Глаза зацепились за стройную колоннаду, уходящую далеко вперед. Как вырос Западный Квартал, сегодня самый перспективный и дорогой. Всякий уважающий себя купец считал своим долгом иметь здесь особняк. А ведь начиналось все с разработок изумрудов. Как раз в километре от Танорта, тогда столица находилась в границах старого города, за прошедшие шестьдесят лет она разрослась более чем в половину.

Последние сорок лет круто изменили и сам вид столицы, из не очень чистого, и во всех отношениях устаревшего города, Танорт превратился в блестящий образец искусства камнетесов горного народа. Сегодня и сами эльфы позавидовали бы великолепию обновленного города.

Конечно, есть и грязные углы, ну да в какой столице не найдется квартала, куда мудрый градоначальник сбрасывает общественные нечистоты. Место, где в полунищенском беспросветье существуют тысячи представителей самых грязных и презираемых профессий. Хорошо, что сегодня речь идет не о его семье, ему удалось пробить дорогу наверх. И Фрили положит жизнь, но обратно не вернется.

Несмотря на интенсивную разработку изумруды не иссякли, чем шире становилась выборка породы, тем богаче попадались россыпи.

Единственное, что беспокоило, это неумолимое время. Близок тот час, когда придется отказаться от источника богатства, который никогда не подводил его семью.

Спустя столько лет все случившееся в темноте заброшенных галерей казалось бредом. Выдумкой испуганного мозга, но удивительные часы, продолжали методично отмерять секунды, минуты, часы и дни.

Пройдясь по рыночной площади, Фрили остановился возле Водопада короля Дулина. Большая заводь подводной реки, постоянно колебалась, ударяя о край каменного ложа, выполненного в виде гигантского кубка, чаша которого, казалось, утонула в породе, под тяжестью вод, наполнявших его. Правильно выставленный свет, из световых колодцев и дорогущих зеркал, купленных за баснословные деньги у эльфов, создавали причудливую игру из света, брызг, и водяных струй.

— Пшол вон!!! — прогорланил Тельм Худородный, верный охранник Фрили, на несчастного зеваку, что решил повнимательней рассмотреть легендарного Фрили Норву. Плотное кольцо охраны, четко исполняло свою работу, отгораживая богатого хозяина от мира, созданного его деньгами.

Поморщившись от грубого голоса, Тельма, Фрили захлопнул крышку брегета, и повернул в контору старшего сына Дорина.

Разномастная толпа расступалась перед военизированным кортежем. Фрили привык смотреть мимо людей, и сейчас шел никого не замечая. Колоннада его имени закончилась, полукруглые ступени широким веером стекали в общую толчею Торгового Квартала. Фрили прислушался, в привычный гомон торговой улицы вмешалась удивительная трель канарейки. Несколько тысяч лет назад, гномы переняли у людей обычай держать певчих птиц. Поначалу используя экзотических обитателей лишь в качестве полезного спутника в подземных шпреках. Птички всегда точно определяли утечку метана, и, хотя гномы почти не пользовались открытым огнем в разработках, свет им давали кристаллы лунного хрусталя, никто не мог застраховать от случайной искры, вылетевшей из-под кирки.

Полезная птичка, пришлась по вкусу подземным обитателям, появился целый культ Желтого певца. Канареек разводили как под землей, так и закупали у ловцов птиц с поверхности. Яркие птахи оказались не только хорошим дополнением к интерьеру, но и подарили гномам красоту птичьей трели. Энтузиасты взялись выводить наиболее голосистых представителей этой породы, превратив разведение и продажу этих крох, в доходное дело. Вокруг канарейки с течением веков выросла целая традиция, появился праздник Солнечного певца. Участники празднества соревновались в пении питомцев, пытаясь определить чья трель более богата, и выразительна.

С появлением канарейки образовалось несколько новых профессий, так появились лозоходцы, гномы, что поднимались на поверхность для добычи лозы. Под землей из нее плели легкие и прочные клетки для пернатых питомцев, даже кузнечное ремесло обогатило свой ассортимент. Многие знаменитые мастера соревновались в искусстве изготовления жилищ для подземных певцов. Зачастую создавая настоящие шедевры кузнечного ремесла.

Купец остановился на краю лестницы, и поискал глазами певца, что так чудно выводил необычайно богатые трели. Опытный слух Фрили, он слыл одним из лучших знатоков канареечного пения, определил, что перед ним крайне редкий экземпляр. Возможно, какой-то умелец упустил питомца, который стоил целое состояние.

На третьей колонне, купец заметил птичку, обхватив лапками завитушки капители, канарейка выводила свою песню, глядя на гнома глазами бусинками. Сложив губы, Фрили ответил певцу, птичка перескочила на вторую от купца колонну, и снова вывела затейливую трель. Оперение канарейки ярко вспыхнуло, и птица исчезла, оставив в воздухе ласкающие слух вибрации.

Фрили отступил на шаг и едва не упал с лестницы, торговца вовремя подхватила охрана. Тряхнув головой, гном с трудом отдышался от очередного приступа паники. Окружив

хозяйина, охрана повела его в контору, где заправлял сын Фрили.

К удивлению отца, Дорин встретил его на пороге. Взволнованный известием о событии в далекой шахте, он сообщил отцу последние новости.

— И что ты так переполошился. Неделя на восстановление и все пойдет, как и раньше. Пока у нас есть деньги, всегда найдутся те, кто захочет их заработать. Мы не останемся без шахтеров. Успокойся.

— Да не это меня пугает, отец! Взрыв произошел не случайно, кто-то взорвал шахту.

— Зачем? Какой в этом смысл? — равнодушно спросил Фрили, опуская мощный зад в широкое кресло сына.

— Свидетели говорят, что там крутились гоблины, но Каменные головы их отогнали. А после, уже в ночи, пришло оно...

— Оно? Что за оно?

— Похоже какой-то из древних. Он просил передать тебе послание...

— Постой! Ты несешь какую-то ерунду! — взволновано вскричал Фрили, подсакивая с места, будто его ужалил шершень.

— Я тоже так подумал, но вот, кусок кожи. Пришел с гонцом, а на нем на гоблинском... Вот это — Дорин протянул ему кусок, плохо выделанной кожи.

Фрили несколько бы не удивило, если бы это оказалась кожа одного из гоблинов.

«Время истекло. Пора вернуть, то, что получил в дар. Сегодня последний день.»

— Это не честно, а как же сто лет!!! — закричал Фрили, сам не зная кому.

Дорин испугано уставился на отца.

— Отец, ты чего?

— Ничего — взял себя в руки купец. — Никому ни слова, о том, что ты услышал. Свидетелей уберите, никто не должен проболтаться. Слышишь меня — он притянул Дорина к себе ухватив отворот его камзола, и заглянул в глаза сыну, у того побежали мурашки по спине. — Никто!

Фрили буквально вбежал во дворец. Оказавшись в своем кабинете, купец вытащил брегет, и мягко щелкнув кнопкой распахнул хронометр. Кристаллы все также складывались в символы времени. Отерев выступивший на лбу пот, Фрили выдохнул, и осел в кресло.

— Врет, древний! Врет сука! — злорадно выкрикнул купец.

Чтобы успокоить нервы Фрили подошел к высокой клетке, где прыгала ярко-желтая птица. Мелодичный присвист гнома, вызвал ответную трель. Птичка запрыгала с ветки на ветку, искусственного дерева, исполненного из чистого серебра. Затем перелетела на решетку, и уставила внимательный глаз на хозяина. Сердце Фрили успокоилось, а дыхание сделалось ровным и легким, губы купца расплылись в улыбке.

В дверь постучали.

— Кто там!!! — гаркнул Норва старший.

— Господин Норва к вам посетитель! — отозвался из-за двери Тельм.

— Что за посетитель?! — недовольно протянул Фрили, садясь в опостылевшее кресло.

— Говорит, что его зовут Рули Огансон, и у него важные сведения для вас! — снова прокаркал Тельм.

— Пусть войдет!

В помещение вошел коренастый бородач, Фрили сразу узнал по повадкам бывшего шахтера.

— Что тебе нужно от меня? — жестко произнес Норва старший.

— Я буду говорить с Вами, только наедине — твердо произнес Рули, показывая глазами на стражу, окружившую посетителя.

— О чем ты хочешь поговорить? — более сдержанно поинтересовался Фрили.

— У Вас есть деньги, а у меня жила! — твердо ответил посетитель.

— Жила? Ребята оставьте нас! — приказал Норва.

— И так, что за жила? — спросил он, когда стража скрылась за массивными дверями.

— Я пришел к вам, потому что погибли мои друзья. У них остались дети и жены, и им нечем платить за еду и жилье.

— Постой! Так ты из тех бродяг, что добывали уголь в Черных копях? — раздраженно поинтересовался купец.

— Да, от взрыва погибло больше двухсот шахтеров. А управляющий отказывается выплачивать пособие. Говорит, что мы сами виноваты. А вы сами посудите, в чем мы виноваты? Ведь птица, не задохнулась, взрыв произошел из-за какого-то гада.

— Ты пришел просить у меня денег? — брезгливо морщась произнес Норва.

Его губы расплзлись в улыбке.

— Вы сами придумали, этого, как ты его назвал? Гада! Или вас кто-то надоумил?

— Да нет! Все так и было! Пришел этот эльф, сказал, передать вам послание, а потом взрыв... Мы и понять ничего не успели...

— А ты то, как жив остался?

— Меня выкинуло! Я держал кожу с гоблинскими каракулями! — горячась доказывал шахтер.

— Вот, что мой дорогой! Передай Адареду Апросту, что его номер не прошел! И еще если увижу вновь, прикажу вырвать твой язык, и отрубить кисти рук. Будешь попрошайничать в Грязном углу! Ты меня понял, гнида!!! — взорвался купец.

Теперь все сложилось в правильную картину. Это происки его врагов. Апросты давно распускают слухи о связи его богатства с колдовством древних. А теперь решили взять его на понт, чтобы подставить под суд. О да, Память Камня с удовольствием займется расследованием его связей с гоблинами. Похоже Апросты нашли общий язык с этим проходимцем Капро Зеланом, столько денег вбухал, а они все свое. Ну ладно я с вами разберусь, думал про себя купец. Совсем позабыв про посетителя.

Острая кромка ножа, сильно впиалась в шею Норва, перед глазами маячило перекошенное лицо Рули.

— Ты заплатишь, мерзкий мешок дерьма! — шипел он в ярости. — Или сдохнешь, скряга!

Птица в клетке истошно закричала, в комнату ворвались Тельм и охрана. Изо лба Рули вырвался острый клюв чекана, вбитый чьей-то рукой в затылок шахтера. Нож скользнул по горлу, но Норва успел вывернуться резко отшатнувшись назад, и лезвие лишь слегка полоснуло кожу.

Тяжело дыша, купец шагнул к телу шахтера, со стола, что-то упало на пол, но Ришамский ковер смягчил звук, и Фрили не обратил на это внимание. Он выхватил из слабеющей руки шахтера нож и начал наносить им удары в грудь и шею Рули.

После очередного удара он оставил клинок в теле, и шагнул к креслу, под каблуком резко хрустнуло. Боясь посмотреть вниз, Фрили застыл на месте. Кожа с посланием, вспыхнула синеватым пламенем, чадя и распространяя вонь паленной плоти, она мгновенно сгорела.

Норва убрал ногу, на полу лежал брегет, стекло разлетелось на тысячи осколков, а кристаллы застыли на условленной дате, время остановилось.

Покосившаяся хижина, притулилась к крученому вязу. Отполированная ветром и солнцем поверхность ствола отливала серебром. Кора давно покинула дерево, но вместо того, чтобы умереть оно продолжало все шире раскидывать мощные ветви. Затененный двор, казался заброшенным, кругом высились непролазные заросли крапивы и лопуха.

У входа, к косяку прислонилась невысокая женщина. Ее ладную фигуру облегалo выцветшее платье, а волосы перехватывал сплетенный из бересты обруч. Женщина приветливо улыбалась незваным гостям, ее совсем не пугал жутковатый вид инквизиторов. Первыми во двор прошли мастер Джовани и Эстебан, широкополые шляпы скрывали их лица, за инквизиторами следовали спешенные рыцари, двое в фиолетовых бригантинах, а один самый крупный из всех, в дорогом доспехе, с красным плюмажем на шлеме.

— Что привело вас в мое скромное жилище? Путники? — бархатно прозвучал голос селянки.

Вперед вышел тощий как оглобля монах, напоминавший сыроежку переросток.

— Именем Священного престола, мы призываем тебя открыться! Как имя твое? — прогнусавил Фурир.

— Ирма Сарто — просто ответила хозяйка убогого жилища.

— Здесь ли твой супруг, Ирма?! — продолжил Фурир.

— Нет он ушел в лес, но скоро вернется. Силки проверит и вернется.

Тем временем воины грубо оттолкнули хозяйку от двери и вошли в хату.

— Что случилось? Что ищет инквизиция в моем доме? — почти испуганно спросила Ирма.

— Тебя и твоего супруга обвиняют в колдовстве!!! А именно в некромантии, и связях с нечистым!!! — грозно прогнусавил Фурир.

Внутри избы послышалась возня, и детские крики, секунду спустя Сандро Кватроки вытащил за волосы шуструю девчонку, а следом наружу вывалились Оттавио и приор. Последний нес в руке младенца, держа его за руку как куклу. Мать кинулась к ребенку, но тяжелый удар окованной перчатки, разбил ее лицо в кровь, опрокинув навзничь. Девчонка в истерике забилась в руках Сандро, но рыцарь еще крепче перехватил ее косу, и с силой дернул вверх. Тонкий визг на несколько секунд захлебнулся, чтобы мгновение спустя вновь взвиться ввысь.

Стоя на коленях, Ирма, изумленно моргала глазами, к ней подошел мастер Джовани. Рука в черной перчатке жестко обхватила подбородок женщины, а глаза впились в лицо несчастной.

— Что делать с детьми? — поинтересовался Оттавио.

— погоди! Сейчас мастер решит — оборвал товарища приор.

— Есть!!! — неожиданно громко вскрикнул мастер Джовани.

Инквизитора словно отшвырнуло от женщины, подбородок, которой он несколько секунд назад держал.

Рука Патрицио взметнулась, и младенец с размаху ударился о косяк, его головка безвольно повисла, а крик оборвался. Брезгливо морщась, приор отшвырнул мертвое тельце в заросли крапивы.

В то же время Сандро ожесточенно бил кинжалом в грудь девочки. Захлебываясь

кровью, она пыталась кричать, но наружу вырывалось лишь хрипение и бульканье.

Ошеломленный Оттавио, осел на порог, в глазах дерзкого графа застыл страх.

Приор почти добежал до Ирмы, меч рыцаря сверкнул в лучах солнца, и воткнулся возле головы Оттавио, в трухлявое бревно. Патрицио куда-то исчез, не успел рыцарь удивиться, как сверху рухнуло тело приора. Его рука, сломанная в нескольких местах неестественно заломилась за спину. От удара о землю приор потерял сознание. Оттавио подскочил на месте, одновременно выхватывая меч. Он видел, как Сандро отчаянно прикрывает щитом поваленного на землю Луидже.

Движение Ирмы расплывались, глаз Оттавио не улавливал, как женщина перемещалась между окружившими ее врагами.

От удара разлетелся щит Сандро, мощный пинок отшвырнул рыцаря в репейники, позади загудел сотрясающий воздух бас.

Ирма замерла, точно ее сковали по рукам и ногам, голос инквизитора загремел еще громче. С тонким звуком разлетелись части кулона. Они кружили, огораживая пространство, в котором находились мастер Джовани и ведьма.

Перепуганный Луидже пользуясь минутной передышкой выполз на карачках за пределы круга.

Гимн разносился над всей округой в деревне замерли работы, к дому ведьмы Сарто начали стекаться зеваки.

— Уберите их отсюда!!! — жестко скомандовал Фурир.

Сандро выбрался из репейника, и осторожно ощупывая себя, пошел на толпу, Оттавио последовал его примеру. Осмелевшие стражники, которых бургомистр прислал инквизиторам в помощь, бодро теснили деревенщину.

Вскоре бас Джовани смешался с нечеловеческим воем Ирмы, Эстебан подкинул в круг пустой фиал. Рядом с ним вырос Оттавио.

— Что мне делать? — спросил рыцарь.

— Помоги Патрицио, он, кажется, пришел в себя — ответил Эстебан, не отрывая взгляда от Ирмы.

Тело женщины потеряло очертания и начало сжиматься, с хрустом ломались кости, из пробитых мышц стекала кровь. Затем раздался громкий хлопок и мириады кровавых брызг оросили двор хаты.

— Где она?!!! — закричал Джовани. — Эстебан ищи ее!!! Она перекинулась!!!

Зазвучал гимн, Эстебан распустил кулон, его круг быстро расширялся, пока в него не попал Оттавио. Рыцарь застыл, склонившись над телом приора, в его руках поблескивал нацеленный в горло Патрицио кинжал.

Эстебан и Джовани начали сближаться, не прекращая петь гимн, камни вибрировали, Оттавио корчился и рычал, точно дикий зверь.

— Луидже фиал!!! — скомандовал Фурир.

Склянка упала прямо перед рыцарем, из последних сил он ринулся к молодому ученику, но тут же попал в круг мастера Джовани. Схватив в отчаянии одну из частей кулона, Оттавио швырнул ее в Фурира. Камень с силой ударил советника в лицо, сбив маску, и вырвав солидный кусок щеки. Фурир рухнул на землю, ноги Оттавио подкосились, и граф повалился на приора. В фиале гулко засвистело, Эстебан ловко подхватил сосуд и воткнул притертую крышку в узкое горлышко.

Луидже тормозил Фурира, пытаясь привести советника в чувства, кровь заливала лицо

старика. Сандро отшвырнул тело Оттавио высвобождая Патрицию из-под его туши.

Не собирая кулон, мастер Джовани присел на пень для рубки дров, и устало снял маску.

— Повезло кажется — тихо проговорил мастер.

В эту минуту его глаза необычайно ярко светились, а голос наполнился былой силой.

— С одной справились — ответил Эстебан, собирая свой кулон в единое украшение. —

Остался ее супруг.

— Он не опасен. Я не чувствую, его силу — проговорил Джовани.

Оттавио пришел в себя и прислонившись к стене сруба, таращил глаза.

— Ничего, такое иногда бывает — похлопав по плечу рыцаря, проговорил Эстебан.

— Что это было? — выдохнул наконец Оттавио.

— Темный пытался спастись, поэтому перекинулся на тебя...

— Темный? Дух, что ли?

— Да можно и так его назвать, они разные. Этого мы называем портной. Он выбирает себе хозяина как мы выбираем платье, а потом кроит его под свои нужды — ответил Эстебан.

— Да их много разных — вмешался Луиджи, он только, что подвел старика Фурира к пню, на котором восседал мастер. Джовани уступил место советнику, и приказал, чтобы ему как можно скорее доставили лекаря. Сандро презрительно глядя на графа, помог подняться приору, и повел рыцаря за калитку, туда, где они оставили лошадей.

— Они разные, есть портные, есть кукловоды, те, что управляют на расстоянии, в том числе мертвяками, а есть лицедеи...

— Лицедей? — удивился Оттавио.

— Да! Так и называются. Эти самые зловредные, ничем не отличаются от людей, потому и выследить их почти невозможно. Единственное, живут долго. Да, еще есть звери. Эти самые кровожадные, ну в общем их много.

Взгляд графа упал на тело девчушки. — А этих-то зачем убили?

— Они могли принять темного, и спрятать его от нас. У них все семейство уже несколько поколений одержимо. Мы делали запрос в архив, и в епископат. Нам дали полную свободу в отношении выбора средств — успокоил рыцаря Эстебан.

— Но это же дети.

— Сейчас да, а через секунду, они ничем не уступи ли бы тебе, и пострадало бы еще больше народу — вновь ответил старший ученик.

— Если господин граф сомневается в решениях церкви, то может быть ему следует избрать иной путь для спасения души! — прогремел голос мастера Джовани. — Как мне кажется вам следует избрать путь полного отрешения от внешнего мира, дабы ваш буйный дух ничто не могло поколебать! — с угрозой в голосе произнес инквизитор.

— Прошу прощения мастер, больше этого не повторится — смущенно проговорил Оттавио.

Джовани не успел ответить, из леса показался мужчина средних лет, он неспешно шел к дому ведьмы. Увидев инквизиторов, мужик застыл на месте, раздумывая не убежать ли. Но пока он думал к нему на полном скаку подъехал Сандро, тугая петля охватила жилистую шею и потянула бедолагу к месту недавней битвы.

Стража, деловито расхаживая по двору, собрала костер и стащила туда тела убитых. Мужчина подошел как раз в тот момент, когда огонь запылал в полную силу, пожирая тела его детей.

Он споткнулся, и схватил ртом воздух, с пересохших губ сорвалось.

— А где Ирма? — вопрос остался без ответа, он и сам все понял, заметив посреди двора огромное пятно крови.

Мастер Джовани подошел к нему и впившись взглядом в глаза мужика, долго и пристально всматривался.

— Доставьте его в тюрьму! — сухо скомандовал инквизитор.

***

— Он меня обманул! — как заведенный повторял Фрили Норва.

Не понимая, о чем говорит его отец, Дорин пытался какое-то время найти объяснение словам старика, но спустя неделю, пригласил лучших ученых из Великого Архива. Посовещавшись высокие умы пришли к выводу, что грозный Фрили потерял рассудок, в результате пережитого нападения. Сыновья вынужденно приняли на себя обязанности отца, а самого Норву заперли в комнате, в его же дворце. Теперь в обязанности Тельма Худородного входила не защита Фрили, а охрана покоя бывшего работодателя.

Громкая трель прорезала гнетущую тишину, что повисла на стороне Фрили, после того как хозяина дома заперли в его кабинете. Волосатая рука с массивной кружкой эля повисла у открытого рта Тельма.

— Это еще, что такое? — удивился страж. — Ты откуда взялся, певун?

На расстоянии вытянутой руки, сидела оранжевая канарейка. Заливисто выводя мелодию, птичка шустро запрыгала по полу. Необычно яркое оперение, светилось в сумраке глухого коридора.

— Может сбежал у Фрили? — предположил Кнут Одноглазый.

— Надо поймать. Все-таки немалых денег стоит — резюмировал Тельм.

Осторожно, чтобы не спугнуть юркую птаху, охрана поднялась со своих мест. Выстроившись в ряд, гномы начали обходить певуна, но канарейка, точно потешаясь над грозными воинами, легко вспорхнув перелетела на прислоненные к стене секиры. Тельм прыгнул к оружию, с оглушающим грохотом широкие топоры повалилось на землю, а канарейка, подлетев к потолку, опустилась на голову стража. Задержавшись секунду на плешивой макушке, Тельма, певун спланировал к выходу из коридора, ловко уходя от соратников Худородного. У выхода птах замер в воздухе, выводя трель, в которой отчетливо угадывалась насмешка. На секунду яркое оперение канарейки разгорелось, заставляя охрану заслонить лица, а затем певун растаял, прямо на виду у обомлевших гномов.

— Он меня обманул! Он меня обманул! — загудел голос из-за двери.

Тельм покачал головой, и снова бросил тощий зад на просиженное от времени кресло. Сокрушенно вздохнув, он плеснула из кувшина в тяжелую кружку очередную порцию эля.

— Обманул? — прозвучал голос из дальнего угла, туда не добивал свет одинокой свечи, и поэтому Фрили не мог разглядеть говорившего.

— Ты кто? — испуганно спросил гном.

— Я пришел за своим. Ты мне должен — из темноты шагнула изящная фигура, грациозно обойдя поваленный стул, она легко опустилась в кресло хозяина.

— А, это ты! Мошенник! — процедил Норва старший.

— А ты кого ждал?

— Тебе нечего здесь делать! Ты мошенник! Ты обманул меня!

— Обманул? В чем? — искренне обиделся ночной посетитель.

— Время! Оно еще не вышло! У меня еще сорок лет!

— Тут ты ошибаешься.

— Нет, ты мошенник!!! — закричал Фрили, взбешенный спокойствием эльфа.

— Что ж давай пройдемся по условиям нашей сделки. Ты, как человек дела, должен чтить условия контракта.

— Давай! Ты мне обещал сто лет! Обещал?

— Обещал! Но к этим ста годам мы присовокупили часы, что я тебе дал, на них как я вижу ровно сотня — тонкая рука протянула брегет гному.

Фрили схватил его и уставился на кристаллы, которые и впрямь остановились на отметке в сто лет.

— Но брегет не исправен, еще не прошло сто лет...

— А вот это меня не касается! Мы уговаривались на том, что, когда часы покажут срок, ты должен будешь оставить изумруды. Навсегда.

— Но время еще не вышло! — продолжал настаивать Норва.

— А твои дети продолжают разрабатывать шахту. Сколько прошло? Полгода? Или шесть с половиной месяцев? Я проявил терпение, и теперь пришел за своим!

— Это обман — совсем тихо произнес обескураженный торговец.

— Готов ли ты отдать своего первенца?!

— Первенца? — удивленно переспросил Фрили.

— Да! Ведь если мне не изменяет память именно о первенце шла речь в нашем договоре — невозмутимо ответил эльф.

— Нет! Нет, я не отдам! Я не отдам тебе ничего! Мерзкий жулик! Стража!!! Тельм!!! Сюда!!! — закричал купец.

Раздосадованный охранник, неспешно поднялся со своего места, и звеня ключами принялся ковырять неподатливый замок. Внутри механизма щелкнуло, Тельм потянул ручку, но дверь не поддавалась, ее словно держали, с другой стороны. К нему подоспел Галан, и в четыре руки они смогли сдвинуть залипшую створу. В образовавшуюся щель с невероятной силой потянуло воздух, а затем раздался взрыв. Волна огня выбила массивные двери размазав охрану по стене, все плавящий жар размягчил камень, который неторопливыми потоками побежал вниз по ступеням дворцовой лестницы.

***

Жуткий пожар во дворце Норва, еще долго будоражил умы современников. Для гномов так и осталось загадкой, что могло так гореть в каменном строении, чтобы расплавил его стены, потопив в потоках лавы центральную улицу Западной колоннады.

В тот же день исчез старший сын Норва, многие усмотрели в этом признаки того, что именно он стоит за странными событиями во дворце. А месяцем позже Агата, супруга Дорина разродилась своим первенцем. Радость появления наследника богатейшего рода, омрачила внешность мальчика. Вместо положенного носа грушей, на лице ребенка красовался свиной пяточок, к которому присовокупились и острые, свиные же уши, эта необычная черта закрепилась за родом Норва. Отчего потомки Фрили получили прозвище Свины Западного Угла, а их родовой дом в народе звался не иначе как Свинарник.

Ну и конечно недоброжелатели не могли не заметить, что бесконечные залежи изумрудов, столь долгое время дававшие богатство дому Норва иссякли. Предприимчивые Норва вовремя продали прииск семейству Апростов, выручив неплохие деньги, но сколько новые владельцы не бились, а так не одного изумруда добыть и не сумели.

***

Механизм скрипнул, сухой треск вызвал глухой стон. Бесстрастное лицо мастера Джовани, потемнело, глаза вновь подернула дымка.

— Сколько можно Пеллегринно? Пора уже понять, что ты попался! — увещевал испытуемого Эстебан.

— Я простой охотник... Вы ошибаетесь... Не знал... я... что Ирма ведьма!!! Не знал!!! — кричал в ответ Пеллегринно Эспозито.

— Ну как же не знал? Прожив два десятка лет вместе, согласишься, это удивительно! Хорошо не знал, но как ты объяснял то, что твоя жена так долго не старела? — зашел с другого конца старший ученик.

— Да не до этого мне было... ааа... я все время в лесу... — ответчик затих.

— Потерял голову — ответил палач на вопросительный взгляд судейской коллегии. — Сейчас вернем.

Ледяная вода, расплескавшись по растянутому телу, вызвала судороги, но Пеллегринно пришел в сознание.

— Отпираться бессмысленно, мы можем вести эту беседу столько, сколько выдержит твое брэнное тело. Пойми мастер Джовани никогда не ошибается, ты не одержимый, но и не человек. Так кто же ты? Признайся и освободи свое тело от мук! — увещевал Эстебан.

— Я... Пеллегринно Эспозито из Гавра... мой отец разорившийся крестьянин, а мать я не помню...

— Продолжаем упорствовать... — в дверь постучали.

— Войдите — проскрипел мастер.

В проем проскользнул новый бургомистр.

— Ваше святейшество, у меня для вас секретное сообщение — переминаясь с ноги на ногу пробубнил новый градоначальник.

— Говори, чего тут секретничать! Здесь нет посторонних — разрешил его сомнения Джовани.

— Из Тульхой прибыл человек, он говорит, что какой-то бродяга искал...

— Кого искал? — с раздражением спросил Джовани.

— Его — бургомистр указал пальцем на Пеллегринно, стараясь не смотреть в сторону распятого на дыбе человека.

— Это уже интересно, похоже мы вовремя сюда нагрянули — мастер довольно улыбнулся.

— Интересный у вас городок! Впредь буду внимательней относиться к свидетельствам уважаемых пилигримов. Он немного помолчал, затем добавил, тяжело повернув глаза на Эстебана.

— Ты знаешь, что делать. Возьми с собой рыцарей, и поскорее доставь мне этого любопытного бродягу.

Эстебан кивнул, и быстрым шагом вышел из пыточной. Бургомистр засеменил следом, стремясь скорее покинуть жуткое место.

— Вот и ответ господин Пеллегринно, скоро приведут твоего подельника, и уж можешь поверить моему опыту он все расскажет. Все рассказывают рано или поздно.

— Мне нечего рассказывать!!! — прокричал Пеллегринно.

— Ты меня утомил лицедей, я же вижу кто ты! Так не лучше ли сохранить свое тело и мое время в целости? Говори! Кто тебя ищет, сколько вас скрывается в Тульхой?!!! — неожиданно рывкнул мастер, своды подземелья задрожали, испуганный палач присел.

Лошади в полчаса донесли всадников до деревни. Эстебан, отвыкший от верховой езды, запыхался. На околице им попала белокрутая деваха, с носом уточкой. Ее озорные глаза взлетели на суровое лицо инквизитора, и тут же спрятались под густыми ресницами.

Ученик инквизитора придержал коня подле молодницы.

— Беляночка не подскажешь, где остановился человек, что искал мужа вашей ведьмы? — спросил Эстебан, строго глядя на раскрасневшуюся девушку.

— Он сейчас, вроде как у них на дворе! — зазвенел девичий голос, глаза снова робко встретились с суровым взглядом инквизитора.

— Как тебя зовут?

— Сессилия, господин — девушка украдкой улыбнулась.

Внутренне Эстебан удивился, тому, что его взгляд застрял на пухлых губах девушки, меж которых сверкнули жемчугом ровные зубки. Сглотнув комок, подступивший к горлу, инквизитор тронул коня.

На другом конце деревни, за перелеском показались развалины дома ведьмы. Подле кучи обгоревших бревен стоял человек. Он повернулся на звук, приближающейся погони.

Сандро не останавливая бег лошади подъехал к нему и ловко накинул удавку на шею. Дальше произошло, что-то странное, молодого брата выбросило из седла, а когда он вскочил на ноги, то увидел, что его петля накинута на вкопанный в землю столб, что когда-то служил опорой для дверного проема.

— Что за черт! — изумился Сандро.

— Где он? — вскричал Эстебан.

— Я его вижу! — взревел Оттавио, разворачивая лошадь по направлению к беглецу.

Человек неспешно уходил к речной переправе, всадники быстро нагнали его, мужик уже успел взойти на понтон.

На громкий окрик Эстебана, мужчина удивленно повернул голову, и замер не понимая, что от него хотят.

Рядом появилась Сессилия, яростно сверкнув глазами инквизитор крикнул девушке.

— Уходи прочь!!! — испуганно вскрикнув она шарахнулась в ближайшие кусты.

— Стоять, или я прикажу тебя убить!!! — прокричал инквизитор оторопевшему от неожиданности человеку на понтоне.

Сандро спустился с лошади и подошел к мужику, тот запричитал.

— Нет, нет, нет, о прошу Вас, господа хорошие, не надо.

Эстебан увидел, как в руках беглеца сверкнул нож, Сандро не раздумывая уколол его в живот, тесак со звоном выпал из рук мужика. Крупные слезы покатались по щекам беглеца, ладони рассекая кожу обхватили безжалостный металл, проткнувший плоть. Сандро напер, еще глубже вгоняя клинок в живот жертвы. Испутив утробный вздох, она упала на канаты, огораживающие понтон.

— Стой!!! — почти задохнулся Эстебан, инквизитор не верил глазам.

Сандро отступил назад, вытаскивая лезвие меча из раны, удивленно распахнутые глаза рыцаря смотрели, как девушка оседает на доски понтона.

— За чем? — едва слышно спросила Сессилия. — Я ни в чем не виновата, заче... — слова затихли вместе с последним вздохом девушки.

Понтонщик грозно сверкнул глазами, но спрятал ненависть, за маской равнодушия, только слезы, покотившиеся по небритым щекам, выдавали чувства старика.

Опомнившись, Эстебан хлестнул кобылу, и погнал лошадь во след убежавшей Сессилии.

— Как такое могло произойти? — спросил Оттавио, пробежавшего мимо Сандро.

— Лицедей! — зло ответил молодой рыцарь, вскакивая в седло.

Рыцари разъехались вдоль берега, в надежде поймать негодяя. Эстебан явно промахнулся и с час плутал вдоль крутого берега, изрезанного многочисленными осыпями. Оттавио оставили в деревне, на случай если лицедей вернется. Граф расположился на сельской околице, в тени строго жасмина, где и ожидал своих товарищей. Сандро скоро заметил беглеца, он неспешно переходил реку вброд, двумя километрами выше по течению. Река в этом месте бурно перекачивала тугие струи через большие, склизкие валуны. Мужик увидел рыцаря и сделав неприличный жест, что-то крикнул ему.

Не помня себя Сандро, пришпорил коня, и с наскока влетел в бурное течение. Беглец уже стоял на другой стороне, и сложив руки на груди неотрывно следил за тем, как его конь переходит реку. Неожиданно лошадь взвилась и оскользнувшись упала на бок, течение рвануло Сандро, металл доспеха закрипел по осклизлым валунам. Рыцарь пытался подняться, но скользкая поверхность не давала ему удержать равновесие. Несколько минут спустя он окончательно выбился из сил, течение поволокло Сандро дальше, на глубину. Лошадь благополучно перебралась на другой берег, и отчаянно ржала, бегая вдоль берега.

В легких Сандро закончился воздух, вода залила уши и нос. Рыцарь из последних сил взмахнул руками пытаясь всплыть, за грудиной сильно заломило, а в глазах потемнело.

***

— Я всегда считал пытки варварством, но что поделаешь если люди по природе своей лживы — проскрипел мастер Джовани.

В комнате остались только Луиджи, Фурир и мастер. Пеллегрино, прикованный цепью к большой наковальне, тихо сидел на полу.

— Вот вы уважаемый Пеллегрино, лжете нагло глядя нам в глаза. Ну вам простительно, такова ваша низкая природа. Тьма, что породила вас, сделала ваш род заложниками искусства лжи. Ведь лицедею не выжить в мире людей без умения водить за нос доверчивого мирянина — в голосе инквизитора послышались нотки сочувствия.

Эспозито равнодушно смотрел перед собой, он знал, что сейчас его будут подвергать испытанию, которого не вынесет ни один иной.

— Как же грустно видеть упорство там, где все уже известно — продолжил, обычно не многословный Джовани. — Да, да. Мы знаем. Что тебя зовут вовсе не Пеллегрино, твое имя Томас. Мы знаем, что ты совращал и не единожды мирян принимать грех вечной молодости. Даруя им не положенное нашим создателем перерождение в юный возраст. Мне всегда интересно, что ты требуешь взамен? Поделись, пока еще можешь — участливо спросил Джовани.

— На меня не подействует вибрация, я не ракшас! — жестко прозвучал голос Пеллегрино, по спине Луидже пробежал холодок.

Человек поднял глаза. Серые, точно стальные, они уперлись в глаза Джовани, без тени страха.

— Тогда кто же ты? Лицедей? — почти нежно спросил мастер.

— Да, что ты, мастер инквизитор. Я человек, как и ты. Просто почему-то природа подарила мне безгранично долгую жизнь.

— Природа? Что есть природа в твоём понимании? — заинтересовался Джовани.

— Природа есть природа, и ничего более. Я так долго живу, что давно не верю ни в каких богов. Есть силы, которые управляют нашими жизнями, они жестоки и равнодушны,

их действия всегда подчинены строгой логике целесообразности.

— Грамоте обучен. Как интересно. И сколько же ты живешь?

— Скоро будет две тысячи лет.

Луидже охнул, Фурир рассмеялся.

— Да что мы слушаем этот бред, он и впрямь не в себе. Попытки помutilи разум несчастного — проскрипел советник.

— Тихо господин советник! — прервал Фурира мастер.

— И сколько вас таких? — вкрадчиво продолжил Джовани.

— Не знаю, я встречал всего троих, и то вполне возможно, что-они-то как раз и были лицедеями — ухмыльнулся Пеллегрини. — Мы все разные. Нет среди нас одинаковых, я могу молодость вернуть, Увар умеет влиять на восприятие, а Жоржета останавливает взглядом и видит болезни. Только один среди нас вызывал сомнение, мы его звали Катус, его способности поражали. Почти бог, что вы почитаете, только злой бог.

— А что, живы ли твои друзья?

— Думаешь я отвечу тебе на этот вопрос, ха, ха, ха — рассмеялся Пеллегрини. — Хотя Катус точно жив, думаю это он меня искал. Не завидую я твоим людям, страшный противник им достался.

— Ну пора господин инквизитор, заболтались мы с тобой — Пеллегрини резко встал на ноги, и шагнул к мастеру.

Гневно загремел гимн, разлетелись части кулона, быстро вращаясь они взяли в круг Пеллегрини. Усмешка напoлзла на лицо бессмертного, части кулона все сильнее разгонялись, вибрация набрала максимальный ход. Голос гремел все громче, воздух раскалился, мастер Джовани скорее почувствовал, чем заметил, что вокруг тьма, а потом каждая клетка его организма ощутила всепроникающий свет.

Эстебан повернул скакуна и вскоре достиг брода. На другой стороне, по берегу, носилась лошадь Сандро. Попытки переправиться, остались тщетны, лошадь ни в какую не шла в реку. Откинув шляпу на затылок, инквизитор повернул коня в сторону села, в воздухе почувствовалось напряжение, он поднял голову и застыл. На месте холма, где только что стоял город, в воздухе вращалась черная звезда. Секунду спустя чернота ярко вспыхнула и беззвучно пронесла взрывную волну над селом. Павшая лошадь прикрыла инквизитора, от страшного жара. Эстебан оглянулся, на месте реки теперь лежало обнаженное русло. Секунду он видел тело Сандро, затем его сорвало с места и унесло прочь. Над головой пролетели огромные стволы, бревна изб, покалеченные тела, лошадь, запряженная в телегу. В голове шумело, испепеляющий жар, начал затухать, а с неба посыпал мелкий дождь.

Четверть часа спустя Эстебан поднял голову, все стихло, теплый капли барабанили по шляпе. Только сейчас инквизитор заметил, что укрытием ему послужило вовсе не тело его скакуна, а остатки заброшенной землянки. Он выглянул из-за земляного вала, впереди простиралась пустыня, а за рекой, грудой валялись вывороченные деревья. Дальше насколько хватало глаз, лежал лес, точно уложенный рукой лесоруба, ствол к стволу.

Больше книг на сайте - Knigoed.net